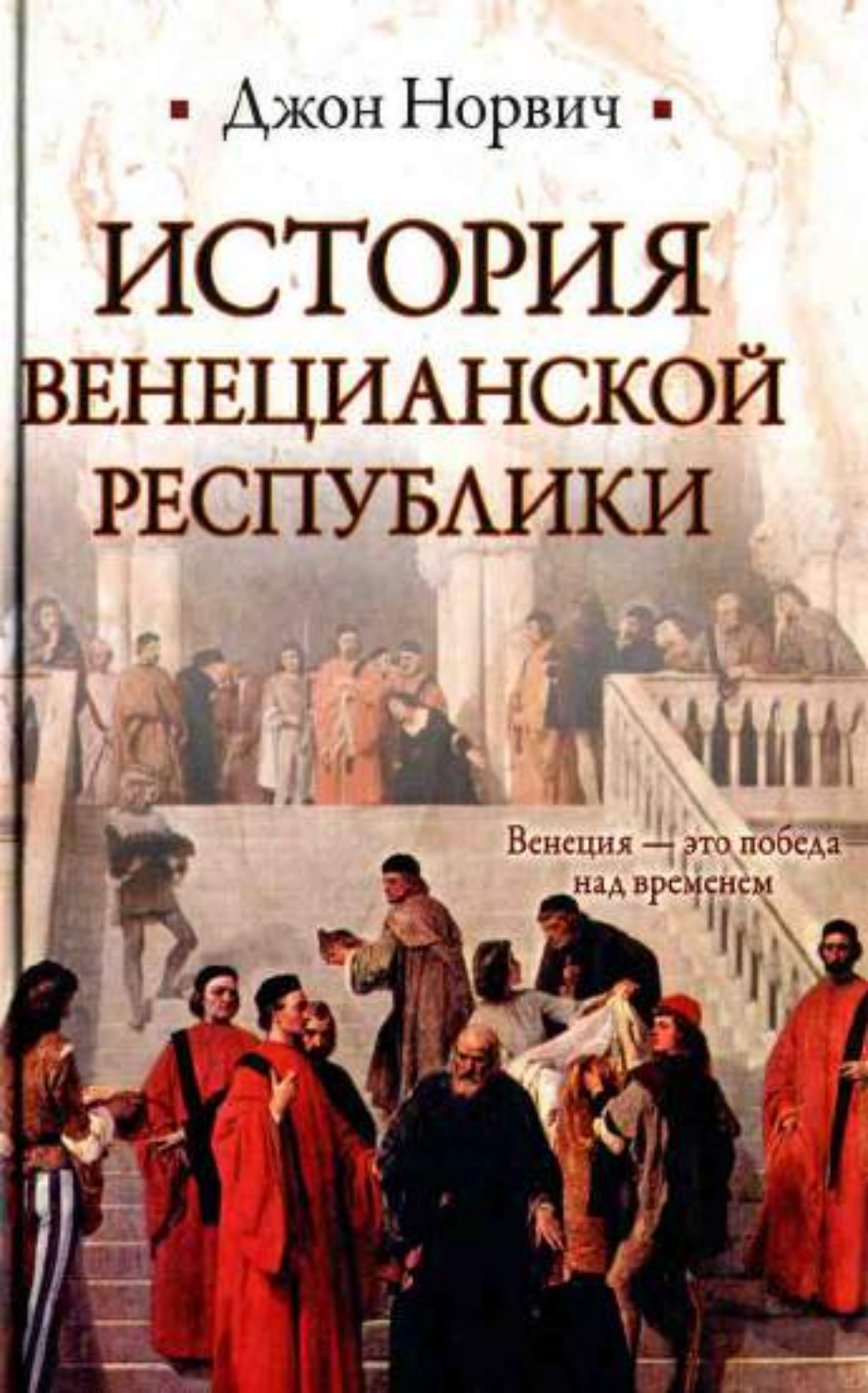
Джон Норвич

ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ



Венеция — это победа над временем

Джон
Норвич

Джон Норвич

ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

издательство
МОСКВА

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)
Н82

John Julius Norwich
A HISTORY OF VENICE

Перевод с английского И. Летберг, Н. Омельянович, Ю. Федоренко

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Felicity Bryan Ltd. и Andrew Nurnberg.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург)

Подписано в печать 23.03.10. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 45,36. Тираж 2 500 экз. Заказ № 3054.

Норвич, Д.
Н82 История Венецианской республики : [пер. с англ.] / Джон Норвич. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 862, [2] с.: 32 л. ил.

ISBN 978-5-17-066060-5 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-403-03478-4 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

«Царица морей» Венеция.

Она прошла путь от беспредельного могущества и богатства — к упадку и разрушению.

Роскошь, царившая в окружении дожей, поражала, а коварство властителей этого средневекового города-государства ужасало.

Путешественники почитали своим долгом описывать красоту венецианских дворцов — и с трепетом пересказывали жуткие легенды о таинственном Совете десяти, малейшее неповиновение которому вело к безвестной смерти или пожизненному заключению в самой страшной из тюрем Европы.

Что же стало причиной невиданного расцвета Венецианской республики?

Что явилось причиной ее падения?

Какие из многочисленных легенд о ней правдивы, а какие — нет?

Об этом рассказывает в своей увлекательной книге сэр Джон Джулиус Норвич.

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)

© John Julius Norwich, 1982
© Перевод. И. Летберг, 2009
© Перевод. Н. Омельянович, 2009
© Перевод. Ю. Федоренко, 2009
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Посвящается Джейсону
и памяти деда,
которого он никогда не знал,
который любил Венецию,
и именно он должен был
написать эту книгу

В истории есть примеры, когда миграционные волны населения меняют лицо страны и открывают новую историческую эру. Но безусловно самого пристального внимания заслуживает подвиг человеческого духа, который являет собой судьба горстки беглецов, укрывшихся на песчаных отмелях шириной в несколько сотен туазов. И вот уже явившиеся вслед многочисленные переселенцы, не имея практически никакой территории, строят государство на зыбком песке, где нет ни растений, ни питьевой воды, ни материалов, ни даже пространства, чтобы строить, ни экономического хозяйства, необходимого чтобы существовать и укреплять права и законы их страны. Но несмотря ни на что, именно эти люди представляют современным нациям первый пример законодательно избираемого и регулируемого правительства, создают на мелководье мощнейший морской флот, без устали вновь и вновь возрождаются, свергают великую империю и собирают богатства Востока, и вот мы видим, что потомки беглецов держат нити политического баланса Италии, властвуют над морями, собирают дань с народов и нейтрализуют бесплодные усилия объединившейся во враждебный союз Европы.

П. Дарю,
История Венецианской республики

От автора

Над этой книгой я трудился слишком долго, тем не менее все это время получал помощь и поддержку многих друзей, как англичан, так и венецианцев. Некоторых следует отметить отдельно. Особенно хочу поблагодарить Молли Филипс за неутомимую и бесценную помощь в поиске библиографии и иллюстраций и Джо Линкса, который и сам является автором восхитительной книги о Венеции. Он подыскивал для меня литературу и помог с доказательствами. Выражаю благодарность Питеру Латропу Лауритцену, человеку неисчерпаемой эрудиции. Он мгновенно разрешал для меня множество запутанных вопросов. А что бы я делал без Джин Кертис и Юфан Скотт? Эти женщины терпеливо перепечатывали почти не поддававшиеся расшифровке рукописи. Благодарю Дутласа и Сару Мэтью; бесконечно признателен Мэрилин Пери, Филиппу Лонгуорту и покойному ныне Джону Бену. Сожалею лишь о том, что американские читатели не смогут увидеть прекрасные рисунки для обложки, созданные моей женой Анной для двух томов английского издания.

Почти каждое слово написано мною в читальном зале Лондонской библиотеки, и моя признательность ей, как и каждому служащему ее великолепного штата, может быть запечатлена лишь на бумаге, но измерению она не поддается.

Вступление

Первое краткое знакомство с городом подействовало на меня сильнейшим образом. Когда летом 1946 года родители взяли меня с собой в Венецию, пробыли мы там всего-то несколько часов, но до сих пор ощущаю — не помню, а именно ощущаю — впечатление, произведенное городом на воображение шестнадцатилетнего юноши. Отец, как всегда, проявил твердость и здравый смысл и ограничился двумя пунктами туристической программы: мы посетили базилику Сан Марко и бар «Гарри». Остальное время ходили пешком или плыли в медленно покачивавшейся гондоле. Я бессознательно усвоил первый венецианский урок (его так и не постиг бедный Рескин, проводивший время за крокетом либо возле Дворца дожей): в Венеции, как нигде еще, целое — это совокупность составляющих его частей. Какими бы величественными ни были церкви, какими великолепными ни казались палаццо, как бы ни ослепляли картины, главным шедевром является сама Венеция. Интерьеры, даже золотое чудо собора Сан Марко всего лишь детали. Пьяцца Сан-Марко и Пьяцетта, церковь Сан Джорджо Маджоре, стоящая точно под прямым углом к набережной Мола, игра света на изгибе канала, плеск воды о борт гондолы, запах моря, не ощутимый только когда ветер дует из Местре и Маргеры. Венеция — самый приятно пахнущий город в Европе. Это ощущение первым встречает нового человека. Потом придет время для Тициана и Тинторетто. Даже Карпаччо может подождать.

Пока мы плавали по каналу, отец говорил об истории Венеции, и я узнал, что город не просто самый красивый из тех, что мне довелось увидеть. Оказалось, что более тысячи лет он был независимой республикой. Это больше, чем период, отделяющий нас от норманнского завоевания. Венеция была хозяйкой Средиземноморья, здесь пролегал главный путь, связывающий Восток и Запад. Город был самым богатым и процветающим торговым центром цивилизованного мира. Отец рассказал мне о том, как море защищало Венецию, и не только в ее первые бурные времена, но и на протяжении всей истории. Море помогло ей, единственной из всех городов, избежать вторжения врагов. Она оставалась неразграбленной и неуничтоженной, пока Наполеон, назвавший себя «Аттилой Венецианской республики», в порыве мстительной злобы не положил конец самому безмятежному государству. Да, ее уникальная система правления, признал отец, была суровой, а по временам и жестокой, но в ней было больше справедливости, чем в других странах Европы, а историки ее оклеветали. По этой причине в ближайшее время он намеревался сам написать историю Венеции и восстановить справедливость.

Уехали мы в тот же день с наступлением темноты. На Большом канале зажглись фонари. Ни один город не покидал я с таким сожалением. На следующий год мы вернулись и пробыли здесь дольше. Я начал самостоятельно изучать город и открыл для себя одно из главных удовольствий в жизни: ночные прогулки по Венеции. К одиннадцати часам улицы пустели, оставались только кошки. Освещение — немногочисленные электрические фонари — идеально, на мой взгляд. Тишину нарушали лишь собственные шаги да изредка плеск невидимой воды. Во время прогулок, происходивших почти тридцать лет назад, я и влюбился в город. Я исходил весь его пешком и полюбил на всю жизнь.

Отец мой умер в первый день нового, 1954 года. Хотя он и оставил значительное собрание книг о Венеции и несколько страниц заметок, задуманная им книга по истории города так и осталась ненаписанной. Желание написать ее

одолевает меня еще сильнее, чем отца. Сейчас все больше внимания уделяют отчаянной борьбе города за выживание, и все же, несмотря на достаточное количество замечательных путеводителей, очерков, посвященных искусству и архитектуре, монографий, посвященных изучению различных периодов истории, я знаю только одну (да и то слишком короткую) книгу, посвященную истории республики. Она написана в XX веке на английском языке. В XIX столетии вышло несколько книг, но все они, на мой взгляд, либо неточны, либо их невозможно читать. Очень часто они объединяют в себе оба этих недостатка.

Моя книга — это попытка заполнить пробелы, рассказать всю историю Венеции от ее туманного начала до печального для Европы дня, когда дож Лодовико Манин медленно снял корно и отдал его секретарю, пробормотав, что этот головной убор более не понадобится. Отречение далось нелегко. Одна из самых неизученных проблем исследователей Венеции — это инстинктивный ужас, доходивший по временам до фобии, который республика испытывала при малейшем проявлении диктатуры. Рано или поздно человек, обратившийся к этой теме, с тоской начинает смотреть на terra firma* и череду сменяющих друг друга великих Медичи и Малатеста, Висконти и делла Скала, Сфорца, Борджиа и Гонзага. Громкие венецианские имена, по контрасту, чаще относятся к palazzi**, а не к людям, да и трудно заинтересовать человека указами и решениями безликого Совета десяти.

Еще одно затруднение преследовало меня: постоянный соблазн отступить от главной темы. Захотелось поговорить о картинах и скульптуре, музыке и архитектуре, костюмах, обычаях и общественной жизни, в особенности о жизни XVIII века, достигшей высочайшего уровня просвещенной утонченности, сравнить которую возможно лишь с жизнью общества, посвятившего себя войне, за три столетия до это-

---

*Твердая земля (*лат.*).

**Дворцы (*ит.*).

го. (Казанова и Карманьола — кто из них был дальше от реальности? Чью фигуру можно считать более трагичной и, если уж на то пошло, более смехотворной?). Этих соблазнов я старался по возможности избежать, хотя, сознаюсь, не преуспел в этом, особенно в отношении архитектуры. Книг на эти темы написано великое множество, и толковых, и с множеством иллюстраций, а моя работа из без того весьма объемна.

Она могла бы стать еще объемнее, если бы не тот факт, что в истории Венеции событий происходило либо слишком много, либо очень мало. Источники сведений о раннем периоде весьма малочисленны, к тому же они противоречат друг другу, однако с возвышением республики картина становится все более сложной. XIII век начался с латинского завоевания Константинополя и основания торговой империи Венеции. Этот период продлился до XVI века, включая долгую, печальную историю французского пребывания в Италии. Затем настал тревожный момент: Венеция увидела, что вся Европа ополчилась против нее. Это время так насыщено волнующими событиями, что я даже засомневался, смогу ли когда-либо закончить свою работу, а если смогу, то захочет ли ее кто-либо прочесть. И вот события неожиданно замедляют бег. Читатели удивленно вскинут брови, когда увидят, что в последней части книги целому столетию посвящено меньше страниц, чем десятилетию в середине. Возможно, решат, что автор выдохся, я же только замечу, что в том же самом подозревали всех историков, писавших о республике, к какой бы национальности те ни принадлежали и какой бы период времени ни описывали. Все просто: в XVII веке, по сравнению с минувшими столетиями, в политической жизни республики происходило мало событий, а в XVIII — и еще меньше. Считаю, что мне повезло: иначе пришлось бы работать еще несколько лет.

И все же, хотя задача передо мной стояла большая, награда за труды была еще больше. Одна непохожесть Венеции на другие города чего стоит! Венеция, единственная из всех больших городов Италии, основана и построена гре-

ками. Неудивительно, что здесь находится самая большая византийская церковь в мире. Там молятся христиане, а службу проводит патриарх. Даже перестав подчиняться Константинополю, Венеция долгое время поворачивалась к Италии спиной и смотрела на Восток. Сложный узел средневековой итальянской политики, гвельфы и гибеллины, император и папа, бароны и общины мало ее занимали. В конце концов, когда Венеция создала континентальную империю, ее характер обрел собственные — уникальные и причудливые черты.

Город обладает одной особенностью: Венеция водами лагуны была защищена от всех иноземных захватчиков, за исключением Наполеона, а в наше время от еще более ядовитой угрозы — автомобилей. Венеция сохранила свой облик. Мир видел ее такой не только при Каналетто, но даже и во времена Карпаччо и Беллини. Такая победа над временем — необычайный феномен в любом городе, а когда город к тому же и самый красивый в мире, этот феномен становится истинным чудом. Это обстоятельство большая удача для историка: он может в собственном воображении создавать более ясную и живую картину предмета своего исследования в период гораздо более ранний, чем где-либо в Европе.

В моей работе нет места воображению, но это и не нудное ученое исследование. Необходимость охватить большой временной период заставила меня ускорить темп, у меня не было времени на детальный анализ. Единственная поблажка, которую я себе позволил, — редкие остановки возле зданий и памятников, имеющих отношение к описываемым мною событиям. В остальном единственной моей целью был рассказ, как можно более краткий и уместный. Единственное, о чем жалею, что этот труд достался мне, а не отцу, который четверть века назад сделал бы это намного талантливее.

Часть первая

ОТ ВАРВАРСКИХ ВТОРЖЕНИЙ ДО ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Вопрос: Что такое море?
Ответ: Путь отважных, граница земли, приют рек, источник дождей.

Алкуин. Катехизис

Глава 1

НАЧАЛО
(до 727 года)

Они, что в страхе
Бежали от того, кто похвалялся:
«Где конь ступал мой — не растет трава», —
Они Венеции начало дали.
Как чайки, гнезда свили на волнах.
И в месте том, где на просторе
Гнал ветер с севера на юг песок,
Возвысился спустя десятилетья,
Поднявшись будто из морских пучин,
Прекрасный град, весь в золотистых шпилях,
В сиянии церковных куполов,
Обитель света, славная твердыня,
Оплот людской на многие века.

Сэмюел Роджерс

Вряд ли найдется другой такой большой город, которому удалось бы со всей полнотой сохранить первоначальную атмосферу и создавшие его традиции. Путешественник, приближающийся к Венеции по морю — а вид, открывающийся с водной глади, самый впечатляющий — либо по суше, через мост, или даже подлетающий к городу по воздуху, видит все ту же плоскую, пустынную водную поверхность, болота, поросшие тростником. Эти места облюбовали первые венецианцы. Каждый раз поражаешься даже не

невозможности, а безрассудной храбрости такого предприятия. Это — удивительный мир, мир Венецианской лагуны. Около двухсот квадратных миль соленой воды, по большей части такой мелкой, что человек может пройти по ней, погрузившись по пояс. Однако она пересечена глубокими каналами, и многие столетия венецианцы прокладывают по ним путь к открытому морю. Здесь множество островов, образованных илом. Его принесли сюда Брента, Силе и другие реки. В песчаное дно вбиты бесчисленные ряды вех, отмечающие невидимые, но важные особенности — отмели, месторасположение плетеных ловушек для омаров, районы промысла рыбы, остатки кораблекрушения, кабели, якоря. Вехи указывают vaporetti* безопасный маршрут. Вапоретти снуют между городом и островами. В любое время года, при любом освещении вода на удивление светла. Лагуна не очень глубока, и поэтому здесь вы не увидите ни темно-синей бархатистости Средиземного моря, ни терпкой зелени Адриатики. И все же, особенно в осенние вечера, ее поверхность блестит, словно масло, под низким туманным солнцем. Вода выглядит на редкость красиво, и удивляешься тому, что великие венецианские художники, завороженные великолепием своего города, так мало внимания уделяли его окрестностям. Голландцы бы на их месте не растерялись! Впрочем, венецианская школа всегда отличалась жизнерадостностью; лагуна же, несмотря на свою красоту, невыразимо печальна. Задаешься вопросом: уж не сошли ли люди с ума? Зачем они оставили плодородные равнины Ломбардии и поселились на болотистых малярийных берегах, на песчаных островках, на ползучем пырее, зачем добровольно сделались игрушками капризной водной стихии?

На этот вопрос ответ может быть только один: единственным мотивом, побудившим их сделать столь странный шаг, был страх. Первыми строителями Венеции были напуганные люди. Откуда они пришли, неважно. Возмож-

---

* Катер, вапоретти (*ит.*).

но, из Иллирии, хотя во времена Гомера считали, что они были из Анатолии, а на запад бежали после падения Трои. Как бы там ни было, к 400 году, началу истории Венеции, они являлись гражданами Римской империи, и жили они припеваючи в великолепных городах, таких как Падуя и Альтино, Конкордия и Аквилея, разместившихся вдоль северного и северо-западного берегов Адриатики. К лагуне приходили, чтобы пополнить запасы соли и за свежей рыбой. В других отношениях она их не интересовала.

Так бы, без сомнения, все и продолжалось, однако в начале V столетия началось Великое переселение народов. Сначала под командованием Алариха пришли готы. В 402 году они напали на Аквилею, а по пути разграбили и предали огню богатые провинции, Истрию и Венецию. Народ охватила паника. Городское и сельское население бежало в поисках спасения и остановило свой выбор на незавидной, но в то же время недоступной территории. Люди рассудили, что у врага не будет ни возможности, ни желания преследовать их. Оказалось, что на островах лагуны поселились самые дальновидные. Они верили, что варвары из Центральной Европы, не имевшие кораблей, не обладавшие навыками мореходства, оставят их в покое и отправятся разорять богатые, более заманчивые земли. И оказались правы. За несколько лет одно варварское нашествие следовало одно за другим. Полуострову был нанесен страшный ущерб, а потому все больше беглецов находило спасение, проплывая по каналам к свободе. В 410 году Аларих разграбил Рим; одиннадцать лет спустя Венеция отпраздновала свой день рождения. Произошло это в 421 году, 25 марта, в пятницу, в полдень.

Так, во всяком случае, гласит старинная венецианская легенда. К сожалению, документ, на котором она основана, соединяет основание города с визитом трех консулов из Падуи, с тем, чтобы они основали факторию на островах Риальто. Легенда скорее благозвучна, чем правдива. Согласно тому же документу, это событие будто бы отпраздновали возведением церкви в честь святого Иакова — Сан Джако-

мо*. Вряд ли падуанцы тогда пытались закрепиться в лагуне, да и столь точная дата кажется слишком невероятной, чтобы можно было поверить в эту легенду. В первой половине V века мало кто из островитян причислял себя к постоянным жителям лагуны. С каждой волной ушедших восвояси варваров большинство людей возвращались в свои дома — или в то, что от них осталось, — и пытались продолжить прежнюю жизнь на большой земле. Лишь позже потомки первых поселенцев стали понимать, что лучше этого не делать.

Ибо готы были лишь началом. В 452 году обрушилась новое бедствие — куда более жестокий и свирепый враг. Гунн Аттила безжалостно прошелся по Северной Италии, оставив за собой выжженную землю. Напал он и на Аквилею. Город три месяца героически защищался. Варвары, не привыкшие к такому сопротивлению, настроились бросить осаду и заняться более легкой добычей. Но однажды, обходя стены, Аттила поднял глаза и заметил аистов, вылетевших из города со своим выводком. И тут, процитирую Гиббона, «он воспринял быстрым умом политика этот пустяковый эпизод как предзнаменование, как шанс, что предложен судьбой», и сказал своим воинам, что Аквилея обречена. Усталые варвары вдохновились, удвоили усилия, и через два дня от великой девятой метрополии Римской империи остался лишь остов.

В последующие годы все больше городов и деревень подверглись той же участи; поток беженцев усилился. Многие по-прежнему возвращались на материк, как только опасность отступала, однако все больше оказывалось тех, кто считали, что новая жизнь не так уж и плоха, и потому решали остаться. В то время как на континенте положение ухудшалось, островные деревни, напротив, росли и

---

* Эта легенда подтверждает, что церковь Сан Джакомо ди Риальто самая старая в Венеции. Существующее здание, однако, не старше конца XI века. — *Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. автора.*

богатели. В 466 году представители этих поселений встретились в Градо и договорились о создании примитивной системы самоуправления — совета представителей. Членов первого правительства выбирали раз в год. На той стадии это была свободная диаспора, даже не привязанная к маленькому архипелагу, который мы теперь знаем как Венецию. Сам Градо находится в собственной лагуне, в шестидесяти милях к югу от Аквилеи. Но именно это разобщенное расстояниями сообщество более точно, чем что-нибудь еще, указывает на начало медленного конституционного процесса, из которого выросла самая стабильная республика.

Самоуправление, разумеется, не то же самое, что независимость, тем не менее географическая изоляция первых венецианцев уберегла их от вмешательства в политическую борьбу, отголоски которой сотрясают Италию и поныне. Даже падение Римской империи, низложение последнего императора, юного Ромула Августа, варваром Одоакром вызвало лишь легкую рябь в водах лагуны. А когда Одоакра, в свою очередь, изгнал вождь остготов Теодорих, то и он сомневался, может ли он требовать послушания Венеции. Письмо, адресованное «морским трибунам» и высланное в 525 году из Равенны преторием Теодориха Кассиодором, кажется несколько льстивым, хотя это всего лишь рутина политических будней. Кассиодор писал:

> Год был на редкость урожайным, и вина и масла заготовлено много, а потому отдан приказ отправить их в Равенну. А потому молю вас проявить свою преданность и доставить их сюда как можно скорее. Ведь вам принадлежат множество судов в этих краях... Вашим кораблям не приходится бояться порывов штормового ветра, ведь они могут в течение долгого времени держаться берега. И часто случается, что только борта их открыты взгляду, и кажется, будто они плывут по полям. Иногда вы тянете их на веревках, а бывает, что мужчины ногами помогают передвигать их...

Ибо живете вы подобно птицам морским, дома ваши рассредоточены, словно Киклады, по водной глади. Лишь ивы и плетни не позволяют распасться земле, на которой они стоят; и все же вы дерзаете противопоставить непрочный этот оплот бурному морю. У вашего народа есть огромное богатство — рыба, которой с избытком хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных; пища у всех одинакова, дома похожи. Зависть, что правит всем остальным миром, вам неизвестна. Все силы свои вы тратите на добычу соли, и именно в ней таится секрет вашего процветания, и еще в вашем умении с выгодой покупать то, чего у вас нет. Ведь можно было бы отыскать людей, которые не стремятся обладать золотом, но нет среди живущих такого, кто не желал бы соли.

Итак, поспешите расправить снасти ваших судов, которые вы, словно лошадей, привязываете к порогу своего дома, и быстрее пускайтесь в путь...

Даже сделав скидку на естественный для Кассиодора цветистый стиль, его описание безошибочно: хотя эти странные «береговые жители» могут быть полезны королю остготов, обращаться с ними следует осторожно. И настоящая ценность его письма состоит в описании — самом раннем из дошедших до нас — жизни в лагуне*. Из письма ясно также, что два столпа, на которых будет основываться величие Венеции — торговля и мореплавание, — были известны уже и тогда. Торговля у этих поселенцев была в крови. Соль, которую они добывали на мелководье, была не только ценным товаром, ее можно было использовать для засаливания рыбы. Почти с такой же легкостью они ловили ее в море, а на дичь охотились в окрестных болотах. К середине VI века плоскодонная торговая венецианская баржа стала обычным явлением на реках Северной и Центральной Италии.

---

* Интересно сравнить с более поздней, а потому и менее достоверной попыткой воссоздания атмосферы Венеции VI века в пьесе д'Аннунцио «Корабль», рассказывающей о Венеции 552 года.

Зародился и морской флот. Насколько мы можем судить, во времена Теодориха он требовался для разовой перевозки в Равенну необходимых товаров. Но миру, который Теодорих принес на полуостров, пришел конец еще прежде, чем король умер. Хотя вторжение остготов совершилось при византийском покровительстве, дальнейшее правление Теодориха стало абсолютным: он не допускал вмешательства в свои дела ни со стороны Константинополя, ни с любой другой. При нем Италия фактически перестала являться частью Восточной империи. Более того, он и его преемники ревностно придерживались арианства. Арианство, согласно которому Христос был не богом, а лишь творением бога-отца, а потому стоял ниже его, было осуждено как ересь. Тем не менее эти воззрения проповедовали первые христианские миссионеры. С ними находилось в контакте большинство варваров, и суждения эти открыто разделяли почти все европейские племена. Сам Теодорих отличался толерантностью, он покровительствовал всем религиям и особенно сурово наказывал за гонения евреев, однако убеждения его народа распалили византийские амбиции. В 535 году император Юстиниан начал большую кампанию по возвращению своего итальянского наследства и поручил это задание самому талантливому военачальнику — Велизарию.

Жители лагуны снова остались в стороне, однако понадобились их корабли, на этот раз для менее мирных целей. В 539 году Велизарий и его армия дошли до стен Равенны. Венецианцев просили открыть свои бухты для греческих кораблей, чтобы те подошли с подкреплением, и послать собственные мелкие суда для блокады столицы.

Равенна пала; Италия снова стала частью империи, хотя и прошло много лет, прежде чем на полуостров вернулся мир. Старые римские провинции, Венеция и Истрия, территориально не изменились и с готовностью подчинились новым греческим хозяевам. Жителям этих провинций хуже не стало. Правительство работало, как и

обычно, и во главе находились собственные всенародно избранные трибуны. Их отношения с имперскими властями были отдаленными, но дружелюбными. В 351 году они помогли преемнику Велизария, семидесятилетнему евнуху Нарсесу: доставили по морю в Равенну отряд ломбардских наемников. За это будто бы Нарсес построил на Риальто две церкви. Одна из них носила имена святых Джиминьяно и Менны — любопытное соединение епископа Модены и малоизвестного фригийского мученика. Стояла она, по всей видимости, в центре нынешней площади Сан-Марко. Другая церковь находилась на месте часовни Сан Исидоро. Она была посвящена первому венецианскому святому покровителю Теодору Амасийскому. Его до сих пор можно увидеть поражающим крокодилоподобного дракона на вершине западной колонны, возвышающейся на Пьяцетте возле базилики Сан Марко.

Дважды за двенадцать лет венецианцы приходили на помощь Константинополю — предоставляли флот, который, без сомнения, был самым могучим на Адриатике. За это их наверняка уважал экзарх Равенны и его военачальник (magister militum), об этом говорят и чудовищно неточные «Хроники Альтино», смешивающие правду и вымысел, однако остающиеся главным источником сведений о том периоде. Хроники слегка искаженно пересказывают историю о том, как в 565 году, после смерти Юстиниана, Нарсеса отправили в отставку, а его преемник Лонгин нанес официальный визит в лагуну. Стоит процитировать сказанные ему по этому поводу слова венецианцев:

> Господь, наш небесный помощник и защитник, позволил нам жить на этих болотах, в домах, построенных из дерева и ивовых прутьев. Новая Венеция, которую мы построили в лагуне, стала для нас могучим обиталищем, и мы не боимся вторжения королей и принцев, даже самого императора... если только они не придут по морю, но тут им придется испытать нашу силу.

Несмотря на вызов, заметный в этих строках, Лонгину, похоже, оказали радушный прием, «с колокольчиками, флейтами, кифарами и другими музыкальными инструментами, способными заглушить гром небесный». Позже венецианские послы сопровождали его в Константинополь и вернулись с первым официальным соглашением, заключенным между Венецией и Византией: в обмен на лояльность и услуги жители лагуны получали военную защиту и торговые привилегии.

Хроники утверждают, что Лонгин не стал требовать клятвы верности, в результате все следующее тысячелетие патриоты твердили, что Венеция никогда не служила Византии. Процитированные выше слова — не следует забывать, что написаны они спустя шесть веков, — являются еще одним отражением этой позиции. Только в последнее столетие византийские ученые пристально и беспристрастно изучили свидетельства того времени и твердо заявили, что первые венецианцы, невзирая на то, были или нет у них особые привилегии, являлись подданными Византийской империи в самом полном значении этого слова, так же как и менее удачливые их соседи на континенте. Независимость не спустилась чудесным образом с небес на город, она рождалась медленно, быть может, поэтому город столько веков оставался независимым.

Евнухи, как все знают, люди опасные, и сердить их не стоит. Отставка Нарсеса, как принято думать, имела для Венеции (как и для всей Италии) бóльшие последствия, нежели изменение ее политического статуса. Старик хорошо служил своему императору. В возрасте, в котором обычно уходят на заслуженный отдых, он возглавлял рискованные военные кампании на всем полуострове. Даже поражение в битве с остготами у подножия Везувия в 553 году его не сломило. Он тут же начал программу реорганизации и занимался ею двенадцать лет, пока на восемьдесят восьмом году жизни его не поразил удар. После отставки импера-

рица София послала ему золотую прялку и пригласила — поскольку настоящим мужчиной тот не был — прийти и прясть в дворцовых покоях вместе с ее рабынями-прядильщицами. «Я подарю ей такую прялку, — сказал якобы Нарсес, — что она до конца жизни с ней не справится», — и тут же направил королю Ломбардии (сейчас это территория современной Венгрии) Альбоину посланцев со всеми дарами Средиземноморья, приглашая его людей на землю, которая родит такие богатства.

Альбоин согласился, и в 568 году ломбардцы вторглись в Италию. Это была последнее и самое продолжительное варварское нашествие. Снова людской поток устремился из городов в лагуну, однако было и отличие. Люди приходили уже не как напуганные беженцы, намеревавшиеся пробыть в вынужденной ссылке до конца войны. Вера в лучшие времена была утрачена. Им хватило кровопролития, насилия и разрушений, которые с каждым новым вторжением становились все ужаснее. Теперь они шли толпами, целыми поселениями, во главе со священниками, несущими святые реликвии. Эти реликвии, спасенные от врага, они поставят в новых домах, которые сами для себя построят. Так сохранится символическая и непрерывная связь с их прежней жизнью, единство прошлого и настоящего.

Сохранилось много древних историй и легенд, связанных с этими миграциями. Между тем Италия на семьдесят лет попала под власть Ломбардии. «Хроники Альтино» рассказывают, например, будто епископ Альтино услышал голос с небес, приказавший ему взобраться на крышу соседней башни и посмотреть на звезды, и эти звезды показали ему — возможно, с помощью отражения на воде — остров, на который он должен повести свою паству. Они поселились в Торчелло, назвав его так в честь «маленькой башни», на которую забрался епископ. Таким же образом жители Аквилеи — город за сто пятьдесят лет опустел в третий раз — нашли дорогу в Градо; люди из Конкордии вместе с епископом бежали в Каорле, жители Падуи нашли прибежище в

Маламокко. Наконец, в 639 году, в правление императора Ираклия, ломбардцы захватили Одерцо, чьи жители, вместе с греческими чиновниками, бежали в уже существующее поселение Читтанова в устье реки Пьяве. Одерцо стало последней точкой опоры империи на континентальной Венеции. Таким образом, некогда великая провинция сократилась до поселения в лагуне, если не считать удаленных территорий на полуострове Истрия. Ее столицей стала Читтанова, которую в честь императора переименовали в Эраклею, но Торчелло, кажется, не утратил своего значения, и именно там в том же 639 году в честь Богоматери построили базилику. Ее заложил сам Ираклий, сделавшийся покровителем храма. Сохранился документ, регистрирующий основание базилики, с указанием византийских чиновников, имевших к этому отношение, Исаака, экзарха Равенны, и Мориса, главнокомандующего. Сейчас церковь известна как собор Санта Мария Ассунта*.

Самое первое бегство из-под ломбардского владычества — из Аквилеи в Градо — было наиболее важным с точки зрения дальнейшего исторического развития. Принято считать, что епархия Аквилеи была основана святым Марком, вследствие чего ее архиепископ — получивший впоследствии титул патриарха — стал главным священником в Венецианской лагуне и занял второе место в итальянской церковной иерархии, сразу после папы римского. Тогда эта должность была скорее мифической, чем реальной, поскольку архиепископ Паулин не только избавил своих последователей от ереси (ломбардцы придерживались арианства), но также практически в то же время начал раскол.

---

* В 864 и 1008 годах собор перестраивали. Здание, построенное в 1008 году, сохранилось до наших дней. Великолепные мозаики появились позднее, в XII и XIII веках. Так как очертания побережья Адриатики постоянно меняются, Эраклея исчезла практически без следа. Возможно, она стояла не на месте нынешней деревни, носящей это имя, а в нескольких милях к юго-востоку, возле Кортелаццо.

Не станем останавливаться на исторических и теологических причинах его разрыва с Римом (обычно это называется расколом из-за «трех глав»). Нам важно то, что с церковной точки зрения Венеция с самого основания была городом раскола, и, хотя митрополит Градо в 608 году вернулся в лоно римской церкви, раскол поддерживал мятежный архиепископ старой Аквилеи, ибо почти все следующее столетие обе стороны осуждали друг друга и подвергались взаимным интердиктам. Наконец, противники сошлись на диспуте, однако былое единство не удалось восстановить. Аквилея и Градо оставались независимыми епархиями, первая распространяла свое влияние на старые континентальные территории провинции, вторая — на Истрию и Венецианскую лагуну. Их взаимная ревность в течение нескольких поколений отравляла взаимоотношения Венеции с материковыми территориями как в политическом, так и в религиозном отношении. Но епископское кресло, на котором некогда сидел святой Марк, занял патриарх Градо. Произошло это в большой церкви, построенной Паулином и его последователями вскоре после прибытия. Церковь стоит до сих пор. Посвящена она, как ни странно, не евангелисту, а святой Ефимии, одной из девственниц, замученных в Аквилее. Тем не менее это было началом долгого «сотрудничества» святого Марка и Венеции, что подтвердилось, когда через 250 лет его мощи доставили в Венецианскую лагуну из Александрии.

После внезапного наплыва переселенцев Венеция начала быстро развиваться, но городом ее назвать было еще нельзя. Несмотря на две церкви, построенные Нарсесом, острова Риальто, образующие Венецию, знакомую нам сегодня, в VI и VII веках были почти необитаемы. На этой стадии будущая республика являлась всего лишь слабым объединением островных поселений, раскиданных на обширном пространстве, и всех их едва связывала правящая рука Византии. Даже латинское название города, которое использовали его обитатели, имело множественное

число — Venetiae*. У этих территорий не было центра. Эраклея являлась резиденцией византийского наместника, Градо считался вотчиной патриарха. И то и другое были большими деревнями. Торчелло был богаче обеих, и со временем соседи все больше на него косились. По мере разрастания отдельных поселений неприязненные отношения становились неизбежными: венецианцы VII столетия, похоже, утратили святую простоту, так поразившую в VI веке Кассиодора. Старые трибуны и недавно прибывшие епископы оспаривали друг у друга власть, а различия между соседними общинами в любой момент перерастали в открытое противостояние, и византийские власти не в силах были с этим справиться. Византийское присутствие в Эркалее мешало венецианцам самим выдвинуть из своей среды лидера, который мог бы их объединить. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы не кризис византийской Италии 726 года.

Кризис начался, когда византийский император Лев III приказал уничтожить в своих владениях все иконы и святые изображения. Последствия такого приказа были ужасными. Население в гневе немедленно восстало, в особенности монастыри. В восточных провинциях империи иконопочитание достигло такого размаха, что во время таинств изображения святых часто заменяли крестных родителей. Реакция верующих стала неизбежной. Но даже в более умеренных западных провинциях новый закон был с негодованием отвергнут. Итальянская провинция Византийской

---

* Было бы приятно, хотя и вряд ли справедливо, принять традиционную теорию о происхождении этого имени. Сын архитектора Якопо Сансовино, ученый и литератор, опубликовал в 1581 году книгу «Venetia, citta nobilissima et singolare, descritta in XIII libri». Она остается одной из важнейших работ, когда-либо посвященных Венеции. Там написано: «Некоторые утверждают, что слово "Venetia" — это "veni etiam", что значит "приходи снова и снова", потому что каждый раз ты увидишь что-то новое и прекрасное».

империи, с энтузиазмом поддержанная папой Григорием II, восстала против своих хозяев. Павел, экзарх Равенны, был убит, его сподвижники бежали. Мятежные гарнизоны, состоявшие из местных жителей, избрали в экзархате собственных командиров и объявили о своей независимости. Выбор лагунных общин пал на некого Урсуса, или Орсо, из Эраклеи. Его поставили во главе бывшего правительства провинции и дали титул Dux*.

В последнем событии не было ничего примечательного. То же происходило в это время во многих других мятежных городах. Венецию отличает от остальных тот факт, что назначение Орсо положило начало традиции, которая в неизменном виде длилась более тысячи лет. Его титул — дюк — под воздействием грубого венецианского диалекта превратился в слово «дож». Сто семнадцать дожей сменили друг друга, прежде чем республике пришел конец.

В ранней венецианской истории очень часто перемешиваются правда и вымысел. В этом читатель может легко убедиться. Если вам случится прочесть на эту тему стандартную английскую монографию, то вы узнаете также, что история дожей предстает в ином свете, нежели раньше. Если поверите, что Венеция изначально была основана как свободный город, не сможете принять теорию о мятеже против византийцев. Согласно общепринятой версии, в 697 году все жители лагуны явились в Эраклею по призыву патриарха Градо. Он сказал, что их внутренние распри угрожают будущему страны, и предложил венецианцам избрать единого правителя вместо двенадцати трибунов. Выбор пал на некого Паолуччио Анафесто, который вскоре после этого заключил мирный договор с королем Ломбардии Лиутпрандом.

История звучит вполне правдоподобно. Но все происходило в века более ранние, чем первые дошедшие до нас документы. Так, самая ранняя история Венеции предположи-

---

* Вождь, воевода (*лат.*).

тельно написана хронистом дьяконом Иоанном в начале XI столетия. В каждом перечне имен дожей первым, разумеется, стоит Паолуччио. У нас даже есть его портрет. С него начинается долгая портретная галерея на стенах дворца в зале Большого совета (Sala del Maggior Consiglio). К сожалению, он никогда не существовал, дожем, во всяком случае, не был, как не был и венецианцем. И договора с Лиутпрандом не было. Все, что нам известно из подлинных источников, это то, что некий dux Паулиций вместе с главнокомандующим Марчелло отвечал за оборону венецианской границы возле Эраклеи и что этот рубеж позже захватили ломбардцы. Венеция, как мы знаем, была в то время византийской провинцией. Очевидный и единственно верный вывод, который можно извлечь из этого, это то, что таинственный Паулиций был не кем иным, как Павлом, экзархом Равенны, правившим с 723 года и до своей гибели от рук мятежников в 727 году, в том самом году, на который случайно указывает дьякон Иоанн, сообщая о смерти Паулиция. Ему, как второму лицу после императора, недостойно было бы оборонять границу, как и наместнику провинции Марчелло, которого хронисты сделали вторым дожем. Историки Венеции, так же как и ее архитекторы, установили фундамент на болоте.

Глава 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ (727–811)

А близ них молодой Пипин.
Простер воинство
От Теснии до Палестринского берега,
Не жалея трудов и трат,
Чтобы вытянуть мост от Маламокко
До Риальто, и биться на мосту,
И бежать, растеряв своих в пучине,
Когда море бурею сбило мост*.

Ариосто. Неистовый Роланд.
Песнь XXXIII

Мятеж Италии против византийских правителей скоро закончился. Папа Григорий, будучи духовным наставником, не хотел дальнейшего усиления ломбардских еретиков. Скоро стало ясно, что подчинение иконоборческому декрету не сможет на Западе принять серьезные формы. Возмущение схлынуло, и люди почувствовали, что новые демократические образования смогут получить продолжение в отдельных городах, даже если при этом поддерживать по меньшей мере номинальную приверженность империи. Неудивительно поэтому, что через несколько лет дожу Орсо пожаловали имперский титул Hypatos, или консул. Этим он,

---

* Перевод М. Л. Гаспарова.

похоже, так гордился, что его потомки стали называть себя ипатами. Какие бы нововведения ни происходили в политической сфере, институциональные и эмоциональные связи с Константинополем не прерывались. А Орсо был лишь первым из дожей, возгордившихся от византийской лести. Звучные слова, такие как патриций (patricius), проэдр (proedrus) или спафарий (spatharius)*, звучали постоянно, вплоть до X века, и даже позднее. Очень скоро костюм дожа стали шить по образцу экзарха и даже самого императора. Церемониал намеренно повторял имперские ритуалы: воскресные мессы в соборе Сан Марко были эхом греческой литургии в храме Святой Софии. Многих византийских девушек отправили по морю на запад, к венецианским женихам, а венецианцы посылали своих сыновей на восток — заканчивать образование в Константинополе.

Тем не менее политическое давление империи на Венецию ослабело. Греки уступили не без борьбы, однако стало ясно, что власть Византии в Северной Италии заканчивается. В 742 году, после короткого междуцарствия, вторым дожем Венеции был избран сын Орсо Теодато — или Деусдедит, как его называли. Одновременно с избранием он перенес свою резиденцию из имперской Эраклеи в центр республики Маламокко** и здесь в качестве суверенного правителя занимался всеми практическими вопросами.

Равенна пала в 751 году, и, хотя Венецианская лагуна казалась слабее, чем было на самом деле, ломбардцы, похоже, намеревались войти в Венецию. К счастью, у преемника Лиутпранда, короля Астольфа, были другие неотложные проблемы. В том самом году за Альпами Пипин Короткий, сын Карла Мартелла, сместил короля Хильдерика III и

---

* Патриций — высший титул, дававший право занимать самые высокие должности; проэдр — высокий титул X–XII веков — глава сената. Спафарий — титул ниже ипата. — *Примеч. ред.*

** Старый Маламокко располагался не в том месте, где сейчас находится современный городок, а на восточном берегу Лидо. Он был смыт морем в 1105 году.

захватил франкский престол. Почти сразу же по приглашению папы Стефана II он перебрался в Италию и быстро, одну за другой, разбил две ломбардские армии. С этого времени, несмотря на то что большая часть его побед была посвящена Стефану и это привело к созданию Папского государства и усилению власти папы, франки являлись главной силой в Северной Италии. И снова Венеция осталась в стороне. В территориальный передел район лагуны не вошел: франки не спешили распространять там свое влияние, и только через шестьдесят лет после падения экзархата венецианцам пришлось защищать молодую республику с оружием в руках.

Это, однако, не значит, что вторая половина VIII века обещала стать для венецианцев более мирной, чем первая. Венеция, возможно, нашла форму правления, которая ее устраивала, однако не добилась при этом ни внутренней стабильности, ни сплоченности. Различные поселения занимали непримиримые позиции, и даже внутри отдельных общин кипели страсти и борьба между фракциями. Дож Теодато, как и его отец, закончил свое правление ужасно: соперник сместил его и ослепил. Впрочем, не прошло и года, как и его самого постигла та же участь. Четвертый дож продержался немногим дольше, однако ему не нравилось, что каждый год избирают двух трибунов, ограничивавших его власть. Через восемь лет сместили и этого дожа.

С избранием в 764 году Маурицио Гальбайо ситуация начала выправляться. Уроженец Эраклеи, заявлявший о своем происхождении от императора Гальбы, знаменовал собой возвращение к старой провизантийской традиции. Его враги, оба стойкие республиканцы, верили в то, что процветание Венеции тесно связано с поднимавшимся франкским королевством. Вероятно, они считали его реакционером, и их подозрения подтвердились: в 778 году он назначил себе соправителя, сына Джованни. Для развивающейся республики такой шаг столь же опасен, сколь и беспрецедентен. Теодато Ипато и в самом деле наследовал

своему отцу, но произошло это не тотчас, да и наследование было поддержано народным голосованием. С другой стороны, возвышение Джованни Гальбайо означало, что после смерти Маурицио он автоматически получит полные права независимо от одобрения подданных. Ему с ними даже не надо будет советоваться. То, что старый дож искал и нашел в Константинополе одобрение императора, республиканцев вряд ли утешило.

Это не сулило ничего хорошего в перспективе, и дело не только в том, что Маурицио удалось осуществить свое намерение, но и в том, что в 796 году Джованни тоже разрешили взять себе в соправители сына. Тем самым Венеция сделала еще один шаг по дороге к наследственной монархии. Самое вероятное объяснение заключается в том, что венецианец-обыватель устал от кровопролития. Ему хотелось, чтобы один правитель спокойно приходил на смену другому, не нарушая общественного спокойствия и, разумеется, не мешая торговле. В этом нет ничего нового: мирный переход власти всегда считался самым красноречивым аргументом в пользу наследственности, и во многих странах мира полностью себя оправдал. Но только не для венецианцев, как скоро все в том и убедились.

Первые Гальбайо, считать их реакционерами или нет, заслуживали доверия. Одиннадцать лет они успешно и уверенно правили. Богатство рода росло, численность подданных возрастала, люди начали обживать разные острова лагуны, которые до тех пор ранние поселенцы по тем или другим причинам игнорировали. Люди, жившие на Риальто, на полпути между песчаными отмелями и континентальным побережьем, со времен Нарсеса оставались в изоляции. Песчаные, а скорее, грязные отмели затрудняли доступ к окружающим низинам, затапливаемым высокой адриатической волной. Эти острова не представляли соблазна для колонистов. Те, кто устал от бесконечных споров и дрязг в общинах, смотрели на центральные острова как на возможность начать мирную жизнь с чистого листа. С VIII века там развернулось серьезное строительство. Сначала, ка-

жется, оно было сосредоточено в восточной стороне, на маленьком острове Оливоло. Туда бежали троянцы после разрушения их города. Там построили крепость, которая позже стала замком Кастелло. Примерно в 773 году дож Маурицио основал здесь новую епархию и переделал маленькую церковь, носившую имя святых Бахуса и Сергия, в собор Сан Пьетро*.

В том же году старый дож скончался, и его сын, как и следовало ожидать, взял управление в свои руки. Увы, Джованни Гальбайо не обладал талантом отца: он был неспособен справиться с меняющейся ситуацией в остальной Италии, где франки быстро укрепляли свои позиции и становились угрозой независимости республики. Пипин умер, ему наследовал сын Карл — Карл Великий. Он прожил пятнадцать лет в Италии и за это время успел вызвать сильную неприязнь у венецианцев, которых он не без причины подозревал в получении больших доходов от работорговли. Однажды, по случаю, он обратился к папе и попросил его принять меры. После победы, одержанной над ломбардцами его отцом Пипином, папа оказался хозяином значительной части итальянского полуострова. Сам папа и его земля нуждались в защите, и в этом он полностью зависел от королевства франков. Его профранкская политика была естественным образом поддержана большей частью римского духовенства. Случилось так, что из двух традиционных фракций, давно существовавших в Венеции, которые для упрощения можно назвать провизантийской фракцией в

---

* Еще одна легенда приписывает выбор этого места самому святому Петру, чудесным образом явившемуся епископу Эраклеи и указавшему «место, где он увидел стадо пасущихся вместе коров и овец». Собор Сан Пьетро ди Кастелло с тех пор неоднократно перестраивался, последний раз — в 1598 году. Неудачное подражание стилю Палладио. На протяжении всего существования республики он являлся кафедральным собором Венеции. Только в 1807 году он уступил «титул» базилике Сан Марко, которая до того была просто церковью при Дворце дожей.

Эраклее и республиканской в Маламокко, выросла третья, с сильным клерикальным уклоном. Она стояла за альянс с франками.

В последние годы века третья партия набирала силу и на Рождество 800 года получила более сильную поддержку: папа сделал Карла Великого императором Запада — Священной Римской империи. Патриарх Градо некоторое время открыто бунтовал против центральной власти на Маламокко, и теперь его призывы стали представлять опасность для государства. Дож Джованни, который к этому времени последовал примеру отца и взял в соправители сына, еще одного Маурицио, хорошо сознавал грозившую ему опасность и, пытаясь воспользоваться влиянием патриарха, назначил молодого грека по имени Христофор в новую епархию на Оливоло. К сожалению, Христофор не смог приступить к своим обязанностям без посвящения в духовный сан патриархом. Его святейшество отказался проводить эту церемонию, и дело тут было даже не в возрасте епископа — юноше исполнилось всего шестнадцать, — а в антифранкских высказываниях Христофора. В ответ дож послал сына в Градо вместе с флотилией. Патриарха схватили, подняли на дворцовую башню и, сильно израненного, сбросили вниз.

Политические убийства редко достигают той цели, ради которой совершаются. Ужас от этой вести распространился далеко за пределами Градо. Многие поколения людей утверждали, что видели следы крови на мостовой под башней. Не успел Маурицио вернуться домой, как до него дошла новость, что на место убитого патриарха избран его племянник Фортунат. К правлению Гальбайо Фортунат был расположен еще меньше, чем дядя, а потому немедленно уехал к франкам. Тем временем другие светские лидеры оппозиции, опасавшиеся, как и он, что недавние события в Градо могут стать прелюдией к террору в самой Венеции, удалились в Тревизо, где под руководством бывшего трибуна по имени Антенорио Обелерио организовали заговор против двух дожей. В 804 году они добились успеха. Народ-

ное восстание сместило Гальбайо. Им еще повезло уйти живыми. Молодой епископ Христофор последовал за ними в ссылку, а Обелерио с триумфом вернулся в Венецию, где сразу же получил высший пост.

Но если венецианцы думали, что последний государственный переворот положит конец всем их проблемам, то скоро им пришлось сильно разочароваться. Обелерио времени зря не тратил: быстро сделал соправителем своего брата Беато, и власть нового дожа трудно стало отличить от старой. Внутреннее беспокойство еще больше усилилось. За последние два года страсти накалились, что в свою очередь вызвало новые проблемы и новые обиды, требовавшие отмщения. Между Эраклеей и Маламокко разгорелась вражда, и все кончилось тем, что Эраклею сожгли дотла. Прошло несколько месяцев, казалось, что два алополучных правителя повторят путь своих предшественников. Но тут на политической сцене с предложением выступил патриарх Фортунат. Если Обелерио восстановит его в правах и признает власть франков над Венецией и лагуной, дож с братом смогут рассчитывать на протекцию Западной Римской империи.

И Обелерио, и его брат особой симпатии к франкам не проявляли, но теперь у них выбора не было. В Рождество 805 года правители Венеции присягнули в Ахене Карлу Великому, императору Священной Римской империи. Обелерио пошел еще дальше: среди придворных дам выбрал себе франкскую невесту, и она вернулась с ним в Венецию в качестве первой *догарессы* в истории.

Известие о венецианском предательстве — по вполне понятным причинам именно так его все и восприняли — вызвало в Константинополе большое недовольство. Византийцы, по праву считавшие себя законными наследниками Римской империи, еще не вполне оправились от шока, вызванного коронацией Карла Великого. Когда двумя годами позже правящая императрица Зоя (ок. 978–1050) не сразу приняла предложение Карла о браке, ее тут же сместили и

выпроводили на остров Лесбос. Новый император Никифор, хотя и вынужден был принять возродившуюся Западную Римскую империю как данность, однако не без протеста воспринял покушение на свою власть. В 809 году византийская эскадра прибыла к далматскому берегу и бросила якорь в лагуне.

Приняли их холодно. Попытки византийского адмирала договориться отклонялись, пока, потеряв терпение, он не вынужден был атаковать — не саму Венецию, а франкскую флотилию, стоявшую в Комаччо, в сорока милях к югу от места переговоров. Флотилия оказалась сильнее, чем он предполагал. Спустя несколько дней, разбитый и униженный, он удалился на свою базу в Кефалонии.

В Венеции ситуация была такой же запутанной, как и прежде. Вражда, возобновившаяся между двумя соперничающими империями, выразилась в очередном обострении борьбы между партиями. Обелерио и Беато, привлекшие к правлению и третьего брата, Валентино, разыгрывали свою последнюю карту. Они направили гонцов в Равенну к Пипину с приглашением занять Венецию и разместить войска на территории всей провинции. Пипин согласился. По условиям договора 805 года выбора у него почти не было. Тем не менее он мог бы выяснить, как его встретят.

Экспедиция Пипина была подготовлена наспех. Из Равенны он выехал в начале 810 года. Обнаружилось, что венецианцы подготовились к его приезду, но не так, как он ожидал. Жители лагуны, увидев наконец грозившую всем опасность, забыли о внутренних противоречиях. Они попросту проигнорировали протесты и объяснения трех дожей. Братья оказались предателями, впрочем, их судьбу решат потом. Поручив оборону республики одному из старых поселенцев Риальто, некоему Аньелло Партечипацио*, они заблокировали каналы, убрали все лоцманские знаки

---

* Есть другой вариант его фамилии — Партечако. Позже, в X веке, этот род стал именоваться Бадоер.

и подготовились встречать врага, вооружившись тем, что было в их распоряжении.

Хотя Пипин встретил яростное сопротивление с того момента, как его армия вступила на венецианскую землю, он без труда завладел Кьоджей и Пеллестриной в южной оконечности лагуны. Но в канале Маламокко, отделявшем остров Пеллестрина от острова Маламокко (ныне известном как Лидо), он был вынужден остановиться. О том, что произошло потом, до нас дошел живой рассказ не кого-нибудь, а византийского императора Константина VII Багрянородного в трактате «Об управлении империей», который он написал для своего сына в середине X века. Хотя Константин и не являлся свидетелем тех событий, вполне возможно считать его источником надежных сведений.

> Поэтому венетики, видя, что на них идет со своим войском король Пипин и что он намерен отплыть с конями к острову Мадамавику [Маламокко]... перегородили всю переправу, бросая шпангоуты. Оказавшись в бездействии, войско короля Пипина (ибо он был не в состоянии переправить их в ином месте) простояло напротив венетиков на суше шесть месяцев, воюя с ними ежедневно. Тогда как венетики поднимались на свои суда и устраивались позади набросанных ими шпангоутов, король Пипин стоял со своим войском на морском берегу. Венетики, воюя луками и пращами, не позволяли им переправиться на остров. Так, ничего не достигнув, король Пипин заявил венетикам: «Будьте под моею рукою и покровительством, ибо вы происходите из моей страны и державы». Но венетики ему возразили: «Мы желаем быть рабами римского императора, а не твоими»*.

Войско Пипина продолжало наступление на других направлениях. Пал Градо, пал Езоло, но жители острова Ма-

---

* *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Перевод Г. Г. Литаврина.

ламокко, переправив женщин и детей на Риальто, слабости не проявили. Как гласит легенда, однажды, прослышав о том, что Пипин намерен заморить их голодом, продемонстрировали ему тщетность его надежд — стреляли по его армии хлебом. Весна тем временем сменилась летом, и эпидемия, охватившая лидийские берега, начала косить захватчиков. Распространился слух, что на помощь Венеции движется огромный византийский флот. Пипин понял, что проиграл, и отдал приказ к отступлению. На его решение, должно быть, подействовало состояние собственного здоровья, ибо через несколько недель он скончался.

В последние годы модно было обвинять венецианцев в преувеличении значения своей победы, и в самом деле, глядя на два огромных полотна художника Вичентино, прославляющих это событие в зале голосования (Sala dello Scrutinio) во Дворце дожей, вряд ли кто станет спорить, что значение этого события недооценено. По правде говоря, Пипин не оставил Венецию, пока жители, желая избавиться от него, не согласились платить ему ежегодную дань, и эта дань исправно выплачивалась более ста лет. Верно также и то, что, хотя он и потерпел неудачу в самом важном, власть его над лагуной сохранялась на остальных островах. Но покоренные города не долго оставались в руках франков. Во всяком случае, значение противостояния 810 года далеко превосходит любое другое политическое или военное событие. Жители лагуны и в прошлом заявляли свое право на независимость, но в том году они его впервые отвоевали. Сделав это, доказали и кое-что еще — какие бы ни случались у них противоречия и ссоры, в момент настоящего кризиса они способны были посмотреть на себя не как на жителей Маламокко или Кьоджи, Езоло или Пеллестрины, а как на венецианцев. Пипин выступил против группы переругавшихся общин, а победил его объединившийся народ.

Словно в поиске арбитра, народ обратился в сторону Риальто и маленькой цепи островов, никогда не вмешивавшихся в свары соседей. Напротив, острова эти служили убежищем для людей, спасавшихся от наступавшего врага, так

же как и для их предков 300 и 400 лет назад. Маламокко мужественно защитил себя как общину, но столицей стать не сумел. Последние три дожа Антенорио показали себя во всей красе. Маламокко не сумел проявить политический нейтралитет, которым обязана обладать любая федеральная столица. К тому же, как показал Пипин, Маламокко был уязвим для нападения. Единожды удалось отразить врага, но лишь после ожесточенной борьбы. В следующий раз могло и не повезти. Морской берег лагуны, вместе с лиди — длинными узкими песчаными отмелями, защищающими его от Адриатики, — был не безопаснее континента.

Острова архипелага Риальто — сам Риальто, вместе с Дорсодуро, Спиналонга (нынешний Джудекка), Луприо (пространство вокруг Сан-Джакомо дель Орио) и Оливоло (ныне Кастелло), — этих недостатков были лишены. Посреди хаоса озлобления и ненависти они все больше казались гаванью спокойствия, терпения и здравого смысла. Находились они в центре лагуны и были недоступны для непрошеных гостей, не знавших фарватера. После падения Градо единственным национальным духовным центром республики оставался Сан-Пьетро ди Кастелло. Население его представляло собой группу беженцев, придерживавшихся различных политических взглядов, а потому в общей своей массе отличалось беспристрастностью. Героем на тот момент стал для них Аньелло Партечипацио: он освободил их от франков, к тому же родом был с Риальто. Риальто и сделался столицей. Трех дожей отправили в ссылку. В последней попытке удержать трон и сохранить репутацию они взялись за оружие и пошли воевать с захватчиками, которых сами же и пригласили, но этот маневр никого не обманул. На их место венецианцы избрали единственно возможного кандидата — самого Аньелло, чей скромный дом на небольшой площади Делла Казон возле Сан-Канчано стал первым Дворцом дожей.

Формально провинция Венеция все еще являлась частью Византийской империи, но на деле обрела полную незави-

симость. Имперское правительство в Константинополе ничего с этим поделать не могло, а потому вынужденно согласилось с таким положением вещей. Теперь венецианцам важно было добиться признания независимости на Западе. Спустя один или два месяца после поражения Пипина в Венецию, по пути в Ахен, прибыл византийский легат.

Как только византийцы привыкли к идее независимости, к Карлу Великому они стали относиться без прежней непримиримости, интуитивно поняв, что для новой Европы одного императора недостаточно. Теоретически Константинополь мог быть оплотом римского права, цивилизации и имперских традиций, но по духу он стал исключительно греческим городом. Хотя Рим был исковеркан варварскими нашествиями и деморализован столетиями анархии, тем не менее по-прежнему оставался средоточием латинской культуры, и Pax Romana восстановил именно Ахен, а не Византия.

Если бы Карл Великий был лет на тридцать моложе, то, возможно, не согласился бы принять предложения Византии, но он был стар и утомлен. Сейчас его больше занимал раздел империи между наследниками, а не дальнейшее расширение территорий. Он утверждал, что императорская коронация оказалась для него полной неожиданностью. Она и в самом деле его смутила, потому он удержался от агрессивных планов в отношении Восточной империи. Он искал лишь признания Византией его императорского титула и хотел дружеских отношений со своим «коллегой», императором Никифором, а за это не жаль было отказаться от притязаний на Венецию.

Союз между двумя империями заключили весной 811 года (к тому времени умерли и Карл Великий, и Никифор, а ратификация произошла три года спустя). Договор дал и той и другой стороне то, чего они добивались, но за определенную цену. Франки получили признание своего имперского статуса. Для Византии отказ Карла Великого от притязаний на Венецию означал не только сохранение их сюзеренитета, но и уверенность в том, что ведущая морская

сила на Адриатике не будет обращена против них. Выигрыш с обеих сторон не исключал и взаимных уступок. Привилегии Венеции трудно было переоценить. С тех пор она пользовалась ими в полной мере — и политическими, и, в большей степени, культурными и торговыми. Будучи византийской провинцией, она тем не менее ни на йоту не уступила своей независимости. Прошло много лет, сменялись дожи. Формально они были чиновниками Византии, обладали византийскими привилегиями, а при случае и византийским золотом. Но при этом они были венецианцами, избранными венецианцами. Восточная империя серьезно в их дела никогда не вмешивалась. Опасно приводить исторические сравнения, особенно когда имеешь дело с обществом тех далеких времен, но, если мы задумаемся о том, как развивались отношения Венеции с Константинополем в следующих двух столетиях, то невольно заметим аналогию с сегодняшними странами Британского Содружества. В этом случае мы, возможно, не слишком ошибемся.

Были и другие преимущества. Нисефорский мир (Pax Nicephori), как его впоследствии назвали, отделил Венецию от остальной Италии и позволил ей вовремя избежать политических потрясений, которые вскоре изменили лицо полуострова и большей части Западной Европы. Благодаря своим связям с Византией она осталась практически незатронутой феодальными отношениями, управлением коммунами, позднее принятым в Ломбардии и Тоскане, и бесконечными войнами гвельфов и гибеллинов, вспыхивавшими то в одной, то в другой форме вплоть до конца республики. Парадоксально, что благодаря подчинению Восточной империи Венеция обрела независимость и будущее величие.

Глава 3

РОСТ ГОРОДА (811–900)

«И Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр». Апостол осудил слабого ученика, и Марк вернулся*. Если бы душа его была открыта пророчеству, когда берега Азии скрылись из вида, как бы возрадовался он, узнав, что пройдет время и люди будут почитать крылатого льва, ставшего его символом.

Дж. Рескин. Камни Венеции

В лагуну вернулся мир, и дож Аньелло мог теперь обратиться к новой проблеме, не менее трудной, чем та, которую он только что разрешил. Острова Риальто, плоские, грязные и часто затапливаемые, не были ни достаточно большими, ни твердыми для нового потока поселенцев. Если уж размещать здесь столицу растущей республики, то землю необходимо укрепить, осушить и расширить. Необходима была также защита от моря, а песчаные отмели — не такой уж надежный барьер. Для выполнения этой задачи дож создал комиссию из трех человек. Николо Ардисо-

---

* «Павел полагал не брать отставшего от них в Памфили и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы» (Деян 15:38). Марк, будучи изнеженным юношей, поначалу не хотел принимать участия в миссии святых. — *Примеч. ред.*

нио должен был укреплять отмели, поддерживая их при необходимости опорами. Лоренцо Алимпато поручили копать каналы, укреплять берега и готовить строительные площадки, а за само строительство отныне отвечал близкий друг Аньелло, Пьетро Традоника.

Первые здания были по большей части скромными, двухэтажными легкими строениями, так как опасались, что они обрушатся. Крыши, в основном, соломенные. Так же, как и в нынешних венецианских домах, у них имелось две входные двери, одна выходила на сушу, и там был небольшой огород, а выйдя из другой двери, можно было попасть прямо на канал. Дерево по-прежнему было самым популярным строительным материалом. Материал легкий, транспортировать его нетрудно, к тому же растет в изобилии: лагуну окружали сосновые леса. Ну а поскольку строительного материала много, то он и дешев. Кирпич, характерный для поздней венецианской архитектуры, был тогда почти неизвестен. Грязь в лагунах была слишком мягкой и жидкой. Для более значительных зданий дерево не годилось, потому что оно не рассчитано на долгий срок, да и внешне не выглядело достаточно внушительно, и потому оставался единственный выбор — камень, а именно твердый белый камень полуострова Истрия.

Но с камнем были связаны свои проблемы, например вес. Необходим был надежный твердый фундамент, а для этого требовалось забить в болото тысячи деревянных свай, так чтобы они стояли плотно друг к другу, а на их срезанные вершины положить крепкое основание. Это был тяжелый, трудоемкий процесс, но результат превзошел все ожидания. Многие дома в Венеции до сих пор стоят на сваях, забитых почти тысячу лет назад, и такую технику строительства продолжали использовать до XX века*. В IX веке этот спо-

---

* Даже такое колоссальное строение, как творение архитектора Бальдассаре Лонгена — собор Санта Мария делла Салюте, построенный между 1630 и 1687 годами в конце острова Дорсодуро (самом твердом из всех островов Риальто, как указывает на

соб был еще в зачаточном состоянии, мало было каменных зданий, за исключением церквей, а также большой дворец, который Аньелло начал строить для себя и своих последователей возле старой церкви Сан Теодоро.

От первого Дворца дожей ничего не сохранилось. Хотя он занимал то же место, что и нынешний, облик его, вероятно, был совсем другим: тяжелые зубчатые стены с угловыми башнями и подъемными мостами напоминали скорее крепость, что и неудивительно, учитывая последние события. В архитектурном плане его невозможно было сравнить с великолепными зданиями, поднимавшимися за ним с восточной стороны. Это были церковь и монастырь Сан Дзаккария. Они готовы были принять останки отца Иоанна Крестителя, подаренные Венеции византийским императором Львом V Армянином в качестве жеста доброй воли. Возможно, Лев пошел еще дальше и заплатил за все здание. Во всяком случае, точно известно, что он посылал архитекторов и строительных рабочих из Константинополя. Увы, их работа тоже не сохранилась. Церковь Сан Дзаккария, как и большинство старых церквей Венеции, так часто перестраивалась и реставрировалась, что неизвестно, как она выглядела первоначально. Однако ее значение в ранней истории республики было немалым, и об этом еще будет сказано.

Первоначальный план строительства новой столицы был тщательно продуман, и основные черты его сохранились до настоящего времени. Естественно, что перед дожем в тот момент встало множество неотложных задач, за самые серьезные из которых он отвечал сам. Хотя он и был самым просвещенным правителем из тех, какими до сих пор обладала Венеция, он тоже не удержался от соблазна и попытался ввести наследственное право. Поскольку старший его сын Джустиниан находился в Константинополе, дож взял себе в соправители младшего, Джованни. Джус-

---

то его название), покоится исключительно на таких сваях. Судя по источникам, их забито 1 156 627 штук.

тиниан разгневался и, вернувшись, потребовал, чтобы отец отстранил брата. Это заявление, в свою очередь, разозлило Джованни. Вскоре после этого он удалился в ссылку. Впрочем, семейные ссоры, пусть и недостойные, никогда серьезно не угрожали спокойствию государства. Строительство не прерывалось, и Аньелло Партечипацио может считаться первым архитектором современной Венеции. Жаль лишь, что он не дожил до самого важного события в духовной жизни республики. Оно более других укрепило ее церковную независимость и возвысило национальную гордость. Город получил свой самый знаменитый памятник.

Однажды — согласно легенде — святой Марк возвращался из Аквилеи в Рим. Его корабль, застигнутый бурей, остановился возле одного из островов Риальто. Во сне ему явился ангел и обратился к нему со следующими словами: «Pax tibi, Marce, evangelista meus. Hic requiescet corpus tuum»*. Историческое подтверждение этой легенды малоубедительно, поскольку святой Марк позже стал епископом Александрии и оставался там до самой смерти, так что рассказ остался бы неправдоподобным, но легенда оказалась весьма кстати, когда в 828 году два венецианских купца вернулись из Египта с мощами, которые, по их словам, принадлежали евангелисту. Они будто бы украли их из его александрийской могилы. Как и следовало ожидать, рассказы об этом событии сильно отличаются, но сходятся, однако, в том, что христианских стражников могилы, беспокоившихся о будущем церкви при правлении сарацин, убедили — или подкупили, — и они поспособствовали венециан-

---

* «Мир тебе, Марк, евангелист мой. На этом месте будет покоиться твое тело». Первая из этих фраз должна быть знакома всем посетителям Венеции, поскольку она начертана на открытой книге, а книгу эту держит в лапах вездесущий крылатый лев. Одним из нескольких исключений является каменный лев возле Арсенала. Послание представляется слишком миролюбивым для столь воинственной организации, поэтому здесь у льва книга закрыта.

цам. Саван разрезали на спине, тело вынули, и останки святого Клавдия, оказавшиеся в удобном соседстве, положили на место святого Марка. Затем мощи поместили в большую корзину и вынесли в бухту, где их уже поджидал венецианский корабль*.

К этому моменту аромат святости, исходивший от тела, становился таким сильным, что, по словам хрониста Мартино ди Канале, «если бы в Александрии были собраны все пряности мира, то они не источали бы такое благоухание». Совершенно понятно, что это вызвало подозрения. Местные чиновники явились на корабль с обыском, но венецианцы прикрыли свою добычу свиными тушами, при виде которых чиновники, набожные мусульмане, закричали: «Свинья, свинья!» — и в ужасе бежали с корабля. Мощи завернули в холсты и подняли на нок-рею, где они и оставались, пока судно не вышло из гавани. Даже и тогда опасность не миновала, потому что корабль едва не налетел на необозначенный на карте риф и наверняка бы разбился, если бы сам святой Марк не разбудил спящего капитана и не посоветовал ему спустить парус. Судно в конце концов благополучно прибыло в Венецию, и жители с восторгом приняли драгоценный груз.

О похищении мощей рассказывают великолепные мозаики на стенах базилики Сан Марко**. И это нечто большее, чем еще одна из легенд, которыми изобилует ранняя венецианская история. То, что похищенное тело принадлежит святому Марку, считается историческим фактом. Не сомневаются и в том, что Джустиниан Партечипацио, ставший дожем в 827 году после смерти своего отца, тут же распорядился построить для мощей часовню в саду, отделявшем церковь Сан Теодоро от его собственного дворца. Очень воз-

---

* Согласно одной из версий этой истории, венецианских судов в порту Александрии было на тот момент не менее десяти. Если это так, то можно представить себе размах торговли республики.

** Над южным трансептом, возле часовни Святого Климента.

можно, что и вся экспедиция из Александрии была предпринята по секретному приказу дожа. Если республика хотела заслужить уважение новой Европы, ей требовался уникальный символ, со славой и значением которого не могли бы соперничать богатство и морская мощь, а в Средние века, когда политика и религия были неразрывно связаны друг с другом, присутствие важной священной реликвии придавало городу особое значение. Мощи святого Захария тоже что-то значили, но их одних было недостаточно. С другой стороны, мощи евангелиста давали Венеции апостольское покровительство и возносили ее на духовный уровень, сравнимый разве только с Римом, и создавали церковную автономию, усиленную в дальнейшем патриархальным статусом ее епископа.

Почему бы духовную победу ни привязать к конкретной политической цели? В данном случае реликвия появилась как нельзя кстати. Буквально за год до этого, в 827 году, синод в Мантуе, возглавляемый представителями папы и императора Западной Римской империи, предложил восстановить старый патриархат Аквилеи, дававшей ей власть над епархией Градо. Поскольку Аквилея являлась частью Западной империи, такое решение означало серьезную угрозу венецианской независимости. Обладая мощами святого Марка, Мантую можно было проигнорировать. Градо остался столичной епархией, а церковь Венеции, оживленная и восстановленная именем евангелиста, присягнула ему на верность.

В таких обстоятельствах предполагали, что Джустиниан перенесет мощи в новый собор в Оливоло. Решение же сохранить их рядом с Дворцом дожей указывает на то, что с самого начала дож руководствовался скорее светскими, нежели церковными приоритетами*. С этого момента свя-

---

* Это придает усыпальнице святого Марка главенство. Как писал Рескин: «Я не знаю другого города в Европе, где бы собор не выступал на первом месте. Но главной церковью Венеции стала часовня, пристроенная к Дворцу дожей и прозванная Чьеза

той Теодор вместе с драконом вознесся на колонну на Пьяцетте и был там благополучно позабыт, а святой Марк стал покровителем Венеции. Его лев, с распростертыми крыльями и лапой, гордо указующей на слова ангела, запечатлен на знаменах и бастионах, на корме и носу многочисленных кораблей. Его первым поминают верующие в своих молитвах, а солдаты и матросы республики выкликают имя святого Марка, вступая в бой.

История не упоминает более бесстыдного похищения мощей или кражи, имевшей столь большие последствия. Как только венецианцы благополучно доставили к себе останки евангелиста, его там приняли как своего, с таким радушием, какого не отмечено в любом другом городе. Любовь и преданность горожан святому покровителю ни разу не была поколеблена.

Да и он, в свою очередь, хорошо им служил.

Первая церковь Святого Марка была и размером поменьше, и не такая величественная, как нынешняя, что стоит на том же месте. Здание, по стандартам того времени, было достойно евангелиста, однако официально освятили его лишь четыре года спустя, то есть в 832 году*. К тому моменту дож Джустиниан уже три года лежал в могиле, а наследовал ему младший брат. Покойный всегда относился к Джованни с презрением и, судя по дошедшим до нас скудным источникам, скорее всего, был прав. Если бы отец не взял себе Джованни на короткое время в соправители, его никогда бы не избрали. Люди устали от его глупости и апа-

---

дукале — церковь Дожей. А кафедральный собор, не впечатляющий ни размерами, ни убранством, стоит на островке венецианского архипелага, и его название, как и местоположение, возможно, неизвестны путешественникам, второпях проезжающим по городу».

* Хотя обычно ее называют базиликой, первая церковь была построена не по плану, свойственному базиликам. Ее спроектировали по образцу церкви Святых апостолов в Константинополе — ныне давно разрушенной — и построили в форме креста, как и положено апостольским церквям.

тии. 29 июня 836 года, в праздник святых Петра и Павла, когда Джованни после мессы вышел из церкви, его схватили собственные подданные и заставили отречься. Затем насильно постригли в монахи и отправили в монастырь Градо, где он и прожил до конца своих дней.

Одна из главных причин недовольства венецианцев дожем Джованни Партечипацио состояла в его неспособности справиться с возникшей на горизонте новой угрозой. Уже несколько лет торговле на Адриатике мешали славянские пираты. Они ждали в засаде в узких бухтах побережья Далмации, что в устьях рек Нарента* и Цетина, и нападали на груженные товаром суда. Первые успешные грабежи вдохновили пиратов, и число их быстро умножилось. Капитаны выходили в море настороже. Венецианской торговле грозило медленное утасание. Страдала не одна Венеция: Западной империи все труднее приходилось налаживать связь с Равенной, Падуей и другими городами имперской Италии.

Приоритетной задачей для нового правителя стало принятие жестких мер против пиратов. Одиннадцатым дожем Венеции был избран Пьетро Традоника из Езоло. Он был не из тех людей, что уклоняются от исполнения своих обязанностей. Спустя три года после избрания мы видим его во главе морской экспедиции в Далмацию. Когда его действия стали приносить некоторый успех, он направил к франкам посла для заключения соглашения с внуком Карла Великого, императором Лотарем. Содержание договора явилось, по большей части, простым подтверждением предыдущих договоренностей, тем не менее он примечателен двумя моментами. Во-первых, сохранился самый старый венецианский подлинный дипломатический документ. Во-вторых, в нем содержится поручительство дожа — нести ответственность за защиту Адриатики от славян или любого другого врага, а стало быть, Лотарь признает свою слабость на море и дает согласие на право Венеции распоряжаться Центральным Средиземноморьем.

---

* Сейчас река носит славянское имя Неретва.

Приблизительно в это же время для Европы представлял угрозу еще один народ. В 827 году византийский правитель Сицилии по имени Евфимий, пытаясь избежать наказания за незаконный брак с местной монахиней, объявил о своей независимости и пригласил на помощь сарацин из Северной Африки. Тем было только того и надо. Высадившись на юго-западном побережье, они быстро избавились от Евфимия, и не успело завоевание завершиться, как они уже использовали остров в качестве базы для набегов на византийскую провинцию Апулию. Греческие гарнизоны в Бари, Бриндизи и Отранто оказались беспомощны против нового врага, как некогда франки против далматцев. За прошедшие тридцать лет императоры в Константинополе, уверившись в дружбе с Венецией и ее морской мощи, забросили собственные базы на Адриатике. Даже на восточных берегах некогда грозные крепости Дураццо (современный город Дуррес в Албании) и Кефалонии не могли больше организовать оборону. Приблизительно в 840 году — вероятно, когда венецианцы подписывали договор с Лотарем, — в Риальто явился не кто иной, как патриарх Константинополя. Он даровал дожу титул спафария и попросил его помощи против сарацинской угрозы.

Традонико немедленно откликнулся. Сарацины, как он заметил, представляли собой куда меньшую угрозу, чем славянские пираты. Венеция не меньше Константинополя была заинтересована дать им отпор. Венецианский флот быстро пришел в состояние боевой готовности. В начале 841 года шестьдесят самых больших кораблей, несущие по 200 человек на каждом судне, вышли из лагуны навстречу византийской флотилии. Объединенный флот двинулся в южном направлении и подошел к маленькому порту Калабрии — Кротону.

То ли греческий адмирал бежал при первой же опасности — как потом с негодованием заявляли венецианцы, — то ли виноват в этом был кто-то другой, этого мы никогда не узнаем, но христиане потерпели полное поражение. Гордость венецианского флота пошла ко дну, сухопутные силы, выса-

дившиеся близ Таранто, были уничтожены. Сарацинский флот без всяких помех вошел в Адриатику, разграбил Анкону и, дойдя до самого края лагуны, встретился с отмелями и течениями в дельте реки По, а потому повернул назад.

Снова Венецию спасло ее географическое положение, но на этот раз у нее не было причины поздравлять себя с удачей. Выяснилось, что море, которое до сих пор Венеция считала своим защитником — а две великие империи Европы всего год назад с этим соглашались, — таковым защитником не является. В следующем году сарацины продвинулись еще дальше, и венецианцы бессильны были что-то им противопоставить. Тем временем пираты Наренты, увидев, что не стоит так бояться Венеции, осмелели и стали еще более алчными. Прошел не один десяток лет, прежде чем удалось освободиться от этих двух угроз. Адриатика снова стала безопасной для венецианского и имперского судоходства.

После столь оглушительного фиаско отношения между Венецией и Византией естественным образом сильно испортились. Старые связи все еще существовали, однако становились все более слабыми. Западная империя к тому моменту признала независимость Венеции — политическую и церковную, — и дружеские связи с ней продолжали укрепляться. В 856 году сын и наследник Лотаря, молодой император Людовик II, вместе с императрицей нанес государственный визит в Венецию. Их встретили дож и его сын Джованни, соправитель отца. Встреча состоялась в Брондоло, к югу от Кьоджи. Затем почетных гостей с большой помпой сопроводили на Риальто, где они оставались три дня. За это время император стал крестным отцом маленькой дочери Джованни.

У дожа Пьетро и внутри страны были проблемы. Прошло почти полвека с тех пор, как на островах Риальто возникла венецианская столица. После всего, что было, вряд ли кто надеялся на то, что перемирие в борьбе фракций сохранится надолго. Несмотря на противников на Адриатике, Венеция оставалась ведущей морской державой и денежным мешком христианского Средиземноморья. Торгов-

ля расширилась во всех направлениях, и у многих возникло желание завладеть этим рынком. В атмосфере коммерческой безжалостности и ожесточенного соперничества разгорелись междоусобицы. Многие переселенцы привезли с собой в лагуну старые обиды. Большую часть своего двадцативосьмилетнего правления (самого длительного в то время) дожу Пьетро Традонико удавалось удерживать мир в республике. Только после смерти Джованни, совместное правление с которым оказалось успешным, Пьетро обнаружил, что не в силах более сдерживать соперничающие стороны. Возможно, он прибег к репрессиям, что его подданным не понравились. Быть может, выказав предпочтение какой-то одной группе, он тем самым разозлил другую. Какова бы ни была причина, назрел заговор, и 13 сентября 864 года его привели в исполнение. Дело было в канун Воздвиженья животворящего креста. В этот день, по традиции, дож посещал мессу в церкви Сан Дзаккария. Когда старик, служивший более 50 лет государству (ему было под восемьдесят), выходил из церкви после вечерни, на него набросилась вооруженная группа и забила на площади до смерти. Последовавшая за этим драка между его сподвижниками и нападавшими привела к мятежу. Из документов видим, что монахини из монастыря, принадлежавшего церкви, не решались выйти и вынести тело. Только в полночь мертвого дожа убрали с площади и достойно похоронили.

Тем временем слуги убитого поспешили ко дворцу и забаррикадировались там. В городе тем временем разгорелись уличные бои. Люди просидели во дворце несколько дней, пока не услышали, что толпа убила пятерых главных заговорщиков. Только тогда вернулся мир. Дожем выбрали некоего Орсо, аристократа, главное достоинство которого состояло в том, что он не принимал участия в заговоре.

По традиции, не подтвержденной никакими историческими источниками, считается, что новый дож был из семьи Партечипацио. Трое из четверых его предшественников носили это имя, а четвертый, Пьетро Традонико, был

родственником со стороны жены. Если верить традиции, то можно заметить, что новое назначение явилось дальнейшим шагом в сторону наследственного права. Но Орсо — Партечипацио он был или нет — не дал продлиться старому порядку. Сразу после избрания он затеял радикальную программу реформ, и первой его целью стали собственные полномочия.

С самого начала теоретически Венеция считалась демократической страной. И дело было не только в выборности дожей, но и в том, что при доже было два трибуна, в задачи которых входило не позволять ему нарушать закон. Кроме того, существовало такое понятие, как аренго — общее собрание всех граждан, где принимали важнейшие решения, от которых зависела безопасность государства. Но демократия — нестабильный политический институт. Для работы ему требуется постоянная поддержка. Трибуны в Венеции с годами утрачивали свое значение, собрания не созывались, решение общественных дел стало прерогативой маленьких групп в окружении дожа. Орсо инициировал создание системы выборных гиудичи, или судей — высших государственных чиновников, частично министров, частично членов городского магистрата. Сформировав из них ядро, из которого в будущем выросла курия, он создал эффективный инструмент ограничения злоупотреблений высшей государственной власти. В то же время изменения в структуре местного самоуправления сделали остальные острова более зависимыми от центральной администрации.

Реорганизовав правительственную машину, Орсо обратил внимание на дела церкви. Здесь, по контрасту, он применил политику децентрализации. Несколько старых епископских епархий в самой лагуне и вокруг нее прекратили существование, а некоторые вернулись в города, из которых их вытеснили варварские нашествия. Остались лишь Градо, Альтино и Оливоло, к которым была добавлена новая епархия — Эквила. В результате многие прилежащие территории попали под влияние патриарха Аквилеи или других, таких же непопулярных священнослужителей из

Западной империи. Чтобы противодействовать этой тенденции, в Каорле, Маламокко, Читтанове и Торчелло, который до этого бывал лишь иногда резиденцией епископа Альтино, были созданы собственные епархии. Ни новые, ни старые епископы ни в коей мере не подчинялись светской власти республики, но сама их независимость способствовала лояльности. Позже мы увидим, что через несколько лет все вновь назначенные епископы поддержат дожа во время одного из традиционных диспутов с патриархом Градо и трижды за год откажут самому папе, призывающему их в римский синод.

Еще один спор, на этот раз с патриархом Аквилеи, принес еще большее удовлетворение. Этому нечестному примасу каким-то образом удалось добиться временной власти над большой частью герцогства Фриули, в котором он, возможно, в пику новым епископствам, затеял собственную вооруженную кампанию против венецианских купцов. Ответом Орсо стала экономическая блокада. Устья всех рек, проходивших через территорию Аквилеи, были перекрыты, и все поступления в город и из города остановлены. Патриарх был поставлен на колени, и следует отметить, что по условиям последующего договора венецианские купцы, торгующие с Аквилеей, продолжали платить пошлину, в то время как собственные торговые представители Орсо от таких пошлин освобождалась. Государству отдавалось предпочтение, но и частные интересы ни в коем случае не бывали забыты.

Конституционные реформы Орсо, имевшие большие последствия, не затронули проблему наследования. Как и большинство предшественников, он взял в соправители сына и трудился с ним до самой своей смерти, последовавшей в 881 году. Сын, Джованни, унаследовал трон в спокойной обстановке. Однако Джованни и сам был уже не молод, и здоровье его оставляло желать лучшего. После нескольких лет безуспешной борьбы с болезнью он вынужден был признать себя неспособным справляться со своими обязанностями. Подданные согласились с его решением.

Однако они не хотели его отречения, поскольку искренно его любили, а потому дали ему в соправители сорокапятилетнего Пьетро Кандиано.

Увы, всего через пять месяцев, 18 сентября 887 года, Пьетро был убит. На тот момент он возглавлял экспедицию против далматских пиратов. Это был первый дож, погибший в сражении за республику. Старый Джованни с большой неохотой снова взял управление в свои руки, пока не нашли преемника. На этот раз выбор народа пал на Пьетро Трибуно, внучатого племянника дожа Традоника, чье убийство за четверть века до этого вызвало беспорядки в городе.

Правление Пьетро Кандиано было недолгим, воинственным и неудачным, в отличие от Пьетро Трибуно. Тот правил долго и мирно. При нем был лишь один опасный момент, да и тот окончился блестящей военной победой Венеции над Пипином. Трибуно начал с возобновления договоров с Западной империей (в 888-м, в год своего вступления на престол), а потом продолжил их в 891-м. Поскольку всего лишь в 883-м Джованни Партечипацио договаривался подобным образом с императором Карлом Толстым, можно задуматься: была ли такая дипломатическая активность столь уж необходима, однако на этой решающей стадии политического развития Венеция осторожно обходила оба имперских водоворота. Двигаясь таким курсом, она ощущала себя в постоянной опасности, поскольку могла угодить то в одну, то в другую воронку. Для республики жизненно важно было отыскивать точку опоры и держаться на плаву. Поступая таким образом, она редко ошибалась. В одном из соглашений было записано, что убийца дожа, нашедший убежище в империи, должен быть оштрафован на сумму 100 фунтов золотом и сослан. Согласитесь — мягкое наказание. В 888 году закон стал значительно жестче: с этого времени любой венецианец в любом месте имперской Италии оставался под юрисдикцией дожа и должен был подчиняться Венеции, а не империи. Это нововведение было направлено не только против преступников — экстрадиция своего рода была раз-

решена со времен Лотаря — главной задачей являлась гарантированная юридическая защита венецианских купцов в Италии, что позволяло им заниматься торговыми операциями все дальше от дома.

Торговля расширялась, развивалась экономика, набирало мощь судоходство, быстро росло и чугунолитейное производство*. По мере расширения работ по вырубке леса, дренажу, строительству город хорошел на глазах. Последнее десятилетие IX века стало для Венеции самым счастливым периодом процветания. В 899 году наступил кризис — на горизонте появился новый враг. Люди к тому времени, возможно, забыли о нашествиях варваров, но мадьяры им об этом напомнили. Как и многие их предшественники, они явились из степей Центральной Азии и перешли через Карпаты. Свирепость врага поражала воображение. Несколько шокированных хронистов того времени описывают их как каннибалов. При случае, возможно, они такими и были. Уже в 898 году они совершили быстрый рейд в Венето, но были отброшены, а потому не успели причинить много вреда. На следующий год, набравшись сил, вернулись и, опустошив Ломбардскую равнину, пошли на Венецию.

Под напором венгерских орд города вокруг лагуны сдавались противнику один за другим: сначала Читтанова, Эквила, затем Альтино и вглубь от прибрежной полосы к северу и западу от Тревизо и Падуи. Затем мадьяры двинулись к югу вдоль отмелей лиди — от Кьоджи и Пеллестрины к Маламокко. До Альбиолы дошли без особых трудностей, но потом — почти в том месте, где за девятьсот лет потерпел до них поражение Пипин, — повстречались с поджидавшим их Трибуно и его армией. Явившись из азиатских земель, они понятия не имели о море. Переносные кораклы, которыми они пользовались для сплава по рекам, были беспо-

---

* Вступая на престол, Орсо Партечипацио послал византийскому императору Василию I партию из 12 колоколов, отлитых в венецианском литейном цехе.

мощны против венецианских судов. Поражение было быстрым и полным. Снова лагуна спасла город.

Но было ли достаточно для обороны одной лагуны? Пьетро Трибуно так не думал. Будущий агрессор, более дисциплинированный и искусный в мореплавании, мог преуспеть там, где потерпели поражение мадьяры. Оказавшись среди лиди, противник увидел бы, что острова Риальто до сих пор не защищены. Поэтому дож отдал приказ строить крепостную стену с восточной стороны дворца Оливоло до того места, которое зовется сейчас Рива-дейли-Скьявони, и далее до церкви Санта Мария Дзобениго. Трибуно распорядился также изготовить большую металлическую цепь и протянуть ее через Большой канал от церкви Сан Джорджо Дорсодуро до противоположного берега*.

Хронист дьякон Иоанн спустя сто лет назовет строительство того бастиона вехой, с которой поселение на Риальто впервые стало тем, что он назвал «civitas». Термин не переводится и означает город в нашем понимании этого слова, хотя и очень маленький, который существовал там до времен дожа Аньелло и переноса центрального правительства. Но стена Пьетро Трибуно, строительство которой было вызвано потенциальной опасностью, дала горожанам новое ощущение сплоченности, что особенно важно стало в последующие годы. Можно только надеяться, что власти с должным уважением отнесутся к осыпающимся остаткам стены, сохранившейся на южной оконечности Рио-дель-Арсенале.

---

* На этом месте сейчас стоит палаццо Гаджа, два здания к востоку от палаццо Контарини Фазан («дом Дездемоны»). Интересно отметить, что церкви Санта Мария Дзобениго (дель Джильо) и Сан Джорджо Дорсодуро в то время уже существовали. Они до сих пор находятся здесь, хотя их облик претерпел изменения. Первая церковь названа в честь своих основателей, семейства Джубаниго. Соседнее здание до сих пор зовется Кале дель Бастион.

Глава 4

АВАНТЮРИСТ И СВЯТОЙ (900–991)

...государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости*.

Макиавелли. Государь. Гл. XV

Радуясь победе над венграми, сильная и исполненная гордости, защищенная быстро растущими фортификациями Венеция уверенно вошла в X век. Ее враги были посрамлены, две империи восхищены и благодарны, дела в торговле шли как никогда хорошо. Пьетро Трибуно мудро правил страной вплоть до своей смерти в 912 году. Его похоронили в церкви Сан Дзаккария. Преемник, Орсо Партечипацио, проводил следующие двадцать лет ту же мирную политику и с тем же успехом, после чего в 932 году добровольно ушел в отставку и удалился в монастырь. Затем в течение сорока четырех лет Венецией управляло семейство Кандиано.

Первый дож Кандиано уже ненадолго появлялся на страницах этой книги. Он погиб в сражении с пиратами в 887 году. Наследовал ему сын, а затем, после короткого перерыва, — внук и правнук. Всех четверых звали Пьетро. Все, по-

---

* Перевод М. Юсима.

хоже, отличались большей энергичностью, чем их сограждане, большей агрессивностью, большей уверенностью. Все были заносчивы и своевольны. Один оказался национальным бедствием, но скучать венецианцам не пришлось ни с кем из них. Второй, едва став дожем, начал экономическую блокаду Истрии. Короткое время спустя, после пустякового дипломатического инцидента, сжег дотла соседа Венеции и потенциального соперника Комаччо. Третий дважды участвовал в экспедициях против пиратов Наренты, убивших его деда, и разбил их наголову. А теперь перейдем к четвертому дожу. Поскольку о невероятной карьере Пьетро Кандиано IV нельзя рассказать в двух словах, ее следует описать подробно.

Его отец, должно быть, до конца жизни жалел о решении через четыре года после собственного вступления в должность взять себе в соправители молодого Пьетро. С самого начала сын показал себя бунтовщиком. То ли, как предполагают некоторые, он был неисправимым развратником, то ли — что представляется более вероятным — расхождение их было по политическим вопросам, так и не выяснено. Известно лишь, что отношения между отцом, сыном и соответственно их сторонниками быстро ухудшились, так что дошло даже до открытых столкновений на улицах города. Молодого человека наконец схватили, и он едва не распрощался с жизнью. Только благодаря вмешательству отца судьи заменили смертный приговор изгнанием. Он стал солдатом удачи, выступив под знаменами Беренгара, маркграфа Ивреи, ставшего в 950 году королем Италии. В ссылке, однако, обида Пьетро только возрастала, и через несколько лет мы видим его во главе корсаров, заблокировавших устье реки По. В результате не менее семи республиканских галер не смогли добраться до места назначения.

Венецианцы больше других народов несколько столетий страдали от пиратов. Неудивительно, что они их так ненавидели. Старый дож терпел позор от сына, как только мог, однако в 959 году в городе разразилась эпидемия чумы. Это его окончательно сломило, и он вскоре умер. И тут произо-

шла удивительная вещь. На городском собрании люди избрали дожем молодого Пьетро.

Если причины ссылки определить нам трудно, то уж тот крутой поворот — тем более. Самый вероятный ответ прост: Пьетро был молод, целеустремлен и, как мы можем заключить, не лишен обаяния. Прирожденный лидер, и к тому же Кандиано. Наконец, было и практическое соображение — венецианцев всегда отличала практичность, — как показал опыт, Пьетро мог стать для них нестерпимой занозой, так уж лучше привлечь его на свою сторону. Во всяком случае, выбор был сделан, и 300 кораблей отправились в Равенну за новым дожем.

Это был черный день для Венеции. Хотя у Пьетро Кандиано уже не было отца, которому он мог противостоять, вскоре он показал себя противником всех принципов, которым был верен его покойный родитель, старым, аскетическим республиканским ценностям, на которых стояло государство и благодаря которым возвысилась страна. Народ ожидал от своих руководителей высоких стандартов поведения и презрения к демонстрации личного богатства. Пьетро жил при королевских дворах Европы, привык к роскоши, его не устраивала экономия прежних дожей. Он не умел хитро обходить запреты. Аппетиты его тем временем возрастали, и он шел напролом. В Венеции такой человек не мог продержаться долго.

Поначалу его энергия тратилась в верном направлении. Спустя год после избрания он ввел новые суровые ограничения, касающиеся торговли рабами. Меры наказания нарушителей были жестокими — физического, финансового и даже церковного характера. Торговлю полностью не запретили, в необходимых случаях она еще продолжалась — «для государственных целей». Но новые законы были достаточно строгими, что вызвало опасное недовольство венецианских работорговцев. Вероятно, это соображение и побудило дожа издать указы не только от своего имени, но также и от имени патриарха, епископов и патрициев города. Какова бы ни была причина этой коллективной ответственно-

сти, кажется, она стала прецедентом: с этого времени в венецианском законодательстве часто обращались к таким коллективным указам.

Личное поведение Пьетро было куда менее благопристойным. Во время ссылки он заприметил Вальдраду, сестру тосканского маркиза, бывшего на тот момент одним из богатейших и влиятельнейших итальянских правителей. Пьетро развелся с венецианской женой, отправил ее до конца дней в монастырь Сан Дзаккария, а Вальдраду привез в Венецию в качестве невесты, вместе с огромным приданым — землями во Фриули, Тревизо, Адрии и Ферраре. Следует отметить, что эти владения ни в коем случае не становились землями Венеции, они принадлежали лично Пьетро. Венецианцы вдруг увидели, что на месте дожа, которого они избрали, оказался феодальный барон с огромными владениями на континентальной земле и находящийся в вассальной зависимости от западного императора. Вот вам и добытая с тяжким трудом независимость Венеции! Ими управлял надушенный князек, отгороженный от своих подданных отрядом иностранных наемников.

Все это уже было плохо, но народное недовольство возросло еще больше, когда вскоре после избрания дож сделал своего сына Витале, епископа Торчелло, патриархом Градо, а другого претендента ослепил и заточил в тюрьму. В прошлом веке патриархи неуклонно богатели и усиливали свое влияние, а потому новый священник оказался вторым человеком в стране после отца, и не только в бюрократической иерархии, но и как землевладелец. Он стал хозяином почти всего побережья и континентальных территорий между епархией и Венецианской лагуной. Витале проезжал по стране с королевской пышностью, с огромной свитой, а местные жители на пути его следования выходили из домов и монастырей, оказывали патриарху почести, соперничая друг с другом в щедрости угощений.

Пьетро Кандиано забрал в свои руки светскую и церковную власть и был — или казался — всесильным человеком. К сожалению, как и многие члены его талантливого семей-

ства, он не знал, в какой момент следует остановиться, и, когда летом 976 года обратился к подданным с просьбой о защите его персональных интересов в Ферраре, люди поднялись против него. Их первое нападение на дворец оказалось неудачным: здание было слишком хорошо укреплено, и нападавшие вынуждены были отступить. Но, настроившись решительнее, чем когда-либо, восставшие подожгли соседние дома. В летнюю жару дерево вспыхнуло, как спички, и огонь распространился на сам дворец.

О дальнейших событиях мы знаем по описанию дьякона Иоанна, хрониста того времени, а может, даже и очевидца событий. Отчаявшийся и задыхающийся дож вместе с молодой женой и младенцем пытался спастись через атриум Сан Марко, но обнаружил, что группа патрициев заблокировала проход. Напрасно Пьетро взывал к ним, обещая удовлетворить все их просьбы, если его жизнь и жизни его семейства будут пощажены. «Но, заявив, что он самый безнравственный человек, а потому заслуживает смерти, они закричали, что спасения ему не будет. Они окружили дожа, направив на него обнаженные мечи. Бессмертная душа оставила его тело и устремилась в поисках приюта блаженных», — хотя из того, что нам известно о Пьетро Кандиано IV, в этом месте он окажется в последнюю очередь.

Каким-то образом догарессе Вальдраде удалось спастись, но ее ребенок, пронзенный мечом, разделил судьбу отца. Два тела были брошены на корабль и отвезены на скотобойню, где их спасло от надругательства лишь вмешательство некоего Джованни Градениго, «воистину святого человека», который организовал для них скромное погребение. Монастырь Сан Дзаккария стал традиционным местом упокоения почивших дожей, но не могло быть и речи о том, чтобы похоронить там последнего из них. Пьетро и его ребенка тайно перевезли через лагуну, в отдаленное аббатство Сант Иларио, за Фузиной, а венецианцы, поостыв, начали приводить в порядок разрушенный город.

Пожар уничтожил или сильно повредил около 300 зданий, среди них и собор Сан Марко, Дворец дожей и недавно

построенную церковь Санта Мария Дзобениго. От старинной церкви Сан Теодоро, возведенной в то время, когда даже церкви строили из дерева, не осталось и сучка. Венеция избавилась от дожа, но дорого заплатила за свою ошибку.

Пьетро Кандиано был порождением своего века, того столетия, что последовало за распадом империи Карла Великого в 888 году и политической нестабильности в Италии. Ломбардия на севере более пятидесяти лет оставалась добычей венгров, вернувшихся из Венецианской лагуны. Византийская империя на юге демонстрировала все бóльшую неспособность контролировать как ломбардских князьков, думавших лишь о собственном величии, так и приморские города-республики Неаполь, Амалфи и Гаэту, чья лояльность зависела от того, с какой стороны дует наиболее благоприятный торговый ветер. При папском дворе тоже было неспокойно: Иоанна X в замке Святого Ангела удушила дочь его любовницы. Она хотела поставить на его место своего сына-бастарда от прежнего папы. Иоанна XII возвели в сан в возрасте семнадцати лет. Во время его правления, согласно Гиббону, «мы с удивлением узнаем, что Латеранский дворец превращен в школу проституции. Изнасилования девственниц и вдов отвадило женщин от посещения могилы святого Петра: они опасались, что во время поклонения его наследник подвергнет их насилию».

Но Иоанн XII не только олицетворял распущенность папства, сам того не зная, он был также ответствен за спасение Италии. В 962 году, беззащитный против вторжения короля Беренгара II на севере, он обратился за помощью к герцогу Оттону Саксонскому, который только что выгнал венгров из Ломбардской долины и был доминирующей силой в Северной Италии. Оттон поспешил в Рим, где Иоанн — без сомнения, помнивший о правлении папы Льва и Карла Великого — тут же сделал его императором. Это погубило папу. Уже одного распутства было достаточно, но когда двумя годами позже он проявил непочтительность по отношению к императору, которого сам же и создал, последний не-

медленно созвал синод и сместил его. Беренгар скоро сдался, империя возродилась и продержалась в той или иной форме до нашествия Наполеона.

В Южной Италии новые порядки не возымели немедленного эффекта. Прежде чем там наступят изменения, минет сто лет и произойдет норманнское завоевание. Север, однако, выразил возмущение распущенностью последних лет. Возможно, сыграло роль скорое наступление нового тысячелетия. Многие верили, что вместе с этим придет и конец света. Такие настроения, возможно, побудили венецианцев избавиться от четвертого Кандиано. 12 августа 976 года в кафедральном соборе Сан Пьетро ди Кастелло они избрали следующего дожа.

Пьетро Орсеоло I стал единственным венецианским дожем — возможно, и единственным главой республики в мире, — которого впоследствии канонизировали. Заслужил ли он этот статус, неизвестно. В пятьдесят лет он оставил жену, ребенка, тяжкие политические обязанности и отправился в монашескую келью. Вряд ли такой поступок посчитали бы сейчас достойным канонизации. С самой юности Пьетро Орсеоло был настоящим аскетом. За короткие два года правления Венецией он проявил себя мудрым и милосердным правителем. Орсеоло принял республику в тяжелом финансовом положении. Кандиано опустошил казну. Догаресса Вальдрада, нашедшая убежище при германском дворе императора Оттона, требовала вернуть свое огромное приданое. Центральная часть Венеции требовала перестройки. Опустошение было таким огромным, что Орсеоло вынужден был перевести правительство в собственный дом, который стоял за обугленным остовом Дворца дожей. Оттуда он каждый день шел пешком — приводить город в порядок. Впервые все венецианцы были обложены церковной десятиной. Вальдрада, которой еще повезло остаться в живых, получила назад свое приданое. Дож пожертвовал большую часть своих личных денег — говорят, он согласился в течение восьмидесяти лет выплачивать каждый год по

8000 дукатов на восстановление Дворца дожей и собора Сан Марко, а также на возведение новой больницы примерно на том месте, где сейчас стоит библиотека Марчиана*.

Слишком скоро, однако, на сцену явилась мрачноватая фигура некого Гварини, аббата монастыря Сен Мишель де Кукса, недалеко от Прада во французских Пиренеях**. Мы не можем сказать, насколько виновен этот человек за последующие действия дожа. Возможно, он был агентом императорского двора, где неуспокоившаяся Вальдрада выдвинула еще один иск к Венеции, и в этом ей с энтузиазмом помогал зять, Витале Кандиано, патриарх Градо. Возможно, он был просто одним из добросовестно заблуждавшихся средневековых священников, чей идеальный мир ограничивался огромным монастырем. Всю свою жизнь он убеждал то одного, то другого властителя уйти в монастырь. Впрочем, может, Гварини не был ни тем, ни другим. Петр Дамиани, самый немилосердный из всех святых, считал, что всему виной были угрызения совести самого дожа, которого он обвинял в соучастии в заговоре против его предшественника и в разрушении Дворца дожей. При первом визите Гварини в Венецию в 977 году его увещевания — если действительно они имели место — не возымели действия. Год спустя, однако, под предлогом паломничества в Иерусалим аббат снова приехал, и на этот раз преуспел. Это был плохой год. Оппозиция плела интриги как в самом городе, так и за его стенами. Всем очень не понравилась десятина, и хотя Пьетро Орсеоло платил, как и прежде, он,

---

* Для восстановления собора Сан Марко Пьетро Орсеоло заказал в Константинополе алтарь — об этом 1000 лет спустя писал Йетс — «из золотых пластинок и золотой эмали». Увеличенный и переделанный за многие столетия, теперь он известен как Золотой алтарь.

** Монастырь был уничтожен во время Французской революции, и хотя с тех пор был возрожден цистерцианцами, но уже не имел прежней славы. В музее «Метрополитен» в Нью-Йорке находятся реконструкции многих древних столиц.

без сомнения, понял, что щедрость и популярность — две разные вещи. Возможно, он начал подозревать в себе недостаток сил сопротивляться давлению, которое на него оказывалось. 1 сентября 978 года он принял легкое решение и сбежал. Под покровом темноты, в сопровождении зятя, Джованни Морозини, и некого Градениго — скорее всего, того, кто похоронил трупы Кандиано за два года до этого, — он перебрался через лагуну в Сант-Иларио, где их уже поджидали лошади. Перед побегом он сбрил бороду и ушел никем не узнанный. Через несколько недель бывший дож был уже в безопасности, в аббатстве своего друга. Он прожил там еще девять лет, там же, вплоть до 1732 года, хранилось его тело. В том году после канонизации его мощи по приказу Людовика XV вернули в Венецию.

Правление приемника Орсеоло, слабого и, возможно, больного Витале Кандиано*, было лишь междуцарствием. Пробыв четырнадцать месяцев в этой должности, он удалился в монастырь и оставил трон еще одному члену своей семьи — Трибуно Меммо, или Меньо. Сказать о нем нечего, разве только что он был неплохим огородником и зятем убитого Пьетро. Этот факт не помешал ему после вступления в должность в 979 году объявить всеобщую амнистию тем, кто сбежал после убийства. Но если он надеялся тем самым восстановить мир в лагуне, то это ему не удалось. Венецию по-прежнему раздирала междоусобная борьба двух главных партий, сторонников Восточной или Западной империй. С одной стороны были Морозини, защитники старых связей с Византией, с другой — Колоприни, надеявшиеся на Западную империю и ее энергичного молодого императора Оттона II.

Оттон наследовал своему отцу в 973 году в возрасте восемнадцати лет. В последующие семь лет активно укреплял свое положение к северу от Альп, затем, в декабре 980 года, разгневанный и встревоженный набегами сицилийских

---

*Не следует путать с его тезкой, патриархом Градо. Родство с тем, более известным членом семейства, не установлено.

мусульман в Апулию и Калабрию, он пошел на юг, в Италию, с целью окончательного освобождения полуострова от сарацин. Тот факт, что осажденные провинции в юридическом смысле были частью Византийской империи, не сильно его беспокоил. Его жена Феофания была сестрой двух совместно правивших императоров Византии — Василия II и Константина VIII, которые были слишком заняты внутренними проблемами, чтобы уделять внимание этим отдаленным и сравнительно неважным для них землям. Кампания шла успешно, но летом 982 года возле Стило на пути на юго-запад, в Калабрию, Оттона застиг врасплох отряд сарацин. Его армия была разбита наголову. Самому ему удалось, изменив внешность, спастись на проходившем корабле. Когда корабль подходил к Россано, император спрыгнул за борт и поплыл к берегу.

Его решимость осталась непоколебимой: в следующем июне он затеял в Вероне новую кампанию и возобновил договор с Венецией о торговле и обороне. Сделал он это, по всей видимости, с открытой душой, однако вскоре после этого к его двору явилась группа венецианцев под предводительством Стефано Колоприни. На площади Сан-Пьетро ди Кастелло Стефано убил одного из членов фракции Морозини, а потому вынужден был бежать, спасая жизнь. Сейчас он явился к Оттону с предложением. Несмотря на растущую мощь, Венеция до сих пор зависела от материка в отношении коммуникаций и снабжения. Если связь прервать, Венеция вынуждена будет принять Колоприни в качестве своего дожа, и он сделает город зависимым от империи. В этом случае весь венецианский флот будет в распоряжении Оттона, и он воспользуется им для следующей кампании против мусульман.

Амбициозный молодой император не мог удержаться от соблазна: ну как не прибавить к короне самый яркий драгоценный камень! Договор, который он только что продлил, был забыт. Вместо этого он объявил о немедленной блокаде республики. Его вассал, герцог Каринтии, по приказу императора закрыл Верону, Истрию и Фриули для торговли с

Венецией, а Колоприни со своими соратниками занял стратегические позиции у дорог и рек. Осень сменилась зимой. Венеция еще не оправилась от потрясений предыдущих семи лет. Она была деморализована междоусобицами, к тому же Венецией управлял нерешительный и слабый дож. Ей угрожала двойная опасность — голод и завоевание империей. В одном отношении кризис был даже значительнее, чем в те времена, когда ей угрожал Пипин, а позднее — венгры. Тогда, по крайней мере, ее защищала окружающая коварная лагуна с отмелями и течениями, известными только местным морякам. На этот раз нападающими были сами венецианцы, и лагуна для них не являлась тайной. А сколько агентов и сторонников оставили они в городе? Охваченное паникой население напало на дома, которые оставил Колоприни, и полностью их уничтожило. Женщин и детей взяли в заложники. Затем, не зная, что предпринять, они стали ждать ответного нападения.

Этого не случилось. Стефано Колоприни внезапно скончался, а за ним в декабре того же 983 года последовал в могилу и сам император Оттон. Молодого человека, которому было всего 28 лет, погубила слишком большая доза лекарства (четыре драхмы алоэ). Мать императора, Аделаида, стала управлять от имени трехлетнего внука. Она, возможно, и продолжила бы блокаду, если бы не сильное влияние вдовы Оттона, Феофании, с которой она делила регентство. Самое большее, чего она могла достичь, это амнистии для сторонников Колоприни, которым было разрешено вернуться в Венецию. Лучше бы они не делали этого. Их старые враги, Морозини, не забыли о своем убитом родственнике и поклялись отомстить. В 991 году они напали на троих Колоприни, когда те садились на корабль возле заново отстроенного Дворца дожей. Их проткнули мечами, а тела сбросили в воду.

Несправедливо было бы обвинять в этом Трибуно Мемо. Он и в самом деле был родственником Морозини по линии жены. Когда Джованни Морозини вернулся в Венецию, устроив своего тестя в монастырь Сен Мишель де Кукса, то,

став и сам монахом, стал подыскивать место для будущего бенедиктинского монастыря. Дож предложил ему маленький остров напротив дворца, известный ранее как Кипарисовый. Теперь он называется Сан-Джорджо Маджоре. Взгляды Меммо были известны, однако он отличался миролюбием, мягкостью, и после десятилетия относительного спокойствия ему менее всего хотелось видеть свой город раздираемым междоусобицами. Однако его осуждали, осыпали бранью, пока ему не осталось ничего другого, как последовать за двумя своими предшественниками. Он тоже удалился в монастырь, на этот раз — в монастырь Сан Дзаккария, находившийся за его прежним дворцом. Там он и закончил в безвестности свои дни*.

---

* Довольно удивительно, что этому дожу, который был сразу же забыт, первому поставили памятник в Венеции, хотя этого момента и пришлось дожидаться почти 500 лет. В конце XVI века Палладио перестроил церковь Сан Джорджо Маджоре, и в ней, в нише над символическим саркофагом, установили бюст Трибуно в знак признательности за то, что именно ему Джованни Морозини был обязан основанием этой церкви.

Глава 5

НЕПРЕКЛОННАЯ ДИНАСТИЯ (991–1032)

Трезубец Нептуна —
Царский скипетр мира.

Антуан Лемьер (1723–1793)

Десятое столетие Венеция встретила в приподнятом настроении: она отразила нападение венгров. Дальше события развивались не так гладко. За прошедшие полвека судьба республики была вверена семейству Кандиано (по крови или по браку), за исключением двух лет, пришедшихся на короткое правление Пьетро Орсеоло II. Политика Кандиано довела Венецию до края бездны. Виной тому были высокомерие и амбиции, а также (как в случае с последним правящим членом этого семейства) полная неспособность брать на себя ответственность в моменты кризиса. Кандиано отвернулись от Западной империи, игнорировали Восток и поощряли внутренние междоусобицы. За последние годы Венеция оказалась сыта всем этим по горло. На случайного приезжего могли произвести впечатление внешние признаки процветания — корабли в гавани, торговля на Риальто, соболя, шелка и специи, но соседи уже не уважали и не боялись республику, как раньше. Ее авторитет увял, как, впрочем, и мораль. Национальная гордость, осознание, что здесь живет великий народ с особой судьбой, гордость,

придававшая смелость и сплоченность основателям города, смотревшим на себя как на представителей особенного народа, с каждым годом убывала. Венеции отчаянно требовалась сильная рука, которая повела бы ее за собой, воссоздала бы из разрозненных людей народ, восстановила уверенность в себе и самоуважение.

И она ее нашла. Старый Пьетро Орсеоло, тринадцать лет назад сбежавший от семьи и ответственности, оставил после себя сына. Его тоже звали Пьетро. Сейчас этому сыну было всего тридцать лет, и в 991 году венецианцы избрали его своим новым правителем. Лучшего выбора и сделать было нельзя. Государственный деятель, воин и гениальный дипломат, Пьетро Орсеоло II возвышается над другими дожами своего времени, как гигант над пигмеями. Подданные с первого раза увидели его величие. С его избрания передача феодов, так долго отравлявшая жизнь горожан, прекратилась, словно этого никогда и не было. Казалось, венецианцы снова стали взрослыми, ответственными и талантливыми людьми и готовы были следовать по пути славы за своим дожем.

Но слава для Венеции подразумевала успешную торговлю, и первой задачей Пьетро Орсеоло на посту дожа стало восстановление дружественных и взаимовыгодных торговых отношений с двумя империями. В течение года он договорился с Василием II в Константинополе о коммерческих условиях, более выгодных, чем когда-либо были у Венеции. Имперская хартия, датированная мартом 992 года, признала bona fide* венецианские товары — хотя на товары, доставляемые венецианцами из других земель, льгота не распространялась — по тарифам намного ниже тех, что поступали к ним от других иностранных купцов. Что немаловажно, венецианские купцы в Константинополе с этих пор напрямую направлялись к великому логофету, высшему правительственному чиновнику, которого можно сравнить с современным министром финансов. Это освобож-

---

* Надежное качество (*лат.*).

дало их от задержек и срывов сделок, которыми была печально известна византийская бюрократия. В особых случаях их выслушивал сам император. За это венецианский флот готов был переправлять имперские войска, как только у Константинополя возникала такая необходимость.

Дож добился успеха и у молодого императора Запада. Возможно, даже большего успеха, поскольку оба правителя испытывали в отношении друг друга восхищение и расположение. Оттон III был удивительным ребенком. Он родился в 980 году, а императором стал в трехлетнем возрасте. Возмужав, он соединил в себе традиционные амбиции своего рода с романтическим мистицизмом, унаследованным от матери-гречанки. Он мечтал о великой теократии, в которую вошли бы германцы, итальянцы и славяне, объединенные общим Богом и с двумя его наместниками — с ним самим и папой. Стремление воплотить эту мечту не мешало ему все же заниматься Италией больше, чем это делал до него его отец. Юношеское преклонение перед самым способным правителем к западу от Константинополя довершило остальное. В 966 году, впервые перейдя Альпы по пути на коронацию в Риме, Оттон сумел доказать свою дружбу. Сначала вынудил двух упрямых епископов вернуть Венеции некоторые территории, которые те несправедливо считали своими. Затем даровал дожу право строить на берегах Пьяве и Силе венецианские склады и фактории, одновременно гарантируя всем венецианцам безопасность и освобождение от налогов на имперской территории. Самое главное — он стал крестным отцом третьего сына Пьетро Орсеоло и на крещении в Вероне подарил ему собственное имя — Оттон.

Так к концу пятого года на посту дожа Пьетро Орсеоло II обеспечил коммерческие перспективы республики поддержкой двух главных сил христианского мира. На полноводных реках Северной Италии никогда еще не было столько венецианских барж, они утопали почти до ватерлинии под тяжестью груза: железа и дерева, зерна и вина, соли и — несмотря ни на что — рабов. Суда шли вверх по течению, гру-

зы регистрировались в расчетных палатах Вероны, Пьяченцы или Павии, откуда их транспортировали по суше через Апеннины в Неаполь, Амальфи и соседние города или же через Альпы в Германию и Северную Европу. Другие, более тяжелые суда шли на юго-восток Адриатики, вокруг Пелопоннеса, снова на север в Константинополь и даже иногда в Черное море. Другие купцы все же сосредоточивались на новых рынках, которые до сих пор быстро расширялись, то есть в странах ислама. Прежде, хотя и торговали с арабами — вспомним, как венецианские купцы, зайдя по делам, прихватили из Александрии мощи святого Марка, — торговлю всегда сдерживали склонность сарацин к пиратству. Венеция не забыла об их нападении на лагуну 150 лет назад, которое с трудом удалось отразить. Западный христианский мир до сих пор чурался дружеских отношений с неверными. И это взаимное недоверие Пьетро Орсеоло собирался преодолеть. Он отправил своих послов во все уголки Средиземноморья — туда, где развевалось зеленое знамя Пророка, — в Испанию и в Северную Африку, к берегам берберов; в Сицилию и на Восток; ко дворам Алеппо, Каира и Дамаска, в Кордову, Каир и Палермо. Один эмир за другим любезно принимал венецианцев и соглашался на их предложения. Посланники с гордостью и удовлетворением привозили договоры дожу. Императоры на Востоке и Западе, с тревогой ожидавшие мусульманской угрозы, могли бы прийти в ужас от его поступков и обвинить в предательстве веры. Но Пьетро, истинный венецианец, предпочитал торговлю кровопролитию, ведь она была намного выгоднее.

Расширившейся венецианской торговле мешало только одно препятствие — славянские пираты на далматском побережье. Последний крупный поход против них — тот, который в 887 году возглавил Пьетро Кандиано, — закончился катастрофой и гибелью самого дожа, и, хотя лет шестьдесят спустя его внуку удалось в какой-то мере восстановить поруганную честь семьи и республики, опасность меньше не стала. Всю вторую половину X века Венеция вынуждена

была платить ежегодную дань за право прохода ее кораблей по узкому Адриатическому морю. Но Пьетро Орсеоло шантажу не поддавался. Вступив в должность, он запретил позорную практику, а когда пришло время для следующей выплаты, направил в Далмацию шесть венецианских галер, чтобы те воспрепятствовали возможным ответным действиям пиратов. Разгорелся бой. Остров Лисса*, один из главных пиратских оплотов, сдался венецианцам, и те радостно вернулись в лагуну, загрузив корабли пленниками обоих полов.

Венеция выиграла первый раунд, тем не менее пираты еще не были побеждены. В основном они сосредоточились в устьях Наренты и Цетины, и теперь обратили свой гнев на беззащитных жителей прибрежных городов. Эти люди не имели с морскими разбойниками ничего общего, отличаясь по национальности и языку. Пираты были хорватами, славянским народом, спустившимся с Карпат в VI и VII веке, в ходе славянской экспансии на Балканский полуостров. В X веке они образовали собственное государство. Это государство, однако, никогда не занимало все побережье Далмации. Население Пулы, Зары, Трау, Спалато**, а также многих других более мелких прибрежных селений составляли потомки латиноязычных племен, чьи предки были гражданами Римской империи. На своих хорватских соседей они смотрели как на варваров. Эти города, за исключением Зары, официально подчинялось Константинополю. Однако власть Византии была здесь скорее фиктивной, чем реальной. Как пишет один из историков Венеции

---

*Лисса — теперь остров Вис. Далматские географические названия представляют некоторую проблему, поскольку латинские или итальянские версии, обычно используемые большинством историков того времени, часто имеют мало сходства с современными славянскими названиями. В этой книге используются итальянские названия того времени, но все современные славянские эквиваленты будут поясняться.

**Теперь Задар, Трогир, Сплит.

Р. Чесси, «имя императора официально прославляли и уважали, однако на деле ему не подчинялись, да и сам он не отдавал приказов». Слишком хорошо зная, что помощи оттуда ждать нечего, они обратились к Венеции.

Если Орсеоло требовался повод для завершения начатой им работы, то лучшего было и не придумать. 9 мая 1000 года — это был день Вознесения — дож посетил мессу в соборе Сан Пьетро ди Кастелло и получил от епископа Оливоло освященное знамя*. Оттуда он проследовал к бухте, где его ожидал большой венецианский флот, поднялся на борт флагмана и дал сигнал сниматься с якоря. Наутро, миновав Езоло, флот пришел в Градо, где патриарх — тот самый старый Витале Кандиано что после тридцати с лишним лет пребывания на посту бросил, похоже, политические интриги и стал преданным слугой республики, — с почетом принял их и передал дожу мощи святого Гермагора. 11 мая, подготовившись как в материальном, так и духовном отношении для предстоявших сражений, флот вышел в Адриатику.

По описанию дьякона Иоанна, поход к далматскому побережью похож больше на триумфальное путешествие, а не на военную кампанию. Епископы, бароны и приоры приветствовали венецианцев в каждом порту. В честь дожа устраивались пышные приемы, ему навстречу выносили святые реликвии, клялись в вечной преданности. Молодые люди при случае даже вступали на службу под венецианские флаги. В Трау брат хорватского короля добровольно ему сдался и даже выдал заложника в лице своего юного сына. Позднее тот женился на дочери дожа. И только дойдя до Спалато, Орсеоло вступил в непосредственный контакт с противником. Лидеры противоборствующей стороны пришли из дельты Наренты для переговоров. Пираты были не в том положении, чтобы выставлять жесткие усло-

---

*Историк А. Ф. Гфререр полагает, что, возможно, на этом знамени впервые появилась эмблема Венеции с крылатым львом, держащим в лапах открытую книгу.

вия: в ответ на уход венецианцев они соглашались отказаться от ежегодных податей и прекратить нападения на суда республики.

К сожалению, за удаленные от берега острова нарентинцы отвечать не могли. Жители острова Курзола оказались менее сговорчивыми, и их пришлось усмирять силой, а жители Лагосты, верившие в почти легендарную неприступность своей крепости, оказали еще более серьезное сопротивление. Но венецианцы не отступили. Они шли под градом камней, падавших на них с крепостных стен, и вскоре им удалось пробить брешь в основании одной из башен. Им повезло: осажденные хранили там запасы воды. Вот что пишет дьякон Иоанн, — как друг Орсеоло и самый преданный его слуга, он, скорее всего, там присутствовал:

> ...утративший боевой дух противник сложил оружие и на коленях просил о даровании ему жизни. Дож, как милосердный человек, решил помиловать их всех, однако настаивал на уничтожении города... Архиепископ Рагусы, вместе со священнослужителями, встретил дожа, поклялся в лояльности и выказал всяческое уважение*... Снова заходя в города, по которым только что прошел, дож триумфально вернулся в Венецию.

Подданные горячо его приветствовали, что и неудивительно. Сколько времени пираты Наренты будут держать свое слово, было неясно, но, по крайней мере, они увидели, что шутить с ними республика не намерена, и судьбу Лагосты они не скоро забудут. Кроме того, Венеция сейчас полностью контролировала восточное побережье Адриатики, чего раньше никогда не было. Официально побережье еще не являлось венецианской территорией. Города и селения Далмации, принеся клятвы верности и согласившись пла-

---

* Последнее утверждение, необходимо отметить, горячо отрицают историки Рагусы (теперь Дубровник).

тить ежегодную дань*, помнили о сюзеренитете Византии. Его, в свою очередь, с готовностью принимал и дож. Теперь Венеция свободно могла открывать склады и фактории в главных морских портах и соответственно расширять торговлю в глубь Балканского полуострова.

Венеция и стратегически сильно выигрывала. С этих пор в случае опасности у нее был альтернативный источник продовольствия. Хотя острова Риальто все еще не были застроены полностью, остававшиеся на них участки плодородной земли давно уж могли прокормить быстро растущее население. За провизией Венеция вынуждена была обращаться на континент, потому все так и были напуганы семнадцать лет назад, когда Оттон II устроил блокаду. В обозримом будущем подобная блокада стала бы лишь мелким неудобством. Корабли, отправленные через Адриатику, вернулись бы через несколько дней груженными зерном и провизией для нуждающегося города. Наконец, сосновые леса Курзолы и других островов гарантировали венецианским верфям неистощимый запас леса.

Помимо других почетных эпитетов, дожу присвоили почетный титул Dux Dalmatiae (герцог Далматский); и в память об экспедиции постановили: каждое Вознесение — в годовщину выхода флота — дож, вместе с епископом Оливоло, патрициями и гражданами Венеции, будет выходить из порта Лидо в открытое море с благодарственной молитвой. В те времена служба была короткой, а молитва простой, хотя просили о самом важном: «О Боже, даруй нам и всем тем, кто поплывет вслед за нами, спокойное море». Дожа и его свиту вслед за молитвой опрыскивали святой водой, а певчие пели текст из пятидесятого псалма: «Окропи меня иссо-

---

*С острова Раб десять фунтов сырого шелка; с Осссро (Осор) на острове Серсо (Кресс) сорок шкур куниц; с Вельи (Крк) пятнадцать шкур куниц и двадцать лисьих шкур; с Полы (Пула) — 2000 фунтов масла для базилики Сан Марко. Спалато (Сплит) согласился экипировать две галеры и одну барку, когда венецианцы выходили в море.

пом, и буду чист», а то, что оставалось от воды, выливалось в море. Позднее церемония усложнилась: в волны кидали золотое кольцо. Так постепенно церемония стала символизировать обручение с морем — Sposalizio del Mar — и оставалась таковой вплоть до конца самой республики.

Для Оттона III новое тысячелетие началось не столь благоприятно. Потакая своим необузданным политико-мистическим амбициям, молодой император поселился в Риме и построил на Авентине великолепный новый дворец. Здесь он жил, удивительно сочетая роскошь и аскетизм, в окружении двора, придерживавшегося византийских традиций. Ел в одиночестве с золотых тарелок, затем время от времени скидывал пурпурный далматик, надевал рубище пилигрима и босиком шел к какому-нибудь отдаленному святилищу. Однако он по-прежнему восхищался Венецией — возможно, видел в ней единственное место в Италии, где западная практичность и византийский мистицизм сливались в одно целое. Император надеялся когда-нибудь сделать ее инструментом своей итальянской политики.

Он был разочарован. Вскоре после возвращения дожа из Далмации императорское посольство прибыло на Риальто с предложением о совместных операциях в Северной Италии, а Венеция ответила на него вежливым, но твердым отказом. Орсеоло понимал, лучше, чем любой его предшественник, как сильно судьба Венеции зависит от моря. Завоевание территорий на континенте величия ей не прибавляло. С другой стороны, он, возможно, был более заинтересован в другом предложении, которое приблизительно в это время было передано от императора дьякону Иоанну: Оттон должен нанести тайный визит дожу в Венеции, «чтобы услышать его мудрый совет и просто из любви к нему».

Трудно понять, чем была вызвана секретность. Быть может, император боялся покушения на свою жизнь? Историки говорят, что такая просьба была вызвана конфиденциальностью вопросов, которые он хотел обсудить, но публично объявленный визит не помешал бы обсудить что-то в приватной обстановке. В любом случае через день после

отъезда Оттона император и дож должны были огласить сам факт переговоров, но не конкретные детали. В те времена, до крестовых походов, считалось необычным для императора покидать пределы своей империи, впрочем, и особого риска для него в этом тоже не было. Какими бы ни были причины, Оттон твердо настроился на встречу, и приготовления, в которых участвовал Иоанн как тайный эмиссар дожа, большую часть года сновавший между двумя правителями, шли труднее и дольше, чем могло бы быть в обычной ситуации. Впоследствии они осложнились еще больше: в феврале 1001 года народ Рима восстал против императора и изгнал его из города.

Оттон, похоже, не слишком опечалился. Пасху он отпраздновал в Равенне. Там дьякон Иоанн обсуждал с ним последние приготовления. Оттон публично объявил, что хочет подлечиться и провести несколько дней в монастыре Помпоза в устье реки По. В тамошнем аббатстве* для него все уже было готово, но через несколько часов после прибытия он незаметно удалился на берег, где его поджидало судно Иоанна, и доверенные люди повезли его в Венецию. На море разыгрался шторм. Спустя день и ночь судно подошло к острову Сан-Серволо**, и там императора приветствовал дож Пьетро. Дьякон Иоанн оставил нам свидетельство очевидца. Ночь, по его словам, была такой темной, что эти двое едва могли разглядеть лица друг друга. Разговор начал дож. Настроение его было не самым лучшим. «Если вы хотите увидеть монастырь Сан Дзаккария, — сказал он, обращаясь к неясной тени подле себя, — вам лучше пойти туда немедленно, чтобы до рассвета оказаться в стенах мо-

---

* Церковь аббатства до сих пор стоит, вместе со многими монастырскими строениями.

** Сан-Серволо известен сейчас каждому венецианцу как место одного из двух главных домов для умалишенных. Эту функцию он стал выполнять с 1725 года, когда Совет десяти направил туда «одержимых из благородных семей для содержания их в надлежащих условиях».

его дворца». К этому времени Оттон и его друзья, должно быть, изнемогали от усталости, но Пьетро был безжалостен. Ведь это император настаивал на секретности. Ведь это Оттон вовлек его в эти игры. Это, наконец, он вытащил его на забытый богом остров в холодную бурную ночь. Прекрасно, пусть теперь расхлебывает последствия.

В хронике дьякона Иоанна, да и в других источниках не содержится указаний на то, что Оттон хотел побывать в монастыре Сан Дзаккария, а если и хотел, то не с такой поспешностью. Орсеоло уступил и не стал сопровождать Оттона, а, напротив, поспешил во дворец — по всей видимости, подготовиться к приему императора. Скорее всего, подготовить для него ночлег.

Таинственная атмосфера соблюдалась на протяжении всего визита императора. Императорскую свиту дож принял публично на следующее утро, после мессы в недостроенном соборе Сан Марко. Посланники вручили верительные грамоты императора, который, по их словам, остался поправлять здоровье на Помпозе. Пьетро Орсеоло приветствовал их от имени республики и распорядился об их достойном приеме, а сам тем временем тайно удалился в восточную башню дворца, где секретно поместил Оттона с двумя слугами. Но тем не менее, рассказывает дьякон Иоанн, Орсеоло трапезничал вместе с остальными, поскольку «не мог проводить весь день с императором из опасения вызвать подозрения своих подданных». Оттону это было на руку: одетый, как бедняк, он посещал другие церкви и памятники, к которым испытывал живой интерес.

Переговоры, без сомнения, велись, хотя отчетом о них мы не располагаем. Был совершен обмен подарками, среди них были императорский трон и скамеечка для ног из слоновой кости. В ответ Оттон освободил венецианцев от обязательства дарить ему каждый год pallium, или императорское одеяние. Это была форма дани, которую вместе с ежегодной выплатой пятидесяти фунтов серебра венецианцы отправляли со времен его деда, Оттона Великого. Чтобы еще больше укрепить дружбу, Оттон во второй раз сде-

лался крестным отцом другого ребенка Пьетро, на этот раз новорожденной дочери, которую император лично окунул в купель. Затем, возможно, не более чем через два дня после своего приезда, он выехал из Венеции так же тайно, как и приехал. Сопровождали его лишь дьякон Иоанн и двое личных слуг. Остальная свита официально уехала на следующий день.

Вернувшись в Равенну, Оттон немедленно объявил, где он побывал. Очевидно по договоренности дож сделал такое же публичное заявление в Венеции. Если верить Иоанну, это заявление было принято с энтузиазмом. Опять трудно понять почему. Венецианцы очень любили пышные праздники, а тайный императорский визит лишил их великолепного зрелища. Однако заявление Орсеоло только поспособствовало престижу республики, не говоря уж о его собственном. Как-никак, впервые император Запада добровольно покинул пределы своего государства ради того, чтобы самому увидеть Венецию, помолиться ее святыням, восхититься ее красотой и испить из источника ее житейской и политической мудрости. Мы можем лишь предположить, что благодарность жителей перевесила их разочарование.

От императорского визита Венеция получила больше пользы, чем Оттон. Решив вернуться в Рим, молодой император приготовился к осаде. Из Германии были вызваны подкрепления. Не успели они прибыть, не успела приехать нетерпеливо ожидаемая Оттоном византийская невеста — она уже была на пути из Константинополя, — как императора неожиданно сразила болезнь. По всей видимости, это была оспа. Оттон скончался в замке Патерно, возле Чивита Кастеллана 24 января 1002 года. Ему было всего двадцать два года. Удивительно — хотя в тех обстоятельствах к счастью, — он выразил желание быть похороненным не в Риме со своим отцом*, а в старой столице Карла Велико-

---

* Могилу Оттона II до сих пор можно увидеть в соборе Святого Петра. Он — единственный император Запада, похороненный в Риме.

го — в Ахене. Группа верных сподвижников перевезла туда его тело через враждебную римскую территорию. Его могила и сейчас находится в ахенском соборе.

Смерть Оттона III не помешала Пьетро Орсеоло II проводить дружественную политику по отношению к Западной империи. Когда спустя месяц ломбардцы провозгласили королем маркграфа Ардуина и объявили о своем выходе из империи, Пьетро без колебаний принял сторону Генриха II (Святого) Баварского. За это в конце года он был вознагражден новой хартией, в которой Орсеоло именовали «дожем Венеции и Далмации» и подтверждали все предыдущие привилегии республики. К тому же император стал крестным его следующего ребенка. Были проведены обычные приготовления, и, когда в 1004 году Генрих нанес первый визит в Италию, этой чести удостоился последний сын дожа. Последовала церемония конфирмации, на которой император стал крестным отцом. Он дал мальчику свое имя. Взаимоотношения Венеции с империей сулили республике блестящее будущее.

Можно было ожидать, что дож изберет для такой чести старшего, а не младшего сына, но Джованни Орсеоло приберегали для Византии. Пьетро не хотел, чтобы его сближение с Оттоном или Генрихом помешало дружбе с Василием II. Его далматское приключение, если и не закрепило на будущее отношения с Константинополем, то вызвало одобрение императора Восточной империи, чьи права он скрупулезно охранял, а потому тот был только рад, что Венеция берет на себя обязанности по поддержанию порядка в регионе, с которым сам он вряд ли бы справился. Дож приобрел в глазах Византии еще большее уважение, когда совершил еще одну экспедицию, не такую крупную, но еще более смелую, принеся тем самым мир городу Бари. В качестве столицы так называемой Капитанаты — византийской провинции Южной Италии, объявившей сюзеренитет над всей южной территорией от Террачины на западе до Термоли на Адриатическом побережье — Бари был самым

большим и важным греческим поселением на полуострове. В апреле 1002 года он, однако, был атакован сарацинами и все лето находился в осаде. Затем 6 сентября венецианский флот под личным командованием Орсеоло прорвал блокаду, доставил в голодающий город провизию и после трехдневной битвы у выхода из бухты обратил захватчиков в бегство.

То, что вмешательство Венеции было добровольным — хотя у нее имелись и собственные причины для противодействия экспансии сарацин в Италии, — еще более повысило ее авторитет в глазах Византии. Орсеоло, должно быть, решил, что пришла пора усилить свои позиции. Взяв в соправители девятнадцатилетнего Джованни, он отправил его вместе с младшим братом Оттоном с визитом в Константинополь. Там предполагалось женить его на принцессе Марии Аргира, племяннице двух императоров*. Церемония состоялась в императорской часовне, проводил ее патриарх в присутствии императоров. Они короновали новобрачных по православному обряду и даровали им частицы мощей святой Варвары. Затем последовала череда великолепных празднеств, после которых молодые удалились в предоставленный им дворец. По возвращении в Венецию молодая догаресса была на поздней стадии беременности.

Пьетро Орсеоло II находился теперь на вершине своей карьеры. Благодаря ему республика процветала и пользовалась всеобщим уважением. Его отвага позволила государству избежать двух главных опасностей — нашествий славян на востоке и сарацин на юге. Он упрочил венецианское влияние в Далмации. К тому же он связал семейными узами Византийскую и Западную империи и впервые за ше-

---

* Во время своего царствования Василий II Болгаробойца — один из величайших императоров Византии — официально разделял трон со своим братом Константином VIII. На самом деле Константин был человеком пустым, любителем удовольствий, и держался в тени, в политической жизни участия не принимал. В нашей книге он не упоминается.

стьдесят лет взял своего сына в соправители. Но по мере роста его власти и укрепления репутации множились и опасности, угрожавшие его величию. Неудивительно, что многие венецианцы начали задумываться, не закружилась ли от успехов его голова, не планирует ли, как многие его предшественники, втихомолку установить в лагуне наследственную монархию.

Затем его мир вдруг обрушился. Осенью 1003 года на южном небе появилась блестящая комета и оставалась там три месяца. Все знали, что это — знамение, и верно: на следующий год Венецию поразил голод. Далматские нивы, пострадавшие не меньше тех, что находились на материковой Италии, ничем не могли помочь. Следом пришла чума, унесшая среди многих сотен более скромных граждан молодого Джованни, его греческую жену и их новорожденного сына. Святой Петр Дамиани с плохо скрытым удовлетворением приписывает смерть догарессы божественной каре за ее сибаритские восточные привычки:

> Такой роскошью она себя окружила, что гнушалась умываться простой водой. Служанки набирали для нее росу, падавшую с неба. В ней она и купалась. Пальцами к еде не прикасалась, а заставляла евнухов нарезать ее на маленькие кусочки. Она подцепляла их специальным золотым инструментом с двумя зубцами и клала в рот. Ее комнаты пропахли столькими благовониями, что мне и говорить о них тошно, а уж читатели и представить себе этого не смогут. Всевышнего возмутило тщеславие этой женщины, и потому Он свершил свою кару. Он поднял над ней меч Своего божественного правосудия, и ее тело начало разлагаться, наполняя спальню непереносимым зловонием, которого никто — ни горничная, ни даже рабыня — не могли вытерпеть. Только одна служанка, с помощью ароматических смесей, осталась исполнять свой долг. И даже она поспешно приближалась к своей госпоже и немедленно убегала. После долгих и мучитель-

ных страданий, к облегчению своих близких, она испустила дух*.

Джованни и его жена умерли через шестнадцать дней, один после другого. Их похоронили в монастыре Сан Дзаккария в одной могиле. Пьетро Орсеоло был безутешен. Надежды на будущее растаяли. Хотя ему не исполнилось еще и пятидесяти, он утратил желание жить. Возможно, подобно отцу он искал утешения в религии. В отличие от старого Пьетро, в монастырь он не ушел. Вместо этого взял себе в соправители третьего сына, Оттона. Составил завещание, согласно которому основную часть своей собственности он передал церкви и бедным, а затем перешел в удаленное крыло дворца и перестал общаться даже с женой. Менее чем через два года, в 1008-м, он умер.

Юному Оттону было всего шестнадцать. В подобных обстоятельствах странно, что венецианцы не возражали против его совместного правления с отцом. Еще более странно, что они позволили ему наследовать трон. Насколько нам известно, ни одного голоса не было подано против него, самого молодого дожа в истории Венеции. Но в Средние века и мужчины, и женщины рано взрослели. Шестнадцатилетние полководцы, командующие армией, — явление не такое уж и редкое, а Оттон Орсеоло, похоже, казался старше своих лет. «Католик по вере, чист в помыслах, справедлив в суде, благочестив в религии, порядочен в повседневной жизни, богат, исполнен достоинств, а потому и был всеми

---

* Поскольку Петр Дамиани не называет Марию Аргира по имени и не упоминает о смертях, случившихся в то же время и по той же причине, ее мужа и сына, некоторые специалисты предполагают, что, возможно, он спутал ее с другой греческой догарессой — Теодорой, женой дожа Доменико Сельво. В связи с тем, что Сельво стал дожем только в 1071 году, а Петр Дамиани умер в феврале 1072 года, эта теория не кажется правдоподобной. Может быть, Петр не знал о чуме или умолчал о ней, чтобы не испортить впечатления от своего рассказа.

признан настоящим наследником своего отца и деда» — так описал его Андреа Дандоло три века спустя, что хотя и является слабой гарантией исторической справедливости, но, по меньшей мере, согласуется с относительно непредвзятой точкой зрения*. Оттон Орсеоло и в самом деле унаследовал многие черты характера своего отца, в том числе вкус к роскоши и любовь к власти. Новый дож был знаком с имперскими дворами Запада и Востока. При одном дворе он младенцем прошел обряд крещения, в другом его не раз удостаивали почестей. Вскоре после смерти Пьетро он женился на венгерской принцессе, дочери канонизированного впоследствии короля Стефана. Этот брак еще больше укрепил его положение. Как и отец, он быстро создал себе репутацию блестящего правителя, насколько это было возможно среди традиционно строгих подданных.

Для молодого человека с большими амбициями политические водовороты не представляли опасности. В 1017 году старый патриарх Градо Витале Кандиано наконец-то скончался. Патриархом он пробыл более полувека. На его место Оттон назначил своего старшего брата, Орсо. До тех пор Орсо был епископом Торчелло**, и его епархию дож передал другому брату, Витале. Ему следовало бы хорошо подумать. Новому патриарху было не более тридцати, новому епископу — на десять лет меньше. Вспыхнули прежние обиды, горожане испугались, что братья Орсеоло планируют создать наследственную династию. Недовольство еще не достигло такой мощи, чтобы вызвать бунт, и несколько лет прошли относительно спокойно, однако это не означало, что Оттон может полагаться на добрую волю и поддержку людей. В 1019 году на горизонте появилось первое пред-

---

* Записи дьякона Иоанна прерываются здесь, оставляя нас без подробного комментария свидетеля тех событий.

** Нынешний собор построен в бытность пребывания Орсо на посту епископа Торчелло. Собор сохранился в том виде, в каком его оставил Орсо.

грозовое облако. Все началось с назначением баварца Поппо по Треффена патриархом Аквилеи.

История не знает более удачного примера феномена, столь типичного для Средних веков*, — светский, амбициозный, воинственный священник. Прежде чем официально заявить о притязаниях на Градо, как на законную часть своего патриархата, Поппо объявил Орсо мошенником и узурпатором. Это заявление не нашло поддержки у папы, зато вызвало одобрение в самой Венеции, у фракции, настроенной против братьев Орсеоло. В 1022–1023 годах дож и его брат бегут из города и находит приют в Истрии. Но теперь настала очередь Поппо перехитрить самого себя. Без санкции папы он вошел в Градо и принялся систематически грабить церкви и монастыри, а захваченные сокровища посылать в Аквилею. Вот этого население Градо и Венеции уже не потерпело. Началась кампания в поддержку братьев Орсеоло. Те поспешно вернулись, на удивление легко выгнали Поппо и его приспешников и заняли прежние места: Орсо — в Градо, Оттон — во Дворце дожей.

Когда в 1024 году папа Иоанн XIX отверг притязания Поппо и восстановил права Градо как независимой епархии, могло показаться, что братья Орсеоло преодолели трудности и упрочили свою власть. Так бы все и было, если бы дож прислушался к народному мнению, но амбиции Оттона, как и раньше, оказались сильнее здравомыслия. Произошел скандал в связи с церковными назначениями. Враги Оттона действовали быстро и решительно. На этот раз у него не было возможности спастись. Его схватили, сбрили бороду и изгнали до конца дней в Константинополь.

Приемник Оттона, Пьетро Барболано (чаще его называли Центранико), в момент своего возвышения мог похвастать только одним отличием: тридцать лет назад он украл из Константинополя мощи святого Саввы и поместил их в

---

* По крайней мере, это относится к Западной Европе. В католическом мире традиция живет до настоящего времени.

церкви Сан Антонио*. Четыре года пытался он объединить город, но его усилия оказались напрасными. Старая политика Орсеоло — ввести наследственную власть — проявила себя в полной мере. В Константинополе император предоставил убежище Оттону (деверю его племянницы) и в гневе отменил торговые привилегии, которые в конце предыдущего столетия были пожалованы старому Пьетро. Новый император Западной империи последовал его примеру, а венгерский король Стефан, вознамерившись отомстить за сосланных дочь и зятя, напал на Далмацию и завоевал несколько прибрежных городов**. Венецию разрывали междоусобицы. Среди группировок были сторонники семьи Орсеоло. Эта фракция по-прежнему была сильна и еще больше окрепла, когда правительство перестало справляться со множеством накопленных проблем, а горожане все больше с тоской вспоминали прошлое. Кризис наступил в 1032 году. Центранико заставили покинуть свой пост. Тогда Витале Орсеоло, епископ Торчелло, поспешил в Константинополь с приглашением к своему брату вернуться править Венецией. Тем временем третий брат Орсо, патриарх Градо, которому, как и Витале, удалось пережить политическую бурю, временно взял власть в свои руки.

Казалось, все шло к возвращению Орсеоло, но, приехав в Константинополь, епископ Витале нашел своего брата серьезно больным. Оттон умер, не успев вернуться в Венецию. Патриарх тем временем продолжал исполнять рели-

---

* Они были возвращены 973 года спустя — в 1965-м — папой Павлом VI по просьбе православного патриарха. Он трогательно описал, как монахи монастыря Святого Саввы «до сих пор каждый вечер собираются возле пустой гробницы» («Таймс», 18 марта, 1965).

** Эта кампания, возможно, была возбуждена его племянником, сыном Оттона Петром, который жил тогда в Венгрии. Там он должен был со временем сменить на престоле Стефана. Петр без труда уговорил деда завоевать Далмацию ради рода Орсеоло, в отместку неблагодарным венецианцам, которые их изгнали.

гиозные и светские обязанности, но сложил полномочия, как только до него дошло печальное известие. Попытка захватить власть еще одним членом семейства, неким Доменико Орсеоло, без труда была подавлена. Современный историк Р. Чесси отозвался о нем как о жалкой пародии — «miserabile parodia». Он продержался лишь день и ночь, после чего сбежал в Равенну.

Время рода Орсеоло прошло, и никогда уже это семейство не правило Венецией.

Глава 6

НОРМАННСКАЯ УГРОЗА (1032–1095)

> Смел был народ сей и в бое морском весьма сведущ, ведь императора просьба отбыла в Венецию, город на побережье, равно обильный богатствами и людьми, волнами крайнего севера Адриатики он омываем. Стены города того окружает море повсюду, так что не могут иначе как в лодке они добраться от дома и до дома. Живут постоянно они на воде, и никто из народов не превосходит их в битвах морских и в искусстве мореплавания*.
>
> *Вильгельм Апулийский. Деяния Робера Гвискара*

Бесчестная попытка Доменико Орсеоло захватить власть в Венеции оказалась катастрофической не только для него самого, но и для его семьи. Венецианцы, даже те, кто поддерживал возвращение дожа Оттона, были поражены его идеей, что высшая власть в городе стала прерогативой рода Орсеоло, и они убедительно продемонстрировали свое недовольство: выбрали дожем Доменико Флабьянико, богатого купца, торговца шелком, возглавившего

---

* Перевод И. В. Старикова.

бунт за шесть лет до нынешнего события. Антидинастические взгляды Флабьянико, а также старинные венецианские традиции стали основой широко распространенного мнения, что вместе с назначением нового дожа была пересмотрена конституция города, а практика назначения соправителей осталась в прошлом. Период тирании уступил место демократическим свободам. Один авторитетный источник* даже утверждал, что был издан специальный закон, согласно которому гонениям подверглась вся семья Орсеоло: им запретили занимать публичные должности, и это несмотря на то, что два прелата, Орсо и Витале, по-прежнему служили в своих епархиях до самой смерти. Фактически реформа заключалась не столько в смене законов, сколько в пересмотре отношения к ним. Традиции избрания дожей и прав народного собрания уже существовали. Все, что требовалось — это пытаться им следовать. И у Флабьянико такое желание было. Люди пошли за ним. За семь с половиной столетий до конца существования республики дожами снова и снова избирали представителей определенных семей, пользующихся влиянием. Учитывая то, что большую часть времени в Венеции формой правления была олигархия, было бы удивительно, если бы таких семей не было. Но только дважды за весь период венецианской истории мы находим одно и то же имя, появляющееся несколько раз подряд. В обоих случаях власть переходит от брата к брату, а не от отца к сыну, причем нет ни малейшего сомнения в том, что исход дела решили выборы. После падения семьи Орсеоло к практике двойного правления не возвращались и даже не предпринимали подобных попыток.

Одиннадцатилетнее правление Доменико Флабьянико стало вехой в истории Венеции. В то же время за этот пери-

---

* Анонимный комментатор «Хроники» Андреа Дандоло. Версия, о которой идет речь, была описана в XVIII веке директором миланской библиотеки Амброзиана как «confusa indigestaque farrago» («неупорядоченная мешанина»).

од не происходило ничего значительного. Республика снова обрела мир, о борьбе фракций забыли, граждане смогли сосредоточиться на двух вещах, которые лучше всего у них получались, — сколачивании состояний и расширении и украшении своего города. Столь счастливое положение дел было, однако, нарушено со смертью дожа. Во время краткого периода междувластия небезызвестный Поппо из Аквилеи увидел еще одну возможность подчинить себе Градо при помощи своих головорезов. Он второй раз ворвался в ничего не ожидающий город и похитил несколько сокровищ, которые двадцать лет назад каким-то образом ускользнули от его внимания. К счастью, Поппо почти сразу же умер, а его приспешники бежали, завидев приближение венецианского флота под командованием нового дожа, Доменико Контарини. Хотя официально эта акция в 1044 году была осуждена папой, а права и положение Градо восстановлены, соперничество двух епархий продолжалось еще долгие годы. Было бы еще больше неприятностей, если бы патриарх Градо после смерти старого Орсо в 1045 году благоразумно не решил бы сделать своей резиденцией Венецию. С тех пор связи с Градо еще больше ослабели, так что, когда в XV веке папа официально признал перевод патриархии, кроме титула, мало что пришлось изменить*.

Дож Контарини помог Градо и провел всего один заграничный поход. Совершен он был в Далмацию в 1062 году. Ситуация здесь, особенно после вторжения венгерского короля Стефана сорок лет назад, в связи с давлением венгров, хорватов и византийцев становилась все более неуправляемой. Венецианцы вернули Зару, это не положило конец беспорядкам, но тем не менее убедило местное латинское население в том, что дож не зря носит титул герцо-

---

*Первый дворец патриарха в Венеции находился на Большом канале, между церковью Сан Сильвестро и мостом Риальто. Его можно увидеть в Академии на картине Карпаччо «Изгнание беса» — одной из серии картин, изображающих чудеса Святого креста.

га Далматского. В самой Венеции Контарини на протяжении двадцати восьми лет способствовал спокойному преуспеванию республики, начало которому положил его предшественник. Дож с практичностью, присущей венецианцам, уделял большое внимание церкви, что способствовало славе города. По распоряжению Контарини на Лидо вырос великолепный бенедектинский монастырь, посвященный святому Николаю Мирликийскому, покровителю моряков.

Нынешняя церковь Сан Николо ди Лидо — довольно невыразительное строение XVII века. О первоначальном проекте напоминают лишь две великолепные колонны в греко-венецианском стиле, украшающие вход в монастырь. Ансамбль не имеет ничего общего с магической красотой другой (куда более древней), посвященной тому же святому венецианской церковью Сан Николо деи Мендиколи*. Над входом в церковь висит мемориальная доска в память о трех триумфах Контарини — далматской экспедиции, возвращении Градо и, наконец, победе над норманнами в Апулии. По поводу первых двух побед не возникает вопросов, а вот третья вызывает удивление. Норманнов в Апулии никто не побеждал. С венецианцами они встречались только на море, на юге Адриатики, сначала рядом с Дураццо (современная Албания), позже — в проливе Корфу, да и произошли эти сражения через десять-пятнадцать лет после его смерти. Контарини повезло, что не он воевал с норманнами, поскольку последняя и решающая битва закончилась поражением Венеции, что привело к падению его преемника, Доменико Сельво, считавшегося до той поры одним из самых популярных дожей в истории города.

Как именно Доменико Сельво заслужил свою популярность, сказать трудно, однако можем быть уверены, что любовью народа он и в самом деле пользовался, потому что, по счастливой случайности, до нас дошел отчет о его избрании,

---

* Недавно восстановлена британским фондом «Венеция в опасности».

написанный священником церкви Санто Микеле Аркнаджели, неким Доменико Тино. Это самое раннее описание, сделанное очевидцем подобной церемонии, и оно позволило нам увидеть проявление политической воли горожан.

Это произошло в 1071 году. Поскольку в соборе Сан Марко шли восстановительные работы, выборы состоялись в новой монастырской церкви Сан Николо ди Лидо. Раньше, если в базилике невозможно было собраться, дожей избирали в соборе Сан Пьетро ди Кастелло, но церковь Сан Николо была гораздо вместительнее. Власти, возможно, надеялись, что выбор столь отдаленной церкви уменьшит количество присутствующих. Если это и в самом деле так было, их ожидало разочарование, поскольку Тино сообщает, что «бесчисленное множество людей, практически вся Венеция», переправились через лагуну «in armatis navibus» — фраза, предполагающая, что для такого случая была призвана часть военного флота Венеции.

Процедура началась с торжественной мессы, во время которой «под сопровождение псалмов и литаний» молились о божественном озарении для избрания дожа, «который был бы достоин своего народа и принят людьми. Громкий крик поднялся до небес, казалось, он был исторгнут из одной груди. Все присутствующие кричали снова и снова, все громче и громче: "Domenicum Silvium volumes et laudamus!"*». Яснее выразить волю народа было вряд ли возможно. Выборы состоялись. Самые влиятельные горожане подняли новоизбранного дожа и над головами ликующей толпы понесли его на пристань. Хор пел «Kyrie» и «Te Deum»; звонили колокола; на бесчисленных сопровождающих процессию лодках гребцы плашмя били по воде веслами, усиливая шум оваций. Так продолжалось на всем обратном пути до города. Сельво, теперь босого, одетого в простую рубашку, торжественно привели в базилику, где среди лестниц и строительных лесов он простерся ниц на только что положенном мраморном полу и, воздав благодарственные

* «Желаем Доменико Сельво!» (*лат.*)

молитвы, принял у алтаря жезл — символ власти. В этот момент — хотя Тино об этом не пишет — он, вероятно, впервые надел одеяние дожа и прошел ко дворцу, где подданные принесли ему клятву верности, а он в ответ роздал традиционные подарки.

Началось правление двадцать девятого венецианского дожа. Тино заканчивает свой отчет любопытной подробностью. «Без промедления, — пишет он, — дож отдал приказ о реставрации и украшении дверей, скамей и столов, поврежденных после смерти дожа Контарини». Почему, спросите вы, это было необходимо? Не существует никаких свидетельств об общественных беспорядках после смерти Контарини. Он пользовался популярностью у народа. Ведь если бы это было не так, вряд ли Сельво, один из главных его сторонников, был бы избран так быстро и с таким воодушевлением. Мы можем лишь предположить, что венецианцам кто-то вдруг дал плохой совет — перенять варварскую традицию папского Рима, когда после смерти понтифика толпа каждый раз рушила Латеранский дворец. Если это так, то эта практика не прижилась. В последующие столетия Дворец дожей не раз подвергнется атакам в моменты кризиса, но никак не в праздники. Возможно, в XI веке официальная позиция относительно смерти дожа не была прояснена. Вскоре все будет решено: человека, признанного виновным в захвате или повреждения собственности республики, заставят до конца жизни жалеть о своем преступлении.

Первое десятилетие правления Доменико Сельво было вполне мирным. Вскоре после вступления в должность он женился на византийской принцессе Феодоре Дука, сестре правящего императора Михаила VII, и восстановил отношения с Западной империей, подняв их на уровень, которого не было со времен Орсеоло, хотя едва избежал интердикта для себя и всей республики, когда разгорелась борьба между императором Генрихом IV и папой Григорием VII, известным более как Гильдебранд. В самой Венеции царил

мир, и только в 1081 году, когда только что взошедший на трон византийский император Алексей I Комнин обратился за помощью ввиду норманнской угрозы, этот мир был нарушен.

Завоевание норманнами Южной Италии и Сицилии является значимым событием в истории Европы. В то время, когда Алексей обратился за помощью к венецианцам, в Апулии жили еще старики, помнившие отважных юных искателей приключений, которые тогда только начинали ковать себе судьбу с помощью мечей по ту сторону Альп. Не прошло и десяти лет, как они завладели всеми землями к югу от реки Гарильяно. В 1053 году они сокрушили значительно превосходившую их числом армию, лично возглавляемую папой. Норманны захватили его и девять месяцев держали в плену. Через шесть лет Роберу де Отвилю, прозванному Гвискаром (Хитрецом), папа Николай II пожаловал герцогства Апулия, Калабрия и Сицилия. С последним он поспешил: Сицилией владели мусульмане. Прошло тринадцать лет, прежде чем Палермо сдался армии Робера, а потом — еще двадцать, прежде чем его соотечественники безраздельно завладели всем островом. Но даже до падения столицы Робер Гвискар устремился в своих планах к тому, что находилось за пределами его герцогства. Он задумал самое амбициозное предприятие в своей удивительной карьере — поход на Византийскую империю и взятие Константинополя. Внутренние проблемы в Южной Италии несколько лет мешали осуществлению этого заветного желания, но в конце весны 1081 года его флот был готов к отплытию. Первой целью был Дураццо, откуда к имперской столице через Балканский полуостров вела извилистая дорога Виа Эгнация, проложенная восемьсот лет назад.

Византийский император Алексей Комнин, услышав о высадке Робера на имперской территории, тут же послал дожу просьбу о помощи. Вероятно, в этом не было необходимости: угроза Венеции, боявшейся уступить норманнам контроль над проливом Отранто, была такой же серьезной,

как и для империи. Доменико Сельво не колебался и отдал приказ немедленно подготовить военный флот. Взяв на себя командование, дож вышел в море. Он едва успел. Помешал сильный морской шторм, который потопил несколько кораблей. Норманны уже бросили якорь на рейде возле Дураццо, когда туда подошли венецианские военные галеры.

Люди Робера Гвискара сражались упорно, но им помешало отсутствие опыта ведения морского боя. Венецианцы усвоили старый византийский прием подъема шлюпок на нок-реи: оттуда моряки стреляли по врагам. Кажется, им был известен секрет греческого огня, поскольку норманнский хронист Джеффри Малатерра пишет о том, как «они изрыгали огонь, называющийся греческим, и его невозможно было погасить водой. От этого хитрого пламени сгорел один из наших кораблей прямо под морскими волнами». Против такой тактики норманны были бессильны: потрепанный флот с большими потерями вернулся в гавань.

Норманнская армия, сумев высадиться на берег, почти не пострадала и после восьмимесячной осады, во время которой однажды одержала сокрушительную победу над византийским войском, возглавляемым самим императором, принудила Дураццо сдаться. Алексей уже послал богатые подарки Венеции в благодарность за помощь. Император не был бы столь щедр, узнай он, что сдача города произошла в результате предательства местного венецианского купца, который открыл ворота за обещание жениться на одной из дочерей Робера Гвискара.

Первая победа Венеции над норманнами оказалась лишь временным успехом. После падения Дураццо местное население, не слишком-то лояльно настроенное к Византии, не оказало большого сопротивления наступавшей армии Робера Гвискара. В течение нескольких недель сдалась вся Иллирия, а вскоре и важный македонский город Кастория, в центре Балканского полуострова, последовал ее примеру. Если бы Роберу было позволено продолжить движение, нет сомнения, что на следующее лето он стоял бы у ворот Константинополя и до заветной цели — император-

ского трона — было бы рукой подать. Его беда в том, что в этот самый критический момент папа потребовал, чтобы он немедленно вернулся.

О захвате Рима императором Генрихом IV осенью 1084 года, о том, как папа Григорий VII укрылся в замке Сант Анджело и как его освободил Робер Гвискар, в этой книге мы рассказывать не будем. Достаточно лишь отметить, что в этот annus mirabilis* — когда рыцарь удачи обратил в бегство императоров Востока и Запада, а в его руках был самый могущественный из всех пап Средневековья — Робер, похоже, мечтал лишь о том, чтобы как можно раньше вернуться на Балканы. Он якобы поклялся жизнью своего отца не мыться и не бриться, пока он не вернется в армию, которую оставил в Кастории на сына Боэмунда. До него доходили сведения о контрнаступлениях византийцев на суше и венецианцев на море, о значительных потерях в его армии, и это лишь усиливало его нетерпение.

Он вернулся осенью, и оказалось, что положение даже хуже, чем он ожидал. Венецианский флот вернул и Дураццо, и Корфу. Территории, захваченная норманнами, ограничилась одним-двумя островами и короткой прибрежной полосой. Хотя Роберу было уже шестьдесят восемь, тревоги он не проявил. Вместо этого тут же затеял новый поход на Корфу. Плохая погода задержала его корабли до ноября, и когда они получили возможность выйти в море, то защитники успели подготовиться. У северо-восточной оконечности острова, за гаванью, их встретил объединенный греко-венецианский флот, обрушившийся на них всей своей мощью и принесший им не меньший урон, чем в прошлом году у Дураццо. И все же Гвискар не признал своего поражения. Через три дня он снова повел флот в атаку — и снова поражение, еще страшнее предыдущего! Уверенные в своей победе, венецианцы направили самые быстрые полубаркасы домой — сообщить об успехе на Риальто.

---

* Удивительный год (*лат.*).

На протяжении его долгой жизни люди часто недооценивали Робера Гвискара. И каждый раз, если им вообще везло остаться в живых после встречи с этим рыцарем удачи, враги горько раскаивались в своем заблуждении. В случае с венецианцами это было понятной ошибкой. После двух предшествующих сражений мало нормандских кораблей способны были продолжить плавание, а уж тем более решиться на третий бой. Но Робер, заметив, что полубаркасы скрылись за горизонтом, увидел свой шанс. Собрав все суда, которые еще держались на плаву, он направил их в отчаянную атаку на ничего не подозревавшие галеры противника. Гвискар рассчитал все правильно: венецианцы были захвачен врасплох и не успели перестроиться в защитный порядок. Что еще хуже, к тому времени они освободили большие корабли от балласта и провизии, и суда стояли на воде так высоко, что когда в пылу сражения солдаты и команда ринулись на один борт, многие из них опрокинулись. (Так, по крайней мере, рассказывает Анна Комнин, дочь императора, в удивительном труде, посвященном правлению ее отца.) В это трудно поверить, учитывая то, что нам известно о венецианском искусстве мореплавания. По оценкам Анны, венецианцы потеряли 13 000 человек, а в плен было взято огромное количество людей, о мучениях которых она рассказывает с мрачным удовлетворением. Наконец, она изобретает четвертое сражение, в котором венецианцы якобы отомстили, однако этим рассказом, к сожалению, придется пренебречь, понимая, что Анна принимала желаемое за действительное. В венецианских источниках сведений об этом нет, да и где-либо еще — тоже. Вряд ли тогда дож Доменико Сельво лишился бы своего поста.

Есть сомнение и в том, что во время той катастрофы дож командовал флотом. Если же это правда, его наказание нельзя считать таким уж незаслуженным. Впрочем, в других отношениях его политика была успешной. Готовность и энтузиазм, с которыми он откликнулся на призыв императора Алексея о помощи, заслужили Венеции вечную благодарность византийцев. Алексей не замедлил выразить ее

в материальной форме: ежегодные субсидии всем городским церквям, включая отдельную выплату в казну собора Сан Марко, разрешение иметь якорные стоянки и склады в бухте Золотого Рога и, наконец, в 1083 году — расширение прежних торговых привилегий, освобождение венецианских купцов на всем пространстве империи от всяких таможенных, портовых и других сборов. Значение этой последней уступки трудно переоценить. Неожиданно и в мгновение ока венецианцы получили огромные территории, которые могли считать своими. Как сказал великий французский ученый Шарль Диль, «император распахнул перед ними ворота на Восток. С этого дня началась мировая венецианская торговля».

Но факт оставался фактом: в короткое время Венеция потерпела не просто поражение, она испытала унижение. Погибли ее лучшие моряки. Из девяти больших галер — самых больших и лучше всего оснащенных — две оказались в руках норманнов, а другие семь — на морском дне, уничтоженные народом, не имевшим опыта подобных морских сражений, и это в момент, когда их собственные суда в момент боя едва держались на плаву. Норманны снова стали контролировать подходы к Адриатике. Венецианцы не знали, что через несколько месяцев Робер Гвискар умрет от тифа на острове Кефалония, а его армия, сильно пострадавшая от той же болезни, развалится. Они не знали, что норманнская угроза исчезнет, по крайней мере на время, так же неожиданно, как и возникла. Но в тот момент требовался козел отпущения, и им оказался сам дож.

Все произошло очень быстро. Сельво, похоже, даже не сделал попытки себя защитить. Его отстранили от власти и отправили в монастырь. До конца года на его место явился другой. Вероятно, воля Сельво была сломлена, и он был только рад уйти, но все же это был печальный конец правления, начавшегося тринадцать лет назад так благополучно.

Историк Андреа Дандоло обвиняет нового дожа, Витале Фальеро, в том, что тот «с помощью обещаний и подкупа убедил народ сместить его предшественника». Возможно,

так и было, но Дандоло писал это 250 лет спустя, и его хроника в этом случае столь поверхностна и неточна, что вряд ли Фальеро возможно осудить только по этому свидетельству. Другой английский историк, Ф. Ходжсон, просто отмечает, что «за десять лет его правления произошло мало событий, и особых проблем не было», что, возможно, и справедливо.

Тем не менее в этот период в истории Венеции произошло одно великое событие — освящение нового собора Сан Марко, того самого, что стоит и поныне. Работа над третьей церковью, построенной на этом месте после прибытия останков евангелиста, была начата дожем Контарини и с большим энтузиазмом осуществлена Доменико Сельво. Тот пошел еще дальше: в начале своего правления распорядился, чтобы каждый венецианский купец, возвращающийся с Востока, привозил оттуда для базилики мрамор или красивые резные украшения. Тот же Сельво привез из Равенны художников для мозаичных работ, остающихся до сих пор лучшим украшением храма*. Очень хочется надеяться, что летом 1094 года ему разрешили на пару дней покинуть свою келью и присутствовать при церемонии освящения. Если это так, то возможно также, что он увидел несколько чудес, которые венецианцы — простые горожане, не склонные к полетам воображения, считают своими.

После того как первая базилика сгорела в огне 976 года, мощи святого Марка, как гласит легенда, бесследно исчезли. Никто не думал, что их поглотило пламя. Проблема была в том, что точное место их нахождения известно было только троим людям, но они погибли, так и не открыв свой секрет. Когда новая церковь была наконец построена, в городе объявили трехдневный пост, во время которого дож, патриарх, а также епископы и духовенство молились об обнаружении драгоценной реликвии. На третий день — это было 25 июня — их молитвы были услышаны. Во время торже-

---

* Некоторые мозаики XI века сохранились до сих пор, в том числе портреты святых в нишах у двери, ведущей в притвор.

ственной мессы из южного трансепта донесся звук обваливающейся каменной кладки. Все взоры обратились туда. Люди увидели, что часть одного контрфорса упала, а за ней обнаружилось отверстие, из которого торчала человеческая рука. Все немедленно узнали руку евангелиста. Его мощи с ликованием вынули из тайника и погребли в склепе. Там они и оставались до 1836 года, после чего их перенесли под алтарь, где они и покоятся до сих пор*.

Освящение третьего и последнего собора Сан Марко — случилось там чудо или нет — было событием, имевшим резонанс далеко за пределами лагуны. На Западе — в Равенне, Ахене или даже в Риме — еще не возводили такого роскошного храма, дома Божия. Это послужило наглядным доказательством не столько набожности венецианцев (они были не религиознее своих соседей), сколько богатства их торговой империи и национальной гордости, Европе доселе неизвестной, — эта гордость побуждала их жертвовать личные средства во славу своего города. Этот урок не прошел даром для императора Генриха IV, когда летом 1095 года он посетил Венецию. Со следующего года в течение столетия многочисленные принцы не упускали случая проехать через город по пути на Восток и обратно. Но прежде чем начался поток первых «туристов», и даже спустя всего несколько недель после визита императора Витале Фальеро скончался от чумы. На Рождество его похоронили в базилике. Там до сих пор находится его могила, с правой стороны у центрального входа. Это — самый старый погребальный памятник в Венеции. Преемнику пришлось управлять республикой в опасные годы, завершившие столетие — годы Первого крестового похода.

---

* Две восхитительные мозаики конца XIII века на торцовой стене южного трансепта иллюстрируют эту находку (рис. 18 и 19). Рядом, на контрфорсе, слева от алтаря находится памятная доска, отмечающая точное место, где случилось чудо.

Глава 7

ПО СЛЕДАМ КРЕСТОВОГО ПОХОДА (1095–1130)

И как в венецианском арсенале
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали,

Кто чинит нос, кто корму клепает;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг
Кто снасти вьет, кто паруса латает,

Так силой не огня, но божьих рук,
Кипела подо мной смола густая,
На скосы налипавшая вокруг...

*Данте. Ад. XXI. 7–18**

Это произошло 27 ноября 1095 года, когда дож Фальеро лежал на смертном одре. Папа Урбан II обратился ко всему христианскому миру с призывом защитить Восточную империю и паломников в Святой земле. Призыв папы быстро распространился по Европе, феодальные властители были полны энтузиазма. К 1 декабря граф Раймонд Тулузский и многие вельможи заявили, что к походу готовы. Из Нормандии и Фландрии, из Дании, Испании и даже Шотландии на зов откликнулись и принцы, и крестьяне. В Ита-

* Здесь и далее перевод М. Лозинского.

лии общая реакция была такой же. Жители Болоньи получили письмо от папы, предостерегавшего их от чрезмерного усердия и советовавшего не пускаться в путь без дозволения священников, и если это были недавно женившиеся мужчины, то и без согласия жен. Сын Робера Гвискара, Боэмунд, увидел шанс, которого давно дожидался, и собрал собственную маленькую армию. Пиза и Генуя, быстро обретавшие морское могущество, решили использовать все перспективы предстоящего похода и принялись готовить флот.

Но Венеция сомневалась. Ее восточные рынки были застрахованы, особенно Египет, ставший главным поставщиком пряностей, ввозимых из Индии и южных морей, и являющийся рынком для сбыта европейского дерева и металла. Осторожные венецианцы не поддавались порыву спасти Святую землю. Война мешает торговле, а хорошие отношения с арабами и турками-сельджуками, за четверть века захватившими большую часть Анатолии, были очень важны, так как именно они контролировали караванные пути в Центральную Азию. Новый дож, Витале Микеле, предпочитал выждать, оценить размах предприятия и его последствия в случае успеха, прежде чем решиться принять в нем участие. Только в 1097 году, когда первая волна крестоносцев уже продвигалась по Анатолии, он начал серьезные приготовления, и лишь в конце лета 1099 года, после того как франкская армия вторглась в Иерусалим, где учинила страшную резню (в городе было убито множество евреев, а в главной синагоге сожгли живьем всех молившихся), только тогда венецианский флот численностью в 200 судов вышел из порта Лидо.

Командовал им сын дожа, Джованни Микеле, а за души венецианцев отвечал Энрико, епископ Кастелло и сын бывшего дожа Доменико Контарини*. Флотилия продвигалась

---

*Название епархии изменилось с Оливоло на Кастелло. Впервые она стала так называться при Энрико.

по Адриатике, заходя в далматские города и принимая на борт людей и военное снаряжение. Согласно одному свидетельству, император Алексей просил их не участвовать в походе и возвращаться домой. Алексея ужасали размеры армий крестоносцев. Когда он впервые обратился к папе, то ожидал, что на помощь ему придут отдельные рыцари или небольшие отряды опытных наемников, которые будут ему всецело подчиняться, но уж никак не прожорливые и недисциплинированные орды, религиозные фанатики и обыкновенные авантюристы. Они прошли через его владения как саранча, и уничтожили хрупкий мир между христианами и неверными, неустойчивое равновесие, от которого зависело выживание его империи. Они даже не ограничивались атаками на сарацин. В ту зиму флот Пизы осадил имперский порт Латакию, в то время как Боэмунд, успевший основать княжество в Антиохии, одновременно атаковал его с суши. Учитывая долгую историю дружбы Венеции и Византии и привилегированное положение венецианцев в империи, Алексей вряд ли ожидал от них подобного поведения. Сейчас он был разочарован крестовым походом. Если это называлось христианским союзом, то он бы предпочел действовать сам. Император яростно защищался в Латакии, и пизанские пираты вынуждены были отойти к Родосу.

Так впервые в своей истории венецианцы и пизанцы встретились лицом к лицу. Последние, несмотря на недавнее поражение, настроены были воинственно. Венецианцы, наблюдавшие подъем могущества Пизы с недовольством, возраставшим год от года, не намерены были делиться с наглыми выскочками своими прибылями. Последовавшая затем битва была долгой и очень кровавой. Венецианцы добились своего: захватили двадцать пизанских кораблей и 4000 пленных (почти всех вскоре освободили). Им удалось вытеснить побежденного соперника из Восточного Средиземноморья. Как и все сражения такого рода, победа вскоре была забыта. Венеция выиграла первый раунд против сво-

его торгового соперника, а вся борьба шла на протяжении долгих столетий*.

Существует множество свидетельств о настроениях венецианцев, отправляющихся в крестовый поход. Прошло шесть месяцев, с тех пор как флот вышел в море, а республика все еще не нанесла ни единого удара во имя спасения христианства. Да что там, флот даже не приблизился к Святой земле. Как и всегда, на первое место Венеция ставила собственную выгоду, и даже когда зима сменилась весной, ее интересы требовали промедлить еще несколько недель. Незадолго до отправления епископ Энрико посетил церковь отца — Сан Николо ди Лидо — и молился там. Он просил, чтобы Бог помог ему привезти в Венецию мощи святого покровителя из Мир. Миры, епархия святого Николая и место его погребения, находится в континентальной Ликии, почти напротив Родоса. Город был сильно разрушен сельджуками, но большая церковь все еще стояла над могилой святого. Венецианцы высадились, ворвались в церковь и скоро обнаружили три гроба из кипариса. В первых двух находились останки святого Теодора и дяди святого Николая, третий, принадлежавший самому святому, оказался пустым. Они допросили церковных служителей, даже пытали их, стремясь выяснить, где святыня. Несчастные могли лишь сказать, что мощей у них больше нет, несколько лет назад они были вывезены купцами из Бари. Но епископ не мог в это поверить. Упав на колени, он громко молился, просил, чтобы ему открылось место погребения святого. И только собрались они покинуть здание, как в отдаленном углу церкви появилось свечение, и они увидели еще одну могилу. В ней — как рассказывает легенда — лежало неповрежденное тело святого Николая. Он сжимал в руке пальмовую ветвь, свежую и зеленую, которую принес с со-

---

* Есть картина, изображающая это сражение, написанная Вичентино. Она находится в северном овале, на потолке, в зале голосования Дворца дожей.

бой из Иерусалима. Все три тела были торжественно перенесены на корабли. Венецианцы завершили свою миссию и отправились наконец-то в Палестину.

После захвата Иерусалима в 1099 году крестоносцы избрали своим королем Готфрида Бульонского (Годфруа Буйонского), герцога Нижней Лотарингии. Отказавшись надеть корону в городе, где Христос носил терновый венец, Готфрид принял титул «освободителя Гроба Господнего» и в этом звании в середине июня 1100 года получил сообщение о том, что к Яффе подошел большой венецианский флот. Бой ни в коем случае не был окончен, большую часть страны занимали сарацины, а морские силы герцога были слабы. Он поспешил к побережью поприветствовать венецианцев, но, когда приблизился к Яффе, почувствовал себя не лучшим образом. По пути остановился в Кейсарии и принял участие в пире, данном в его честь вассалом, сарацинским эмиром. Поползли слухи об отравлении. На самом деле он, скорее всего, заразился тифом. Готфрид едва был способен принять венецианских предводителей, а потому ему пришлось вернуться в Иерусалим. Для переговоров он оставил вместо себя кузена, графа Уорнера Грея.

Условия венецианцев бескорыстием не отличались. За свою помощь они попросили права на свободную торговлю во всем франкском государстве, церковь и рынок в каждом христианском городе и в дополнение каждый третий город из тех, что в будущем они помогут захватить. И, наконец, они потребовали город Триполи. И даже если все это будет им предоставлено, на Святой земле они останутся только на два месяца, до 15 августа.

Это была жесткая, типично венецианская сделка, а быстрота, с которой франки ее приняли, показывает, как сильно они нуждались в морской поддержке. Союзники договорились, что первой целью будет Акра, за ней последует Хайфа. К несчастью для крестоносцев, сильный северный ветер

задержал корабли у Яффы, и, пока они там пережидали шторм, пришла весть, что Готфрид скончался. Возникла проблема: предводители франков хотели присутствовать в Иерусалиме во время выборов и передела завоеванных земель. С другой стороны, оставалось меньше месяца до отплытия венецианцев. Нельзя было отказываться от флота, за помощь которого заплатили такой дорогой ценой. В последующих переговорах стороны пришли к компромиссу: нападение на Акру будет отложено, первой целью станет Хайфа: она и ближе, и не так сильно укреплена.

Хотя Хайфу защищал маленький египетский гарнизон, население, в основном иудейское, оказало сильное сопротивление. Они помнили, что случилось менее года назад с их братьями в Иерусалиме, поэтому делали все, чтобы спасти город. Однако против венецианских баллист и осадных машин предпринять ничего не могли, и 25 июля — через неделю после смерти Годфрида — вынуждены были сдаться. Их страхи полностью оправдались: не многим удалось спастись. Большинство иудеев и мусульман были убиты на месте.

Вряд ли сами венецианцы принимали в побоище активное участие. Кровожадностью они не отличались. Это были купцы, а не убийцы. Франки, напротив, замечены были в подобного рода резне не только в Иерусалиме, но и в Галилее. Факт остается фактом: это был военный альянс, и, поскольку Микеле, Контарини и их последователи присутствовали при этом, невозможно снимать с венецианцев ответственность за преступление. Сознавали ли они это сами, сказать не можем. В отрывочных венецианских хрониках нет упоминания о каких-либо зверствах. Не сказано и о том, получили ли они обещанные награды, хотя, возможно, они согласились повременить с этим до выборов нового короля. Вскоре после падения Хайфы они отправились домой, захватив с собой, кроме трофеев и товаров из Святой земли, святые мощи из Мир. Свое возвращение венецианцы приурочили ко дню святого Николая. Их приветствовали

дож, духовенство и народ. Мощи святого торжественно перенесли в церковь Доменико Контарини на Лидо.

Не прозвучала ли в этой церемонии фальшивая нота? Наверняка прозвучала, потому что служители в Мирах сказали правду. За тринадцать лет до венецианцев в Миры приехала группа купцов из Апулии. Они и похитили мощи святого Николая. Перевезли их в Бари, где немедленно началась работа над базиликой, названной в его честь. Теперь это — одна из лучших церквей Италии, построенных в романском стиле. Поскольку склеп этой церкви в 1089 году был освящен самим папой Урбаном, а за годы строительства базилику, должно быть, видели бесчисленные венецианские моряки — на их глазах она становилась все выше и выше, — то вряд ли возможно, что дож и его советники не знали о притязаниях Бари. Насколько мы знаем, они не пытались опровергнуть заявления соперников. Мы можем лишь заключить, что все было основано на самообмане, и венецианцы, обычно такие здравомыслящие, способны были убедить себя в том, что черное — это белое. Пусть речь идет о чести и славе, но нельзя же пренебречь финансовой выгодой, получаемой от паломников. Потому они и заявили, что настоящие мощи святого Николая лежат в его могиле на Лидо. Прошло несколько столетий, прежде чем это утверждение было опровергнуто.

Новый дож, избранный в 1102 году, после кончины Витале Микеле*, был фигурой загадочной. О его происхождении и прежней карьере нам ничего не известно, за исключением того, что он являлся еще одним членом семейства Фальеро. По поводу его имени, уникального для венециан-

---

* Могила Витале Микеле не сохранилась, и это странно, потому что могила его жены цела. Она умерла незадолго до мужа, и ее гробница находится в атриуме собора Сан Марко, неподалеку от могилы Витале Фальеро по другую сторону от главного входа.

ской, да и для всей итальянской истории, — Орделафо — удовлетворительного объяснения никто так и не дал. Было отмечено, что это — венецианский вариант более распространенного имени Фаледро. В этой форме имя нового дожа является палиндромом. Кто знает, может, то был каприз со стороны родителей, назвавших так своего ребенка. Несомненно лишь, что это имя мы находим в нескольких документах того времени, а также, в сокращенной форме, под портретом дожа (в византийском императорском одеянии) на Золотом алтаре (Pala d'Oro) собора Сан Марко. В 1105 году Орделафо реконструировал и украсил этот алтарь.

Работы над Золотым алтарем, должно быть, еще продолжались, когда Венеция пострадала от первого из наводнений, которым она была подвержена на протяжении всей своей истории. Наводнения происходят от сочетания разных факторов — высоких приливов, сильных дождей, паводков, сильных и непрекращающихся юго-восточных ветров и других причин, которые лишь недавно были исследованы. Взятые отдельно, эти явления часто происходят и особых опасений не вызывают. Когда же они соединяются в одно целое, последствия бывают ужасными. В январе 1106 года это привело к катастрофе. Не следует доверять свидетельствам того времени о том, что сопутствовало наводнению — жара не ко времени, от которой впадали в безумие и человек, и зверь; зловещее громыхание в лагуне; рыба, в ужасе выпрыгивающая из-под воды; сверкавшие на небе метеоры. Венецианские наводнения драматичны и без этих предзнаменований. Вода сметает все на своем пути. От города Маламокко, бывшей столицы Венецианской лагуны, оплота, триста лет назад героически спасшего острова Риальто, не осталось ни единого камня. Размылась сама земля, на которой стоял Маламокко, и в XVIII веке во время отлива на дне лагуны еще можно было увидеть развалины домов и церквей. Те, кто выжил, бежали, прихватив с собой городские сокровища, которые еще можно было спасти, в том числе и драгоценную релик-

вию — голову святого Фортуната. Ее доставили на Кьоджу, куда вскоре после этого перенесли и старую епархию. Спустя много лет люди вернулись на Лидо, построили новый Маламокко и защитили остров от наводнений, укрепив его.

Несмотря на сильные разрушения, жители Риальто радовались тому, что удалось выжить, однако ужасный 1106 год еще только начался. Через несколько дней в одном из домов рядом с церковью Санти Апостоли вспыхнул пожар, перекинувшийся на другие здания. Прежде чем с ним удалось справиться, он уничтожил шесть приходов. 6 апреля того же года произошло еще одно, более сильное возгорание. Пожар стер с лица земли не менее двадцати четырех городских церквей. Некоторое представление о силе огня и ветре, раздувшем пламя, можно получить из того факта, что по меньшей мере один из потоков пламени пересек Большой канал*. Не следует забывать, что в те времена небольшие церкви и почти все частные дома Венеции оставались деревянными. Только благодаря тому, что собор Сан Марко и Дворец дожей были построены из камня и мрамора, пострадали они не слишком сильно. С тех пор, однако, использование дерева для строительства везде, кроме самых бедных кварталов, не одобрялось. Разрушенные церкви восстановили из мелкого красного кирпича и твердого белого камня, привезенного из Истрии, — пусть дорого, зато крепко. Это и теперь основные строительные материалы в Венеции.

Следующие два года Венеция восстанавливалась после бедствий, свалившихся на город одно за другим в короткий срок, так что дож Орделафо решился на следующую экспе-

---

* К счастью, пожар пощадил прекрасную маленькую церковь Сан Джакомо ди Риальто, построенную за несколько лет до бедствия. Церковь и рыночная площадь сейчас выглядят почти так же, как и тогда.

дицию в Святую землю не ранее 1109 года. Он хотел ее возглавить сам. И снова мотивы венецианцев были далеко не бескорыстны. Крестоносцы постепенно основывали новые доминионы в заморских землях, христианское население начало туда прибывать, а рынки — расширяться. И время, когда Венеция могла использовать свою традиционную монополию на восточную торговлю, миновало. Пиза, похоже, совсем позабыла об обещании, данном ею десять лет назад в Родосе, и явно хотела утвердить себя в Восточном Средиземноморье. Еще одна поднимающаяся морская республика, Генуя, не намного от нее отстала. Венеция не желала терять свои позиции.

Летом 1110 года венецианский флот числом около ста судов вышел из лагуны и в октябре прибыл в Палестину. Очень вовремя. Король Балдуин I, бывший граф Булонский, сменивший на троне Иерусалима Готфрида и, в отличие от предшественника, со спокойной совестью принявший королевскую корону, в это время осаждал Сидон. Несмотря на помощь сильного скандинавского отряда, дела у него шли неважно, и неожиданное появление венецианцев, должно быть, показалось ему даром небес. Сидон сдался 4 декабря. Как ни странно, Венеция не получила ни земель, ни каких-либо привилегий. Вместо этого ей отдали часть Акры — в ее захвате шесть лет назад она не принимала никакого участия — и еще разрешили использовать собственные меры длин и весов, а также предоставили право на открытие местного представительства.

Эти подарки были приняты с благодарностью, поскольку Генуя и Пиза, сделавшие для успеха крестового похода гораздо больше, были вознаграждены наравне с Венецией. Без сомнения, венецианцы были довольны, тем более что они привезли еще одну важную реликвию — в Средние века это особенно высоко ценилось, — им достались сильно поврежденные мощи святого первомученика Стефана. По прибытии в Венецию дож Орделафо донес их на своих плечах до барки дожа. После ожесточенного спора между не-

сколькими соперничающими церквями, хорошо сознающими ценность реликвии, мощи поместили в монастырской церкви Сан Джорджо Маджоре. С той поры почти семь столетий вплоть до падения республики в рождественскую ночь дожи возглавляли факельную процессию и присутствовали на вечерней службе*.

И все же, несмотря на выгоду, извлеченную из этой экспедиции, и надежды на дальнейшие успехи, Венеция не была уверена в будущем. Лет через десять она отправила триста солдат, желая по полной программе использовать новые торговые возможности на Востоке. Для того чтобы выдержать соревнование с Пизой и Генуей, ей требовалось больше как военных, так и торговых судов. Дож Орделафо создал довольно амбициозный судостроительный проект. До тех пор корабельные плотники Венеции были рассеяны по лагуне, многие, если не все, занимались мелким частным строительством. Теперь судостроение сделалось национализированной отраслью. В качестве центра дож избрал два маленьких болотистых острова, прозванные «близнецами» («Zemelle» — на венецианском диалекте), в дальнем конце Ривы, с восточной стороны города. Через пятьдесят лет здесь вырос мощный комплекс из верфей, литейных цехов, складов и мастерских, в которых трудились плотники, канатчики и кузнецы. Данте описал их в «Божественной комедии» («Ад»). В английском и многих других языках родилось новое слово — «арсенал»**.

Само собой, немало прошло времени, прежде чем Арсенал сумел увеличить темпы судостроения. Там было задействовано свыше 16 000 рабочих, почти все — специалисты в своей области. Работая из всех сил, за несколько часов они

---

* Гробницу святого Стефана до сих пор можно увидеть в северном трансепте, куда она в 1581 году была перенесена из хоров.

** Само слово произошло из арабского — Dar Sinf'a — «строительный дом».

спускали на воду полностью оснащенные военные суда. На реформирование судостроения республики понадобилось около десяти лет. С этих пор Венецию врасплох было не застать: у нее всегда были наготове надежные суда. Теперь она могла планировать долгосрочные судостроительные программы, если того требовала ситуация и позволяли финансы. Еще важнее было то, что республика могла теперь, используя принципы стандартизации и взаимозаменяемости, создавать склады запасных частей, в результате даже крупный ремонт здесь осуществляли в кратчайшие сроки. При таких условиях можно было модернизировать и сами корабли, и технологию их изготовления. Неудивительно, что основание Арсенала совпадает с развитием прогрессивной технологии обшивки шпангоутов: корабль собирался на предварительно созданном рангоуте, а не строился, как раньше, — снизу, от киля до планширя. В XII веке Венеция начала строить корабли, предназначенные только для войны, и другие суда — для торговли.

Такое разделение функций не следует преувеличивать. Один из секретов роста могущества Венеции заключается в том, что республика никогда не рассматривала войну и торговлю раздельно. Капитаны ее военных кораблей — и тогда, и позднее — не возражали против попутной торговли, и потому многие военные экспедиции оказывались безубыточными, а торговые суда всегда могли защитить себя от пиратов, а иногда и от конкурентов. В феодальной Европе, где военная аристократия высокомерно пренебрегала торговлей, такая система представлялась невероятной, но в Венеции не существовало отдельного воинского сословия. Патриции были купцами, а купцы — патрициями, их интересы совпадали. На военных кораблях, созданных в Арсенале, предусмотрено было место для хранения дополнительного груза, а на торговых отводили достаточно пространства для оружия.

Однако и Арсенал не мог работать без материала. Дерево поступало с островов у далматского побережья, берега

которого густо заросли лесом. Они казались почти неиссякаемым источником древесины. Проблема заключалась в том, что на эту территорию претендовала Венгрия. Венгерский король Коломан, захватив Хорватию, высадился на побережье и занял несколько главных городов, совершив тем самым акт открытой агрессии против Венеции, которая в тот момент завязла на Востоке, а потому ничем не могла ответить. Теперь, по крайней мере, она была способна отомстить. С помощью обоих императоров — Генриха V (посетившего Венецию два месяца назад) и Алексея Комнина — города были возвращены, но, увы, стоило победителям вернуться домой, как венгры снова нагрянули. Орделафо возобновил борьбу, но ненадолго. Через одну или две недели, летом 1118 года, его убили в бою под стенами Зары*.

За шестнадцать лет своего правления дож Орделафо Фальеро завоевал любовь и уважение своего народа. Он был прирожденным лидером. Увидев, что он упал, его сторонники — как все венецианцы, они не любили воевать на суше — запаниковали и обратились в бегство. Венгры бросились вдогонку... Уцелевшие, еще недавно так уверенно рвавшиеся в бой, вернулись домой с печальной вестью.

Преемник Орделафо, Доменико Микеле, хотя и участвовал в бою при Заре, бессилен был предотвратить бегство. Трусом он не был. «Хроника Альтино» описывает его как храбреца. С годами он не раз доказал свою отвагу. Будучи внуком дожа Витале Микеле и сыном Джованни, предводителя экспедиции на Восток 1099 года, он был воспитан патриотом, согласно венецианской традиции служения республике. И все же первое, что он сделал, став дожем, — направил делегацию к сыну Коломана, королю Стефану II, с предложением мира. Принимая во внимание слабость его положения, результаты, которых он добился, были замеча-

---

* См. картину Алиенсе в зале голосования во Дворце дожей.

тельные. Стефан с готовностью согласился на пятилетнее перемирие, во время которого большая часть побережья, вместе с городами и столь важными лесами оставалась в руках венецианцев.

Такая щедрость со стороны венгров, возможно, до некоторой степени была вызвана известием, дошедшим из Палестины летом 1118 года. 2 апреля скончался король Балдуин. Через четыре месяца, 15 августа, за ним последовал император Алексей Комнин. Тем временем сарацины становились все сильнее. Будущее христианства на Востоке выглядело мрачно. Даже на Западе дела шли не лучшим образом. Старая борьба между империей и папством никак не разрешалась, и, когда в январе скончался папа Пасхалий II, императора Генриха V так возмутило избрание Геласия II, что он назначил антипапу и посадил его в Латеранский дворец, а Геласия отправил в ссылку. Такой пример вряд ли можно назвать поучительным, но христианским народам на тот момент было не до того. Два самых мощных государства в Центральном Средиземноморье должны были на время забыть свои противоречия ради Христа и общего блага.

Такими, по крайней мере, были доводы послов дожа, и король Стефан с ними согласился. Насколько искренно он верил Венеции, другой вопрос. У венецианцев было много достоинств, но, как уже отмечалось, особого желания участвовать в крестовых походах, утверждая христианство, у них не было. Интерес у них вызывали лишь открывавшиеся перспективы в торговле. Им было неважно, с кем торговать, с христианами или мусульманами, лишь бы товары доставлялись по выгодным ценам, да оплачивались бы вовремя. Прошло еще четыре года, прежде чем они организовали следующую экспедицию на Восток, а когда они это сделали, помыслы их были, по меньшей мере, не совсем благочестивыми.

В помощи венецианцев страшно нуждались. К тому времени новые заморские франкские государства переживали

самый серьезный кризис в своей короткой истории. В июне 1119 года один из их принцев, Роджер Салернский, правитель Антиохии, погиб со всей своей армией в бою, прозванном «битва на кровавом поле». С этого времени христиане вынуждены были страдать от нехватки бойцов, и это именно в тот момент, когда они более всего требовалось. Их положение осложнял флот египетских Фатимидов, чье постоянное патрулирование побережья делало регулярные морские коммуникации почти невозможными. Король Балдуин II в ответ на известие о «кровавом поле» обратился просьбой о помощи к Венеции. Новый папа Каликст II поддержал его, и до конца года общее собрание граждан Венеции решило — хотя и не единогласно — откликнуться на этот призыв.

На их решение также повлияло другое соображение. Вот уже несколько лет ухудшались отношения с Византийской империей. Мы видели, что во время Первого крестового похода венецианцы не откликнулись на призыв Алексея Комнина вернуться домой. А росту их торговли, распространившейся в порты Эгейского и Черного морей, уже не хватало особых привилегий, пожалованных в 1082 году императором дожу Доменико Сельво. Процесс ухудшения отношений продолжился, пока торговля самой империи не оказалась под угрозой. Когда сын Алексея, Иоанн II, в 1118 году вступил на византийский престол, одним из первых его указов стала отмена привилегий. Он дал понять венецианцам, что они могут продолжать свою коммерческую деятельность, однако с этих пор ничем не будут отличаться от своих конкурентов.

Гнев, с которым эту новость приняли на Риальто, был в чем-то оправдан. Полагая, что договор 1082 года будет возобновлен, венецианцы понесли значительные затраты. Генуя и Пиза уже давали им повод для беспокойства, и на новое ущемление своих прав они ответили оружием. В августе 1122 года из лагуны вышел флагман дожа в сопровождении семидесяти одного военного корабля и многих

других более мелких судов. Они пошли крестовым походом на христиан, а не на неверных.

Первой целью флота стал Корфу, место, где сорок лет назад Венеция потерпела унизительное поражение от Робера Гискара. Остров давно был важной византийской крепостью. Его охранял сильный гарнизон. Венецианцы осаждали его шесть месяцев. Возможно, задержались бы там и дольше, если бы их не призвал в крестовый поход корабль, посланный специально из Палестины с известием о новой беде: король Балдуин взят в плен. Требовалось их немедленное вмешательство ради сохранения латинского Востока. Дож Микеле нехотя отдал приказ поднять якоря, но даже и тогда он, похоже, не чувствовал реальной опасности. Во время неспешного путешествия на Восток он останавливался и нападал на торговые греческие суда. Если верить византийскому историку Иоанну Киннамусу, он даже свернул на север в Эгейское море и разграбил острова Лесбос и Хиос, а также Родос и Кипр, прежде чем в конце мая 1123 года бросил якорь в порту Акры.

Наконец-то венецианцы загладили свою вину. Египетский флот, как они узнали, оставил намерение блокировать Яффу и снова двинулся на юг. Теперь он пребывал возле Аскелона, единственной прибрежной крепости, кроме Тира, находившейся в руках мусульман. Только это и нужно было знать дожу. Он быстро выдвинул вперед флотилию маленьких кораблей, чтобы заманить египтян в бой. Основной его флот стоял в стороне, за линией горизонта. План прекрасно сработал. Не успели египтяне опомниться, как их окружили превосходящие силы противника. Вряд ли какое судно уцелело. Дож лично потопил флагман египтян. Его победа оказалась более значительной, чем он мог сознавать. После потери Сицилии и перехода ее в конце прошлого века к норманнам мусульманские корабельные плотники испытывали хроническую нужду в хорошем дереве, а потому вынуждены были рассчитывать на импорт из Европы. Когда

по стратегическим причинам эти поставки прекратились* — или практически прекратились, — они были уже не в состоянии строить новые суда и даже содержать старые. Победа Венеции возле Аскелона означала, что власти сарацин в Восточном Средиземноморье пришел конец.

Доменико Микеле с триумфом вернулся в Акру, захватив по пути десять доверху нагруженных торговых судов. Теперь нужно было совершить тяжелую сделку. Франки хотели воспользоваться венецианским флотом для захвата Тира или Аскелона, либо того и другого, но дож, столь убедительно доказав свою значимость, занимал сильную позицию. Переговоры тянулись несколько месяцев. К Рождеству они все еще продолжались. Микеле посетил празднества в Вифлееме, в Иерусалиме его по-королевски приветствовал патриарх и другие вельможи плененного короля. В первые недели 1124 года соглашение наконец было достигнуто и договор подписан. Условия оказались для венецианцев еще более выгодными, чем те, о которых договаривались в 1100 году. В каждом городе Иерусалимского королевства им пожаловали улицу с церковью, баней и пекарней, при этом освободили от всех налогов и таможенных пошлин. Было подтверждено их право пользования собственными мерами и весовыми единицами. Наконец, за помощь при захвате Тира и Аскелона им пообещали третью часть этих городов и принадлежащих им территорий.

Обговорив все детали, дож более не медлил, а направился к Тиру. Франкская армия одновременно осаждала город с суши. Тогда, как и теперь, Тир занимал конечную часть короткого и узкого полуострова. Единственной связью его с континентом был искусственный перешеек — чуть шире дамбы — его построил Александр Великий почти пятнадцать столетий назад. По перешейку был проложен акве-

---

* Первое такое эмбарго было провозглашено Пьетро Кандиано IV в 960 году.

дук, дорога жизни для города, поскольку его собственные колодцы для населения не годились. Микеле вытащил на берег корабли, все, кроме одного, — тот патрулировал подходы к городу, — отрезал акведук, и 15 февраля 1124 года осада города началась.

Несмотря на постоянный обстрел из баллист и катапульт, жители Тира мужественно обороняли свой город. После зимнего дождя их цистерны были полны, и запасов пищи оставалось вволю. К тому же они надеялись на помощь египтян с моря или на наземную армию, обещанную эмиром Дамаска. Ни того ни другого они не дождались. Египетский флот еще не оправился после недавнего поражения, а эмир не решился прийти на помощь без поддержки с моря. В середине лета истощенный гарнизон вынужден был капитулировать. Согласно условиям сдачи, мародерства не было. Крестоносцы вошли в город 7 июля, над главными городскими воротами был поднят штандарт короля Иерусалима, а по бокам, на башнях, — флаги Триполи и Венеции. Микеле получил обещанную третью часть города, и там был посажен венецианский правитель. На этот район распространялись венецианские законы, а великолепную церковь назвали церковью Сан Марко.

Так Венеция положила начало колониальной империи. Она просуществовала почти семь веков, до падения республики, дольше, чем любая другая империя в европейской истории. Но сам дож остался в Тире всего на несколько дней. Он лишь хотел убедиться в том, что франки держат слово. Прошло два года, с тех пор как он оставил Венецию. Хотя экспедиция была на редкость успешной, продолжалась она долго. Еще один прибрежный город оставался в руках неверных — Аскелон, и награда за помощь в его захвате обещала быть значительной. Но с Аскелоном пришлось подождать еще тридцать девять лет. Довольный достигнутым, Микеле вернулся домой вместе с флотом. Он задержался лишь для того, чтобы выгнать из Спалато венгров да совершить несколько рейдов на византийские острова. С собой

он привез и другие реликвии — мощи святого Доната из Кефалонии (сейчас они находятся в изысканной романской церкви на острове Мурано), а также мощи святого Исидора, захваченные на Хиосе (правда, сделано это было не столь благочестиво, как об этом повествует роспись на стене его часовни в северном трансепте собора Сан Марко), и, наконец, гранитную плиту, на которой, как говорят, стоял сам Христос, обращаясь с проповедью к гражданам Тира (сейчас она венчает алтарь в баптистерии собора).

Доменико Микеле был восторженно встречен своими подданными, когда на следующий год одержал значительные победы над венграми в Далмации и византийцами в Кефалонии. При этом он заставил Иоанна Комнина вернуть все торговые привилегии, которые тот отменил при восшествии на трон. Репутация Микеле была полностью восстановлена. В последующие века она стала почти легендарной. Он единственный дож, которого трижды увековечили три разных художника в зале голосования Дворца дожей. Этот зал вместе с соседним залом Большого совета можно считать залом славы Венеции*. Из трех представленных там событий только одно — победа, одержанная над египетским флотом у Аскелона, что над третьим окном со стороны Пьяцетты, — исторически достоверное. Далее, на той же стене, есть картина Алиенсе, на которой, как написано в стандартном путеводителе, «дож отдает приказ вынести суда на берег, дабы показать союзникам, что венецианские галеры не уйдут, пока Тир не будет взят». Ни один из хронистов того времени такой факт не упоминает. Вытаскивание кораблей на берег было обычной практикой, если их не предполагалось использовать длительное время. Так что нет причины предполагать, что Микеле имел тогда на этот счет какие-то особые соображения. Третья картина, на потолке, в малень-

---

* В зале есть триумфальная арка, а на ней шесть маленьких картин Лаццарини (1655–1730), посвященных еще более прославленному дожу, Франческо Морозини.

ком овале, работы Бамбини, изображает дожа, отказывающегося от короны Сицилии. На самом деле ему ее никогда и не предлагали. Последние пять лет своей жизни он никуда не выезжал, а мудро сосредоточился на внутренних делах республики, где среди многих других дел организовал своеобразное уличное освещение, сделав тем самым Венецию первым городом Европы (возможное исключение — Константинополь), где по ночам регулярно зажигали огни. Уже в его время на углах каналов появилось множество маленьких типично венецианских часовен в честь Девы Марии или местных святых покровителей. Доменико Микеле в 1128 году распорядился с наступлением ночи зажигать перед каждым таким святилищем лампу. Ответственность за это возлагалась на местного епархиального священника, а расходы оплачивала республика. Затем, два года спустя, после одиннадцатилетнего правления, он снял с себя полномочия и удалился в монастырь Сан Джорджо Маджоре, где вскоре умер. Там находится сейчас его могила.

Глава 8

МЕЖДУ ДВУМЯ ИМПЕРИЯМИ (1130–1172)

Народу над народом власть дая,
Она свершает промысел свой строгий,
И он невидим, как в траве змея.

Данте. Ад. VII. 82

Избрание тридцатилетнего Пьетро Полани после ухода его тестя произошло в течение нескольких недель. В это время случилось два других события, куда более важных: норманнская Сицилия сменила статус и из графства превратилась в королевство, а граф Рожер II Отвиль, племянник Робера Гвискара, стал его королем. В глазах венецианцев, да и в глазах большей части Европы, способ, которым Рожер добился успеха, был небезупречен. За несколько месяцев до этого прошли выборы папы, пост понтифика оспаривали два кандидата, один из них, Иннокентий II, благодаря страстной поддержке его святым Бернаром Клервоским (1091–1153) заручился большей частью голосов, другой, Анаклет, обратился к Рожеру, а тот потребовал за свою поддержку королевскую корону. В таких обстоятельствах трудно было ожидать, что приверженцы Иннокентия признают новое королевство, которое к тому же считали своим Восточная и Западная империи. Их нежелание еще больше усилила скорость, с которой при Отвилях Сици-

лия достигла богатства, процветания и власти. В самом центре Средиземноморья, между трех континентов, остров контролировал торговые пути между Севером и Югом, Востоком и Западом. Его византийское и исламское прошлое, вкупе с растущим греческим и арабским населением, гармонично живущим рядом друг с другом, придавало сицилийским портам космополитический характер, с которым никакие другие города не могли сравниться. В прошедшие два года Рожер буквально впитал в свои владения всю южную часть итальянского полуострова, некогда собственность его слабых и беспомощных кузенов, а последний coup*, после которого он стал говорить с принцами Европы на равных, не сулил ничего хорошего в будущем.

Нигде, кроме Венеции, не чувствовали так остро тревогу. Морское могущество Сицилии уже можно было сравнивать с венецианским. В то время как базары Палермо, Катаньи, Мессины и Сиракуз становились все более людными, на Риальто медленно, но верно дела приходили в упадок. Что еще хуже, венецианские торговые суда страдали от участившихся атак сицилийских пиратов. К 1135 году их потери достигли 40 000 талантов. В том же году в Венеции остановились дипломаты из Константинополя, направлявшиеся ко двору императора Лотаря II. Они искали финансовой и военно-морской помощи в запланированной ими совместной экспедиции против так называемого короля Сицилии. Полани не только с энтузиазмом отозвался на предложение, но присоединил к византийской делегации своих представителей: нужно было придать обращению дополнительный вес.

Экспедицию должным образом подготовили. На следующий год войска вошли в Южную Италию, однако боевые действия велись в основном на суше, а не на море, и Венецию не пригласили в них участвовать. Оказалось, что это и к лучшему: несмотря на несколько тактических успехов, экспедиция не смогла подорвать сицилийское могущество

* Ход (*фр.*).

и престиж. Старый император умер в декабре 1137 года на обратном пути через Альпы. Менее чем через восемь недель за ним последовал антипапа Анаклет. В июле 1139 года папа Иннокентий ехал верхом во главе своей армии. Рожер заманил его в ловушку, взял в плен, а освободили его только после того, как тот неохотно признал своего захватчика законным королем Сицилии.

Норманнская угроза была больше, чем когда-либо, однако сделать в тот момент ничего было нельзя. Новый император Священной Римской империи*, Конрад Гогенштауфен, был слишком занят внутренними проблемами Германии. Папская курия изменила свою политику и согласилась с тем, что на южной границе империи находится новое королевство. В Константинополе Иоанн Комнин твердо стоял на своем: он хотел сокрушить «сицилианского узурпатора», однако весной 1143 года во время охоты нечаянно поранился отравленной стрелой и через несколько дней умер от заражения крови. Дож Полани, в свою очередь, был занят внутренними делами Венеции. В 1141 году городок Фано обратился за помощью: ему угрожали агрессивные соседи. Венеция никогда не упускала случая показать свою силу, а потому согласилась помочь. Условия первого договора, заключенного между республикой и другим итальянским городом, ясно показывают авторитет, который Венеция приобрела у населения Адриатического побережья. С этого времени каждый венецианец пользовался в Фано теми же привилегиями, что и местный житель. Люди из Фано, в свою очередь, были обязаны объявить себя подданными и союзниками республики, такими же, какими они были по отношению к Западной империи. Они должны были платить ежегодную дань в виде 1000 мер масла для освещения собора Сан Марко и ста мер — для Дворца дожей.

---

* Строго говоря, он не был императором, поскольку его не короновал римский папа. Конрад так этого и не добился, поэтому вынужден был довольствоваться положением некоронованного императора.

Через два года произошел конфликт с Падуей, которая вздумала без предупреждения изменить русло Бренты. Они хотели укоротить доступ к лагуне, но не понимали того, что венецианцы знали очень хорошо: малейшее вмешательство в географическую систему лагуны создавало риск нарушения равновесия вод на побережье, столь важного для выживания Венеции. Перспектива скопления песка вокруг Сант Иларио и заиливания существующих каналов вызвала у венецианцев резкий протест, и, когда их протест проигнорировали, венецианцы взялись за оружие. Развязка была неизбежной: падуанцы не могли сравниться силой с соседями. После единственного короткого сражения они сдались, пообещав бросить свой проект и убрать последствия нанесенного ими урона. Что, однако, было более важным — и это единственная причина, по которой столь тривиальный инцидент упомянут в этой книге, — это то, что в первой сухопутной кампании Венеция использовала наемников, которыми командовали два знаменитых кондотьера той поры — Гвидо ди Монтеккио из Вероны* во главе кавалерии, и Альберто да Брагакурта, возглавивший пехоту. Какие на то были причины? Одна, без сомнения, заключалась в отсутствии у венецианцев опыта ведения боев на суше. Возможно также, что они почувствовали страх, превратившийся впоследствии в навязчивую идею, что каждый коренной венецианец, вернувшись с победой, будет пользоваться популярностью, не подходящей гражданину республики, и такая слава может быть опасна государству. Когда в последующих веках кондотьеры стали забирать власть то в одном, то в другом городе и оказывать решающее влияние на исход событий в Северной и Центральной Италии, выяснилось, что страхи венецианцев были небезосновательны.

Вслед за императором Иоанном Комнином на византийский трон взошел его сын, Мануил, молодой человек два-

---

* Монтеккио — те самые Монтекки из «Ромео и Джульетты» Шекспира.

дцати с небольшим лет. Он прославился красивой внешностью и, в отличие от отца, ксенофобией не страдал. Молодость его прошла в дружбе с франкскими рыцарями заморских христианских доминионов. Восхищение западным образом жизни он выразил, введя рыцарские турниры в Константинополе, чем шокировал людей старшего поколения. Мануил был интеллектуалом и ученым, на него производили впечатление сообщения о блеске и роскоши двора в Палермо. Благодаря тому что Рожер покровительствовал искусству и наукам, его двор стал культурным центром Европы, местом, где ведущие мыслители трех крупных цивилизаций Средиземноморья — латинской, греческой и арабской — могли встретиться и обменяться опытом.

Мануил понимал опасность, исходившую от норманнской Сицилии. Но он также знал, что две трети Малой Азии — бывшей ранее главным источником для набора в византийскую армию — заняты теперь турками-сельджуками, да и его западная граница находится под постоянной угрозой. Поэтому его империя должна бороться за выживание. Прав ли был его отец в своем враждебном отношении к Сицилийскому королевству? Не благоразумнее ли попытаться прийти к соглашению? Вскоре после своего восшествия на престол он направил в Палермо делегацию, которая должна была выяснить возможности альянса, а укрепить его он надеялся, выдав византийскую принцессу за одного из королевских сыновей.

Если бы эти переговоры увенчались успехом, последствия для Венеции могли быть серьезными. Тогда Рожер смог бы контролировать пролив Отранто с двух сторон. К счастью, переговоры провалились, и Мануил задумался о собственной женитьбе на свояченице императора Конрада, что и осуществилось в начале 1146 года. Через три месяца, в Вербное воскресенье, произошло событие, оказавшее влияние на весь цивилизованный мир: святой Бернар Клервоский начал Второй крестовый поход.

Вмешательство святого Бернара в политическую жизнь Европы — от которого он, к сожалению, всю свою жизнь не

в силах был отказываться — заканчивалось почти всегда катастрофой, но ни одно из них не потерпело столь унизительного фиаско, как эта экспедиция, возглавляемая совместно германским королем Конрадом III и французским королем Людовиком VII. Целью похода было возвращение Эдессы, захваченной сарацинами, и усиление на Востоке франкской власти. Бесчисленные тысячи людей умерли, не добравшись до Святой земли. Те, что уцелели во время путешествия, бежали после первого и единственного вооруженного столкновения. Из-за скудости источников сведений о венецианской истории того времени мы не знаем, принимал ли участие в этих событиях венецианский флот. Хотя один хронист — Марино Сануто-старший, писавший в начале XIV столетия, — рассказывает о *magnum auxilium**, направленной республикой под командованием Джованни Полани, брата дожа. Это сообщение не подтверждается другими историками крестового похода, а потому им можно было бы пренебречь. Но венецианцы не надолго оставались в покое. В первые недели 1148 года они получили срочное сообщение от Мануила: против его империи вышел сицилийский флот.

Флотом командовал Георгий Антиохский, левантийский грек скромного происхождения, первый обладатель высшего титула норманнской Сицилии — эмир эмиров. Он стал адмиралом** и главным министром королевства. Сначала он взял Корфу, который сдался без боя, и охотно принял под командование сицилийский гарнизон в составе 1000 человек. Обогнув Пелопоннес и высадив в стратегических точках вдоль берега другие вооруженные отряды, он взял курс на север до Эвбеи, по пути грабя города. Особенно большая добыча досталась ему в древних Фивах, центре византийского шелкового производства. Оттуда он вывез в Палермо не только тюки дамаста и парчи, но и высококвалифици-

---

* Большая помощь (*лат.*).

** Это слово в норманнской Сицилии трансформировалось из арабского слова «эмир».

рованных еврейских работниц в целях улучшения производства в королевской шелковой мастерской, бывшей к тому же еще и гаремом. На обратном пути адмирал разграбил Коринф. Его суда — по словам византийского историка того времени Никиты Хониата (Акоминанта) — «осели в воду так низко, что напоминали больше купеческие, а не пиратские корабли, какими были на самом деле».

Никита прав: это было пиратство. Но не только. У короля Рожера иллюзий не было. Поскольку попытка союза между ним и византийским императором сорвалась, он знал, что это лишь вопрос времени: Мануил, возможно, договорится с Венецией и Священной Римской империей и выступит против него. Его собственные действия ускорят атаку — неплохая вещь сама по себе, поскольку Мануил может нанести удар раньше, чем подготовится, — но он, по крайней мере, завладел стратегическими точкам на Балканском полуострове и Корфу, главном плацдарме, откуда в Южную Италию мог бы прийти любой противник.

Ни один венецианец за просто так ничего не делал, и Мануил дал им дополнительные торговые привилегии на Кипре и Родосе, как и в собственной столице, прежде чем получил то, что хотел, — полную поддержку военного флота республики на шесть месяцев. Тем временем он отчаянно готовил собственный флот, около 500 галер и 1000 транспортных судов — достойный ответ армии, насчитывающей 20 или 25 тысяч человек.

С самого начала этой внушительной объединенной военной силе не благоволили звезды. Хотя встречу назначили на апрель 1148 года, обе стороны сильно задержались: на греков неожиданно напали половцы, племя из степей Причерноморья, которым вздумалось в этот момент перейти через Дунай на территорию империи. Венецианцев задержала смерть дожа Полани. Только осенью два флота встретились в южной части Адриатики и начали осаду Корфу, и только весной армия могла к ним присоединиться. Во главе войска стоял сам император.

По прибытии Мануил обнаружил, что осада идет плохо. Цитадель с гарнизоном Рожера находилась на скале, нависшей над морем, до нее не доставали византийские баллисты. По словам Никиты, греки, казалось, стреляли в небо, в то время как сицилийцы спокойно выпускали на противника дождь стрел и водопад камней. (Непонятно было, как в прошлом году они безо всяких усилий овладели крепостью.) Еще более зловещим выглядело неуклонное ухудшение отношений между греками и венецианцами, дошедшее до кульминации, когда последние заняли соседний островок и начали обстреливать византийские суда. Позднее им удалось завладеть императорским флагманом. Там они устроили спектакль: издеваясь над смуглой кожей императора, надели на эфиопского раба императорские одежды и устроили пародийную коронацию на палубе, так чтобы их видели греческие союзники.

Этого оскорбления Мануил венецианцам не простил. На тот момент, однако, они были его союзниками, и заменить их никто не мог. Благодаря природному терпению, такту и обаянию он восстановил отношения и взял руководство осадой на себя.

К концу лета Корфу пал, возможно из-за предательства. Если верить Никите, командир гарнизона впоследствии поступил на службу к императору. Радость Мануила, должно быть, была омрачена, когда он услышал, что Георгий Антиохский через Дарданеллы и Мраморное море привел к самым стенам Константинополя флот из сорока кораблей. Высадка, к счастью, была предотвращена, но сицилийцев это не смутило: они проплыли до Босфора, разграбив несколько богатых вилл на азиатском берегу, а на обратном пути вдобавок выпустили еще и одну или две стрелы в сад императорского дворца. После возвращения Корфу Мануил не смог закрепить победу. Ему срочно пришлось уехать на север — подавлять очередной бунт на Балканах, к которому Рожер, чьи дипломатические сети протянулись далеко за пределы Сицилии, вполне мог приложить руку.

Так окончилась война с Сицилией, от которой и Венеция, и Византия так много ожидали. Кроме возвращения единственного острова, захваченного за два года до этого, они ничего не добились. Сицилийские гарнизоны по-прежнему стояли вокруг греческого побережья. Король Рожер по-прежнему правил Сицилией, и его влияние на Европу и Средиземноморье было ничуть не меньше. Как оказалось, самым значительным результатом той войны был, возможно, и самый негативный, ибо в том первом печальном скандале между двумя так называемыми союзниками в водах Корфу появились первые семена углубляющейся враждебности между республикой и империей, принесшие ядовитые плоды через пятьдесят пять лет, во время Четвертого крестового похода.

Когда весной 1148 года, откликнувшись на византийский призыв о помощи, дож Полани вывел флот из лагуны, он был уже болен. Добравшись до Каорле, он вынужден был вернуться. Через несколько недель дож умер. Следующие семь лет и семь месяцев Венецией управлял Доменико Морозини. Его семья играла ведущую роль в венецианских делах добрые двести лет и в последующие века. Кроме Доменико, она дала республике еще троих дожей. Правление Доменико стало для его подданных счастливым. К концу 1149 года сицилийцы обрели мир. На картах великого арабского географа Абу Абдуллы Мохаммеда аль-Идриси, проведшего пятнадцать лет при дворе Палермо и к чьей работе король Рожер проявлял большой личный интерес, северная Адриатика обозначена как Gulfus Venetiarum (Венецианский залив), а после смерти Рожера в 1154 году его сын и наследник Вильгельм I официально признал зоной венецианского влияния воды к северу от линии, идущей на запад от Рагузы. Несмотря на инцидент с Корфу, отношения с Византией продолжались якобы на дружеской основе. Торговые договоры начали приносить прекрасные плоды, в то время как в Западной империи племянник Конрада Фридрих Швабский, наследовавший в 1152 году дяде, без возражений подтвердил венецианские привилегии. Не-

удивительно, что правление Морозини привело к очередному строительному буму. Самым значительным было завершение строительства кампанилы Сан Марко, начатого 250 лет назад.

А над континентальной Италией между тем быстро сгущались тучи. Тридцатидвухлетний Фридрих (из-за рыжевато-каштановых волос и бороды его прозвали Барбароссой) стал императором с одной целью. «Я желаю, — признался он папе, — возродить древнее величие и великолепие Римской империи». Такая концепция не оставляла места для компромисса ни с Византийской империей, ни с Сицилией, а уж тем более — с городами Северной Италии, вдохновляемыми Миланом, чей дух независимости, подпитываемый на протяжении долгих лет бесконечной чередой пап, борющихся за престол, был не менее силен, чем стремление Фридриха подавить его. Сила этого духа, однако, искренно удивила его, когда в октябре 1154 года он въехал в Италию на церемонию коронации. Все города и деревни выслали в Ронкале своих представителей, но в отличие от тех немногих, кто видел в империи возможность сбросить господство Милана, подавляющее большинство намеревалось уйти от старых феодальных отношений и принять республиканское самоуправление. Фридрих тем не менее гнул свою линию. Милан на тот момент был для него слишком силен, зато его маленький союзник, Тортона, после героического двухмесячного сопротивления был полностью уничтожен.

Дав этот наглядный урок, весной 1155 года Фридрих продолжил поход на юг, к Риму. Путь человека, не склонного к компромиссам, не был гладким. Первая его встреча возле Сутри с недавно избранным папой Адрианом IV — единственным англичанином, занимавшим трон святого Петра, — осложнилась в связи с отказом императора от традиционного обычая вежливости — придерживать папские стремена во время спешивания понтифика. Папа ответил тем, что отказал Фридриху в поцелуе мира. Прошло два дня, прежде чем приступили к переговорам. Когда день или два

спустя Фридриха приехала поприветствовать делегация от римского сената и попросить денег и гарантий, которые обычно давали императоры во время коронации, он их выдворил, что повлекло за собой более серьезные последствия. Благодаря остроумному плану папы 17 июня Фридрих сумел незаметно проскользнуть в Рим на восходе солнца, где и совершилась тайная коронация, но через несколько часов город восстал против него, а к ночи более тысячи римских мятежников и солдат императора лежали мертвыми на улицах и на дне Тибра.

Хотя Венеция и послала в Ронкале своих представителей, тем не менее сделала все возможное, чтобы остаться в стороне от последовавших событий. Как независимый город-республика, освободивший себя от имперского контроля, она не могла не испытывать сочувствия к ломбардским городам, старавшимся сделать то же самое. С другой стороны, все ее политическое и экономическое развитие шло по совершенно другому пути, так что о настоящей близости между ними не могло быть и речи. В отличие от этих городов, Венеция была мировой державой, ее внешняя политика, тонкое дипломатическое маневрирование связывало республику не только со Священной Римской империей, но и с Византией, норманнской Сицилией, папством и государствами крестоносцев, не говоря уже о сарацинах как из Северной Африки, так и с Ближнего Востока. В этот исторический момент, когда ее отношения с Мануилом Комнином становились все более натянутыми, а итальянские рынки все более выгодными, ей не хотелось лишний раз злить Фридриха Барбароссу. Когда в 1136 году дож Морозини скончался, то оставил после себя республику, не присоединившуюся к той или иной стороне.

Его преемник, Витале Микеле II, сделал все возможное, чтобы придерживаться той же нейтральной позиции, однако действия Фридриха в Италии вынудили дожа нарушить нейтралитет. Перейдя через Альпы в 1158 году во главе армии, гораздо более сильной, чем та, которую он привел сюда четыре года назад, император созвал второй собор

в Ронкале, где выказал еще более непримиримое отношение к ломбардским городам, и, хотя некоторые города все еще оставались к нему лояльными, через несколько недель большая часть Северной Италии открыто выступила против него. Тем временем по Апеннинскому полуострову прокатилась большая волна протеста против империи. Требовался центр сопротивления, большая сила, способная выразить надежды и идеалы тех, кто стоял за свободу против тирании, за республику против империи, за Италию против Германии. К счастью для осажденных городов, две такие силы оказались под рукой: папство и королевство Сицилия.

За два года до этого, в 1156-м, папа Адриан и король Сицилии Вильгельм подписали в Беневенто договор. С тех пор, работая вместе и по отдельности, папские и сицилийские дипломаты многого добились, и в августе 1159 года представители четырех решительно настроенных итальянских врагов Фридриха — Милан, Крема, Бреша и Пьяченца — встретились с папой в Ананьи и в присутствии посланников короля Вильгельма поклялись в том, что первоначальное соглашение станет основой великой Ломбардской лиги. Города пообещали не иметь дел с империей без согласия папы, а папа, в свою очередь, должен был отлучить императора от церкви через сорок дней после предупреждения.

Это был последний политический шаг Адриана. Он был болен и вечером 1 сентября 1159 года умер от ангины. Его смерть дала возможность Фридриху Барбароссе затеять еще одну интригу. Узнав, что следующий избранный папа наверняка продолжит линию своего предшественника, император сознательно устроил раскол в папской курии. Как только кардинал Роланд из Сиены — будучи канцлером Адриана, он являлся главным лицом по вопросам внешней политики — в соборе Святого Петра начал подниматься на престол, чтобы занять его под именем Александра III, его коллега, кардинал Октавиан из базилики Санта Цицилия, неожиданно схватил папскую мантию и надел ее на себя. Сторонники Александра выхватили ее, но Октавиан зара-

нее принес с собой еще одну, которую надел на себя, после чего рванулся к трону, уселся на него и провозгласил себя папой Виктором IV. Зрелище было недостойное, однако план Барбароссы сработал. Послы Фридриха в Риме немедленно признали Виктора законным понтификом. Вся остальная Западная Европа поклялась в верности Александру, однако урон был нанесен, и хаос в папстве продолжился следующие восемнадцать лет.

Столкнувшись с необходимостью признать одного из соперничающих пап, Венеция не могла больше остаться в стороне. Ее серьезно стала беспокоить ситуация в Ломбардии. Если Фридрих собирался продолжать в том же духе, то вряд ли он выкажет венецианской независимости больше уважения, нежели любому другому итальянскому городу. Поэтому Венеция высказалась в пользу Александра, а значит, и в пользу ломбардских бунтовщиков. Императорское возмездие было быстрым, но неэффективным. Три ближних города, остававшихся пассивно лояльными Фридриху — Падуя, Верона и Феррара, — легко согласились атаковать своего гордого и властного соседа, однако получили достойный отпор. Возможно, морально они не были настроены на борьбу: в 1163 году Верона и Падуя вместе с Виченцей объединились с Венецией в союз, не намеренный подчиняться более Барбароссе, как когда-то их предки не подчинялись Карлу Великому. Последовавшая атака на Градо, затеянная по наущению Фридриха родившимся в Германии патриархом Аквилеи, была еще менее успешной, на помощь пришел венецианский флот и взял в плен патриарха вместе с семьюстами его приспешниками, а освободил только после того, как тот пообещал присылать в республику ежегодную дань в виде дюжины свиней перед окончанием великого поста.

Для Венеции эти два инцидента были подобны булавочным уколам. Ей повезло в том, что, хотя Фридрих Барбаросса и желал бы увидеть ее униженной возле своих ног, у него на тот момент имелись три другие важные цели на итальянском полуострове. Одной была Анкона, бывшая в глазах Фридриха нераздельной частью Священной Римской

империи, где за несколько лет до этого Мануил Комнин оставил византийский гарнизон. Второй целью, как и всегда, была норманнская Сицилия, а третьей Фридрих считал Рим. Император намеревался сместить папу Александра и заменить его новой имперской марионеткой. (Бывший протеже Фридриха, антипапа Виктор, не смог утвердить себя в городе. В 1164 году он умер в Лукке, где несколько лет добывал деньги на свое существование путем не слишком успешного разбоя и где местные власти даже не позволили похоронить его в стенах города.)

Не станем задерживаться на подробностях этой самой амбициозной из всех итальянских кампаний. Достаточно сказать, что с первыми двумя целями у Фридриха ничего не вышло, зато третья удалась на славу. Рим, как и города Севера, был коммуной, с собственным гражданским правительством, а римляне, ненавидевшие Фридриха со времен его первого визита с неудавшейся коронацией, героически пытались его не впустить. Собор Святого Петра поспешно окружили рвами и превратили в крепость. Продержались защитники восемь дней. Войскам императора удалось тем не менее ворваться через большие бронзовые двери. По словам современника, на мраморном полу нефа осталось множество мертвых и умирающих, алтарь был забрызган кровью. Александру пришлось скрываться. 20 июля 1167 года преемник Виктора, антипапа Пасхалий, служил в соборе мессу.

Фридриху, уже коронованному императору, вручили золотое кольцо патриарха Рима, нанеся тем самым намеренное оскорбление римскому сенату. Фридрих достиг пика своей карьеры. Он не мог знать, что через четыре дня всю его армию сразит чума. Эпидемия оказалась такой страшной, что ему ничего не осталось, как распорядиться о немедленном отступлении. Добравшись до своего штаба в Павии, он обнаружил, что потерял свыше двух тысяч людей, включая канцлера, архиепископа Рейнольда Дассельского и многих других самых преданных помощников и советников.

Это было похоже на божью кару из Ветхого Завета, да и вся Европа восприняла это как возмездие Господа за осквернение собора Святого Петра и удаление наместника Бога на земле. Но наказание Фридриха на этом не кончилось. Он был еще в Павии, вместе с остатками своей поредевшей армии, когда 1 декабря не менее пятнадцати ведущих городов Северной Италии объединились в Ломбардскую лигу. Это был открытый вызов, и так велико было презрение городов к императору, что они даже не посчитали нужным дождаться, когда Фридрих покинет Италию.

Венеция была учредителем лиги. Она не могла предложить сухопутную армию, зато предоставила свой флот, ходивший по лагуне и по судоходным рекам. Венеция согласилась разделить с союзниками любые субсидии, которые она получит от Константинополя или Палермо, и заручиться их согласием на объявление войны или заключение мира с любым государством. Эти обязательства, следует признать, не были слишком строгими. Необходимо обратить внимание на то, что венецианский флот должен был защищать интересы Лиги в ограниченном пространстве. Не было разговоров о действиях флота за этими пределами, если где-то будет в том большая нужда. Тем не менее ясно, что республика снова стала смотреть — если не в коммерческом, то в дипломатическом отношении — в сторону Запада. Своим участием в Ломбардской лиге в 1167 году она фактически идентифицировала себя с континентальной Италией, чего не бывало за все пять столетий ее существования.

Тем временем отношения с Византией ухудшались. Тому имелось несколько причин, и виноваты в этом были обе стороны. Количество латинян, постоянно проживавших в это время в Константинополе, было не менее 80 000, все они пользовались специальными привилегиями, которые Мануил и его предшественники вынуждены были предоставить им в моменты своей слабости. Венецианцы составляли большинство. Они были наиболее привилегированной и, по всей видимости, самой нежелательной частью насе-

ления. Никита Хониат, глава дворцового секретариата в Константинополе, жаловался, что их колония «так кичится своим богатством и процветанием, что позволяет себе смотреть свысока на императорских чиновников». Возможно, он был прав: венецианцев никто не видел униженными, и они, без сомнения, доставляли византийским хозяевам причины для беспокойства. Но как бы ни посмеивались венецианские моряки над Мануилом Комнином, ни один венецианский купец, живший на Риальто или Босфоре, не стал бы его недооценивать. Вот уже несколько лет республика с опаской поглядывала на своих главных торговых соперников — Геную, Пизу и Амальфи, постепенно укрепляющих свои позиции там, где раньше безраздельно царила Венеция. Венецианцы совершенно уверились в том, что этот процесс был частью намеренной политики Мануила и его отца — уменьшить влияние республики. Обеспокоены они были и недавними изменениями в Далмации. С 1162 года они воевали с венгерским королем Стефаном III, который в последующие пять лет сумел захватить почти все прибрежные города, за исключением Зары. Затем, в 1167 году, Мануил Комнин одержал победу над Стефаном и забрал себе все завоеванные им территории. Такие действия вряд ли внушили к нему любовь венецианцев, и, когда вскоре после этого он имел наглость искать их поддержку в образовании постоянной византийской колонии в Анконе — с долгосрочной целью восстановления старого экзархата Равенны, — они открыто высказали ему все, что думают.

В начале 1171 года, в атмосфере взаимного подозрения и обиды за основание нового генуэзского поселения в Галате (район Константинополя на дальней стороне Золотого Рога), было совершено нападение с необратимым разрушительным результатом. Кто был за него ответствен, мы так никогда и не узнаем. Для Мануила, однако, это был шанс, которого он ждал. Возведя вину исключительно на венецианцев, 12 марта он отдал приказ: немедленно арестовать всех граждан республики, проживавших на византийской территории. Их корабли и собственность конфисковали.

Немногим удалось ускользнуть на византийский военный корабль, предоставленный в их распоряжение капитаном венецианского происхождения, находившимся на службе у императора. Большинству не повезло. В одной столице были схвачены 10 000 человек. Когда все тюрьмы заполнились до отказа, арестованных разместили в монастырях.

Можно представить себе реакцию Венеции, когда эта новость достигла Риальто. Мнение о том, что нападение на генуэзский квартал было ничем иным как предлогом, укрепилось, когда сами генуэзцы объявили, что венецианцы к этому инциденту отношения не имеют. Гладкость, с которой прошла операция по всей империи, со всей очевидностью продемонстрировала, что все было тщательно спланировано, и это соображение вызвало в памяти печальное событие двухлетней давности. Тогда, дабы прекратить слухи о том, что он замышляет подобные действия, император дал эмиссарам дожа специальные гарантии безопасности его граждан. Эти гарантии привлекли на Восток дополнительные венецианские капиталы, и теперь император пожинал плоды своей затеи.

Была забыта последняя связь, притягивавшая Венецию к Византии. Забыты были и сделанные менее четырех лет назад, до создания Ломбардской лиги, торжественные обещания о помощи. Венецианцы настроились на войну. Имелась финансовая проблема: некоторое время правительство тратило больше, чем следовало, к тому же Венеция выплачивала Лиге ежегодные крупные субсидии. Надо было выбираться из долгов. Был объявлен обязательный заем: каждый гражданин обязан был платить в соответствии со своими доходами. Для облегчения сбора денег город разделили на шесть районов, или сестьере, которые существуют и по сей день: Кастелло, Канареджо, Дорсодуро, Санта-Кроче, Сан-Поло и Сан-Марко. Была и серьезная нехватка людских ресурсов. Венецианцев, живших за границей (за исключением тех, кто томился в тюрьмах Мануила), вызвали домой. Ожидали, что они присоединятся к армии.

Несмотря на все эти трудности и благодаря суровым мерам, принятым для их преодоления, ровно через три месяца дож Микеле сумел подготовить флот из 120 судов. Это было невероятным достижением, к которому не способно было никакое другое государство. В сентябре 1171 года дож вывел свою армаду из лагуны. Флот пошел войной на империю Востока. Он останавливался в разных портах Истрии и Далмации, брал на борт венецианских подданных и продолжил путь вокруг Пелопоннеса к Эвбее. Там его дожидались послы Мануила. Они были настроены примирительно. Их господин, заверили они дожа, войны не хочет. Дож отправил мирное посольство в Константинополь. Оказалось, что все разногласия могут быть решены к взаимному удовлетворению.

Витале Микеле согласился. Это было самой большой ошибкой в его жизни. В то время как его эмиссары (среди которых был Энрико Дандоло, позже сыгравший судьбоносную роль в европейской истории) продолжили свой путь к Босфору и провели большую часть зимы в бесплодных переговорах с византийскими властями, он повел свой флот на Хиос в ожидании результата. Там и разразилась беда. На переполненных кораблях вспыхнула чума и распространилась с ужасающей скоростью. К началу весны тысячи людей были мертвы, а выжившие ослабели физически и морально. Они были не готовы ни к войне, ни к какой-либо другой деятельности. В это время из Константинополя прибыли послы. С ними обошлись крайне плохо, и миссия закончилась полным провалом. Император не имел ни малейшего намерения изменить свое отношение. Единственной его целью было желание выиграть время, для того чтобы укрепить оборону.

В довершение всех остальных несчастий на дожа свалилась новая беда — стыд и унижение из-за собственной доверчивости. Как случилось, что он попал в столь очевидную ловушку?! Дальше идти он не мог. Экспедиция закончилась провалом. Представители знатнейших семей либо

были мертвы, либо умирали, даже не увидев в глаза противника*. Флот, вернее то, что от него осталось, был на грани открытого мятежа. Дожу оставалось лишь вернуться как можно скорее в Венецию и предать себя суду разгневанных подданных.

Он явился в середине мая 1172 года и немедленно созвал во дворце общее собрание. Там рассказал о произошедшим, защищая собственные действия и решения, как только мог. Выслушали его в зловещей тишине: мало того, что он навлек на республику несчастья, так он еще и чуму с собой принес. Этого ему не простили. Собрание выступило против него, и, хотя перед дворцом собралась толпа, требовавшая его крови, Витале Микеле думал, что сможет бежать. Выскользнув из боковой двери, он поспешил к монастырю Сан Дзаккария.

Добраться до него он не успел. Дорога к монастырю вела через Соломенный мост (Ponte della Paglia), а дальше, ярдов через сто по набережной, к узкому переулку, известному как Калле делле Рассе. Как только он собрался завернуть за угол, из тени ближайшего дома выскочил человек и заколол его кинжалом.

Нельзя не испытывать сочувствия к Витале Микеле. Он со всех сторон был окружен политическими противниками: безжалостный Фридрих Барбаросса, непредсказуемый Мануил Комнин, на севере Италии — объединившаяся Ломбардская лига, на юге — союз норманнской Сицилии с величайшим из пап XII века. Микеле досталась более труд-

* В это время, согласно историческим источникам, погибли представители всего мужского рода Джустиниани, за исключением юного монаха в монастыре Сан Николо ди Лидо. Чтобы не позволить столь знатной линии закончиться, папа даровал юноше временное освобождение от данного им обета. Монах покинул монастырь, женился на дочери дожа и сделал то, чего от него ожидали. Затем, уверившись в будущем потомстве, вернулся в монастырь. Его жена дождалась, когда дети вырастут, после чего и сама постриглась в монахини.

ная ситуация, нежели любому из его предшественников: он прокладывал изощренный курс между мелей европейской дипломатии. Пятнадцать из шестнадцати лет пребывания на посту дожа делал он это безупречно. Только в последний год своего правления, в момент кризиса и в непривычных условиях, дож принял неверное решение. Даже и в этом случае... не винить же его за чуму и даже и за то, что он вернулся с нею в Венецию. Если бы промедлил с возвращением домой, то спровоцировал бы бунт.

Неудивительно, что в Венеции не поставлено ему памятника, и все же около тридцати лет назад о его смерти вспомнили те, кто знал его историю. Вскоре после гибели дожа его убийца был привлечен к суду и казнен, а дом его в Калле делле Рассе снесен. На этом месте решено было не ставить каменного здания. Это распоряжение соблюдали вплоть до Второй мировой войны, поэтому на всех картинах и фотографиях берега Ривы до этого времени мы видим лишь жалкую группу старых деревянных домов. Только в 1948 году власти решили наконец отказаться от этой традиции, и даже сейчас, когда мы смотрим на фасад гостиницы «Даниели роял эксельсиор», некоторые из нас задумываются: не лежит ли старое проклятие на месте, где восемьсот лет назад встретил свою смерть Витале Микеле?

Глава 9

ПРИМИРЕНИЕ (1172–1187)

> Никогда не боритесь с религией... ибо все эти вещи слишком укоренены в умах глупцов.
>
> *Гвиччардини*

Венецианцы не сразу выбрали другого дожа. Они хотели подумать. Ситуация сложилась чрезвычайно серьезная. Венеция находилась в состоянии войны одновременно с обеими империями. От великолепного нового флота осталась лишь тень того, чем они располагали всего полгода назад, многие корабли, как зачумленные, намеренно сожгли на Этине. Рабочая сила — поскольку никого из пленников, захваченных на Востоке, до сих пор не освободили — оставалась большой проблемой, тем более что эпидемия в городе и в окрестностях уносила все больше людей. Казна опустела, банкротства можно было избежать, лишь взяв принудительный заем*. Хуже всего — моральный дух венецианцев упал. Витале Микеле стал восьмым дожем в истории республики, погибшим насильственной смертью, но

* Эти государственные займы — такого рода первые в мире — вскоре стали постоянной чертой венецианской экономики. Четырехпроцентные государственные облигации давали возможность бесконечных спекуляций на Риальто.

первым за двести лет. Возможно, венецианцы осознали силу массовой истерии и почувствовали коллективную ответственность за убийство. Кажется, они испытали шок и стыд, почувствовали необходимость разобраться в себе и реформировать власть.

Что пошло не так? Ясно, что большую вину за неудачу похода и банкротство государства они возлагали на Микеле, но чем можно измерить, на каких весах взвесить правильность его действий? В свое время дож Доменико Флабьянико привлекал двух советников, более того, он был обязан «приглашать» других выдающихся горожан — прегади* — и прислушиваться, в случае необходимости, к их советам. У него было такое право обращаться ко всем жителям. Но Флабьянико умер почти полтора века назад, и те два советника утратили свой авторитет, прегади редко получали «приглашения», да и к населению, сильно выросшему с тех пор, больше не обращались. Венецианцы не собирались толпой в одном месте, как это бывало когда-то, не было способа и управлять столь большим сборищем. Последние годы показали, что толпе нельзя доверять важные государственные решения. В результате народ и не призывали, исключая случаи, когда закон требовал этого, например в случае избрания дожа или для объявления войны. Назрела необходимость перераспределить три властных структуры государства: дож, советники и народ. В 1172 и 1173 годах такая необходимость привела к самым важным конституционным реформам в венецианской истории.

Первым нововведением стало собрание из 480 знатных венецианцев, их выдвигали на один год по два представителя от каждого района. С тех пор это собрание, Comitia Majora, или Большой совет, отвечало за назначение всех главных чиновников государства, включая двенадцать представителей сестьере. На практике это означало, что демократически избранные представители и Большой совет формировали закрытый круг, не допускавший каких-либо

* Совет приглашенных (*ит.*).

возражений населения в свой адрес. Городская толпа не была полностью отстранена, но даже если она где-то и собиралась, то лишена была какой-либо власти. В основном она поддерживала выборы дожа. Прежде, как, например, при выборах Доменико Сельво, простые венецианцы реально участвовали в процессе, их право было закреплено законом. Сейчас выбор доверили одиннадцати выборщикам, которых номинировал совет. Имя нового дожа как свершившийся факт провозглашалось в присутствии собравшегося населения. Первая попытка введения нового порядка вызвала протесты. В результате пошли на некоторые компромиссы: успешный кандидат должен был быть представлен населению в соборе Сан Марко со словами: «Вот ваш дож, если это вас устраивает». Таким образом, теоретически учитывали голос народа, хотя люди прекрасно понимали, что это формальность.

Следующим изменением стало увеличение количества советников — с двух до шести. Они должны были постоянно находиться при доже, а поскольку функция их заключалась главным образом в ограничении его власти, то, должно быть, они испытывали удовольствие, накладывая вето на его решения. Вместе с дожем они формировали внутренний государственный совет, позже получивший название «синьория». Внешний орган, прегади, или сенат, остался, и его влияние возросло, особенно в области международных отношений. Он принимал бóльшую часть важных решений, которые впоследствии ратифицировал совет.

Если коротко, то принятые меры ослабили как вершину, так и основание административной пирамиды, одновременно усилив ее в центре. Венеция сделала еще несколько шагов к олигархической форме правления, а в следующем столетии развила ее и сделала своим достижением. С другой стороны, важно было не уронить престиж дожа, поэтому его окружили роскошью и обращались к нему с большими церемониями. Сразу после избрания дожа проносили вокруг площади Сан-Марко на специальном круглом стуле, фамильярно прозванном поццетто, поскольку он напо-

минал крышки городских колодцев, а дож бросал людям пожертвования. Каждый раз его сопровождала большая свита из аристократов, духовенства и горожан, когда, покидая дворец, он направлялся куда-то с государственной миссией.

Однако ни богатство, ни пожертвования, определенные постановлениями — не менее 100 и не более 500 дукатов — не возмещали то, что, было отнято у дожей.

Как бы венецианцы в целом ни сожалели об ограничении новой избирательной системой их древних прав, никто серьезно не оспаривал мудрость выборных представителей, когда их выбор упал на Себастьяно Дзиани. Новый дож был очень умен и энергичен, несмотря на свои семьдесят лет, и обладал большим административным опытом. К тому же он был невероятно богат, что было весьма кстати. Зная, что республика находится на грани банкротства, он первым делом занялся восстановлением национальных финансов и, по совету прегади, отложил выплаты по новым государственным облигациям. Это было смелое решение, однако оно не вызвало такого большого возмущения, какого можно было бы ожидать. Держатели облигаций были венецианцами, они любили деньги, но Венецию любили еще больше, и обращение к патриотизму нашло у них немедленный отклик.

Однако не могло быть и речи о продолжении войны против Византии. Послов снова отправили в Константинополь договариваться о мире: надеялись на освобождение тех, кто все еще томился в плену. Но миссия оказалась неудачной: Мануил Комнин на уговоры не поддался. Его поведение было предсказуемо: ведь то, что еще осталось от венецианского флота, в настоящий момент активно использовалось армией Фридриха Барбароссы для осады Анконы, удерживаемой Византией. Тем не менее отказ от этой второй инициативы оказался большой ошибкой, о которой его преемникам пришлось горько пожалеть. Венецианцы между тем попали под обаяние короля Сицилии Вильгельма II (Доброго). В 1175 году они заключили с ним двадцатилетний договор на невероятно выгодных условиях.

Итак, при мудром правлении Себастьяно Дзиани республика начала восстанавливаться. Для материальной реабилитации, естественно, требовалось время, а с моральной точки зрения процесс шел гораздо быстрее. Кульминация произошла летом 1177 года. Это событие обратило на себя внимание всего христианского мира: примирение папы Александра III и Фридриха Барбароссы завершило семнадцатилетний раскол и привело к миру, по крайней мере в Италии. Буквально за год до этого, 29 мая 1176 года, в Леньяно Ломбардская лига нанесла Барбароссе самое сокрушительное поражение в его истории. Он потерял бóльшую часть своей армии и едва сам не распрощался с жизнью, однако это несчастье привело его в чувство. После четырех долгих итальянских кампаний он увидел, что ломбардские города как никогда твердо настроены противостоять ему, тем более что их лига на это была способна. Папу Александра признали теперь повсюду — даже в самой империи — настоящим понтификом. Настаивать на проведении политики, на которую истратил лучшие годы своей жизни, Фридрих больше не мог: в этом случае вся Европа от него бы отвернулась.

Его послы встретились с папой в Ананьи для обсуждения условий примирения. По сути, они были просты: с имперской стороны — признание Александра, реституция церковных владений и заключение мира с Византией, Сицилией и Ломбардской лигой. Со стороны папы — провозглашение жены Фридриха императрицей, сына Генриха — римским королем и отказ в поддержке антипап. Обсудили следующий вопрос: где устраивать собор. Предложили Болонью, но Фридрих это предложение отклонил в связи с присоединением Болоньи к Ломбардской лиге. Наконец, после продолжительной дискуссии, решили, что папа и император встретятся в Венеции при условии, что в город Фридриха не допустят, пока Александр не даст на то своего согласия.

С политической точки зрения лучшего выбора и сделать было нельзя. Венеция, разумеется, была основателем Ломбардской лиги, хотя, с другой стороны, недавние разногла-

сия с Византией мешали ей играть слишком активную роль в делах лиги. В какой-то момент под стенами Анконы она даже боролась рядом с боевыми отрядами Священной Римской империи. Продолжительностью своей независимости она превосходила любой город Северной Италии. Для нее, большой, великолепной метрополии, не составляло труда разместить у себя всех европейских аристократов — принцев, епископов, послов и других знатных представителей ломбардских городов и предоставить им условия, к которым они привыкли.

10 мая 1177 года приехал папа со своей курией. Его принял дож и патриархи Градо и Аквилеи. После торжественной мессы в соборе папу отвезли в государственной барке в патриарший дворец в Сан-Сильвестро. Помещение предоставлялось в его распоряжение на весь срок, который был ему необходим. До встречи с императором нужно было проделать много работы. Во время дискуссий в Ананьи папа не успел высказаться от лица Сицилии и лиги. И та и другая должны были достигнуть соглашения с императорскими полномочными представителями, если обещанный поцелуй мира обретал значение, на которое рассчитывал папа. Сейчас в патриаршей капелле начался второй раунд переговоров. Между тем император, вход которому, по условиям договора, на венецианскую территорию был все еще запрещен, находился в ожидании в Равенне.

С представителями лиги особенно трудно было договориться, и переговоры растянулись почти на два месяца. К началу июля дело, однако, сдвинулось с мертвой точки, и, чтобы ускорить процесс, папа согласился допустить Фридриха в Кьоджу: там можно было связаться с ним в течение дня. До этого момента император демонстрировал неожиданную для него сдержанность, и это в ситуации, которая должна была казаться ему страшно унизительной, однако под конец он начал проявлять признаки нетерпения. За шесть лет разрыва с Венецией число его сторонников выросло настолько, что теперь они составляли влиятельную фракцию. Они понуждали его немедленно въехать,

не обращая внимания на папское вето, и заставить Александра и ломбардцев согласиться на более благоприятные для него условия. Фридриху очень хотелось так и поступить, однако он отказался от этого шага без одобрения дожа. Дзиани, понимая, что отказ может спровоцировать восстание в пользу императора, колебался. Послы из лиги, обуреваемые гневом и опасениями, отбыли в Тревизо. На какой-то миг показалось, что осторожная дипломатия прошедшего года ни к чему не привела.

Положение спасли сицилийцы. Лидер их делегации, архиепископ Салерно Ромуальд, приказал своим кораблям готовиться к быстрому отправлению, намекнув тем самым, что, если он и его миссия уйдут, то его хозяин, король Вильгельм, не замедлит с местью Венеции. Этот намек был слишком ясен. В прошедшие два года в Палермо, Мессине и Катанье сильно выросло количество венецианских купцов. Ничто не мешало Вильгельму повторить ход Мануила Комнина в 1171 году. Отбросив колебания, Дзиани издал указ, подтверждающий, что въезд Фридриха Барбароссы в Венецию может быть позволен только после санкции папы.

Кризис, похоже, подействовал целительно на всех участников переговоров. 23 июля 1177 года соглашение было готово. По просьбе папы венецианская флотилия направилась в Кьоджу и привезла Фридриха в Лидо. Туда направилась делегация из четырех кардиналов. В их присутствии Фридрих торжественно отрекся от антипапы и официально назвал Александра настоящим понтификом, а тот, в свою очередь, снял семнадцатилетнее отлучение императора от церкви. Теперь наконец-то ему разрешили появиться в Венеции. На следующий день рано утром дож, с внушительной свитой аристократов и священнослужителей, сам прибыл в Сан Николо ди Лидо, где Фридрих провел ночь. Он лично препроводил императора на барку дожа «Бучинторо», особо украшенную для этого случая, и они торжественно поплыли к набережной Моло.

В Венеции были закончены последние приготовления. Любовь венецианцев к роскоши всем известна, а поскольку

ку этот день был величайшим в их истории, постарались они на славу. В город стекались толпы, развевались флаги. Из нескольких уцелевших свидетельств очевидцев самым ярким и полным является так называемое «De Pace Veneta Relatio», имя автора неизвестно, но, кажется, он был германским священником:

> На рассвете помощники папы поспешили в собор Сан Марко и закрыли центральные двери большого портала. Принесли туда много деревянного бруса и лестницы. Из этого был сооружен великолепный трон. На набережной поставили две сосновые мачты огромной высоты. На них повесили штандарты святого Марка, великолепно расшитые и такие большие, что они касались земли. Эта набережная, называющаяся Марморсум, находится совсем рядом с церковью. Туда папа приехал в первом часу дня, отслужил мессу и, поднявшись на трон, стал ожидать прибытия императора. Там он сидел с патриархами, кардиналами, архиепископами и бесчисленными епископами. По правую руку от него был патриарх Венеции, по левую — Аквилеи.
>
> Между архиепископом Милана и архиепископом Равенны произошла ссора: каждый хотел сидеть третьим от папы, с правой стороны. Но понтифик положил конец этому раздору и, спустившись по ступеням, уселся под ними. Так не стало третьего места, и никто уже не мог сидеть справа от него. Около трех часов прибыл корабль дожа. На нем сидел император с дожем и кардиналами, посланными за ним накануне. Семь архиепископов и кардиналов привели императора к папскому трону. Дойдя до него, он сбросил свой красный плащ, простерся ниц перед папой и поцеловал сначала его ноги, а потом и колени*. Но папа поднялся и, обхватив руками голову императора, обнял его и поцеловал, затем усадил его по пра-

---

* В северо-западном углу зала Большого совета есть отличная картина Дзуккари, на которой изображена эта сцена.

вую руку и наконец произнес такие слова: «Сын церкви, добро пожаловать». После этого взял его за руку и повел в собор. Зазвонили колокола, запели «Тебя, Бога, хвалим». По завершении церемонии оба вместе покинули церковь. Папа уселся на лошадь — император придерживал его стремена — и отправился во Дворец дожей. Все это произошло в воскресенье, в канун дня святого Иоанна.

И в тот же день папа прислал императору много золотых и серебряных кувшинов, наполненных разнообразной едой. Он послал также откормленного теленка со словами: «станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся*».

Для папы Александра венецианский договор означал кульминацию его понтификата. Ему пришлось пережить восемнадцать лет схизмы и десять лет ссылки из Рима, не говоря уже о неприкрытой враждебности одного из самых жестоких людей, носивших корону Западной империи. Он ждал до своих семидесяти с лишним лет, прежде чем нашел награду. Награда пришла: Фридрих признал его легитимность.

Император также признал все временные права папства над Римом. Шестилетний мирный договор, который он заключил с Ломбардской лигой, был лишь преддверием к признанию независимости отдельных ломбардских городов. Это была самая знаковая победа, когда-либо одержанная папой над императором, она была намного значительнее, чем пустое торжество в Каноссе сто лет назад. Все это произошло благодаря мудрости и терпению, с которыми Александр провел свою церковь через один из самых тревожных периодов в ее истории.

Все эти качества остались при нем. Ни в день своего триумфа, ни в любое другое время пребывания императора в Венеции Александр не проявил ни малейшего желания восторжествовать над бывшим врагом. Один или два

---

* Лк 15:24.

более поздних историка Венеции, как, например, неисправимо романтичный Мартино да Канале, писавший почти сто лет спустя, увековечил легенду о папе, будто бы вставшем ногой на шею Фридриха, а император якобы тихо пробормотал: «Не тебе, а святому Петру», на что Александр якобы резко ответил: «И мне, и святому Петру». Эта история рассказана писателем не той эпохи, и она расходится с дошедшими до нас свидетельствами очевидцев. Император, похоже, тоже вел себя безупречно. На следующий день, последовавший за великим примирением, он повел себя еще более любезно: снова подержал стремена папы, отъезжавшего из базилики, и готов был провести лошадь Александра до самой пристани, если бы папа ласково не отказал ему. Интересно, вспомнил ли император в тот момент о двух днях в Сутри, когда он отказал в этой услуге папе Адриану, ехавшему двадцать два года назад на коронацию в Рим?

Роль, которую сыграла в преодолении схизмы Венеция, была значительной, и награда за это была велика. С финансовой точки зрения памятное лето 1177 года сильно поспособствовало восстановлению ее благосостояния. Император был гостем города полные восемь недель. Уехал лишь 18 сентября. Папа Александр оставался до середины октября, то есть продолжительность его пребывания превысила пять месяцев. Большую часть этого времени Венеция была заполнена народом, как никогда. Обычный поток путешественников и купцов вырос в несколько раз. Сюда съехались самые знатные принцы и прелаты Европы. Каждый пытался превзойти соперников великолепием свиты. Один из них, архиепископ Кельна, привез с собой не менее 400 секретарей, капелланов и сопровождающих. За патриархом Аквилеи приехало 300 человек, столько же с архиепископами Майнца и Магдебурга. Граф Рожер из Андрии, второй посол короля Сицилии, имел свиту из 330 человек. Герцог Леопольд Австрийский со своими 160 придворными выглядел, должно быть, жалко на этом фоне.

С политической точки зрения Венеция тоже выиграла. Было бы странно, если бы венецианцы, так долго удерживавшие у себя императора и папу, не добились чего-то взамен. Так и есть: они заключили с обоими несколько договоров. Фридрих Барбаросса разрешил им свободный проезд, безопасность и полное освобождение от императорских пошлин во всех частях империи в обмен за сходные привилегии для его подданных — «до Венеции, но не далее». Это было признание превосходства Венеции на Адриатике. Папа Александр, со своей стороны, проявил свое расположение тем, что даровал индульгенции главным церквям города. Сверх того, разрешил вечную борьбу между Градо и Аквилеей, внесшую столько раздоров и неприятностей в церковные дела Венеции. По условиям договора патриарх Градо — ставший резидентом Венеции — отказался от всех притязаний на сокровища, украденные Поппо Аквилейским 150 лет назад, за это ему вернули власть над селениями вокруг лагуны, а также над Истрией и Далмацией. Можно легко представить, что влияние Венеции в этих городах значительно усилилось.

Пребывание папы Александра в Венеции придало особое значение ежегодно отмечаемому празднику Вознесения. Церемония происходила с 1000 года в открытом море за портом Лидо. Из молитвенного обряда она превратилась в символическое бракосочетание с Адриатикой. Над одними дверьми в северной стене зала Большого совета во Дворце дожей есть картина Вичентино. На ней изображен папа, подающий дожу Дзиани кольцо, которое тот должен бросить в волны. К сожалению, приходится сказать, что история эта не имеет исторического основания, как и полностью выдуманное морское сражение при Сальворе, изображенное сыном Тинторетто Доменико (картина справа). Передача золотого кольца — чистого и простого символа — приняла с годами матримониальный оттенок. Произошло это примерно в то самое время, хотя разумно было бы предположить, что поскольку день Вознесения приходился в том году на 2 июня, не существует свидетельства, что папа ак-

тивно принимал участие в той церемонии, а уж тем более радикально изменил ее характер.

Самым главным выигрышем Венеции стал небывалый взлет ее репутации. В то памятное лето она оказалась в фокусе внимания всей Европы, фактически стала столицей христианского мира. Ее дож принимал двух лидеров Запада и был с ними если не на равной ноге, то, по крайней мере, добрым другом. Именно ее, Венецию, выбрали для переговоров папы и императора, потому что — если еще раз процитировать «Relatio» — она «подчинялась только одному Богу... это место, где отвага и авторитет горожан смогли сохранить мир между обеими сторонами, так чтобы разногласия или бунты, намеренные или случайные, не могли более возникнуть». Надо сказать, что сделать это ей удалось только сейчас. Тем не менее она это сделала, обретя тем самым новый статус большой и сильной европейской метрополии.

Собор Сан Марко с маленьким порфировым ромбом, вставленным в пол при входе в центральные двери, традиционно означает место, где Фридрих Барбаросса распростерся перед папой. Это — единственное место на площади, сохранившееся в том самом виде, в каком оно было к моменту описанных здесь событий. Сегодня окружающая обстановка, в которой происходили те давние события, выглядит более торжественной, и в этом заслуга дожа Себастьяно Дзиани. Это он приказал снести старую церковь Сан Джиминьяно*, это он купил у монастыря Сан Дзаккария огород (броло), находившийся между церковью и лагуной, он засыпал старый канал Рио Батарио, начинавшийся за зданием Старых прокураций**, шедший к собору, мимо кам-

---

* Она была перестроена в западном углу площади Сан-Марко, где и стояла, пока Наполеон в 1807 году не уничтожил ее окончательно: ему понадобился бальный зал в крыле Новых прокураций.

** Дом прокураторов, чиновников, ведавших государственной недвижимостью.

панилы к Рио ди Дзекка и далее к городскому саду. Все это пространство дож замостил кирпичом «в елочку», и у Венеции появилась площадь, которую мы знаем теперь как пьяцца Сан-Марко. Дзиани также распорядился, чтобы все дома вокруг площади были объединены арками и колоннадами, поэтому с самого начала площадь, должно быть выглядела такой, какой ее в 1496 году изобразил Джентиле Беллини (1429–1507), и, несмотря на строительство двух долгих рядов Прокураций вдоль северной и южной стороны, площадь сохранила свой облик*.

Дож Дзиани оставил память о себе и в облике Дворца дожей и Пьяцетты. Дворец построили заново, после того как народ в 976 году восстал против предшественника Дзиани и уничтожил первоначальное здание. В 1106 году пожар уничтожил и этот дворец. Дзиани, как нам поведал Сансовино, «увеличил его во все стороны», и, хотя сведения, которыми мы обладаем, отрывочны, можно предположить, что архитектор следовал традиции, и дворец был похож на те несколько византийских зданий, которые до сих пор стоят на Большом канале, например Фондако деи Турки или дворцы Фарсетти и Лоредано возле моста Риальто.

Пьяцетту расчистили и увеличили, как и площадь Сан-Марко. Возможно, готовясь к приезду Барбароссы, снесли старую стену Пьетро Трибуно. Она почти триста лет закрывала доступ с воды. За последние пять лет на площади подняли две из трех античных колонн, которые привез Витале Микеле из неудачной экспедиции на Восток. (Невезучий, как и всегда, он потерял третью колонну. Она ненароком упала за борт во время разгрузки и до сих пор лежит у Моло. Попытки поднять ее окончились неудачей.) Перед дожем

---

* Картина Беллини «Процессия на площади Сан-Марко» входит в серию «Чудеса Святого креста», находящуюся сейчас в Академии (рис. 10). Здание Старых прокураций с северной стороны при Беллини было только начато. Здание Новых прокураций, с южной стороны, было начато в конце XVI века после сноса больницы Пьетро Орсеоло.

предстал молодой венецианский инженер. Настоящее его имя было Николо Старатонио, но обычно его звали Бараттиери. Это прозвище в переводе с итальянского означает склонность к шулерству. Возможно, так оно и было. Нам известно, что он предложил поднять две колонны за право устроить между ними игральные столы. Дзиани согласился. Колонны были подняты и стоят до сих пор, позже одна из них была увенчана львом святого Марка, вторая — святым Теодором с крокодилом. Поставили и игральные столы. Вскоре после этого Большой совет распорядился проводить на этом месте публичные казни. Бараттиери не оставил своей инженерной деятельности, поскольку несколько лет спустя он занялся постройкой первого понтонного моста Риальто.

Государственный деятель, дипломат и строитель Себастьяно Дзиани обладал редкими способностями реформатора. Нет необходимости задерживаться на подробностях его дальнейшей реорганизации административной машины, создании новых государственных учреждений, совершенствовании законов. Более важной для нас является философия, лежавшая в основании всей программы реформ. Целью ее была поддержка и усиление олигархических принципов, оказывавших определяющее влияние на венецианскую политическую мысль. Незадолго до своей отставки Дзиани созвал собрание, на которое пригласил главных чиновников и приказал им взять себе за правило предоставлять властные места самым богатым и авторитетным гражданам, «так как, увидев себя обойденными, они разочаруются и перейдут к насильственным действиям». Этот совет был не таким реакционным, как это кажется на первый взгляд. Некоторые благородные венецианцы смотрели на высокие посты как на неприятную ответственность, ограничивающую их личную свободу и куда менее выгодную, чем торговля. От гражданских обязанностей — дома или за границей — без уважительных причин отказаться было нельзя. За это с 1185 года следовали суровые наказания.

За шесть лет своего правления Себастьяно Дзиани добился многого. Но в момент избрания ему уже было больше семидесяти, и в 1178 году он решил уйти от общественной жизни и удалиться, как и некоторые его предшественники, в монастырь Сан Джорджо Маджоре. Там он вскоре умер, а позже его имя увековечили на палладианском фасаде, напротив имени Трибуно Меммо. В своем завещании он распорядился распределить ренту с определенных домов в Мерчерии между базиликой и церковью Сан Джулиано, чтобы те обеспечивали едой пленников государства, и другой собственностью на той же улице. Согласно его распоряжению, каждый вторник должны были подавать хороший обед двенадцати городским нищим, а его семье, в качестве урока в смирении, устраивать трапезу, состоящую из дешевой рыбы, вина и чечевицы. Происходило это в праздник святого Стефана, перед могилой которого постоянно горела лампада.

Незадолго до смерти Себастьяно Дзиани сделал еще одно изменение в процедуре выборов дожа. Вместо одиннадцати выборщиков, назначаемых Большим советом, было решено, что совет теперь будет назначать только четверых, и эти четверо будут выставлять команду из сорока человек, причем за каждого должно быть подано по меньшей мере три голоса из четырех. В результате этой процедуры — хотя она и упростилась в сравнении с прежними годами — в 1178 году выбрали Орио Мастропьетро, пожилого дипломата, служившего в посольствах Палермо и Константинополя и сыгравшего там ведущую роль в основании первого государственного займа Витале Микеле. Его дипломатический опыт сослужил ему хорошую службу, ибо на Востоке, как и на Западе, снова начали собираться грозовые тучи.

24 сентября 1180 года после долгой болезни скончался император Мануил Комнин. Следующие пять лет принесли Византийской империи нищету и смуту. Законным наследником Мануила был его двенадцатилетний сын Алек-

сей, мать которого, Мария Антиохская, стала его регентом. Первая латинянка на престоле Константинополя была сестрой норманнского принца Боэмунда III. Мария открыто покровительствовала франкским соотечественникам в ущерб грекам, а потому подданные ее ненавидели. Первый бунт против нее провалился, но второй, в 1182 году, перешел в полномасштабную бойню, во время которой буквально все уроженцы Запада погибли, включая женщин, детей и даже больных в госпиталях. Весь франкский квартал города был разграблен, так что в сравнении с этим разбой, от которого одиннадцать лет назад пострадали венецианцы и генуэзцы, можно было назвать незначительным. Тем временем двоюродный брат Мануила, Андроник Комнин, пришел в столицу и захватил трон. Марию задушили. Вскоре после этого ее юный сын, которого заставили подписать приговор о смертной казни матери, тоже был удушен шнурком. У него осталась невеста, Агнес — византийцы перекрестили ее в Анну, — двенадцатилетняя дочь французского короля Людовика VII. Она приехала в Константинополь за несколько месяцев до бунта, однако из-за ее слишком юного возраста венчание не состоялось. Ничуть не смутившись, шестидесятичетырехлетний Андроник женился на ней, и этот брак был освящен. Последовали почти три года жестокости и террора, с которыми до самой Французской революции ничто не могло сравниться. Наконец, в сентябре 1185 года свергли и Андроника. Толпа растерзала его.

В предыдущий год до Риальто дошла новость, что короткий медовый месяц Венеции с Сицилией близится к концу. Король Вильгельм Добрый и королева Иоанна Английская — сестра Ричарда Львиное Сердце — были бездетными, так что следующей претенденткой на трон стала тетя Вильгельма, Констанция, а она была помолвлена с Генрихом Гогенштауфеном, сыном и наследником Фридриха Барбароссы. Для Венеции и городов Лиги перспектива такого брака была ужасной. Они долго чувствовали себя независимыми от империи, а происходило это в большой степени оттого, что у Фридриха не было в Италии постоянного дома,

и по феодальному закону он не мог держать германские войска к югу от Альп. После заключения брака император стал бы не просто титулованным сюзереном, но и полновластным хозяином на полуострове.

Мало что можно было сделать, пока в Византии продолжался кризис, но как только Андроника не стало и на константинопольский трон вступил Исаак II Ангел, венецианцы не стали терять время. В 1186 году начались переговоры, и на следующий год заключили договор. За события 1171 года им была обещана полная компенсация, император вызвался защищать Венецию и ее территории от всех нападений, откуда бы ни исходила угроза. В ответ на это венецианцы обещали за счет императора за шесть месяцев построить на своих верфях от 40 до 100 галер. Каждые трое из четырех венецианцев, проживающих на территории Византии, призывались на службу на галерах под командованием венецианских офицеров, а те, в свою очередь, подчинялись имперскому адмиралу. (Поскольку на каждую галеру требовалась команда из 140 гребцов, можно предположить, что на территории империи до сих пор проживали около 18 000 мужчин призывного возраста.)

Исаак Ангел был порочным и слабым правителем — Никита Хониат писал, что он торговал правительственными должностями, словно овощами на рынке. Но вот почему он решил доверить постройку судов чужому народу, с которым империя последние двадцать лет находилась во враждебных отношениях — особенно когда Константинополь и сам обладал отличными судами, — понять невозможно. Венеция выигрывала во всех отношениях: ей пообещали имперскую защиту и дали власть над всем византийским флотом. Через шестнадцать лет Восточная империя окажется практически беззащитной перед венецианским флотом, и винить ей в этом придется только саму себя.

Глава 10

ПОСТЫДНАЯ СЛАВА (1187–1205)

Знаем мы все так мало (больше мы знать
не хотим)
О Метрополисе странном; о храмах его
со свечами,
Сенаторах-содомитах, облаченных
в белые тоги,
Спорах на ипподромах, кончающихся
резней,
О евнухах в пышных салонах.

*Роберт Грейвз. Латники на границе**

Венецианский договор с Византией 1187 года почти совпал с трагедией на Востоке. 4 июля сарацины под командованием Саладина разбили армию Ги де Лузиньяна, короля Иерусалима, в битве при Хаттине. Три месяца спустя, 2 октября, святой город пал. Когда эта новость достигла Рима, старый папа Урбан III умер от потрясения. Его преемник, Григорий VIII, не теряя времени, призвал всех христиан в крестовый поход. Для Венеции это был удачный момент. Она недавно начала одну из кампаний за возвращение Зары, которая снова поддалась на уговоры короля Венгрии, правда, в этот раз реакция венгров была сильнее

* Перевод И. Озеровой.

и быстрее, чем ожидалось. Папское предписание объединиться против неверных позволило уйти от конфликта, не потеряв лица.

Ожидалось, что венецианцы с энтузиазмом откликнутся на призыв папы Григория. В результате поражения Иерусалимского королевства при Хаттине они тоже много потеряли. Тир, благодаря быстрым действиям сицилийского флота и просчету Саладина, остался в руках христиан, но Акра, с венецианским кварталом и богатой купеческой колонией, сдалась почти сразу, вместе с Сидоном, Бейрутом и другими городами на побережье и отдаленных районах. Дож Мастропьетро объявил принудительный государственный заем. От знатных семей требовались суммы, точно подсчитанные в соответствии с их доходами. В Пасху 1189 года военный флот пустился в поход, увозя на своих бортах армию, только что собранную со всех уголков Италии.

В последующие месяцы эта армия увеличилась за счет англичан и французов, датчан и фламандцев, германцев и сицилийцев. Из четырех европейских монархов, взявших крест, двое умерли, не добравшись до Святой земли. Вильгельма Доброго Сицилийского болезнь сразила в возрасте тридцати шести лет, старый Фридрих Барбаросса утонул во время переправы через реку Каликадн на юге Анатолии. Но два других вели своих подданных в бой: Ричард Львиное Сердце, ставший легендой благодаря смелости и рыцарской славе, но в то же время импульсивный и безответственный, и Филипп Август, мрачный, необаятельный, но мудрый политик, заслуживший тем самым место среди лучших французских королей в противоположность Ричарду, бывшем одним из худших королей Англии.

Самое доброе, что можно сказать о Третьем крестовом походе, так это то, что он был лучше второго. Он был лучше организован, командиры тоже были опытнее. В этот раз они добились одной значительной победы: после двухлетней осады отвоевали Акру, и, если крестоносцы не всегда соответствовали высшим стандартом рыцарства, установленным Саладином (а вовсе не Ричардом, который органи-

зовал хладнокровное убийство почти 3000 пленников-сарацин после падения Акры, добавив еще одно несмываемое пятно к своей репутации), то в целом боролись они отважно, а иногда и героически. Тем не менее в целом поход окончился поражением. Иерусалим остался в руках мусульман, и маленькое христианское королевство Акра ничего с этим не могло поделать.

Что до Венеции, то ее роль в Третьем крестовом походе — как и во втором — остается загадкой. После внушительного начала она выпадает из поля зрения. Хронисты того времени ее не упоминают. Возможно, ее участие ограничивалось предоставлением транспорта для солдат и снаряжения. В этом случае мы можем быть совершенно уверены, что за свои услуги она была полностью вознаграждена, еще не выведя корабли из гавани. Венецианские купцы, разумеется, не растерялись: через несколько дней после сдачи города они снова завладели своим кварталом в Акре. Но о мощном военном флоте ничего не было не слышно. Дож Мастропьетро откликнулся на папский призыв, и, похоже, что он тут же посчитал свою задачу выполненной. Во всяком случае, к иноземным экспедициям он склонности не питал. Он предпочитал сосредоточиться на улучшении судебной системы. Дож создал орган народных прокураторов, чьей задачей являлось представительство интересов республики во всех официальных процедурах, а также установил специальный судебный орган для иностранцев. Во время его правления мы впервые встречаем упоминание о кварантии, Совете сорока, — исполнительном и судебном органе, промежуточном между Большим советом и синьорией. Первоначальной целью, кажется, было создание совещательного собрания наподобие претади, только большего масштаба. Впоследствии, однако, когда синьория преобразовалась в постоянный комитет, а потом в сенат, кварантия сделалась исключительно судебным органом.

Все эти изменения были довольно важными, и вклад Орио Мастропьетро за четырнадцать лет пребывания на посту дожа весьма значителен. Если, тем не менее, он до сих

пор представляется бесцветной фигурой, винить его в этом никак нельзя, потому что ему не повезло оказаться между двумя самыми великими дожами средневековой республики и двумя самыми важными главами ее истории. О Себастьяно Дзиани и мирном договоре Венеции мы уже рассказали, обратимся же теперь к более темному и постыдному триумфу. Это мрачное событие называется Четвертым крестовым походом, и его инициатором был Энрико Дандоло.

Никто точно не знает возраста Энрико Дандоло, когда, после смерти предшественника, 1 января 1193 года его провозгласили дожем Венеции. Считают, что ему было восемьдесят пять и он был абсолютно слеп, впрочем, это представляется невероятным, когда мы читаем о его энергии и героизме и когда через десять лет после избрания мы застаем его на стенах Константинополя. Более вероятно, что при восшествии на престол ему было лет семьдесят пять. Тем не менее во время Четвертого крестового похода ему должно было быть не менее восьмидесяти. Убежденный, почти фанатичный патриот, он посвятил бóльшую часть своей жизни республике. Мы, например, слышим о нем в 1171 году: он принимал участие в восточной экспедиции Витале Микеле, а на следующий год был одним из послов дожа в неудавшейся мирной миссии к Мануилу Комнину.

Может, тогда он и потерял зрение? Согласно тому, что написал о нем позже его тезка, историк Андреа Дандоло, заносчивость и упрямство Энрико вывели Мануила из себя: император арестовал его и частично ослепил. С другой стороны, его современник и, возможно, более надежный источник, приложение к «Хроникам Альтино», сообщает, что дож Дзиани послал свою миссию в Константинополь только «после того как увидел, что три посла его предшественника вернулись целыми и невредимыми». Эти слова — вместе с тем, что мы узнали о характере Мануила и отсутствием каких-либо других ссылок на то, что вызвало бы сильную реакцию в Венеции, если бы это и на

самом деле случилось, — твердо указывают: хотя ослепление было частым наказанием в Византии, но в этом случае оно произойти не могло. Согласно другой гипотезе, в Константинополе Дандоло ввязался в драку, во время которой и повредил глаза. «Хроника Альтино» делает это предположение невероятным. Кроме того, Дандоло был тогда далеко не юн: зрелому дипломату было далеко за сорок. Имеющиеся в нашем распоряжении факты уже не вызывают сомнений: Жоффруа де Виллардуэн, кто знал его хорошо, уверяет, что «хотя его глаза казались нормальными, он не видел руки перед своим лицом, поскольку потерял зрение в результате ранения в голову».

Ни возраст, ни слепота, похоже, ничуть не повлияли на энергию и способности Дандоло. Спустя несколько недель после своего избрания он затеял новую кампанию, намереваясь отвоевать Зару. На помощь Заре пришли Пиза и Бриндизи, так что венецианцам несколько лет пришлось бороться за свою власть над Адриатикой. Положение ухудшилось, когда в Рождество 1194 года германский император Генрих VI в соборе Палермо принял корону Сицилии. Норманнскому королевству Сицилии пришел конец.

Этого венецианцы боялись больше, чем чего-то другого. Их не успокаивало то, что они знали о самом Генрихе. Сын Барбароссы обладал отцовской решительностью и силой воли. Свою ненависть, однако, направил он не столько против городов Северной Италии, сколько против Восточной империи. Его цель была проста — уничтожить Византию, подчинить себе старую Римскую империю, усилить ее, добавив большое средиземноморское владение, после чего совершить еще один крестовый поход и захватить Святую землю. Всего несколько лет назад такая мечта показалась бы фантастической, даже абсурдной, но Комнинов больше не было, а семья Ангелов, занявших трон Константинополя, оказалась неспособной к эффективному правлению. В 1195 году император Исаак II после десяти лет хаоса был свергнут с престола. Брат Алексей, слабый и

непредсказуемый человек, страдающей манией величия, заключил его в тюрьму. Хотя он был совершенно неспособен к принятию ответственных решений, его тем не менее короновали, и он вошел в историю под именем Алексея III*. Святую землю тоже, казалось, было легко завоевать. Саладин умер, без него армии мусульман больше не являлись тем грозным противником, каким были недавно.

В планах Генриха не было места для независимой морской республики, и если бы он добился успеха в своем первом амбициозном плане — а он вполне мог в этом преуспеть, — то Венеция наверняка стала бы одной из его жертв. К счастью для мира, этого не случилось. В 1197 году в возрасте тридцати двух лет он умер в Мессине. Спустя несколько месяцев за ним последовала его жена Констанция, оставив пятилетнего сына Фридриха на попечение папы Иннокентия III.

Две империи остались без правителей, а норманнская Сицилия прекратила свое существование. В Германии началась война за имперское наследие, а Англия и Франция также — хотя и не с такой яростью — занялись проблемами наследования в связи со смертью в 1199 году Ричарда Львиное Сердце. Папа Иннокентий обнаружил, что в Европе у него нет соперников. По поводу Византии он не испытывал сильных чувств, зато проявлял энтузиазм в отношении крестовых походов. Трудность заключалась в отыскании подходящих лидеров. Смерть коронованных особ его не волновала. Опыт показал, что короли и принцы, возбуждавшие национальное соперничество и беспокоившиеся о протоколах и процедурах, создавали больше шума, чем сле-

---

* Никита Хониат написал о нем: «Какую бы бумагу ни поднес кто императору, он тотчас ее подписывал; будь там бесконечные вопросы, или бессмысленный набор слов, или требования просителя, чтобы море пахали, а по земле плавали, а горы переставили на середину моря, или, как в басне говорится, чтобы Афон поставили на Олимп».

довало. Несколько крупных аристократов замечательно подойдут для достижения его цели. Иннокентий оглядывался по сторонам в поисках кандидатов, когда к нему пришло письмо от графа Тибальда Шампанского.

Как-то раз, в сентябре 1197 года, правитель Заморья Генрих Шампанский проводил смотр войск из окна своего дворца в Акре, когда к нему в комнату вошла делегация из местной пизанской колонии. Он обернулся, чтобы поприветствовать их, и машинально отступил назад. Карлик Скарлет в попытке удержать Генриха ухватил его за одежду, но было слишком поздно. Вместе они рухнули из окна. Скарлет отделался переломом ноги, а Генрих погиб.

Два года спустя младший брат Генриха Тибальд проводил турнир в замке Экри на Эне. Из-за своей юности — тогда ему было лишь двадцать два года — Тибальд не сопровождал Генриха в Святую землю, но, поскольку являлся внуком Людовика VII и одновременно племянником Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце, крестовые походы были у него в крови. Энергичный и амбициозный юноша был к тому же религиозным фанатиком. Во время турнира к нему и его друзьям обратился знаменитый проповедник Фулько Нельи*. Священник ездил по Франции и призывал людей в новый поход на Восток. Молодые люди тут же откликнулись. К папе Иннокентию немедленно прибыл гонец и объявил об их согласии. Другие поспешили к принцам вроде Тибальда — во Францию, Германию и Фландрию — добиваться их участия в походе. Реакция была положительной: молитвы папы Иннокентия исполнились.

Главной проблемой был способ передвижения. Ричард Львиное Сердце, прежде чем покинуть Палестину, высказал мнение, что самым слабым местом мусульманского Востока был Египет, и именно туда должны быть направлены

---

* Фулько Нельи привлек к походу 200 000 воинов и собрал огромные денежные средства.

в первую очередь следующие экспедиции. Из этого ясно следовало, что новая армия должна переправляться по морю, и ей потребуются корабли, а столько кораблей можно получить лишь в Венецианской республике.

В 1201 году, в первую неделю Великого поста, группа из шести рыцарей во главе с Жоффруа де Виллардуэном, маршалом Шампани, явилась в Венецию. Свою просьбу они изложили на заседании Большого совета. Ответ они получили через восемь дней. Республика обязалась предоставить сроком на один год суда для перевозки 4500 рыцарей и столько же коней, а также 9000 оруженосцев и 20 000 пеших воинов вместе с оружием и снаряжением, а также съестными припасами, которыми она бралась снабжать войска в течение 9 месяцев. Цена составит 84 000 серебряных марок*. Кроме того, Венеция принимала обязательства снарядить на годичный срок за свои средства пятьдесят полностью экипированных галер при условии, что она получит половину всех завоеванных территорий.

К счастью для потомков, Жоффруа оставил полный отчет не только о самом походе, но также и о приготовлениях к нему. Мало кто из его современников мог бы сделать лучший отчет. Старофранцузский, на котором он пишет, по мнению одного английского историка, является «самым восхитительным средством выражения, который когда-либо видел мир», а Гиббон более точно называет его «грубой идиомой его века и страны». Однако стиль Жоффруа обладает ясностью и энергичностью. На первых страницах своих хроник он дает нам глазами очевидца описание венецианской демократии, такой, какой она была в действии. Дож Дандоло, оказывается, прежде чем принять решение, несколько раз консультировался с Советом сорока, с прегади и Большим советом. Но в деле такой важности необходима была и ассамблея глав семейств — аренго. Итак, пишет Жоффруа:

---

* Марка была мерой веса, а не монетой и отличалась от региона к региону.

> Он собрал по меньшей мере десять тысяч человек в церкви Святого Марка, самой красивой в городе. Отслужили мессу и обратились к Богу, чтобы он их наставил. После мессы дож созвал послов и наказал им, чтобы они сами просили народ принять участие в походе. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, выступил с речью... Тогда дож и люди воздели руки и закричали, как один человек: «Мы согласны! Мы согласны!» И таким громким был крик, что, казалось, земля дрожит под ногами.

На следующий день были заключены контракты. Жоффруа мельком отмечает, что все соглашения упоминают Египет как конечную цель. Разъяснений не дает; возможно, он и его коллеги боялись — оказалось, не зря, — что такая новость не будет популярна у рядовых крестоносцев: для них главной целью был Иерусалим. Они не видели причин тратить время на что-то другое. Более того, египетская экспедиция наверняка означала опасную высадку на враждебном берегу. Это вовсе не спокойный спуск якоря в христианской Акре и возможность отдохнуть от путешествия, прежде чем броситься в бой. Венецианцы, со своей стороны, были бы рады участию в обмане, поскольку у них был собственный секрет: в самый момент заключения переговоров их послы были в Каире и обсуждали чрезвычайное выгодный контракт с наместником султана, которого вскоре после того заверили, что у Венеции нет намерения напасть на Египет*.

Такие размышления, однако, не могли помешать сборам в поход: ведь там можно будет захватить куда большую добычу, поэтому было решено, что крестоносцы соберутся в

---

* Это утверждение не может быть доказано. Договора не существует; и, хотя свидетельство, что он был, очень похоже на правду, есть проблема с определением точной даты. Однако большинство современных историков убеждены: нет ничего невероятного в двойной игре венецианцев в то время.

Венеции в день святого Иоанна, 24 июня 1202 года. Флот будет их ждать.

Как Энрико Дандоло удалось оттоворить франков от уже поставленной цели, мы так и не узнаем. Возможно, он и его приближенные были ответственны за распространение слухов относительно намерений крестоносцев, и о них узнали в странах Запада. Такие вещи становятся известны в удивительно короткое время. Но если он надеялся, что реакция на эту новость заставит предводителей изменить свое мнение, то он ошибался. От своих намерений отказались наемники. Многие, услышав об этом, отказались от похода, другие решили во что бы то ни стало идти в Палестину и искать корабли в Марселе или портах Апулии. В назначенный для встречи в Венеции день армия, собравшаяся в Лидо, насчитывала менее трети ожидаемого.

Для тех, кто пришел, как и планировалось, ситуация была высшей степени неловкой. Венеция исполнила свою часть сделки: флот стоял в ожидании крестоносцев. Ни один человек, по словам Жоффруа, не видел ничего прекраснее, только вот флотилия была в три раза больше, чем требовалось для собравшихся на берегу людей. В таком маленьком составе крестоносцы не могли надеяться заплатить венецианцам деньги, которые им пообещали. Нынешний их предводитель, маркиз Бонифаций Монферратский (Тибальд Шампанский умер в предыдущем году вскоре после возвращения), прибыл в Венецию дольно поздно и тут же обнаружил, что экспедиции грозит провал. Венецианцы не только отказывались выпустить из порта хотя бы один корабль, прежде чем им заплатят деньги, они даже угрожали не отпустить провизию ожидавшей армии — угроза тем более серьезная, что армия была заперта в Лидо и солдатам запрещено было входить в город. Эта мера, следует отметить, была не столь уж чрезвычайной, напротив, при таких обстоятельствах венецианцы проявили обычную предосторожность: нельзя было допустить нарушения мира или распространения болезней. Атмосферу это, впрочем, вряд ли улучшило. Бонифаций опустошил соб-

ственные сундуки, многие рыцари и бароны поступили так же, и каждому человеку в армии пришлось отдать то, что он мог, но общая сумма, включая золото и серебро, все же была на 34 000 марок меньше того, что требовалось.

Пока деньги продолжали поступать, Дандоло держал крестоносцев в неизвестности. Убедившись, что выкачал все, он выступил с предложением. Город Зара, заметил он, недавно попал в руки короля Венгрии. Если франки согласятся помочь Венеции отвоевать его, то они подождут с долгом. Это было циничное предложение, и как только папа Иннокентий услышал его, он тут же послал гонца с распоряжением от него отказаться. Но у крестоносцев, как он понял позднее, выбора не оставалось.

В соборе была совершена еще одна церемония, которую Энрико Дандоло, несмотря на свои годы, провел великолепно. Он обратился к подданным. Жоффруа де Виллардуэн, присутствовавший при этом, приводит его речь:

> «Синьоры! Отныне вы соединились с самыми достойными людьми на свете и ради самого высокого дела, которое кем-либо и когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и немощен и нуждаюсь в покое, к тому же тело мое изувечено, но тем не менее я вижу, что среди вас нет никого, кто мог бы руководить вами, как я, ваш правитель. Если вы дозволите, чтобы я взял крест, дабы оберегать и вести вас, и чтобы на моем месте остался мой сын и защищал бы страну, тогда я отправлюсь жить или умереть с вами и крестоносцами».
>
> И когда они услышали его, то закричали все как один человек: «Богом просим вас поступить именно так и отправиться с нами!»
>
> Затем он сошел с кафедры и направился к алтарю, встал на колени, рыдая, и ему нашили крест на большую шапку, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест.

Итак, 8 ноября 1202 года крестоносцы отплыли из Венеции в Четвертый крестовый поход. 480 кораблей, возглав-

ляемые галерой самого дожа, «окрашенной в алый цвет, с шелковым тентом того же цвета, под стук кимвал, под пение четырех серебряных труб» отправились не в Египет и не в Палестину. Неделю спустя они взяли Зару и разграбили город. Между венецианцами и франками почти немедленно развязалась драка за добычу, что вряд ли предвещало благополучный исход экспедиции, тем не менее мир был восстановлен, и две группы зазимовали в разных частях города. Тем временем новость об этом событии дошла до папы. Иннокентий разгневался и захотел запретить всю экспедицию. Хотя позже он передумал и распространил свой запрет только на венецианцев, начало похода нельзя было назвать удачным.

Худшее, однако, было еще впереди. В начале следующего года прибыл гонец с письмом к Бонифацию от германского короля, Филиппа Швабского (1178–1208). Филипп был не только сыном Барбароссы, братом императора Генриха VI, чья смерть пять лет назад оставила пустым трон императора Запада. Он был также и зятем низложенного императора Византии Исаака Ангела, так что, когда его юный сын, еще один Алексей, в 1201 году бежал из тюрьмы, в которую он и его отец были заключены, двор Филиппа стал для него естественным убежищем. Там он встретил Бонифация незадолго до отъезда последнего в Венецию. Возможно, что именно тогда эти трое разработали план, который Филипп теперь официально изложил в письме. Если крестоносцы проводят юного Алексея в Константинополь и посадят его на трон вместо узурпатора-дяди, Алексей, в свою очередь, профинансирует завоевание Египта, даст дополнительно своих 10 000 солдат, а потом будет в Святой земле содержать за свой счет 500 рыцарей. Он также передаст церковь в Константинополе под покровительство Рима.

Бонифацию этот план понравился. Кроме явных долгосрочных выгод для самого похода и возможности выплатить долг Венеции, он увидел в этом собственную выгоду. А почему бы и нет? За прошедшие сто лет многие кресто-

носцы не считали за грех, следуя за Крестом, обогатиться. Когда Бонифаций рассказал об этой идее Дандоло — вряд ли тот ей слишком удивился — старый дож воспринял ее с энтузиазмом. Отлучение от церкви его не пугало: папские запреты Венеция нарушала не в первый и не в последний раз. Военный и дипломатический опыт мало поспособствовали его любви к Византии. Кроме того, нынешний император, вступив на трон, создал невероятные трудности при продлении торговых льгот, дарованных его предшественником. Соперничество с Генуей и Пизой становилось все яростнее. Если Венеция хочет сохранить влияние на восточных рынках, она должна вести активные действия. Таким действием станет изменение пункта назначения египетской экспедиции.

Армия крестоносцев приняла изменение планов охотнее, чем можно было ожидать. Некоторые все же сразу отказались и направились в Палестину. Большинство было радо осуществить план, обещавший богатство, а также восстановить единство христианского мира. Со времен великой схизмы, и даже еще раньше, Византия на Западе не пользовалась популярностью. Предыдущим походам она давала мало или вообще ничего, а потому считалось, что в нескольких случаях она предала дело христиан. Предложение молодого Алексея активно помочь стало приятной новостью, никто не хотел пренебрегать такой возможностью. Наконец, в рядах крестоносцев должно было быть немало циничных людей, надеющихся на личное обогащение. Обычный франк о Византии практически ничего не знал, однако все слышали истории о ее несметном богатстве. И для любой средневековой армии, будь на ее штандартах Святой крест или что-то другое, сказочно богатый город означал только одно — добычу.

Молодой Алексей лично явился в Зару к концу апреля, и спустя несколько дней флот пустился в плавание, сделав остановки в Дураццо и Корфу. В обоих городах Алексея назвали законным императором Востока. 24 июня 1203 года,

через год после встречи в Венеции, он бросил якорь у Константинополя. Узурпатор Алексей III получил много предупреждений о приходе флота, тем не менее не подготовил свою столицу к обороне. Доки простояли без дела с тех пор, как глупый братец шестнадцать лет назад поручил Венеции строительство кораблей. По свидетельству Никиты Хониата — как бывший секретарь императора, он хорошо знал, что происходит, — тот позволил своему адмиралу (являвшемуся его шурином) продать все якоря, паруса и оснастку нескольких оставшихся судов. Теперь они превратились в бесполезные скорлупки, гниющие во внутренней гавани. Подданные императора, собравшиеся на стенах, с тупым изумлением смотрели на огромный военный флот, входивший в устье Босфора.

Но и крестоносцам тоже было на что посмотреть. Жоффруа сообщает:

> Так вот, знайте, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто никогда его не видел, ибо когда они увидели эти высокие крепостные стены и мощные башни, которыми город был полностью окружен, и великолепные дворцы, и парящие купола церквей — так много всего представилось их глазам, что если бы сами не видели, никому бы не поверили. Никто и представить себе не мог длину и ширину города, который главенствовал между всеми городами. Они никогда бы не подумали, что где-либо на свете может существовать такой богатый и мощный город. И заметьте, не было среди них столь храброго и отважного человека, который не задрожал бы всем телом, и это не было удивительно, ибо с тех пор как сотворен мир, никогда столь великое дело не принималось таким малым числом людей.

Крестоносцы не спешили начать осаду. Они высадились на азиатском побережье пролива, возле императорского дворца Халкедон в Скутари (современный Шкодер, Албания), чтобы пополнить запасы. «Окружающая земля

была прекрасна и плодородна: снопы только что сжатой пшеницы стояли в полях, так что любой человек мог взять, сколько ему надо». Там они легко отразили нерешительную атаку небольшого отряда греческой кавалерии — конница бежала при первом отпоре — и позднее без церемоний распрощались с послом императора. Если, сказали они ему, его хозяин хочет передать трон своему племяннику, они попросят последнего проявить к дяде снисхождение. Если же император не согласен, пусть больше не посылает гонцов, а подумает об обороне.

Вскоре после восхода 5 июля они переправились через Босфор и высадились у Галаты, напротив бухты Золотого Рога. Галата была купеческим поселением, в ней находились иностранные торговые сообщества. У города не было крепостных стен, единственным оборонительным сооружением была большая круглая башня. Эта башня, однако, являлась важной стратегической точкой, потому что в ней стояла большая лебедка, поднимавшая и опускавшая цепь и блокировавшая в случае опасности вход в бухту Золотого Рога*. Для защиты башни вышел большой отряд с императором во главе. Несмотря на общее разложение в армии византийцев с приходом Ангелов, неизвестно, смогли бы они действовать лучше при другом командовании. Все знали, как Алексей захватил трон, да и его характер был не из тех, что внушают любовь или преданность. Вид флотилии, состоявшей более чем из ста кораблей, скорость, с которой высаживались на берег люди и лошади, вытаскивали осадную технику — венецианцев в нерасторопности никто еще не упрекнул, — наполнили их ужасом, и едва первая волна крестоносцев приступила к атаке, как они развернулись и побежали, причем император снова был впереди всех.

В самой башне гарнизон сражался храбрее и выдержал двадцать четыре часа, тем не менее к утру вынужден был сдаться. Венецианцы отстегнули огромную железную цепь,

---

* Этой башни больше нет, ее снесли в 1261 году. Нынешняя башня Галаты — сооружение XIV века.

протянувшуюся на пятьсот ярдов через устье бухты, и с грохотом сбросили ее в воду. Флот вошел в бухту, уничтожив несколько византийских судов во внутренней гавани. Морская победа была безоговорочной.

Константинополь тем не менее не сдался. Его северные крепостные стены — те, что шли вдоль берега бухты, — не могли сравниться мощью или великолепием с огромными опоясывающими город с суши стенами, возведенными в V веке императором Феодосием II, однако их яростно защищали. Постепенно греки стали набираться отваги и решимости, которых до сих пор им так недоставало. За все 900 лет существования их город ни разу не сдался иноземному захватчику. До сегодняшнего дня они и не думали, что такое может случиться. Очнувшись наконец-то и в полной мере осознав угрожавшую им опасность, они приготовились сопротивляться.

Атака была направлена против самой слабой точки византийской обороны. Это был морской фасад императорского Влахернского дворца, занимавший угол, образованный стеной Феодосия и той, что огибала бухту Золотого Рога с северо-западной оконечности города. Атаку начали утром, в четверг 17 июля, одновременно с суши и моря. Венецианские корабли шли низко, проседая под тяжестью осадной техники — стоявших на полубаке метательных орудий и таранов, тут же были сходни и штурмовые лестницы, подвешенные на канатных блоках между нок-реями. Первая наземная атака франков была отбита англичанами и датчанами, которые триста лет составляли знаменитую варяжскую стражу императора. Исход битвы решили венецианцы и до значительной степени лично Энрико Дандоло.

Об отваге старого дожа нам известно не по отзывам хронистов Венецианской республики, а со слов Жоффруа де Виллардуэна. Он сообщает, что, хотя венецианский флот подошел так близко к берегу, что люди, стоявшие на штурмовых лестницах, врукопашную сражались с защитниками города, венецианские моряки не решались втащить суда на берег.

И тут произошло удивительное проявление храбрости. Дож, человек старый, к тому же слепой, встал на носу галеры рядом со знаменем Святого Марка и крикнул людям, чтобы его первым высадили на сушу. И они послушались и высадили его на берег и вынесли знамя, тогда вслед за ним и остальные спрыгнули на берег и воткнули древко знамени в землю. Когда другие венецианцы увидели штандарт святого Марка, а рядом с ним галеру дожа, то устыдились и последовали его примеру.

В разгар атаки защитникам стало ясно, что шансов у них нет. Дандоло послал весть франкским союзникам, что в руках венецианцев не менее двадцати пяти башен. К этому времени его люди ворвались в город через бреши в стене и деревянные дома в влахернском квартале, примыкавшем к атакованному участку городской стены. В тот вечер Алексей III, император Константинополя, тайно бежал из города и оставил жену и детей, за исключением любимой дочери. Он взял с собой ее, а также несколько других женщин, 10 000 фунтов золота и мешок с драгоценностями. В общем, приготовился к будущему, как сумел.

В самый критический момент своей истории Византия осталась без императора. Возможно, кто-то удивится, узнав, что на поспешно собранном городском совете решено было выпустить из тюрьмы старого Исаака Ангела и вернуть его на императорский трон. Он был совершенно слеп — брат из предосторожности лишил его не только трона, но и глаз. На трон уселся безнадежно некомпетентный правитель. Тем не менее он был законным императором, и, вернув его, византийцы верили, что устранили причины дальнейших посягательств крестоносцев. В какой-то степени так и случилось, однако оставался вопрос касательно обещаний, данных молодым Алексеем Бонифацию и Дандоло. Исаак вынужден взять себе в соправители сына. Только тогда франки и венецианцы официально признали Исаака, после чего удалились к Галате и стали дожидаться обещанных наград.

1 августа 1203 года Алексея IV короновали и наделили полномочиями, такими же как у отца. Он немедленно забыл об обещаниях, данных им весной в Заре. Имперская казна, после правления его дяди, была пуста. Против налогов, которые он вынужден был ввести, открыто выступили подданные. Они слишком хорошо знали, куда пойдут эти деньги. Тем временем духовенство, всю жизнь игравшее важную роль в политике Константинополя, возмутилось, когда Алексей принялся забирать церковную утварь и расплавлять ее. Еще больше разъярились, узнав о его планах расплатиться с римским папой. Прошла осень, настала зима, недовольство народа крепло, а присутствие ненавистных и ненасытных франков усиливало напряжение. Однажды группа франков, слоняясь по городу, увидела в мусульманском квартале маленькую мечеть, стоявшую за церковью Святой Ирины. Мечеть разграбили и сожгли. Пламя распространилось, и в следующие сорок восемь часов Константинополь был охвачен самым страшным пожаром в его истории.

Алексея в тот момент в городе не было: он безуспешно искал сбежавшего дядю. Вернулся и увидел большую часть столицы в руинах, а своих подданных — почти открыто воюющими против чужеземцев. Напряжение достигло высшей точки, но, когда несколько дней спустя делегация из троих крестоносцев и троих венецианцев явилась к Алексею и стала требовать немедленного возврата долга, сделать было ничего нельзя. По свидетельству Виллардуэна — он, как обычно, был одним из делегатов, — они ели унесли ноги: трудно было дойти до дворца и уйти из него. «Вот так, — пишет он, — началась война. Каждая сторона сделала столько вреда, сколько могла, и на море, и на суше».

Ирония судьбы: никто — ни крестоносцы, ни греки — не хотел войны. Жители Константинополя имели перед собой одну цель: избавиться от вандалов, разрушивших их любимый город и доведших их до нищеты. Франки, со своей стороны, не забыли о причине, по которой оставили свои дома. Им страшно не хотелось оставаться среди этого ни-

кудышного народа, да еще и общаться со схизматиками. Даже если греки отдадут долги, крестоносцы ничего не выиграют: придется еще расплачиваться с Венецией.

Ключ к разрешению этой загадки был у Венеции, или, что более точно, у Энрико Дандоло. Он в любой момент мог дать приказ к отплытию. Если бы он так поступил, то и крестоносцы почувствовали бы облегчение, и византийцы бы возрадовались. Он не делал этого, потому что ждал, когда франки отдадут ему долг, а те, в свою очередь, надеялись на деньги, обещанные им Алексеем и его отцом. На самом деле этот долг представлял для него относительно малый интерес, едва ли больший, чем сам поход. Он думал о куда более великих вещах: о падении Византийской империи и установлении на троне Константинополя венецианской марионетки.

Итак, надежды на мирный договор растаяли. Дандоло заговорил с франкскими союзниками по-другому. Нечего ожидать от Исаака и Алексея: они не постеснялись предать друзей, которым были обязаны троном. Если крестоносцы хотят получить то, что им было обещано, придется это взять силой. С моральной точки зрения они совершенно правы: вероломные Ангелы не могут ожидать проявления к себе лояльности. Надо войти в город с собственным лидером, назначить его императором, и тогда Венеция не только получит по долгам, но и оправдает весь поход. В этом их шанс, они должны им воспользоваться сейчас, потому что такой возможности больше не представится.

В Константинополе все согласились с тем, что Алексей IV должен уйти. 23 января 1204 года в храме Святой Софии собрались сенаторы, духовенство и представители народа — объявить Алексею о его смещении, а затем избрать преемника. Обсуждение шло три дня, после чего остановились на полном ничтожестве по имени Николай Канав. Тот взял власть в свои руки.

Алексей Дука по прозвищу Мурцуфл (что значит «нахмуренный») — брови у него были черные, косматые и сходи-

лись у переносицы — происходил из аристократической семьи. В его роду уже было два императора, а теперь он занимал должность протовестиария, что давало ему доступ к императорским покоям. Поздно вечером он вошел к спящему Алексею, разбудил его и сказал, что подданные восстали против него и предложил бежать. Закутав императора в длинный плащ, вывел его из дворца через боковую дверь, где уже дожидалась группа заговорщиков. На незадачливого юношу надели оковы и отвели в темницу. Две попытки отравить его оказались безуспешными, в конце концов Алексея задушили. Примерно в это же время умер его слепой отец. Рассказывая об этом в своих хрониках, Виллардуэн с неподражаемой наивностью приписывает эту смерть шоку, полученному отцом от известия о судьбе Алексея. Похоже, Виллардуэну и в голову не приходит, что смерть от «шока» могла быть вызвана искусственным путем.

Уничтожив соперников — Николай Канав скрылся в безвестности, — Мурцуфл взошел на трон в храме Святой Софии как Алексей V. Он немедленно начал проявлять качества лидера, которых так долго недоставало его империи. Впервые с момента прихода крестоносцев на крепостных стенах и в башнях появились люди: работая день и ночь до седьмого пота, укрепляли их и надстраивали. Франкам стала ясна одна вещь: переговоров больше не будет, а уж о долге и речи идти не может: новый император не несет за него никакой ответственности. Ничего не оставалось как напасть на город, а теперь, когда Мурцуфл проявил себя как узурпатор и закоренелый убийца, крестоносцы почувствовали, что имеют на это полное моральное право. Тем более, что, в отличие от Алексея, он не является законным императором.

Вышло то, о чем несколько месяцев говорил Энрико Дандоло. И венецианцы, и франки признали в старом доже предводителя экспедиции. Бонифаций Монферратский старался удержать свое влияние. Императорская корона была совсем близко, он должен был ею завладеть, однако его отношения со смещенным императором были слишком

теснными, и теперь, когда Алексей IV был смещен, Бонифаций почувствовал себя до некоторой степени дискредитированным. К тому же у него были связи с генуэзцами, и Дандоло знал это.

В начале марта в лагере у Галаты произошло несколько собраний. Обсуждался на них не столько план атаки — несмотря на оборонительную работу Мурцуфла, с городом можно было легко справиться, — сколько управление империей после ее завоевания. Было решено, что и крестоносцы, и Венеция выдвинут по шесть делегатов в выборный комитет, и этот орган выберет нового императора. Если, как ожидалось, это будет франк, патриархом станет венецианец. Либо наоборот. Император получит четверть города и империи, включая два главных дворца — Влахернский в бухте Золотого Рога и старый дворец Буколеон на берегу Мраморного моря. Остающиеся три четверти разделят поровну: половина Венеции, другая половина — крестоносцам. Дож при этом освобождался от обязанностей ленной присяги императору. Вся добыча должна быть доставлена в определенное место и распределена поровну. Наконец, стороны обязаны были целый год оставаться в Константинополе, по крайней мере до марта 1205 года.

Нападение началось в пятницу утром, 9 апреля. Удар был направлен на тот участок морской стены против бухты Золотого Рога, где отличились девять месяцев назад Дандоло и его люди. На этот раз попытка провалилась. Стены стали выше, а с венецианских мачт до башен было не добраться. К тому же греки построили платформы, с которых им удобно было обстреливать катапультами наступавших. К середине дня атакующим пришлось разворачивать своих людей, лошадей и орудия и возвращаться в Галату. Следующие два дня устраняли неполадки, в понедельник возобновили атаку. На этот раз венецианцы приводили свои корабли попарно: это позволило им в два раза усилить давление на каждую башню. Вскоре подул северный ветер и прибил корабли под самые стены, гребцам бы это оказалось не под силу. Теперь нападающие действовали под прикрытием

навесов, протянутых от одной мачты к другой. Вскоре были захвачены две башни. Почти одновременно крестоносцы открыли ворота и ворвались в город.

Мурцуфл галопом скакал по улицам города, стараясь вселить в жителей мужество и решительность, но, как пишет Никита:

> Всех охватило отчаяние, никто не слушал ни приказов, ни угроз... Видя, что все усилия безуспешны, а с другой стороны, опасаясь сам быть схваченным и попасть своего рода лакомым кушаньем или десертом в зубы латинян, Дука бросился в большой дворец и, посадив с собой на шлюпку супругу царя Алексея царицу Ефросинью и дочь ее Евдоксию, в которую был влюблен с ранних лет, бесстыдный развратник и сластолюбец, без всякой справедливости разведшийся с двумя супругами, оставил город, где царствовал два месяца и шестнадцать дней.

Все трое, вместе с бывшим императором, нашли убежище в Траки. Между тем Мурцуфл женился на Евдоксии и начал собирать силы для контрудара.

Как только победители ворвались в город, начался страшный грабеж, настолько оголтелый, что даже Вилларду эн пришел в ужас. Только к наступлению ночи, «устав от сражения и побоища», победители устроили перемирие и удалились в лагерь, разбитый на одной из площадей города.

> В эту ночь часть крестоносцев, опасаясь ответного удара, устроила пожар в районе, находившемся между ними и греками... город начал гореть, и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день до самого вечера. Это был третий пожар в Константинополе с той поры, как франки пришли в эту землю. И сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах Франции.

После этого те из немногих защитников, кто еще не сложил оружия, потеряли желание продолжать бой. На следующее утро крестоносцы проснулись и увидели, что сопротивление закончилось.

Но для жителей Константинополя трагедия едва началась. Не для того армия так долго ждала падения самого богатого города мира. Теперь он принадлежал им, и, поскольку для грабежа им отвели традиционные три дня, они набросились на город как саранча. Со времен варварских нашествий, происходивших семь веков назад, Европа не была свидетелем такого разгула жестокости и вандализма. Никогда еще в столь короткое время не было уничтожено столько произведений искусства. Среди свидетелей, беспомощных, пришедших в ужас, почти не веривших в то, что люди, называвшие себя христианами, способны на такие чудовищные деяния, был Никита Хониат:

> Не знаю, с чего начать и чем закончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди. Они крушили святые изображения, швыряли мощи мучеников в места, которые я стыжусь называть, разбрасывали повсюду плоть и кровь Спасителя. Эти посланники антихриста хватали пресвятые сосуды и дискосы, вырывали из них драгоценные камни, а потом использовали их как чашки для питья... Тому же, что за богохульство творили они в Великой церкви [храм Святой Софии] трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделен на части между грабителями... Они ввели в храм лошадей и мулов, чтобы вывезти оттуда священные сосуды, а также серебро и золото, вырванное из трона, кафедры, дверей и мебели. Когда животные скользили на гладком полу и падали, они закалывали их мечами, оскверняя храм их кровью и пометом.
>
> На патриаршем престоле проститутки распевали песни, оскорбляющие Иисуса Христа, отплясывали в святом

месте непристойные танцы... честных женщин и даже монахинь насиловали в храме... На улицах, в домах и церквях слышались плач и причитания.

И все эти люди, продолжает хронист, ходили с нашитым на плечах крестом, крестом, который сами же поклялись пронести через христианские земли без кровопролития. А ведь они говорили, что поднимут оружие только против язычников, и от телесных удовольствий клялись отказаться, пока не сделают святое дело.

Это был самый темный час Константинополя, страшнее того, что произошел два с половиной столетия спустя, когда город окончательно сдался османскому султану. Однако не все его сокровища погибли. Пока французы и фламандцы упивались разрушением, венецианцы головы не теряли. Они понимали толк в прекрасном и, хотя в грабежах не отставали от других, бессмысленно ничего не разрушали. Все то, что захватывали, отсылали в Венецию, начиная с четырех бронзовых коней, украшавших ипподром со времен Константина. После короткого пребывания в Арсенале коней перенесли к собору Сан Марко, где они и стоят сейчас над главным входом. Северный и южный фасады базилики украшены скульптурами и барельефами, доставленными в то же время. Внутри, в северном трансепте, висит чудесная икона Богоматери Никопеи (Победоносной) — императоры брали ее с собой перед сражением. Венеция обладает одной из самых больших коллекций византийских произведений искусства — еще одно доказательство венецианской ненасытности.

После трех дней бойни порядок был восстановлен. Согласно договоренности, всю добычу — или ту ее часть, которая не была успешно припрятана, — собрали в трех церквях и распределили: четверть — императору, остальное разделили на равные доли между франками и венецианцами. Как только это было сделано, крестоносцы заплатили Дандоло 50 000 серебряных марок, которые задолжали рес-

публике. Уладив эти формальности, обе стороны занялись следующим делом — выбором императора.

В отчаянной попытке восстановить утерянный престиж и усилить свою позицию Бонифаций Монферратский отыскал императрицу Маргариту, вдову Исаака Ангела, и женился на ней. Ему не надо было беспокоиться: Энрико Дандоло сразу отказался от притязаний, и выбор благодаря давлению Венеции немедленно пал на добродушного и податливого Балдуина, графа Фландрского. 16 мая Балдуин был коронован в храме Святой Софии и стал третьим императором, избранным за один год. И хотя новоизбранный патриарх, венецианец Томазо Морозини*, еще не приехал в Константинополь и соответственно не мог принимать участия в церемонии, мало кто из присутствующих стал бы отрицать, что новый император обязан своим статусом Венецианской республике.

Венеция завладела лучшей частью имперской территории. По условиям договора с крестоносцами ей отошло три четверти города и империи плюс право свободной торговли в имперских владениях, при этом Геную и Пизу таких прав лишили. В самом Константинополе Дандоло потребовал целый район, окружавший храм Святой Софии, и земли патриарха, раскинувшиеся до бухты Золотого Рога. Венеции также отошли территории, дававшие ей власть над Средиземноморьем — непрерывная цепь портов, начинавшихся от лагуны и доходивших до Черного моря, включая западное побережье континентальной Греции, Ионические острова, весь Пелопоннес, Эвбею, Наксос и Андрос, Галлиполи, Фракийское побережье, город Адрианополь и, нако-

---

* «Толстый, как бочка, — фыркнул позднее Никита, — а облачение такое тесное, словно нашито на кожу». Несмотря на то что был уже монахом, Морозини не был посвящен в духовный сан, когда стал патриархом. Его сразу же сделали дьяконом, две недели спустя — священником, а на следующее утро — епископом.

нец, после непродолжительных переговоров с Бонифацием, крайне важный остров Крит.

Не остается никаких сомнений в том, что венецианцы, а не французы или фламандцы, и даже не сам Балдуин, являвшийся, по сути, номинальной фигурой, были настоящими победителями в Четвертом крестовом походе. Этой победой они прежде всего были обязаны Энрико Дандоло. С самого начала, со дня, когда четыре года назад на Риальто прибыли франкские послы с просьбой о помощи в своем священном предприятии, он повернул все дело в пользу Венеции. Отвоевал Зару, защитил от нападений Египет и тем самым сохранил коммерческие интересы Венеции в мусульманском мире. Он незаметно направил франкские силы в Константинополь, возложив при этом на них ответственность за принятые решения. В Константинополе его отвага вдохновила первую атаку; талант дипломата способствовал смещению Ангелов, а это позволило захватить город. Благодаря дипломатическим способностям Дандоло был составлен договор, согласно которому Венеция получила больше, чем она могла надеяться, что позволило ей заложить фундамент своей торговой империи. Отказавшись от византийской короны — приняв ее, Дандоло создал бы конституционные проблемы у себя дома и, возможно, разрушил бы республику, — не приняв участия даже в выборном комитете, он понимал, что его влияние на выборы (действовал он через своих авгуров в старом императорском дворце, который временно занял) будет равносильно обретению Венецией большинства голосов, а значит, обеспечит успех его кандидата. Наконец, побуждая франков создать в империи феодальные отношения — такой шаг неминуемо должен был вызвать дробление и разлад и ослабить ее так, чтобы она не помешала венецианской экспансии, — он тем самым вывел Венецию за феодальные рамки. Для слепого девяностолетнего человека это было удивительным достижением.

Но даже и теперь Дандоло было не до отдыха. За пределами столицы греческие подданные империи продолжали

сопротивление. Мурцуфла можно было более не опасаться: вскоре после женитьбы он был ослеплен ревнивым тестем, а год или два спустя его взяли в плен франки, доставили в Константинополь и сбросили с высокой колонны в центре города. Но еще один зять Алексея III создал в Никее императорский двор в изгнании, двое Комнинов сделали то же самое в Трапезунде, а в Эпире бастард Ангел объявил себя независимым деспотом. Крестоносцам приходилось отбиваться со всех сторон, и нигде не приходилось им так трудно, как в только что приобретенном Венецией Адрианополе, где сразу после Пасхи 1205 года император Балдуин попал в руки болгар, и старому дожу, сражавшемуся на его стороне, пришлось вывести ослабевшую армию назад, в Константинополь. Неизвестно, был ли Дандоло ранен, но тем не менее через шесть недель он скончался. Его тело, как ни странно, не было отправлено в Венецию, похоронили его в храме Святой Софии. Сейчас можно увидеть его гробницу в галерее над южным проходом.

Энрико Дандоло хорошо послужил своему городу. Удивительно, что венецианцы так и не поставили памятник самому великому дожу*. Однако в общеевропейском масштабе он выглядит не лучшим образом. Нельзя сказать, что из-за него крестовые походы заслужили дурную славу, так как еще в предыдущем столетии они вошли в книгу истории христианства как самые черные ее главы. И все же четвертый поход превзошел все предыдущие предательством, лицемерием, жестокостью и алчностью. В XII веке Константинополь был не просто самой великой и богатой столицей мира, но и самой культурной как в интеллектуальном, так и в художественном отношении. Он хранил главное европейское классическое наследие, греческое и римское. Во время разграбления города западная цивилизация пострадала даже больше, чем при нападении в V веке варваров на

* Тем не менее они увековечили главные эпизоды четвертого крестового похода еще одним циклом картин во Дворце дожей. Их можно увидеть на южной стене зала Большого совета.

Рим, больше, чем при поджоге в VII веке знаменитой библиотеки Александрии. Возможно, это была самая большая катастрофа в истории.

В политическом отношении урон тоже невозможно оценить. Хотя правление латинян на Босфоре длилось менее шестидесяти лет, греческая империя так и не вернула былой мощи и утратила влияние на бывшие владения. При твердом руководстве сильная и процветающая Византия могла бы остановить турецкое нашествие. Однако экономика ее теперь была подорвана, она лишилась части территорий, а потому и не смогла защитить себя от оттоманского нашествия. Ирония судьбы: восточные христиане пятьсот лет вынуждены были страдать от мусульманского ига, а обрекли их на это люди, шедшие под знаменем Святого креста. Людей этих от имени Венецианской республики перевез, вдохновил и повел за собой Энрико Дандоло. Из этой трагедии Венеция извлекла для себя огромную выгоду, однако и она, и ее великолепный старый дож должны нести главную ответственность за разорение мира.

Часть вторая

ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

И часовым для Запада была
И мусульман надменных подчинила...

Вордсворт.
*На ликвидацию Венецианской республики**

* Перевод В. Левика.

Глава 11

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ (1205–1268)

...Ее принцессы принимали вено
Покорных стран, и сказочный Восток
В полу ей сыпал все, что драгоценно.
И сильный князь, как маленький князек,
На пир к ней позванный, гордиться
честью мог.

Байрон.
*Паломничество Чайлд Гарольда**

Пьетро, сына Себастьяно Дзиани, единогласно избрали дожем Венеции 5 августа 1205 года, и первый вопрос, который перед ним встал, касался его положения. В долгом списке звучных, но по большей части пустых титулов, которые постепенно присоединялись к званию дожа, добавился новый, означавший в переводе с итальянского «Вождь четверти и получетверти Римской империи». Возможно ли было дожу считать себя — как всегда считали себя его предшественники — итальянским принцем? Или он должен теперь назвать себя восточным деспотом?

Венеции повезло, что в этот поворотный момент ее истории появился и стал заправлять ее делами не амбициозный авантюрист, а вдумчивый, ясно мыслящий человек,

* Перевод В. Левика.

твердо стоящий на земле. Дзиани были невероятно богаты и пользовались глубоким уважением в городе, где Пьетро ценили за его набожность и щедрость. В юности он был моряком и в 1177 году командовал флотилией, сопровождавшей Фридриха Барбароссу из Равенны в Кьоджу. В Четвертом крестовом походе он дошел до Зары и Константинополя, но надолго не задержался, поскольку во время выборов стал одним из шести советников Реньеро Дандоло, заместителя дожа на время отсутствия его отца. Возможно, кровопролитие его шокировало. «Хроника Альтино» — на редкость надежный источник для данного периода — одобрительно цитирует одно из его любимых высказываний: «Войну мы всегда устроим, если захотим, а вот мир нужно усердно искать, а найдя, хранить».

Но для республики, которая вдруг и почти неожиданно обретает широкие территории за морями, мир становится ускользающим удовольствием. Задолго до смерти старого Дандоло стало ясно, что граждане покоренной Византии не желают добровольно принимать новый порядок. Венеция может быть богатой и сильной, но ее коренное население невелико. Как же оно может усмирять, руководить и защищать население доставшихся ей земель? За помощью в Константинополь обратиться она не могла. Генрих Фландрский, сменивший на императорском престоле своего брата Балдуина, и сам затруднялся держать в узде свои владения. Под мудрым руководством Дзиани венецианцы не делали попытки взять сразу все свои новые территории. Большая часть из них была доверена вассалам, обычно сыновьям ведущих венецианских семей, и молодые люди были счастливы почувствовать себя в роли князьков во Фракии, Малой Азии и на Эгейском архипелаге. Только несколько из стратегически важных баз — Крит, Дураццо, Корфу и два порта, Модона и Корона, в греческой области Мореа — остались под прямым правлением республики.

Но даже и эти немногие аванпосты трудно было контролировать, особенно потому, что успехи Венеции вызывали необузданную ревность у двух ее главных морских сопер-

ников — Генуи и Пизы. У этих городов в Константинополе имелись торговые общины, представители которых стояли на стенах города во время Четвертого крестового похода. После падения города их отстранили от имперской торговли*, и обе были настроены помешать Венеции в распространении ее власти над Восточным Средиземноморьем. В 1206 году самозваный граф Мальты — а на самом деле генуэзский пират Энрико Пескаторе — высадил на Крит вооруженный отряд и с помощью местного греческого населения захватил несколько стратегических точек на побережье. Венецианцам понадобилось два года и две экспедиции, чтобы вернуть себе остров. Чтобы такой неприятности больше не случилось, на Крит назначили некого Джакомо Тьеполо. Ему был дан титул дожа и власть, аналогичная его двойнику в Венеции, при условии, что он и его преемники будут находиться в этой должности только по два года. Остров разделили на шесть частей и закрепили за каждым из шести сестьере города. Так в следующем году была основана первая заморская колония Венеции. Но и теперь греки остались непокоренными. Их земли стали собственностью венецианских сюзеренов. Особенно греков возмущал наплыв алчных латинских священников: мало того, что они забрали всю церковную собственность, так еще и старались убрать традиционную православную литургию и заменить ее римскими обрядами. На протяжении всего столетия греки сопротивлялись как могли.

Проблемы на Крите, Корфу и в других местах Дзиани волновали не так сильно, больше всего его беспокоил Константинополь. Когда город сдался крестоносцам, одной из первых задач Энрико Дандоло стало обеспечение эффективного управления венецианскими районами. Он распорядился назначить туда губернатора (подесту). Сразу после смер-

*Пиза была вновь допущена в 1206 году, а вот генуэзская морская торговля была запрещена до 1218 года, когда греческое и болгарское давление на город положило конец враждебным отношениям между Венецией и Генуей.

ти дожа его соотечественники выбрали такого человека из своей среды — Марино Дзено. В Венеции, однако, всегда считали, что подеста должен назначаться центральным правительством, поэтому новость об избрании встретили без энтузиазма. Недовольство усилилось после того, как Дзено присвоил пышный титул «Властелина четверти и получетверти Римской империи» и даже стал носить разноцветные чулки и алые котурны — бывшие ранее прерогативой императора. Такую одежду до него носил Дандоло. Неужели успех венецианцев на Леванте так вскружил им головы, что они вздумали оторваться от родного города? Дзено получил прохладное послание: в данном случае его избрание будет ратифицировано, но в будущем каждого нового подесту будут присылать из Венеции.

Одно время дож Дзиани серьезно задумывался над возможностью переноса столицы республики в Константинополь, так же как девятьсот лет назад это сделал Константин Великий. Говорят, это предложение обсуждалось в совете, его сторонники утверждали, что центр венецианских интересов переместился на Восток, Венеция слишком далека от своих заморских владений, город подвержен землетрясениям и наводнениям*. Предложение было отвергнуто перевесом в один голос так называемым «голосом провидения» (voto della provvidenza). Однако эту историю рассказывают только пара хронистов, не пользующихся доверием. Благонадежные источники об этом вовсе не упоминают, и, хотя такая идея могла быть выдвинута, кажется невероятным, чтобы ее долго всерьез обсуждали, еще менее вероятно, что кто-то готов был с нею согласиться. Ясно только одно: если бы Венеция перенесла свою столицу на берега Босфора, то пожертвовала бы своей безопасностью и индивидуальностью и просуществовала бы немногим

---

*Силу этого аргумента особенно подтверждало памятное землетрясение, произошедшее в Рождество 1223 года. Тогда была разрушена часть монастыря Сан Джорджо Маджоре, в лагуне исчезли два маленьких острова — Аммиана и Костанциака.

больше — а может, даже и меньше, — чем незадачливая Латинская империя, для основания которой она так много сделала*. Если же «голос провидения» — исторический факт, то венецианцы всех последующих поколений могли поздравить себя с тем, что счастливо отделались.

К тому времени, когда Пьетро Дзиани — теперь уже старый и больной — в 1229 году ушел в отставку, а через несколько недель упокоился подле отца в соборе Сан Джордже Маджоре, Венеция вполне оправилась. Кардинальный вопрос был решен, и решение было правильным: она продолжит прежний курс. Будет использовать новые территории так полно, как только возможно, и в политическом, и в финансовом плане, но не станет пускаться в авантюры и хватать куски, которые не сможет пережевать.

Больше всех в мудрости такой политики был убежден новый дож, Джакомо Тьеполо. В бытность свою дожем Крита он немало натерпелся от мятежного греческого населения — не говоря уже о некоторых венецианских авантюристах, которых ему посоветовали призвать на помощь, — так что в конце концов ему пришлось бежать с острова, переодевшись в женскую одежду. Следующим его назначением стала должность венецианского подесты в Константинополе. Там он увидел, как быстро разрушается империя крестоносцев. В 1219 году он заключил в Никее отдельный торговый договор с греческим императором в изгнании и обращался к нему как к «императору римлян». Этот шаг хотя и не сделал его любимцем латинян, тем не менее продемонстрировал, в чем заключаются политические интересы Венеции.

Нельзя назвать начало его правления благополучным. В отличие от предшественника, чье избрание было единогласным, Тьеполо и его соперник получили от Совета соро-

*Латинская империя существовала в Константинополе с 1204 по 1261 год. Ее владения ограничивалась столицей и ее окрестностями.

ка по двадцать голосов, и дело решил жребий. Возможно, выказывая неодобрение, что столь серьезное решение отдано на волю случая (это чувство разделяли многие, и, чтобы подобное не повторялось, число членов совета увеличили до сорока одного), старый Дзиани, лежа на смертном одре, отказался принять нового дожа*. Возможно, ему не понравилось, что promissione — обещания, которые Тьеполо вынужден был подписать, вступая в должность, — ограничивали полномочия дожа сравнительно со всеми его предшественниками.

Эти promissione, вид коронационной клятвы, стали традицией при вступлении в должность дожа. Первое время клятва была простой формальностью. Обычно ее составлял сам новый дож, и в этом документе он просто обещал исполнять свои обязанности беспристрастно и прилежно. Постепенно клятва дожа становилась все длиннее и четче, а та, что подали Джакомо Тьеполо, стала образцом для целой череды его преемников и выглядела почти как контракт. Дож отказывался от всех притязаний на доход государства, за исключением заработка (выплачиваемого поквартально), части дани, взимаемой с некоторых городов Истрии и Далмации и установленного количества яблок, вишни и крабов из Ломбардии и Тревизо. Дож должен был вносить свой вклад в государственные займы, хранить государственные секреты, он не может вступать в переговоры с папой, императором или другими главами государств без разрешения на то совета. Этому органу он должен показывать все письма, приходящие от вышеупомянутых лиц. Были приняты строгие меры против коррупции: дож не может принимать подарков, за исключением оговоренно-

---

* Андреа Дандоло, рассказавший об этом инциденте, предполагает еще одну причину: новый дож был сомнительного происхождения. Это кажется странным, потому что фамилия Тьеполо одна из старейших в Венеции. Ее знали уже в VII веке. К тому же жены двух дожей были сестрами, дочерьми Танкреда Лечче, несчастливого короля Сицилии.

го количества еды и вина — не более одного животного или десяти связок птиц за один раз. В некоторых случаях даже и это может быть запрещено. Дожу можно принимать подарки в виде розовой воды, цветов, душистых трав или бальзамов. Он не имеет права делать какие-либо назначения или подбирать на свой пост преемников.

Клятва Джакомо Тьеполо явилась еще одним шагом на долгом административном пути республики: власть дожей на протяжении столетий медленно убывает, превращаясь из автократической в номинальную. Этот процесс начался, по меньшей мере, в XI веке, при Флабьянико, и продолжался до убийства Витале Микеле. Но этим дело не кончилось. Тьеполо и сам установил контроль — учредил должности корректоров и инквизиторов. В задачу пяти корректоров входило составление каждой новой клятвы, а трое инквизиторов, после тщательного изучения деятельности последнего дожа, информировали корректоров о любых проявлениях автократии или других нежелательных тенденциях. С учетом этого составлялась новая клятва. Венеция была верна себе: на риск не шла ни при каких обстоятельствах. Как бы цинично ни относился Тьеполо к идее венецианской морской империи, вскоре по соседству он столкнулся с куда большими проблемами. Создал их новый император Священной Римской империи, сын Генриха VI, Фридрих II Гогенштауфен. Эта удивительная фигура — возможно, самый замечательный европейский правитель между Карлом Великим и Наполеоном — был коронован в Риме в 1220 году. Вероятно, корона стала последним благодеянием, которое он когда-либо получил от папы. Тридцать лет, до самой смерти, Фридрих воевал с папством и с итальянскими городами возрожденной Ломбардской лиги. Подобно отцу и деду, он стремился восстановить над ними контроль. В новом союзе, основаном в 1198 году, Венеция участия не принимала. Ее нейтралитет, столь триумфально продемонстрированный двадцать один год назад, когда Барбаросса покорился папе Александру, весьма ей пригодился. Он еще больше окреп во время долгого меж-

дуцарствия, последовавшего за смертью Генриха VI и недавними венецианскими успехами на Востоке. Теперь, когда тучи снова стали сгущаться, Венеция по-прежнему старалась держаться в стороне.

В попытке пробиться сквозь это равнодушие и желая перетянуть республику на свою сторону, в начале 1223 года Фридрих посетил Венецию. Интересно узнать о его впечатлениях от увиденного. Его дедушкой по матери был Рожер II Сицилийский, детство он провел в многонациональном Палермо. Там он выучился пяти европейским языкам, не говоря уже об арабском: с его помощью он уговорил эмира Иерусалима вернуть христианам главные святилища. Он был одним из самых образованных людей своего времени и заслужил прозвище Stupor Mundi (Изумление мира). В Венеции, ставшей теперь вместо Палермо мостом между Востоком и Западом, в городе культурном, как и коммерческом, он должен был найти ту же атмосферу, многонациональную, многоязычную, что сформировала его как личность. Его любовь к роскоши — экзотический зверинец, с которым он путешествовал, был источником удивления для его подданных — должна была в полной мере получить отклик в самом красивом и великолепном городе, который он когда-либо видел.

Тем не менее остается открытым вопрос, насколько привлекали человека, общавшегося на равных с выдающимися учеными и философами своего времени, императора, при дворе которого был изобретен сонет, интеллектуальные достижения Джакомо Тьеполо и других известных венецианцев, с которыми он познакомился во время своего короткого визита. Фридрих, конечно же, обратил на них всю силу обаяния своей необычайной личности, подтвердил все бывшие привилегии республики и пожаловал несколько новых концессий в Апулии и Сицилии. В качестве благодарности получил щепку от Святого креста и больше почти ничего. Возможно, он сделал тактическую ошибку, заказав новую императорскую корону у венецианского ювелира: пришлось убеждать власти, которые в конце концов разреши-

ли эту работу при условии, что это лишь частная, неофициальная сделка. Несмотря на то что любезность была проявлена с обеих сторон, Фридрих уехал из города разочарованным. Венецианцы, как всегда, были настороже.

В последующие годы взаимоотношения Венеции с империей быстро ухудшались. Несмотря на провозглашенный ею авторитет, Венеция не хотела видеть на своем пороге сильного и, возможно, алчного Фридриха. Причины, которые понудили ее вступить в первую лигу, все еще оставались в силе, и ее симпатии до некоторой степени были связаны с ломбардскими городами. Вскоре она стала банкиром новой лиги. Выдающихся венецианцев постоянно приглашали в города на должность подесты. Современному человеку кажется почти невероятным, что влиятельные муниципалитеты регулярно и намеренно приглашали иностранцев управлять их делами, однако большинство из них были слишком разрознены — партийной борьбой, ревностью, амбициями и семейной враждой, — а потому и не могли прийти к согласию, выбирая лидера из местных. К таким разногласиям и Венеция была склонна, а потому стоит только порадоваться ее изумительной способности к самоуправлению: ни разу за все время существования республики не возникало у нее соблазна искать себе правителя на стороне.

И все же такие приглашения она считала полезными. Например, и Падуя, и Тревизо к 1236 году имели у себя на службе венецианцев в должности подесты. В Тревизо служил не кто иной, как сын дожа, Пьетро. В том году он вел героическую оборону города против командующего армией Фридриха II в Северной Италии, ужасного Эццелино да Романо, и заслужил такую репутацию, что, даже когда город в 1237 году вынужден был сдаться, его тут же пригласили занять ту же должность в Милане.

Венеции было выгодно направлять своих людей на должность подесты, потому что через них она незаметно проводила свои интересы, официально не нарушая нейтралитета. Со временем нейтралитет стало соблюдать еще труднее.

Венецию все чаще вовлекали в дела ломбардских городов, ее все больше тревожили непрекращающиеся успехи императора, особенно ее взволновало сражение 1237 года при деревне Кортенуова, где Пьетро Тьеполо был взят в плен и с триумфом препровожден на слоне, или еще более мрачный случай в следующем году, тогда армия Эццелино подошла к самому берегу лагуны и разрушила монастырь Сан Иларио в Фузине. Наконец, в сентябре 1239 года, подстрекаемые папой Григорием IX венецианцы вступили, возможно, в самый удивительный союз в своей истории — с двумя главными соперниками, Генуей и Пизой. Они даже договорились, что венецианские и генуэзские галеры будут поднимать рядом с собственным штандартом флаг Венецианской республики.

Этот договор, как того и следовало ожидать, соблюдали недолго. Не считая короткой экспедиции против любезной сердцу Фридриха Апулии, альянс устроил всего одну важную кампанию. Она была направлена против Феррары, которую Эццелино и его коллега гибеллин Торелли-Салингуэрра пытались сделать торговым соперником Венеции. Венецианский флот поднялся вверх по течению По и заблокировал город. (Дож последовал за флотилией несколько недель спустя на «Бучинторо»). Через пять месяцев Салингуэрра вынужден был пойти на переговоры. То ли венецианцы захватили его во время переговоров, то ли он добровольно им сдался, неизвестно. На тот момент ему было за восемьдесят. Его привезли в Венецию, и он прожил там в очень достойных условиях еще пять лет, до самой смерти. Ему устроили государственные похороны и поставили великолепный памятник в церкви Сан Николо ди Лидо. Сторонникам Салингуэрра в Ферраре не так повезло: фракция гвельфов во главе с маркизом Адзо VII д'Эсте, сумевшим вернуться из ссылки, жестоко им отомстила. Между тем привилегии, истребованные Венецией и с готовностью предоставленные Адзо, превзошли все прежние запросы.

В 1241 году в возрасте ста лет скончался главный враг Фридриха II, Григорий IX. После двухлетнего перерыва пре-

емник, Иннокентий IV*, продолжил его политику, однако с Венецией бороться не стал, и в 1245 году она подписала с императором мирный договор, который лишь подтвердил существующее состояние дел. До некоторой степени это могло быть вызвано возобновлением беспорядков в Далмации, но причина была намного проще. Венеция осознала, что империя не представляет прямой угрозы ее суверенитету. Фридрих ни разу не говорил, что республика должна ему повиноваться. В переписке с дожем он никогда не обращался к венецианцам как к «fideles»** — это опасно возбуждающее слово, предполагающее лояльность, вызывало страшный гнев жителей Ломбардии. Две короткие мили мелководья отделяли острова Риальто от материка, но этого хватало Венеции для получения особого статуса. Она была защищена от завоевания, разграбления и уничтожения. Что еще удивительнее, на нее не смотрели как на еще один североитальянский город. Обретение ею колоний на Востоке только повысило к ней уважение. Теперь это был не город. Это был народ.

Народ, объединившийся вокруг торговли, а торговля, как венецианцы, должно быть, осознали (пусть и интуитивно), обязана была своему феноменальному успеху не территориальной экспансии, но как раз напротив — небольшим размерам республики. В этом было еще одно преимущество, которое закрепила окружающая город лагуна. Обосновавшись в столь ограниченном пространстве, венецианцы создали уникальную атмосферу единства и кооперации. Этот дух проявлял себя не только в моменты национального кризиса, но, что еще более важно, в каждодневной работе. Венецианские аристократы, сделавшие состояние на торговле, хорошо знали друг друга. Близкое знакомство приводило к обоюдному доверию, такому, ка-

---

* Папу Целестина IV, наследовавшего Григорию, но умершего всего через восемнадцать дней после избрания, можно не брать в расчет.

** Верные (*ит.*).

кое в других городах не простирается дальше семейного круга. В результате венецианцы отличались от всех остальных в способности к быстрому и эффективному деловому сотрудничеству. Торговая компания, даже та, которой требовался значительный начальный капитал и несколько лет для развития, связанного со значительным риском, на Риальто создавалась за несколько часов. Договор мог быть заключен в форме простого партнерства между двумя купцами или с большой корпорацией, которая могла бы профинансировать большую флотилию или караван. Договор мог действовать оговоренный период времени, но чаще это бывали сделки, которые автоматически прекращались, когда какое-то предприятие бывало окончено. Но все было основано на доверии, и обещания не нарушалось.

Эта система краткосрочного партнерства означала на практике, что любой венецианец с небольшими деньгами, вложенными в дело, получал свою долю прибыли. Ремесленники, вдовы, старики, больные — все могли войти в collegaпza* с активным, но сравнительно бедным молодым купцом. Они обеспечивали две трети требуемого капитала, а купец вкладывал одну треть, совершал путешествие и делал всю работу. По возвращении в Венецию он обязан был в течение месяца представить партнеру полный комплект счетов, после чего прибыль делилась поровну. Государство взимало какие-то пошлины, но в те ранние времена венецианские налоги были низкими, незначительными, что не шло в сравнение с огромными суммами, которые забирала у своих купцов Византия, да и большинство правителей стран феодальной Европы. Итак, прибыль в Венеции была высокая, заинтересованность большая, потому и инвестиции росли из года в год.

Предполагаемое разорение одного такого партнерства побудило Шекспира написать пьесу «Венецианский купец». К середине XIII века в городе и ближайших пригородах значительно выросло еврейское население, возможно, до трех

*Союз (*ит.*).

тысяч и более. Многие жили в Местре, на континентальной части, другие, особенно те, кто совершал сделки с далматцами, занимали остров Спиналонга, и, по сути, благодаря им остров стал называться Джудекка. Помимо торговли, их главным занятием, как и повсюду в Европе, было ростовщичество и медицина. Кроме некоторых ограничений, связанных с местом проживания, никаких препятствий их деятельности государство им не чинило, включая и исповедование религии. Хотя на поздних стадиях своей истории Венеция не всегда была столь милостива к евреям, коммерческий здравый смысл подсказывал ей с самого начала, что еврейский капитал необходим для ее экономического роста, и, как обычно, это чутье ее не подвело.

Снова и снова, изучая раннюю историю Венеции, мы обращаем внимание на то, что дожи, внезапно покинувшие свой пост, умирали после этого через несколько недель или месяцев. Традиции уходить в отставку по причине возраста в республике, конечно же, не было. Венецианцы всегда славились своим долголетием. По сей день продолжительность жизни здесь превышает уровень любого другого крупного итальянского города. Энрико Дандоло — пример замечательной способности к полноценному труду на девятом десятке жизни. Когда дож сходил с трона, скорость, с которой наступала его смерть, вероятно, вызвана тем, что решение уйти он принимал, поняв, что жизнь близится к концу. До тех же пор, пока чувствовал себя способным руководить людьми, он оставался на своем посту, а когда силы его оставляли, за должность не цеплялся.

Не был исключением и Джакомо Тьеполо. Он ушел в отставку весной 1249 года, но не в монастырь, как делали многие его предшественники, а в собственный дом на площади Сант-Агостино. Осенью его не стало. Он хорошо послужил Венеции: в Леванте сумел удержать наиболее важные владения новой, разваливающейся империи. На Западе служил интересам сражавшихся городов, не слишком при этом сближаясь с ними и не вмешиваясь в драку между

гвельфами и гибеллинами (это противодействие продолжалось еще одно столетие). Воевал против императора Фридриха (потеряв при этом двух сыновей) так долго и упорно, как считал необходимым для блага республики, но не дольше и не упорнее, чем требовалось. Дóма, между тем, продолжал работу, начатую пятьдесят лет назад Энрико Дандоло, а в 1242 году создал свой знаменитый «Statuto», самый подробный и полный свод венецианского гражданского права.

Другим заметным событием в Венеции во время его правления было появление двух больших нищенствующих орденов — доминиканского и францисканского. Святой Доминик и святой Франциск умерли друг за другом с интервалом в пять лет, в 1221 и 1226 году соответственно. Результаты их трудов не заставили себя долго ждать, и к 1230 году в городе появились представители обоих орденов. Каждому ордену дож Тьеполо даровал землю для постройки церкви: доминиканцам — болотистую территорию к северу от епархии Санта Мария Формоза, францисканцам — разрушенное и заброшенное аббатство поблизости от своего дома, на другой стороне Большого канала. Когда он умер, строительство на двух участках шло полным ходом, и, хотя огромные церкви, поднявшиеся там — Санти Джованни э Паоло и Санта Мария Глориоза деи Фрари, — были закончены лишь в XV веке, первая, во всяком случае, была уже в достаточной степени завершения, чтобы старый дож выбрал ее для своего упокоения*.

После четырех скучных лет правления пожилого Марино Морозини, которого по непонятным причинам избрали на этот пост (быть может, потому, что он происходил из старинного и блестящего венецианского рода), приход Реньеро

---

* В ризнице церкви Санти Джованни э Паоло имеется картина Вичентино, на которой дож Тьеполо жалует землю доминиканцам. Саркофаг дожа можно увидеть в аркаде с внешней стороны церкви, слева от западной двери.

Дзено в начале 1253 года, кажется, вывел город из спячки. Дзено прожил жизнь, полную приключений. В 1242 году проявил отвагу в усмирении одного из бунтов в Заре. На следующий год, при возвращении в Венецию с совета в Лионе, его взял в плен граф Савойи. Дзено был освобожден по приказу императора и приглашен ко двору, где его заставили подтвердить то, что Венеция проводила несправедливую политику по отношению к Фридриху. Позже Дзено был подестой в Пьяченце, а потом — в Фермо, где и получил известие об избрании на пост дожа. Обо всем этом и о многом другом мы узнаем от одного из самых увлекательных (хотя и не всегда надежных) хронистов — Мартино да Канале, который своим энтузиазмом по отношению к Дзено больше напоминает не хрониста, а рекламного агента, кем, вполне возможно, он и являлся. Нельзя сказать, чтобы у самого дожа отсутствовали способности к саморекламе. На своем неотразимом старофранцузском языке Мартино дает описание турнира, устроенного в честь избрания дожа. Он состоялся на площади Сан-Марко, «la place soit en tot li monde»*.

> На площади возвели павильоны, затянутые шелком, и саму площадь тоже пышно украсили. В павильоны вошли красивые дамы и девицы, а к окнам дворцов подошли другие дамы. Монсеньор дож проследовал пешком из собора Сан Марко, а за ним все патриции Венеции. Люди окружили площадь... За этой процессией явились всадники на прекрасных лошадях и с дорогим оружием. Затем начался турнир, за которым наблюдали дамы. Ах, сеньоры, если бы вы были там, то увидели бы прекрасные удары мечей...

Мартино Канале в своей хронике постоянно обращается к теме венецианских торжеств, вспоминает блестящие процессии с участием дожа в дни великих церковных празд-

*Самое красивое место в мире (*фр.*).

ников. С детским восторгом описывает золотую парчу, шелковые знамена, серебряные трубы, воссоздает сцену за сценой, для изображения которой на полотне требуется талант Беллини или Карпаччо, но — увы! — их появления придется ждать еще полтора столетия.

Но жизнь Реньеро Дзено не ограничивалась только пышными празднествами. В 1256 году он оказал активную поддержку папскому крестовому походу против Эццелино да Романо. После смерти Фридриха тот использовал имперский штандарт для удовлетворения собственных амбиций. Один из первых великих синьоров Северной Италии — и самый первый, сохранивший власть более чем на двадцать лет, — Эццелино нечеловеческой жестокостью заработал себе репутацию чудовища, которого в Ломбардии, Фриули и Марчесе все ненавидели и боялись. Благодаря успеху венецианской политики нейтралитета он имеет лишь косвенное отношение к ее истории. Не станем рассказывать об ослепленных узниках и изуродованных детях, за что папа отлучил его от церкви. Отметим лишь свидетельство Мартино о том, что в 1259 году Эццелино наконец-то был пойман и убит, «церковные колокола звонили по всей Венеции, как это бывает в праздники святых. На следующий вечер священники забирались на вершину колоколен и зажигали свечи и факелы, чтобы все видели свет и слышали звон» — типичное венецианское отношение. Однако, как отмечает Мартино, празднества вызваны были не столько исчезновением монстра и восстановлением мира и спокойствия в неспокойном регионе, сколько тем, что венецианские церкви снова стали получать ренту со своих владений на континенте.

Но внимание республики снова переключилось с Ломбардии на Восток. 25 июля 1261 года греческий военачальник Алексей Стратигопул неожиданно атаковал Константинополь и взял его, не встретив сопротивления. 15 августа император Михаил VIII Палеолог, пятый в этом роду, что правил в изгнании в Никее, вошел в город, и месяц спустя

он и его жена Феодора снова были коронованы в храме Святой Софии. Там восстановилась православная вера. Византия возродилась, а Латинская империя Востока закончила свое существование.

На протяжении 56 лет своей истории существование Латинской империи было чистым недоразумением. Последний латинский император Балдуин II, во враждебном окружении греческого и болгарского государств, держался в основном на помощи от французского короля Людовика Святого и займах венецианских банкиров, взявших в качестве гарантии его сына. Балдуина постепенно покинули бароны и священнослужители: они вернулись на Запад и прихватили с собой то, что осталось от церковных ценностей. Император вынужден был снять медь с крыши своего дворца и заложить самую главную реликвию города — терновый венец — венецианским купцам*. Ни он, ни его франкские предшественники на императорском троне не добились ничего, кроме хаоса, разгула воровства и разрушения. Завоевание города принесло им только нищету и страдания.

Венеция тоже пострадала от крушения Латинской империи. Папа пришел в ужас. Еще бы! Константинополь — второй Рим — снова отшатнулся от истинной веры. Людовик Святой пролил слезу оттого, что немногие оставшиеся реликвии прошли мимо него, а для Риальто эта новость означала серьезный политический и финансовый кризис: ведь Венеция обладала не только тремя восьмыми самого Константинополя, ее колонии и торговые фактории были рассыпаны по побережью Эгейского моря, вокруг Восточного Средиземного и Черного морей. До сих пор их защищал мощный венецианский флот, базировавшийся в бухте

---

* Он был выкуплен Людовиком Святым и перевезен из собора Сан Марко в Париж, где король построил для него часовню Сент-Шапель. Во время Французской революции венец в целях сохранности был вверен епископу Парижа. Сейчас он находится сокровищнице собора Нотр-Дам.

Золотого Рога, а теперь стоянка там была им запрещена. От Михаила Палеолога они не ожидали ничего, кроме неприкрытой враждебности. Его империя была истощена и доведена до нищеты, а потому сам он не мог быть для Венеции серьезным соперником. Но он был не один: за несколько месяцев до его победы он вступил в союз с генуэзцами, которые почти сто лет оспаривали первенство Венеции в Леванте. В обмен на военную и финансовую помощь он пообещал им налоговые и таможенные уступки и собственные территории в главных портах империи, включая и сам Константинополь, — короче, все те привилегии, которые в 1082 году даровал Венеции Алексей Комнин и на которых было основано коммерческое благополучие республики.

Взаимоотношения Венеции и Генуи, и в лучшие времена натянутые, в последние годы совсем ухудшились, и с 1255 года республики находились в состоянии открытой войны. Возле берегов Палестины состоялись три важные морские битвы, и во всех венецианцы одержали убедительные победы (во многом благодаря отваге молодого адмирала Лоренцо Тьеполо, сына бывшего дожа). Им удалось выгнать соперников из Акры и захватить флот из двадцати пяти галер, присланных из Генуи на подмогу. Генуэзцы в этом случае отваги не проявили: Мартино пишет о том, как один из их сторонников из Тира, француз по имени Филипп де Монфор, пришедший к ним на помощь с отрядом рыцарей, увидел в воде барахтавшихся генуэзских моряков и в отвращении ускакал, почесывая голову и восклицая, что «они не на что не годны, кроме борделей, что они были похожи на морских птиц, кинувшихся в море за рыбой и потонувших».

Логика де Монфора, похоже, так же страдает, как и его познания в орнитологии, однако его чувства можно понять: спеси у Генуи поубавилось. Из генуэзской церкви Святого Саввы в Акре Лоренцо Тьеполо привез домой три небольшие колонны, одну цилиндрическую из порфира и две четырехгранные из белого мрамора. Все три были установлены на Пьяцетте, у юго-западного угла собора, где стоят и

по сей день*. Однако маятник качнулся: настала очередь венецианцев терпеть унижение, в этот раз на глазах всего цивилизованного мира. Унижение, которое их торговой империи трудно было перенести.

Со временем оказалось, что экономические последствия утраты Константинополя оказались не такими катастрофическими, как того боялись. Сама операция была чрезвычайно простой. Михаилу Палеологу потребовалось от генуэзцев меньше помощи, чем он того ожидал, ему даже удалось избежать прямого столкновения с Венецией, чьего флота, к счастью для него, не было в Босфоре во время нападения Стратигопула. Более того, новый император был осторожным человеком, он знал, что венецианская морская мощь превосходит генуэзскую и что Венеция может одержать еще более внушительные победы, чем при Акре. Он принял благоразумное решение: натравливал республики друг на друга. Для этого разрешил венецианцам сохранить свою колонию в Константинополе и оставил им мелкие торговые привилегии. Их официальный представитель был разжалован из подесты (теперь им стал генуэзец) и занял более низкую должность — байло. К императорскому столу по большим церковным праздникам его уже не приглашали. Часть венецианского квартала города передали генуэзцам, и их колония быстро расширялась. Несколько лет спустя к ней прибавился весь район Галаты. За пределами сто-

---

* Порфировая колонна, известная как Pietra del Bando, позже стала традиционной трибуной, с которой провозглашались все венецианские законы. В 1902 году она сыграла еще более полезную роль: защитила угол собора от падения кампанилы, причем сама колонна при этом сильно пострадала. Честно сказать, есть некоторые сомнения относительно двух четырехгранных колонн, которые не упомянуты ни одним хронистом того времени. Предполагают, что Тьеполо, возможно, взял их не из церкви Святого Саввы, а из осадной башни, которую генуэзцы только что построили в Акре. (Есть и третья колонна в таком же стиле, она стоит в углу садов Пададополи.)

лицы венецианцы вынуждены были стоять в стороне: их соперники заняли торговые рынки, на которые у венецианцев раньше была монополия: так это стало в Смирне, на Хиосе, Лесбосе и, что обиднее всего, на побережье Черного моря, откуда их с тех пор изгнали.

Унижение было тем сильнее, что их флот до сих пор оставался лучшим. У Михаила Палеолога до сих пор не было достойного флота, и, если бы венецианцы решили бороться за утерянные привилегии, он не смог бы им противостоять. Но им нужно было подумать о своей колонии в Константинополе: Михаил держал ее как залог их покладистости. Пока и речи не шло о реальном дипломатическом сближении: стороны слишком были разгневаны друг на друга. Кроме того, пока смещенный император Балдуин искал поддержки у глав европейских государств, все еще оставался слабый шанс на его возвращение. В данный момент венецианцы могли лишь смириться с неизбежностью и попытаться извлечь из сложившейся ситуации какую-то выгоду.

С Генуей такая политика не проходила. Казус белли* был существенней, чем когда-либо, и венецианцы с удвоенными силами напали на своих соперников. Война разрослась на всем Восточном Средиземноморье. Среди Эгейских островов и возле берегов Эвбеи и Пелопоннеса вспыхивали бесчисленные мелкие схватки. В одной из таких схваток генуэзцы по глупости перехватили караван, идущий в Риальто. Большие флотилии регулярно ходили в Европу с восточными шелками и специями. Генуэзцам удалось избежать уничтожения только поттому, что венецианский адмирал, командовавший эскортом, отказался рисковать драгоценным грузом и не пустился в погоню. В других случаях им не так везло, например при встрече у западной Сицилии: тогда свыше 1100 генуэзских моряков попрыгали в воду и утонули, а другие шестьсот на двадцати семи галерах были захвачены в плен и переправлены в лагуну.

---

* Формальный повод для объявления войны.

Между тем оскорбительное высокомерие и заносчивость генуэзцев в Константинополе сделали их еще более непопулярными, чем венецианцев, так что, когда новости об очередных победах венецианского флота стали доходить до императорского дворца, симпатии Михаила изменились. Он тоже вел войну против оставшихся князьков латинского Востока и греческих деспотов Эпира: никто из них не хотел возвращать свои территории восстановленной империи. Такая политика получала мощную поддержку папы и сына Фридриха II, Манфреда Сицилийского. Михаилу отчаянно требовались деньги на восстановление и столицы, и разрушенного флота. Союз с Генуей вместо выгоды вовлекал его в огромные расходы, а в ответ он почти ничего не получал.

К 1264 году в Венецию прибыли греческие послы, и на следующий год был заключен договор, согласно которому республике предлагали привилегии, если и не сравнимые с утраченными, то во всяком случае улучшившие безрадостное положение дел. Но венецианцы не торопились. На византийском Востоке царила сумятица, а пока будущее Европы оставалось неопределенным, не было смысла принимать на себя обязательства. Только в 1268 году республика наконец решилась принять предложение Михаила. Даже и в этом случае согласилась не более чем на пять лет перемирия. В этот период, однако, венецианцы обещали соблюдать принцип ненападения и не помогать врагам империи, а также освободить греческих пленных, содержавшихся на Крите, Модоне и Короне, трех главных оплотах, оставшихся у них в Эгейском море. В ответ император обещал уважать венецианские поселения и в Греции, и на архипелаге и снова разрешил венецианским купцам свободно жить, путешествовать и торговать во всех своих владениях. Его условия были как нельзя более кстати. Двух вещей, правда, недоставало: трех восьмых от доходов и эксклюзивности, которая была у них раньше, ибо Михаил выдвинул условие, что генуэзцы сохранят данные им права. Он сознавал опасность старой политики, при которой одной из республик да-

валось полное преимущество за счет другой. С этих пор между ними настанет свободная конкуренция. И Михаилу будет выгодно такое соперничество, при этом менее привилегированный соперник не станет создавать враждебных альянсов.

Несколько краткосрочных перемирий имели длительный успех. Венеция одним махом восстановила свое торговое первенство в Леванте, а ведь семь лет назад она считала, что навсегда утратила влияние. Своим реваншем она частично была обязана удаче, но многое зависело от дипломатичного и хитроумного дожа Дзено и его советников. После ратификации договора он через несколько недель скончался и оставил после себя народ, почти забывший о своем недавнем унижении. К людям вернулось самоуважение, и они снова с уверенностью смотрели в будущее. В благодарность дожу и следуя традиции пышного и роскошного церемониала, которым с самого начала было отмечено его правление, Дзено похоронили с такими почестями, какие могла устроить только Венеция. Дожа положили в еще недостроенную церковь Санти Джованни э Паоло. Там, в юго-западном углу, до сих пор сохранилась часть гробницы — барельеф с изображением восседающего на троне Христа и обступивших его ангелов.

Глава 12

РАСПЛАТА ЗА ГОРДЫНЮ (1268–1299)

> Как горько, что имя его, звучавшее как боевой клич, столь часто возбуждало гнев солдат на тех полях, где сам Варнава пал за христианскую веру, как часто, окрашивая напрасной кровью волны Кипрского моря, следовали они, в покаянии и стыде, за Сыном утешения!*
>
> *Дж. Рескин. Камни Венеции*

За семьдесят лет XIII века Венеция заявила о себе как о мировой державе. Сначала республика обрела огромные территории на Востоке, разбогатела и укрепилась, затем утратила эти земли и, наконец, снова их вернула. Более важным было то, что за эти десятилетия пришли в упадок обе империи — Восточная и Западная. Византийская империя Палеологов, хотя и просуществовала еще почти два столетия, но так и осталась государством, из последних сил отбивавшимся от врагом, слабой тенью той страны, какой была до Четвертого крестового похода. В 1250 году вместе с Фридрихом II ушло время великих Гогенштауфенов. На сцену истории вышли уже не империи (по крайней мере, в средневековом смысле), а нации — Англия, Франция, Испания.

* Имя Варнава означает «сын утешения».

Большую часть из тех семидесяти лет Венеция сражалась. Ей пришлось воевать за новые владения, защищать их от греков, генуэзцев, пизанцев и сарацин, не говоря уже о пиратах, готовых наброситься на венецианские корабли на любом участке Средиземного моря. Под стенами Зары и Константинополя, у берегов Палестины, Крита, Эвбеи и Пелопоннеса, в Тирренском, Адриатическом и Черном морях ее галеры были так же активны, как и торговые суда.

Дома, однако, жизнь продолжалась почти мирно. Расширение торговли приносило все большее процветание. Торговля, по словам Мартино да Канале, била ключом, словно вода из фонтанов. Венеция выросла в размерах, великолепие поражало. Две большие церкви нищенствующих монахов стали еще выше; в епархиях один за другим появлялись новые храмы. Возможно, они уступали в размере церквям нищенствующих монахов, но далеко превосходили их в богатстве. Вдоль Большого канала выстроились палаццо. Некоторые из них, такие, как Ка' да Моста* или Фондако деи Турки, стоят по сей день**, их красивые открытые лоджии и аркады свидетельствуют об уверенности венецианцев в безопасности своего города, а ведь в Европе в это время повсеместно строились скорее замки, чем дворцы. В 1264 году Пьяцетту впервые замостили, в том же году построили на деревянных сваях новый мост Риальто — прототип того, что изобразил Карпаччо в серии «Чудеса Святого креста» (сейчас эту картину можно увидеть в Акаде-

---

* Дворец получил свое название от фамилии венецианского путешественника Альвизе да Моста, который родился в этом дворце в 1432 году.

** Оба пострадали за прошедшие годы. Часть аркады Ка' да Моста заложена кирпичом, добавлены два верхних этажа, а Фондако так грубо реставрировали, что невольно хочется видеть его таким, каким он был до 1860 года (рис. 13). Другие здания XIII века — это два палаццо Дона, чуть подальше — пристань водных трамвайчиков. На другой стороне Большого канала стоят, примыкая друг к другу, палаццо Фарсетти и Лоредано. Теперь это административные здания.

мии). Наружная отделка собора Сан Марко, неуверенно начатая при Доменико Сельво и продолжавшаяся с перерывами на протяжении XII века, увенчалась появлением великолепной мозаики в атриуме и на фасаде*.

Происходили изменения в конституционной сфере: Джакомо Тьеполо создал свой свод законов республики, и его клятва отразила дальнейшее ограничение власти дожа. Но летом 1268 года, когда пришло время избрания преемника, кажется, все почувствовали, что власть может выйти из-под контроля и создать угрозу государству. С ростом благосостояния вышли из безвестности и поднялись к богатству и власти незначительные прежде семейства. Между этими семьями и старой аристократией снова началась вражда, знакомая поколениям прежних веков. Вражда между семьями Дандоло и Тьеполо в правление Дзено переросла на Пьяцце в открытую свару. В связи с этим поспешно приняли закон, запрещавший выставлять родовые гербы снаружи здания. Венецианцы не могли забыть старый патологический страх перед тем, что одна семья, даже один человек может захватить власть в республике. С ужасом, но не без оттенка самодовольства наблюдали они за карьерой Эццелино да Романо и других подобных ему людей, которые даже сейчас наращивали влиятельность в менее удачливых городах Северной Италии. Они прекрасно понимали, еще за шесть столетий до лорда Актона, к чему приводит абсолютная власть**. Новая система выборов до-

---

* Это можно увидеть на картине Джентиле Беллини, хранящейся в Академии. До наших дней сохранилась, увы, лишь одна на левом люнетте — «Перенос мощей святого Марка» (рис. 16). Мозаика позволяет нам увидеть самое раннее изображение собора, вскоре после установки коней Лисиппа над центральной аркой. В четырех других люнеттах сейчас можно видеть посредственные работы XVII и XVIII века, которые представляют печальный контраст с мозаикой Беллини.

** Британский историк и политический мыслитель лорд Актон писал в 1887 году: «Всякая власть развращает: абсолютная власть развращает абсолютно». — *Прим. ред.*

жей, которую они разработали, превосходила самые изощренные системы, когда-либо созданные цивилизованным государством. Современному человеку она кажется смешной, и до некоторой степени так это и было. Однако к ней следует присмотреться ради того, чтобы увидеть, на что готова была пойти Венеция, чтобы правление не перешло, прямо или косвенно, в руки амбициозных или нечестных людей.

В день, назначенный для выборов, самый молодой член синьории должен был молиться в соборе Сан Марко. После, выйдя из базилики, он останавливал первого встреченного им мальчика и брал его с собой во Дворец дожей, на заседание Большого совета, где заседали все его члены, за исключением тех, кому было меньше тридцати лет. Мальчик, его называли ballotino, вынимал из урны листочки бумаги и тянул жребий. После первого такого жребия совет выбирал тридцать своих членов. Второй жребий должен был сократить это число до девяти, а девятке предстояло голосовать за сорок кандидатов, каждый из сорока должен был получить по крайней мере семь голосов. Группа из сорока человек должна была, опять же по жребию, сократиться до двенадцати. Эта дюжина выбирала двадцать пять человек, и они в свою очередь снова сокращались до девяти. Девятка голосовала за сорок пять кандидатов, за каждого из которых должно было быть подано не менее семи голосов, и из этих сорока пяти бюллетеней ballotino вынимал листочки с именами одиннадцати претендентов. Одиннадцать голосовали за сорок одного — каждый должен был собрать в свою пользу не менее девяти голосов. Так вот эти-то сорок в конце концов избирали дожа*. Сначала они посещали мессу, и каждый в отдельности произносил клятву, что будет вести себя честно и справедливо, на благо республи-

---

* Сэр Генри Уоттон, посол Якова I в Венеции, позднее заметил, что эта удивительная процедура была изобретена бенедиктинским монахом: «Загадочная процедура придает оригинальность монастырю».

ки. Затем их запирали в тайном помещении дворца, отрезая от всех контактов с миром. Круглые сутки их охранял специальный отряд моряков, пока работа не была завершена.

Это все, что касается приготовлений, затем начинались сами выборы. Каждый выборщик писал имя своего кандидата на листке бумаги и бросал в урну. После листки вынимались, оглашались имена кандидатов без учета поданных за них голосов. В другую урну опускали листки, на каждом из которых стояло единственное имя. Если кандидат присутствовал в зале, то он выходил вместе с любым другим избирателем, носившим то же имя, а оставшиеся обсуждали его кандидатуру. Затем кандидата приглашали войти и ответить на вопросы либо защититься от выдвинутых в его адрес обвинений. Происходило голосование, и, если кандидат получал требуемые двадцать пять голосов, он становился дожем. В противном случае из урны вынимали другой листок и так далее.

При такой мучительно сложной системе кажется странным, что вообще кого-то выбирали, но 13 июля 1268 года, всего через шестнадцать дней после смерти предшественника, был избран Лоренцо Тьеполо. Мартино да Канале, не упускавший случая описать закончившиеся выборы, с удовольствием рассказывает о перезвоне колоколов на соборе Сан Марко и толпе народа, собравшейся у храма. Люди окружили нового дожа и «срывали одежду с его спины» — похоже, традиция разрешала это им делать. Таким образом, дожу давали понять, что он «лицо подчиненное и милосердное». Дож босиком подходил к алтарю, давал клятву, и ему вручали знамя Святого Марка. Затем на него надевали новое платье, сажали на поццетто и торжественно проносили вокруг площади. Дож разбрасывал монеты, после чего входил во Дворец дожей и обращался к подданным. Тем временем делегация спешила к его дому — сообщить об этой новости его жене, племяннице императора-регента Латинской империи Иоанне де Бриенна. После они вели ее в новый дом.

«Обходительный, галантный, мудрый, смелый, знатного происхождения», — восхищается Мартино. Имя Лоренцо Тьеполо «стало знаменито во всем мире». Проявив героизм в генуэзской войне — все еще не закончившейся — он некоторое время был подестой Фано и мог похвалиться долгой службой республике. Столь высокая репутация не помешала ему, однако, несколько лет назад ввязаться в драку на площади Сан-Марко и получить ранение. Одним из его решений на посту дожа стало приглашение старших Дандоло и примирение с ними, после чего празднества обрели размах. Сначала венецианский флот проплыл мимо дворца, а за ним украшенные специально для такого случая корабли из Торчелло, Мурано, Бурано и других островов лагуны. Пешком прошли представители гильдий. Рассказ Мартино слишком долог и утомителен, поэтому не буду приводить подробности, однако это — неисчерпаемый источник информации о торговой жизни города того времени. По нему видно, сколь высокого уровня благосостояния достигла Венеция. Парад возглавили кузнецы с гирляндами на головах, затем прошли скорняки в богатых одеждах из ласки и горностая, что явно было не по погоде конца июля. Прошагали портные, все в белом, с пунцовыми звездами. На ходу они пели под аккомпанемент собственного оркестра. Проследовали ткачи и стегальщики, изготовители сандалий и золотой парчи, торговцы шелком и стеклодувы. Из клеток выпустили птиц. Но первый приз за фантазию достался парикмахерам, их вели за собой два всадника в полном рыцарском облачении и четыре «очень странно одетые дамы».

> Спешившись перед дожем, они представились: «Сир, мы два странствующих рыцаря. Объехали весь мир в поисках удачи. Пережив немало опасностей и приключений, завоевали четырех прекрасных дам. Если при вашем дворе найдется рыцарь, желающий рискнуть головой и забрать у нас этих странных дам, мы готовы за них сразиться». Но дож ответил, что окажет дамам радушный

прием, и, если сами они захотят, чтобы их завоевали, то с Божьей помощью пусть это исполнится. При его дворе им будут оказаны все почести, и ни один мужчина не посмеет им перечить.

Правление Лоренцо Тьеполо началось весьма благоприятно, но дож так и не исполнил своего обещания. С приходом к власти удача, похоже, от него отвернулась. В 1268 году был неурожай, и несколько месяцев спустя в Венеции наступил голод. Из-за недостатка плодородной земли город на протяжении всей своей истории зависел от импорта зерна, и это было главной его слабостью. Теперь же открылась еще одна — зависть соседей. Напрасно обращалась Венеция за поставками в Падую, Тревизо и другие города. Напрасно напоминала о помощи, которую оказывала им во время правления Эццелино. Все наотрез отказали. Падуя даже прекратила выплату ежегодной ренты, которую выдавала в виде зерна венецианским церквям и монастырям. Венеция направила корабли в Сицилию и даже в русские княжества, и катастрофу удалось предотвратить. Месть республики была быстрой и жестокой. На все товары, проходившие через Венецию на континент, были наложены огромные пошлины. Под предлогом того, что Адриатическое море составляло часть венецианского наследия, чиновники, назначенные в различные порты, следили, чтобы товары не разгружали на берегу, а отправляли бы к данникам по реке По. Это была глупая мера, поскольку она спровоцировала возмущение на территориях, находившихся далеко за городами, с которыми ссорилась Венеция. Произошла трехлетняя война с Болоньей, что не прибавило популярности Венеции в Северной Италии.

Тьеполо скончался в августе 1273 года. Его положили рядом с отцом в церкви Санти Джованни э Паоло. Популярность его к тому моменту была почти на нулевом уровне. Он просто не способен был понять того, что как бы Венеция ни считала себя особым, привилегированным городом, не имеющим ничего общего с традициями и историей со-

седей, в их глазах республика ничем от них не отличалась. Возможно, была сильнее и богаче благодаря везению, беспринципному поведению и безграничной самоуверенности, но тем не менее ничуть не лучше их — по крайней мере на суше — и вовсе на такой уж непобедимой. В дни, когда Барбаросса, Генрих VI и Фридрих II совершали периодические нападения на Ломбардию, а войны между гвельфами и гибеллинами были в самом разгаре, у этих городов были другие заботы: им приходилось прокладывать точный курс через штормовые моря имперско-папской политики, а Венеция, защищенная своей лагуной, могла позволить себе обратить внимание на куда более привлекательный Восток. Однако времена менялись. Имперская угроза растаяла, и вместе с ее исчезновением города вздохнули и окрепли. Довольно кровопролития, теперь они хотели получить свою долю богатства, которым так долго наслаждалась Венеция. Им не нравилась самоуверенность, с которой она принимала подарки судьбы как должное.

После кончины Тьеполо дожем стал восьмидесятилетний Якопо Контарини. Неудивительно, что эти изменения он ощущал не больше предшественника. К тому моменту стало очевидным ошибочное поведение Венеции по отношению к континентальным городам. В прошедшие пять лет, кроме неудачного договора с Болоньей и пятилетнего перемирия с Генуей от 1270 года, республика обязана была вступить в соглашения по крайней мере с шестью городами, и ей пришлось нехотя пересмотреть свои финансовые — хорошо, что не территориальные, — притязания. На церковном соборе в Лионе, в 1274 году, Григорий X* провозгласил Михаила Палеолога императором, а тот, в свою очередь,

---

* Григорий был избран папой в 1271 году, то есть три года спустя. Тогда из-за интриг Карла Анжуйского папский престол пустовал. Такой перерыв продлился бы еще дольше, если бы власти Витербо, места, где состоялся конклав, не пошли на крайние меры: они сняли крышу с дворца, в котором заседали кардиналы.

признал папскую власть. Папа снял религиозное оправдание завоевания Константинополя, а пятьсот епископов выслушали страстную диатрибу делегации Анконы, обличавшей венецианские притязания*. Сам Григорий принял примирительную позицию, но напрасно: Венеция заявила, что она защищает Адриатику с античных времен. Только благодаря ей славяне, сарацины и норманны были выдворены оттуда, а папа Александр III в праздник Вознесения в 1177 году наделил ее властью над всем заливом. В его присутствии в море, по традиции, бросили кольцо.

Последнее утверждение явно не соответствует истине: не существует доказательства, что папа участвовал в церемонии. Что до первых двух аргументов, то делегация Анконы могла совершенно справедливо заметить: Венеция действовала исключительно в собственных интересах, к тому же и они принимали участие в обороне, и нет никакой причины блокировать свободный проход в их собственные реки. Страсти накалялись, и в 1277 году началась война. Часть венецианского флота, числом двадцать шесть галер, взяла курс на Анкону, но, едва они перешли к осаде города, как разразился летний шторм и разбил большую часть кораблей о скалы, рассыпав по берегу обломки на многие мили. Спустя несколько дней вышла вторая эскадра, не подозревавшая о несчастье. Она угодила в руки жителей Анконы, и моряки оказались в плену.

Венеция дорого заплатила за свою гордыню, но еще не сполна. Новый германский император, Рудольф Габсбург, незадолго до этого попытался втереться в доверие к папе Николаю III и подарил ему территорию Румыкии, в которую входила и Анкона, так что Венеция оказалась одновременно и врагом папы. Между тем, заметив ее затруднения, в Истрии и на Крите одновременно восстали недовольные. Для Якопо Контарини это было чересчур. В марте 1280 года

---

*Романин ссылается на Мартино да Канале, хотя в отчетах совета я не смог найти такой ссылки.

он вышел в отставку — или, если точнее, его отправили на пенсию. Известно, что до конца жизни ему платили по 1500 пикколей в год. Расходы эти не обещали затянуться, поскольку дожу стукнуло восемьдесят пять лет, и он был слаб здоровьем*.

Преемник Контарини, Джованни Дандоло, представляет собой загадку. Несмотря на знаменитое имя, источники ничего не сообщают о его прошлом, за исключением того, что на момент выборов он служил за границей. О родстве его с великим Энрико также ничего не известно**. В течение года он установил мир с Анконой. Основной вопрос прав Венеции на Адриатику он, кажется, оставил нерешенным, вероятно, в интересах достижения быстрого согласия. Руки его наконец были развязаны: надо было решить проблемы в Истрии (теперь ее активно поддерживал патриарх Аквилеи и граф Гориции). Снова республика поторопилась. Граф и патриарх собрали войско из германских наемников, и они наголову разбили венецианские отряды, присланные подавить мятежный Триест. Жители Триеста пустились в погоню, сначала напали на Каорле, захватили в плен подесту и сожгли его дворец, затем добрались до Маламокко, оставив после себя разоренные земли.

Со времен Пипина, почти пятьсот лет назад, вражеский военный флот не подходил так близко к городу. Венецианцы отреагировали быстро и уверенно. Предводителя неудавшейся экспедиции, Марино Морозини, бросили в тюрьму, где наказали «в соответствии с его преступлениями и в

---

* Точная дата его смерти неизвестна, а его могила «in claustro fratrum minorum» исчезла.

** Г. Симонсфельд, основываясь на «рукописном генеалогическом древе», хранящемся в Музее Коррер, делает вывод, что Джованни был правнуком Энрико, но сам Андреа пишет о моряке Доменико Дандоло, жившем в XI веке, общем предке двух дожей — Энрико и самого Андреа. Но Симонсфельд не упоминает ни Джованни, ни Франческо, бывшем дожем с 1320 по 1339 год.

качестве примера тем, кто придет вслед за ним». Объявили о всеобщем воинском призыве, в Триест направили новый флот, значительно больше предыдущего. На этот раз все прошло хорошо. После отчаянного сопротивления город сдался, за ним последовали его соседи. Тем не менее лишь в 1285 году патриарха принудили подписать соглашение о мирном сосуществовании с республикой, но даже и тогда вопрос о его правах в Истрии оставили нерешенным. В результате скоро вспыхнули бунты. Они досаждали Венеции и в военном, и в экономическом, и в политическом отношении следующие двадцать лет, пока в 1304 году патриарх не согласился отказаться от всех своих притязаний в регионе в обмен на ежегодную дань в 450 марок.

Были и другие неприятности. Королевство обеих Сицилий, фактически включавшее в себя всю территорию к югу от Рима, с 1266 года управлялось братом Людовика Святого Карлом Анжуйским из его столицы, Неаполя. В 1282 году в Палермо на следующий день после Пасхи пьяный французский сержант начал приставать к сицилийской женщине. Произошло это возле церкви Санто Спирито перед вечерней службой. Муж женщины убил сержанта, убийство привело к бунту, бунт — к массовому побоищу. К утру две тысячи французов были мертвы. Остальные бежали с острова и обратились за помощью к Карлу. Сицилийцы посадили на трон в Палермо Петра III Арагонского.

В восстании, которое позже назвали «Сицилийская вечерня», Венеция не хотела принимать участия, хотя формально в предыдущем году она признала Карла Анжуйского. Это была ее политика: насколько возможно, оставаться в стороне от итальянских переворотов, и в любом случае ее флот был занят в Истрии. Когда папа Мартин IV, француз по национальности и, соответственно, сторонник Карла, в 1284 году начал крестовый поход против Петра, Венеция отказалась принять в нем участие и запретила своим священнослужителям, патриарху Градо и епископу Кастелло, поддерживать его со своих кафедр. Результатом стали отлучение от церкви (первое, но не последнее из тех, что вы-

пали на долю Венеции) и директива, столь суровая, что республика не осмелилась ослушаться.

В наши дни трудно представить себе зависимость средневекового города от церкви. Замолчали колокола кампанил; прекратились мессы; запретили церковные службы, такие как крещение, венчание и панихиды, все религиозные обряды, столь любимые венецианцами. Зима без празднования Рождества и Богоявления, должно быть, казалась бесконечной, а с приходом весны на Венецию, словно в Старом Завете, обрушилась кара небесная: Венеция пострадала от землетрясения, за которым сразу же последовало страшное наводнение. Снесло волноломы, было разрушено множество домов, семьи остались без крыши над головой и без еды. Меры, принятые для облегчения участи людей, были быстрее, щедрее и эффективнее, чем в любом другом европейском городе, но Венеция не способна была скрыть ни от своих граждан, ни от кого-либо другого, что удача от нее отвернулась.

Как ни удивительно, в этот мрачный момент ее истории, когда отлучение папы все еще действовало, произошло важное событие: в 1284 году в Венеции появился золотой дукат. Само слово не было новым: впервые так назвал серебряную монету Рожер II Сицилийский в 1140 году, а другие серебряные дукаты появились в Венеции в 1202 году. Ими расплачивались с рабочими, строившими флот для Четвертого крестового похода. Но золотой дукат Джованни Дандоло совершенно от них отличался. Согласно его распоряжению, «он должен быть отчеканен с величайшей тщательностью, как флорин [монета Флоренции], только еще лучше». Так, должно быть, все и случилось, иначе монета не продержалась бы 513 лет, до падения республики. Она пользовалась уважением на всех мировых рынках*.

---

* Впоследствии дукат стали называть цехином. Первоначальное значение этого слова — это то, что монета пришла из зecca, или монетного двора. Монета представляет и другой, документальный интерес: на ней печатались портреты дожей, коленo-

Джованни Дандоло правил девять лет. Умер 2 ноября 1289 года, оставив в память после себя золотой. Но как бы ярко ни сияли его дукаты, глаза венецианцев они не ослепили: те видели, что прошедшие двадцать лет не были для них удачными. Венецианцы потерпели несколько поражений на суше и на море, потеряли много кораблей и людей. Им довелось в бессилии наблюдать, как враг подошел к самой лагуне. Соседи, от которых они зависели в отношении торговли, были настроены в большей или меньшей степени недружелюбно. Главная колония, Крит, снова бунтовала. Венеция пострадала от церковного отлучения, от ужасов землетрясения и наводнения, и, хотя преемник папы Мартина в 1285 году снял отлучение и последствия, вызванные природными катаклизмами, были в значительной степени устранены, надежд на лучшие времена венецианцы не питали. Между тем из Истрии до них докатывались раскаты грома войны.

Все государства проходят через периоды неудач, а когда это случается, естественно, что люди начинают искать виноватого. Венецианцы уже нашли такого: вина, как они полагали, лежала на новой торговой аристократии. Те, чьи семьи с захватом Константинополя обрели богатство и власть и сейчас толкали республику к олигархии, отнимая власть у дожа и лишая простого человека возможности повлиять на политическую жизнь. Первенствовало среди таких выскочек семейство Дандоло, подарившее городу двух дожей. Первый был виновен в создании нового порядка, а второй усилил все его негативные стороны, что вызывало у людей раздражение, и навлек на Венецию новые несчастья.

Такое отношение было и нелогичным, и несправедливым, однако оно спровоцировало массовые протесты в городе. Возмутившись тем, что политическая привилегия, которой они традиционно пользовались, потеряна для них

преклоненных перед святым Марком. Это позволяет нам проследить изменения в их одежде на протяжении столетий, и особенно эволюцию головного убора дожа.

не только де-факто, но и де-юре, люди собрались на площади Сан-Марко и потребовали, чтобы должность дожа была передана главе рода, стоящего за старый демократический венецианский порядок. На пост дожа они выдвинули кандидатуру сына Лоренцо Тьеполо — Джакомо*.

Второй Джакомо Тьеполо, имевший за плечами послужной военный опыт, растянувшийся на двадцать с лишним лет, мог бы стать отличным дожем. Однако у него имелось два крупных недостатка. Во-первых, что парадоксально, он был востребован народом. Если бы он унаследовал пост, даже в результате установленного выборного процесса, люди сделали бы вывод, что их манифестация достигла цели, и стали бы выдвигать другие требования и далее пытаться повлиять на политическую ситуацию. Осторожные советники не хотели открывать толпе такую возможность: это стало бы угрозой для всей выборной системы. К счастью для них, имелось и другое возражение против кандидатуры Тьеполо, и его сторонникам трудно было бы это оспорить: он был сыном и внуком бывших дожей. Возобладал традиционный страх перед наследственной монархией. Тот факт, что его семья была старинной и высокопоставленной, одной из case vecchie**, только усилило потенциальный риск. За шестьдесят лет три дожа Тьеполо — явный перебор. С этим, кажется, был согласен и сам Джакомо. Чтобы не порождать дальнейшие разногласия, он удалился на свою виллу на материке. Вскоре после этого согласно установленному процессу на вакантное место был избран тридцативосьмилетний Пьетро Градениго.

Семья нового дожа, как и Дандоло, принадлежала к сословию купцов-нуворишей. Судя по его несколько насмеш-

---

*Возможно, он был не сыном Лоренцо, а племянником. Генеалогия не совсем ясна.

**Case vecchie — 24 старейших знатных венецианских семейства (дословно в переводе с итальянского означает «старые дома»). В переносном значении так называют иногда старые аристократические обычаи Венеции. — *Примеч. ред.*

ливому прозвищу — Пьераццо, народ ему не доверял, и последующие его действия доказали, что они были правы. Однако после отклонения народной кандидатуры альтернативы уже не было. Все, без сомнения, заметили, что официальная делегация, посланная в Калодистрию — где Градениго служил подестой, — включала представителя от семьи Тьеполо. Новость об избрании дожа венецианцы встретили молчанием, а потом нехотя приняли его в качестве нового правителя.

Выборы нового дожа не принесли Венеции немедленного улучшения. Особенно серьезной была ситуация в Леванте. Султан Египта, аль-Ашраф Халил, собирал армию для окончательного разгрома последних крестоносцев. Триполи пал в 1289 году, всего за несколько месяцев до избрания Градениго. Оставалась только Акра да несколько независимых городов на побережье. В течение столетия Акра являлась столицей христианского Востока, убежищем для свергнутых королей Иерусалима, принцев Галилеи, Антиохии и других монархов более мелкого калибра, которые, как пишет немецкий хронист того времени Герман Корнер, расхаживали в золотых коронах по узким улочкам города. Венеция, Пиза, Амальфи и — до последней эвикции* — Генуя имели в ней собственные районы, однако венецианская колония была значительно больше остальных. К тому моменту Акра была главным перевалочным пунктом торговли с Центральной Азией и за ее пределами**.

Когда в пятницу 18 мая 1291 года армии мамелюков штурмом взяли Акру и поубивали почти всех ее обитате-

---

* Изъятие чего-либо на законном основании. — *Примеч. ред.*

** Напоминания о торговле с Центральной Азией можно найти в палаццо Мастелли на площади деи Мори. Его украшают статуи трех братьев Мастелли, работа конца XIII века, все они левантийские купцы (рис. 11). Со стороны канала, напротив церкви Мадонны дель Орто, можно увидеть очаровательный каменный барельеф в виде тяжело нагруженного верблюда.

лей, на Венецию обрушился удар посильнее, чем на ее коммерческих соперников. С уничтожением Заморья — после падения Акры более мелкие христианские города потеряли надежду выстоять и быстро последовали за ней — Венеция одновременно потеряла не только самые ценные рынки, но и значительную часть складов для караванов, идущих на Восток. Несмотря на энергичные попытки папы затеять новый крестовый поход и на угрозы любому христианскому государству, осмелившемуся иметь дело с неверными, Венеция почти немедленно вступила в переговоры с султаном, и впоследствии он предоставил ей очень выгодные условия. Однако в ближайшем будущем ее торговле в Центральной Азии угрожала серьезная опасность. Все теперь зависело от северного пути через черноморские порты и Крым, и это снова столкнуло Венецию с ее старым врагом — Генуей.

Почти половину XIII века на берегах Черного моря было неспокойно, и это мешало торговле. Западные купцы обычно разгружались в Константинополе, но с 1242 года в западных степях появились монголы, и торговле пришлось совсем плохо. После возвращения Константинополя Михаил Палеолог предоставил генуэзцам исключительные права на черноморскую торговлю, и, хотя через семь лет он позволил венецианцам вернуться, Генуя, с ее растущими факториями в Галате на Босфоре, все еще доминировала в этом регионе. Под ее влиянием Трапезунд вытеснил Египет и Левант (там быстро исчезали последние государства крестоносцев) и сам стал перевалочным пунктом для индийских караванов с пряностями. Крымская Каффа (современная Феодосия) выращивала зерно, добывала соль, ловила рыбу, а также продавала меха и рабов из Новгородской земли. Короче говоря, у венецианцев появился грозный противник. В 1270 году две республики вынужденно подписали договор о перемирии, затем дважды его продлевали, но в 1291 году, перед падением Акры, прервали его действие. На этот раз о продлении не могло быть и речи. Генуя наме-

ревалась сохранить свой контроль, а Венеция так же решительно не хотела ей этого позволить.

Ни та ни другая сторона не торопились объявлять войну. Приготовления продолжались три года. Венеция вступила в союз с Пизой, составила список здоровых горожан от семнадцати и до шестидесяти лет — их предупредили быть готовыми для немедленного выступления — и обратилась к самым богатым семействам города с просьбой о финансировании и подготовке одной, двух или даже трех галер*. Наконец 4 октября 1294 года флот вышел в поход. На северо-востоке Средиземного моря, возле Александретты, произошла катастрофа. Генуэзцы, заметив, что они в меньшинстве, выбрали любопытную тактику: принайтовили друг к другу все свои корабли, так чтобы получилась огромная плавучая платформа. Их не смущало почти полное отсутствие маневренности, потому что они резко уменьшили боевое пространство своему противнику, а сами могли свободно переходить с одного судна на другое и сосредоточивать силы там, где в данный момент того требовала ситуация. Венецианский адмирал Марко Баседжо допустил кардинальную ошибку: недооценил противника. Отказавшись от брандеров, предпринял прямую атаку, но генуэзская «платформа» не разломалась, и в битве, которая затем последовала, венецианцы потеряли двадцать пять галер из шестидесяти восьми, а также многих лучших людей, в том числе и самого Баседжо.

Генуя не замедлила воспользоваться своим преимуществом. Ее флот атаковал Крит, сжег и разграбил Канею, затем, в 1295 году, хитроумно увел эскорт галер и уничтожил венецианскую эскадру, которая со времен падения Акры вместе с генуэзцами в Галате эффективно блокировала Босфор. Теперь венецианцы вынуждены были разгружаться в маленьких портах на южном побережье Малой Азии, на пол-

---

* Единственными семьями, способными подготовить три галеры, были Кверини, Контарини, Морозини и Дандоло.

пути к Модоне. Следующий год принес еще более серьезные новости, на этот раз из Константинополя. В городе снова вспыхнуло противостояние между республикой Сан-Марко и генуэзцами, и в ходе боев погибло много венецианцев. Те, кому удалось спастись, включая и байло, были немедленно арестованы и заключены в тюрьму императором Андроником II, сыном Михаила (он явно унаследовал от отца способность переходить на сторону победителя).

Последнее поражение, похоже, вывело Венецию из летаргического сна. Она быстро собрала флот из сорока судов. Командовал ими адмирал Морозини по прозвищу Малабранка, что означает «Злой коготь». Быстро пройдя Дарданеллы, сжигая на своем пути каждый греческий и генуэзский корабль, он напал на Галату и разрушил ее. Затем бросил якорь под стенами Влахернского дворца и уничтожил галеру императора, стоявшую на берегу. Только после того как Андроник заплатил ему огромную компенсацию за понесенные убытки, он вернулся в лагуну с большим количеством генуэзских пленников. Примерно в то же время еще одна венецианская флотилия под командованием Джованни Соранцо прорвала генуэзскую блокаду в Босфоре, вошла в Черное море, захватила Каффу и выдержала яростную атаку татар, пока наступление зимы не заставило венецианцев удалиться.

Война длилась еще три года. Два флота встречались в Центральном Средиземноморье, в пространстве от Сицилии до Кипра. В 1298 году венецианцы потерпели еще одно сокрушительное поражение от генуэзцев у далматского побережья возле Курзолы. Генуэзцы снова были в меньшинстве, но им благоприятствовал ветер. Командовал ими Ламба Дориа, один из самых блестящих адмиралов своего времени. Венецианские корабли были окружены и так прижаты друг к другу, что огонь быстро переходил с одного судна на другое. Команды из Кьоджи сражались героически, но, когда битва была окончена, из девяноста пяти венецианских кораблей шестьдесят пять было захвачено или потоплено. Девять тысяч человек убиты или ранены, а еще

пять тысяч попали в плен к генуэзцам. Один по крайней мере, не был схвачен. Венецианский адмирал Андреа Дандоло — не надо его путать с историческим дожем — будто бы покончил с собой: разбил голову о мачту. Другой человек, более удачливый и благоразумный, провел год в генуэзской тюрьме, диктуя сокамернику отчет о своих путешествиях на Восток. Эта работа прославилась и стала известна как «Книга о разнообразии мира» Марко Поло.

Автор, возможно, самой значительной книги о путешествиях, Марко Поло происходил из типичной семьи торговой венецианской аристократии. Его отец, Николо Поло, был одним из трех братьев, бывших к тому же деловыми партнерами, из которых по крайней мере один, Марко-старший, жил в Константинополе, однако все трое регулярно ездили в Крым и за его пределы. Нам известно, что примерно в 1260 году Николо и третий брат, Маффео, ездили на восток, в Бухару. Здесь они случайно повстречали гонцов от монгольского хана Кублая, и те пригласили братьев Поло сопровождать их ко двору Кублая, который на тот момент размещался в Пекине.

В отличие от своих предшественников, хан Кублай обладал на удивление открытым умом в сочетании с безграничной интеллектуальной любознательностью. На него произвело такое большое впечатление то, что рассказали ему о Европе братья Поло, в особенности христианская религия, что он решил отправить послов к Клименту IV с просьбой, чтобы и папа в свою очередь послал ему группу образованных людей, которые рассказали бы его народу о христианстве и свободных искусствах. Когда братья вернулись в Акру, то обнаружили, что Климент только что скончался, и преемник еще не избран. Чтобы не ждать в Акре неизвестно сколько, решили вернуться в Венецию.

Если бы они этого не сделали, если бы не умер папа, если бы они снова отправились на Восток, как и предполагали, то вряд ли кто-нибудь услышал бы имя Марко Поло. Но, когда Николо в 1270 году приехал домой после десятилетнего

отсутствия, то обнаружил, что его жена умерла, а сын почти вырос. На следующий год, после самого долгого безвластия в истории папства, братья Поло наконец-то исполнили свою миссию: приехали к новому папе Григорию X — старому личному другу — и сразу же снова пустились в долгое путешествие в Азию. Они взяли с собой юного Марко.

О пути, которым они следовали — через Персию, Оксиану, Памир, Кашгар и пустыню Гоби — Марко даст первое и последнее описание, дошедшее до Запада. Путешествие было долгим и тяжелым, заняло четыре года. Наконец венецианцы добрались до летнего дворца Кублая в Шангту. Марко исполнился двадцать один год. Хану он сразу же понравился. Кублай с восторгом внимал рассказам юноши о приключениях и диковинах, которые тот увидел во время путешествия. Кублай сразу же взял его к себе на службу. Через короткое время Марко сделался одним из доверенных людей хана. Он объездил его империю вдоль и поперек, побывал с поручениями в Южной Индии.

Сопровождали ли его в этих миссиях отец и дядя, неизвестно. Ясно, впрочем, одно: вся троица показалась Кублаю такой интересной, или полезной, или и тем и другим, что много лет он их от себя не отпускал. Только в 1292 году, когда монгольской принцессе, обещанной в жены персидскому хану, понадобилось сопровождение, венецианцам позволили наконец уехать.

История об их возвращении стала частью легенды Поло: о том, как почти через четверть века они вошли в большой венецианский дом, как не узнали их родные и друзья, и неожиданная развязка, когда они сбросили дряхлые восточные одежды, отпороли подкладки, и на пол высыпался каскад изумрудов, рубинов и жемчуга. Но, несмотря на недоверие, с которым приняли рассказы Марко, на преувеличения, в которых его обвиняли (он заслужил насмешливое прозвище Миллион, потому что рассказывал о миллионных доходах хана), книга, которую он продиктовал в Генуе своему сокамернику, ни в коем случае не является простым собранием небылиц, как это долго считалось.

Многие его описания необычайно точны. Несколько из них спустя столетия подтвердили китайские архивы. Он рассказывает не только о блестящем дворе Кублая в Пекине, но и обо всей его империи — от дальнего севера, с собачьими упряжками и северными оленями, и до Цейлона, Бирмы, Сиама, Явы, Суматры и Японии, — о землях, о которых до него не слыхали, и даже о христианской империи Абиссинии, о Мадагаскаре и Занзибаре.

Марко Поло умер в 1324 году и был похоронен в церкви Святого Лоренцо. К несчастью, его саркофаг был утрачен, когда в 1592 году церковь перестроили. В библиотеке Марчиана, однако, сохранилось его завещание. Сохранилось и кое-что от старого дома Поло, включая великолепную византийскую арку, под которой Марко, должно быть, проходил бессчетное число раз. Все это находится в отдаленном углу, под церковью Сан Джованни Крисостомо, все еще называющемся в честь самого знаменитого средневекового путешественника — Corte Seconda del Milion*.

После Курзолы война между Венецией и Генуей вошла в конечную фазу. Крупные схватки закончились. Генуэзцы напали на Маламокко. В ответ венецианец Доменико Скьяво, за год или два до этого отличившийся при нападении на Каффу, проник во внутреннюю гавань Генуи с тремя галерами и перед уходом, в качестве последнего оскорбления, отчеканил несколько венецианских монет. Впрочем, обе стороны, как никогда, были готовы к заключению мира. Если подводить итоги, то венецианцы, без сомнения, избежали худшего. Их репутация в Средиземноморье и за его пределами выдержала тяжелый удар, и их самоуважение сильно пострадало. И Генуе, несмотря на великолепные победы, тоже не поздоровилось. Хотя ее престиж еще никогда не был столь высок, общие потери не намного уступали венецианским, а ресурсов для поправки положения почти не было. Венецианцы же, какими бы усталыми ни были,

* Второй двор Миллиона (*ит.*).

даже сейчас готовили еще один флот из ста кораблей и набирали наемников-каталонцев на место своих погибших гребцов.

Мирный договор был подписан в мае 1299 года. В качестве третьей стороны выступил Маттео Висконти, недавно пришедший к власти в Милане. Договор не унизил ни одну из сторон, поскольку речь не шла о победившем и побежденном. Тем не менее условия мира были необычными — и это указывает на размытость различий между морским сражением государственного флота и обыкновенным пиратством. Обе стороны посчитали недостаточным заявить о взаимном ненападении. Каждый венецианский капитан обязан был лично поклясться в том, что не станет атаковать любое генуэзское судно, и наоборот. Генуэзцам, однако, разрешено было обратиться за защитой к любой крепости греческой империи в случае атаки венецианцев. В любой войне между Генуей и Пизой венецианцам не разрешалось вступать в союз с Корсикой, Сардинией или иным районом Лигурийского побережья между Чивитавеккией и Ниццей, исключая саму Геную. Таким же образом, в случае военных действий в Адриатике генуэзцы обязаны были обходить все порты, кроме Венеции. Договор должен был быть заверен не только обеими заинтересованными сторонами, но также Падуей и Вероной со стороны Венеции и Асти и Тортоной со стороны Генуи.

Ссылка на греческую империю доказывает, что ссора Венеции с Андроником Палеологом была все еще не разрешена. Пройдет еще три года, совершится еще один карательный поход в Константинополь и показательная порка греческих пленных на палубах венецианских кораблей под стенами Влахернского дворца, прежде чем император вынужден будет согласиться на условия венецианцев. К тому моменту Венеция радикально переменится.

Глава 13

ТРИУМФ ОЛИГАРХИИ (1297–1310)

Такой город, как Венеция, владевший огромной и удаленной империей, мог бы быть неспособным править, если бы институты власти в республике были демократическими. Как и английская аристократия, с которой они схожи, венецианский патрициат дал городу Святого Марка семьи, где искусство управления было в некотором роде наследственным, и люди могли сменять друг друга, оставляя неизменными принципы политического духа. Именно поэтому этот олигархический режим завоевал уважение и доверие среди тех, кого подчинил, ясно явив им свои основы: честность, мудрость и гордое стремление при любых условиях работать во имя безопасности и величия отечества. Вот почему в XIV–XV веках венецианское правительство стало одним из лучших в мире и смогло наиболее успешным образом способствовать расцвету города Святого Марка.

Шарль Диль. Венеция: патрицианская республика

Маттео Висконти, самозваный «глава Милана», был лишь одним — хотя и самым властным — из множества деспотов, которые примерно с середины XIII века начали захватывать власть в городах Северной Италии. В Вероне уже обосновались Скалигери, в Модене и Ферраре — д'Эсте; в Мантуе готовы были подняться Гонзага. Хотя в строгом классическом смысле все они были тиранами, правление их не было тяжелым. Чаще они пользовались авторитетом у своих подданных, потому что жизнь людей стала намного спокойнее и надежнее, чем во времена их отцов и дедов.

Для венецианцев тем не менее они были проклятием. От такой власти республика защищалась всеми силами. Клятва дожа включала все более строгие пункты с целью предотвращения тирании. Запрет Реньеро Дзено на демонстрацию гербов; сложная процедура выборов; отказ третьему Тьеполо в должности дожа — к началу нового века все эти симптомы переросли в манию. Опасность на самом деле сильно преувеличили. Материковые правители придерживались традиций, чуждых Венеции. Они были порождением высокоразвитой феодальной системы Западной Европы, долгой борьбы гвельфов и гибеллинов. Ссоры и стычки способствовали развитию итальянских коммун.

Венеция была дочерью Византии, где о феодализме — по крайней мере до Четвертого крестового похода — никто не слыхал. До договора Карла Великого с императором Никифором Западная империя серьезных претензий к ней не предъявляла. В Венеции не было ни гвельфов, ни гибеллинов. Она жила сама по себе среди городов Северной Италии. Никто ее не завоевывал и даже не вторгался на ее территорию. В то время как остальные, когда не слишком следили друг за другом, привычно смотрели на север, за Альпы, в сторону императора, либо на юг, в Рим, в сторону папы, Венеция попросту повернулась к Италии спиной и смотрела на Восток. Тот мир ее сформировал и обещал светлое будущее. Политическое развитие Венеции происходило совершенно другим путем, не тем, которому следо-

вали другие города. Те избрали дорогу общественного самоуправления, а когда из этого ничего не получилось, резко свернули к автократии. Венеция неуклонно двигалась в одном направлении — к олигархии, добилась этого, и олигархи управляли ею большей частью разумно и хорошо. Так продолжалось почти 500 лет, пока не пришел конец.

На вершине политической пирамиды власть дожа медленно пошла на убыль. Процесс начался в 1032 году, при Доменико Флабьянико, при котором положили конец практике назначения дожем чиновников и преемников. К нему приставили советников и pregadi. После убийства Витале Микеле в 1172 году появился Большой совет, и, как доказала клятва дожа, этим дело не кончилось*. В основании той же пирамиды простые венецианцы потеряли, как мы уже увидели, свое влияние на политическую жизнь и в 1289 году не сумели его вернуть. На первое место вышел Большой совет. Членство в нем было первой ступенью к политической власти. Без больших денег или семейных связей вступить в него было почти невозможно. С самого начала совет стал самоизбираемым. С годами он неизбежно превратился в закрытое общество. В 1293 году он состоял из десяти Фоскарини, одиннадцати Морозини и не менее восемнадцати Контарини. Теоретически, однако, да и до некоторой степени на практике двери его были открыты.

В последние годы XIII века Пьетро Градениго закрыл эти двери навсегда.

---

* Особенно наглядный пример был явлен клятвой Якопо Контарини в 1275 году. Восьмидесятилетний дож поклялся перед всеми, что не возьмет иностранную жену без согласия на то совета, а также что ни он, ни его сыновья не купят землю за пределами республики и не приобретут долю в правительственных займах. Земли в новых венецианских колониях, находившиеся во владении какого-либо члена его семьи, должны были быть сданы в течение года со дня вступления его в должность. Сыновьям запрещалось служить на государственных должностях, исключение — посол или морской капитан.

Еще в 1286 году, при правлении Джованни Дандоло, было предложено ограничиться избранием тех, чьи отцы либо родственники по отцовской линии были когда-то членами совета. Это предложение было отвергнуто большинством, включая и самого Дандоло. Десять лет спустя Градениго снова поднял этот вопрос, и результат был тот же. Однако молодой дож — ему было сорок пять лет — был известен энергией и решительностью, и в последний день февраля 1297 года* предложение рассмотрели и одобрили. Отныне члены совета должны были избираться Советом сорока. Преимущество получали те, кто заседал в совете в течение последних четырех лет. Им требовалось получить не менее двенадцати голосов до Михайлова дня (обычное время выборов) 1298 года. Когда это время наступило, нововведение пролонгировали до следующего года. В 1299 году проект переработали и сделали законом Венеции.

Для тех, кого эти условия оставили за бортом, осталась одна лазейка. С согласия и одобрения дожа и его советников трое выборщиков, исполнявших обязанности всего один год, представляли имена кандидатов, ранее не обладавших правами. Теоретически эта оговорка открывала двери в совет. На самом деле есть причина подозревать, что хитрый дож пытался таким образом обмануть оппозицию. Пользуясь правом вето в отношении ко всем новым именам, он такую возможность дезавуировал. В последующие годы дож ясно дал понять выборщикам, что на практике такое право осуществлялось в пользу тех, кто заседал в совете ранее, либо тех, кто мог доказать, что их родственник по отцовской линии был когда-то членом совета.

Эти меры не поспособствовали уменьшению численности членов совета. Напротив, чем больше венецианцы старались доказать свое право на избрание, тем быстрее возрастало количество его членов. В то время как в 1296 году в нем состояло только 210 членов, к 1311 году их стало уже

---

* Часто указывается 1296 год, потому что, согласно календарю того времени, новый год начинался в марте.

1017, а к 1340-му — 1212. Естественно, не все они заседали одновременно. Венеция была маленькой, а ее аппетиты — огромными. Значительная часть аристократии находилась за границей на дипломатической службе, либо занималась коммерцией. Тем не менее к 1301 году зал заседаний стал слишком тесен*, и его перенесли в другое место, на восточную сторону здания**. В глазах ответственных людей новый закон послужил не столько ограничению, сколько очищению политического органа. Внезапно и быстро сформировавшуюся олигархию узким кругом назвать было нельзя. То, что венецианские историки впоследствии назвали «закрытием доступа» (serrata), помогло Большому совету одним росчерком пера создать в республике закрытую касту, состоявшую из заседавших в совете в четыре критических года, между 1293 и 1297-м. Они должны были к тому же иметь патрицианское происхождение либо достигнуть чего-то своими силами. Эти условия давали им право на членство. Для борьбы с фальшивыми притязаниями барьеры подняли еще выше. В 1315 году составили список венецианских граждан, имевших право на избрание. Из него исключили всех незаконнорожденных либо рожденных от матери неблагородного происхождения. Список, ставший основой для регистрации благородных браков и рождений, впоследствии был известен как «Libro d'Oro» — «Золотая книга».

---

* Возможно, он занимал большую часть первого этажа старого дворца, построенного Себастьяно Дзиани. Согласно сохранившемуся документу, датированному 1255 годом, слоняться без дела в соседнем дворе было запрещено, и любого человека, виновного в хулиганстве или играх под окнами, бросали в воду.

** Окна этого зала выходили на тюрьму, находившуюся на другой стороне узкого канала Рио ди Палаццо, через который перебросили мост Вздохов. Переселение, отметившее начало перестройку Дворца дожей из византийского в готический стиль, длилось недолго. Большая часть зала исчезла, когда сорок лет спустя дворец еще больше расширили. Единственная важная черта, сохранившаяся до нашего времени, — два старинных окна по обеим сторонам юго-восточного угла.

А что же другие венецианцы, составлявшие большинство? Многие из них были богаты, умны и образованны, однако в столь избранное общество войти были не достойны. Естественно, поначалу они возмущались, но прошло поколение, и они привыкли к новому порядку вещей: их досада в большинстве случаев стала не такой острой, как того можно было ожидать. Невозможно сказать, как долго, поскольку все происходило постепенно, в течение многих лет, но в Венеции сформировалась вторая группа избранных. Это был класс cittadini, граждан. Хотя и не всесильные, в отличие от патрициев, граждане тем не менее гордились превосходством над толпой. Возможно, это было сродни гордости, которую испытывал святой Павел как гражданин Римской империи. Впоследствии они повысили свой статус, став чем-то вроде баронетов, что приблизительно соответствовало сословию всадников в Риме, но даже прежде, чем группа стала «закрытой», они заставили свои права уважать. Доказательством этому может служить 1268 год, когда в Венеции была учреждена государственная канцелярия во главе с великим канцлером. При этом было выставлено условие, что канцлер должен принадлежать к сословию граждан. Великий канцлер был эффективным главой не только канцелярии дожа, но и всей государственной службы республики. Он носил пурпур и рангом был выше сенаторов. Подчинялся только дожу, синьории и прокураторам Сан Марко. У него были все прерогативы аристократии, за исключением права участия в голосовании. Обязанности он исполнял пожизненно, а когда умирал, хоронили его с теми же почестями, что и самого дожа.

Другие посты были менее влиятельными, но тем не менее довольно важными, и занять их могли как граждане, так и патриции. Венеция в то время проявляла политическую мудрость: граждане становились оплотом олигархической системы, а не разрушительным элементом вне ее, особенно с тех пор, как были определены привилегии граждан. Иностранцам, желающим стать гражданами, требовалось прожить в Венеции или ее владениях не менее двадца-

ти пяти лет. Стать гражданами de extra было еще труднее. Получившим этот статус обеспечивалась протекция за пределами республики. Некоторые счастливцы — выдающиеся ремесленники либо те, кто исполнил особое поручение, — могли быть вознаграждены вступлением в это сословие. Но затаенной мечтой каждого гражданина было выслужиться перед государством и занять место среди патрициев.

Это не означает, что против реформы Пьетро Градениго никто не выступал. Некоторые из тех, кого лишили права голоса, восставали, как некий Марино Бокконио, который в 1300 году организовал заговор с целью убийства дожа и свержения правительства. Он был из тех людей, кто особенно осуждал новые порядки. Человеком он был богатым, амбициозным, способным собрать значительную народную поддержку. Увы, он оказался не слишком талантливым заговорщиком, а с венецианской охраной порядка уже следовало считаться. Бокконио и десять его соратников были арестованы и повешены в традиционном месте — между двумя колоннами на Пьяцетте*. Его попытка защитить права сограждан потерпела фиаско. И этот случай не стал последним.

Тридцать первого января 1308 года в Ферраре умер маркиз Адзо д'Эсте VIII. На протяжении двухсот лет дом д'Эсте был одним из самых влиятельных в Северной Италии. В разное время под его влиянием находились Падуя и Верона, Мантуя и Модена, а в Ферраре в начале XIII века он активно выступал на стороне гвельфов против лидера гибеллинов Торелли-Салингуэрра. Когда в 1240 году город сдался венецианцам и Торелли-Салингуэрра взяли в плен, у д'Эсте появился шанс взять власть. Оставаясь сторонниками гвельфов, они фактически являлись венецианскими

---

* Самый надежный источник (хронист Карезини, процитированный Самуилом Романином) сообщает, что они были повешены «turpissime», что, по мнению Горация Брауна, означает «вниз головой».

ставленниками, и это порой служило причиной неудовольствия сменяющих друг друга пап.

Смерть Адзо, однако, создала проблему. Он не оставил законного наследника, только двух братьев. Был, однако, и сын, Фоско, у которого, в свою очередь, имелся сын Фолко. Вот этого внука Адзо и назвал своим наследником. Это распоряжение вызвало беспорядки. Возмущенные братья оспорили завещание. Пытаясь защитить наследство сына, Фоско обратился за помощью к Венеции. Республика направила военные силы, а папа Климент V в своей новой резиденции в Авиньоне* решил во что бы то ни стало предотвратить захват Венецией Феррары и возобновил забытое папское распоряжение о сюзеренитете над городом, после чего решил спор в пользу братьев. Фоско оробел. Его позиция никогда не была сильной, и он не был готов выступить против папы. Разместив венецианский отряд в замке Тедальдо, он бежал в Венецию, переуступив республике права своего сына.

Папское войско вошло в Феррару, и легат, кардинал Пелагруа, направил дожу посольство с требованием немедленного отвода его войск. Венецианцы стояли твердо. Они не искали этой неожиданной конфронтации и не ожидали ее. Однако выгодное месторасположение замка Тедальдо и мост через реку По давали им стратегическое преимущество, а потому они не хотели поддаваться на угрозы, откуда бы те ни исходили. Легат предложил компромисс, согласно которому Венеция могла держать у себя город в качестве папского феода, за который они должны были выплачивать ежегодную ренту в 20 000 дукатов. Венецианцев такое предложение не устроило. Все права на Феррару, сказали они, им свободно уступил д'Эсте, так что о чем-то другом и речи идти не может.

Кардинал Пелагруа не согласился. 25 октября 1308 года он отвел венецианцам десять дней на размышления. Если они будут упорствовать в своем решении, республика, дож,

---

*Авиньон стал резиденцией пап с 1307 года на семьдесят лет.

его советники и все те, кто в нарушение папского распоряжения поддерживал их каким-либо образом, будут отлучены от церкви. Все венецианские товары и дома в Ферраре будут конфискованы, торговые договоры аннулированы, транспортные пути перекрыты. Венеция и Кьоджа, чьи корабли особенно мешали папским судам на реке По, будут блокированы, а привилегии, дарованные Венеции папой, отобраны.

Второй раз за двадцать пять лет Венеция стояла перед угрозой отлучения от церкви, однако в 1284 году все ограничивалось духовными санкциями, а на этот раз новое распоряжение затрагивало политическую и экономическую жизнь. На ранних стадиях проблема Феррары была доверена специальному комитету Большого совета, насчитывавшему двадцать человек, а позже, с ухудшением ситуации, возросшему до сорока пяти членов. Чтобы разобраться с нынешним кризисом, и этого числа было недостаточно, а потому собрался Большой совет, несколько сот человек. Мнения резко разделились. Большинство представителей casa vecchie, под предводительством Якопо Кверини, настаивали на капитуляции: правительства, говорили они, так же как и отдельные люди, должны бояться Бога и уважать наместника Христа на земле. Кроме того, после долгого периода войн Венеция не полностью оправилась, как в финансовом плане, так и в материальном. Не время сейчас вступать в новую войну: она может оказаться еще более разрушительной, чем прежние.

Дож Градениго, как и можно было ожидать, придерживался противоположного мнения. Это был политический, а не духовный вопрос. С политической точки зрения самым важным для каждого человека — будь он принц или обычный человек — является долг перед государством. Оно должно расширять свои владения, усиливать свое влияние, добиваться славы. Для этого редко представляются возможности. Мудрые государственные мужи должны не упустить их. Сейчас был как раз такой шанс: в случае успеха Венеция могла обрести превосходство и возможность беспрепят-

ственного продвижения на всей реке По. Права республики на Феррару неопровержимы. Что до папы Климента, находившегося далеко за Альпами, то его просто неправильно информировали. Как только ему все объяснят, он сразу увидит, что венецианцы — верные сыны церкви и хотят ими оставаться впредь*.

Дебаты были долгими и яростными и не ограничивались залом заседаний. Снова вспыхнули разногласия между двумя главными фракциями: с одной стороны — старыми родами (case vecchie), состоявшими из сторонников папы, гвельфов, во главе с семьями Кверини и Тьеполо, а с другой стороны — фракцией олигархов, желавших территориальной экспансии и представленных семьями Градениго и Дандоло. Стычки и драки стали обычным явлением. Без оружия горожане на улицу не выходили. Сторонники дожа оказались сильнее. Феррара была венецианской собственностью, такой она и останется. В город назначили венецианского подесту, а феррарцам предоставили все права венецианцев.

Последствия проявились не сразу. Пришла зима, и сообщение с Авиньоном стало затруднительным. К началу весны 1309 года решили послать делегацию к папе Клименту — объяснить «почтительно, но с достоинством» позицию венецианцев. Увы, делегация прибыла слишком поздно. В тот самый день, когда послы собрались выехать, в четверг 27 марта, папа провозгласил отлучение республики от церкви. Условия оказались даже страшнее, чем можно было ожидать. В дополнение к ранее объявленным санкциям подданные дожа освобождались от данной ими клятвы в лояльности. Им не разрешалось давать показания или составлять завещания. Любой человек мог покуситься на их сво-

*Суть этих речей взята из текстов Романина хронистом Марко Барбаро в библиотеке Марчиана. Как писал Барбаро в середине XVI века, вероятно, что Романин работал по принципу Фукидида — записывал не то, что говорили на самом деле, но передавал речи, которые на тот момент он произнес бы сам.

боду или даже взять их в рабство, и за это его не привлекли бы к ответственности ни на этом свете, ни на том. Наконец, всем священнослужителям надлежало оставить владения республики в течение десяти дней по истечении месяца отсрочки.

Можно только подивиться смелости Пьетро Градениго и людей из его окружения: даже сейчас Венеция не дрогнула, несмотря на то что ей грозила экономическая и духовная катастрофа. Истек месяц отсрочки, и ужасное распоряжение папы вступило в действие. В каждом уголке Европы и большей части Азии были конфискованы венецианские товары, атакованы и ограблены венецианские корабли. Купцы Венеции могли отплывать из Риальто только в одном направлении. Как, должно быть, граждане республики благословляли тот день в 1297 году, когда они подписали торговый договор с султаном Египта, который со дня падения Акры контролировал все палестинские воды. Это была единственная дорога жизни, и папа был бессилен ее перекрыть.

Но еще за месяц до того как дож получил папскую буллу, венецианскому подесте в Ферраре приказано было укрыться в замке Тедальдо и приготовиться к обороне. Когда в июле папский легат объявил о крестовом походе против Венеции, все необходимые приготовления были закончены. Флоренция, Лукка, Анкона и ряд других городов Тосканы, Ломбардии и Романьи, подстегнутые ревностью, алчностью и — следует быть справедливым, — возможно, капелькой сыновней преданности, поспешили под папские знамена к стенам Феррары. Началась осада.

С самого начала ситуация для республики складывалась плохо. Ее гарнизон мужественно сражался, но почти сразу разразилась чума, унеся с собой подесту и большое число его людей. К городу поспешило подкрепление. Марко Кверини делла Ка'Гранде и Джованни Соранцо прорвали цепь, которую паписты протянули через По, и вышли к окруженной цитадели. Но противник был слишком силен, а эпидемия еще сильнее, и, когда 28 августа крепость взяли штур-

мом, у солдат гарнизона, еще остававшихся в живых, не было сил сопротивляться. Одному или двоим, в том числе Кверини, удалось бежать, остальных ослепили или зарезали либо сделали и то и другое.

Еще одно поражение, еще одно унижение, но даже сейчас венецианцы не покорились. Война вяло продолжалась — у папы возникли трудности с Франческо д'Эсте, одним из братьев, права которого он поддерживал; у Венеции — в связи с новым внутренним кризисом. Венеция пока не усвоила урок. Он обойдется ей еще дороже, прежде чем она поймет простую правду: ее процветание основано на торговле, а не на присоединении новых территорий. Ее сила — в уникальном географическом положении, обеспечивавшем ей безопасность. Если бы в поиске приключений на terra firma она лишилась своего главного преимущества, то уничтожила бы себя.

В конце концов так и случилось.

Глава 14

ЗАГОВОР И СОЗДАНИЕ СОВЕТА ДЕСЯТИ (1310)

В тысяча триста десятом году,
Еще не успели все вишни стрясти,
Как Бадкамонте прошел по мосту,
И тут появился Совет десяти.

Старая венецианская песня

Весной 1310 года дож Пьетро Градениго стал самым непопулярным человеком во всей Венеции. Большинство его подданных продолжали подсчитывать убытки. Почти все возлагали на него вину за наложенный папой интердикт, который не просто отразился на жизни всех мужчин, женщин и детей республики, но практически заморозил всю торговлю. Особенно тяжело переживало интердикт купеческое сословие, обреченное на финансовый крах на этом свете и вечные страдания на том. Купцы и не скрывали недовольства человеком, которого они справедливо считали виновником своих несчастий.

Новость, достигшая лагуны в последние дни августа прошлого года, была для всех громом среди ясного дня. До этого считалось, авантюра дожа непременно пройдет удачно. Но даже и тогда, хотя Венеция и понесла материальные потери — владения в Ферраре и контроль над рекой По позволяли ей перенести многостороннюю блокаду, — ее пре-

стиж, по крайней мере, оставался высоким. Теперь не стало и этого. Продолжалась война, продолжался и интердикт, но надежды на победу больше не оставалось. Напрасны оказались все жертвы. Враги Пьетро Градениго начали заявлять о себе в полный голос. В зале Большого совета и за его пределами они снова и снова утверждали свою позицию: как дож Градениго предал республику; Якопо Кверини и его последователи никогда не были способны выступить против политики, которая привела к унижению и краху; а если бы выбрали Джакомо Тьеполо, как того хотел народ, Венеция не находилась бы сейчас в таком бедственном положении — войне с папой. Ее торговая империя не увядала бы на глазах, доведенная до крайности неразумной политикой «мудрого Совета» и некоторых своих выдающихся граждан. Старинная венецианская родовая знать (case vecchie), всегда пользовавшаяся поддержкой народа, еще раз доказала свою дальновидность и трезвомыслие. Репутация Пьетро Градениго как государственного деятеля упала вместе с его популярностью до самого дна лагуны.

Но Градениго все еще был дожем, и дожем могущественным. Демонстрации и уличные стычки, хоть и стали чаще, жестоко пресекались его вооруженными людьми, главами контрад (capi di contrada*) и пользующимися дурной славой надзирателями за порядком — signori di notte**, да и самим Пьетро, который был глух к чувствам народа и не утратил своей надменности. Возмущение продолжало расти, и ситуация накалилась так, что, казалось, вот-вот произой-

---

* В то время в Венеции существовало 30 контрад, территориально совпадающих с приходами, по пять на каждый сестьере (шестая часть города).

** Signori di notte — коллегия из шести человек (с XIII века); каждый из них надзирал за порядком в одном из шести сестьере, на которые была поделена Венеция. В ночное время в городе охранялась общественная безопасность, производились аресты преступников и нарушителей порядка. — *Примеч. ред.*

дет взрыв. Итогом же стало событие довольно незначительное — на должность одного из шести советников предложили назначить Доймо, графа острова Вельи*. Против него яростно выступал Якопо Кверини, напомнивший всем, что графам Далматским не позволено участие ни в каких общественных органах, кроме Большого совета и pregodi. Его аргументы находились в полном соответствии с законами республики и были неопровержимы, тем не менее назначение утвердили.

Для Тьеполо, Кверини и их последователей наступил решающий момент. Опять начались стычки на пьяцце Сан-Марко и повсюду, в ходе одной из них Дандоло тяжело ранил Тьеполо. Казалось, неизбежна междоусобная война, и правительство запретило носить оружие. Это было мудрое решение, но, к сожалению, оно дало обратный результат. Пару дней спустя Пьеро Кверини делла Ка'Транде остановил один из синьоров ди нотте и приказал его обыскать. В ответ Кверини мощным ударом сбил синьора с ног. На помощь к тому поспешили сопровождающие, и в считанные минуты весь квартал звенел оружием. Пьеро арестовали, признали виновным и подвергли наказанию. Но на этом дело не закончилось. Его брат Марко еще раньше затаил на дожа обиду, поскольку тот публично обвинил его в трусости за бегство из Феррары. Теперь Марко втайне собрал своих друзей. Как он и ожидал, все охотно согласились, что Пьетро Градениго больше не должен занимать свой пост, однако первый же их совет был неожиданным. Для осуществления заговора они предложили Марко позвать из добровольного изгнания его зятя, Баймонте Тьеполо.

Хоть на нем и лежит клеймо (возможно, не вполне заслуженное) одного из самых отъявленных злодеев в истории Венеции, Баймонте Тьеполо остается загадочной и странной фигурой своего времени. Он был правнуком Боэмунда Бриеннского, князя мелкого государства Рашка,

* Теперь Крк, остров у побережья Далмации.

основанного крестоносцами в Боснии. (Вероятно, оттуда-то он и взял свое необычное имя.) Дедом его был дож Лоренцо, а отцом — Джакомо, который отказался несколько лет назад бороться за место дожа с Пьетро Градениго. О нем самом известно не много, за исключением сообщения Марко Барбаро (написанного, напоминаем, через два столетия), согласно которому в 1300 году он был обвинен в вымогательстве в двух пелопоннесских колониях — Модоне и Короне. В 1302 году, хотя он все еще не рассчитался до конца с государством, он был назначен подестой в Нону и членом Совета сорока (кварантии), главной на тот момент юридической инстанции государства. Но обвинение продолжало тяготеть над ним, и, вместо того чтобы принять эти должности, он пересек лагуну и уединился на своей вилле в Марокко. Наверное не это, а какие-то черты характера Баймонте Тьеполо или иные забытые подвиги сделали его известной, популярной и даже, может быть, романтической фигурой в глазах венецианцев. Мужчины называли его «il gran cavaliere» (настоящим рыцарем). Когда Марко Кверини и его друзья-заговорщики составляли свой план свержения дожа, они верили, что его поддержка придаст плану надежность.

При первом обсуждении только один голос прозвучал против замысла, голос старого Якопо Кверини, бóльшая часть политической жизни которого прошла в борьбе против Пьетро Градениго. Своих взглядов он не сменил и теперь, но категорически возражал против незаконного, насильственного свержения власти. Однако Якопо скоро уезжал с правительственной миссией в Константинополь, и через несколько недель он был бы уже далеко. Тем временем прибыл Баймонте и всей душой поддержал замысел. Политический авантюрист, каковым он, без сомнения, являлся, он увидел в этом заговоре возможность не только сместить Пьетро Градениго, но и подправить саму венецианскую конституцию, чтобы утвердить фамильную деспотию по образцу материковых государств.

Выступать решили в понедельник, 15 июня, в день святого Витта. Заговорщики поделились на три группы. Две из них, под предводительством Баймонте Тьеполо и Марко Кверини, должны были собраться накануне вечером у дома Кверини, в Сан-Поло. Потом, с рассветом, им предстояло пересечь мост Риальто и разными путями направиться к Дворцу дожей. В это время третья группа собирается в деревеньке Перага под предводительством Бадоэро Бадоэра*, пересекает лагуну в последний момент и затем, когда правительственные силы уже будут поглощены сражением, обрушивается на них. План не блистал изобретательностью, но имел важное преимущество — внезапность, а значит, мог быть успешным. К несчастью, как и Марино Бокконио до них, Баймонте с сообщниками недооценили своего дожа. Некто Марко Донато, участвовавший поначалу в заговоре, отошел от него. Был он подкуплен или нет, мы никогда не узнаем, хотя это представляется весьма вероятным. С его помощью или другим путем, но только Градениго знал все о заговоре еще за несколько дней до решающего момента. У него было время вызвать всех своих верных сподвижников, подест Торчелло, Мурано и Кьоджи, с возможно большим количеством людей. Накануне дня святого Витта они вместе с синьорией, главами Совета сорока (карантии), прокурорами (avogadori), синьорами ди нотте и стражниками Арсенала (традиционной гвардии дожа) тайно разместились во дворце. В это время на пьяцце Сан-Марко несли стражу верные люди Дандоло.

Той ночью разразилась одна из тех жестоких бурь, которые издавна обрушиваются на Венецию летом. Волны в лагуне поднялись такие, что Бадоэр с сообщниками не могли переправиться в город. Если бы они нашли способ послать Баймонте весть, он смог бы отложить всю операцию. Но

---

* Семья Бадоэра под прежней фамилией Партечипацио была одной из старейших в Венеции и благодаря доверию к ней в IX–X веках насчитывала рекордное количество дожей — семь.

ничего не зная об их трудностях, равно как и о приготовлениях дожа, он, несмотря на проливной дождь, решил действовать как условились. Марко Кверини и его сын Бенедетто выступили во главе первого отряда, верхом проскакав* через узкие улочки с криками «Liberta!» («Свобода!») и «Morte al Doge Gradenigo!» («Смерть дожу Градениго!»), которые, как говорят, едва были слышны сквозь завывания ветра, двинулись к Пьяцце по северной стороне через мост, на месте которого сейчас находится Понте дей Даи. Здесь они угодили прямиком в руки людей Дандоло. Пораженные неожиданностью и численным превосходством противника, они не смогли ничего предпринять. Многие были убиты, в том числе оба Кверини — отец и сын. Остальные бежали к площади Сан-Лука, где предприняли отчаянную попытку собраться, но снова были обращены в еще более позорное бегство братией скуолы Санта Мария Карита и несколькими членами гильдии художников.

В это время Баймонте, проезжая во главе своего отряда по Мерчерии, сделал остановку под огромным бузиновым деревом, росшим в то время у церкви Сан Джулиано. Неизвестно, зачем он это сделал. Возможно, перед решительным выездом на площадь он ждал, пока подтянется отряд. А скорее всего, один из людей Кверини мог вернуться с площади и предупредить об опасности впереди. Но предупреждение не понадобилось, поскольку тут же переполошились все жители сестьере. Понятно, что местное население вовсе не так радо было повстанцам, как они надеялись. Не было никаких приветствий. Из-за окон запертых

---

* В те времена, когда мосты через каналы еще не были изогнуты так, чтобы под ними свободно проходили лодки, на лошадях по Венеции ездили часто. На наиболее оживленных улочках даже существовали некоторые правила дорожного движения. С 1291 года всадник, проезжающий от Мерчерии к Сан-Марко, должен был спешиться у церкви Сан Сальваторе. На саму площадь лошади обычно не допускались. Владельцы привязывали их в бузиновой рощице, там, где теперь находится башня с часами.

домов неслись лишь угрозы да проклятья. Едва Тьеполо собрался выехать на площадь, туда, где теперь башня с часами, как пожилая женщина выбросила из окна тяжелую каменную ступку. Каменная ступка пролетела мимо Тьеполо, но попала в его знаменосца и убила его наповал. Вид поверженного в грязь (наводнение продолжалось, а большая часть улиц не была вымощена) знамени с начертанным словом «Libertas» — «Свобода» — окончательно деморализовал заговорщиков. Промокшие, перепачканные, они бежали через бывший тогда деревянным мост Риальто и разрушили его за собой.

Мятеж, однако, еще не закончился. Хотя Бадоэр с отрядом быстро были окружены, привезены в Венецию и обезглавлены, Баймонте сумел укрепиться в своем квартале, где к нему вскоре присоединились уцелевшие из отряда Кверини. Район надежно защитили баррикадами. Жители дальней стороны Большого канала не любили обитателей площади Сан-Марко, хоть и были лояльны родовой знати case vecchie, поэтому дож Градениго, несмотря на свою победу, не решился нападать, опасаясь вооруженного противостояния внутри. Его условия были мягкими, и Баймонте Тьеполо, вначале надменно-непокорный, сдался и отправился в четырехгодичную ссылку в Далмацию, где, впрочем, не имел ни малейшего намерения задерживаться.

В бесстрастном описании мятеж Баймонте Тьеполо выглядит почти комично. Правда, сам Тьеполо мог бы заявить, что все силы и даже случай ополчились против него. Погода замедлила его продвижение, не позволила союзникам соединиться, что угнетающе подействовало на дух всех участников. Марко Донато предал его. Эта остановка у церкви Сан Джулиано, чем бы она ни была вызвана, отняла бесценные минуты, когда он мог бы выехать на площадь вовремя и спасти Кверини. Но никакие жалобы не отменяли того факта, что он досадно проиграл, и в будущем его ожидал позор, что вовсе не смешно.

В самом деле, в Венеции к такому, как теперь кажется, незначительному происшествию, отнеслись очень серьезно. Не получи Градениго заблаговременного предупреждения, заговор мог увенчаться успехом, даже без участия отряда Бадоэра. Успешный или нет, он оставался возмутительным покушением не просто на персону дожа, но на все законодательство, покушением, в которое были вовлечены три старейших и благороднейших семейства. Успешно погасив пожар на ранней стадии, правительство решило притоптать все угольки, которые еще могли вспыхнуть. Меры, принятые в отношении Баймонте, были мягкими только благодаря силе его влияния. Из него предусмотрительно решили не делать жертву. Когда мятежник оказался в ссылке на безопасном расстоянии, его имя и репутацию начали систематически очернять. Его дом на площади Сан-Аугустино, больше известной на венецианском наречии как «Сан-Стин», был разрушен до основания за пару дней. На его месте воздвигли так называемую Колонну бесчестья с надписью:

Земля Баймонте дана в обладанье,
Но он запятнался изменой кровавой,
Владенье общественным стало по праву,
Навеки позор, а другим — в назиданье.

Дом Кверини ждала почти такая же печальная участь. Но здесь сложность заключалась в том, что Марко и Пьетро владели им совместно с третьим братом, Джованни, который не принимал участия в заговоре. Сначала власти постановили снести две трети строения. Тогда возникли трудности с разделением, и было решено выплатить Джованни компенсацию за его часть, а дом отдать под скотобойню. Далее последовал приказ убрать все гербы и эмблемы обоих обесчещенных семейств, правда, им позволили вместо старого оружия носить новое, без гербов. Исключения не допускались. Сняли даже гербы под портретами двух дожей

Тьеполо в зале совета и на гробницах дожей в церкви Санти Джованни э Паоло.

Но если эти два семейства (Бадоэры по некоторым причинам не были таким образом наказаны) расплатились за измену, то другие получили награду за службу. Марко Донато*, чей донос позволил дожу Градениго узнать о заговоре, был удостоен членства в Большом совете для себя и своих потомков. Но если это всего лишь знак отличия того, кто, как считается, спас государство, то тем приятнее читать о других благодеяниях. Камни от дома Баймонте заложили в основу церкви Сан Вио, поскольку восстание случилось в канун дня святого Витта. Она украшена рельефными изображениями с этого разрушенного здания**. Было объявлено, что каждый год в день святого Витта дож будет посещать эту церковь во главе торжественной процессии, стоять благодарственную службу, а затем давать официальный пир. В то же время считалось, что площадь Сан-Лука, где были рассеяны остатки отряда Кверини, обладает чудесной силой к вящей славе скуолы Санта Мария Карита и гильдии художников***.

Ну вот мы добрались и до последнего пункта, подлинной и, пожалуй, единственной героини драмы — Джустине (или ее звали Лючия, теперь точно не сказать) Росси, пожилой женщине, уронившей ступку на знаменосца Баймонте. Когда ее спросили, как республика может выразить ей благодарность, у нее оказалось лишь две просьбы. Во-первых, чтобы она и те, кто будет жить в этом доме после нее, могли на все главные праздники вывешивать из этого славного

---

* На венецианском диалекте эту фамилию обычно сокращают до Дона. Семейству Дона принадлежали не меньше дюжины дворцов по Большому каналу, и не только.

** Церковь снесена в 1813 году, но украшения (несколько сосудов и крест) сохранились и сейчас находятся на стене часовни, сразу за англиканской церковью Сан Джорджо.

*** До сих пор можно увидеть вывески обеих организаций и дату MCCCX.

окна флаг Венеции. Во-вторых, чтобы землевладельцы, прокураторы Сан Марко, никогда не повышали бы арендную плату. Обе просьбы были приняты. И хоть в наши дни тщетно 15 июня искать взглядом флаг в ее окне и хотя арендная плата в одном из крупнейших торговых городов мира давно превышает 15 дукатов в год, глядя на верхнюю часть стены, понимаешь, что история не забыта*.

Но самым глубоким следом, оставшимся в Венеции от событий дня святого Витта 1310 года, было не знамя, не пир, даже не Колонна бесчестья, но организация, прожившая столько, сколько сама республика, с названием, вызывающим благоговейный трепет, — Совет десяти. Он был основан в июле 1310 года указом Большого совета всего лишь как временная мера, наподобие комитета общественной безопасности на период неспокойной обстановки, и обладал большими полномочиями. Сам факт его учреждения и указы, которые он издал за первые три недели своего существования, говорят о том, насколько напряженной была обстановка в период после восстания. 12 июля членам Большого совета было разрешено присутствовать на заседаниях с оружием. 19 июля решили, что двери зала Большого совета во время заседания должны оставаться открытыми. Сотню вооруженных людей отрядили, чтобы они в лодках патрулировали лагуну и каналы. Особый отряд из двухсот человек, отобранных главами сестьере, должен был охранять пьяццу Сан-Марко, еще тридцать охраняли Дворец дожей и еще по десяти размещалось в каждой контраде, следя, чтобы ни

---

* Здание, которое стоит на этом месте — под часовой башней, здесь Мерчерия выходит на площадь, — украшает небольшая плита, выполненная в 1841 году, которая напоминает об этих событиях. Внизу, на тротуаре, есть мраморная табличка, отмечающая место, куда упал сбитый ступкой знаменосец. Одно из знамен хранится в Музее Коррер. Я не смог узнать, как долго сохранялась арендная плата в Доме помощи ступкой, но спустя полтора века, в 1468 году, Николо Росси выиграл дело против повышения платы хозяевами.

один человек не ходил между ними после наступления темноты. Пока требовалось охранять каждый сестьере, единовременно дежурили 1500 человек. Большой колокол с колокольни Сан Марко мог подать сигнал, по которому половина состава патрулей должна была сразу же мчаться на Пьяццу, а остальные продолжали оставаться на местах.

Когда утвердили Совет десяти, предполагали, что он просуществует два с половиной месяца, до Михайлова дня, который выпадал на 29 сентября. Потом его жизнь продлили еще на два месяца, но обновленная власть стояла за увеличение сроков его действия, и в 1334 году он стал постоянным. Хотя власть его была огромна, венецианцы, привыкшие все взвешивать и проверять, приняли меры, чтобы никто не мог воспользоваться ею в личных интересах. Участников выбирал Большой совет из списков, составленных им же и синьорией. Выбирали только на год, избираться повторно запрещалось в течение года, а за это время тщательно проверялось, не было ли каких-нибудь злоупотреблений. В Совете десяти не могли одновременно присутствовать двое из одной семьи. Более того, он управлялся не единолично, его возглавляли всегда трое — capi del dieci. На этом посту они находились в течение месяца, и на этот месяц им запрещалось выходить в свет, чтобы их не смущали слухи и сплетни. И наконец, самое важное, о чем почему-то чаще всего забывают. Члены Совета десяти сами по себе не обладали властью, они могли действовать только вместе с дожем и его шестью советниками, таким образом, число участников совета фактически доходило до семнадцати. Вдобавок всегда присутствовал один из троих «адвокатов Коммуны» (avvogadori di comun) — государственный прокурор, не имевший права голоса, но охотно вносивший предложения и дававший совету разъяснения по вопросам, связанным с законами. Совет собирался каждый будний день и, казалось, был перегружен работой. Однако эта работа не оплачивалась, а взятки и подкуп карались смертью.

Обращаясь к истории, можно еще многое рассказать об этой замечательной организации и ее работе. В первые

годы работы многие характерные ее черты еще не проявились. Однако она сослужила республике две службы и очень быстро доказала свою важность. Во-первых, она создала разведку, быстро сформировав сеть шпионов и тайных агентов по всей Европе и даже за ее пределами. Несмотря на бытующие легенды, Венеция никогда не была полицейским государством в современном понимании этого слова, но ее разведка и служба безопасности были превосходны. Меньше чем через год агент из Падуи доложил, что Баймонте нарушил условия своей далматской ссылки, вернулся в Ломбардию с двумя Кверини (один из них — священник) и затевает новый мятеж. Хотя в Венецию он не возвращался, разведка могла просчитать любые его действия на шаг вперед. Но даже Совет десяти не мог пресечь интриги опального мятежника, пока кто-то не сделал этого в 1329 году. После этой даты о нем больше ничего не слышали.

Второй вклад в жизнь государства Совета десяти в первые годы его существования даже еще важнее, чем первый. Кризис с Феррарой выявил серьезные недостатки конституции: невозможность быстро принять решение по главным государственным вопросам и столь же медленное выполнение решений. Боясь сосредоточения власти в одних руках, венецианцы очень сильно снизили ее эффективность. Все важные решения ратифицировались Большим советом, который после десятилетия ограничения (serrata) разросся до 1000 человек. Такая крупная организация была вынуждена делиться на комитеты так называемых savii, старейшин-экспертов по определенному вопросу. Некоторые из них являлись чиновниками, наподобие министров, хотя и обладали меньшей властью. В самом деле, в середине столетия коллегия (collegio) с дожем и его советниками напоминала полноценный кабинет министров. В это время главные политические вопросы, например: «Как удержать Феррару при постоянных угрозах со стороны папы?», выносились на пленарное заседание совета. Получалось, чем серьезнее вопрос, тем более громоздкий аппарат занимается его решением.

Все изменилось с появлением Совета десяти. Действуя, как всегда, в согласии с дожем и его советниками, они принимали решения, равносильные решениям Большого совета. Таким образом, появлялась возможность оперативно реагировать на проблему. Насколько же велика была потребность ускорить административную машину, чтобы такой институт, как Совет десяти, создали так стремительно! Однако это случилось и было прямым следствием заговора Тьеполо. Баймонте совершенно не преуспел в своем деле, но того, чем ему будет обязана Венеция, не могли предугадать ни он, ни она.

Глава 15

ВЛАДЕНИЯ НА МАТЕРИКЕ (1311–1342)

Зачем дож посылает мне столько свинца? Его хватило бы покрыть всю колокольню на Сан Марко.

Мастино делла Скала при получении от дожа письма в свинцовом футляре

В августе 1311 года, когда умер Пьетро Градениго, в Венеции преобладало чувство всеобщего облегчения. Он был могущественным дожем — слишком могущественным, по мнению большинства его подданных, — и не слишком мудрым. Упрямый и своевольный, слушающий чужое мнение только для того, чтобы лучше выразить свое, умерев, он оставил республику в гораздо худшем состоянии, чем принимал ее. Еще не улеглось потрясение от заговора Тьеполо и его последствий, торговля едва ли не совсем исчезла, папский интердикт оставался в силе. Неудивительно, что опасаясь проявлений враждебности к тому, кто поссорился с церковью, его без всяких церемоний отнесли в муранское аббатство Санто Чиприано и захоронили там в могиле без надгробия.

Вполне понятным было желание, чтобы преемник как можно меньше походил на покойного дожа. Сначала избиратели чересчур отклонились в противоположную сторо-

ну, выбрав бывшего сенатора Стефано Джустиниани, который от такой почетной должности сбежал в монастырь. Следующим был избран некто Марино Дзорци (который был еще старше) по той лишь причине, что он как раз в этот момент проходил под окнами Дворца дожей с мешком хлеба, чтобы раздать его нищим в ближайшей тюрьме. Историк XV века Марино Сануто-младший так объясняет его избрание: «Его почитали за святого, таким он был добрым и таким католиком, к тому же он был богат».

После Градениго вся Венеция хотела видеть именно такого дожа — личность безобидную, если не особо отличившуюся на дипломатическом поприще, то уважаемую, с кучей денег и щедрой рукой, их раздающей. Репутация благочестивого человека — о его благочестии свидетельствовало то, что несколько лет назад он основал сиротский приют и завещал ему состояние, — была самой необходимой чертой для дожа, собирающегося преодолеть интердикт.

Но Марино Дзорци до этого не дожил. Он умер в июле 1312 года, не пробыв и года у власти. Снова собрались избиратели, глядя во все окна на опустевшую улицу, и выбрали Джованни Соранцо, покорителя Каффы в войне с генуэзцами 15 лет назад*. Имея за спиной блестящую карьеру — как мы видим, он отличился в Ферраре, затем был повышен до главного прокуратора Сан Марко — удивительно, почему он еще год назад не был избран дожем вместо недееспособного Дзорци. Возможно, ответ кроется в том, что его дочь была замужем за Марко Кверини, следовательно, заговор Тьеполо грозил ее мужу изгнанием. О доже можно было подумать, что в его 72 года все лучшее уже позади, но ему предстояло править 16 лет, и за эти годы к Венеции по-

---

* См. выше о завоевании Каффы в 1296 году. История с торговым генуэзским кораблем, нагруженным разным добром, который Соранцо захватил и привез в Венецию, стала уже легендарной. О ней напоминает полотно Джулио даль Моро в зале голосований во Дворце дожей.

степенно возвращалось ее былое благоденствие. Восстановление началось в марте 1313 года, когда папа Климент наконец с большой неохотой согласился снять интердикт. Цена была высока — 90 000 золотых флорентийских флоринов, огромная сумма для истощенной казны республики, к тому же папа настаивал, чтобы плата была перечислена именно в такой монете. Тем не менее правительство посулило флорентийским банкирам в Венеции 3 процента годовых доходов, пригрозило изгнанием в случае отказа и добилось от них обязательств обменять нужную сумму единовременно и быстро, а папа взамен обязался не препятствовать венецианцам в Ферраре и их законной торговле.

Конечно, это была капитуляция, но смирение перед папой было не столь позорно, как перед правителем-временщиком, а для большинства венецианцев это не было чрезмерной ценой за возвращение к нормальной торговой жизни и всему, что из этого вытекало. Через полгода Зара, которая воспользовалась неразберихой в республике после заговора Тьеполо и подняла мятеж, была приведена к покорности. В Венеции снова царил мир. Торговля процветала. За несколько лет восстановились связи с Византийской империей, с Сицилией и Миланом, с Болоньей, Брешей и Комо, Тунисом, Трапезундом и Персией. Это удачно совпало с гибелью марокканского флота, над которым в 1291 году одержал победу генуэзец Бенедетто Заккария. Эта победа обеспечила беспрепятственное судоходство через Гибралтар на долгие годы. Пролив был свободен, Генуя переживала упадок из-за долгой и жестокой ссоры с колонией Пера, расположенной на Босфоре, а потому Венеции доставалась немалая доля в торговле с Англией и Фландрией.

Так под управлением скромного и всеми уважаемого дожа существенно улучшился моральный климат. В самой республике открылось новое производство. В Мурано из Германии привезли мастеров, владеющих новой технологией изготовления зеркал. Из Лукки — целую колонию рабочих шелковой мануфактуры, которые, бежав от конкуренции в родном городе, обосновались на улице Бисса, у

площади Сан-Бартоломео. Из Германии съехалось столько купцов, что к 1318 году им понадобилось отдельное здание — первый Фондако деи Тедески (Fondaco dei Tedeschi)* — Немецкое подворье. Состояние улиц и площадей оставалось отвратительным, конечно же, из-за большого количества свиней из монастыря Сан Антонио, свободно рывшихся по всему городу, за исключением только главного проезда от пьяццы Сан-Марко до Сан-Пьетро ди Кастелло. Выкопали 50 новых колодцев и построили вместительные цистерны для хранения запаса воды. Изобретательные немцы предложили строить ветряные мельницы. Впервые в Венеции появилась муниципальная пожарная служба.

В это же время увеличили Арсенал. Этого потребовали новые достижения в кораблестроении. Примерно в 1275 году появился морской компас, и стало возможным прокладывать гораздо более точный курс, чем раньше. Еще через несколько лет появилось другое нововведение — руль. До этого любое судно управлялось кормовым веслом. Метод был не очень-то действенный, к тому же он налагал ограничения на размеры судна, потому что большие суда легко теряли управление. Кормовой руль позволял управлять сколь угодно большим судном, для этого требовалось только удлинить румпель. При необходимости можно было еще задействовать систему блоков. В результате появились большие корабли. Они могли выходить в море зимой и летом, мореплавание стало круглогодичным, а профессия мореплавателя — гораздо более выгодной.

Наверное, торговля с Англией и Фландрией, как ни одна другая причина, привела к революции в кораблестроении в 1320-х годах. До этого времени на торговых кораблях вес-

---

* Первое здание Фондако деи Тедески в 1505 году сгорело дотла. Нынешнее здание, сразу за мостом Риальто, где теперь находится центральное почтовое ведомство, было построено через три года. Фасад со стороны канала был декорирован Джорджоне, боковая сторона — Тицианом. Говорят, что следы их работы видны и сейчас, но мне ни разу не удавалось разглядеть их.

лами не пользовались, только на военных, где требовалась высокая скорость и маневренность. Активизация торговли после 1300 года потребовала изменения ситуации. Теперь торговцам очень нужна была скорость, а перевозя больше ценных грузов, они нуждались и в лучшей охране. Тогда и придумали торговую галеру. Она была длиннее и шире боевой, даже первые модели могли брать около 150 тонн груза, да еще команду из 200 гребцов. Набрать такую команду из свободных людей* обходилось недешево. Однако затраты окупались экономией времени и почти совершенной безопасностью судна от пиратов, поскольку не многие пиратские корабли могли соперничать по скорости с галерами. Даже в случае внезапного нападения 200 человек могли хорошо защитить судно. Благодаря маневренности галеры существенно снижался риск кораблекрушения возле скалистых берегов. Но самым блестящим достижением за время правления Джованни Соранцо был мир. После беспокойной жизни на протяжении двух десятилетий Венеция отчаянно нуждалась в восстановлении не только после материального ущерба, но и после моральных и духовных потрясений, коснувшихся всех сфер жизни. Пора было остудить гнев, забыть вражду, согласовать свои взгляды на изменившиеся политические условия в Италии и за ее пределами. Соранцо дал своему народу передышку.

Показательно, что одним из самых известных событий за 16 лет его правления стало рождение трех детенышей у пары львов, подаренных королем Сицилии и живших во Дворце дожей. Это счастливое событие, произошедшее в воскресенье 12 сентября 1316 года, в час заутрени, говорят, собрало перед клеткой «почти всех жителей Венеции и приезжих». Толпа была больше даже той, что собиралась за три с половиной месяца до этого свидетельствовать по делу о

---

* Работа таких гребцов хорошо оплачивалась, и им позволялось везти собственный товар беспошлинно. Практика использования на венецианских галерах рабов и каторжников появилась только в середине XVI века.

недоверии судье — делу, как считал дож, государственной важности.

Другое событие, которое можно, оглядываясь назад, считать одним из самых важных, — прибытие в 1321 году Данте Алигьери, специального посланника из Равенны, — похоже, особого интереса в городе не вызвало. Считается (возмутительно!), что из государственного архива том за тот год был утерян. Другие хроники и историки тех времен не проливают света на это событие. Мы знаем о посольской миссии Данте только то, что она была связана с вопросами права судоходства по реке По, что ответ ему был дан невнятный и что, когда пришла пора ему возвращаться, Венеция отказалась обеспечить безопасный путь по самой удобной дороге. Пришлось ему возвращаться через сырые затхлые болота, в результате чего он подхватил лихорадку и умер.

Но как бы ни был дож Соранцо холоден к иностранцам (а Данте он, по его собственному свидетельству, лаской не избаловал), подданные его любили. Его популярности способствовало и то, что он дал новые возможности Большому совету, позволив пустить государственные драгоценности на проведение праздников и отделку представительского государственного корабля «Бучинторо», сверкающего ничуть не меньше, чем драгоценность. С другой стороны, власть совета была, как всегда, ограничена. Овдовевшая дочь Соранцо в 1314 году, по возвращении в Венецию из ссылки, была тут же помещена в монастырь Санта Мария делле Вирджини, в глухом углу района Кастелло. Дож, по традиции, наносил ей формальный визит каждый год, но никогда не просил Совет десити устроить ее освобождение, и когда в 1328 году он в возрасте под 90 лет умер, она все еще оставалась пленницей. Его тело, перепоясанное мечом, в церемониальных золотых туфлях, упокоилось в гробу в зале синьори ди нотти, с южной стороны старого дворца, глядящей на Мало. Оттуда его перенесли в собор Сан Марко, к могиле жены. После погребальной службы его тело положили в простой саркофаг с гербом Соранцо (но без имени и других надписей), который можно видеть и сейчас.

Венецианцы всегда отличались хорошей памятью. Понадобилось более полувека мира и процветания, чтобы забыть черные дни папского интердикта, и пятидесятым дожем они избрали Франческо Дандоло, который благодаря терпению и дипломатическому опыту сумел заставить смягчиться папу в Авиньоне. Рескин пишет, что Дандоло по обычаю «укрылся под обеденным столом понтифика, а когда тот сел за еду, припал к его ногам, обливаясь слезами, и добился отмены запрета».

Злые историки полагают, что свое прозвище Кане (Пес) он получил, когда явился пред его святейшеством с цепью на шее, выражая свою смиренную покорность. На самом деле это прозвище носил еще его отец. Кроме того, его с гордостью носил человек, незадолго до избрания Франческо проявивший себя злейшим врагом республики.

Хотя Кан Гранде делла Скала, деспот Вероны, был только тридцати семи лет от роду, более половины из них он потратил, расширяя свои владения, и теперь управлял не только Вероной, но и Виченцей, Фельтре и Беллуно. Это позволяло ему держать под контролем несколько важнейших проходов в Альпах, а с сентября 1328 года — Падую. Таким образом, дож оказался под угрозой экономической блокады со стороны Вероны. Когда в июле 1329 года веронская армия захватила Тревизо, положение стало отчаянным. Через три дня после захвата Тревизо Кан Гранде был сражен внезапной лихорадкой, и Венеция снова вздохнула с облегчением. Но передышка оказалась недолгой. Появились двое племянников-наследников, один из которых, Альберто, был погрязшим в удовольствиях ничтожеством, зато другой, Мастино, был амбициозен и целеустремлен, как его дядя. Он и продолжил дело. Транзитные сборы на венецианские товары, высокая пошлина на грузы, направляющиеся в лагуну с terra firma (твердой земли), даже если они следовали из венецианских владений, не миновали таможен вдоль реки По — все это венецианцам было очень хорошо знакомо, они сами занимались такого рода

делами. Они отвечали грабительскими поборами со всех торговцев, проезжавших через Венецию в города, находившиеся под контролем Мастино, но эта битва была неравной, и они знали об этом. Падуя, Тревизо и остальные владения Мастино были отрезаны только от рынка восточных предметов роскоши, возможно, они испытывали некоторое неудобство, но никакого серьезного ущерба. С другой стороны, Венеция полагалась, главным образом, на свои материковые продуктовые ресурсы. Во время кризиса 1268 года она как-то изыскала резервные источники, но ее население с тех пор почти удвоилось. Второй раз так повезти уже не могло.

Если и можно было предотвратить катастрофу, то только силой оружия. Но даже теперь большинство в Большом совете высказывалось против такого решения, против был и дож. Посчитали, что Мастино со своей военной мощью может легко одержать победу, а такая победа может означать конец республики. К тому же Венеция, в силу своей особенности, не располагает сухопутной армией, а обращаться к услугам наемников рискованно из-за дороговизны и ненадежности. Да и, как показали дела в Ферраре, вмешательство в политику на материке всегда приводило к поражению. Все эти аргументы были правомерны и убедительны, но положения они не меняли. Фактически у Венеции не оставалось выбора. Ей нужно было сражаться или погибнуть.

У Венеции было одно преимущество. Скорость экспансии Скалигери вызвала обеспокоенность и в других регионах. Даже договариваясь с потенциальными союзниками, Мастино приобретал новых врагов. Брешь ему досталась в 1332 году. У правящей династии Росси он отобрал Парму, у флорентийцев — Лукку. Его неудачи, такие как попытки отнять Мантую у Гонзага или отравить Аццо Висконти в Милане, вызывали такую же ненависть к нему, как и успехи. В результате начал формироваться союз против него. В самой Венеции прошел срочный призыв 40 100 здоровых муж-

чин в возрасте 20–60 лет*. Следуя обычаю, их поделили на группы по 12 человек. От каждой из них, по их выбору, один человек, а затем, если потребуется — второй, третий, вступал в ополчение, остальные оплачивали его содержание. Но, как говорят, в то время многие вызывались добровольцами, не дожидаясь избрания и не прося жалования. В это время вооруженные отряды из Италии, Франции, Германии и Бургундии — все, несомненно, наемные — собрались общим количеством 30 000 человек под Равенной. Ими командовал Пьетро де Росси, самый заслуженный генерал того времени, младший отпрыск семьи, правившей Пармой до того, как ее захватил Мастино, следовательно, человек, который наверняка приложит все силы для победы.

Десятого октября 1336 года в базилике Сан Марко Пьетро получил знамя Святого Марка от дожа Дандоло. Собравшийся вокруг народ громогласно приветствовал генерала. Через пару дней он с армией пересек Бренту и ступил на землю Падуи. 22 ноября, в день святой Цецилии, он взял крепость, защищавшую огромные соляные копи, благодаря которым Мастино надеялся нарушить монополию Венеции. Затем он подступил к Тревизо. Эти первые победы побудили нескольких колебавшихся примкнуть к союзу. Среди них были Аццо Висконти, Луиджи Гонзага Мантуанский и Обиццо д'Эсте, чью семью с 1317 года отстранили от власти в Ферраре. В марте 1337 года в Венеции был подписан новый договор об официальном основании лиги, имевшей целью «уничтожение братьев Альберто и Мастино, синьоров делла Скала».

Треть расходов полагалось оплачивать Венеции, треть — Флоренции, при условии, что Лукка должна вернуться к ее владениям, а треть — остальным городам Ломбардии.

Окруженному врагами и внезапно атакованному с нескольких сторон Мастино ничего не оставалось, как только

---

*Эти данные нам особенно важны, чтобы составить представление об общей численности населения республики в то время. Оно не могло быть меньше 200 000 человек.

просить мира. В Венецию был отправлен его посол Марсилио ди Каррара. Это был странный выбор. Марсилио был деспотом Падуи, пока Мастино несколько лет назад не отобрал ее. И хотя он оставался ее правителем, теперь он был лишь марионеткой в руках Скалигери. Обида Марсилио ди Каррара выросла еще больше, когда его фамильный феод достался Альберто делла Скала, соблазнившему жену его кузена Умбертино. Это можно было уже считать откровенным грабежом. Теперь появилась возможность отомстить. Существует история, как во время своей миссии, однажды вечером, Марсилио ди Каррара остался за столом наедине с дожем. Он уронил салфетку на пол, и оба они встали, чтобы поднять ее.

— Что вы дадите мне, если я отдам Падую в ваши руки? — прошептал Марсилио.

— Власть над городом, — ответил дож.

Этого было достаточно. Договор был заключен*.

В это время Мастино отчаянно оборонял Падую от сил лиги. Однако вскоре Аццо Висконти атаковал Брешу, и ему пришлось срочно отбыть туда. 3 августа ворота открылись, и Пьетро де Росси вошел в город. Альберто делла Скала, неживший, как обычно, в своем дворце, был схвачен и привезен в Венецию пленником. Его брат сражался несколько дольше, но безуспешно. Его империя рушилась, и он в конце концов сдался.

Мирный договор подписали 24 января 1339 года (1338-го по венецианскому исчислению). Условия были очень щадящими. Удивительнее всего, что братьям оставили Лукку, хотя ее крепости и удаленные владения вернулись к Флоренции, и Парму, за скромную компенсацию семейству Рос-

---

* Как ни заманчиво считать, что две величайших дипломатических победы Франческо Дандоло одержаны не за столом, а под ним, однако стоит отметить, что описывающий это событие современник, Лоренцо де Моначис, утверждает, что присутствовал при этом разговоре шепотом и происходил он в лоджии Дворца дожей.

си. К Венеции отошли Падуя, где был восстановлен во власти род Каррара под неявным сюзеренитетом Венеции, и пограничная область Тревизо. Западную часть последней также доверили правлению рода Каррара. А область к северу от Венеции, охватывающая Конельяно, Кастель-Франко, Сачиле, Одерцо и сам Тревизо, остались под прямым контролем республики Сан-Марко.

Впервые в истории Венеции крупная и важная часть terra firma была аннексирована республикой. Преимущества такого шага были очевидны. Город был обеспечен запасом зерна и мяса, возможность экономической блокады свелась к минимуму. Такое необходимое приобретение, сделанное на гребне победы над Скалигери, значительно укрепило моральный дух общества. Победу с большим размахом праздновали на пьяцце Сан-Марко на день святого Валентина, а главные союзники, такие как Каррара, Гонзага и Эсте, были причислены к венецианской аристократии.

Менее очевидными выглядели затруднения, связанные с ролью континентальной державы, которые необходимо было преодолеть Венеции. Главной проблемой стала безопасность границ. Недавняя война усилила позиции Висконти Миланского, который теперь был даже сильнее, чем Скалигери. По счастью, он дальше находился, так что Падуя во главе с Каррарой могла сыграть роль буфера. Но за любой атакой на территорию Каррары последует нападение на саму Венецию. Возникала общая граница с Миланом. В будущем ожидались сложности с границей на северо-востоке, где патриарх Аквилейский и его сосед, граф Гориции, только и ждали случая воспользоваться чужим несчастьем в своих целях.

Но пока все эти трудности казались далекими. И венецианцы энергично и с энтузиазмом приступили к исполнению новых административных обязанностей. Их прошлый опыт управления заморскими колониями помог им принять в Тревизо и других городах нужные меры. Эти территории нельзя было признать феодально зависимыми, подобно

греческим островам. Нельзя было и обходиться с ними, как с торговыми центрами, вроде Модоны, Короны, Акры и Негропонта. Пришлось придумывать новые механизмы, и венецианцы решили запустить в Тревизо и, с некоторыми отличиями, в других городах ту же систему, которая работала в самой республике. Во главе ставили выборного подесту (в маленьких городах их называли capitano или provveditore), порядок избрания которого и полномочия были аналогичны дожеским. Подеста мог быть венецианским аристократом или местным горожанином. Он тоже жил в пышности и богатстве, но почти не обладал реальной властью. Как дож был служителем Совета десяти, так и подеста подчинялся другой фигуре, находящейся в тени, — ректору, всегда венецианцу, постоянно связанному с сенатом и с Советом десяти. Он контролировал полицию, в его ведении было правительство, военное или штатское. Однако ежедневная законодательная деятельность, налоги, связь, гражданские дела — все это было работой муниципального совета, аналога Большого совета Венеции. В Тревизо этот орган насчитывал 300 человек, изрядную часть образованного взрослого мужского населения. Это была не просто эффективная система, это была, без всяких оговорок, демократическая система, особенно когда Венеция стала проводить политику, позволявшую гражданам городов пользоваться личной свободой и независимостью в пределах, ограниченных только соображениями безопасности. Жизнь под управлением Венеции действительно сильно отличалась от той, что была при автократическом деспотизме Скалигери и Висконти.

В конце октября 1338 года, примерно за год до смерти Франческо Дандоло, наконец достроили церковь Санта Мария Глориоза деи Фрари. То был век строительства, и когда эту церковь построили, почти сразу же было принято решение разрушить ее и заменить другой, более просторной, иначе оформленной. Два этих процесса проходили одновременно, но медленно, затянувшись на сто лет. Поэтому, учитывая желание дожа быть похороненным в этой церкви, ее

завершение пришлось ускорить. Он оставил церкви часть состояния, и место для его саркофага нашли в зале капитула, о чем позже сокрушался Рескин. Верхнюю часть церкви расписывал Паоло Венециано. Роспись изображает, как дожа и его супругу святой Франциск и святая Елизавета представляют Деве Марии. Наверное, это старейший из сохранившихся прижизненный портрет вождя Венеции.

Бартоломео Градениго был избран 7 ноября. Его отношения с дожем Пьетро были непростыми, но выбор любого из семейства Градениго означал, что Венеция начинает забывать о событиях тридцати- и сорокалетней давности. Не то чтобы новый дож собирался превзойти своего знаменитого тезку: помимо всего прочего, ему было уже 72 года. Похоже, его и выбрали специально, чтобы заполнить пробел. Первым из кандидатов, очевидно подходящим по своим качествам и популярности, был еще один Дандоло, Андреа. Но Андреа было едва за тридцать, к тому же венецианская традиция не позволяла дважды подряд выбирать дожа из одного семейства, даже если они всего лишь дальние родственники. Пусть, решили венецианцы, почтенный пожилой старший прокуратор с Сан Марко пока подержит этот пост, заполнит паузу, а молодой Дандоло за это время возмужает.

Так и случилось. Бартоломео Градениго довелось править совсем немного, но эти годы не обошлись без происшествий. Во-первых, произошло сильнейшее из наводнений, когда-либо отмеченных в истории Венеции. Несчастье случилось 15 февраля 1340 года, и город уцелел только благодаря чудесному вмешательству святых Марка, Николая и Георгия*.

Через два месяца прибыло посольство из Англии от Эдуарда III и сообщило правительству республики, что само-

---

* Рыбаку, в лодке которого все трое объезжали лагуну с молитвами об избавлении города, святой Марк дал кольцо с наказом передать его дожу. Рыбак передал его. Об этом событии рассказывает живописное полотно Париса Бордоне, находящееся в VI зале Академии.

званый король Филипп Французский отказался решить англо-французские разногласия поединком или испытанием прожорливыми львами, «которые не посмеют тронуть истинного короля». Посему неизбежна война. Эдуард просил предоставить ему на год 40 или более галер, предлагая в залог любую сумму, какую назовет дож, и, кроме того, обещал венецианцам на английской земле все права и привилегии, какими пользуются его собственные подданные. Он также предположил, что если дож пожелает отправить в Англию двух своих сыновей, то они будут приняты с почетом, соответствующим их рангу, и посвящены в рыцари. Градениго ответил, что, когда Восточному Средиземноморью угрожает турецкая армада из 230 судов, Венеция не может выделить ни одного корабля для войны христиан на западе. Тем не менее привилегии, столь великодушно обещанные венецианцам в Англии, принял с благодарностью. Что касается приглашения сыновьям, то он выразил «признательность и глубочайшую благодарность», но сказал, что они не поедут.

Ответ был поистине венецианским, но турецкая угроза оставалась реальностью. Вся Малая Азия уже была потеряна. Османский султан Орхан основал свою столицу в Бурсе, всего в 60 милях от самого Константинополя, а некогда славная Византийская империя, так и не оправившаяся от Четвертого крестового похода, страдала от нападений всех своих соседей, как мусульман, так и христиан, ее раздирали на части гражданская война и религиозные противоречия. Казна империи опустела. Никто не удивился, когда император Иоанн V Палеолог был вынужден отдать венецианским купцам не только все золото и серебро из дворца, но и камни из короны империи*. Значит, если турки войдут в залив, они нападут на Венецию, а потом сразу на Геную — именно тут оседает большая часть товаров. Эта уг-

---

* Внимательные очевидцы коронации Иоанна VI Кантакузина в 1347 году заметили, что все камни в императорских диадемах были стеклянными.

роза заставляла поддерживать добрые отношения между обеими республиками, хотя давний дух соперничества преодолеть было нелегко.

Но пока длился мир, и Венеция оставалась на пике торговой удачи, возможно, самой большой за всю свою историю. И как всегда, когда позволяла политическая и экономическая ситуация, венецианцы опять начали расширять и украшать свою столицу. Первую больницу построили у церкви Сан Франческо делла Винья, большое государственное зернохранилище — на Моло, там, где сейчас расположены два общественных сада, за зданием Новых прокураций. На северном краю города появилась большая церковь и монастырь Серви*. Но что гораздо важнее, перестроили Дворец дожей. Работы начались в январе 1341 года, а в результате здание с его главными — южным и западным — фасадами приняло тот вид, к которому мы привыкли.

Правительство и администрация Венеции обосновались здесь еще со времен дожа Анджело Партечипацио, больше пяти веков назад. С тех пор дворцы дожей появлялись и исчезали. В 1341 году дворцом служило здание Себастьяно Дзиани, к которому в начале века пристроли новый зал Большого совета с восточной стороны (она смотрит на темницы через узкий канал Рио ди Палаццо, через который теперь перекинут Мост вздохов. Но это помещение безнадежно устарело. Назначили комиссию из трех

---

* Ни одно из этих зданий не сохранилось. Больница называлась «Пьета» («Сострадание»), потому что ее основатель, брат Пьеращо Ассизский, собирая пожертвования от дома к дому, кричал: «Pietà, pietà!». В начале XVI века ее перенесли на нынешнее место. Здесь через 200 лет под руководством Антонио Вивальди ее обитательницы основали лучший в Венеции оркестр. Зернохранилище простояло до 1808 года, затем его снес Наполеон, расчищая территорию вокруг здания Новых прокураций, которое он приспособил под свой дворец. Монастырь Серви снесли в начале XIX столетия. Как пишет Рескин, его руины выставлялись на продажу в 1852 году с формулировкой «земля и все остальное, до камня».

человек, чтобы решить, стоит ли его расширять или лучше построить заново в другой части дворца. Комиссия мудро предпочла последний вариант. Тогда решили, что новый зал должен занимать большую часть второго этажа в южной части дворца.

Хотя Дворец дожей уникален в любом отношении, есть у него особенность, отличающая его от правительственных зданий других городов Италии. Почти все они темные и выглядят грозно, отражая насилие, на котором держалась власть в те века. Макиавелли был прав, заметив, что палаццо делла Синьория во Флоренции построено как крепость для гражданских властей. То же самое столетия спустя Джон Аддингтон Саймондс говорил о Ферраре: «Твердыня Эсте, окруженная рвом, с подъемными мостами, двойными дверями, грозно темнеющая над водой, защищенная донжонами, будто угрожает площади, нависая над домами жителей».

В Венеции, наоборот, те, для кого строился палаццо Дукале, не нуждались в защите и не требовали устрашения. Сегодня, глядя на него, думаешь о празднике, о благодарности, галантном обхождении, легкости и яркости, о политической стабильности и надежности, в которых процветала Венецианская республика, единственная среди всех своих соседей.

Работы начались в начале 1341 года под руководством гениального архитектора Пьетро Базеджо и периодически возобновлялись на протяжении 82 лет. На первом этапе закончили возведение нового зала, протянувшегося почти вдоль всей южной стены и того участка до седьмой колонны, что смотрит на Пьяццету. Первый этап закончился примерно к июлю 1365 года, когда Гварьенто покрыл восточную стену огромной фреской, изображавшей венчание Девы в раю*. Со стороны Моло добавили центральный балкон, как гласит надпись, только в 1404 году, но и тогда внут-

* После пожара ее заменили на вариант Тинторетто. Остатки фрески Гварьенто сохранились в другой комнате Дворца дожей.

ренняя отделка еще не была закончена, поскольку записано, что Большой совет не мог заседать в зале до 1423 года. В том же году решили расширить фасад со стороны Пьяццетты до той длины, какова она сейчас. Значит, только в 1425 году здание предстало во всем своем великолепии, в самый канун эпохи Возрождения. Еще полвека — и прекрасный замысел не осуществился бы, вкусы сменились увлечением античным классицизмом, и величайший образец светской готической архитектуры навсегда мог бы быть потерян*.

---

* Дворец, к счастью, избежал гибели в 1577 году, когда Палладио призывал снести пожароопасные постройки и заменить все новым зданием по собственному проекту.

Глава 16

АНДРЕА ДАНДОЛО И МАРИНО ФАЛЬЕРО (1342–1355)

Но был ли князь, вступивший
С народом в заговор свободы — жизнью
За вольность подданных своих рискуя?*

Дж. Г. Байрон. Марино Фальеро, дож венецианский

Богатый, благородный, снискавший славу. Андреа Дандоло выделялся среди представителей своего поколения. В 1333 году, еще в молодости, он был выбран подестой Триеста. Через три года, во время войны со Скалигери, он служил provveditore in campo, совмещая функции полевого комиссара и финансового служащего. Затем он выделился как преподаватель права в университете Падуи, где стал первым доктором-венецианцем. До конца жизни ему было суждено остаться ученым, и хотя он умер, не дожив и до пятидесяти лет, после себя он оставил свод старых законов Венеции, собрание всех договоров, подписанных Венецией со странами Востока («Liber Albus»), со странами Италии («Liber Blancus»), и две книги на латыни. Одна — история Венеции до времени написания, и вторая — история мира от сотворения до 1280 года. В общем, 28 декабря 1342 года, когда умер Бартоломео Градениго, его похоро-

* Перевод Г. Шенгели.

нили в саркофаге, который до сих пор стоит в нише, с северной стороны атриума Сан Марко, несомненно, что Андреа Дандоло был самым очевидным его преемником. Конечно, ему еще не было и сорока лет, и для дожа он был очень молод, но недостатки молодого возраста легко перевешивались очевидными его достоинствами. Предполагалось, что за его избранием последует долгое, безмятежное и мирное правление.

Увы, предположение не оправдалось. Поначалу все шло благополучно, но в это время папа создал лигу для осуществления крестового похода против турок. Она объединила Византийскую империю, королевство Кипр и родосских госпитальеров, а также папскую область и саму Венецию. Венецианский флот из пятнадцати галер захватил несколько стратегических объектов на побережье Анатолии, в том числе город Смирну. Смирна оставалась в руках христиан еще полвека, но сама лига вскоре развалилась, заключив напоследок деловое соглашение в истинно венецианском духе. Согласно этому договору, за защиту христианского Средиземноморья папа даровал Венеции право забирать себе церковную десятину следующие три года.

Одно из государств особенно отличилось своей безучастной позицией в лиге. Формально последние сорок лет Генуя находилась в мире с Венецией, но жесточайшее торговое соперничество между обеими республиками стало только сильнее, и отношения их были, мягко говоря, натянутыми. Как и прежде, областью главных разногласий был Крым. Именно здесь, и прежде всего в портах Каффа и Солдайя (современный Судак), караваны регулярно закупали меха и рабов с русского севера, тюки шелка из Центральной Азии, все пряности из Индии и Дальнего Востока. Здесь ставки были высокими, конкуренция отчаянной, отношения жесткими и часто вспыхивали ссоры. В 1344 году положение стало получше: из-за нападений татарских племен венецианцам и генуэзцам пришлось держаться заодно. Дож Генуи — а это был не кто иной, как Симон Бокканегра, герой оперы Верди, — отправил в Венецию посольство с предло-

жением совместно бойкотировать татарские товары. Но татары, когда они не проявляли активной враждебности, были самым предпочтительными торговыми партнерами, и соглашение было обречено еще до его подписания. Генуэзцы нарушили его почти сразу же. Венецианцы, чья выдержка оказалась покрепче, протестовали, добавив, что генуэзские торговцы в Трапезунде незаконно запрещают им укреплять свой квартал в городе. В ответ им сказали только, что Трапезунд — область влияния Генуи и что венецианские купцы находятся там, а на самом деле и по всему побережью Черного моря, исключительно благодаря терпению и милости Генуи. Это выглядело не чем иным, как прямым вызовом всей законной торговле Венеции в этом регионе. Казалось, война неизбежна. Ее отложили только из-за бедствия, по сравнению с которым даже венецианская торговля ушла на второй план.

Среди ценных грузов, регулярно вывозимых венецианскими и генуэзскими купцами из Крыма в начале 1348 года, оказались самые судьбоносные четвероногие в истории — крысы, принесшие в Европу «черную смерть». К концу марта Венеция превратилась в очаг чумы, а с началом лета усилилась жара, и люди стали умирать по 600 человек за день. Комиссия из трех человек, назначенная дожем для контроли распространения болезни, оказалась бессильна. Для вывоза тел приспособили специальные баржи. Тела вывозили на дальние острова лагуны, где их надлежало укрыть не менее чем пятью футами земли. Этих мер скоро оказалось недостаточно, и, несмотря на постоянно раздававшийся над каналами крик лодочников: «Corpi morti! Corpi morti!» («мертвые тела»), множество мертвецов оставалось лежать в домах. Врачей почти не было, за первые несколько недель почти все они или умерли, или сбежали*. Отчасти, чтобы

---

* В книге Цитлера читаем: «Некто Франческо из Рима 17 лет работал врачом в Венеции. Когда он вышел в отставку, ему предложили ежегодную плату в 25 золотых дукатов, если он останется в Венеции на время чумы... Когда у него спросили, почему он

смягчить небесную кару проявлением милосердия, отчасти потому что охранять тюрьмы все равно было невозможно, оттуда выпустили должников и всяких негодяев. Когда эпидемия наконец схлынула, оказалось, что вымерло не менее пятидесяти благородных семейств, а Венеция потеряла две трети населения.

Генуя отделалась немногим легче. Можно представить, что после такого бедствия соперничество между ней и Венецией хотя бы на время будет забыто, а предложенный ранее союз против татар вскоре будет возобновлен. Однако в 1350 году генуэзцы внезапно, без всякого повода, захватили несколько венецианских судов, стоявших на якоре в порту Каффы. Посольство, отправленное Дандоло в Геную с протестом и требованием компенсации, было встречено, как обычно, с возмущением. Вопрос о войне, так долго витавший в воздухе, встал со всей серьезностью. Первой победы венецианцы добились, когда флот под командованием Марко Руццини захватил и уничтожил 10 из 14 генуэзских кораблей, стоявших в гавани Негропонта*. Месть генуэзцев не заставила себя ждать. Четыре их уцелевших судна ушли на Хиос, остров, недавно приобретенный у Византии, и там, по счастливой случайности, обнаружили 9 галер, готовых к бою. Под командованием Филиппо Дории все 13 судов быстро вернулись в Негропонт и в ноябре захватили его и разграбили. В результате было захвачено 23 венецианских торговых судна.

Для Венеции потеря одной из самых ценных ее колоний была тяжелой и унизительной. Местного байло приговорили к суду, но оправдали. Из Руццини, ушедшего за подкреплением на Крит, сделали козла отпущения и отстра-

---

не бежит вместе со всеми, он гордо ответил: "Лучше я умру здесь, чем буду жить где-то еще"».

* Поскольку весь остров (современная Эвбея) был венецианской территорией, нам остается сделать вывод, что генуэзские капитаны не ожидали враждебных действий, следовательно, их застали врасплох.

нили его от командования. Однако война не закончилась, предстояли новые жестокие сражения. По счастью, Венеция располагала потенциальными союзниками. Король Педро Арагонский, раздраженный растущим генуэзским влиянием в Западном Средиземноморье, согласился предоставить 18 полностью снаряженных боевых кораблей, если Венеция оплатит две трети стоимости их снаряжения. Даже в Константинополе — как ни печально было его финансовое положение — император Иоанн VI радовался возможности поставить на место генуэзцев, которые не только постоянно разоряли его столицу, перетягивая всю торговлю в свою галатскую колонию (где оборот был в 7 раз больше, чем в самом Константинополе), но и решили по собственному разумению управлять такими византийскими островами, как Хиос и Митилена. С другой стороны, он не хотел помогать только ради того, чтобы сменить генуэзцев на венецианцев. Он охотно предоставил дюжину снаряженных и вооруженных галер на условиях, что Венеция оплачивает тоже две трети снаряжения, а в случае победы Галата должна быть разрушена до основания, а острова после разграбления возвратились бы к империи так же, как и камни из короны, отданные в уплату 7 лет назад.

Соглашению предшествовали долгие переговоры. Арагонский договор подписали только в июле 1351 года. К тому времени, как союзный флот объединился в Мраморном море, закончился сезон, и начинать крупномасштабные действия было уже поздно. Однако каждая сторона вверила свою судьбу выдающемуся адмиралу. Венеция — Николо Пизани, а Генуя — еще одному представителю славной фамилии, блиставшей в истории города на протяжении более пяти веков, — Паганино Дориа. 13 февраля 1352 года оба флота встретились у входа в Босфор, под стенами Галаты.

Паганино, защищавший свои воды, имел преимущество позиции и построил свои корабли так, чтобы нападавшие не могли к ним приблизиться без большого риска сломать собственный строй. Пизани сразу заметил ловушку, море было неспокойно, короткий зимний день подходил к концу.

и атаковать было неразумно. Но арагонский командующий ничего не желал слушать. Прежде чем Пизани успел его остановить, он обрубил канаты и бросился на генуэзцев. Венецианцам ничего не оставалось, как только последовать за ним.

Дальнейшая битва стала прямым противостоянием Венеции и Генуи. Византийцы почти сразу отошли, не вступив в бой. Арагонец после злополучного героического порыва задержался в бою не надолго. Двум главным морским державам того времени оставалось драться между собой. Они это делали, предусмотрительно оставив в резерве четверть сил с каждой стороны. На кораблях разгорелся пожар, который ветер быстро разнес по обоим флотам. Так они и сражались до глубокой ночи при свете горящих кораблей. Наконец венецианцы, против которых были и ветер, и течение, отступили. Они потеряли бóльшую часть своих галер и около 1500 лучших бойцов. Эта потеря была тем тяжелее, что со времени чумы прошло только четыре года. Но когда рассвело, генуэзцы увидели, что их потери почти так же велики, поэтому, опасаясь общей паники, Паганино предпочел скрыть их от граждан Галаты. Однако стратегически победа была на его стороне, хотя и обошлась дороже многих поражений. Вопрос о преследовании венецианцев не поднимался, скорее вставал вопрос, стоит ли праздновать такую победу. Как замечает генуэзский хронист того времени Джорджо Стелла, «я не заметил, чтобы отмечалась годовщина этой даты, дож не посещал никакой церкви для благодарственного молебна, как это делалось в других подобных случаях. Быть может, из-за того, что столько храбрых генуэзцев пало в той битве, о победе решили забыть».

Несмотря на потери в Босфорской битве, позиции Генуи в Галате оставались такими же сильными, как и прежде. Напротив, положение императора Иоанна VI становилось все более опасным. Теперь ему приходилось сталкиваться не только с денежными заботами, но и с многочисленными

врагами, окружавшими империю. Росла угроза и самому трону — трону, на который не находилось законных претендентов, который 5 лет назад был отнят у настоящего правителя, Иоанна V Палеолога. Палеолог не был смещен. Кантакузин предпочел женить его на своей дочери и оставить в звании соимператора, лишив какой бы то ни было власти. Однако мальчик подрос, и подчиненное положение начало его уязвлять. Вскоре он превратился в лидера оппозиционных сил, и в 1352 году империя оказалась на пороге гражданской войны. Кантакузин всегда ненавидел генуэзцев, но теперь, отчаявшись в союзниках, он больше не мог противостоять им ни политически, ни экономически. В мае он, понятно с каким чувством в душе, подписал соглашение, позволяющее генуэзцам расширить свои владения в Галате и запрещающее торговлю в Азовском море всем прочим, включая и местных греков.

Для Венеции это был еще один удар. Его удалось в некоторой степени смягчить, получив у Иоанна Палеолога в вечное пользование стратегически важный остров Тенедос за 20 000 дукатов. В то же время стало понятно, что Босфорское сражение ничего Венеции не дало. Направили помощь арагонскому королю, посчитав, что его поддержка будет полезнее в Западном Средиземноморье, чем в Леванте. К новому театру военных действий отплыл Николо Пизани, счастливо уцелевший на Босфоре. Его доблесть сомнению не подвергалась.

Остров Сардиния долгое время был камнем преткновения между Генуей и Арагоном. К прибытию туда Пизани испанцы блокировали порт Альгеро, одновременно готовясь к нападению остатков генуэзского флота, уже появившихся на горизонте. Венецианские корабли прибыли как раз вовремя. Испанский адмирал с готовностью предоставил Пизани верховное командование. Генуэзцы пришли в смятение, увидев перед собой значительный флот вместо тех скромных сил, на которые рассчитывали. Когда они подошли, на каждой венецианской мачте вдруг взвился стяг святого Марка. Это произвело на генуэзцев эффект, близкий к

панике. Они храбро защищались до последнего, но полетели абордажные крючья, и их одолели и числом, и удачным маневром. (Пизани соединил между собой все галеры, кроме десяти, и воины бились плечом к плечу.) Генуя потеряла 41 корабль. Только 9, включая флагман адмирала Антонио Гримальди на буксире, смогли вернуться домой.

Это произошло 29 августа 1353 года. Босфорское поражение Венеции с лихвой было отомщено. Когда в Генуе получили известие о битве у Лоиеры, его восприняли даже не со смятением, а с отчаянием. В уныние впал весь город. Народ ожидал гибели некогда славной республики, обреченной теперь на позор и рабство. Но Генуя уже имела опыт поражений, а свежий пример Венеции показывал, как быстро можно от них оправиться, так что поначалу (это видно и из венецианских летописей, и из генуэзских) значение этого сражения переоценили. Правда, нужно понять, что это не было обычное стратегическое отступление. Генуэзцы слишком хорошо представляли себе возможные его последствия. Теперь их враги контролировали все Средиземноморье, отрезав их не только от Леванта и Крыма, главных источников их богатства, но и от всех основных пищевых ресурсов. Город, расширявшийся последнюю сотню лет, заставил генуэзцев проложить дороги через узкую полоску плодородной земли между горами и морем, единственную пригодную для сельского хозяйства землю поблизости. Таким образом, Генуя тоже сильно зависела от привозных товаров, как из Ломбардии, так и заморских. Но Ломбардия к тому времени была для нее закрыта. Проходы в горах блокировал другой враг — Джованни Висконти, повелитель и архиепископ Милана.

Так что в эти последние дни лета 1353 года у генуэзцев были все причины для уныния. Положение было отчаянным, и в передышке они тоже нуждались отчаянно. Еще не кончился сентябрь, как она наступила. Из трех зол, угрожавших генуэзцам — Венеции, Милана и голода, — они выбрали меньшее. К архиепископу Джованни Висконти от-

правили посольство с просьбой о помощи в продолжении войны лишь с двумя условиями: сохранение в Генуе ее законов и расположение на боевых кораблях красного креста святого Георгия выше змеи Висконти.

Венецианцы, конечно, пришли в ярость. Но и устрашились. У них украли победу в последний момент, когда они уже готовились праздновать окончательное поражение соперника. Хуже того, Милан, который уже обрел слишком сильное влияние, чтобы быть спокойным на его счет, теперь усилил его больше прежнего. Венеции необходимо было обзаводиться сухопутной армией, потому что от миланских территорий ее отделяли только владения вассалов Каррара в Падуе, за которые предстояло вскоре воевать с Висконти. Положение осложнялось тем, что в эту схватку могли включиться, помимо Генуи, другие города Ломбардии. Поспешно формировался союз материковых городов, тоже ощущавших миланскую угрозу: Монферрат и Феррара, Верона, Падуя, Мантуя и Фаэнца. Возглавить его венецианцы уговорили Карла IV Богемского, которому вскоре предстояло стать императором Священной Римской империи. Все это совершилось очень быстро и, как утверждает летопись Лоренцо де Моначиса, «за невероятные деньги», но и Висконти занимался подкупом, так что участников союза вскоре поубавилось. Карл обогатился на 100 000 венецианских дукатов, не ударив палец о палец.

Однако архиепископ Джованни Висконти воевать не спешил. Напротив, он прислал в Венецию посла с мирным предложением. Послом этим был знаменитый, величайший после Данте поэт-дипломат Франческо Петрарка. Петрарка уже писал дожу Дандоло — гуманисту и личному другу — три года назад. Он призывал к миру с Генуей во имя объединения Италии. Сейчас он вновь призывал к тому же, уже устно, со всем красноречием, на какое был способен, убеждал венецианцев протянуть его повелителю руку дружбы и принять очень выгодные условия. Позднее, в письме от 28 мая 1354 года, он признал, что его поездка была бесполезной:

Я расточал много слов на ветер. Я приехал, исполненный надежды, а возвращался в сожалениях, стыде и страхе... Ни мои слова, ни слова самого Цицерона не смогли бы ни достичь старательно затыкаемых ушей, ни открыть упрямых сердец.

Венецианцев и вправду не впечатлил Петрарка, как не впечатлил их и Данте за 33 года до этого. Они уже пережили первое потрясение от союза Генуи и Висконти, и, поскольку прямая угроза нападения с материка миновала, к ним возвращались обычная самоуверенность и храбрость. Если архиепископ действительно хочет мира, это значит только, что он не готов к войне. Сами же они были сильны, как никогда, во всяком случае на море. Вискоти там или кто еще, но они твердо решили закрепить свою победу у Лоиеры и нанести сопернику новый удар, на этот раз сокрушительный. Их не интересовали цветистые речи в палате аудиенций дожа, их интересовал ход дела в доках Арсенала.

Тем временем Генуя возобновила военные действия. В начале 1354 года она послала эскадру легких судов в Адриатику, где та напала на острова Лесина и Курзола* у далматского побережья и сильно их разорила. Когда весть об этом дошла до лагуны, венецианцы снарядили свою эскадру для охраны пролива Отранто между склонами Апулии и Корфу. А в это время 14 тяжелых галер под командованием Николо Пизани бросились на поиски грабителей. Не найдя их, Пизани пошел к Сардинии, где Педро Арагонский все еще осаждал Альгеро. Это было жестокой ошибкой. Паганино Дориа, под командованием которого снова находился генуэзский военный флот, усмотрел в этом шанс отыграться. Зная, что противник далеко на западе, он подошел ко входу в Адриатическое море и незаметно проскользнул мимо свежепоставленных венецианских засад. Теперь не было смысла отвлекаться на всякую чепуху вроде прибрежных островов. Зайдя прямо в залив, он захватил Паренцо на

---

* Фарос и Курчола.

берегу полуострова Истрия. До самой Венеции оставалось около шестидесяти миль.

В момент крайней опасности венецианцы сохранили рассудительность. Назначили генерал-капитана с особыми полномочиями, чтобы принять для защиты города все меры, какие он сочтет необходимыми. Под его командой состояли 12 аристократов, каждый с тремя сотнями людей. Они провели среди городского населения экстренную мобилизацию. Ввели особый налог, а некоторые обеспеченные горожане оснащали галеры на свои средства. И наконец, из плотов и цепей построили огромное заграждение от церкви Сан Николо ди Лидо до форта Сан-Андреа ди Лидо.

Наверное, известий о принятых мерах, в особенности о последней, было достаточно, чтобы отвратить Паганино Дориа от попыток действовать дальше. Но скорее всего, он и не помышлял о большем, нежели показать миру, что Генуя не повержена на море, и тем более на суше, и не боится ни Венеции, ни кого другого. Если так, то он со своей задачей справился. Генуэзцы вернулись в Адриатическое, затем в открытое море и проследовали к Эгейским островам. До этого момента венецианцы не предпринимали никаких попыток догнать или остановить корабли Дориа. Но вернулся от берегов Сардинии Николо Пизани. Он предположил, что рано или поздно Паганино появится в генуэзской колонии на Хиосе, чтобы пополнить запасы, и пошел в том же направлении. Через несколько недель он нашел генуэзцев там, где и ожидал, с той поправкой, что Дориа поджидал еще дюжину галер из родного города и не собирался выходить из гавани неподготовленным. До начала следующего сезона (а был уже октябрь) ждать его не стоило. Не солоно хлебавши Пизано отступил на зимовку в Портолунье, на юго-западе Пелопоннеса, напротив острова Сапиенца.

Тем временем Паганино Дориа решил не зимовать на Хиосе. Подошли его галеры, и до конца месяца он отплыл домой. Однако дул встречный ветер, и ему пришлось пристать к берегу, как раз в паре миль от расположения венецианского флота. Пока он ждал погоды, Джованни, его пле-

мянник, попытался, видимо из чистого любопытства, на легкой трireме осмотреть расположение венецианцев. Вернувшись, он рассказал дяде, что враг очень плохо защищен и его легко захватить. Паганино Дориа не колебался. 4 ноября, пользуясь беспечностью венецианцев, он на галерах вошел в Портолуньо. Большая часть состава венецианских экипажей отдыхала на берегу. Те же, кто оказался на борту, серьезного сопротивления оказать не смогли.

> Можете себе представить, — жалуется Лоренцо, — сражение между вооруженными мужчинами с одной стороны и безоружными женщинами — с другой.

Венецианский флот насчитывал 56 судов, в том числе 33 галеры. Захвачены были все. Часть моряков бежала в Модону, часть была взята в плен. Погибли около 450 человек, большинство из них предположительно от переохлаждения в осенней воде.

Пизани был среди бежавших. В случившемся была не только его вина. Он приказал одному из своих капитанов, Николо Кверини, на 12 галерах охранять вход в гавань. Именно небрежение Кверини к службе (а некоторые считают это предательством) стало причиной поражения. Но поражение было несомненным: гораздо большим, чем в Босфоре, самым большим за всю историю республики. По возвращении в Венецию и Пизани, и Кверини были призваны к суду, приговорены к большим штрафам и лишены полномочий. Но если Кверини их лишили только на 6 лет, несчастный Пизани больше никогда не смог командовать ни на суше, ни на море.

Смерть, как писал Петрарка архидиакону Генуи, была благосклонна к Андреа Дандоло, «она уберегла его от зрелища его поверженной страны и гораздо более жестоких посланий, чем те, что пришлось написать ему мне». На самом деле, дож умер за два месяца до поражения в Портолуньо, 7 сентября 1354 года, и был положен в пышный готический саркофаг в баптистерии Сан Марко. Он стал последним ве-

нецианским правителем, похороненным в соборе*. Его смерть в 47 лет была двойной трагедией. Европа потеряла выдающегося ученого-гуманиста столетия, а в Венеции на пост дожа выбрали старика, которому предстоял год бесчестья и смерть на эшафоте.

Марино Фальеро был представителем одной из самых старых благородных фамилий Венеции, давшей республике уже двух дожей. В свои 76 лет он все еще вел активную общественную жизнь, будучи послом Венеции при папском дворе в Авиньоне. Этот пост он считал кульминацией своей жизни, посвященной различной государственной службе, но тут прибыли посланники с известием об его избрании. Еще в 1312 году его имя встречается в хрониках в связи с избранием дожа Соранцо, а между 1315 и 1327 годами — как участника Совета десяти. Возможно, он имел отношение к ликвидации Баймонте Тьеполо. В свое время он командовал флотом на Черном море, занимал должность старейшины (savio) в нескольких комиссиях, управлял в качестве подесты Кьоджей, Падуей и Тревизо. А всего за два года до избрания он выступал делегатом от республики, когда Карл IV разбирал очередную претензию венгров на Далмацию. Во время этой миссии Карл посвятил его в рыцари за старания и отдал ему во владение Валь Марино, у подножья Альп. За время своей деятельности Марино Фальеро прославился тем, что был скор на гнев и на прощение. В 1339 году на должности подесты Тревизо он прилюдно дал пощечину епископу, опоздавшему на шествие. Как показали последующие события, с возрастом его нрав не переменился.

Летописцы со вкусом описывают дурные предзнаменования по его приезде в Венецию. Кроме всего прочего, как

---

* Рескин описывает его гробницу и гробницу святого Исидора в северном трансепте как «лучшие образцы венецианской монументальной скульптуры». Дандоло представлен на мозаиках и в часовне Святого Исидора, и в самом баптистерии, где над алтарем висит его мозаичный портрет.

говорят, всю первую неделю октября город был окутан плотным облаком тумана, такого густого, что «Бучинторо», везший нового дожа из Кьоджи, не смог подойти к Моло. Фальеро со свитой пришлось пересаживаться на маленькие плоскодонные лодки — piatte, бытовавшие до изобретения гондолы. Но даже и тогда они пропустили пристань у Понте делла Палья (Соломенного моста) и высадились в конечном итоге на Пьяццетту, так что дожу пришлось подойти ко Дворцу со стороны двух колонн, а это традиционное место казни злодеев.

Не прошло и месяца со дня его восшествия на трон и провозглашения торжественного обещания (promissione), ограничивавшего его власть, как пришли вести с Пелопоннеса, и над только что начавшимся правлением сгустились тучи. Но даже такая катастрофа, как Портолунье, не могла омрачить венецианцам церковного праздника, и в начале 1355 года, в последний четверг перед Великим постом, они праздновали жирный четверг — Giovedi Grasso. Согласно народным традициям, вокруг Пьяццы и Пьяццетты ловили свиней в память о том, как мощи святого Марка перевозили, укрыв от неверных свининой. Устраивали акробатические представления, чисто венецианского свойства — так называемые Forze di Ercole («геркулесовы упражнения»), когда группа людей взбиралась друг другу на плечи, образуя живые пирамиды, или Volo del Turco («турецкий полет»), когда по канату соскальзывали с головокружительной высоты колокольни на Пьяццетту.

Когда закончились народные празднества, дож устроил во дворце обычный пир. Вот тут-то, по всеобщему мнению, и начались неприятности. Среди гостей находился молодой человек. Позднее сложилась безосновательная легенда, что это был будущий дож, Микеле Стено. Этот человек спьяну начал нескромно привлекать к себе внимание одной из служанок жены дожа. Фальеро велел его вышвырнуть, но перед тем, как покинуть дворец, буян умудрился проникнуть в зал Большого совета и оставить на троне надпись:

Марин Фальеро жену-красавицу
Содержит, а другие тешатся*.

Таким образом предполагалось уязвить дожа, но его ярость была еще сильнее, чем настрой кварантии. Вместо того чтобы произнести несколько суровых слов, принять во внимание возраст юноши и хорошую его репутацию, слегка наказать, заставить принести извинения и отпустить восвояси, сварливый старик разбушевался со всей нетерпимостью старого человека к нахальному и дерзкому новому поколению. Но его власть ограничивалась рамками клятвы, и он развернул привычные ему интриги среди правящей касты, чтобы осуществить свою месть. Он требовал, чтобы приняли закон, защищающий его честь и достоинство и карающий тех, кто на них посягнул. Если закон против них будет бессилен, он обещал заняться обидчиками сам.

Еще несколько случаев укрепили его в этом решении. Двое очень почтенных граждан, один — капитан корабля, другой — некто Стефано Пьяцца по прозвищу Гизелло, начальник Арсенала, представили, независимо друг от друга, жалобы на то, что они были оскорблены публично и телесно молодыми аристократами. Тогда дож, видимо, забывший, как он сам ударил епископа Тревизо, посочувствовал им, но указал на сложность дела и напомнил, что даже он сам претерпел оскорбление от подобных людей. Гизелло

---

* Marin Falier de la bella mujer
Lu la mantien e altri la galde.

Этот стих приводит Марино Сануто в книге «Жизнь дожей». Он пишет через сто с лишним лет после этих событий, и факты вполне могут быть вымышленными. Тем не менее этот текст позволил многим историкам и летописцам предположить, что объектом внимания юноши была сама догаресса. Однако же, хоть она и была второй женой дожа и гораздо моложе своего супруга, ей все же было далеко за сорок, что делает такое предположение сомнительным.

мрачно пробормотал: «Опасных тварей нужно связать. Если на них нет управы, их надо уничтожить».

Так у Фальеро появился союзник, и весьма могучий. Служители Арсенала были хорошо обученной и надежной провоенной организацией с давними традициями личной преданности дожу, поставлявшей ему телохранителей на все торжественные шествия. Так возник заговор. Ночью 15 апреля в городе должны были спровоцировать беспорядки, пустив слух о приближении генуэзского военного флота. Население высыпало бы на пьяццу Сан-Марко, где член правящей фамилии, Бертуччо Фальеро, ожидал бы с вооруженным отрядом арсеналотти, выделенных для охраны дожа, и убивал бы всех молодых аристократов, какие попадались на глаза. Марино Фальеро предстояло объявить князем Венеции и утвердить этот титул.

История знает бесчисленные примеры аристократов, восставших против своего класса и возглавивших народное движение. Однако мало кто это проделывал на исходе восьмого десятка, и к тому же находясь в положении главы государства. В таких обстоятельствах мотивом не могут служить амбиции и личные интересы. Похоже, Фальеро двигала просто ненависть и злоба, желание одним всепобеждающим усилием отогнать наступающую старость. Вполне могло быть, что Гизелло и его подручные, видя это, воспользовались положением и сделали старого дожа своей марионеткой. Если так, то дож был не вдохновителем заговора, а скорее его жертвой. Но трудно сочувствовать человеку, который, обладая высшей властью, пытается силой, самым кровавым и жестоким образом уничтожить правительство, а в конечном счете — класс, его породивший. К счастью для Венеции, он добился только собственного падения.

Два заговора против республики видел уже XIV век. Оба они провалились из-за неспособности заговорщиков держать рот на замке. И вот — снова та же история! Один из заговорщиков, торговец мехами из Бергамо по имени Бельтраме, предупредил богатого клиента, чтобы тот не

выходил на улицу 15 апреля. Клиент пошел прямиком к дожу и в простоте душевной передал ему предупреждение. Однако реакция Фальеро вызвала у него подозрения и желание донести предупреждение до других, более склонных к вниманию ушей. В квартале моряков Кастелло, возле Арсенала, главного центра беспорядков, некто Марко Нигро получил сходное предупреждение. Можно подумать, что и еще кто-то, включая и самого дожа, был не так молчалив, как полагалось, поскольку Совет десяти получил сообщения по меньшей мере из двух, а может, из трех или более источников. Совет действовал со своей обычной оперативностью. Первую же встречу провели тайно в монастыре Сан Сальваторе, чтобы выяснить, замешан ли в этом лично дож. Вскоре, когда проверили факты, был собран Большой совет во дворце. Присутствовали синьория, прокуроры (avogadore), кварантия, синьоры ди нотте, главы сестьере и пятеро мировых судей (cinque della pace), но примечательно, что на совет не позвали двух человек с фамилией Фальеро. Один их них был avogadore, а другой — член Совета десяти.

В день, назначенный для переворота, приняли все меры. В каждом приходе вооружили самых верных людей и отправили их на Сан-Марко. Эта милиция насчитывала 6–8 тысяч человек и могла погасить любые беспорядки. Отряд из ста всадников готов был по тревоге прибыть в любой район города. Тем временем начались аресты, вскоре последовали и приговоры. Бертолуччо Фальеро повезло — его лишь пожизненно посадили в темницу. Десять других лидеров были приговорены к повешению из окон дворца, смотрящих на Пьяццетту*. По злой иронии судьбы, среди

---

* Николо Тревизан, бывший в то время одним из участников Совета десяти и оставивший наиболее ценное свидетельство, отмечает, что их повесили между «красных мраморных колонн». Множество историков, в том числе и Рескин, считают, что это две колонны под вторым окном слева, выходящим на Пьяццет-

казненных был Филиппо Календарио, который вслед за Базеджо был главным архитектором дворца. В день ареста он работал над южной стороной.

Настало время решить судьбу самого дожа. Совет десяти, решив, что он не вправе брать на себя такую ответственность, призвали собрать zonta* — особо предусмотренный расширенный его состав для исключительных случаев, к совету добавлялись еще 12 аристократов. Однако их решение было очевидным. Фальеро не пытался отрицать свое участие в заговоре. Он во всем сознался, признал свою вину и был готов к заслуженной высшей мере наказания. Приговор вынесли 17 апреля. Следующим утром, на рассвете, старика привели из его личных апартаментов в зал Большого совета, потом на верхнюю площадку мраморной лестницы, спускавшейся с лоджии второго этажа во внутренний двор дворца**.

С него сняли знаки отличия, его дожескую шапочку корно заменили на обычный головной убор. В короткой речи он попросил у республики прощения за свою измену и подтвердил справедливость приговора. Потом его голову уложили на подставку и казнили с одного удара***.

Двери дворца, запертые во время казни, открыли, и тело вынесли к народу. На следующий день его в простой лодке увезли в семейный склеп в часовне Санта Мария делла Пасе,

---

ту. Но, как мы знаем, этот западный фасад тогда еще не был построен. Колонны могли принадлежать старому византийскому дворцу, архитектором которого был Себастьяно Дзиани.

* На венецианском диалекте эквивалент итальянского «aggiunta», что означает «дополнение».

** Нынешней Лестницы гигантов (Scala dei Giganti) еще не было. Возможно, лестница, на которой состоялась казнь, находилась с южной стороны двора, сразу за стеной зала Большого совета.

*** В Коллекции Уоллеса имеется прекрасное изображение этой сцены работы Делакруа. Возможно, чуть романтизированное, оно, пожалуй, гораздо более точное и наверняка более драматичное, чем в пьесе Байрона о Марино Фальеро.

между церковью Санти Джованни э Паоло и скуолой Сан Марко. Похоронили его в могиле без надписи*. Все имущество Фальеро конфисковали, исключая лишь 2000 дукатов, которые он перед казнью попросил оставить для жены в знак того, что он ей верит, несмотря ни на какие сплетни. Щедро наградили и тех, кто помог раскрытию заговора. Марко Нигро из Кастелло получил пожизненную пенсию по 100 золотых дукатов в год и несомненно полезную привилегию носить оружие для своей защиты в любом месте. Торговцу мехами Бельтраме полагалось не меньше 1000 дукатов, но он оказался настолько глуп, что потребовал недвижимость Фальеро на площади Санти Апостели и постоянное кресло в Большом совете. Когда ему отказали, он такого наговорил о правительстве, что его бросили в тюрьму, а когда он оттуда вышел, то был убит одним из друзей бывших заговорщиков.

Теперь Совет десяти не мог вписывать имя дожа в свои протоколы. Там, где оно должно было ставиться, оставляли пустое место и слова «non scribatur» («не записано»). Однако спустя десятилетие, когда позор и потрясение сгладились временем, стали поступать менее деликатно. 16 марта 1366 года решили, что изображение Фальеро следует удалить с фриза портретов дожей, который находится в зале Большого совета. Портрет заменили нарисованным черным покрывалом с надписью, четкой и понятной для любого читающего:

«Hic est locus Marini Faledri decapitate pro criminibus»**.

---

* Могилу его обнаружили в середине прошлого века, там находился скелет, череп которого лежал между колен, кости рассыпались. Саркофаг, несколько лет прослуживший емкостью для воды, был неожиданно найден под портиком Музея естественной истории, бывшим Фондако деи Турки.

** «Это место Марино Фальеро, обезглавленного за преступления». Что мы и видим сегодня среди портретов дожей в зале, восстановленном после пожара 1574 года.

Глава 17

КОЛОНИИ, ПОТЕРЯННЫЕ И СОХРАНЕННЫЕ (1355–1376)

Было 4 июня, около шести часов пополудни. Я стоял у окна, любуясь морем... когда в гавань зашел один из тех удлиненных кораблей, что именуются галерами. Корабль был увит зелеными ветвями, его весла били о воду, паруса раздувал ветер. Его прибытие было столь стремительно, что вскоре можно было различить радостные лица мореходов и несколько смеющихся юношей в венках из листьев, которые размахивали флагами, приветствуя родной город, победивший, но еще не знающий о своей победе. Наблюдатель с башни уже подал сигнал о прибытии корабля, и незваные, но движимые радостным любопытством горожане высыпали на берег. Когда корабль подошел, показались вражеские знамена, вывешенные за кормой, не оставив в наших душах и тени сомнения в том, что пришли вести о победе... Когда же мы их услышали, дож Лоренцо пожелал вместе со своим народом вознести благодарственные молитвы Господу, пройдя с праздничным шествием по городу, особенности по площади Сан-Марко, красивее которой, по моему мнению, нет во всем мире.

Петрарка. Старческие письма.
10 августа 1364

Джованни Градениго по прозвищу Носатый был избран дожем, как утверждает беспристрастный историк конца того столетия, «несомненно, за какие-то его особые качества». Это случилось 21 апреля 1355 года, спустя всего три дня после казни предыдущего дожа. Необычно коротким сроком междуцарствие, наверное, было обязано всеобщему впечатлению от событий последней недели и желанию поскорее установить верховную власть. При этом республика снова показала, что ее властные структуры достаточно устойчивы и гибки, чтобы преодолеть самый тяжелый кризис. Любому другому европейскому государству потребовались бы для восстановления, возможно, годы. В Венеции же к моменту входа дожа Градениго во дворец от заговора Марино Фальеро оставалась лишь горькая память.

Новый дож был миролюбивым человеком семидесяти лет от роду. Война с Генуей дорого обошлась обеим сторонам и парализовала торговлю. Потерпев поражение в Портолунье, Венеция потеряла бо́льшую часть своих кораблей и бойцов. Когда три брата Висконти, унаследовавшие после смерти дяди-архиепископа власть над Миланом, предложили от имени Генуи разумные условия, Венеция их с готовностью приняла. 1 июня 1355 года подписали договор, согласно которому каждая республика, помимо прочих, менее важных обязательств, обещала не вторгаться в воды другой и в спорную акваторию Азовского моря в течение трех лет. Каждая из сторон вносила в залог соблюдения этих обязательств 100 000 золотых флоринов, которые передавались на хранение независимой стороне.

Генуэзцы, чувствовавшие себя сильнее, негодовали на равноправие сторон в условиях договора. Поскольку иного выбора у подданных Висконти не было, договор они подписали, но с большой неохотой и в надежде стряхнуть миланское ярмо при первой же возможности. Возможность выдалась уже в следующем году. Венецианцам посчастливилось больше. Не потому, что условия договора были для них выгоднее, но потому, что они были свободны, в то время как соперникам приходилось тратить все силы на борьбу за неза-

висимость. У венецианцев была возможность восстановить торговлю и флот. Пока арсеналотти, о позоре которых забыли, работали, снаряжая сходящие со стапелей галеры, галеоны, фрегаты и бригантины, венецианские дипломаты ездили к татарам и варварам, в Египет и Фландрию, возобновляя старые соглашения и заключая новые.

Если бы Венеция оставалась только морской державой, какой она была еще 20 лет назад, короткое правление Джованни Градениго и впрямь было бы счастливым. Но теперь у Венеции были владения на материке, и эти новые территории требовали от государства новых усилий. Раньше, если королевство Венгрия претендовало на города Далмации, можно было нападать на вражеский лагерь с залива. Теперь все изменилось. Впервые значение этих перемен проявилось в 1356 году, когда Людовик, король Венгерский, вошел во Фриули.

На этот раз претензии не ограничивались отдельными городами или островами. Людовик хотел всю венецианскую территорию по восточному берегу Адриатики. Три года назад он уже завладел ею, но потерял в ходе дипломатических баталий. Теперь, под явно надуманным предлогом, он совершил нападение, направив главные военные силы даже не на спорную территорию, а на саму республику. Вскоре были захвачены Сачиле и Конельяно и осажден Тревизо. Хуже того, позиция Франческо да Каррара, повелителя Падуи, была ненадежна, и в случае его измены врага можно было встречать уже на пороге Риальто.

Таково было положение дел, когда в августе 1356 года Джованни Градениго умер. Его похоронили в часовне церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари. У его преемника, Джованни Дольфино, с восхождением на трон возникли некоторые трудности — к моменту своего избрания он находился в осажденном Тревизо. Однако благодаря сочетанию храбрости, ловкости и удачи он ночью смог выбраться из города и проскользнуть мимо венгерских патрулей. Первым его делом на посту дожа было выяснение позиции

Падуи. Как и предполагалось, Каррара под влиянием успехов венгров переметнулся к Людовику. Немедленно к Падуе были применены экономические санкции, карательная экспедиция опустошила ее предместья, но от всех этих мер толку было мало. Пока Серравалли и Азоло капитулировали, против венецианского правления взбунтовался епископ Ченедский, а в самом Тревизо раскрыли заговор, участники которого через несколько часов собирались сдать город врагу.

Пятимесячное перемирие, утвержденное папой, ничего не дало, и после Пасхи 1357 года, когда война возобновилась, венгры продолжили наступление. Успешно оборонялись два города — Кастельфранко и Одерцо. Тревизо тоже держался, но его падение казалось таким неизбежным, что епископ бросил свою паству и бежал в Венецию. Вскоре венгры уже контролировали берега лагуны и отбирали любое судно, какое попадалось им на глаза, явно готовясь к высадке. Венеция запретила выход судов в лагуну, а в это время шло строительство защитных укреплений. Вокруг города вбивались в грязь деревянные сваи.

Джованни Дольфино был, конечно же, храбрецом, но он был реалистом. Он знал, что одни лишь защитные меры венгров не остановят, что со временем они приберут к рукам всю венецианскую terra firma, а потом непременно займут и Венецию. Между тем казна опустела. В городе еще могла идти торговля восточными товарами, но владения на материке находились в руках врага, и это накладывало серьезные ограничения. Стало ясно, что придется сдаваться на условиях Людовика и что эти условия будут куда более тяжелыми, чем те, что два года назад выставляла Генуя.

Когда венецианские посланники явились к королю, его непреклонность превзошла все их опасения. Его успехи в Фриули и Венето позволили развить в Далмации новое наступление. После разной продолжительности сопротивления в руки его армии попали Трау, Спалато и, недавно, Зара. Требования короля были просты и исчерпывающи:

дож должен навеки отречься от титула повелителя Далмации, а Венеция должна безусловно отказаться от всех далматских владений, от восточного края Истрии до Дураццо на юге. В ответ он позволяет Венеции оставить за собой Истрию и уводит войска из Северной Италии. Также он пообещал оградить венецианские корабли от пиратов, хотя как именно сухопутная Венгрия могла это осуществить, он не пояснил.

Особая комиссия по ведению войны при Большом совете из 25 человек была расширена до 50 членов. Венгерские условия грозили большими неприятностями. Из сосновых лесов Далмации поставлялась древесина для венецианского флота, а из ее жителей — потомственных моряков — набирали на корабли команду. Как же можно было подумать, что дож, власть которого «над четвертью и получетвертью Римской империи» недавно провозгласили, сложит с себя титул впервые за три с половиной века дожеского правления?

Эти аргументы были серьезными, но нашлись и другие, посильнее. Тревизо, державшийся из последних сил, и те области Италии, которые оставались верны Венеции, необходимы были еще больше, чем уже потерянная Далмация. Они — последний бастион, от которого зависела безопасность республики. Так что условия Людовика были приняты, и 18 февраля 1358 года в Заре подписали мирный договор.

На этот раз моральный ущерб венецианцам оказался сильнее материальных потерь. Тем не менее в своей потере они сами были виноваты, по крайней мере отчасти. Их власть в Далмации всегда носила странный характер. Это единственная область, где у них никогда не было серьезного влияния. С самого начала Далмации попускались тайные сношения с Византийской империей. Поскольку народ неизменно предпочитал далеких невидимых повелителей правителям у порога дома, присутствие венецианцев на побережье всегда вызывало недовольство. Сначала повсе-

дневные задачи власти доверялись традиционным местным правителям — князьям и графам, епископам и ректорам. Но постепенно ключевые позиции все чаще и чаще стали занимать венецианцы или их ставленники. Хуже всего, что эти ставленники настояли на освобождении венецианских судов от налога во всех далматских портах. Другое правило, не всегда соблюдавшееся, предписывало далматским торговцам в первую очередь предлагать свои товары венецианцам. Вследствие этого местная торговля только страдала, венецианцы наживали себе врагов, а местное население массово поддерживало венгров.

Избавившись от Далмации, Венеция сохранила свои итальянские владения. Однако стало ясно, насколько легко на них напасть врагам, действительным и потенциальным. Например, Франческо да Каррара, несмотря на неожиданно теплый прием, оказанный ему дожем тем летом, не получил желаемого. До конца года он успел набрать армию из 2000 германских наемников. И несмотря на его уверения, что использовать их предполагается не против Венеции, а против миланских Висконти, венецианцы ощутили тревогу за свое будущее. Чтобы утвердить свое положение, они даже отправили посольство к Карлу IV, дабы тот признал венецианские завоевания на terra firma. Но Карл пребывал в обычном для него дурном расположении духа, и единственным результатом поездки стал арест на обратном пути двоих из трех посланцев герцогом Рудольфом Австрийским за то, что венецианцы в ходе войны с Венгрией разрушили один из его замков. Следующие два года эти двое провели в заточении.

Их коллега, некто Лоренцо Челси, оказался более удачлив — он решил подзадержаться в Ратисбоне, при императорском дворце. Не сделай он этого — тоже оказался бы в австрийской тюрьме, а после смерти Джованни Дольфино 12 июня 1361 года его не выбрали бы дожем Венеции.

Про правление Джованни Дольфино можно сказать (хотя это не вполне справедливо), что ничего интересного, кроме

обстоятельств его избрания, за это время не случилось. После удачного бегства из осажденного Тревизо дела его пошли плохо. Бессильный, он мог лишь заседать, в то время как республика уступала напору неприятельской силы и покупала свое спасение ценой унизительного мира. Его дипломатические усилия не принесли плодов. Мог ли в создавшихся условиях другой, более талантливый лидер достичь лучших результатов — большой вопрос. Вряд ли. Дольфино вовсе не был таким немощным, как может представиться предвзятому наблюдателю. Все же у венецианцев осталось мало поводов его вспомнить, о нем напоминает разве что изящной резьбы саркофаг в северо-восточной апсиде церкви Санти Джованни э Паоло.

Лоренцо Челси был выбран дожем не только благодаря тому, что избежал австрийской темницы, но и еще из-за некоторой милости фортуны. По возвращении в Венецию он был назначен на должность «капитана залива», иными словами, командира Адриатического флота. Вскоре он ушел в плавание, и к выборам нового дожа до города дошли слухи, что он одержал важную победу, захватив группу генуэзских корсаров. Это сообщение вызвало шквал радости — первая победа венецианцев за долгое время. Тут же предложили его кандидатуру на пост дожа, и, хотя сообщение впоследствии не подтвердилось, гражданам Венеции не пришлось жалеть о своем выборе.

В третий раз из последних четырех дожа избрали in absentia, в его отсутствие. Это свидетельствует о том, что в те времена многие венецианские аристократы предпочитали жить за пределами города. 21 августа Лоренцо Челси с помпой въехал в Венецию. Он был горд, самонадеян — возможно, это компенсировало ему не слишком благородное происхождение его семьи. Ему нравилась пышность и церемонность, всевозможная избыточность. Говорят, что он закреплял на своей шапочке крест, чтобы его престарелый отец оказывал ему должное почтение. У него также была крупная коллекция чучел животных и птиц и лучшая в городе конюшня.

Короче говоря, он оказался дожем того сорта, какой был нужен Венеции. Парады, шествия и разнообразная показуха действовали на него, словно бодрящее питье, и он в полной мере предавался им то недолгое спокойное время, которое совпало с его правлением. Принимая заезжих принцев, он показал себя щедрым и радушным хозяином. Когда в сентябре 1361 года прибыл Рудольф Австрийский, чтобы заключить с республикой мир (и вернуть в знак добрых намерений двух неудачливых послов, проведших 2 года в заключении), дож выехал его встречать на «Бучинторо», а затем сопровождал верхом по городу, показывая дворцы и церкви, реликвии и бесценные сокровища, которыми Венеция славилась на весь мир. При этом, конечно, он не забыл показать Арсенал. Еще более теплый прием был оказан Петру Лузиньянскому, королю Кипра. Тот останавливался в Венеции дважды — в 1362 и 1364 годах, в начале и в конце своей поездки по Европе. Его со всеми подобающими почестями разместили в огромном византийском дворце XII века, принадлежавшем тогда семейству Корнаро. До сих пор на карнизе здания, идущем вдоль верхней лоджии, видны гербы королевства Кипр и дома Лузиньянов*.

Но самым выдающимся гостем Венеции стал Петрарка, который в 1362 году бежал от свирепствовавшей в Падуе чумы. Его политическая и дипломатическая карьера закончилась. В обмен на обещание отдать республике свою библиотеку ему предоставили прекрасный дом на Риве. Он прожил там вместе с дочерью и ее семейством пять лет, затем

---

* Благодаря сахарным плантациям в Писконии (современной Епископии) на Кипре эта ветвь семейства взяла фамилию Корнаро-Пискония. По венецианскому обычаю так стали называть и дворец. Теперь он больше известен под названием Лоредано — это семейство занимало его в XVIII веке. Это одно из старейших зданий в Венеции, хотя два его верхних этажа добавлены позже, оно и находится в нескольких сотнях ярдов от моста Риальто по направлению к пьяцце Сан-Марко. Сейчас здесь, как и в соседнем здании того же периода — палаццо Фарсетти, размещается городской муниципалитет.

беспочвенное оскорбление, которого он не мог вынести, вынудило его снова пуститься в скитания*. Вопрос о том, что же сталось с библиотекой, долго тревожил умы ученых. Говорили о каморке над лестницей в соборе Сан Марко, но вряд ли книги стали бы класть в подобное место. В конце концов, из-за оскорблений (четверо молодых венецианцев обругали его необразованным идиотом) он мог увезти их куда угодно. А может быть, винить стоит городские власти, которые не смогли осознать ценность подарка и позволили книгам затеряться в архивах.

Поскольку Венеция уже тогда славилась как центр образования и гуманизма, последнее предположение не выглядит правдоподобным. Хотя могло случиться всякое, потому что в это время перед правительством стояли другие важные задачи. Приезд Петрарки совпал с серьезным кризисом в колониях. Среди всех эгейских колоний республики самой крупной и важной являлся Крит. Даже сами размеры острова всегда представляли собой проблему. За 160 лет критяне так и не смирились с венецианским господством. Назревало недовольство и среди старых аристократических семейств Венеции. Находясь в городе, они автоматически получали места в Большом совете, а на Крите их оттесняли от власти приезжие чиновники, назначенные республикой. Кризис случился, как и четырьмя веками позднее в американских колониях Британии, из-за непомерных таможенных сборов. Утверждения, что эти сборы идут на починку и оборудование порта, не действовали на критян, с мнением которых уже давно никто не считался. В самом деле, они даже не были представлены в Большом совете. Они совершенно отказались платить до тех пор, пока в Венецию не пошлют делегацию из

---

* Дом Петрарки, согласно преданиям и надписи in situ, назывался палаццо деи Дуе Торри (Дворцом двух башен) и находился сразу за мостом Понте дель Сеполькре на Риве. Основание одной из двух башен до сих пор можно угадать со стороны улицы Дожа.

двенадцати человек, которая будет представлять там население Крита. К сожалению, совет не нашел ничего умнее, как ответить, что в колонии не найти столько достойных представителей. Нетрудно предугадать последствия такого оскорбления в такое время. Знамена Святого Марка сменили на знамена Святого Тита, покровителя Крита. Венецианский правитель Леонардо Дандоло был смещен и спешно лишен жизни. Весь остров охватил мятеж.

Но даже тогда республика недооценила всю глубину кризиса. Дважды в Кандию — главный город острова — отправлялись официальные комиссии с тем, чтобы разъяснить заблудшим их ошибку. Лишь после того, как второе посольство вынуждено было спасаться от толпы на свои галеры, Большой совет очнулся-таки от спячки. Спешно отправили обращения к папе, к императору, в Венгрию, Неаполь и Геную, призывая их прекратить отношения с бунтовщиками. В это время главный кондотьер, веронец Лукино даль Верме, собрал 2000 человек пехоты и 1000 конницы и с флотом из 33 галер отплыл на Крит.

Даже по меркам того времени войско было некрупным, но его хватило. Мятежников подвело отсутствие дисциплины. Их народная армия состояла в немалой степени из закоренелых бандитов, выпущенных из тюрем за обещание бесплатно воевать. Вскоре ополченцы вернулись к своим старым занятиям — стали грабить всех без разбора. Перед семьями венецианских колонистов встала угроза быть раздавленными гораздо более многочисленными греками. Дальнейшее развитие мятежа могло привести и к религиозному конфликту, и всех католиков могли обобрать и даже перебить. Они предпочли сдаться. Даль Верме вернулся в Венецию с победой. Празднество было подробно описано Петраркой, сидевшим по этому случаю по правую руку от дожа:

> Число пришедших трудно было перечесть и даже охватить взором... Сам дож, окруженный знатнейшими людьми города, занимал лоджию над входом в собор, воз-

ле четырех лошадей золоченой бронзы, которых неизвестный древний скульптор запечатлел с таким правдоподобием, что, кажется, слышно, как они ржут и переступают копытами. Лоджию покрыли богатым цветным навесом, защищая сидящих в ней от палящего дневного солнца... Внизу, на пьяцце Сан-Марко, яблоку негде было упасть: церковь, башни, крыши, балконы, окна — все было до отказа забито зрителями...

С правой стороны в большом деревянном павильоне располагались четыреста изысканно одетых дам, цвет благородства и красоты... Не могу не упомянуть и об английских аристократах королевского рода, исполненных восторга от своей недавней победы*.

Оказалось, эта победа не слишком много дала Венеции. Хотя венецианская аристократия на Крите капитулировала, ее лидеров обезглавили, а многие прочие понесли наказание, греческое население продолжало партизанскую войну до 1366 года. К тому времени Лоренцо Челси уже умер. Над его смертью витал дух тайны до тех пор, пока не отыскали постановление Совета десяти, датированное 30 мая 1365 года. Постановление отвергало все ранее выдвинутые против старого дожа обвинения и обязывало его преемника признать их несправедливыми и безосновательными. Какие провинности вменяли в вину Челси, мы уже никогда не узнаем. Некоторые летописцы замечают, что он был не так уж невиновен, как хотели считать Десять, что он умер не так удачно, как мог бы, и что обстоятельства его смерти напоминали историю злополучного Марино Фальеро. Может, и так, но реальных подтверждений этому не нашлось. Челси похоронили с почестями (в церкви Санта Мария Че-

---

* Предположительно имеется в виду подписание мирного договора в Кале в октябре 1360 года, по которому Аквитания и большая часть Северной Франции отходила к Англии. Этим договором закончился первый этап Столетней войны.

леста, ныне снесенной) и, как мы знаем, публично оправдали. Для нас причин сомневаться не осталось.

Следующие выборы дожа не прошли без разногласий. Предложили Марко Корнаро — одного из послов, плененных герцогом Австрийским, но его кандидатура не проходила по формальным требованиям. Он был слишком стар — далеко за 80. Он был слишком беден и мог не справиться с положенными на такой должности расходами. Он был слишком тесно связан с иностранными державами, чтобы не закралось сомнения в его лояльности. Наконец, он был женат на плебейке, чья многочисленная семья норовила вмешаться в государственные дела. Но Корнаро сам выступил в свою защиту. Он сказал, что его волосы белы, но побелели они на службе республике, которую он готов продолжить. Его бедность — повод скорее гордиться, чем стыдиться, она доказывает его честность. Его узы дружбы с иноземными принцами стали естественным результатом его дипломатической карьеры и репутации честного партнера. Они служат на пользу Венеции. Наконец, многие венецианские аристократы женаты на дамах скромного происхождения, а его жена и ее семья хорошо известны и никогда не давали повода усомниться в их лояльности. Его речь произвела должное действие, и 21 июня 1365 года его избрали.

Его правление было коротким, но мирным и успешным. Стихли последние отголоски критского мятежа. Удалось уклониться от идей графа Савойского о новом крестовом походе против турок, хотя две галеры все же пришлось отправить. Разрешили торговлю с мусульманами Александрии — папа дал что-то вроде благословения. Продолжалось украшение Дворца дожей. Резные капители южного фасада; огромная фреска Гварьенто, изображавшая рай, разместилась на восточной стене зала Большого совета вместе с длинным рядом портретов дожей прошлого. Портрет Корнаро оказался над самым троном.

Увы, XIV век был беспокойным временем, а Марко Корнаро был стар. Ни счастливая передышка, ни жизнь дожа

не могли длиться долго. И не длились. 13 января 1368 года Венеция снова осталась без своего главы, и через несколько месяцев после похорон в церкви Санти Джованни э Паоло* город опять находился в состоянии войны.

В этом не было вины нового дожа, Андреа Контарини. Он намеревался править мирно, как и его предшественник. Его амбиции были даже еще меньше. Фактически он уже уехал в свое поместье под Падую, когда 12 его восторженных соотечественников явились сообщить ему о его избрании и сопроводить к Риальто. Вначале он встретил их категорическим отказом. Ему пришлось согласиться, только когда ему пригрозили изгнанием и полной конфискацией имущества. Знай он полную меру бед, его ожидавших, пожалуй, он проявил бы большее упорство. За последующие 14 лет ему не раз выпадал случай пожалеть о том, что он так легко согласился оставить свое убежище.

Когда беда разразилась в первый раз, она не слишком подточила ресурсы республики. Это было восстание в Триесте. В прежние годы этот город мало занимал мысли венецианцев. Небольшой по размерам, в силу причин географических он имел гораздо меньшее стратегическое значение, чем Зара и другие города, дальше по побережью. Однако с потерей Далмации, благодаря таким опасным соседям, как король Венгрии, герцог Австрийский и патриарх Аквилейский, Триест приобрел новые возможности для политических интриг. Мы не знаем, приложил ли кто-нибудь из этих соседей руку к мятежу, но герцог, конечно, не преминул послать армию жителям Триеста, осажденным венецианским флотом и попросившим о помощи. Венецианцы оказались быстрее. Они стянули кольцо осады и летом 1369 года силами, спешно сформированными из наемников и собственных войск, наголову разбили австрийцев,

---

*Саркофаг Марко Корнаро еще виден в алтаре, но он сильно пострадал в XIX веке, когда его сдвигали, чтобы освободить место для огромной гробницы Вендармина, при ее переносе из церкви Серви.

Триест несколько месяцев держал осаду, но после поражения австрийцев сдача города оставалась лишь вопросом времени. 28 ноября город сдался.

Между тем поведение Франческо да Каррара подтверждало худшие подозрения венецианцев. Он возводил одну крепость за другой вдоль Бренты, где решил основать собственные соляные копи. Венеция, чья монополия на производство соли со времен основания республики приносила ей огромный доход*, заявила решительный протест. Каррара тут же вспомнил о своем давнем союзе с королем Венгрии и совсем растерялся, когда Людовик, вместо того чтобы поддержать его, предложил услуги посредника. Обсуждение, такое яростное, что временами в зале Большого совета обнажались клинки, ничего не дало. Венеция не успокоилась. Монополия на соль была краеугольным камнем ее экономики, и защищать ее следовало любой ценой. Республика наняла знаменитого кондотьера того времени Реньера дей Гваски и объявила войну.

Теперь осада угрожала Падуе. Венецианские отряды методично разрушали новые крепости и опустошали окрестные земли. Тем временем в Венеции раскрыли новый заговор. Каррара каким-то образом смог подкупить двух членов сената и с их помощью планировал убийство главных своих врагов в правительстве. Несостоявшимся убийцам хватило неосторожности поведать о своих планах парочке купцов из Мерчерии. Злоумышленников тут же схватили, протащили за лошадиным хвостом от Риальто до Пьяццетты и четвертовали между двух колонн. Один из двух изменников-аристократов был обезглавлен, второй брошен в тюрьму на 10 лет с последующим изгнанием. Наказание было справедливым, но оно не успокоило население Венеции. По городу полали новые слухи: Каррара отравил колодцы, он собирается сжечь Арсенал. Чтобы навести порядок, Совет десяти, как обычно в подобных случаях, дал осо-

---

* Известно, что в 1454 году доход от продажи соли составил 165 000 дукатов.

бые полномочия коллегии — расставить по улицам и каналам патрули, вылавливающие всех проникающих в Венецию чужеземцев, чтобы подвергнуть их допросу с пристрастием. Эти меры были встречены всеобщим одобрением. Общественное мнение приравняло Франческо да Каррара к антихристу.

Война длилась почти четыре года, до осени 1373-го. Вначале преимущество было за Венецией. Потом Венгрия послала Карраре значительное подкрепление из германских наемников. Их вел племянник Людовика Стефан Трансильванский. Равновесие сместилось, и республика потерпела серьезное поражение под Нарвезой на Пьяве. Таддео Джустиниани, принявший командование у деи Пваски, был пленен, а захваченное знамя Святого Марка как трофей доставили в базилику Сан Антонио в Падуе. Затем последовало поражение у Фоскануовы. Однако вскоре, когда венгры осаждали довольно незначительную венецианскую крепость (настолько незначительную, что даже ее название до нас не дошло), венецианская армия внезапно перешла в наступление. Венгерская оборона была взята на копья, а Стефан Трансильванский взят в плен.

Его привезли в Венецию, с почестями препроводили во Дворец дожей, а народ праздновал победу. У него были на то причины. Король Венгрии ради жизни своего племянника немедленно прекратил участие в войне, и Каррара, оставшись без союзников, вынужден был сдаться. Условия ему поставили жесткие: разрушить все крепости и выплатить Венеции компенсацию не менее четверти миллиона дукатов. Фельтре достался республике в залог хорошего поведения. Единственная уступка, которой добился Каррара, состояла в том, что его сын (лично ему было отказано) мог приехать в Венецию, чтобы просить у дожа прощения за отца. Эта торжественная церемония прошла осенью 1373 года перед собранием сената, на ней Петрарка, обязательно присутствовавший на всех торжественных событиях, произнес на латыни обычную свою речь с призывом к миру.

Но даже теперь мир не был полным. Еще один союзник Каррары, герцог Австрийский, продолжал чинить каверзы, и несчастный край поселков и городов на холмах вокруг Тревизо, так много страдавший последние полвека, еще три года разорялся бестолковой войной. В ней Венеция впервые в Италии использовала маленькие пушки. Только в конце 1376 года герцог отозвал свою армию, но к тому времени Венеция подошла к последней фазе в войне со своим давним, могущественным соперником.

Глава 18

ВОЙНА С ГЕНУЭЙ (1372–1381)

> Клянусь Богом, господа венецианцы, что не будет вам мира ни от господина Падуи, ни от нашей Генуэзской республики, пока не накинем мы узду на тех диких коней, что стоят у дома вашего богослова, святого Марка.
>
> *Адмирал Пьетро Дориа (Кинаццо. Войны между Венецией и Генуей. 1378)*

Петр Лузиньянский, король Кипрский и Иерусалимский, был убит в своем дворце, в Фамагусте 17 января 1369 года. Ему наследовал четырнадцатилетний сын, Петр II. Из-за молодости нового короля и медлительности его дяди-регента коронация вовремя не состоялась. Только в январе 1372 года юный Петр надел корону Кипра, а в октябре — корону Иерусалима.

Последний титул был только номинальным. Иерусалим уже около двух столетий находился в руках мусульман*, поэтому вторая коронация Петра проходила в Фамагусте, в церкви Святого Николая. Еще по пути к церкви между

---

* С 1187 года, когда Саладин захватил его после битвы при Хаттине. Позже, в 1229 году, Фридрих II отвоевал святые места, но удерживал их только 10 лет.

представителями от Венеции и от Генуи возникли какие-то споры о порядке следования. Порядок кое-как навели, но на пире, который последовал за коронацией, представители обеих республик начали буквально рвать друг у друга куски из рук. Во время ссоры оказалось, что многие из генуэзцев, несмотря на строгий запрет, прятали под плащами мечи. В подобных обстоятельствах очень трудно поверить, что все венецианцы соблюдали запрет, но на острове они пользовались лучшей репутацией, и власти предпочли свалить на генуэзцев всю вину за нарушение порядка. Некоторых из них тут же схватили и повыкидывали в окна. В это время толпа хлынула в генуэзский квартал, разоряя и сжигая дома.

Когда об этом узнали в Генуе, реакция превзошла все ожидания. Такое тяжкое оскорбление республика не могла оставить безнаказанным. Кроме того, если вовремя не принять жесткие меры, существовала опасность, что Кипр полностью попадет под влияние Венеции. О такой возможности генуэзским патриотам даже подумать было страшно. Быстро снарядили две карательные экспедиции. 6 октября Фамагуста сдалась генуэзскому военному флоту, а через несколько дней весь остров был в распоряжении генуэзцев. Юному королю позволили остаться на троне, правда, за это пришлось уплатить более 2 000 000 золотых флоринов, и остров обложили ежегодной данью в 40 000 флоринов. Дядя короля, двое его кузенов и 60 кипрских аристократов отправились в Геную заложниками. Фамагусту Генуя оставила себе.

Конечно, во время этих событий венецианская собственность пострадала, как пострадала и генуэзская годом раньше. И хотя новые хозяева Кипра не принимали мер к тому, чтобы изгнать соперников (протесты и требования компенсации со стороны венецианцев приняли со всей вежливостью и даже с сочувствием), такие резкие перемены в такой важной для всего Средиземноморья точке сделали неизбежным продолжение войны между двумя республиками. Тем, что войну, против всех ожиданий, отложили на целых

пять лет, стороны обязаны не столько миролюбивым силам, сколько событиям в Константинополе, в которых обе республики были теснейшим образом завязаны.

Императору Иоанну V Палеологу наконец удалось избавиться от своего зятя. В 1355 году Кантакузин оставил надежды основать новую династию и отправился доживать свои дни, создавая исторические труды в монастырской келье, на горе Афон. Однако во всех остальных отношениях проблем у Иоанна только прибавилось. Адрианополь и с ним большая часть Фракии досталась туркам-османам, которые стояли уже почти под стенами Константинополя. Император погряз в долгах, его сокровищница пустовала. В 1369 году в отчаянных поисках денежной и военной помощи он колесил по Европе и в обмен на обещание Урбана V предоставить корабли, гребцов и кавалерию дошел до того, что готов был признать власть папы. Но прочие повелители Европы проявили меньше сочувствия, и, приехав в 1370 году в Венецию, Иоанну пришлось испытать худшее из унижений — заключение в долговой тюрьме. Старший его сын Андроник, назначенный в его отсутствие регентом, предпочитал, чтобы он там и оставался. Пришлось младшему сыну, Мануилу, отправлять в Венецию собственные драгоценности, чтобы вызволить отца из тюрьмы.

Но даже после этого неоплаченных долгов оставалось много, а после того как Иоанн вернулся в свою осажденную столицу, они только росли. Венецианцы решили наконец взяться за императора. Пятилетнее перемирие, которое они обещали ему по его отбытии, закончилось. После захвата Генуей Кипра им понадобились в Восточном Средиземноморье новые торговые порты, так что в 1375 году в Константинополь отправилось венецианское посольство. Поскольку император разговаривал с посольством в своей обычной манере, то есть уклончиво, в марте 1376 года за посольством последовал военный флот под командованием генерал-капитана Марко Джустиниани. Флот пришел с ультиматумом: если Иоанн желает жить в мире с Венецией еще пять лет, то должен все-таки погасить основные свои долги

и отдать в залог остров Тенедос. Причем, получив этот остров, венецианцы готовы скостить изрядную часть долгов и вернуть драгоценности его сына. Если же он не примет эти условия, ему придется расстаться со своим троном.

Стратегическое значение острова Тенедос было огромным для любой державы, ведущей торговлю в этом регионе. Остров служил воротами в Геллеспонт. Согласно Вергилию*, здесь греки выжидали, пока в Трою привезут деревянного коня. Тенедос контролировал пролив и Мраморное море так же, как Галата контролировала Босфор. Если бы и он достался генуэзцам, торговля Венеции с Византией и черноморским побережьем задохнулась бы. Однажды, в 1352 году, Венеция некоторое время владела островом. Тогда это спасло ее от поражения, но сейчас, когда Генуя распоряжалась Кипром, Геллеспонт Венеции был нужен даже сильнее, чем 24 года назад.

Вида венецианского флота у самого входа в бухту Золотой Рог хватило, чтобы Иоанн Палеолог согласился на все. Он расплатился и с готовностью отдал Тенедос на указанных условиях, попросив только позволения вывешивать на острове знамя империи наравне со знаменем Святого Марка и сохранить там влияние православной церкви под властью византийского патриарха. Император, конечно, знал, что его капитуляция вызовет гнев в Генуе, но он не представлял себе масштабов их мести.

Императорский сын Андроник уже показал свою ненадежность, когда у отца случились затруднения в Венеции. В 1373 году он пошел еще дальше, заключив союз с сыном османского султана Мурада. Вместе они составили заговор против своих отцов. Заговор раскрылся. Мурад ослепил и впоследствии казнил собственного сына. Иоанн охотно поступил бы так же. Но, будучи в более сложных условиях, он просто лишил сына дневного света, посадив его в темницу. Трон его продолжал шататься, теперь он столкнулся с новой бедой — непопулярностью. Его народ, для которого вера

---

* *Вергилий.* Энеида. II.

значила больше, чем власть императора, не простил ему подчинения папе. То, что совершили генуэзцы после того, как Тенедос достался Венеции, лучше любых пояснений показывает, насколько сильным было их положение в Константинополе и насколько слабым положение императора. Они просто сместили его. Отец и сын поменялись местами: Андроник сел на отцовский трон, а Иоанн сел вместо него в темницу.

Первым делом новый император поспешил отдать Тенедос генуэзцам, пославшим на остров представителей, чтобы те управляли им от имени республики. Эта попытка не удалась. Хотя Венеция еще не вступила во владение островом, но местный губернатор оставался верен Иоанну и наотрез отказался признавать власть Андроника. Предварительно он успел получить какое-то официальное уведомление о соглашении с Венецией, потому что, когда Марко Джустиниани вскоре после генуэзцев прибыл туда со своим флотом, его встретили торжественно, и островитяне охотно и едва ли не с радостью отдали свою судьбу в его руки. В это время в Константинополе генуэзцы пожаловались Андронику, что на острове его не слушают, и император, опасаясь потерять поддержку Генуи, приказал арестовать предводителей венецианского купеческого сообщества, в том числе самого байло.

Стало ясно, что военные действия откладывать больше нельзя. На протяжении 1377 года дипломатические отношения между Венецией, Генуей и Константинополем изобиловали отклоненными протестами, отвергнутыми просьбами и, наконец, были разорваны совсем. Генуя заявила Венеции, что не отвечает за посягательства на жизнь и имущество венецианцев в Византийской империи. Венеция дала понять Генуе, что не сможет обсуждать спорные политические вопросы по этому региону, пока во власти не будет восстановлен законный император. Наконец, другой венецианский адмирал, Пьетро Мочениго, отправился к Константинополю требовать освобождения байло и других венецианцев, содержащихся под стражей, а в случае

отказа быстро сместить Андроника, даже если бы для этого пришлось прибегнуть к помощи турецкого султана.

Но Мочениго так и не смог выполнить своей миссии. Вскоре после того, как он покинул лагуну, до Венеции дошел слух, что Генуя послала свои галеры. Генуэзскому флоту нужно было объединиться с византийской эскадрой и совместно с ней атаковать Тенедос. Гонцы повезли адмиралу новые инструкции. Война началась, и его флот был нужен в Средиземном море.

Генуэзцы и византийцы в самом деле попытались силой овладеть Тенедосом, но им это не удалось. Эта попытка плохо освещена в хрониках, вероятно, потому, что плохо пытались. Затем вдруг Тенедос, а с ним и Геллеспонт, Мраморное море и вся черноморская торговля внезапно померкли и отступили на задний план. Произошла одна из тех резких смен фокуса исторических событий, которые делают изучение истории Средиземноморья таким сложным. Последний этап противостояния между Венецией и Генуей должен был произойти на итальянской территории и акватории: в Тирренском, Адриатическом морях и, что ужаснее всего, в Венецианской лагуне.

Обе стороны постарались привлечь союзников. Генуя, как всегда, рассчитывала на Франческо да Каррару и другого старого противника Венеции — короля Венгрии. Венецию поддержал Петр, король Кипра, не простивший Генуе недавний захват острова и желающий отомстить бывшим завоевателям. Сама по себе поддержка Петра значила немного, но она позволила Венеции заключить союз с зятем молодого короля — Бернабо Висконти, герцогом Миланским. В ноябре 1377 года с ним заключили четырехлетний союз, по условию которого все завоевания, сделанные на море, отходили в Венеции, а те, что сделаны на суше, — к Милану, в том числе, если повезет, и сама Генуя. Тем временем во Дворце дожей провели обычные меры по переходу республики на военное положение: появились комитеты старейшин для решения политических вопросов и сбора

денег, собирались отряды наемников для действий на суше, укреплялись стратегически важные объекты в области Тревизо. Формировались duodene — группы из двенадцати человек, из которых один или более идут служить, а остальные их содержат. Удобное и очень венецианское изобретение. В любой момент каждая duodena могла поставить в ополчение не менее трех человек. Наконец, 22 апреля 1378 года Витторо Пизани, племяннику того самого Николо, что был отстранен от командования после Портолунье, дож Контарини вручил знамя Святого Марка и благословил его вести республику к победе.

Возможно, Пизани и не принадлежал к числу великих адмиралов Венеции, однако он показал себя прекрасным человеком и выдающимся лидером. Все, кем ему приходилось командовать, его обожали. Не прошло и шести недель с момента его назначения, как его имя засияло новой славой. 30 мая венецианский флот встретился с генуэзским у Анцио. В тот день бушевал жестокий шторм. Битва разыгралась под проливным дождем, налетал шквальный ветер, точное маневрирование вообще было невозможно, а четыре венецианских галеры так и не смогли вступить в бой. Все-таки искусство венецианских моряков возобладало, и к ночи пять генуэзских галер были захвачены, а шесть разбились о скалы. Пленников, среди которых находился и генуэзский командующий, привезли на Риальто, где, как говорят, на них с восхищением смотрели все дамы Венеции. Народ Генуи, напротив, встречал весть о поражении вовсе не дружелюбно, а в тревоге и ярости, потому что победа Венеции и отсутствие флота позволили соседу-барону грабить генуэзское побережье. Народ взял штурмом дворец в Генуе, сместил своего дожа и посадил на его место другого.

Будь флот Пизани побольше, а погода получше, он вполне мог бы войти в Геную, и история войны на этом бы закончилась. Но он предпочел не рисковать. Вместо этого он отправился в Левант, чтобы обеспечить дополнительный эскорт Валентине Висконти, тридцативосьмилетней дочери Бернабо, отправляющейся на Кипр, чтобы выйти там за-

муж за короля Петра. Потом, после энергичных, но крайне преждевременных поисков генуэзских судов, он направился назад, в Адриатику, где захватил города Каттаро и Себенико*. Ему позволили вернуться на зиму в Венецию, но он отказался и остался зимовать в Пуле.

С точки зрения венецианских властей этот отказ был серьезной ошибкой. Пизани, его капитаны и матросы уже шесть месяцев пробыли в море, не видя родных и друзей, а теперь им предстоял, возможно, еще год разлуки. После таких подвигов и побед они заслуживали лучшей участи. Корабли тоже требовали починки, а зимние холод, сырость и грязь на пользу им не шли. Требование вернуться домой по весне также было отвергнуто. Утром 7 мая 1379 года обиженные, деморализованные моряки проснулись и увидели, как к Пуле подходит генуэзский флот из 25 судов.

Сперва Пизани отказался принимать бой. Он лучше всех знал о состоянии людей и кораблей. Численное преимущество было на его стороне, но в случае поражения кто защитит Венецию? Вскоре в Пулу должен был подойти с востока другой венецианский флот под командованием адмирала Карло Дзено. Если это случится, они вдвоем разобьют генуэзцев. До того времени лучше было пережидать в безопасной гавани. Бесспорно, это было верное решение, но его отвергли. Капитаны и их команды, страдающие от бездействия, возмущались тем, что должны ограничиваться обороной, и даже обвинили адмирала в трусости. Трусом Пизани не был, но в критический момент ему не хватило смелости настоять на своем. Он согласился нападать и, выйдя из гавани, направился прямо к генуэзскому флагману.

Все закончилось очень быстро и с результатом более плачевным, чем Пизани мог предположить. Сам он сражался героически и, как считается, лично уничтожил корабль генуэзского адмирала Лучано Дориа. Но его капитаны оказались слабы и нерешительны, и из всего венецианского флота только шесть галер не захватил и не потопил враг. Изло-

---

* Котор и Шибеник.

манные, они укрылись в порту Паренцо. Пизани вызвали в Венецию для ответа и обвинили не в трусости, но в плохом наблюдении за окрестностями гавани. Его отстранили от командования, приговорили к шестимесячному заключению и на пять лет запретили занимать любую должность.

Трудно поверить, что Венеция, находясь на грани поражения, отказалась от услуг одного из лучших своих адмиралов, тем более что другой адмирал, Карло Дзено, находился далеко на востоке. Хотя считалось, что он спешит домой, вестей от него не было. Как ни грустно, но насмешка судьбы была в том, что адмирал находился в заключении, он был бесполезен, ведь и флота тоже не было. Единственными кораблями, которыми располагал город, были шесть галер, нуждающихся в ремонте. Пока не прибыл Дзено, городу оставалось уповать только на свою естественную защиту. К счастью, у Венеции имелась фора в несколько недель. Генуя потеряла своего адмирала и не могла воспользоваться положением, пока не будет назначен новый, пока он не доедет до флота и не примет командование.

На протяжении этих недель венецианцы день и ночь укрепляли город. Была проделана титаническая работа. Почти все население города, мужчины и женщины, аристократы и простолюдины, работало сообща. Многие богачи предоставляли в распоряжение республики все свое состояние, другие оплачивали из своего кармана оснащение кораблей и строительство укреплений. Положение усложнилось с появлением Франческо да Каррара. С 5000 венгров, присланных королем Людовиком, он явился на побережье лагуны. Местре едва успели спасти от осады. Но теперь даже Каррара представлял меньшую опасность. Хотя он мог наделать бед на суше, грозя тогда еще редкими в Италии пушками, на воде он был бессилен и самому городу повредить не мог. Другое дело — генуэзский флот. Подошедшую эскадру уже можно было разглядеть. Она стояла за портом Лидо. За последние сотни лет ни один вражеский флот, который Венеция не могла бы выставить вон, не вставал на якорь так близко к городу.

Но если венецианцы и не могли уничтожить генуэзские корабли, они, по крайней мере, могли осложнить им путь вперед. Леонардо Дандоло, получивший беспрецедентное звание генерала Лидо, оградил монастырь Сан Николо крепкими стенами и тройным рвом, а на входе в лагуну цепями связали три корабельных остова. Вехи, которыми обозначали каналы и мели, были переставлены, чтобы запутать пришельцев. Командование сухопутными силами доверили кондотьеру Джакомо де Кавалли, который подошел с 4000 всадников, 2000 солдат пехоты и большим числом арбалетчиков. Их расположили на побережье, защитив таким образом свои владения с суши. Чтобы Каррара не мог сообщаться с генуэзцами, лагуну постоянно патрулировали лодки с вооруженными людьми. В самом городе учредили комитет, состоящий из двух советников, одного главы карантина и четырех старейшин. Комитет круглосуточно дежурил во Дворце дожей, его состав еженедельно обновлялся. Помимо прочего, в его обязанности входило следить за сигналами колоколов монастыря Сан Николо. Сигнал тревоги могли подать с колокольни Сан Марко, его подхватывали все церкви Венеции, и тогда каждый приход отправлял вооруженных людей на Пьяццу.

Приготовления закончили вовремя. 6 августа флот из 47 генуэзских кораблей под командованием недавно назначенного адмирала Пьетро Дориа появился под Кьоджей.

Город Кьоджа расположен на острове, с самого юга Венецианской лагуны. Даже по венецианским меркам его расположение неопределенно. География не в силах дать четкий ответ, на суше находится этот город или на воде. Граница суши и земли, и без того размытая, включает устья двух рек, Бренты и Адидже, выносящих свои мутные воды на пару миль. На протяжении пяти веков военные и морские инженеры строили здесь дамбы и волноломы, проходы и каналы, выкапывали здесь, насыпали там, так что к концу XIV века эта местность совсем потеряла свои естественные очертания.

По этой причине, несмотря на все научные достижения, детали битвы за Кьоджу неизвестны. В общих чертах, конечно, все ясно. Дориа направил свой флот на север, сжег по пути Градо, Каорле и Пеллестрину, хотел взять с налету Маламокко, но встретил более серьезный отпор, чем ожидал, и не стал задерживаться. Ни один из этих пунктов не представлял для него важности — он стремился к Кьоджи, где линия отмелей сходилась с сушей. Там он втайне надеялся встретиться с Каррарой, который, располагая армией из 24 000 итальянцев и венгров в долине Бренты, мог обеспечить его припасами и замкнуть блокаду Венеции с суши, в то время как генуэзцы замкнули бы ее с моря.

Кьоджу оборонял гарнизон из 3000 человек под командованием подесты Пьетро Эмо. В обычных случаях таких сил вполне хватало, но выдержать такую атаку и с суши, и с моря подеста не надеялся. Эмо обратился в Венецию за помощью, и в лагуну немедленно вышли 50 мелководных лодок под командованием Леонардо Дандоло. Однако толку от них оказалось мало, да и в любом случае они опоздали. 16 августа, после героической, но тщетной обороны, унесшей немало жизней как венецианцев, так и генуэзцев, Кьоджа пала. Впервые со времен Пипина укрепленный город в лагуне (и именно тот, что контролировал прямой глубокий канал к Венеции) оказался в руках врага.

Когда над Кьоджей взвились знамена Генуи, Венгрии и Франческо Каррары, колокола Венеции просигналили тревогу, и дож с сенатом провели срочное заседание. От Карло Дзено и его флота все еще не было известий, а без них одолеть врага в открытом бою надежды не было. Приняли решение начать переговоры об условиях сдачи, но Каррара отказался гарантировать неприкосновенность послов, так что Венеция оказалась в самом абсурдном за всю историю положении, не имея возможности ни заключить мир, ни продолжать войну. Оставалось только держать оборону в надежде продержаться до прибытия Дзено. Маламокко пришлось оставить, чтобы все силы собрать в Лидо, вокруг монастыря Сан Николо и в форту Сан-Джор-

джо Маджоре, находящемся в более тяжелом положении. Вносились добровольные пожертвования. Когда истощились запасы продовольствия и выросли цены, богатым вменялось в обязанность бесплатно кормить бедных. Наконец по многочисленным просьбам из тюрьмы освободили Витторо Пизани.

Решение об этом было принято с большой неохотой. К тому времени правительство и народ пришли к общему мнению, что в этот отчаянный, критический момент Венеция нуждается в военном вожде, который взял бы на себя верховное командование. Но у сената нашелся свой кандидат на этот пост — Таддео Джустиниани, а назначать человека, которого несколько недель назад публично обвинили, не хотелось. Даже великодушно заявив, что вверяют ему свои жизни, забыв обо всех прошлых обвинениях, сенаторы постарались подчинить его Джустиниани. Против этого выступил народ, и в первую очередь моряки, которые служили под его командованием. Пизани был для них своим человеком, никого другого они слушать не желали. Время для испытания терпения народа было неподходящим, и сенат уступил.

Это было мудрым решением. За одну ночь настроение в Венеции изменилось. Исчезли отчаяние и пораженческие настроения. Вернулось присутствие духа, а с ним решимость и отвага. Мгновенно собрали гигантскую сумму в 6 000 000 лир, не считая золота, серебра и драгоценных камней, которые добровольно сдавали жители. Арсенал работал день и ночь, пока со стапелей не сошли 40 галер. Вдоль Лидо за две недели построили новую защитную стену с башнями с обеих сторон. Западную часть Большого канала перегородили плавучим боном, защищенным военными кораблями, на некоторых из них стояли пушки. Поставили новый частокол, проходивший от монастыря Сан Николо в Лидо через лагуну, за островами Сан-Серволо и Джудеккой и до берега. Все это и многое другое совершили в порыве энтузиазма, внушенного Витторо Пизани. Так его любил народ.

Но он еще был удачлив. Если бы сразу после взятия Кьоджи Пьетро Дориа последовал совету Каррары и предпринял штурм Венеции, вряд ли Пизани или кто-либо другой смог спасти город. К счастью, Пьетро следовал своему первоначальному плану блокировать город и взять его измором. Это ему не удалось, он только дал венецианцам время подготовиться, в то время как его собственные войска теряли боевой настрой. Многие из его людей, жаждавшие сказочных богатств Венеции, роптали на своего адмирала за чрезмерную его осторожность и жаловались на то, что стоят впустую, глядя, как город воздвигает все новые укрепления, становясь с каждым днем все неприступнее. Были и другие тревожные признаки. Однажды в конце лета маленькая эскадра под командованием Джованни Барбариго напала на три генуэзских корабля, охраняющих наземную крепость, и сожгла их. В это время Джакомо де Кавалли постепенно продвинулся на юг вдоль берега и снова занял Маламокко. Как ни фантастично это выглядело, но Венеция переходила в наступление.

Взятие Маламокко, пожалуй, было не так уж важно, как казалось. Приближалась зима, а это означало, что Пьетро Дориа со своими силами неизбежно выступит из Кьоджи. С другой стороны, Витторо Пизани хорошо знал, как трудно в зимнее время содержать в порядке большой военный флот вдали от дома. Это означало следующую фазу кампании. Осаждающие сами оказались в осаде. Кьоджа была почти сухопутным городом, с водой ее связывали только три канала: главный вход в гавань со стороны Пеллестрины, а дальше к югу — два входа в гавань Брондоло, оба со стороны лагуны. Оставалось только перегородить каждый из каналов, затопив в нем по остову судна с грузом камней. Два других входа в лагуну на севере — порты Лидо и Маламокко — после этого могли блокировать венецианские патрули.

Зимней ночью 21 декабря 1379 года была совершена вылазка, на буксире тащили груженные камнем суда. На ведущем корабле вместе с Пизани ехал дож, Андреа Конта-

рини, возраст которого приближался к 90 годам. На заре подошли к Кьодже. Местные дозорные быстро подняли тревогу, и разгорелся бой, особенно вокруг Брондоло, где сосредоточились основные оборонительные силы. Но суда были затоплены там, где полагалось, и через несколько часов Кьоджа была надежно закрыта, и генуэзцы со своим флотом оказались пленниками.

Однако для венецианцев работа была еще не закончена. Успех операции зависел от дальнейшей их бдительности. Одна из баррикад в Брондоло была сделана ужасно, постоянно приходилось защищаться от попыток генуэзцев сломать ее. За северными входами в лагуну тоже приходилось присматривать. Кораблей и провианта по-прежнему жестоко не хватало, хотя зимние бури выполняли часть работы венецианских патрулей. В это время выходить в море было тяжело и опасно. Неясно, сколько времени можно было держаться так дальше, но, к счастью, этот вопрос так и остался без ответа. В первый день 1380 года на горизонте показался долгожданный флот Карло Дзено.

Наскоро посоветовавшись с Пизани и дожем, Дзено вначале завел 18 кораблей в Брондоло, который оставался самым слабым звеном блокады. Нежданный шторм, совпавший с его прибытием, дважды чуть не разбил корабль, но через пару дней он захватил соседнюю крепость, башню Лондо, открыв путь для поставок провизии, которую союзник Венеции герцог Феррары отправлял по реке Адидже. 6 января произошло еще более удачное событие. Венецианская пушка разрушила колокольню Брондоло, и упавшими обломками насмерть зашибло Пьетро Дориа*. Его преемником, наскоро выбранным из числа офицеров, оказался Наполеоне Гримальди. Он в отчаянии пытался прорыть новый канал через Лидо Сотtомарина, на восток от осаж-

---

*Эти первые пушки были такими неуклюжими, что из них не решались стрелять больше одного раза за день, но полезность такого оружия была несомненна, поскольку такая пушка могла выстреливать каменным ядром весом до двухсот фунтов.

денного порта. Но в феврале Пизани взял Брондоло, и целый участок берега снова оказался в руках венецианцев.

Осада продолжалась всю зиму и весну. В апреле венецианцы потерпели серьезное поражение. Новый генуэзский флот под командованием Марко Маруффо захватил Таддео Джустиниани и 12 кораблей, на которых он вез зерно из Сицилии, — в Венеции голодали почти так же, как и в Кьодже. После этого Пизани и Дзено, беспрерывно патрулировавшие лагуну, забеспокоились. С наемниками тоже возникали проблемы (особенно с надоедливыми англичанами), держать их под контролем удавалось, только обещая надбавку и двойную плату. Каким-то чудом обоим адмиралам удалось избежать открытого сражения с Маруффо, в котором они попросту были бы разбиты, и не допустить соединения его сил с осажденными соотечественниками. Наконец Маруффо отступил и высадился в Далмации. 24 июня 4000 умирающих от голода осажденных генуэзцев, отчаявшись получить помощь, сдались, не выставляя условий.

В Венеции был праздник. Это была не просто победа, это было избавление. Буквально все население города на лодках всех видов и размеров с «Бучинторо» во главе вышло из города, чтобы поприветствовать старого дожа, который вместе с флотом принимал участие в шестимесячной осаде. Эта процессия вернулась к Мало*, ведя за собой 17 разбитых галер и их жалкую команду — все, что осталось от флота Пьетро Дориа. С наемниками расплатились сполна, как обещали. Один из них, англичанин по имени Уильям Голд, который предположительно не был мятежником, получил за свои заслуги 500 дукатов дополнительно.

Все-таки война еще не совсем закончилась. Маттео Маруффо оставался в Адриатическом море. Пизани надеялся, что выйти оттуда ему не удастся. Наконец после нескольких недель беспорядочных и безуспешных поисков он на-

---

* См. роспись Веронезе, одну из последних его работ, на западной стене зала Большого совета.

стиг дюжину генуэзских галер у побережья Апулии. Им удалось сбежать, но в бою Пизани был тяжело ранен. Флот вернулся в Манфредонию, где 13 августа Пизани скончался. Памятник ему, сперва стоявший в Арсенале, теперь находится в юго-восточной апсиде церкви Санти Джованни э Паоло. Среди изобилия скульптур в церкви он незаметен, и большинство путеводителей, к сожалению, о нем не упоминают. Но ни за кем из похороненным в этом здании при жизни так охотно не шли, никого так не любили, как Витторо Пизани. Ни о ком не отзываются соотечественники с такой благодарностью. Не будет преувеличением сказать, что он спас Венецию, без него она бы не уцелела.

Карло Дзено, теперь уже в звании главнокомандующего, продолжил широкую кампанию от побережья Пелопоннеса до генуэзских вод, но значительных успехов не достиг. В это время в Венето Каррара и его союзники тоже подверглись давлению. Венецианцы всегда считали, что от владений на суше больше бед, чем пользы. Теперь они решили хотя бы не отдавать их ненавистному Карраре. Их решили отдать герцогу Австрийскому с одним лишь условием, что он оккупирует их своими силами от имени республики. Герцогу большего и не требовалось. Перед угрозой превосходящих сил Карраре пришлось отступить.

Война наконец утихла, и две истощенные республики с благодарностью приняли посреднические услуги графа Амадея VI Савойского. Переговоры о мире в Турине собрали не только Венецию и Геную, но и всех, кто принимал участие в военных действиях: Венгрию, Падую, Аквилею и даже Акону и Флоренцию. Венеция, как победившая сторона, заявила о праве выдвигать условия, но в конечном итоге условия были приняты совсем не такие, на которые мог бы рассчитывать победитель. От Каррары она получила обратно крепости вокруг лагуны, необходимые для защиты. Зато пришлось официально отречься от Далмации и Тенедоса, непосредственного повода для войны. Их забрал Амадей VI Савойский, чтобы распорядиться по своему усмотрению.

Если не заглядывать далеко, остается признать, что Венеция в этой войне ничего не выиграла. Генуя тоже. Настоящими победителями стали теневые фигуры: король Венгрии и герцог Австрийский. События в Кьодже, несмотря на весь героический драматизм, привели только к страшной разрухе. После взаимного разорения и кровопролития оба противника в политическом смысле остались каждый при своем. Это и подтвердил Туринский договор, после чего обе республики продолжили торговать в Леванте и Средиземном море вместе.

Однако со временем стало ясно, что победа Венеции была значительнее, чем казалось вначале. Прошло немного времени, и Венеция удивила как друзей своих, так и врагов темпами экономического восстановления. А Генуя, наоборот, пришла в упадок. Ее система управления начала рушиться, ее раздирала на части борьба фракций. За пять лет ей предстояло сменить десять дожей, а затем на полтора века попасть под французское владычество. Только в 1528 году под предводительством Андреа Дориа ей удалось вернуть независимость, но мир к тому времени изменился. Больше никогда она не представляла угрозы для Венеции.

Глава 19

ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ (1381–1405)

Законам дож противостать не может:
Ведь, отобрав у чужеземцев льготы,
В Венеции им данные, доверье
Он подорвет к законам государства.
А наши и торговля, и доходы —
В руках всех наций.

*У. Шекспир. Венецианский купец**

Наступило 4 сентября 1381 года. Месяц назад был подписан Туринский мир. Во всех венецианских церквях отслужили благодарственные молебны в честь избавления от страшной опасности и героической победы над могучим и безжалостным врагом, как это представлялось венецианцам. Уже строились планы по восстановлению Кьоджи. Прежде чем эпоха венециано-генуэзской войны канет в прошлое, оставалось сделать только одно — отличить тех граждан, которые в трудный час проявили чудеса щедрости и героизма и оказали Венеции неоценимые услуги. Их можно было оделить самым ценным даром, которого столь многие тщетно добивались, — причислить к городской знати. Но даже теперь, когда для этого нашелся такой веский, не-

* Перевод И. Б. Мандельштама.

ординарный повод, эта процедура проходила непросто. Каждый кандидат подробно обсуждался, затем проводилось тайное голосование. Несмотря на формальный характер процедуры, она занимала весь день и большую часть ночи. С сожалением читаем мы о торговце зерном Леонардо дель Аньело, содержавшем целый месяц 150 наемников. Его кандидатура не прошла голосования, и огорченный, он умер от сердечного приступа.

Мы не знаем, как пережили огорчение другие отвергнутые кандидаты, но 5 сентября 30 новых аристократов в сопровождении друзей и родственников, неся в руках зажженные свечи, прошествовали к базилике. Там их ждала специальная месса, после чего во Дворце их представляли дожу и синьории. Потом состоялась регата и обычное празднование на пьяцце Сан-Марко. Больше всего радовало народ, что многие из тех, в чью честь устроен праздник, были простыми торговцами и ремесленниками. Все-таки венецианская аристократия не была таким уж закрытым кругом.

Когда эти тридцать явились к дожу, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, он находился в добром здравии, несмотря на перенесенные трудности осады Кьоджи. После этого он правил еще всю зиму и умер 6 июня 1382 года. Как ни странно, его похоронили в монастыре Сан Стефано, в простом саркофаге. Сейчас состояние его могилы оставляет желать лучшего*. Казалось бы, Контарини, с неохотой заступивший на должность дожа, так много сделавший для своей родины, достоин большего. Хотя бы чего-то наподобие той гробницы, которая досталась его преемнику, Микеле Морозини, умершему от чумы всего лишь после 4,5 месяцев правления. Его усыпальницу с правой стороны хоров церкви Санти Джованни э Паоло

* Монастырь перестраивался в XVI столетии, с тех пор министерство финансов, заботам которого он сейчас поручен, положения не улучшило.

Рескин называет «богатейшим памятником Венеции готического периода»*.

Богатый и принципиальный Морозини мог бы стать прекрасным дожем, будь у него время проявить свои качества. Не его вина в том, что он пал жертвой не только одного из шквалов «черной смерти», опустошавших Венецию во второй половине XIV века, но и ошибки современников, по сей день очерняющей его имя. Во время войны за Кьоджу, когда будущее Венеции висело на волоске, он вложил огромные деньги в недвижимость. Почти наверняка он ставил целью поддержать общую стабильность. Когда его спросили, зачем он это делает, он ответил: «Se questa terra stara male, io non voglio aver ben» — «Когда эта земля страдает, я не хочу выгоды». К несчастью, самый популярный источник, «Жизнь дожей Венеции» Сануто, приводит эту фразу в варианте «io ne voglio aver ben» — «я не премину нажиться». Клевета прижилась. Если бы вторая версия была верной, возникли бы серьезные сомнения в том, что Морозини имеет моральное и интеллектуальное право возглавлять республику. Немыслимо, чтобы такого человека выбрали дожем, особенно с учетом того, что, согласно многим источникам, его соперником был прославленный герой войны Карло Дзено.

Последнее обстоятельство послужило причиной того, что среди современных историков появились хитроумные предположения, что якобы Дзено не прошел на выборах дожа из-за какого-то своего незначительного отступления в самом конце войны. Гораздо более правдоподобной причиной выглядит его сравнительная молодость (ему еще не было и пятидесяти) и активность. Жизнь, заключенная в

---

* Рескин не может удержаться, чтобы не заметить, что эта гробница «не просто занимает место точно между чистой готикой и тленом Возрождения, но она занимает место точно между ощущением чистого покоя эпохи раннего христианства и помпезным безверием Возрождения».

стенах Дворца дожей, проводимая в приемах и шествиях, плохо совмещалась с его энергией и талантом. Гораздо полезнее для республики он был на своем посту, что он и доказал за последующие 36 лет.

После смерти Микеле Морозини выбор избирателей пал на человека по имени Антонио Веньер. Шестидесятый дож Венеции служил капитаном на Крите, где некоторое время назад обосновалась его семья, одна из древнейших в республике. Три месяца Венецией правил регентский совет, пока 13 января 1383 года к берегам Риальто не прибыл новый дож в сопровождении двенадцати знатных венецианцев, посланных за ним*.

По всем отзывам, он был человеком строгим и справедливым. Когда его сын угодил на два месяца в тюрьму за глупую выходку** и вскоре после этого заболел, он отказался досрочно помиловать сына, даже если болезнь будет угрожать его жизни. Восторженно-уважительное отношение к Веньеру высказывали и его подданные, и историки последующих времен. Правда, по мнению историков, он слишком мало времени уделял «домашним» заботам. Но в этом и не было большой необходимости. В отличие от Генуи, которая быстро скатывалась к анархии, Венеция оправилась от последствий шестилетней, самой отчаянной за всю историю войны, оставив незыблемой свою политическую струк-

---

* Мраморная статуэтка коленопреклоненного дожа, хранящаяся в Музее Коррер, представляет собой почти точную копию Антонио Веньера. Авторство приписывают Джакобелло далле Маселье, который, помимо прочего, знаменит как автор превосходных статуй, стоящих вдоль иконостаса в базилике Сан Марко. (В музее также хранится двойной портрет Веньера и его преемника, Микеле Стено, но о написавшем его Лаццаро Бастиани, первые сведения появляются в 1449 году, а дожил он до 1512-го, так что этот портрет не мог быть написан при жизни дожа.)

** Согласно Горацио Брауну, он «прикрепил к дверям одного почтенного патриция связку коралловых безделушек потешного вида и оскорбительного значения».

туру. Внутри республики все шло своим чередом, и все проблемы приходили извне. Антонио Веньер и его советники теперь занимались упроченьем положения Венеции в Европе и мире.

Во-первых, следовало перестроить свою экономическую империю. Потеря Далмации была тяжелой, но с ней пришлось смириться, иного выбора просто не было. Кроме того, Далмация важным торговым партнером никогда не была, ее ценность заключалась в запасах сырья, особенно леса и камня. Ее побережье изобиловало прекрасными естественными бухтами, которых так недоставало на итальянской части побережья Адриатики, поэтому Далмация служила важной базой для сообщения с другими землями. На юге пелопонесские порты Модона и Корона все еще находились в руках венецианцев. Крит, ослабленный новым мятежом 1363 года, радовался периоду мира и относительного благополучия. Помех со стороны Генуи, которая перестала быть соперницей Венеции, ожидать не приходилось. Пришло время восстанавливать старые торговые связи и создавать новые — в Леванте, в Черном море, которые тянутся дальше на Восток. Во всех важнейших портах, куда регулярно заходили венецианские суда, появились постоянные торговые агенты и склады, где хранился товар в ожидании очередного рейса. Венецианцы огромное значение придавали скорости товарооборота. Свежий товар порой следовало похранить на складах, чтобы не сбить цену слишком быстрой перепродажей. За десять лет до завершения века венецианский торговый агент появился в Сиаме.

Не прекращалась коммерческая экспансия республики. Больше не строя иллюзий относительно владений на суше, пережив потерю Далмации, Венеция продолжала расширять свою торговую империю в Восточном Средиземноморье. В 1386 году она приобрела Корфу. Коварно воспользовавшись тем, что у короля Неаполитанского, которому номинально принадлежал остров, возникли трудности в Неаполе, Венеция предложила местным жителям свои услуги по защите от потенциальных агрессоров. Корфиотам,

которые прекрасно знали, что первым номером в списке этих агрессоров значится сама Венеция, ничего не оставалось, как согласиться. Компенсация Неаполю была так мала, что выглядела пустой формальностью. Комбинируя такие методы — использование всех политических возможностей, коммерческое внедрение, изощренную дипломатию и шантаж при удобном случае, — Венеция до конца столетия сумела приобрести Скурати и Дураццо на юге Далмации, Навплион и Аргос в Морее и большую часть Кикладских островов и Южных Спорад.

Такая экспансивная программа действий имела не только коммерческие причины. Помимо прочих предпосылок, в Венеции настороженно следили за продвижением турок на запад. В двадцатые годы XIV века это продвижение стало лавинообразным. В 1389 году пал Серре, за ним последовали София, Ниш и Салоники. Наконец, в исторической битве на Косовом поле османские полчища сокрушили сербов, разрушив последнюю надежду балканских славян на свободу. Болгария продержалась еще четыре года. Теперь, казалось, сочтены дни самой Византии. За исключением нескольких островов в Эгейском море, Восточная Римская империя ограничивалась теперь почти одним только Константинополем, император правил под турецким присмотром, понимая, что единственный его шанс оставаться на троне — послушное соблюдение воли султана. Слабый здоровьем Иоанн V Палеолог умер в 1391 году от неуемного распутства в преклонном возрасте*. Его сын Мануил II был юношей доброго нрава и больших способностей. В более удачных обстоятельствах он мог бы вернуть Византии ее былую славу, но перед турецким нашествием он был бессилен. До смерти отца его вынуждали жить при дворе султана в качестве вассала и заложника. Иоанну пришлось принимать участие в войне против его союзни-

---

* Гиббон пишет, что «любовь, а точнее, похоть была его единственной сильной страстью. Обнимая жен и дев города, турецкий раб забыл о чести романского императора».

ков-греков. Для Мануила правление оказалось ненамного менее унизительным.

Таково было положение дел, когда король Сигизмунд Венгерский воззвал к христианской Европе вступить в союз против турецкой угрозы. Венеция, несмотря на былые разногласия с Венгрией, ответила, по крайней мере, предоставив свой черноморский флот. К несчастью, не многие государства Европы откликнулись на призыв — со всего континента набралось каких-то 60 000 человек. И хотя с ними был цвет французского рыцарства, именно его самоуверенность и недисциплинированность больше, чем что-либо другое, послужила причиной неудачи этого похода. Перед битвой они похвалялись, что если даже небо упадет на них, они поднимут его на копья, но перед султаном Баязетом не устояли. Подтвердив свое прозвище Йилдерим (Молния), он успел подготовиться к подходу европейского войска. Когда те подошли к Никополю на Дунае, он уже встречал их. 28 сентября 1396 года произошла короткая и кровавая битва. Еще более кровавым стало ее продолжение, когда 10 000 французских пленников обезглавили в присутствии султана. Сам Сигизмунд и те, кто спаслись из боя, бежали на венецианских судах. Очевидец из Германии, Иоганн Шильтбергер, чья молодость спасла его в плену от казни, рассказал, что когда эти суда проходили через Дарданеллы, его вместе с тремя сотнями оставленных в живых пленников выстроили на берегу и заставили смеяться над побежденным королем.

Роль Венеции в этой истории героизмом не отличается. Сама битва у Никополя осталась в истории как переломный момент, в котором бóльшая часть стран Западной Европы не смогла договориться между собой перед угрозой турецкого нашествия, которое Европа ощутит через сто с лишним лет. Невероятно, но умирающая Византийская империя просуществовала еще 57 лет, уже не как щит, а скорее как помеха. Мануил обязался построить в своей столице мечеть и учредить мусульманский суд для приверженцев ислама, но высших священников христианской церкви

турки не трогали. Казалось, опасность грозила Венеции, одной Венеции. Не обладая ни средствами, ни темпераментом для ведения крестовых походов, венецианцам оставалось только защищать от посягательств свои интересы. Но при этом они защищали Европу.

Те же средства, порой весьма неприглядного свойства, что позволяли Венеции расширять свои владения в Восточном Средиземноморье, отличали и ее политику в Италии, причем с тем же успехом. Давний враг, Франческо да Каррара, хоть и присмирел после падения Генуи и сдачи Тревизо герцогу Леопольду Австрийскому, нисколько не утратил своей свирепости. Он так и не дождался, вопреки своим надеждам, поражения Венеции, но республика была потрясена, устрашена и унижена. Каррара обнаружил, что легко мог бы подчинить себе венецианские владения на terra firma и выйти из Генуэзской войны богаче, чем вступил в нее. Конечно, вскоре он этим и занялся, и в 1382 году он осадил Тревизо.

Результат превзошел его ожидания. Герцог Леопольд был готов принять Тревизо у венецианцев, но беспокоиться о его обороне и тратиться на нее был не готов. Он просто-напросто продал Тревизо Карраре, а заодно с ним Беллуно, Ченеду и Фельтре, то есть контроль над главными торговыми путями в Доломиты и на Тирольскую возвышенность. Все это обошлось в 100 000 дукатов — сумма для Каррары, который приобрел практически все венецианские владения на суше, смехотворная.

Если не обращаться к наемникам, услуги которых в то время были очень дороги, Венеция не располагала ничем, что заслуживало бы названия сухопутной армии. С другой стороны, у Каррары не было флота, так же как и у Генуи в ее теперешнем состоянии, не было и никакой надежды на его появление. Поэтому венецианцы решили, что, чем рисковать в войне на другом берегу лагуны, лучше обратиться на запад, где последний отпрыск некогда великой династии Скалигери, Антонио делла Скала, еще владел Вероной

и Виченцей — двумя спелыми плодами, готовыми упасть к ногам. Таким образом, Венеция не стала мстить Каррааре. Она предпочла подождать.

Дож Веньер с советниками дождались того, что падуанская империя дотянулась до самого Венето, до самого порога Венеции. Но они предусмотрели еще кое-что. С той же легкостью, с какой Каррара приобрел венецианские владения, его столкнули с Джаном Галеаццо Висконти, престарелым племянником Бернабо, который недавно сменил дядюшку, предположительно отравив его, и сделался повелителем Милана. Лицемер, интриган с непомерными амбициями и ненасытной жаждой власти, из всей знаменитой семьи Джан Галеаццо был самым опасным. Ссора с таким человеком рано или поздно означала войну, а война с Джаном Галеаццо Висконти означала поражение. Венеции оставалось только выждать время. Воевать с Каррарой было незачем, он сам шел к своей гибели.

На всякий случай не стоило действовать против Антонио делла Скала, не посоветовавшись предварительно с Миланом. 19 апреля 1387 года Веньер и Джан Галеаццо заключили соглашение, по которому Скалигери сбрасывались со счетов раз и навсегда. Верона отходила Милану, а Виченца — Падуе. Поначалу все шло как запланировано. Верону взяли, не встретив серьезного сопротивления. Антонио бежал в Венецию, затем во Флоренцию и Рим, где вскоре скончался от яда. Для Висконти, на гербе которых красовалась змея, это было парой пустяков. Виченцу Джан Галеаццо захватил тоже, проигнорировав условия соглашения.

Только теперь Франческо Каррара понял, что в Венеции все это предусмотрели, а он не рассчитал, связавшись с миланским герцогом, который использовал его, а теперь обманул. Наступив на горло своей гордости, он обратился к дожу Веньеру, доказывая, что Висконти для республики гораздо опаснее, чем он, и что защититься от него можно, только оставив независимую Падую между ними как буфер. Однако Висконти и тут опередил его, отправив к Риальто

послов, чтобы утвердить свои права на Падую, реституцию Ченеды, Тревизо и некоторых стратегически важных крепостей по берегам лагуны.

Нелегко далось дожу принятие решения. Может быть, аргументы Каррары основывались на его собственных интересах, но они были убедительны. Джан Галеаццо меньше чем дважды за год доказал, насколько опасным может быть его соседство. Сомнительно, чтобы при удобном случае он отнесся к Венеции с бóльшим уважением, чем к Вероне или Падуе. Однако то, что во время последней войны он ничего не предпринял, доказывало, что Венеция ему не по зубам. Венецианцам требовался контроль над Тревизо и проходами в горах, без которого их торговля с Центральной Европой задыхалась. Наконец, как ни полезен был буфер, хорошо известно, что на эту роль плохо подходил Франческо Каррара, которого в Венеции ненавидели и намеревались уничтожить. 29 мая 1388 года предложения Милана формально приняли.

Каррара не терял надежды даже после этого. Считая, что позиция Венеции обусловлена только враждебностью к нему лично, он отрекся от власти в пользу сына Франческо, которого, чтобы отличать от отца, прозвали Новелло (Новый). Но это ему не помогло. Армия Висконти вошла в Падую, а венецианская эскадра поднялась по течению Бренты, и Франческо Новелло был схвачен. Карарра, отца и сына, поместили в Монце и Асти соответственно, а Венеции отныне предстояло остерегаться нового, смертельно опасного соседа.

Ее политика в отношении Джана Галеаццо была предельно проста — от него следовало как можно быстрее избавиться. Очевидно, в одиночку с ним было не управиться. Но в бесконечном вращении калейдоскопа итальянской политики снова и снова повторялся один и тот же рисунок — если одно государство становится слишком крупным и слишком сильным, другие, соседние, объединяются против него до тех пор, пока оно не падет. На это и рассчитывали в Вене-

ции. Джан Галеаццо в то время был самым могучим повелителем Европы, гораздо сильнее, чем Ричард II Английский или психически неустойчивый Карл VI Французский. Но ему этого было мало. Не прошло и года после захвата Падуи, как он обратился против Флоренции и Болоньи.

Он превзошел свои возможности. Франческо Новелло, бежавший с семьей из Асти, собрал временный союз против Висконти и стал главным его идейным вдохновителем. Вместе с ним самим, Флоренцией и Болоньей в союз входили Франческо Гонзага Мантуанский, Кан Франческо Веронский (обездоленный сын Франческо делла Скала) и герцог Роберт Баварский. Теперь им требовалась еще и поддержка Венеции. Тут уж Венеция не колебалась. Всего два года назад Джан Галеаццо был ей союзником, а Каррара — заклятым врагом. Но верность — роскошь, которую не могло себе позволить ни одно итальянское государство. Дипломатия основывалась на сохранении баланса сил путем стравливания одного врага с другим. Венеция легко и непринужденно сменила сторону, вступила в союз и охотно предоставила Франческо Новелло и молодому Антонио недавно отвоеванный Тревизо в качестве базы для действий против Падуи.

Весна 1390 года выдалась сухой и жаркой. В ночь на 18 июня Франческо Новелло тайком повел небольшой отряд к родному городу по руслу Бренты, в которой почти не осталось воды. Деревянный частокол — единственное препятствие — быстро разобрали, и народ Падуи, который два года только и ждал подобного случая, радостно приветствовал своего повелителя и взялся за оружие. Эта победа и позволяла говорить об освобождении Флоренции, и была серьезным испытанием для Джана Галеаццо, которому пришлось стянуть большую часть армии из Тосканы, чтобы мятеж не распространился на Верону, которая пыталась таким же образом, только не столь успешно, вернуть себе независимость. К тому же Галеаццо тревожила солдатская удача сэра Джона Хоквуда, англичанина на службе

Флоренции, который преследовал его до самой реки Адда и нанес серьезный урон его войску под командованием французского генерала Жана д'Арманьяка. Короче говоря, падуанская кампания, проводимая Франческо Новело, из действия, чреватого опасным военным кризисом, превратилась в патовую комбинацию. Так и решили все стороны, заключив в 1392 году в Генуе мирный договор. Молодой Каррара, опасавшийся допускать Венецию к этому договору, пока не согласуют все условия, стал желанным гостем для дожа, на все лады благодарившего его за поддержку и причислившего его к венецианскому благородному сословию.

Не сыграв в войне активной роли, Венеция не ставила со своей стороны подписи под договором. Тем не менее надеялась на многое. Помимо того, что возвратили Тревизо, хитрые политики, не пролив ни капли венецианской крови, обуздали могущество Милана, а в Падуе благожелательный и даже послушный Франческо Новелло сменил своего несносного отца. Конечно, этот мир означал всего лишь передышку. Джан Галеаццо Висконти, хоть и не достиг всего, что хотел, но ничего и не потерял. Он уже собирал силы для нового нападения, и через три года оно произошло.

Сначала казалось, будто противники Джана Галеаццо в состоянии держать его под контролем. В 1395 году, когда он двинулся на Мантую, Венеция, Флоренция и Болонья, при активной помощи Каррары, бросились защищать соседа. Сражаться не имело смысла, и вскоре, в 1400 году, заключили мир, длившийся недолго и непрочно. Хрупкое равновесие нарушил в 1402 году Руперт Пфальцский, который был избран императором Священной Римской империи и ехал, как он считал, в Рим на коронацию. По пути его упросили сделать остановку в Ломбардии и сокрушить излишне дерзкого вассала. Ограниченный в войске и деньгах, император не представлял себе ни силу Джана Галеаццо, ни положения дел в Италии. В апреле он, разгромленный и

униженный, с жалкими остатками войска вернулся в Германию.

Победа над величайшим правителем Европы воодушевила Висконти. Он пробился в Болонью и всеми силами обрушился на Флоренцию. Когда под его контролем оказались Пиза, Сиена и Лукка, город, казалось, был обречен. Если он падет, Тоскана соединится с Ломбардией, Умбрия и Романья попадут в зависимость к Милану, кто знает, устоит ли Венеция? Джан Галеаццо был силен, как никогда. Ему было всего пятьдесят лет, его люди прекрасно подготовлены. Северное Итальянское королевство, протянувшееся от Генуи до Адриатического моря, казалось, уже было в его руках.

Внезапно 13 августа 1402 года его свалила лихорадка, и три недели спустя он скончался. Для венецианцев его смерть выглядела чудом, тем более что его огромные владения переходили в наследство трем его сыновьям, старшему из которых не было еще и четырнадцати. Его вдова, назначенная регентшей, как оказалось, не способна управлять ни ими, ни жадными генералами и кондотьерами, которые долгие годы сражались за Висконти, а теперь решили озаботиться получением собственных владений. К концу года герцогство Миланское, сильнейшая держава Европы, начало распадаться.

Оживились и давние враги Джана Галеаццо, и первый из них — Франческо Новелло Каррара, который двинулся войском на Виченцу. Зная о том, что творится в Милане, он не ожидал встретить серьезного сопротивления, но его отразили сами граждане Виченцы, избежавшие одной политической авантюры и не желавшие становиться жертвами другой. Однако сами они долго держать оборону не могли, и не долго думая они попросили о помощи Венецию. Их посольство достигло Риальто одновременно с посольством герцогства Миланского, просившего у Венеции помочь защитить от Каррары Виченцу и Верону.

После смерти Джана Галеаццо для Венеции больше не было смысла в союзе с Франческо Новелло. Интуиция ве-

нецианцев говорила, что воевать с ним нужно до тех пор, пока вся эта династия не исчезнет с лица земли. Обладание Вероной и Виченцей позволяло прикрывать большую часть подходов к Венеции с суши. К Франческо Новелло под стены Виченцы был отправлен герольд с требованием увести войска. Послушный ранее венецианским союзникам, молодой Каррара заупрямился. «Сейчас мы сделаем из этого герольда льва святого Марка», — сказал он и в ярости приказал разрезать ему нос и подрезать уши.

Такой поступок был не просто жестоким, но и безрассудным. Если бы Франческо Новелло отступил, он лишил бы Венецию повода для войны, и возможно, сохранил бы династию. Но своим поступком он сам себя уничтожил. После того как его отогнали от стен Виченцы, ему пришлось оборонять свою Падую. Надо отдать ему должное, он храбро держал венецианскую осаду, не соглашаясь ни на какие условия. Наконец голод и вспышка чумы из тех, что опустошали Европу в конце XIV — начале XV веков, заставили его смириться. 17 ноября 1404 года Падуя пала. Франческо вместе с сыном Якопо привезли в Венецию в цепях. Народ был настроен против него (этому способствовали слухи, будто он собирался отравить городские колодцы), поэтому пленников, ради их же безопасности, сначала заключили в монастырь Сан Джорджо Маджоре. Только через несколько дней их удалось переправить во Дворец дожей, где на верхнем этаже специальное помещение отводилось для содержания узников высокого ранга.

За это время расследовалась деятельность Каррары. Намерение отравить колодцы не подтвердилось, зато открылся организованный им заговор, имевшей целью свержение республики. По мере расследования выявились имена вовлеченных в заговор представителей знати. Совет десяти привлек в помощь шестерых чиновников, владевших вопросом, и заседал денно и нощно, раскрывая новые нити и опрашивая сотни подозреваемых, нередко под пыткой. Чем дальше они расследовали, тем больше получали свидетельств того, что все нити тянутся к роду Каррара. Отца и

сына приговорили к смерти. История о том, что их в железной клетке подвесили с крыши дворца, ничем не подтверждается*. Обоих задушили 17 января 1405 года в тюрьме, причем Франческо Новелло, пока мог, храбро, но тщетно защищался деревянным стулом.

Для Венеции XIV век был трудным, может быть, самым трудным за всю историю. Начался он двумя попытками переворота: Марино Бокконио и, более серьезно, Баймонте Тьеполо. В середине столетия случилась третья, когда старик Марино Фальеро опозорил и республику, и звание дожа, за что и заплатил остатком своей жизни. Вскоре после этого подозрительные обстоятельства правления Лоренцо Челси еще больше подорвали престиж дожа. За пределами города мятежи происходили на Крите, в Триесте и в других местах. Была потеряна Далмация. Последующие пятьдесят лет продолжалось вооруженное соперничество с Генуей. Итальянские соседи Венеции — Скалигери, Висконти и Каррара — не давали республике передышки. Начиная с 1348 года каждые несколько лет «черная смерть» производила такое опустошение в городе, что память о ней останется в веках.

Несмотря на все это, Венеция достигла многого. Для начала она утвердилась на terra firma. С падением дома Каррара ей достались значительные владения на суше, от Тальяменто на востоке до берегов озера Гарда на западе, от Адидже на юге до холмов у Бассано на севере. Позднее материковые владения еще более разрослись, и за исключением короткого периода в начале XVI века они серьезно

---

* Романин утверждает, что известен всего один случай такого рода наказания, когда в XVII веке священник, обвиненный в ужасных злодеяниях, был вывешен в клетке с колокольни Сан Марко и даже ухитрился сбежать. Возможно, путаница возникла из-за того, что клеткой, которая на венецианском наречии называется cheba (um. gabbia), называли еще небольшую темницу во Дворце дожей.

уже не уменьшались до самого конца существования республики.

К 1400 году у венецианцев не оставалось сомнений в статусе их государства — могучей европейской державы. Они уже знали, каково защищать протяженные, порою нечетко определенные границы от предательских нападок соседей, знали, во что обходится содержание наемной армии. С другой стороны, появились очевидные преимущества в виде высокого престижа и огромного влияния, приносившие свои плоды не только в Италии, но по всему континенту, где многократно выросли обороты венецианской торговли. Это влияние поддерживалось и тем стратегическим превосходством, которое получила Венеция над всеми своими соперниками — для любого из них она стала неуязвима.

Но, несмотря на свое новое положение сухопутной державы, Венеция принадлежала морю. Благодаря морю, 3300 кораблям и 36 000 мореходов (столько насчитывалось к началу XIV века) добывала она свои богатства и оберегала их. Больше ни один из крупных итальянских городов не мог похвалиться тем, что на протяжении более тысячи лет им ни разу не овладел враг. Ни один не мог похвалиться таким богатством, или, скорее, такой способностью к восстановлению, чтобы при разрушенной экономике и разоренной войнами казне быстро и полно восстанавливаться, повергая в изумление врагов. Это выглядело как магический фокус, но повторялось снова и снова. Однако Венеции не удалось бы проделать этот фокус, не будь у нее такого уникального положения. Она располагалась не только ближе, чем любой из ее соперников, к рынкам Востока, этим источникам роскоши, которую Европа, единожды распробовав, жаждала все больше и больше. Сам факт того, что море было, буквально, ее домом, обязывал к такому владычеству на море, которого соперники если и достигали, то ненадолго. Вообще говоря, многие годы Венеция отличалась более быстрым и качественным кораблестроением, более искусным мореходством и более быстроходными кораблями, чем кто бы то ни было.

И наконец, после падения Генуи венецианские купцы вели самую успешную торговлю. К концу XIV столетия не нашлось бы нужного товара, который в достаточном количестве не перевозили бы венецианские суда. На юг и восток шла древесина с гор Гарца и металлы с рудников Богемии, на север и запад — индийские специи, потом к ним прибавился хлопок из Малой Азии и Леванта и все бóльшие объемы сахара, которым никак не могла насытиться Европа. Хлопок везли из Сирии с XI века, но теперь он появился на Крите и на Кипре, где Федерико Корнаро с таким размахом начал его выращивать, что его семейство за несколько лет стало богатейшим в Венеции. Два эти острова вместе с частью Морей прославились производством сладкого, крепкого вина, известного как мальвазия (по названию порта Монемвазия, откуда по большей части его вывозили), которое с такой охотой поглощали англичане и их соседи из стран Северной Европы. В 1330-х годах появился некоторый постоянный стандарт для этого вина, и венецианские купеческие галеры везли его в Англию, где меняли на английскую шерсть. Ее везли во Фландрию, где взамен шерсти грузили на суда кипы одежды фламандского производства — отличного качества шерстяные плащи и платья, продавать которые можно было по всей Европе и даже в Леванте. Этот торговый треугольник приносил такую прибыль, что в 1349 году его национализировали и превратили в государственную монополию.

С течением столетия другие отрасли становились менее прибыльными. В частности, постоянная торговля с Русью пришла в упадок в 1360-х годах, когда путь караванам к Черному морю преградила война с севера и востока, в землях, занятых монголами. Через тридцать лет, когда Тамерлан разрушил поволжские города, служившие перевалочными пунктами на торговом пути, черноморская торговля прекратилась совершенно. Ценные меха на южных рынках стали редкостью и, следовательно, подорожали. Работорговля, однако, продолжалась. Несмотря на многочисленные эдикты, которые издавал папа, и некое подобие пилотных

законов, издававшихся в самой республике, начиная с закона дожа Орсо Партечипацио, выпущенного в IX веке, работорговля в Венеции не переставала процветать. Сравнительно немного негров из Западной, Восточной Африки и Сахары продавались на невольничьих рынках Сан Джорджо и Риальто арабским купцам за золото и слоновую кость. Подавляющее число рабов было из христиан с Кавказа — грузин, армян, черкесов и других пленников и пленниц татар, проданных в черноморских портах. Большинство из них становилось домашней прислугой, телохранителями и наложницами в Египте, Северной Африке и при османском дворе. Некоторые удостаивались попасть в армию мамелюков, самую сильную в Египте с XIII века до самого прихода Наполеона, в ряды янычар или в евнухи султанского дворца. Другие покупались зажиточными итальянскими семействами Тосканы или Северной Италии. Прочие, наименее удачливые, заканчивали свои дни на огромных плантациях Крита и Кипра, где Федерико Корнаро основал экономику производства сахара целиком на использовании рабского труда.

Нужно ли говорить, что Венеция получала со всего этого немалый барыш? Но была еще одна область рынка, в которой Венеция выступала не столько как посредник, сколько как основной потребитель. Это был рынок зерна. На горьком опыте венецианцы усвоили, что при закупках товара жизненной необходимости нельзя рассчитывать только на один регион. Засуха или потоп может вызвать неурожай. Мятеж или народные волнения могут нарушить торговые связи. Даже если погодные и политические условия благоприятны, всегда могут напасть какие-нибудь пираты. Поэтому венецианцы заботились о том, чтобы иметь под рукой множество разнообразных поставщиков, и груженные зерном корабли шли в Адриатическое море как с привычных житниц Сицилии и Апулии, так и из Анатолии и даже с Черного моря.

Со своей стороны Венеция располагала только одним продуктом для экспорта, не считая излишков товара, вре-

мя от времени производимого мануфактурами. С первых дней своего существования республика ревностно оберегала свои соляные копи в долине и дельте реки По и, если приходилось защищать их силой оружия, никогда не медлила. Шло время, и потребность Европы в соли росла, теперь уже приходилось везти ее из Далмации, Кипра, откуда-то еще, но свои копи по-прежнему оберегались с почти суеверным усердием и продолжали приносить немалый доход.

Существовали и другие причины такой необыкновенной экономической устойчивости. Во-первых, надежная репутация. Развитая на полмира сеть торговых контактов, хорошо известная честность в сделках, не мешавшая, впрочем, получать хорошую прибыль, — все это позволяло легко восстановить торговую деятельность после перерыва. Во-вторых, венецианский характер — суровый, трудолюбивый, рассудительный, с неизменной тягой к выгоде и безграничной изобретательности в ее достижении. В-третьих, жесткая дисциплина, основанная на опыте, накопленном за долгую историю государства.

Торговому государству оставался только один путь для развития, и к 1400 году дни частных предприятий были сочтены. Все торговые галеры строились в Арсенале и были государственной собственностью, республика объявила монополию на большинство товаров и торговых маршрутов. Те корабли, что еще оставались в частной собственности, соответствовали жестким ограничениям, наложенным сенатом. Польза от таких мер была очевидной — все суда, даже корабли сопровождения, были надежно сертифицированы, в случае шторма на них можно было полагаться, скорость их движения и сроки прибытия можно было точно рассчитать, в агентствах точно знали количество товара под загрузку и могли его подготовить заранее. Вовремя и в нужном объеме готовился запас для военных кораблей сопровождения. К концу XIV века обычно отправлялось шесть торговых конвоев в год, каждый состоял из 500 кораблей, иногда бывало больше. Каждый шел по определенному маршруту и в определенные сроки. Бо́льшая часть

судов была государственной, к командованию ими допускались только представители благородных семейств, выигравшие аукцион. Каждый купец и каждый капитан, не важно, владелец или арендатор, строго выполнял требования сената и обязан был поддерживать «честь святого Марка».

Как всегда, повышение общественного благосостояния привело к повышению цен. За сто лет до этого цены в Венеции считались самыми низкими по Европе. Но не теперь. Не только потому, что приходилось содержать Арсенал с его 16 000 рабочих. Содержание государственного аппарата, состоящего из многочисленных гражданских служб, адвокатов, нотариусов, счетоводов, не говоря уже о целой армии сборщиков налогов, известных своей дотошностью, — все это обходилось республике недешево. Поощрялось мелкое предпринимательство. Если у предпринимателя не хватало средств, покупателей или кораблей, он по праву венецианского гражданства мог требовать места в государственном конвое, если его устраивали маршруты и сроки его следования. Но крупным, старым купеческим предприятиям, таким как у семейства Поло, места в экономике не оставалось. Республика продолжала богатеть, город становился все красивее, но былая романтика ушла.

В это время в республике сочли нужным принять первые санкции против еврейского населения. Дело было, конечно не в расовых и не в религиозных разногласиях. Просто при отсутствии общественных банков и даже ломбардов хорошо развитая еврейской общиной экономическая система представляла собой единственный источник денежных займов под проценты. В 1374 году евреи из Местре решились обосноваться в Венеции сначала на пять лет, потом этот срок был продлен. Через 12 лет почти каждый венецианец оказался в бóльших или меньших долгах. После нескольких неудачных попыток взять ситуацию под контроль с помощью закона в 1395 году евреев изгнали из города, оставив им право возвращаться на срок не более пятнадцати дней. При этом они должны были носить отличи-

тельные знаки: сперва желтый круг на груди, затем желтую шапочку, потом высокую шляпу установленной окраски. Им запретили владеть недвижимостью и содержать школы, за исключением тех, кто работал врачом.

Постепенно они вернулись, ограничения ослабли. За последующие три столетия до падения республики их судьба складывалась по-разному, но их число по-прежнему было велико, а влияние значительно. Без них Венеция была бы гораздо беднее, как экономически, так и культурно.

Промышленность тоже попала под контроль государства. Главные ее отрасли хорошо защищались государственным запретом на экспорт сырья. Искусным мастерам запрещалось покидать город, а разглашение секретов ремесла каралось смертью. С другой стороны, Венеция приглашала иноземных ремесленников, например, немецких зеркальщиков и шелкопрядов из Лукки, предоставляя им место для поселения и даже освобождая на два года от платы за жилье. Большая часть функций контроля качества и условий труда* отводилась гильдиям, четко оформленные уставы которых утверждались правительством. Со временем, однако, эти организации приобрели большую самостоятельность и сыграли большую роль в структуре государства. В отличие от гильдий других итальянских городов — например флорентийских arti — они никогда не становились и не пытались стать политической силой. Большинство их членов не имели избирательного права с самого основания Большого совета, но патриции, которые хоть как-то представляли там их интересы, были не аристократами-феодалами, а по всей видимости, тоже членами гильдий. С другой стороны, гильдии отличались большим числом честных ремесленников, радевших о благе и

* Последнее положение, особенно в отношении использования детского труда, далеко предвосхитило подобные законы, принятые в Англии в XIX веке.

интересах общественности больше, чем о собственной выгоде или славе. Они же стали основой превосходной системы социального обеспечения, берущей на себя заботу о больных и престарелых членах гильдии, о содержании вдов и детей умерших. Когда гильдии становились богаче, их добрая воля распространялась за пределы своей организации. Сорок зданий скуол, сохранившиеся доныне, являют собой пример богатства и важности организаций, для которых они были построены*.

Но не одни гильдии занимались благотворительностью. К концу XIV столетия существовало около дюжины зажиточных горожан, занимавшихся этим в частном порядке, вероятно, ради престижа и славы филантропа. Нам известно, к примеру, что старый дож Дзорци основал приют для нищих детей, похожие заведения существовали для нищих женщин, другие старались упорядочить жизнь куртизанок и других групп неимущего населения. При приютах устраивались бесплатные больницы. По крайней мере одну из них Дзорци содержал лично.

Здоровье населения уже давно стали связывать с государственными успехами, и Венецианской республике принадлежит честь создания первой в Европе, если не в мире, государственной службы здравоохранения. Еще в 1335 году государство полностью оплачивало подготовку двенадцати врачей, которые вместе с другими лицензированными специалистами обязаны были прослушивать годичный курс анатомии, включающий рассечение трупов. После того как в 1368 году была основана государственная медицинская школа, они ежемесячно были обязаны встречаться, чтобы рассказывать друг другу о новых случаях заболеваний и методах лечения. К этому времени любой врач

---

* Среди них особенно выделяются скуола Кармини, скуола Сан Марко, скуола Сан Джорджо дельи Скьявони, скуола Джованни Евангелиста и скуола Сан Рокко. Из них переоборудованы для других нужд: скуола Сан Марко (сейчас общественная больница) и скуола Санта Мария делла Карита (теперь Академия).

Италии, квалификация которого получала хоть какую-то известность, мог быть уверен, что получит приглашение поселиться в Венеции на таких условиях, отказаться от которых будет непросто. В юридической сфере республика, наоборот, превратилась в поставщика талантов, и венецианские юристы ценились по всему полуострову. В качестве администраторов — особенно ректоров и подест — венецианцы имели такой спрос в других городах, что в 1306 году пришлось законодательно запретить занимать подобные должности без особого одобрения сената.

Таким образом, неудивительно, что к 1400 году граждан Венеции уважали по всей Европе за их богатство, красоту, мудрую систему управления и законодательство, защищавшее богатого и бедного, аристократа и ремесленника, венецианца и иноземца. В теории, а зачастую и на практике перед законом были равны все, живущие под знаменем Святого Марка. Естественно, в город валом повалили иностранцы: купцы, паломники, идущие в Святую землю, все большее число обычных путешественников, гонимых не столько интересами коммерции или зовом души, сколько любознательностью и жаждой приключений. Современник писал, что грубое венецианское произношение терялось в гомоне всевозможных языков, ежедневно звучавших на Пьяцце. В отличие от других средиземноморских портов, здесь приезжие чувствовали себя спокойно — республика содержала специально обученных служителей, обязанных присматривать за иностранцами, помогать им устроиться и следить, чтобы любая помощь оказывалась им вовремя, чтобы не разбавляли их вино, чтобы цены для них не завышали, чтобы они не заблудились и чтобы для них нашлось место на корабле, когда они вздумают двинуться дальше. В крайнем случае, если такого корабля не окажется, разве в самой Венеции не найдется дела?

И наконец, неудивительно, что граждане Венеции считали себя привилегированным сословием по сравнению с прочими и гордились своим городом, в котором им повезло родиться, и торговой империей, которую они создали. Они

могли иметь различное мнение о правительстве республики, но, сравнивая свою долю с участью жителей других мест, не могли не заметить, что у других таких благ не было. Кроме того, они гордились, что система управления их государства позволяет не зависеть от прихотей самодержавного деспота. Порой они могли пожаловаться на неудобства некоторых законов и ограничений, налагаемых государством на многие стороны повседневной жизни. Но такова была цена за то, чтобы считаться гражданами самого богатого, безопасного, прекрасно управляемого и красивого города цивилизованного мира. Это столетие принесло им тяжелую работу, отчаянную борьбу и много страданий. Теперь, сокрушив врагов, венецианцы смотрели в грядущий век уверенно и с надеждой.

Часть третья

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Как могла бы Венеция защититься от внешних врагов и невзгод, во-первых, если бы не имела такого расположения, при каком ее подданным надеяться не на кого, кроме самих себя (и это в самом деле можно приписать случаю), и во-вторых, если бы не обладала такой превосходной системой правосудия, что не найдется человека, могущего посягнуть на нее? Это нельзя объяснить никакой иной причиной, кроме их осторожности, которая выглядит тем значительнее, чем ближе мы присматриваемся. Коль скоро причиной этого явления выступает случай (если таковой существует), то это явление было бы непостоянно. Но ни в одной республике прежде не бывало так безмятежно и надежно, так спокойно и мирно, как в Венеции. Какая же другая причина, кроме случайности, найдется для этого? А мы видим, что меж прочими это самая спокойная и, значит, самая равноправная республика. Ее основу составляет единый закон, ее сенат, как перекати-поле, находится в постоянном движении, так что никогда не зарастет мхом чьих-то личных интересов и устремлений.

Джеймс Харрингтон.
Республика Океания. 1656

Глава 20

ИМПЕРИЯ РАСТЕТ (1405–1413)

...И ты, сын человеческий, подними плач о Тире

и скажи Тиру, поселившемуся на выступах в море, торгующему с народами на многих островах: так говорит Господь Бог: Тир! ты говоришь: «я совершенство красоты!»

Пределы твои — в сердце морей; строители твои усовершили красоту твою...

Всякие морские корабли и их корабельщики находились у тебя для производства торговли твоей.

Иезекииль 27:3–4, 9

Среди множества опасностей, грозящих писателю-историку, одна из самых коварных — невольное или даже подсознательное желание подправить исторические события, чтобы лучше их вписать в выбранную заранее схему. Среди множества поводов для сожалений один из самых горьких — в том, что события обычно не желают быть таким образом подправленными. Как было бы удобно, к примеру, привязать начало золотого века Венецианской республики (который приблизительно совпадает с XV веком) к началу правления дожа Микеле Стено, избранного 1 декабря 1400 года. Палеонтолог, для которого погрешность в одно-

два тысячелетия в порядке вещей, так бы и сделал. Но стараясь, насколько возможно, придерживаться истины, нужно сказать, что в 1400 году, несмотря на только что с таким трудом достигнутый мир, взгляды дожа и сената с тревогой обращались к Милану. Его правитель, Джан Галеаццо Висконти, продолжал распространять свою власть по Ломбардии и Романьи, Умбрии и Тоскане. Вряд ли в это время венецианцы говорили о золотом веке, многим более вероятной казалась возможность падения республики.

Однако через два года Джан Галеаццо умер, сраженный внезапной лихорадкой. У престола остались вдова и трое сыновей, едва вышедших из детского возраста. К январю 1405 года Каррара, правители Падуи, эти старые враги для Венеции, поступили так же, хотя и менее неожиданно — покинули сцену. Теперь, избавившись от опасностей, Венеция могла спокойно оглядеться, оценить обстановку и увидеть, что с Риальто открываются гораздо более многообещающие виды, чем раньше. Вот теперь пресловутый золотой век действительно наступил.

Стало ясно одно: жители республики стали нацией. Венецию с этого момента больше нельзя рассматривать просто как еще один североитальянский город-государство наподобие Милана, Флоренции или Вероны. Сами венецианцы так считали уже давно, если когда-либо вообще считали иначе. Вот уже почти тысячу лет эти две-три мили мелководья, отделяющие их от материка, не только защищали их от вторжений, но и надежно изолировали от политической жизни Италии, охраняя от войн гвельфов с гибеллинами, города с городом, вечно раздирающих полуостров. Венецию не затронул феодализм с его бесконечными территориальными конфликтами. Исключая периоды кризисов, у венецианцев было время заняться более полезными вещами — обратить внимание на Восток, на Византию и те левантийские и азиатские рынки, которыми питалось ее могущество. Когда Константинополь во время Четвертого крестового похода пал перед католиками, приобретение этих рынков позволило создать торговую империю, протянувшуюся от Во-

сточного Средиземноморья к Черному морю, и обогнать менее удачливых соседей. В этой торговой сфере только два итальянских города составили Венеции серьезную конкуренцию — Генуя и Пиза. Но Пиза быстро ослабла, а Генуя рухнула в 1380 году, после полувековой войны. Теперь, после падения династии Каррара, Венеция почувствовала себя хозяйкой значительной части северо-востока Италии, включая Падую, Виченцу и Верону. На западе подконтрольная ей территория простиралась до берегов озера Гарда. Такую полноправную европейскую державу должен населять народ не хуже, чем в Англии, Франции или Австрии.

Престиж Венеции рос вместе с ее богатством. В 1400 году, хотя Византийской империи оставалось жить еще полстолетия, Константинополь был лишь жалкой тенью некогда великой столицы, а Венеция повсеместно считалась самым красивым городом в мире. Пьяццу и Пьяццетту вымостили брусчаткой — не многие площади Европы могли похвалиться такой роскошью в то время, — они стали местом встречи путешественников с трех континентов. Собор Сан Марко, который в течение трехсот лет с момента его освящения непрерывно украшали, увенчался «готической короной» из мраморных бельведеров и резного растительного узора, изумившей Рескина по прошествии 450 лет*. Завершили и колокольню (хотя в XVI веке ее верхнюю часть перестроили), а на большом южном фасаде Дворца дожей не хватало только крытого балкона в центре, который появился в 1404 году. Новое здание протянулось вдоль Пьяццетты к северу до седьмой колонны, откуда последнее уцелевшее крыло старого здания дворца работы Себастьяно Дзиани доходило до угла базилики. (Его снесли только в 1423 году, и строительство продолжилось.)

---

* Рескин пишет: «...Наконец, будто в экстазе, арки тонут в мраморной пене и тянутся высоко в синее небо гирляндами изваянных побегов, как если бы волны перед волноломами на Лидо застыли за миг до разрушения и морские нимфы увили их кораллами и аметистами».

Дворец дожей, каким мы его знаем сейчас, несомненно, величайшая в мире готическая постройка светского характера. Неудивительно, что он стал примером для постройки готических дворцов по всему городу. Немало из них появились еще в XIV веке, некоторые сохранились и сейчас, к примеру палаццо Сагредо на Большом канале или самый необычный из всех, палаццо Ариан на Сан-Анджело Рафаэле с его филигранными очертаниями почти восточной сложности. За последующие 70 лет сформировалась традиция строительства в готическом стиле, достигшая апогея в «пламенеющих» чертах Ка'д'Оро 1425–1430 годов постройки, самого любимого и запоминающегося венецианского образца дворцовой архитектуры.

С церквями происходило то же самое. Оба великих нищенствующих ордена за полтора столетия так и не достроили свои церкви — францисканскую Санта Мария Глориоза деи Фрари и доминиканскую Санти Джованни э Паоло, хотя работы продолжались. За это время появилось много готических церквей, может быть, чуть меньшего размера, зато лучше украшенных. В середине XIV столетия была построена церковь Мадонны дель Орто, а также Сан Стефано и Кармини, хотя сегодняшний вид их фасадов обрели позже. За следующие полстолетия появились, помимо прочих, церкви Сан Грегорио и Санта Мария делла Карита, теперь принадлежащая Академии. Потом для церквей и дворцов наступила эпоха Антонио Гамбелло, затем Ломбарди и, наконец, Возрождения.

Архитектура Венеции, при всем своем великолепии, еще не достигла той изощренности, которую принес с собой наступающий век. Между блистательными зданиями, перед которыми толпились изумленные путешественники, оставались целые акры свободного пространства. В крайнем случае их занимали фруктовые сады, лодочные навесы и рыбачьи хижины. Даже в самых зажиточных кварталах улицы и площади чаще всего покрывала утоптанная земля, которая зимой превращалась в жижу, а летом постоянно увлажнялась, чтобы было меньше пыли. Свиньи из мо-

настыря Сан Антонио продолжали рыться по всему городу (их свободу ограничили только в 1409 году), а лошади все еще оставались основным средством передвижения. Число лошадей далеко превышало число гондол, и конюшни Микеле Стено считались лучшими в Европе.

Однако менее удачливые народы восхищались не только богатством Венеции и ее архитектурой, они восхищались также и ее системой управления. За пределами Венецианской республики по всей Италии царил век деспотизма. Только Венеция сохранила сильную, упорядоченную структуру республики, способную выдержать любую внутреннюю или внешнюю политическую бурю. Большинство граждан, правда, до реальной власти не допускалось. Последний след всеобщей власти — всеобщее собрание, или arengo — исчез в первой четверти наступающего столетия. Зато общественные службы были открыты для всех, независимо от сословия, и горожане гордились этим не меньше, чем материальными успехами, и мало кто из них сомневался в том, что администрация города представляет их интересы.

Сама администрация постоянно это подтверждала. Подавлялась любая попытка индивидуального или группового захвата власти, выходящая за рамки закона. Церковь уверенно держала свою позицию, занимаясь исключительно духовными вопросами и не вмешиваясь в государственные дела. Епископы избирались сенатом, в Риме их только утверждали. Все политические силы существовали в такой тщательно рассчитанной системе проверок и противовесов, чтобы исключить возможность их неэффективности. Основой олигархической пирамиды и источником власти был Большой совет, но поскольку он в то время состоял из 1500 человек (позже его состав превысил 2000), на его заседаниях решались очень многие вопросы. Обычную законодательную деятельность оставили на долю pregadi, теперь больше известных как сенат, состоявший обычно из 120 человек, но значительно возрастающий за счет государственных чиновников, по долгу службы при-

сутствовавших на заседаниях. На том же уровне, что и сенат, но как бы в стороне, находился Совет десяти, а на самом деле семнадцати, поскольку дож и синьория всегда присутствовали на заседаниях. Совет основали в 1310 году «для сохранения свободы и мирной жизни подданных республики и защиты их от узурпаторов власти». Он, несмотря на дурную славу, не всегда, впрочем, оправданную, был таким же инструментом конституционного контроля, как и любая другая организация, выбранная Большим советом на шесть месяцев. Три его главы сменялись ежемесячно и на срок службы не имели права покидать дворец.

На следующем уровне политической иерархии находилась коллегия, примерно соответствующая современному кабинету министров. Ее составляли savii grandi (великие старейшины). Должность председателя обновлялась каждую неделю. Среди них было трое savii da terra firma и трое savii agli ordini или da mar, военные министры, министры финансов и флота. Они осуществляли исполнительную власть правительства в отношении всех государственных дел, им же принадлежала большая часть законотворческих инициатив. Их избранный на неделю председатель исполнял роль премьер-министра республики.

И наконец, руководителем всех этих организаций был сам дож, воплощающий все величие венецианского государства, но всегда сопровождаемый шестью советниками, Малым советом синьории. Без их ведома, совета и поддержки ни один закон не имел силы. В отсутствие дожа решения могли утверждаться большинством голосов в синьории. Но, в отличие от любого государственного деятеля, дож избирался пожизненно, его избрание было итогом долгой, безукоризненной карьеры, за время которой он почти всегда успевал послужить на многих государственных постах и узнать жизнь государства с разных сторон. Возможно, он был лишь номинальным руководителем, хотя и обладал не меньшей властью, чем любой гражданин, но руководителем, к которому, несмотря на постоянную, по-

чти византийскую пышность праздников и шествий, можно было обратиться любому гражданину и иностранцу и быть выслушанным.

Дож Микеле Стено во всех отношениях по праву занимал место среди прочих повелителей. Даже если поверить неправдоподобной истории, даже если это его непристойные насмешки побудили Марино Фальеро пятьдесят с лишним лет назад составить безумный заговор, взрослую жизнь он провел на службе государству, которая с лихвой искупила всякую юношескую неосмотрительность. В 1379 году он храбро сражался в Пуле под командованием Витторо Пизани, а через два года отличился под Кьоджей, где позже получил должность подесты. По возвращении в Венецию он стал прокуратором на Сан Марко, при его правлении в базилике появился чудесный иконостас со статуями работы братьев делле Мазенье, отделяющий неф от алтаря. Чуть позже он был отправлен на переговоры и добился союза с Джано Галеаццо Висконти.

Таким был дож, который 4 января 1406 года вместе со своей синьорией занял место на Пьяццетте, под разноцветным балдахином, чтобы официально принять Падую в состав республики. Верона и Виченца таким образом уже были приняты, и церемония уже вошла в обычай. На этот раз Падую представляли 16 наиболее почетных ее граждан, одетых в алое и сопровождаемых многочисленными родственниками в зеленом и музыкантами. Стено передали сперва знамя города, затем жезл, потом ключи от города и, наконец, печати. Затем последовал пир, праздник и турнир, на котором городская знать предстала «в прекрасном сопровождении дам». К вечеру приглашенные вернулись в Падую, везя с собой венецианское знамя малинового шелка с золотым крылатым львом святого Марка.

Короче говоря, основной целью был праздник, а не изъявление покорности. Все три города подчинились Венеции, хоть и по-разному, но добровольно. Хотя дож избегал делать

в своих речах упор на покровительство Венеции, он поздравил веронцев словами Исаии: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий»*.

В соглашении пояснялось, что Венеция, насколько возможно, стремится сохранить местные институты власти. Такие вопросы, как налогообложение, судопроизводство и рекрутские наборы, понятно, Венеция оставляла в своей компетенции, решая их через военных и гражданских правителей, ответственных перед сенатом и Советом десяти соответственно. Но важно то, что гражданский правитель (ректор) каждого города должен был чтить старые гражданские законы. В Виченце он даже подчинялся избранному комитету из восемнадцати горожан, обязанных поправлять его, когда его решения противоречили традиционным законам города. В Вероне, где за время правления Скалигери механизм управления был сильно нарушен, создали по венецианскому образцу Большой совет из пятидесяти человек, избираемых ежегодно, и орган исполнительной власти из двенадцати человек. Еще венецианцы совместно с веронцами создали прекрасную систему образования, при которой дети бесплатно обучались в начальной школе и бесплатно готовились профессора права, гуманитарных наук и медицины. Их обучение оплачивалось из муниципального фонда, собираемого за зимние месяцы на поддержку научных изысканий и освобожденного от налогов. Кроме того, врачи были обязаны оставаться в городе в случае эпидемии чумы и даже в обычное время до тех пор, пока не вылечен каждый пациент. Такие меры приняли, чтобы снизить количество внезапных смертей больных, не знающих заранее о серьезности своего положения и не успевших привести в порядок свои дела. Теперь врачам следовало предупреждать больного о возможной смерти.

Интерес венецианцев к образованию и медицине передался и гражданам Падуи, так что их университет, старейший после Болоньи в Италии, получал ежегодное пособие в

---

* Ис 9:2.

4000 дукатов и возможность иметь дополнительный доход. Поскольку город был гораздо богаче Виченцы и Вероны, он, в отличие от них, обязался оплачивать половину содержания ректора. Со своей стороны, Венеция обязалась не вводить новых налогов, защитив падуанское производство вина и одежды, а в 1408 году построила на главной площади Падуи что-то вроде здания клуба, «где венецианские и падуанские граждане, люди доброй воли, могли бы встречаться и общаться ради укрепления взаимной любви и доверия». Когда через 12 лет этот палаццо Комунале уничтожил пожар (вместе с ним, к несчастью, погиб городской архив), прекрасная замена этому зданию была построена исключительно на деньги республики*.

Однако пока проходили все эти изъявления дружеских чувств, Венеция оставалась настороже. Двое молодых сыновей Франческо Новелло Каррара бежали. Это семейство так прославилось, что нельзя было не ждать от них нового заговора и попытки вернуть власть. Попытка отправить их в изгнание не удалась, и венецианцы назначили цену за их головы, как назначили недавно за двух выживших потомков Скалигери. Теперь в Падуе стремились уничтожить все, что связывалось с правлением Каррара. Былых друзей и дальних родственников изгоняли из города. Один из глав Совета десяти создал в Падуе особую службу, проверявшую книги и документы на предмет ценных упоминаний и свидетельств. Ничего полезного не нашли, но исследуемые документы вывезли в Венецию и там аккуратно разложили по полочкам. Вдруг понадобятся.

1406 год, начавшийся в Венеции праздником по случаю присоединения Падуи, закончился другим праздником. 19 декабря венецианец Анджело Коррер был избран папой римским под именем Григорий XII. Ему было около восьмидесяти лет, и вид он имел такой истощенный, что современ-

---

*Это здание, которого теперь нет, не следует путать с прекрасным палаццо делла Раджоне.

ник пишет о нем, что «его дух едва удерживался кожей и костями». Но этот дух сиял глубоким и чистым благочестием и только одним стремлением, делом всей его жизни — исправить великий раскол католической церкви.

Церковь находилась в состоянии раскола вот уже почти 30 лет. Папа Григорий XI в 1377 году переехал обратно в Авиньон, а через год умер, и следующие выборы отличались накалом страстей. Население Рима считало, что раз у французских кардиналов и их последователей своя дорога, а их ставленник вернулся в Авиньон, то это, пожалуй, к лучшему. Чтобы предотвратить смуту, от которой Рим мог и не оправиться, они взяли под контроль улицы и даже сам конклав. Опасаясь за свою жизнь, кардиналы выбрали итальянца, Урбана VI, объявившего, что папский престол остается в Риме. К несчастью, через неделю после избрания он поссорился с французскими и итальянскими кардиналами, и они в отчаянии объявили, что выборы проходили под принуждением и, следовательно, не имеют юридической силы, а затем избрали нового папу, Климента VII. Урбан, закрепившийся в Риме, отказался признать результаты новых выборов. Споры продолжались, с каждой стороны поступили предложения избрать новых пап. Когда венецианец Григорий XII стал третьим преемником Урбана на троне святого Петра, споры оставались все такими же ожесточенными.

Не прошло и недели, как Григорий написал антипапе Бенедикту XIII, преемнику Климента, в Марсель: «Поднимемся вместе и объединимся единым желанием». Если бы не нашлось галеры, чтобы доставить его к месту встречи, подошла бы рыбачья лодка. Если бы не оказалось лошадей, он пришел бы пешком. Если бы Бенедикт отрекся, он был бы рад сделать то же. Кардиналы с обеих сторон могли бы провести единые, бесспорные выборы. Такое решение было бы честным и искренним. Бенедикт со своей стороны принял предложение — ему было бы трудно отказаться — и предложил встретиться в Савоне. Но тут начались трудности. Савона была французской территорией и находилась

в сфере влияния Бенедикта. Путь из Рима обещал быть долгим, дорогим и очень опасным. Владислав, король Неаполитанский, имевший собственные причины желать продолжения раскола, попытался захватить Рим и помешать встрече пап. И хотя ему это не удалось, он предупредил Григория, что в его отсутствие Рим не будет в безопасности. В конце концов трудности службы одолели старика, он ослабел и все меньше сопротивлялся давлению своей родни, особенно двух племянников, которые проторили дорожку к папским сундукам и теперь противились каждому шагу, который мог бы ускорить его отречение.

По всем этим причинам встреча в Савоне так и не состоялась. В августе 1407 года Григорий все-таки начал свой путь на север, но 1 ноября, к назначенному сроку, он не добрался дальше Сиены. К апрелю, когда он добрался до Лукки, его опасения подтвердились — Владислав двинулся на Рим. Город, лишенный вождя, нищий, обездоленный, сдался почти без борьбы. Положение было хуже некуда. Оба папы оказались в отъезде, каждый упрекал другого в слабости веры, ситуация сложилась патовая, и шансы на примирение быстро таяли*. Ничего друг от друга они добиться не смогли. 25 марта 1409 года состоялся всеобщий церковный собор в Пизе, насчитывавший более пятисот священников. 5 июня он заклеймил и Григория, и Бенедикта как еретиков-раскольников. Христиане всего мира освобождались от любых обязательств перед ними. Объявлялся вселенский праздник: собор изберет единого понтифика. Собором был избран кардинал, архиепископ Миланский, некто Петр Филарг, который начал свои дни нищим приемышем на Крите, а закончил папой Александром V.

---

* Современник этих событий Леонардо Бруни писал: «Если один наступал, другой отступал. Если один был грозным зверем земным, то другой — тварью водяной. И так, на исходе сил и жизни, эти престарелые священники играли спокойствием и спасением христианского мира».

Теперь можно подумать, что обоим противникам настало время с честью сойти со сцены. В том, что они не еще сделали этого, следует винить собор. Никто из них его не созывал, призвав их и заклеймив смутьянами после их отказа, собор заявил о своем превосходстве над самим институтом папства, чего никогда не случалось. Немного дипломатии, немного тактичности и понимания по отношению к двум пожилым людям, каждый из которых был, хоть и на свой лад, честен, и раскол был бы преодолен, и не возникло бы такое абсурдное положение. А в сложившихся обстоятельствах оставалось только признать решение совета противоречащим канону и бороться.

Именно тогда Григорий совершил шаг, за который его впоследствии так проклинали. Он продал всю Папскую область Владиславу за 25 000 флоринов под предлогом того, что большего святотатства, чем решение собора, все равно уже не совершить. В исторической перспективе этот поступок кажется вполне объяснимым и не очень странным. Большая часть этой территории уже находилась под контролем Владислава. Для Григория XII продолжение военных действий не имело смысла, к тому же на это не было средств. Его поступок был лишь немного большим, чем просто признание свершившегося факта, однако позволил приобрести и деньги на продолжение борьбы, и, что не менее важно, сильного союзника в Италии. Он прекрасно знал, что Владислав, силы которого были рассредоточены, не сможет долго удерживать эту землю оружием. В самом деле, благодаря активности Флоренции и Сиены эта земля лишь до конца года оставалась у Неаполя.

На Риальто радость от избрания Григория вскоре сменилась растерянностью. До Пизанского собора республика оказывала ему полную поддержку. Теперь она находилась в затруднении. В августе 1409 года прибыли послы из Англии, Франции и Бургундии. Они просили венецианцев признать папу Александра. В то же время дож получил от Григория просьбу пропустить его через Венецию к Чивидале, что во

Фриули, где он собирался обосноваться. Несколько дней вопрос обсуждался в сенате, обе стороны нашли яростных приверженцев. Последовать просьбе Григория и выполнить долг по отношению к сыну Венеции призывали его родные и близкие. Другие напоминали, что папа Александр, рожденный на Крите, тоже является гражданином Венеции. Наконец, дож Стено произнес речь. Он заявил, что в интересах мира и христианского единства Пизанский собор избрал законного папу, и ему надлежит повсеместно оказывать уважение и послушание. Голосование показало 69 голосов против 48. По пути в Чивидале Григория тепло встречали в Кьодже, затем в Торчелло, только ворота родного города были перед ним закрыты. Они не открылись уже никогда.

Это решение сыграло важную роль для Венеции, утвердив прецедент, который согласовался с коллективистской философией венецианцев. Последствия его сохранились для всего института папства — любой папа стал подчиняться Вселенскому церковному собору. Что касается Григория, то, хоть он и ожидал, что ему откажут, и такое отношение глубоко его ранило, он не признал поражения. У него были свои принципы, а груз прожитых лет сделал его еще более упрямым. Кроме того, у него еще оставались могущественные сторонники, в числе их Руперт Пфальцкий, избранный в 1400 году королем Германии*, и Карло Малатеста, повелитель Римини. В свою очередь, Бенедикт, похоже, наживался на чужом несчастье. Вскоре стало понятно, что един-

* Священная Римская империя пришла в упадок со смертью Фридриха II в 1250 году. Теперь она стала довольно ущербной федерацией городов и княжеств под почетным управлением одного из своих правителей, носившего титул короля Римского и традиционно коронovавшегося папой. Но между 1250 годом и смертью Максимилиана в 1519 году из 18 королей только 5 действительно короновались в Риме. Последним был Фридрих III в 1452 году. Самого Максимилиана не короновали, его императорский титул, провозглашенный в 1508 году, не имел законного подтверждения. Карл V короновался, но в Болонье. Это была последняя коронация в Священной Римской империи.

ственным результатом Пизанского собора стало разделение христианского мира между тремя папами вместо двух. Кардиналов подстерегала неожиданность. Когда папа Александр — единственный из соперников, кто, видимо, мог выдержать борьбу, — в мае 1410 года неожиданно умер, у них не осталось времени для новых выборов.

Бальдасаре Косса, севший на папский трон под именем Иоанна XXIII*, как говорили тогда, отравил своего предшественника. Было ли это правдой, до сих пор неизвестно. Известно, однако, что прежде он был пиратом, в сущности, пиратом и остался. Живой, деятельный и крайне небрежный, своим карьерным взлетом он был обязан интригам и изворотливости. Морально и духовно он дискредитировал должность папы до уровня, небывало низкого со времен «порнократии» X века. Хронист того времени, Теодорих из Нима, писал, что поражен распространившимися по Болонье, где Косса получил папскую власть, слухами о том, что за первый год своего понтификата он соблазнил не менее сотни женщин, вдов и дев, не говоря уже о бессчетном количестве монашек. Счет за три последующих года, к сожалению, не приводится. Видимо, он велик, потому что 29 мая 1415 года в Констанце снова состоялся собор и, опираясь на опыт собора в Пизе, сместил Иоанна XXIII, заставив ратифицировать это решение собственноручно. Как пишет об этом Гиббон:

> Самые скандальные обвинения были сняты. Служителя Христа обвинили всего лишь в пиратстве, убийстве, разбое, содомии и инцесте, и после того, как он подписал признание, его отправили в тюрьму, осмотрительно препоручив его персону независимому городку у подножья Альп.

---

* Обстоятельства его избрания и последующего смещения не оставляют ему места в каноническом списке пап. Поэтому совершенно законно, хотя и не менее странно, что Анджело Ронкалли, став папой в 1958 году, выбрал такое же имя.

Затем, в начале июля, Григория XII убедили совершить почетное отречение, обещая, что в иерархии он будет вторым после папы. Такую привилегию обещать ему было нетрудно, учитывая, что его возраст приближался к девяноста годам, а выглядел он и того старше, так что долго ему не придется ею пользоваться. В самом деле, он прожил еще два года. К тому моменту антипапу Бенедикта тоже успели сместить. Наконец, в 1417 году, с избранием легитимного папы Мартина V, расколу пришел конец.

Первому венецианскому папе не повезло, и он опозорил понтификат. Будь он моложе и сильнее, не возникни у него затруднений с жадными и беспринципными родственниками, которые манипулировали им в своих интересах, он смог бы, как надеялся, преодолеть раскол. Увы, ему пришлось окончить жизнь, проиграв, но он не терял достоинства до самой смерти. Его позорный поступок, конечно, следует рассматривать как тактический маневр. Как показали условия отречения, даже отстраненный от власти, он не был дискредитирован.

Среди всех интриг и переворотов, вызванных расколом, Венеция, насколько возможно, занимала отстраненную позицию, решая поддержать ту или иную сторону только из тех соображений, что данная сторона может положить конец междоусобице. Только по этой причине она поддержала решение собора в Констанце и отправила к папе Мартину четырех послов знатного происхождения в знак своего согласия. В конце концов, для торговой республики не играло роли происхождение папы, кроме того, в худшие годы кризиса у нее нашлись другие заботы — возвращение далматского побережья, прямое следствие войны с императором Священной Римской империи.

Прошло уже полстолетия с тех пор, как пришлось уступить далматские города Венгрии, хотя эта потеря никогда не была мучительной. Теперь, когда в 1409 году Владислав Неаполитанский провозгласил себя королем Венгрии и предложил вернуть далматские города обратно за 100 000 фло-

ринов. Венеция тут же согласилась. Сделка состоялась 9 июня 1409 года, всего через 4 дня после низложения папы Григория, объявленного Пизанским собором. Теперь появились две проблемы. Во-первых, в городах стояли венгерские гарнизоны и некоторые города предпочли венгерских хозяев беспокойным венецианцам. Во-вторых, венгерский трон почти сразу же занял его законный наследник, король Сигизмунд, который считал Далмацию неотъемлемой частью своих владений, не говоря уже о том, что это был его единственный выход к морю. Поэтому в следующем году Сигизмунд, не преуспев в подготовке мятежа в Падуе и Вероне с помощью последних несчастных отпрысков Каррара и делла Скала, отправил во Фриули двадцатитысячную армию под командованием знаменитого молодого кондотьера того времени Флорентине Филиппо дельи Сколари, больше известного как Пиппо Спано.

Венеция тем временем изо всех сил пыталась избежать войны. К Сигизмунду были посланы два опытнейших дипломата — Джованни Барбариго и Томмазо Мочениго, которые доказывали (вполне справедливо), что Далмация должна оставаться под контролем Венеции, потому что Венеция в одиночку охраняет от пиратов все побережье Адриатики. Когда их не послушали, они предложили взять Далмацию у Венгрии в лен, ежегодно выплачивая дань в виде белой лошади и золотого покрывала. Сигизмунду, который только что был выбран императором Священной Римской империи, даже предложили эскадру венецианских галер, чтобы отвезти его в Рим на коронацию. Но Сигизмунд ничего не хотел слушать. Печальные посланники вернулись к лагуне, вслед за ними пришел Пиппо Спано. Вскоре были взяты Фельтре и Беллуно, объявился молодой Бруно делла Скала, взял себе громкий титул наместника империи и сел там править.

Венеция спешно собрала свою армию. Большая ее часть, как всегда, набиралась на сухопутных владениях. Командовали ею братья Карло и Пандольфо Малатеста. За 1411 год им удалось остановить венгерское наступление. В 1412 году

Пиппо вернулся с существенным подкреплением. В июне он смог высадить небольшой отряд на Лидо. Там же, возле Сан Николо, они отсиживались в бездействии, пока их оттуда не выгнали. Два месяца спустя Пиппо встретил возле Мотты, во Фриули, соединенные силы Пандольфо Малатесты и Николо Барбариго, которые поднялись по реке Ливенца на трех галерах и полусотне мелких судов, и потерпел от них очень серьезное поражение.

Эти столкновения показали обеим сторонам, что они зашли в тупик. Пиппо мог захватить еще участок венецианской суши, но он знал, что город ему никогда не взять. Со своей стороны Венеция имела уже большой опыт и точно знала: долина Ломбардии слишком велика, чтобы удержать ее. Враг мог отступать по ней почти бесконечно, гнать их бесконечно невозможно. Время шло, с обеих сторон росли затраты на войну, республика, которая и так уже обложила всех граждан десятипроцентным налогом, отправила к Сигизмунду новое посольство. Теперь император был очень рад выслушать послов. Поскольку он все еще заявлял свои права на Далмацию, постоянного мира достичь не удалось, но в 1413 году заключили пятилетнее перемирие, главным образом благодаря усилиям венецианского дипломата Томмазо Мочениго. В январе он все еще находился при императорском дворе в Лоди, когда ему доставили известие, вынудившее его немедленно вернуться: его избрали шестьдесят вторым дожем Венеции.

Глава 21

ДОЖ-ПРОРОК
(1413–1423)

Истина слетает с уст умирающего.

Мэтью Арнольд

Микеле Стено, умирая в 1413 году, на следующий день после Рождества*, оставил государство гораздо более сильным, протяженным по территории, несмотря на продолжающуюся войну с Венгрией, и значительно более богатым, чем принимал его. Однако за три года до этого он невольно спровоцировал конституционный кризис, результаты которого долго еще сказывались на положении дожа в государстве. Эта история связана с попыткой отменить решение Большого совета, но ее подробности до нас не дошли. Все же она привела к растерянности и недоверию к дожу. Стено, человек гордый и упрямый, отказался уступить, бросая вызов своим оппонентам, и дело могло кончиться для него изгнанием или даже эшафотом, как для Марино Фальеро. К счастью для него и для Венеции, возобладал здравый смысл, у тех, кто желал обвинить дожа, нашлись диплома-

* Его похоронили в церкви Санта Марина, а не в Серви, как утверждает Рескин. Возле гробницы висели ключи от Падуи. В 1820 году, когда эту церковь снесли, изображение ключей перенесли в Санти Джованни э Паоло и поместили над другим саркофагом.

тичные формулировки, и инцидент был исчерпан. Но не забыт. Еще до окончания правления Стено были приняты новые законы, ограничивающие власть дожа. Разрешалось любым двум или трем avogadori di comun обвинить дожа, если им покажется, что он словом или делом подверг опасности конституционные уложения. Из клятвы дожа, которую каждый дож подписывает при избрании, изъяли одно из уцелевших княжеских прав — право созвать всенародное собрание по своей воле. Теперь его можно было созывать только с одобрения Большого совета и сената.

Будучи венецианским патриотом семидесяти лет, новый дож, похоже, не стал возмущаться таким ограничением его прав. Первые сведения о Томмазо Мочениго, дошедшие до нас, говорят, что в 1379 году ему было дано страшное поручение доставить в Венецию известие об уничтожении ее флота генуэзцами в Пуле. Позже он служил генерал-капитаном в Черном море, где в 1396 году спасал остатки христианской армии — в основном венгров и французов — после разгрома ее при Никополе турецким султаном Баязетом I. С тех пор, как мы видим, его деятельность концентрировалась главным образом в дипломатической сфере, но едва он оказался в кресле дожа, ему снова пришлось столкнуться с растущей турецкой мощью. Но на этот раз смотреть на нее пришлось не со стороны. Впервые за свою историю Венецианская республика столкнулась с турками в открытую.

Удивительно, что подобное столкновение не произошло раньше. За последние полвека османская армия подчинила большую половину Балканского полуострова. В 1410 году византийский историк Михаил Дука не без оснований замечает, что скорее турки заселят Европу, чем появятся в Анатолии. Большинство христианских государств, по крайней мере в центральной и восточной части континента, уже узнали на себе турецкую сталь. Однако Венеция всегда предпочитала торговлю войне и находилась с турками в дружественных отношениях, скрепленных договором в 1413 году, который особый посол Франческо Фоскари подписал с новым султаном Мехметом I.

По сравнению с большинством османских правителей XIV–XV веков Мехмет был человеком миролюбивым. У него сложились прекрасные отношения с императором Мануилом Палеологом в Константинополе и не было ссор с Венецией. Однако весной 1416 года он послал османский флот против независимого островного герцогства Наксос, не дававшего покоя турецким судам в Эгейском море. Вдруг флот начал преследовать несколько венецианских торговых кораблей, возвращавшихся из Трапезунда, а когда те укрылись в порту Негропонта (современная Эвбея), турки напали на город. К счастью, под рукой оказалась венецианская эскадра. Ее командир Пьетро Лоредано попытался договориться с турецким адмиралом, стоявшем у Галлиполи, но дело зашло слишком далеко. Еще не закончились перетоворы, как оба флота начали сражение. Последовавшую за этим битву описывает сам Лоредано в своем отчете дожу и синьории. Отчет отмечен «Тенедос, 2 июня 1416 года» и гласит:

> Я, как командир, яростно атаковал первую галеру, принудив ее к упорной защите. Ее команду составляли турки, которые дрались подобно драконам. С Божьей помощью я одолел ее и порубил упомянутых турок на куски. Мне стоило большого труда сохранить эту галеру, потому что другие осыпали меня стрелами, когда я тащил ее к себе в порт. Я и вправду почувствовал эти стрелы, поскольку одна ударила меня в левую щеку, прямо под глазом, проколола щеку и нос, а другая пробила мне левую руку. Это если считать только серьезные раны. Я получил и множество других по всему телу, также и в правую руку, но они не имели серьезных последствий. Я не отступал и не отступил бы, пока жизнь оставалась во мне, но, продолжая яростно сражаться, я отразил нападавших, захватил первую галеру и утвердил на нее свой флаг... Затем, внезапно развернувшись, я протаранил галеот, порубил на куски многих из его команды, пустил на его борт своих людей и вновь утвердил свой флаг... Их флот отлично сражался, поскольку его составляли лучшие турецкие

моряки, но по Божьей милости и с помощью святого Марка, нашего богослова, мы наконец обратили их в бегство, многие из них позорно прыгали в море… Битва длилась с раннего утра до третьего часа дня. Мы взяли шесть их галер с командой и девять галеотов. Турки на них были преданы мечу, в их числе адмирал, все его племянники и многие другие капитаны…

Когда битва закончилась, мы подошли под стены Галлиполи, обстреливая город и призывая тех, кто находится внутри, выйти и сражаться, но они этого не сделали. Затем мы отошли, чтобы дать людям отдохнуть и перевязать раны… На борту захваченных судов мы нашли генуэзцев, каталонцев, сицилийцев, провансальцев и критян. Тех из них, кто не погиб в битве, я лично приказал изрубить и повесить, вместе с их штурманами и лоцманами, так что у турок их больше не осталось. Среди них оказался Джорджо Калерджи, бунтовавший против вашей милости, которого, несмотря на его многочисленные раны, я велел поместить на корме моей галеры в предупреждение каждому христианину, дабы не осмеливался служить неверным. Теперь можно сказать, что силы турок в этом регионе подорваны и останутся таковыми надолго. У меня одиннадцать сотен пленников…

Это была значительная победа. Нет никаких признаков того, что подобная жестокость, о которой сообщалось с таким хладнокровием, вызвала бы осуждение в республике или где-то еще. Соглашение о мире и дружбе действовало, его в следующем году подтвердил посланник султана Мехмета, принятый в Венеции с большой пышностью, содержавший свою огромную свиту за счет общественных средств и уехавший с грузом оказанных почестей и дорогих подарков.

Несмотря на бравый отчет Лоредано, венецианцы прекрасно понимали, что они выиграли только передышку, что Османская империя продолжит политику экспансии, цель которой — не только Константинополь, но и все Восточное

и Центральное Средиземноморье, а возможно, и больше. В то же время они продолжали попытки предотвратить непосредственную угрозу и обеспечить безопасную торговлю на море. Европа продолжала успокаивать себя мыслями, что турок им нечего бояться — дескать, Венеция всегда может поставить их на место.

С другой стороны, так же могли поставить на место и Венецию. Этой мыслью тешился Сигизмунд Венгерский, которому не давала покоя Далмация. В 1418 году пятилетнее перемирие, заключенное Томазо Мочениго, подошло к концу, а стороны так и не приблизились к согласию. Сигизмунд так и не желал слышать ни о причинах, по которым Венеция нуждалась в этой земле, ни об исторических правах на нее, ни о безопасности Адриатики от пиратов. Назревало продолжение войны. И хотя Венеция хорошо к ней подготовилась, заключив договор о взаимопомощи с Филиппо Мария Висконти, герцогом Миланским, и Иоанной II, наследницей брата Владислава, Дураццо, короля Неаполитанского, в 1418 году весть о том, что армия Сигизмунда вторглась во Фриули, встретили с гневом.

Этот регион, находящийся с северо-востока от Венеции, веками доставлял ей немало хлопот. Проблемы с наследными патриархами Аквилеи существовали почти столько же, сколько и сам город, а с тех пор как император Генрих IV в 1077 году даровал патриарху во временное владение целый регион, проблемы только обострились. Так сложилось, что это независимое герцогство, скорее германское, чем итальянское, с помощью других извечных неприятелей, графов Гориции, старалось с переменным успехом употребить свои средства и свою власть, чтобы навредить республике. Однако с королем Венгрии, их восточным соседом, они находились в прекрасных отношениях. Конечно, они поддержали венгерские претензии на Далмацию, но неожиданностью для всех стало то, что немец-патриарх не просто открыл свои границы для армии, идущей на Венецию, но и возглавил ее.

К счастью для Венеции, у нее тоже имелся хороший командир. Тристано Саворньяно был потомком одного из самых древних и заслуженных семейств Фриули. Его отца убили сторонники венгерского патриарха, после чего он уехал из родного Удино. К тому же он сражался на своей земле и мог пополнить те скромные силы, которые Венеция предоставила в его распоряжение. Недолго думая он принял вызов, объектом его мести стал именно патриарх. Вскоре были отвоеваны Сачиле, Фельтре и Беллуно — три города, которые Венеция потеряла в 1411 году. В 1420-м был осажден Удино, и патриарх, заключенный в его стенах, отчаянно стал просить Сигизмунда о помощи.

Но теперь у Сигизмунда были другие заботы. Год назад он унаследовал от своего брата корону Богемии, и теперь вступил в религиозную войну, причиной которой стал собор в Констанце, осудивший Яна Гуса. С востока напирали турки. Ничем помочь он не мог. Патриарх бежал в Горицию. Удино открыл ворота Саворньяно. Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, остальные города сдались без боя. По условиям мирного договора Фриули, кроме самой Аквилеи, Венеции отошли Сан-Вито и Сан-Даниале. Графство Горицция признало республику своим сюзереном. Теперь итальянские владения Венеции почти удвоились, а на северо-востоке появилась четкая, естественная граница — Альпы.

В это время Пьетро Лоредано, ответственный, как капитан залива, за безопасность Адриатики, в мае 1420 года вышел из лагуны с намерением утвердить власть республики в городах далматского побережья. Сигизмунд, все еще занятый гуситскими войнами, и здесь не смог распорядиться своими силами. Единственным городом, имевшим значительный гарнизон, был Трау (современный Трогир). Он продержался пару недель, остальные города подчинились добровольно, и Лоредано продолжил свое триумфальное шествие до самого Коринфа, затем сообщил домой, что вся Адриатика снова находится под контролем Венеции.

Несомненно, в начале XV столетия судьба улыбалась Венеции, но не только ей. Ее западный сосед, Филиппо Мария Висконти герцог Миланский, тоже преуспевал.

Его старший брат, Джованни Мария — второй сын Джана Галеаццо — был злобным садистом, любимым развлечением он считал травлю невинных людей собаками. Любопытная личность, хотя далеко не обаятельная. Его убили в 1412 году.

Сам Филиппо Мария, низенький, смуглый, безобразно разжиревший, вызывал острую ненависть подданных, поэтому избегал появлений на публике. Он очень боялся грозы, поэтому велел построить для себя звуконепроницаемую комнату. Более того, с тех пор как он пришел к власти, он очень боялся убийц и ночевал всякий раз в разных спальнях, иногда меняя две или три за ночь, под присмотром охраны, за которой, в свою очередь, присматривали. При этом он был очень жесток. Он не пожелал слушать возражений, когда его первую жену, Беатриче из Тенды, замучили, а затем казнили по подозрению в измене с пажом. Официально же считалось, что это человек мягкого нрава, добрый и набожный, любящий свою госпожу Аньезу дель Майно, верность которой он хранил до самой смерти.

Нужно ли говорить, что лично в битвах он никогда не участвовал? Войну, как он считал, лучше всего поручить специалистам. Сам он предпочитал оставаться во дворце и применять свои силы в тех областях, в которых он хорошо разбирался, — в дипломатии и интригах. Постепенно, шаг за шагом, он вернул территории, которые расхватали жадные генералы после смерти Джана Галеаццо. В ноябре 1421 года его армия отвоевала Геную, и процесс был закончен. Но Филиппо Мария не стал почивать на лаврах. Он знал, что каждый итальянский город, особенно на севере Италии, имеет свои давние традиции независимости и что если между империями нет естественных барьеров, их границы не могут быть неподвижными — империи будут расширяться и сжиматься. Теперь, когда свою собствен-

ность он вернул, можно было осмотреться вокруг в поисках еще каких-нибудь земель.

Первым городом, на который Висконти положил глаз, была Флоренция. Конечно, если бы об этом прознали флорентийцы, они быстро бы создали против него лигу, и первыми в этой лиге были бы венецианцы. Но когда в мае 1422 года их послы прибыли в Венецию, чтобы высказать предположение о возможности такого развития событий, Мочениго не пожелал их слушать. Он заявил, что республика всего три месяца назад заключила с Миланом двусторонний союз, предполагающий военную помощь друг другу даже против Венгрии. Венеция предпочитает оборонительные союзы такого рода наступательным. Успех Венеции основывается на торговле, а не на войнах, и ссориться с Миланом он не желает. Однако он доведет их дело до сведения сената, и благородные синьоры Флоренции в скором времени получат ответ.

Поскольку первая реакция оставляла мало шансов надеяться, флорентийцы не слишком удивились, когда их предложение отвергли. Все же они не оставляли своих попыток. В марте 1423 года они опять вернулись с новым предложением: Флоренция может использовать свои добрые связи с королем Венгрии, чтобы помочь добиться от него организации венецианских колоний. Тогда можно будет спокойно аннулировать договор с Висконти и заключить новый союз к выгоде обоих государств. И снова ответ дожа был отрицательным: Венеция признательна за такое доверие, но подобное посредничество уже пытались осуществить и не смогли. Известно, что король Сигизмунд не желает прислушиваться к разумным доводам. Следовательно, у Венеции не остается иного выбора, кроме поддержки дружеских отношений с Миланом.

Во второй раз флорентийские послы вернулись ни с чем. Однако они узнали кое-что, давшее им надежду на будущее. В сенате мнения разделились. Дож Мочениго уже высказал свое мнение, этому мнению нашелся противовес. Оп-

позицию возглавлял прокуратор Сан Марко, энергичный, уважаемый и сравнительно молодой Франческо Фоскари, приветствовавший союз с Флоренцией. Такую оппозицию не стоило сбрасывать со счетов, поскольку дож, которому уже исполнилось восемьдесят, умирал, и это было очевидно.

Длинная речь, произнесенная дожем в сенате, которая должна была положить конец спорам, чересчур изобиловала анахронизмами, поэтому выглядела неубедительно. Через пару дней ему пришлось произнести другую, гораздо более короткую, — перед членами синьории, которых он собрал, умирая. Насколько мы можем судить, она была искренней, поэтому лучше процитировать некоторые моменты, касающиеся не только внешней политики, но и обобщения экономического положения республики за те 9 лет, которые он находился у власти.

> За это время мы снизили наш национальный долг, оставшийся от войн за Падую, Виченцу и Верону, с десяти миллионов дукатов до шести... Сейчас наша внешняя торговля приносит десять миллионов, прирост ее составил не меньше двух миллионов. Венеция располагает 3000 малых судов с 17 000 моряков и 300 крупными судами с 8000 моряков. На море мы располагаем 45 галерами с командами, составляющими в общей сложности 11 000 человек. На работах заняты 3000 плотников и 3000 конопатчиков. Среди наших граждан насчитывается 3000 шелкопрядов и 16 000 изготовителей грубой ткани. Список наших затрат насчитывает 7 050 000 дукатов...
>
> Если вы продолжите начатый курс, ваш доход возрастет еще больше и в ваших руках окажется все золото христианского мира. Но пуще пожара опасайтесь всего, что связано с несправедливыми войнами, поскольку за такие ошибки правители расплачиваются перед Богом. Ваша битва с турками позволила увеличить богатства и сохранить морские пути. У вас есть шесть адмиралов, располагающих способными командирами и обученными ко-

мандами, которых хватит для оснащения сотни галер. У вас в достатке имеются послы и управляющие, доктора различных наук, особенно права, к услугам которых охотно обращаются иностранцы. Каждый год монетный двор чеканит миллион дукатов золотом и 200 000 серебром...

Все же берегитесь упадка. Тщательно выбирайте моего преемника, поскольку от вашего решения зависит: достанется городу великое благо или великое зло. Хорош мессир Марино Каравелло, также хороши мессиры Франческо Бембо, Джакомо Тревизано, Антонио Контарини, Фаустин Микиэль и Альбан Бадоэр. Многие, однако, склоняются к мессиру Франческо Фоскари, не зная, что он хвастливый суеслов, недалекий и легкомысленный, берущийся за многое, но достигающий малого. Если он станет дожем, вы непрестанно будете воевать. Он, имеющий десять тысяч дукатов, обратит их в одну тысячу. Он, владеющий двумя домами, не будет владеть ни одним. Все ваше золото и серебро, вся ваша честь и слава уйдут впустую. Ныне хозяева, вы станете рабами своих солдат и их капитанов.

По любым меркам это удивительная речь для умирающего. Такое, пожалуй, возможно только в Венеции. Не прошло и десяти дней, как стало ясно, что эта речь еще более удивительна. Голосом Томмазо Мочениго говорили не просто мудрость и опыт. Это было пророчество.

Глава 22

КАРМАНЬОЛА (1423–1432)

Полагаться на наемные и союзные войска бесполезно и опасно, и если кто-то рассчитывает утвердить свою власть с помощью наемников, то ему не видать покоя и благополучия, ибо они разобщены, тщеславны, недисциплинированны и ненадежны.

...Теперешние беды Италии происходят именно от того, что вот уже многие годы она довольствуется наемным оружием.

*Макиавелли. Государь. Глава XII**

Восторг и уважение, которые вызывал Томмазо Мочениго среди подданных, похоронивших его в церкви Санти Джованни э Паоло**, не смогли предотвратить того выбора, от которого он предостерегал. Хотя должны были бы — перед выборами наиболее вероятным избранником считал-

---

* Перевод с итальянского М. Юсима.

** Его гробница представляет собой странный гибрид венецианского и флорентийского стилей, готики и Возрождения. Сельватико, критик XIX века, описывает ее как «богатую, но некрасивую» («ricco, ma non bel»). Рескин — как «благородный пример смертности повелителей», что более справедливо, но менее точно.

ся Пьетро Лоредано, герой морского сражения у Галлиполи, произошедшего за 7 лет до этого. Позже говорили, что сторонники Франческо Фоскари коварно начали голосовать за кандидата, которого никто не хотел выбирать, заставив, таким образом, остальных проголосовать за Фоскари. Это похоже на правду, потому что как еще объяснить, что из списка, в котором числилось от 17 до 26 кандидатов, выбрали того, кто поначалу занимал 9–10 место? Ни одна самая мудрая система выборов не может быть полностью защищена от дьявольских уловок и ухищрений, если даже система, по которой народ Венеции выбирал своего вождя, не устояла перед ними. Однако если не вдаваться в детали, сами выборы состоялись должным образом, и 16 апреля 1423 года новый дож со своей супругой торжественно перебрался из своего дома во Дворец дожей во главе торжественного шествия, необычного даже для Венеции.

Церемония приведения к власти Франческо Фоскари была замечательна еще и по причине гораздо более существенной, чем зрелищность и пышность: впервые в истории Венеции не проводилось формального одобрения дожа народом. Посчитали, что даже такой безобидной фразе: «Вот ваш дож, если вам угодно», — не место в новой, идеальной олигархической системе. Наверное, торжественность процессии в стиле «хлеба и зрелищ» была попыткой отвлечь внимание народа от того, что у него отняли последние остатки его былой власти. Если так, то операция прошла успешно. Когда Фоскари пронесли на носилках по Пьяццетте мимо ликующих подданных, то не раздалось ни одного крика протеста. По сравнению с коронацией десятилетней давности, текст promissione теперь скрывал смертный приговор для давно отжившего свое института arengo — общего сбора всех взрослых граждан, ровесника самой республики. Фактически он уже был мертв.

Основные политические права масс были сведены к нулю, личная власть дожа стала чуточку больше. Возникает вопрос, как в таких обстоятельствах Мочениго догадался, что от его преемника зависит, выстоит Венеция или па-

дет? Допустим, Фоскари был властным человеком с сильным характером, его серьезное отношение к своему долгу дало ему влияние большее, чем предусматривалось конституцией. Но это не дает полного ответа на вопрос. Гораздо вероятнее, что умирающий дож знал, что результаты будущих выборов станут показателем господствующих настроений, а выбор Фоскари будет означать, что новые, имперские устремления возобладали над мирным духом торговли, создавшим великую республику.

Другой вопрос, был ли он прав в своих предположениях. Союз с Флоренцией, которому Мочениго так яростно противился, мог оказаться необходимой оборонительной мерой. Здесь Венеция могла как разрушать сама, так и быть разрушенной. С другой стороны, возникала опасность того, что Филиппо Мария Висконти тоже мог заключить союз с Сигизмундом, напав на республику одновременно с нескольких сторон, и так раскалить политический климат, чтобы не позволить венецианцам укрепить свои позиции. Поэтому, несмотря на симпатии нового дожа к флорентийцам, сенат по-прежнему отклонял идею войны. В это время миланская армия начала двигаться через Романью. В феврале 1424 года она взяла Имолу, а через пять месяцев наголову разбила десятитысячную флорентийскую армию у Дзагонары, захватив генерала Карло Малатесту, повелителя Римини. Венецианцы и теперь отказывались вмешиваться. Последовали новые поражения, новые флорентийские посольства, новые отказы. Но теперь, с каждой новой победой миланцев, аргументировать отказ становилось все труднее, особенно после того, как посланник, следуя скорее собственному приливу чувств, чем предварительно полученным инструкциям, внезапно пустился в угрозы:

> Синьоры Венеции! Если мы откажем Генуе в помощи, генуэзцы сами признают Филиппо своим господином. Мы, если не получим от вас поддержки в час нужды, сделаем его своим королем.

Это, по крайней мере, произвело впечатление на сенат, хотя он по-прежнему избегал открытого конфликта с Миланом. Висконти поспешно присылал новые заверения в своей преданности, и неизвестно, сколько бы продолжалась эта игра, если бы внезапно не появилась с просьбой об аудиенции у дожа еще одна фигура.

Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола (место его рождения в Пьемонт) был одним из самых прославленных кондотьеров того времени. Сын бедного крестьянина (некоторые историки менее деликатно называли его свинопасом), Карманьола почти всю жизнь служил Висконти. Его смелость, находчивость и военная смекалка создали ему в Италии, а может быть, и в Европе, славу непревзойденного командира. Именно ему Филиппо Мария был обязан серией блестящих кампаний, в результате которых к нему вернулись владения его отца, а к ним прибавились новые. Это он вел миланскую армию от одной победы к другой. Между этими победами он совершил самый славный подвиг — завоевал доверие герцога. Висконти пожаловал за его мужество роскошный палаццо. Карманьола, не теряя времени, добился большего — годового дохода в 40 000 флоринов золотом, освобождения от всех налогов, титула, а в 1417 году — руки одной из кузин герцога Антонии Висконти.

Но Филиппо Мария никогда никому не доверял полностью. Не мог он забыть и того, что генерал был кондотьером до мозга костей, а в языке кондотьеров не было слова «покорность». Они ее даже не изображали. Их мечи продавались вполне открыто, и владел ими тот, кто платил большую цену. Эта цена была высока, а при постоянных долгих войнах она взлетала до крайних пределов. Репутация кондотьера нуждалась в победах, но в его же интересах было следить за тем, чтобы эти победы не были окончательными, чтобы оставался простор для будущей деятельности. Поэтому, добившись преимущества, он редко доводил дело до конца. А если, что случалось часто, с обеих сторон в войне

участвовали армии кондотьеров, война превращалась в игру бесконечных хитростей и уловок, чтобы свести число жертв к минимуму, а по возможности и вовсе избежать неудобств. Во всем этом мы видим подтверждение слов такого авторитета, как Макиавелли, посвятившего обличительной речи против использования наемников целую главу своей книги «Государь». Он отмечал, что они никогда не берут города ночью и не воюют зимой, и уточнял, что зима для кондотьера начинается в августе.

Все это Филиппо Мария отлично знал. Он хорошо знал, что оплата наемников легко превращается в пустую трату денег, в плату за то, чтобы они не воевали за кого-нибудь другого. Конечно, все это он учитывал, когда пытался, награждая за заслуги, поднять Карманьолу на второе после себя место. Он хотел привязать его к Милану так, чтобы служба любому другому государству стала для него немыслима.

Почему его политика оказалась проигрышной, историки спорят до сих пор. Возможно, проблемы начались в октябре 1422 года, после назначения его правителем Генуи. Это был прибыльный, ответственный и стратегически важный пост, но он имел две опасных особенности. Во-первых, занимая его, Карманьола не мог командовать миланскими армиями, медленно, но неуклонно идущими на Флоренцию. При этом Филиппо Мария вынужден был искать менее дорогостоящих генералов, делая очевидным, что этот прославленный полководец не так уж ему нужен. (Среди новых генералов оказался молодой человек по имени Франческо Сфорца.) Во-вторых, это позволяло держать Карманьолу подальше от Милана, и его враги при герцогском дворе могли беспрепятственно интриговать против него. Таким образом, летом 1424 года он начал подозревать, что его собираются потихоньку отстранить от дел, поэтому осенью Карманьола, не объясняя причин, отказался от губернаторства. Он поспешил в Милан и потребовал непосредственной встречи с Филиппо. Ему отказали. Теперь, встревоженный и напуганный (пожалуй, не без основания), опасающийся за собственную жизнь, он покинул город и провел зиму в

Пьемонте, оценивая свое положение. В начале 1425 года он собрался с мыслями и 23 февраля добрался до Венеции.

Прибыл он как нельзя вовремя. Появление самого прославленного генерала эпохи подтверждало худшие опасения насчет амбиций Висконти и информацию о том, что он слаб. Карманьола предложил вести венецианскую армию против бывшего своего благодетеля, чем произвел глубокое впечатление на сенат. Через неделю его предложение в принципе было принято, и Карманьола выехал в Тревизо, где предстояло подписать договор с Флоренцией и где, согласно тайному плану, Филиппо Мария собирался отравить его (что подтверждено документально). Даже теперь дипломатические и военные приготовления заняли целый год, но к февралю 1426 года долгожданная лига была создана и Карманьолу назначили главнокомандующим венецианской армией на terra firma с содержанием в тысячу золотых дукатов в месяц. На торжественной церемонии в базилике Сан Марко он получил из рук дожа знамя Святого Марка.

Это была сухопутная война, исполненная самых больших амбиций, в которую когда-либо оказывалась втянута Венеция. За время этой войны границы ее наземных владений растянулись до пределов, невиданных прежде. Правда, не благодаря Карманьоле. Как только он принял командование, стало понятно, что былая энергичность его покинула. Первой его целью стала Брешa. Как известно, жители Брешии не питали любви к своим миланским повелителям, так что неудивительно, что нижний город сдался еще до его подхода. Гарнизон укрылся в цитадели и приготовился к осаде. Но едва Карманьола приступил к осаде, как подхватил лихорадку и отступил, убедив республику отправить его для лечения на воды в Абано. В мае он вернулся в Венецию, воодушевленный новостями о причислении его к венецианской знати для большего рвения. Однако это рвение так и не проявилось. Сенат известили, что этот хитрец, находясь на лечении в Абано, сошелся с агентами Висконти и

общался с ними каждый день. Предполагалось, что он работает на два лагеря. Как ни странно, сенат не приказал тут же прекратить эти контакты. Карманьола вернулся в Брешу только для того, чтобы в октябре снова пожаловаться на свое здоровье. 20 ноября, когда он все еще был в отъезде, цитадель сдалась.

К тому времени уже начались мирные переговоры, инспирированные отнюдь не Карманьолой, но папой, и 30 декабря в монастыре Сан Джордико Мадикоре подписали мирный договор. По его условиям Филиппо Мария должен был отдать не только Брешу и Брешано, но еще, несмотря на явную его неохоту, жену и детей Карманьолы, которых кондотьер, уезжая в спешке, оставил. Со своей стороны, Висконти получал передышку. Хотя в условиях договора не было сказано, что он временный, обе стороны понимали, что спор между ними не решен. Герцог продолжал наращивать силы, и Венеция и Флоренция почувствовали угрозу. Не прошло и двух месяцев, как война возобновилась.

Если поначалу венецианцам казалось, что они, хотя бы отчасти, привязали к себе генерала, вывезя из Милана его семью, и теперь он примется за эту невнятную кампанию с новой силой, вскоре их иллюзии развеялись. 2 марта 1427 года он снова отбыл на лечение, а через пару дней Филиппо Мария провел комбинированную атаку сухопутной армии и речного флота на Казальмаджоре, стратегическую торговую базу Венеции, находившуюся на берегу реки По, недалеко от Кремоны. За Карманьолой в Абано послали гонцов, требуя снарядить ответный поход, но тщетно. Находясь в каких-нибудь 60 милях от осажденного города, он и не подумал сдвинуться с места, а в апреле, когда он все-таки сдвинулся с места, стал приносить бесконечные извинения за то, что так и не вступил в бой с врагом. Похоже, он даже и не старался, чтобы эти извинения выглядели правдоподобно. Сперва он мотивировал это тем, что для лошадей припасено недостаточно фуража. Потом ему нужно было больше денег. Затем армия его была недостаточна, хотя в то время у него было 16 000 конных и 6000 пеших солдат. Ка-

зальмаджоре пал, а сенат все еще молчал, позволяя Карманьоле следовать своим путем, хотя он делал это очень медленно. Когда же он наконец начал наступление, то почти сразу же попал в засаду, которой, по здравом размышлении, легко мог бы избежать. И хотя за лето он смог отбить Казальмаджоре, это случилось не по его инициативе, а из-за неожиданного маневра герцога Савойского, благодаря которому Филиппо Мария был вынужден вывести из этой местности почти все войска. К началу сентября Карманьола вновь отступил в безопасную Брешу и стал поговаривать о зимних квартирах.

Неудивительно, что венецианцы, глядя, как за лучшую часть года он достиг немногого, не за многое и бравшись, стали нелестно поговаривать об этом кондотьере. Вопрос заключался не только в том, почему они так дорого за него платят, но и за кого он на самом деле воюет. Слухи о растущем недовольстве добрались до Карманьолы и, кажется, его взволновали, потому что он поторопился написать дожу Фоскари письмо и попенять ему. В ответ дож заверил его, что он по-прежнему может вполне полагаться на республику, и отправил к чиковникам, представляющим Карманьолу, Андреа Морозини с наказом держать свои подозрения при себе, объясняя наказ тем, что «в руках Карманьолы находится безопасность государства». Так Венеция оказалась перед выбором: платить огромные суммы бесполезному генералу, от которого можно ожидать любой измены, или нажить могущественного врага, которому подчинялась вся армия.

Беспокоился сенат, беспокоился и Карманьола. У него, несомненно, имелись свои источники информации об общественном мнении в Венеции, он знал, что подходит к концу и доверие к нему, и терпение тех, кто ему платит. Иными словами, ему понадобилась победа, настолько крупная, насколько возможно. Неожиданно его лень исчезла. Разговоров о зимних квартирах больше не возникало. Он вторгся на территорию врага, встретился с миланской армией под командованием Карло Малатесты у городка Макало,

также известного как Маклодио, на речке Ольо, и 11 октября 1427 года почти уничтожил ее. В плен попали 8000 миланцев, в том числе и сам Малатеста, захватили большое количество припасов и вооружения.

Это была единственная великая победа в этой войне. Когда вести о ней дошли до Венеции, праздник там был тоже великий. Карманьола вернул себе популярность. Дож отправил ему исполненное выражений признательности письмо и пожаловал ему дворец на площади Сан-Стае* — бывшую собственность Малатесты — и имение в Брешиа с доходом 500 дукатов в год. Однако вскоре об этом порыве пришлось пожалеть. Стало известно, что Карманьола освободил всех своих пленников до единого — цвет армии Филиппо Марии — и теперь отказывается закрепить свою победу быстрым наступлением на почти беззащитную Кремону, взятие которой открыло бы дорогу к самому Милану. Вместо этого он ограничился несколькими беспорядочными стычками и, несмотря на протесты венецианцев, отошел на зимние квартиры.

В это время папские дипломаты старались добиться нового перемирия, более длительного, чем предыдущее. Их задача была нелегка, поскольку республика не соглашалась на меньшее, чем Бергамо со всеми окрестностями. Также, желая, чтобы Карманьола больше никак не зависел от герцога Миланского, от Филиппо Марии требовали, чтобы он отказался от прав сюзерена на все миланские имения, еще остававшиеся у кондотьера. Переговоры продолжались в Ферраре всю зиму. Миланец неохотно согласился с первым требованием, но отказался выполнить второе. Наконец, главным образом потому, что ему требовалась передышка на восстановление армии и возмещение потерь, был достигнут непростой компромисс, и 19 апреля 1428 года подписали мирный договор. По его условиям Венеция расши-

---

* Этот дворец сгорел в XIX столетии. Его место, сразу за палаццо Приули-Бон, к западу от площади Сан-Стае, сейчас пустует.

рила свои владения на запад, до самой реки Адда — предела, которого когда-либо достигали границы ее владений*. С небольшими изменениями очертания ее границ оставались такими до конца ее существования как независимого государства.

Мир продлился почти два года — дольше, чем рассчитывали обе стороны. Пока он продолжался, Филиппо Мария не оставлял попыток вернуть в свое распоряжение Карманьолу, Венеция старалась его удержать, а сам кондотьер преспокойно играл на их разногласиях. Из них троих он лучше всех справлялся со своей ролью. В январе 1429 года он подписал с сенатом новый контракт, еще более выгодный для него. По его условиям он ежемесячно получал жалование в 1000 дукатов в течение двух лет, вне зависимости от того, ведет он боевые действия или нет. Вдобавок к этому ему досталось еще одно имение с годовым доходом в 6000 дукатов. Мало того, ему давалось право вершить в своем войске суд, как военный, так и гражданский. Это право не действовало только в городах, где правили посаженные Венецией правители. В то же время он почти ежедневно сообщался с Филиппо Марией, и хотя аккуратно сообщал об этом в Венецию, сенат постоянно выражал сожаление, что предложение порвать с герцогом Миланским игнорируется.

Теперь устремления Карманьолы стали всем понятны. Он замахнулся на трон государя и собирался основать новую династию. В дальние планы Венеции это входило, и в августе 1430 года это ему было обещано сенатом в обмен на взятие Милана. Вопрос, сдержал бы сенат свое обещание или нет, остался открытым. Возможно, тогда Венеция получила бы более опасного соседа, чем даже Филиппо Мария, но сейчас потенциальный враг был лучше реального, и рискнуть стоило.

---

* Впоследствии они увеличивались еще немного, но на короткий срок.

Когда в начале 1431 года возобновились военные действия, никто в Венеции не допускал и мысли, что Карманьолу, давал он обещания или нет, будет волновать что-нибудь, кроме собственных интересов. Он мог получить какие-нибудь письма от своих нанимателей с предупреждениями, хотя и не последовал их советам. Среди венецианцев, по всей Европе славившихся предприимчивостью и умением ловить удачу, он мог даже вызывать сочувствие, но это все равно не объясняет его поведения. К примеру, ему мешали его очевидные ошибки. Допускал он их по глупости? Если это верно, то как ему удавалось демонстрировать качества прекрасного полководца, например в Маклодио? Может быть, всему виной усталость? Или он впрямь серьезно подорвал здоровье, как можно заключить из его частых поездок на воды? Или — что менее всего вероятно — он осуществлял тайный план Висконти? Но если так, почему он давал сенату подробнейшие отчеты о своих встречах с Висконти, сообщая гораздо более ценные сведения, чем могли добыть агенты Совета десяти?

Но ошибки были налицо, в том числе такие, за которые Карманьолу не могли не привлечь к ответу. Возможность взять Лоди без единого выстрела пропала даром из-за того, что он не успел вовремя. У Сончино он позволил себя окружить. 26 июня по его приказу венецианский речной флот двинулся вверх по реке По навстречу миланской армии. Результаты этого были самые плачевные. Капитан флота Николо Тревизано снова и снова посылал к Карманьоле за помощью, но он так и не двинулся с места, несмотря на сильное давление проведитора Паоло Коррера — официального представителя дожа — и на тот факт, что армия стояла всего лишь в нескольких сотнях ярдов от арены событий.

После этого, благодаря усилиям Коррера, Карманьола вынужден был вернуться в Венецию и защищать уже себя самого. Сенат едва выслушал его версию случившегося. Дело дошло до предложения Тревизо заключить его в тюрьму и лишить прав. Вскоре Карманьола снова принялся испытывать их терпение. Не прошло и двух недель, как сенат полу-

чил его предложение закончить военную кампанию этого года в конце августа. После этого к нему в лагерь были посланы два специальных эмиссара с приказом дать отчет об истинных причинах его бездействия и оценить потраченное впустую время, в то же время заставить его возобновить наступление на Сончино и Кремону и, если возможно, занять позицию за Аддой. В сентябре последовала беспрецедентная мера — ему запретили отступить на зиму. Кампанию следовало продолжать.

Он продолжал ее еще месяц без всяких результатов. Потом, в первую неделю октября, пойдя на открытое неповиновение приказам сената, Карманьола отвел часть своей армии. Сам он оставался возле Кремоны. До города уже было не больше трех миль, когда один его офицер из известной кремонской семьи Кавалькабо, пострадавшей несколько лет назад в ходе политического переворота, предпринял внезапную ночную атаку и занял пригородную крепость Сан-Лука. Получив от командира поддержку, он мог взять к утру весь город. Но Карманьола подошел слишком поздно. На этот раз его задержку все посчитали намеренной.

В первых дошедших до Венеции сведениях говорилось, что взяли Кремону. Путаница вызвала гнев, а ее причина — растерянность. На этот случай у сената уже был заготовлен ответ, что они «должны получше ознакомиться с делом Карманьолы, чтобы понять, как бороться с постоянными задержками и дороговизной». Никаких мер против кондотьера не приняли, что тоже казалось похожим на измену, потому что с трудом объяснялось служебным небрежением. Но теперь силок был приготовлен, и, когда в начале 1432 года были оставлены 4 мелких городка, причем один из них по прямому приказу Карманьолы, он начал затягиваться.

27 мая Совет десяти рассмотрел показания против Карманьолы и решил принять немедленные меры. В первую очередь они потребовали собрать zonta — дополнительных участников совета, как обычно делалось в чрезвычайных обстоятельствах для принятия важных решений. Потом

они постановили, что любой, кто разгласит подробности этого дела, достоин смерти. Наконец, они отправили своего главного секретаря в Брешу к Карманьоле с предписанием ему явиться в Венецию со всею возможной поспешностью.

С этого момента действия Совета десяти, очевидно, преследовали одну главную цель: Карманьола не должен сбежать ни в Милан, ни куда-то еще. Пока он добирался до Венеции, делалось все, чтобы не вызвать его подозрений. Причиной его вызова считалось обсуждение дальнейшего хода кампании, различные варианты которой обсуждались в деталях. При этом маркиз Мантуи тоже был приглашен для участия в обсуждении. Всем губернаторам и чиновникам городов между Брешей и Венецией было приказано выделять для Карманьолы вооруженный эскорт на каждый промежуток его пути, отдавая все возможные почести, каких заслуживает его положение. Если же он проявит малейшее нежелание следовать дальше, его необходимо было арестовать и ждать дальнейших приказов.

Все эти предосторожности оказались излишними. Карманьола сразу же согласился ехать в Венецию и за всю дорогу не проявил ни малейших колебаний. Когда 7 апреля он прибыл, его пригласили во Дворец дожей и вежливо попросили подождать, пока дож Фоскари не будет готов принять его. Через некоторое время один из старейшин, Леонардо Мочениго, пришел принести извинения за промедление. Встреча откладывалась на следующее утро. Карманьола встал, чтобы выйти. Он уже спустился по лестнице и собирался выйти на Риву, когда один из аристократов заступил ему путь и указал на дверь, ведущую к темницам.

— Это не та дорога, — возразил Карманьола.

— Прошу прощения, мой господин, та самая, — последовал ответ.

Тогда и только тогда осознал кондотьер, в какую ловушку он угодил.

— Son perduto, — пробормотал он, когда за ним захлопнулись двери. — Я пропал.

Через два дня начался суд. Карманьолу допрашивал, как утверждают документы из городского архива, «пыточных дел мастер из Падуи», поэтому неудивительно, что он во всем сознался. Его жену и слуг, не говоря уже о загадочной особе, часто появлявшейся в его доме, которая в документах именуется просто «la Bella» («Красотка»), допросили тоже, но гораздо более гуманно. Все его бумаги и письма привезли из Бреши и подвергли тщательнейшему исследованию. К несчастью, многие из официальных заключений, в том числе и обвинительное, пропали, но, видимо, показаний для суда хватало. 5 мая, после десятидневного перерыва на святую седьмицу и Пасху, Карманьола был признан виновным в измене. 26 судей голосовали в пользу обвинения и один против. Относительно приговора обвинения разделились больше. Предложение о пожизненном заключении, вынесенное дожем и тремя его советниками, собрало 8 голосов. 19 судей высказались за смертную казнь. В тот же вечер кондотьера, одетого в малиновый бархат, с кляпом во рту и скованными за спиной руками, отвели на Пьяццетту, где между двух колонн находилось место публичных казней. Голову его отделили от плеч с третьего удара. Затем его тело в сопровождении двенадцати факельщиков отвезли к церкви Сан Франческо делла Винья, чтобы там похоронить. Но едва принялись за работу, как явился его духовник и сказал, что последней волей Карманьола завещал похоронить себя в церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари. Туда он и был перенесен*. Добычу Карманьолы конфис-

---

* Позднее его перевезли в Милан, где в церкви Сан Франческо Гранде он покоился вместе со своей семьей. В конце XVIII века, когда ее снесли, говорят, его останки вернулись во церковь Санта Мария Глориоза деи Фрари, там их поместили в деревянный саркофаг над дверями южного придела, обращенными к монастырю. Но в 1874 году саркофаг вскрыли для проверки и не обнаружили на останках следов палаческого топора. Следовательно, эти останки не могут принадлежать Карманьоле, а место его последнего упокоения скрыто пеленой истории.

ковали, оставив только 10 000 дукатов вдове и по 5000 каждому из сыновей, чтобы обеспечить им пристойное содержание. Решение в подобных обстоятельствах очень благородное. Вряд ли в каком-нибудь другом из городов Италии можно было ожидать подобного.

Вероятно, историю о Карманьоле следует рассказать подробнее, не только чтобы пояснить, каким странным образом Венеция раздвинула на запад границы своих владений на суше, но и для того, чтобы показать, какой силой наделялись кондотьеры в начале XV века и как они себя вели. Этот герой интересен скорее тем, что он воплощал типичного кондотьера, чем своей участью, которую он несомненно заслужил. Примерно через 400 лет вошло в моду представлять его невинной жертвой интриг в венецианской государственной системе. Но даже если предположить, что обвинение в измене было бездоказательным, Карманьола никак не вписывается в образ невинной жертвы. Известно, что на службе у Висконти он получил две жестокие раны, от которых полностью так и не оправился. Нет причин полагать, что жалобы на здоровье, из-за чего он несколько раз ездил к различным целебным источникам, всего лишь выдумка. Можно также доказать, что Филиппо Мария, его крупная и прекрасно организованная армия и его команда талантливых военных лидеров представляла собой более опасного врага, чем пестрая компания мелких князьков, противостоявшая Карманьоле до того, как он начал служить Венеции. Но такое частичное объяснение его не оправдывает. Если он не мог воевать из-за болезни, не нужно было брать за это венецианских денег, все больше и больше завышая цену и угрожая в случае отказа вернуться на прежнюю сторону. А если он просто был не таким хорошим командиром, каким славился, то его апатия и нежелание ввязываться в бой и вовсе непростительны.

Венеция, со своей стороны, принимая все новые и новые условия и пытаясь всеми известными способами побу-

дить своего генерала к действию, не могла, в конце концов, поступить иначе. Чтобы защитить свои новые завоевания, нужно было нанимать новых кондотьеров. Теперь стало ясно, что малейшие колебания или признаки слабости они постараются использовать и будут поступать, как их предшественник. Значит, нужна была твердая рука. Венеция извлекла из этой истории ценный урок, поэтому два других солдата удачи вскоре сослужили ей важную службу, в особенности один из них.

Глава 23

ПЕРЕВОРОТ (1432–1455)

Бесчисленными примерами несомненно подтверждается, что дела человеческие подвержены колебаниям и переменам, как воды небесные, влекомые ветрами. И сколь пагубны также и для них самих опрометчивые дела правителей наших, влекомых тщетным устремлением к преходящим благам и радостям. Таким повелителям недосуг разглядеть непостоянство удачи. Но пренебрегая мощью, данной им для благих дел, становятся они повелителями беспорядка и смуты, порождаемых их заблуждениями.

Гвиччардини. История Италии

Несмотря на заминки Карманьолы, за шесть лет войны Венеция значительно расширила границы своих владений. И хотя войне предстояло продолжаться еще четверть века, но уже с перерывами и большой осторожностью. Крупных наступлений в ней уже почти не было. В августе 1435 года Венеция подписала мирный договор с императором Сигизмундом, который, проезжая четыре года назад через Милан по пути на коронацию в Рим, был крайне оскорблен, когда Филиппо Мария отказался принять его. Тогда была

утверждена западная граница венецианских владений по реке Адда. С этого времени республика не посягала на новые территории, а сосредоточилась на защите имеющихся и сдерживании Милана. Что касается Милана, то тут Венеция была далеко не единственной. Ее роль сводилась к частичной поддержке Флоренции, гораздо больше рисковавшей стать добычей миланской армии. На протяжении всей войны Венеция давала понять, что готова заключить мир, хотя бы временный, в отличие от менее удачливых союзников.

Один из таких мирных договоров был подписан еще весной 1433 года в Ферраре, но он омрачился недоверием со стороны Висконти. Само собой, договор предполагал обмен пленными. В числе пленных состоял и венецианец Джорджо Корнаро, бывший проведитор, воевавший под командованием Карманьолы и захваченный в бою. Когда миланцы отпустили пленных, Корнаро среди них не оказалось. На отдельную просьбу Венеции об его освобождении последовал ответ, что он умер в плену. Бывшие пленники уверяли, что это ложь. Правда состояла в том, что Корнаро пострадал от пыток, когда у него пытались разузнать, что его начальству известно о контактах Карманьолы с Миланом и кто состоял в обвинителях. Он смог вернуться в Венецию только через шесть лет, в 1439 году, преждевременно постаревшим и покалеченным. Едва успев рассказать о своих мучениях, он умер.

За этот короткий период непростого мира Венеция столкнулась с проблемами самого различного рода. В 1431 году Вселенский церковный собор, проводившийся в Базеле, провел дальнейшие реформы, касавшиеся высших церковных чинов. Как и ранее в Пизе и Констанце, собор был созван группой кардиналов, независимо от воли папы. Неудивительно, что папа Евгений IV — еще один венецианец и племянник Григория XII — отнесся к собору с подозрением и попытался его распустить. Это ему, однако, не удалось, и в 1434 году, несмотря на постоянное отсутствие папы, собор набрал силу и власть. В то лето в Базеле неожиданно

объявился патриарх Аквилейский, еще переживающий потерю Фриули 14 лет назад, обвинил Венецию в незаконном захвате его владений и потребовал реституции.

Случай, казалось бы, простой. На республику наложили интердикт, но поскольку он не был утвержден папой (который все равно аннулировал его меньше чем через два года), то и не мог строго соблюдаться. Более того, бестактное поведение патриарха, его дурные манеры настроили против него всех. Однако для Венеции это стало новым важным уроком. Недостаточно просто оккупировать завоеванную землю. Чтобы предотвратить такого рода споры, которые в лучшем случае отнимают время, а в худшем могут привести к новой, ненужной войне, необходимо законное подтверждение права владения. К счастью, Сигизмунд, миропомазанный император, обладал теперь всей императорской властью, и с 1435 года между империей и республикой снова, на прекрасных условиях, был заключен мир. Поэтому для Марко Дандоло, венецианского посла при императорском дворе, были подготовлены письма с указанием требовать формального признания не только Фриули, но и всех земель, выигранных в войне с Миланом.

Сигизмунд, все еще негодующий на Филиппо Марию, отнесся к просьбе благосклонно. 16 августа 1437 года в Праге прошла соответствующая церемония. Император в окружении своего двора восседал на огромном троне под навесом, специально для этого случая поставленным на Староместской площади. На другом троне по сигналу появился Марко Дандоло в золотых одеждах, представляющий республику. Его окружали две сотни представителей местного двора и с большой торжественностью сопроводили к подножью императорского трона, где он преклонил перед Сигизмундом колено. Сигизмунд простер руку, повелев венецианцу подняться и вопрошая, с какой целью тот явился. Дандоло ответил, что республика приросла землями на terra firma и просит права владеть ими, и вручил императору

свои полномочия. Затем все прошествовали в собор на великое богослужение, после чего был зачитан императорский указ, и Дандоло от имени дожа и синьории принес присягу на владение вышеозначенными территориями. В ответной речи Сигизмунд восхвалял республику и ее правителей, затем последовал суровый призыв, адресованный Филиппо Марии Висконти, содержащий повеление лично явиться и ответить за свои злодеяния.

Указ, датированный 20 июля 1437 года, именует дожа герцогом Тревизо, Фельтре, Беллуно, Ченеды, Падуи, Брешии, Бергамо, Казальмаджоре, Сончино и Сан-Джованни-ин-Кроче вместе со всеми замками, укреплениями на всей территории Кремоны и остальной Ломбардии к востоку от реки Адда. При этом уточняется, что каждый преемник дожа обязан приносить присягу на владение ими заново, сразу после своего избрания, а к Рождеству ежегодно присылать императору отрез золотой ткани ценой не менее 1000 дукатов.

Как ни странно, преемники Фоскари так и не принесли присяги заново, о ежегодной дани вскоре забыли. Почему — не вполне ясно, только Венеция, в отличие от других итальянских городов, никогда не была частью феодальной системы (которая в любом случае никогда долго не удерживалась), и такого рода обязательства, подразумевающие подчиненное положение, шли вразрез с ее давними традициями независимости. Однако в краткосрочной перспективе указ укрепил положение Венеции, придав завоеванным владениям легальный статус, на который можно было опираться в противоборстве с герцогом Миланским.

Вдаваться во все подробности миланской войны мы не будем. В 1436 году Генуя восстала против Филиппо Марии и вступила в венециано-флорентийский альянс. После этого началась обычная история с ударами и контрударами, взятием и сдачей городов и замков, в то время как капитаны обеих сторон нерешительно топтались на месте, будто

танцевали павану. Однажды картина внезапно оживилась — осенью 1438 года, когда Брешу атаковала миланская армия под командованием Николо Пиччинино. К этому времени венецианцы нашли себе нового кондотьера, чья энергия, обаяние, а главное, лояльность вернули им веру в победу. Это был сын булочника по имени Эразмо да Нарни, больше известный по прозвищу Гаттамелата.

Внезапное наступление Пиччинино на Брешу серьезно угрожало не только городу, настроенному провенециански и готовому к защите, но и самой армии Гаттамелаты. Единственная нить, связывающая Брешу и Венецию зимой, проходила по южному берегу озера Гарда. Ее перерезала превосходящей силы миланская армия. Когда Бреше угрожала осада, Гаттамелата не мог позволить себе ввязаться в сражение, потому что тогда поставил бы под угрозу саму Венецию. С трудом отойдя к Вероне, он сумел расположиться между Венето и врагом. Он знал, что это единственный выход.

Озеро Гарда — прекрасный пример того, что происходит, когда горные потоки соединяются и достигают равнины. Его северная часть, окруженная с обеих сторон высокими, почти отвесными склонами гор, напоминает длинную ручку сковородки. Затем горы отступают, озеро раздается в стороны, и южная его часть омывает широкую равнину Ломбардии. Вот эту южную часть и блокировали миланцы. Чтобы провести северным путем армию из трех тысяч конных и двух тысяч пеших воинов, требовалось ждать середины лета. Идти туда в конце сентября, когда в горах уже лежит глубокий снег, а реки разливаются от осенних дождей, значило обрекать себя на гибель. Но навели мосты, кое-как восстановили размытые дороги, отбили нападение бандитов, посланных епископом Тренто, союзником Висконти. Наконец после недельного перехода Гаттамелата и его изнуренные люди вышли из Валь Каприно к восточному берегу озера, на гостеприимную равнину в нескольких милях к северу от Вероны.

Это было небывалое свершение, но это было отступление. За это время Брешу осадили, и хотя она героически оборонялась (местный хронист рассказал, как священники и монахи, женщины и даже дети были мобилизованы на защиту стен), город жестоко пострадал от восьмидесятифунтовой пушки Пиччинино. Без подмоги осажденным долго было не продержаться. Но откуда эту подмогу взять? Вся проблема опять заключалась в миланской армии, занявшей южный берег озера Гарда. Зима приближалась, и уже не могло быть и речи об обратном переходе по северному берегу озера, да еще с грузом продуктов, необходимых осажденному городу. Однако восточный берег все еще находился в руках венецианцев. Если сохранить перегруппировку в тайне, была надежда прорваться, поскольку любое серьезное усилие со стороны миланцев могло положить конец армии, беззащитной во время перехода. Существовало и еще одно препятствие — те лодки, что находились в пределах досягаемости, совершенно не годились для операции такого масштаба.

В Венеции предложили такой выход, перед которым мог спасовать даже Гаттамелата. Речь шла о том, чтобы посреди зимы перетащить волоком флотилию кораблей через горы и спустить в озеро. 25 барок и 6 галер пришли вверх по Адидже в Роверето, были поставлены на катки из 2000 дубов и протащены по специально проложенной дороге в маленькое горное озеро Сан-Андреа (сейчас известное как Лаго ди Лоппио). Корабли перевели через озеро и потащили выше, на гору Монте Бальдо, а затем медленно спустили по склону горы, что оказалось еще труднее, в Торболе — деревушку на берегу озера. Чтобы перетащить корабли на те несколько миль, что разделяют Роверето и берег озера, понадобилось две недели и 15 000 дукатов. Но ни одного корабля не потеряли, и в конце февраля 1439 года 31 судно, оснащенное и нагруженное, стояло в бухте Торболе.

Но там они и оставались. Прежде чем они успели переплыть озеро, миланцы привели свою флотилию, и Пьетро

Дзено, венецианский командующий, оказался заперт в Торболе. Только наскоро построенный частокол из вбитых в дно свай уберег его корабли. Венецианцы показали, на что они способны, но дело завершено не было.

Пока венецианские инженеры прилагали сверхчеловеческие усилия, протаскивая корабли через горные снега, их соотечественники в Венеции с невиданным размахом праздновали примирение между папой Александром III и Фридрихом Барбароссой, состоявшееся два с половиной столетия назад. Поводом к празднику был приезд знатного гостя — Иоанна VIII Палеолога, императора Византии.

Иоанн был фигурой трагической. Его империя, окруженная турками и сжавшаяся почти до размеров Константинополя, была, как он считал, обречена. Требовалось чудо, чтобы спасти ее, и это чудо могло придти только из христианской Европы в виде союзного, бескорыстного спасительного войска. Оно могло быть созвано только папой, поэтому в последней, отчаянной попытке заручиться поддержкой Евгения IV император ехал на Запад, готовый, если понадобится, принести величайшую духовную жертву, на которую он и его подданные были способны, — признать власть папы над Восточной империей. При всем миролюбии католической церкви немыслимо, чтобы такие важные вопросы решали, не собрав для этого Вселенского собора. Папа Евгений уже предпринял попытку сорвать собор в Базеле, который, как он считал, превысил свои полномочия и просто выказал неуважение к нему. А теперь он созывал новый собор в Ферраре, на который и пригласил императора. И вот по пути в Феррару 8 февраля 1438 года император пристал к берегу Лидо вместе со своим братом Димитрием, деспотом Мореи, патриархом Константинопольским и внушительной свитой из православных священников, число которых превышало 650 человек.

Лучшее описание их прибытия оставил византийский историк Георгий Франдес, который сам не был очевидцем, но ссылается на Димитрия. Ранним утром 9 февраля дож

Фоскари вышел поприветствовать императора и стоял с непокрытой головой перед ним, сидящим, чтобы выразить свое почтение, как писал Георгий Франц, явно приукрашивая события. Только выждав длительное время, дож сел на стул, специально выбрав пониже и по левую руку от императора, затем они обсудили подробности торжественного выхода в город. После чего Фоскари ушел готовиться к официальному приему.

Это был первый визит византийского императора в Венецию, и по такому случаю на расходы не скупились. Дож, как всегда, в сопровождении синьории в полдень вышел от Мола на своей официальной барке «Бучинторо», борта которой были завешены роскошным алым шелком, на корме сиял золотой лев святого Марка, мундиры гребцов были прошиты золотой нитью. Когда он подошел, другие суда, меньшего размера, расположились вокруг, на их мачтах развевались вымпелы, на палубах играли оркестры. Приблизившись к императорскому флагману, дож взошел на его борт и снова оказал императору знаки почтения. Затем оба отплыли обратно к Мола, где собралось, едва и не все население, приветствуя высокого гостя криками, с эхом разносившимися по каналам и лагуне. Оттуда процессия медленно двинулась по Большому каналу к мосту Риальто, где собралось еще больше людей с горнами и знаменами. Наконец, на закате процессия прибыла к огромному дворцу маркиза Феррарского*, отданному в распоряжение императора на время его визита. Император проживал здесь на протяжении трех недель, рассылая письма государям Европы, призывая их прибыть на собор или хотя бы прислать своих представителей. Только в конце месяца он отбыл в Феррару.

---

* Этот дворец XIII века, с большим трудом восстановленный 1860-х годах и больше известный как Фондако деи Турки, сейчас стоит в верхней части Большого канала. Теперь там находится Музей естественной истории.

В это время в осажденной Бреше начался зимний голод. Весна обещала некоторое облегчение, потому что кончались холода, но не голод. С приближением лета положение стало еще более отчаянным. Кристофоро да Сольдо, яркое письменное свидетельство которого необходимо прочитать, чтобы составить представление об этой осаде, писал:

> Казалось, что люди находятся на пороге смерти. Временами хлеба не было вообще, и голод гнал их на улицы. Но все же они предпочитали скорее безропотно переносить мучения, чем подчиниться герцогу Миланскому.

Затем пришла жара, а с ней чума. К августу за день умирали 45–50 человек.

Чтобы спасти город, Венеции требовалась гораздо большая армия, чем та, что имелась в наличии. Значит, ей необходим был еще один солдат удачи, да посерьезнее, чем Гаттамелата. Карьера Франческо Сфорцы после того, как он 15 лет назад служил у Висконти, была причудлива и разнообразна. Он сражался за императора, за Лукку, за Флоренцию и, наконец, за себя самого. В попытке вернуть его под свои знамена Филиппо Мария предложил ему руку собственной дочери Бьянки, но через некоторое время усомнился в своем решении и Сфорца потерял надежду снискать расположение отца богатейшей наследницы в Европе. Он нашел самый сильный аргумент против Филиппо Марии. В июне 1439 года он встал под знамена Венеции, Флоренции и Генуи, понимая, что если он захватит Милан, Венеция позволит ему стать законным правителем захваченных земель. В противном случае он мог претендовать лишь на Кремону или Мантую. Не теряя времени, он тут же вышел с войском.

Снова подход к Бреше с минимальными потерями означал марш через горы. Но на этот раз силы Сфорцы и Гаттамелаты оказались блокированы у замка Тенно, в нескольких милях от Ривы, потому что Пиччинино вышел к берегу

озера. Завязался бой, в ходе которого миланцы потерпели поражение, во многом благодаря жителям Бреши, которые совершили вылазку из города навстречу освободителям и неожиданно появились вблизи замка. Венецианцы захватили много пленных, среди которых оказалось немало знати. Правда, сам Пиччинино, успевший укрыться в замке, в тот же вечер сбежал, если верить современникам, вывезенный в мешке. Проскакав всю ночь, он добрался до своей армии и только через неделю предпринял неожиданное нападение на Верону. Не успел гарнизон понять, что происходит, как большая часть города уже была у него в руках.

Для защитников Бреши это была плохая новость, потому что армия ушла защищать Верону, снова оставив на их попечение разбитые стены. Но другого выбора у Сфорцы и Гаттамелаты не было. Из двух этих городов Верона была важнее. Ночью 19 ноября оба командира ввели свои войска в последнюю часть города, остававшуюся за венецианцами, а 20-го на рассвете перешли в наступление. После жестокого сражения миланцы были разгромлены. Их бегство было таким беспорядочным, что не выдержал и рухнул мост через реку Адидже, и многие утонули. Пиччинино пытался развернуть армию к Бреше, где продолжались беспорядочные бои, в ходе которых брешанцы получили наконец долгожданную продовольственную помощь. Но их беды на этом не закончились, потому что в июле 1440 года миланцы, потерпев от Сфорца еще одно тяжелое поражение, решили возобновить осаду.

В том же году Гаттамелату хватил апоплексический удар, и его карьере пришел конец. Он уехал в Падую, где в 1443 году умер. Благодарная республика заказала Донателло его конную статую. Она и сейчас стоит в Падуе, на пьяцце дель Санто. Сфорца остался один командовать всей венецианской армией, но фокус войны переместился в Тоскану, и мы последуем за ним. К концу лета 1441 года обе стороны желали перемирия, хотя Сфорца, который и был основным посредником, предусмотрительно требовал, прежде чем

заключать мирный договор, сыграть долгожданную свадьбу с Бьянкой Висконти и взять в приданое города Кремону и Понтремоли. Наконец 20 ноября в Кавриане подписали мир. В основном стороны вернулись к границам, утвержденным восемь лет назад в Ферраре, а Генуя опять обрела независимость от Милана.

За 14 лет почти беспрерывной войны республика почти никаких преимуществ не получила, если не считать Равенны, которая долгое время была неофициальным соратником Венеции. Когда наступил мир, ему были рады все. Гаттамелата слишком плохо себя чувствовал, чтобы принять участие в празднествах, а в его доме в Сан-Поло* расположился Франческо Сфорца со своей невестой, в ожидании переселения в собственный дворец, который готовили на том месте, где сейчас находится Ка' Фоскарини, на излучине Большого канала. Для них был устроен официальный прием с последующим шествием по городу и вручением подарков. К примеру, Бьянке подарили драгоценный камень, оцененный в 1000 дукатов.

Надо полагать, никто особых иллюзий не питал, понимая, что Венеция празднует не что иное, как вступление в войну. Филиппо Мария Висконти строил коварные замыслы, сидя в центре своей миланской паутины, сорокалетний Франческо Сфорца был полон сил и амбиций, Козимо Медичи во Флоренции постоянно ощущал угрозу из Милана и при этом был озабочен нарастающим венецианским влиянием в Ломбардии... Почти каждое итальянское государство, большое или малое: Генуя, Мантуя, Болонья, Римини, Римская империя, Папская область, Неаполитанское королевство, владения Арагонской, Анжуйской династии, многие другие — все теперь вовлекались в цепную реакцию —

---

* Этот дом на площади Сан-Поло, за церковью, раньше принадлежал Джакомо да Каррара и Джакомо даль Верме, до того как его передали Гаттамелате.

результат долгих запутанных споров. Если каждая сторона строила свою политику на конфликтах, нетерпимости к соседям и преследовании собственных интересов, откуда было взяться долгому миру? Вероятно, не многие его и желали, и уж во всяком случае, никто из кондотьеров. Хотя на этих страницах мы упомянули лишь о немногих, полуостров был ими переполнен. Они рыскали по Италии, изыскивая, где бы запалить огонь вражды.

Пожалуй, главной силой, которая в то время стремилась к миру, была Венеция. Только она, имея сухопутные владения, раскинувшиеся теперь почти на 200 миль к западу, не имела потребности в дальнейших завоеваниях. Зато она испытывала жестокую потребность в агентах в Милане, которые сообщали бы ей, что замышляет герцог, способный на любую неожиданность и любое предательство. Из тех, кто позарился на его трон, Франческо Сфорца не только имел наибольшие шансы, он был еще и дружественно настроен по отношению к Венеции. Но вдруг, не прошло и года со дня подписания Каврианского мира, Филиппо Мария обратился против своего зятя и с помощью папы попытался отнять у него дарованные ранее владения. Венеция пообещала Франческо Сфорца поддержку, и война вспыхнула вновь. В сентябре 1446 года венецианская армия разгромила миланцев у Казальмаджоре, перешла Адду и к началу зимы встала под стенами Милана.

В отчаянных поисках помощи, Филиппо Мария обращался к папе, к Альфонсу V Арагонскому, ставшему теперь еще королем Неаполя и Сицилии, к королю Франции. Он обратился даже к своему старому врагу Козимо Медичи, играя на всем известном заблуждении, будто Медичи боится Венеции. Наконец, ему пришлось положиться на милость своего зятя, официально подтвердив его права и назначив его генерал-капитаном миланской армии. Сфорца как раз этого и добивался, его очень занимали его дела в Романье, куда он не успевал добраться, несмотря на все нападки Козимо. Он знал, что венецианцы не захватят Ми-

лан, даже если пожелают, а чем он дольше ждет, тем больше возможностей предоставляет своему тестю. Поэтому в середине лета 1447 года он все же покинул Милан.

Но он промедлил слишком долго. Он был еще в пути, когда 13 августа, после недельной болезни, Филиппо Мария скончался. Будь Сфорца рядом, он захватил бы власть и поставил соперников перед свершившимся фактом. В его отсутствие началась сумятица. Фридрих III Австрийский, император Священной Римской империи, объявил, что Милан отходит под власть его короны, Альфонс Арагонский мягко возражал, что Филиппо Мария на смертном одре назвал его имя. При этом Альфонс умудрился ввести в Кастелло отряд своих войск и водрузить свое знамя над одной из башен. В то же время совсем неподалеку, в Асти, стояла французская армия, готовая расширить владения Карла, герцога Орлеанского, который являлся родственником Филиппо Марии через его сводную сестру Валентину Висконти, и потому имел законное право претендовать на престол.

Среди этой неразберихи народ Милана взял власть в свои руки. Арагонцев выпроводили из Кастелло, а сам замок разрушили до основания как символ деспотизма. Комитет из двадцати четырех «капитанов и защитников свободы» объявил о создании Золотой Амброзианской республики в честь их любимого покровителя святого Амброзия. Это было смелое заявление о независимости, и если бы Милан поддержали другие города герцогства, то при поддержке Венеции новая республика вполне могла бы сохраниться. Но мелкие города оказались настроены враждебно. Некоторые, например Алессандрия, Новара и Комо, встали под амброзианское знамя, прочие усмотрели долгожданную возможность выйти из-под миланского господства. Лоди и Пьяченца сразу передались под покровительство Венеции.

Более надежного способа двум республикам поссориться не нашлось бы. Милан потребовал немедленной реституции обоих городов. Венеция ответила, что они вправе под-

чиняться тому, кому хотят, и что если республика решит предать их в руки армии Сфорцы, это будет последнее ее решение. Этот аргумент приобретал дополнительный вес ввиду того, что пока шли переговоры, Сфорца захватил Пьяченцу и Павию. На протяжении следующих двух лет мы видим, как Сфорца, в обычном духе итальянской политики того времени, служит Милану и с неизменным успехом сражается против Венеции, а затем занимает собственную, независимую от обеих республик позицию. Возможность союза Венеции и Милана становилась все более призрачной. Амброзианская республика стояла на пороге краха, и Сфорца об этом знал. Осенью 1449 года он начал осаду Милана, и за зиму взял его измором. 25 марта он с триумфом вошел в город, и его солдаты начали бесплатно раздавать хлеб. На следующий день на площади перед собором его провозгласили герцогом Миланским, истинным и законным наследником Висконти.

Прошло уже девять лет с тех пор, как Франческо Сфорца и его невесту торжественно встречала Венеция, устроив праздник в честь героя-завоевателя. Последние три года он был злейшим врагом Венеции. Та, со своей стороны, в 1447 году отняла у него прекрасный дворец (через пять лет его купил дож Фоскари, разрушил и заменил другим прекрасным дворцом) и всячески старалась мешать его замыслам и на дипломатическом поприще, и на военном. Впрочем, довольно безуспешно. Сфорца блестяще разыгрывал свою партию. Он пользовался финансовой поддержкой Козимо Медичи, у которого страх перед Венецией вошел в привычку и который старался усилить Милан ради сохранения баланса сил. Венеции оставалось только смириться с неизбежностью, отправив послов в Милан с поздравлениями и пожеланиями благополучия новому герцогу. Вскоре новая война заставила Венецию и ее союзника, короля Неаполитанского, согнать с насиженных мест всех флорентийских купцов, но смысл ее состоял не в этом.

После долгих и изощренных переговоров с духовником Сфорца — фра Симоне да Камерино, оказавшимся венецианским подданным, поскольку он был приором августинского монастыря в Падуе, — Венеция потребовала, чтобы Милан подтвердил ее права на Брешу и Бергамо, а для полного счета еще и потребовала покинуть Крему. В апреле 1454 года в Лоди подписали договор по этому вопросу, а в августе — соглашение о двадцатипятилетнем оборонительном союзе Венеции, Милана и Флоренции. Затем представители всех трех держав отправились на юг, сперва в Неаполь, где к союзу неуверенно присоединился король Альфонс, а затем в Рим, где папа Николай V дал им свое благословение. Каждая подпись влекла за собой присоединение меньших государств, и в 1455 году Священная лига объединила почти все государства полуострова, кроме Римини и Генуи (против принятия Генуи выступил король Неаполитанский, оспаривавший у Генуи Корсику) *.

Трудно было ожидать, что правители составлявших Священную лигу государств смогут сохранить свой союз надолго, учитывая особенности итальянской политической арены: пересекающиеся интересы многих сторон, жадность монархов, амбиции кондотьеров, отсутствие четких границ между государствами и постоянное желание соседних стран (особенно Франции) силой вмешаться в дела Италии. Они и не смогли. Правители еще не готовы были подчинить свои задачи вопросам общего блага. Но опыт лиги не пропал зря. До конца столетия он стал идеалом, пусть порою недости-

---

* Однако Франческо Сфорца продолжал чинить препятствия Венеции. В 1461 году свой дом в районе Сан-Поло он сменил на особняк в Сан-Самуэле, предполагая переделать на свой вкус то, что Андреа Коррер (отец королевы Кипра) строил для себя как временный дворец. Вскоре венециано-миланские отношения расстроились и дом конфисковали. Работы прервались, когда закончен был только один угол. До сих пор можно увидеть на Большом канале незаконченный дом, известный как Ка' дель Дзока.

жимым. И хотя он не смог совсем предотвратить военные действия, ядовитое жало войны было вырвано. За сорок лет от мирного договора в Лоди до французского вторжения на итальянской земле случилось шесть мелких войн. Примерно тридцать лет можно считать полностью мирными. За все сорок лет ни один крупный город не разоряла итальянская армия.

Наконец-то Венеция могла не отвлекаться на оборону своих сухопутных владений. Это было очень важно: за год до подписания мира в Лоди случилось событие, ставшее исторической вехой, наполнив христианский мир ужасом и ознаменовав собой конец Средних веков. Во вторник 29 мая 1453 года армия турецкого султана Мехмета II взяла Константинополь.

Глава 24

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1453)

Паук заткал паутиной царские входы.
И ночная сова кричит на башне Афразиаба*.

Саади.
Считается, что эти строки персидского поэта
посвящены вступлению Мехмета II
в Константинополь

Никого не удивило, что Константинополь, город, имевший такое историческое значение, пал. Визит Иоанна VIII в Италию стал жестокой ошибкой по отношению к Византии. Собор во Флоренции, перебравшийся туда из Феррары в 1439 году, выявил пропасть между католической и православной доктринами, узкую, но бездонную**, и попытался навести через нее бумажный мост письменных согласований. Но когда император вернулся в Константинополь и объявил, что объединение, над которым он столько тру-

---

* Перевод И. А. Бунина.

** Патриарх Иосиф, согласившийся с католиками, что Дух Святой исходит от Сына, подразумевая, что в греческой формулировке Дух Святой исходит через Сына, заболел и умер. Сэр Стивен Рансимен недобро заметил, что после той путаницы, которую он навел, ничего лучшего он сделать уже не мог.

дился, совершилось, духовенство и народ просто его не поняли. Не большего успеха добился он и призывая повелителей западных стран идти великим походом во спасение его империи. Папа Евгений объявил крестовый поход, но собрал лишь довольно скромную армию, состоявшую преимущественно из венгров. Эта армия дошла до Варны, и там, на берегу Черного моря, была разбита.

Иоанн VIII умер в 1448 году, ему наследовал Константин, старший из оставшихся в живых братьев. А османский трон спустя три года занял девятнадцатилетний Мехмет II. В августе 1452 года он закончил строительство могучей крепости Румели-Гизар, крепкие башни которой поднялись над Босфором в самом узком месте пролива, в какой-нибудь миле от столицы. Уже не оставалось сомнений ни в намерениях турок, ни в сроках их осуществления. Считалось, что твердыня построена для досмотра судов, идущих по проливу в любую сторону и под любым флагом, но в это верилось с трудом. В ноябре два венецианских корабля успешно избежали поборов, несмотря на яростный огонь, который открыли турки. Но третий корабль, собираясь последовать их примеру, получил пробоину и затонул. Капитан и команда предстали перед султаном. Команду он приказал тут же обезглавить, а капитану Антонио Риццо повезло меньше. Его посадили на кол и выставили на перекрестке в назидание прочим.

Известия об этом случае вызвали панику в Венеции. Венецианцы всегда предпочитали торговлю с турками войне с ними. Поскольку теперь они контролировали большую часть Восточного Средиземноморья и Черное море, для поддержания своего благополучия им жизненно необходима была торговля. В любом случае, раньше или позже, Константинополь был бы завоеван турками. Торговля от этого даже выигрывала. Предвидя завоевание Константинополя, Венеция не спешила обновлять с Мехметом соглашение о торговле и дружбе, заключенное с его отцом. При этом нельзя было игнорировать интересы ве-

нецианского торгового сообщества в Константинополе, привилегии которого Константин за год до этого подтвердил, хотя в дальних намерениях Мехмета сомневаться не приходилось. Уничтожив Византию, он обратится к Криту и другим греческим колониям Венеции на суше и Эгейских островах. За три месяца до случая в Босфоре в сенате семьюдесятью четырьмя голосами против семи было принято решение предоставить Византию ее участи, но такой грубый акт разбоя, учиненный султаном против законно следовавших по своим делам граждан Венеции, требовал какого-то ответа.

Какого? Все военные силы республики были сосредоточены в Ломбардии, где Франческо Сфорца представлял гораздо более непосредственную угрозу для Венеции. Почти тридцать лет беспрерывной войны на terra firma заметно истощили казну. Людей также не хватало. Венеция не была настроена ввязываться в новую войну против бесспорно непобедимого противника, расположенного за сотню миль от нее. Венецианцев, избравших негероическую политику, легко можно было понять. Они продолжали поставлять Константину небольшие количества селитры и доспехов в кредит и позволили ему набирать добровольцев на Крите. Наконец, капитанов кораблей обязали оказывать на территории Византии поддержку и помощь христианам, насколько это возможно. Больше, однако, на агрессивные выходки турок ответить было нечем.

В начале декабря 1452 года один из командиров, Габриэле Тревизано, вице-капитан залива, прибыл в Константинополь с пятью галерами. На одной из них мог находиться молодой судовой врач Николо Барбаро, впоследствии подробно описавший осаду и оставивший об этом событии самый точный отчет, каким мы располагаем. По случайности, вслед за Тревизано прибыл Исидор, бывший митрополит Киевский, а теперь католический кардинал, присланный папой, чтобы освещать процесс объединения церквей. 14 декабря, через день после совместной службы, которую бой-

котировало почти все население и духовенство города, на одном из кораблей состоялась встреча, на которую пригласили байло (главу постоянной венецианской колонии в Константинополе) и всех основных венецианских купцов. Кардинал обратился к капитанам с просьбой не покидать город. Тревизано ответил, что имеет приказ синьории отбыть в течение десяти дней после прибытия другой галеры, ожидавшейся из Трапезунда. Он охотно возьмет с собой любого купца, который пожелает покинуть город, возьмет и его товар, но уехать он должен. Уже на берегу байло и купцы провели другое, тайное совещание. Они решили остаться в городе и сражаться. Поэтому двадцатью одним голосом против одного они решили захватить корабли силой и наиболее быстрым способом отправить в Венецию весть, объясняющую их поступок.

Реакция сената на это действие до нас не дошла, но в феврале 1453 года сенат получил еще одно письмо от байло Джироламо Миноттo с описанием скорости и масштабов турецкой подготовки и просьбой прислать помощь как можно скорее. Очевидно, это подействовало, потому что 19 февраля «ввиду возможной гибели, угрожающей Константинополю», туда решили отправить флот из пятнадцати галер и двух транспортных кораблей, каждый из которых вмещал 400 человек, так скоро, как будут снаряжены корабли. Экспедиция финансировалась в основном специальным налогом, которым обложили всех купцов, имеющих торговые дела в Леванте. Срочные послания были направлены папе, королю Альфонсу, императору Священной Римской империи и королю Венгрии. Послания гласили, что если они немедленно не присоединятся к усилиям Венеции, Константинополь будет потерян.

Но и в венецианском лагере имелись противоречия, и когда флот наконец отплыл, шла уже вторая неделя мая. Город уже месяц находился в осаде. Однако в бухте Золотой Рог стояло 8 венецианских торговых судов: пять судов Тревизано и три судна с Крита. Все они были наскоро передe-

ланы в военные корабли, все были готовы идти в последний бой.

Осада продолжалась весь апрель. 7000 солдат императора защищали 14 миль городских стен от армии султана, насчитывавшей не менее 80 000 человек. Огромные турецкие пушки беспрерывно обстреливали тройные укрепления — единственную преграду между империей и ее гибелью. В воскресенье 22 апреля блестящим ударом, напоминающим операцию у озера Гарда 14 лет назад, только с гораздо большим успехом, Мехмет перетащил 70 различных судов из Босфора через гору Пера в Золотой Рог. Через несколько дней попытка венецианцев уничтожить эти корабли закончилась, в основном из-за ревности генуэзцев, провалом. С этого момента последняя надежда отстоять город возлагалась на долгожданный венецианский флот.

Но даже на него надежда была невелика. Хотя Минотто, кажется, пообещал императору, что флот придет, у того не было в этом никакой уверенности, поскольку ответ сената составлялся в обычной уклончивой манере. Будь он даже уверен в том, что флот придет, даже и тогда он не знал бы, сколько времени потребуется, чтобы решить все вопросы, связанные с отправкой. Тем не менее оставалась большая вероятность получить с моря мощную поддержку, и если флот в пути, возможно, он уже близко. В полночь 3 мая венецианская бригантина под турецким флагом с командой добровольцев, одетых по-турецки, выбралась из бухты Золотой Рог и прошла через Мраморное море в Средиземное в надежде найти спасительный флот и поторопить его прибытие.

23 мая бригантина возвратилась. Среди бела дня ей было не миновать турецких кораблей в Мраморном море, и несколько их пустились в преследование. Однако благодаря скорости и маневренности ей удалось избежать плена, и вечером цепь, закрывающая вход в бухту Золотой Рог, опустилась, чтобы бригантина смогла вернуться. Но добрых ве-

стей защитникам она не привезла. Почти трехнедельные поиски в Эгейском море не выявили никаких следов венецианского флота, повсеместные расспросы не дали ничего, кроме смутных слухов о том, что он будто бы отправлен. Когда стало очевидно, что поиски бессмысленны, один из матросов предложил добраться до Венеции, полагая, что Константинополь уже потерян для христиан, а если и нет, то его падение неминуемо. Возвращаться туда — значит идти на верную смерть или плен. Однако его товарищи и слышать об этом не захотели. Император доверил им миссию. Их долг — завершить миссию, вне зависимости от того, греки владеют городом или турки, останутся они в живых или умрут. Так они и вернулись с грустными новостями. Их выслушал император, который поблагодарил их за храбрость и преданность, потом не сдержал чувств и прослезился. «Теперь, — произнес он, — город могут спасти только Христос и Божья Матерь».

Через неделю все было кончено. 29 мая на рассвете турки прорвались через разрушенные стены, и Византийская империя прекратила существование. Она героически защищалась до последнего, но победил враг, несравненно превосходивший числом и намного лучше вооруженный, беспрерывно обстреливавший город 53 дня. Но даже тогда город не сдался. Император, видя, что конец близок, устремился в самую гущу битвы, туда, где бой был наиболее жестоким, и пал, как подобает императору, сражаясь за свою империю. Его тело нашли спустя долгое время. Головы не было, но на ногах оставались пурпурные императорские сапоги-котурны с золотыми византийскими орлами.

Где же, в самом деле, пропадал в это время посланный Венецией флот? Ответ на этот вопрос следует искать в бумагах сената, из которых следует, что генерал-капитан Джакомо Лоредано получил приказ отправляться в плавание только 7 мая, следовательно, раньше 9 мая он никак не мог отбыть. Ему было велено остановиться у Корфу, подобрать

там еще одну галеру, затем загрузиться провиантом в Негропонте, потом следовать к Тенедосу, ко входу в Дарданеллы. Здесь ему надлежало встретить еще одну венецианскую галеру под командованием некоего Альвизе Лонго, вышедшего из Венеции за три недели до этого и производившего разведку у турецких позиций. Только после этого все они должны были идти на Константинополь*.

Неудивительно, что Лоредано, имея такой пакет инструкций, не успел вовремя. При северном ветре, который преобладал в тот сезон, не просто и не скоро было большому флоту переправляться через Дарданеллы и Мраморное море. Не особенно удивляет и то, что моряки, посланные на поиски флота, не сумели встретиться с Лонго, который мог и не дойти до Тенедоса к тому моменту, когда они повернули назад. В любом случае, в те времена отыскать в море корабль, не зная ни точного его курса, ни дня его отплытия, представлялось исключительно делом случая.

Но почему венецианский флот так задержался? На этот вопрос ответить трудно. Не подлежит сомнению, что, как писал сэр Стивен Рансимен, «ни один венецианец и, можно добавить, ни один католик не заблуждался насчет упорства султана и превосходства турецкого оружия».

Никто, и в первую очередь венецианцы, не могли считать Константинополь неприступным — 250 лет назад, во время Четвертого крестового похода, армия старого дожа Дандоло доказала, что это не так. Важно, что Лоредано на борту флагманского корабля вез Бартоломео Марчелло, венецианского посла, к султану. Посол имел инструкции на тот случай, если к моменту прибытия флота осада уже закончится. И капитану, и послу предписывалось соблюдать ос-

---

* В этом месте следует упомянуть, что я несколько отошел от изложения, данного сэром Стивеном Рансименом в книге «Падение Константинополя», согласно которому флот вышел в конце апреля под командованием Лонго. Причина в том, что такое изложение событий плохо согласуется с указаниями сената.

торожность. По пути Лоредано не должен был нападать ни на какие турецкие суда иначе как для самозащиты. Приказ прибыть в Константинополь, в распоряжение императора, не содержал прямого указания вступать в бой, гораздо большее внимание уделялось сопровождению венецианских купцов, добровольно решивших уехать домой. Марчелло в первую очередь следовало донести до султана, что республика желает мира. Если она и посылает к Константинополю флот, то только для того, чтобы обеспечить безопасность своих купцов.

Нам остается сделать вывод, что венецианцы (хотя большинство из них могли не отдавать себе в этом отчета) избрали политику festina lente («поспешай медленно»). Им хотелось, чтобы весь мир верил, будто они посылают для спасения православного христианства огромную армаду и безуспешно призывают всех государей Запада сделать то же самое. Но венецианского реализма хватало на то, чтобы понять — Византийская империя обречена и спорить без нужды с османскими завоевателями не стоит. В дружбе с Мехметом они видели не только залог продолжения торговли с Востоком, но и единственную возможность сохранить свои колонии в Греции и Эгейском море. Можно заметить еще один признак отсутствия энтузиазма — отказ финансировать экспедицию из общественных фондов и нежелание начинать поход, пока деньги на него не будут выделены. Такая позиция плохо согласуется с рвением защитника веры или с настоящей опасностью. Если Венеция не пришла на помощь Константинополю вовремя, то только потому, что не очень этого хотела.

В осажденном Константинополе венецианцы и генуэзцы храбро сражались рука об руку, несмотря на обоюдную антипатию и недоверие. Именно генуэзский наемник Джованни Джустиниани Лонго руководил защитой участка стены длиной в целых 4 мили, неустанно лично ободряя защитников, пока смертельная рана в грудь, полученная в

последней битве, не оборвала его жизнь. Его настойчивость, вопреки просьбам самого императора отойти в безопасное место, в последнюю минуту искупила его прошлую скандальную репутацию. Однако когда город наконец пал, венецианцы пострадали больше своих соперников. За исключением двух небольших групп на южных стенах, большая часть венецианских сил сосредоточилась под командованием байло Джироламо Минотто вокруг Влахернского дворца императора. Северный участок крепостных стен изгибался к Золотому Рогу. Именно в этом месте турки впервые проломили стену и вторглись в город. Многие венецианцы пали в бою, а из тех, кого взяли в плен, девятерых самых знатных тут же обезглавили, в том числе самого Минотто и его сына.

Командам венецианских галер повезло больше. Воспользовавшись жадностью турецких моряков, которые должны были стеречь вход в Золотой Рог, но оставили свой пост, как только начался грабеж города, чтобы солдаты не стащили у них из-под носа лучшую добычу, венецианцы смогли вырваться за заграждение. Затем корабли, нагруженные беженцами, которые добирались до них вплавь, подставили паруса сильному северном ветру и ушли в безопасную часть Мраморного моря. Несколько греческих и генуэзских судов могли бы сделать то же самое. Но несколько невооруженных торговых кораблей и генуэзских галер, стоявших на якоре в бухте, были не столь быстроходны, и потому турки захватили их.

Описание трех дней бесконечной резни, грабежа и насилия, более страшных, чем 250 лет назад, во время нашествия крестоносцев, к счастью, не входит в эту книгу. Однако от вестей о захвате города содрогнулась вся Европа, и прежде всего Венеция, куда эти вести пришли точно через месяц, 29 июня. Только теперь, может быть, благодаря рассказам вернувшихся очевидцев, жители Венеции поняли значение того, что произошло. Произошло не просто падение православной столицы, что могло вызвать эмоциональ-

ное потрясение, но больше не существовало Византии как политической силы, и исчез важный рынок. А кроме того во время осады погибло около 550 венецианцев и критян, и убытки составили 300 000 дукатов. Была и еще одна потеря, серьезнее, чем все остальные. Султан-победитель отныне мог замышлять новые завоевания, и надеяться оставалось только на его добрую волю.

Джакомо Лоредано и послу Бартоломео Марчелло 5 июля были отправлены новые инструкции. Капитану предписывалось принять любые возможные меры для безопасности Негропонта и перенаправить купцов, идущих в Константинополь и через него, в Модону, до последующих распоряжений. Послу следовало подчеркнуть перед Мехметом мирные намерения республики, добиться подтверждения султаном мирного договора и потребовать реституции венецианских судов, оказавшихся в руках турок, при условии, что это торговые суда, а не боевые галеры. Если Мехмет согласится подтвердить мир, Марчелло должен просить разрешения возобновить работу в городе купеческой колонии с теми же правами и привилегиями, какими она пользовалась при императоре. И, конечно, добиться возвращения пленных венецианцев. Если султан откажется принять условия, ответ следовало донести до сената. Также послу дозволялось истратить 1200 дукатов на подарки Мехмету или его чиновникам. В то же время правителям венецианских прибрежных городов и островов — Кандии на Крите, Лепанто в Патрасском заливе, недавно принятых под защиту республики островов Эгина, Скирос, Скопелос и Скиафос — было приказано укрепить оборонительные сооружения. В самой Венеции решили, что тех девятнадцати галер, что строились в Арсенале, недостаточно, чтобы противостоять новой опасности, и были привлечены дополнительные средства для постройки еще пятидесяти.

Скоро Марчелло, как и многие другие послы вслед за ним, обнаружил, что от Мехмета нелегко добиться выгодных условий. Только следующей весной, спустя почти год,

удалось заключить соглашение. Уцелевшие корабли и пленники были отпущены домой, в город вернулась колония под предводительством байло, но прежних территориальных и финансовых условий, дающих огромную власть, она уже не имела. Католическое влияние на Востоке быстро сходило на нет.

Остается еще один вопрос: если Венеция повинна в падении Константинополя, то в какой степени? Несмотря на обвинения многих современников, очевидно, прямой ответственности за это она нести не может. Возможно, она промедлила, но ни одна держава не оказалась быстрее нее. Например, папа Николай, согласившийся оплатить пять венецианских галер, до 5 июня не соизволил даже известить сенат о своем решении, а к тому времени Константинополь уже неделю находился в руках турок. Может, помощь Венеции и не была чистосердечной, но многие христианские державы и пальцем не пошевелили, чтобы спасти гибнущую империю. Без помощи остальных, если бы даже венецианский флот прибыл вовремя, это позволило бы столице Византийской империи продержаться еще пару недель, продлило бы ее агонию. Но даже это сомнительно, поскольку сильный турецкий флот в Мраморном море мог не позволить венецианцам приблизиться к городу. Кроме того, медлительности сената можно противопоставить героизм венецианцев и критян, до последнего сражавшихся на разрушенных стенах и, по большей части, погибших. Среди них было как минимум 68 патрициев, многие из которых принадлежали к старейшим и славнейшим семействам Венеции: шестеро Контарини, трое Бальби, двое Барбаро, двое Морозини, двое Мочениго, пятеро Тревизано*.

Однако с исторической точки зрения Венецию трудно считать невиновной. Византийская империя медленно умирала на протяжении двух с половиной столетий, и Мехмет только нанес coup de grâce (удар милосердия). Настоя-

---

* Николо Барбаро, один из их числа, привел полный список.

щий смертельный удар настиг Византийскую империю не в 1453, а в 1205 году, когда католическая армия Четвертого крестового похода разграбила город и проложила дорогу франкским лжеимператорам, которые за 60 лет обобрали империю и город донага. За эту трагедию, которую Византийская империя перенесла, но никогда уже не оправилась от нее, Венеция ответственна в полной мере. Это были ее корабли, ее инициатива, поход проходил под ее руководством и выражал ее интересы. Венеция же и получила тогда самую большую выгоду от грабежа, и именно в силу этих причин Венецию стоит винить в катастрофе, произошедшей позже.

Глава 25

ДВОЕ ФОСКАРИ (1453–1457)

...Если б каждый волос
На этой голове седой был жизнью,
А этот ток* всемирною короной,
А это вот кольцо, — которым я
С волнами породнился, — талисманом,
Способным усмирить их, я бы все,
Все отдал за него**.

Байрон. Двое Фоскари

В 1453 году, когда Константинополь пал перед армией султана Мехмета, трон дожа Венеции уже тридцать лет занимал Франческо Фоскари, дольше, чем какой-либо из прежних дожей. Как и предсказал умирающий Томмазо Мочениго, все эти годы война почти не прекращалась. Война значительно расширила границы республики, простершейся на половину Северной Италии, и почти опустошила казну. Цены стали запредельными, некоторые банки разорились, многие купеческие дома находились на грани банкротства. Андреа Приули, тесть самого Фоскари, объявил о своем банкротстве, оставив долгов на 24 000 дукатов.

---

* Ток, женский или мужской головной убор конца XVI века из шелка или бархата. — *Примеч. ред.*

** Перевод Е. Зарина.

Сам дож не пытался принять меры против подорожания, не защищал ни своих финансовых интересов, ни интересов остальных венецианцев. Прием, который он оказал императору в 1438 году, удивил даже венецианцев, для которых роскошные празднества были привычны. Три года спустя торжество, посвященное женитьбе последнего, оставшегося в живых сына дожа, Якопо, на Лукреции Контарини, тоже отличалось пышностью. Якопо был одним из предводителей Compagnia della Calza, модного молодежного общества, получившего свое имя от названия блестящих разноцветных чулок, которые носили его участники. В обществе существовали свои правила празднования свадеб. Брат невесты оставил описание того, как он и его товарищи, облаченные в малиновый бархат и серебряную парчу, ехали верхом на таким же образом убранных лошадях, каждый в сопровождении шести слуг в ливреях, разнообразной свиты и вооруженного эскорта. Процессия в 250 человек пересекла Большой канал в районе Сан-Самуэле по плавучему мосту и направилась к дворцу Контарини в Сан-Барнаба. За венчальной службой последовал роскошный пир, после чего молодые в сопровождении 150 женщин взошли на «Бучинторо», который отвез их ко дворцу Франческо Сфорца, и они нанесли ему формальный визит. В Сан-Барнаба они вернулись к началу танцев, длившихся всю ночь. И это было только начало праздника, который продолжался несколько дней. Венецианцы играли в мяч, устраивали маскарад, регату, потешный турнир на Пьяцце и другие веселые затеи, которые так впечатляли приезжих иностранцев.

При этом репутация дожа Фоскари ничем не омрачалась. Как и прежде, он воплощал господствующие в Венеции настроения, его подданным не приходило в голову винить его в экономических неурядицах республики, как и в склонности к показным зрелищам.

Но никто не может тридцать лет пробыть дожем Венеции и не нажить врагов. Именно враги своими обвинениями довели дожа, которому уже исполнилось 70 лет, до тяжелой болезни. Так ли это было на самом деле, неясно. Во

всяком случае, во время выборов сторонники Фоскари ссылались на его жесткую практичность, и теперь его враги вспомнили об этом. Больше всех, конечно, вспоминала семья Пьетро Лоредано, так неожиданно проигравшего на тех выборах. За результаты выборов, однако, Фоскари отвечать не мог — слишком сложна была эта процедура, но после выборов произошло несколько событий, включая неудачное сватовство, которые осложнили отношения между домами Фоскари и Лоредано почти до состояния открытой вендетты. Следовательно, мы можем сделать вывод, что в начале 1445 года, когда Якопо обвинили в том, что он брал взятки за улаживание общественных дел в пользу дающих, известие об этом вызвало в доме Лоредано оживление.

Несмотря на то что близкий родственник Пьетро Лоредано, Франческо, занимал в это время должность одного из глав Совета десяти, вряд ли правосудие обошлось бы с Якопо несправедливо, такое даже трудно представить. Первым делом, совет созвал zonta из десяти человек, служащих синьории и трех общественных обвинителей, увеличив свой состав до 29 человек. (Ввиду особых обстоятельств было решено, что сам дож на заседании присутствовать не будет.) Затем постановили арестовать Якопо, и когда оказалось, что он бежал из города, решили разбирать его дело заочно. Допросив его слуг, установили несомненную его вину по некоторым пунктам. Тогда Лоредано предложил удвоить количество следователей, а свидетелей подвергнуть пыткам, вероятно надеясь найти больше мотивов для обвинения, но здесь он переборщил. Якопо Фоскари приговорили к пожизненной ссылке в Модону — колонию в Пелопоннесе, — часть его слуг подвергли более легким наказаниям, а часть признали невиновными. Ни тогда, ни впоследствии никому и в голову не пришло, что дож может быть замешан в преступлениях сына или хотя бы знать о них.

Приговор не был чрезмерно суров. По меркам того времени юный Фоскари получил по заслугам. Когда через два месяца он не явился к губернатору Модоны, его имущество

конфисковали, но и такая мера соответствовала закону. Два года спустя, когда он серьезно заболел, совет еще раз подтвердил милосердность своих решений. После апелляции, поданной отцом, приговор был отменен. Осенью 1447 года, «принимая во внимание, что в наше неспокойное время правителя не должно заботами отвлекать от великой службы республике, и то обстоятельство, что сын его лежит больной телом и разумом, являя гуманность нашего правительства и учитывая заслуги нашего дожа», Якопо Фоскари позволили вернуться в Венецию.

Казалось бы, теперь старый Франческо может спокойно доживать свои дни. Так оно и было бы, если бы 5 ноября 1450 года некто Эрмолао Дона, заслуженный сенатор, не подвергся нападению неизвестного лица по пути к дому. Через два дня он скончался от ран. За несколько недель, что продолжалось следствие, подозреваемых арестовывали, допрашивали и отпускали, и ни тени подозрения не упало на Якопо Фоскари. Затем, уже в январе, в одной из «львиных пастей»* оказался донос, обвиняющий его в убийстве. Якопо схватили и привели в суд.

Свидетельство против него выглядело пустяковым. Оно основывалось на том, что Эрмолао Дона был одним из трех глав Совета десяти в то время, когда Якопо обвинили, следовательно, у Якопо был мотив для мести. Не учитывалось и то, что в вечер убийства один из его соседей слонялся у ворот дворца. Андреа Дона, сидевший у ложа пострадавшего, за два дня до его кончины подтвердил, что тот простил своего неизвестного обидчика и не сказал ни одного слова, бросающего тень на Якопо. Сам подозреваемый своей вины не подтвердил даже под пыткой, которой его все же подвергли. Тем не менее его признали виновным и сно-

---

* Bocca di leone («львиная пасть») — специальный ящик для жалоб и доносов. Такие ящики расставлялись в разных местах города. Доносы поступали в Совет десяти, который, правда, старался их игнорировать, если они не имели подписи, и принимали меры только после проверки обвинений.

ва приговорили к пожизненной ссылке, на этот раз на Крит.

Нужно отметить, что на этот раз Совет десяти руководствовался чем-то плохо объяснимым, но почти невозможно обвинить его в умышленном вредительстве со стороны Лоредано или кого-то еще. Во-первых, на тот момент никого из Лоредано в совете не было, только один из них присутствовал в составе zonta, собранной по этому случаю. Во-вторых, хотя обвинение выглядело несправедливым, для убийцы такой приговор был слишком мягким. Остается предположить, что Якопо оставался все таким же смутьяном, и совет, раскаявшись в своей прошлой мягкотелости, воспользовался случаем избавить от него государство раз и навсегда.

Перед отъездом Якопо, ослабевшему и больному, позволили увидеться с семьей. Его родственник Джорджо Дольфино, присутствовавший при последней встрече, согласно рукописи, сохранившейся в библиотеке Марчиана, пишет, что молодой человек слезно умолял отца воспользоваться своим влиянием и позволить ему остаться дома, с семьей. Отец сурово убеждал его «повиноваться приказу республики и не требовать большего». И только когда сына увели в камеру, он сник и с возгласом: «О pieta grande!» («О, как жаль!») упал в свое кресло. Больше они никогда не виделись. Якопо отбыл на Кипр, и через полгода в Венеции стало известно о его смерти.

Несмотря ни на что, Франческо Фоскари любил своего сына и такого удара вынести не смог. С этого момента он стал слабеть, потерял интерес к государственным делам и даже отказывался присутствовать на заседаниях сената и совета, хотя это было его конституционной обязанностью. Полгода прошло в надежде, что дож оправится от горя и сможет выполнять хотя бы важнейшие из своих функций. Однако в октябре 1457 года совет постановил, что дольше ждать нельзя. Делегация, состоящая из синьории и трех

глав Совета десяти, вызвала дожа и вежливо и почтительно попросила его, «как доброго государя и истинного отца своей страны», отречься от трона.

В прошлом Фоскари два раза предпринимал усилия к тому, чтобы уйти в отставку, но ему не позволяли. На этот раз он отказался уходить. Возможно, он негодовал на то, что совет так обошелся с его сыном. Возможно, его разозлило, что совет бестактно выбрал парламентером того же Якопо Лоредано, который, находясь ранее на этом посту, оглашал приговор об изгнании. (Вряд ли ему было известно, что Лоредано сперва предлагал смертную казнь, но предложение не прошло.) Возможно, просто сказался возраст — 84 года и перенесенное горе сделали его раздражительным. В любом случае, его ответ показал, что он уже слишком стар. Он холодно заметил, что у Совета десяти нет власти отправить его в отставку. Решения такой важности принимаются большинством голосов Большого совета при поддержке шести членов синьории. Если последует просьба, утвержденная таким образом, он уделит ей внимание. До этого времени он останется на своем посту.

Формально он был, конечно, прав, но спорить с Советом десяти не стоило. По причине, скорее всего, уязвленной гордости они не вынесли этот вопрос на обсуждение Большого совета. Вместо этого, жестоко нарушая конституцию, они вернулись к Фоскари с ультиматумом. Либо он наконец уйдет в отставку и освободит Дворец дожей в течение недели, и тогда он получит пожизненную пенсию в 1500 дукатов в год, либо он будет смещен силой, а его имущество будет конфисковано. У дожа не хватило сил бороться дальше. С его пальца торжественно сняли кольцо и преломили его, с головы сняли корно. Джорджо Дольфино, снова выступающий в роли очевидца, пишет, что, когда делегация уходила, старик подозвал к себе одного из них, узнав в нем сына своего старого друга, и пробормотал: «Скажи своему отцу, пусть навестит меня. Мы с ним покатаемся на лодке и проведаем монастыри».

Однако на следующее утро, когда он покидал дворец, к нему вернулось присутствие духа. Его брат Марко спросил, пойдет ли он по маленькой крытой лестнице, ведущей прямо к боковым дверям, где ждала его лодка. «Нет, — ответил он. — Я спущусь по той же лестнице, по которой поднимался, когда стал дожем». Так он и сделал, а потом уплыл к величественному зданию на первой излучине Большого канала. Он строил его для себя, и до сих пор оно носит его имя.

Через неделю его преемник, Паскуале Малипьеро, на службе в честь дня Всех святых, проводимой в Сан Марко, узнал, что Франческо Фоскари умер. Дольфино описывает, как переглядывались члены синьории, «прекрасно зная, что это они укоротили его жизнь», и в самом деле, нет сомнений, что смерть наступила в результате сердечного приступа. Казалось, бремя вины должно было лечь на всех, и этим объяснялась торжественность, с какой проходили похороны. Вдова Фоскари возражала против этой пышности, горестно восклицая, что уже слишком поздно республике пытаться исправить те злодеяния, которые она причинила своему самому верному слуге. Но ее возражения оставили без внимания. В четверг 3 ноября тело уложили в зале синьори ди нотте, прямо в нижней аркаде, со всеми регалиями: одежды из золотой парчи, меч, шпоры, на голову снова надели корно. Оттуда его торжественно, в сопровождении служителей Арсенала, под золотым зонтом, пронесли через Мерчерию, по деревянному мосту Риальто, к церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари. Среди двенадцати несущих траурный покров шагал Малипьеро, одетый как простой сенатор. Совершенно ясно подразумевалось, что Фоскари умер дожем.

Этот же обман подтверждает гробница, занимающая почетное место в стене, по правую руку от главного алтаря. Она заслуживает пристального внимания, во-первых, как любопытный образец переходной стадии между готикой и Возрождением, и во-вторых, тем, что заслужила одну из

самых лестных оценок Рескина*. Но гораздо лучший памятник Франческо Фоскари — это, конечно, западный фасад Дворца дожей, смотрящий на Пьяццетту — от седьмой колонны с южного края до угла собора, где его изображение украсило новый вход во внутренний двор — Порта делла Карта.

Каковы бы ни были недостатки гробницы в церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари, Порта делла Карта — настоящий шедевр. Ничто так живо не выражает дух Венеции, его позднеготический ореол, запечатленный на исходе Средних веков. А поскольку этот период совпал с правлением Франческо Фоскари, неудивительно, что этот гигантский портик на высоте второго этажа украшен статуей самого дожа в натуральную величину, преклоняющего колени перед крылатым львом святого Марка**. Постоянная

---

* Осмотр можно производить с третьим томом «Камней Венеции» Рескина в руках: «Мы обнаружим, что совершенное Возрождение, по крайней мере, чисто в своей безвкусице и утонченно в своих пороках. Но этот памятник замечателен тем, что он отвергает один стиль, обремененный зародышем другого, и все повелители жизни облачены либо в одежды, либо в саван». И так далее, на протяжении трех страниц. Само изображение понравилось Рескину еще меньше: «Огромный, тучный, с лицом изможденного шута, с выражением особого рода вялой и порочной хитрости, так часто встречающимся у худших из католических священников. Изображение частью железное, частью глиняное...» Однако он осуждает скульптора больше, чем его творение.

** Эта скульптурная группа — прекрасно выполненная в XIX веке копия. Оригинал в 1797 году уничтожили французские войска. К счастью, голова оригинальной скульптуры работы Бартоломео Бона уцелела, и ее можно увидеть в музее скульптуры Дворца дожей. Недавно всю Порта делла Карта почистили и отреставрировали с помощью британского фонда «Венеция в опасности» благодаря щедрым пожертвованиям мистера и миссис Сейнсбери.

война, пустые закрома, личная трагедия, все, что сопутствовало дожу в последние годы его правления, унижение, которым оно закончилось — все это было забыто. В памяти остались только победы: поверженные враги, расширенные границы, ходящие за полмира галеры и боевые корабли, величие, краски, парад. Это было время, когда весь дворец нарядился в кружевные одежды из мрамора белого и розового цветов — одно из самых вдохновляющих решений в истории архитектурного декорирования. Когда Гварьенто заканчивал свой «Рай», теперь — увы! — утраченный, на стене зала Большого совета. Перед самым падением Константинополя беженцы со всей гибнущей империи стекались в Венецию, считая ее самым византийским городом Европы, привозя с собой свои библиотеки, произведения искусства и дух просвещения и науки. (Самый выдающийся из этих иммигрантов, кардинал Виссарион, в качестве православного архиепископа Никейского сопровождавший своего императора на соборы в Феррару и Флоренцию, остался в Италии и стал князем католической церкви и одним из самых великих священнослужителей своего времени. Он подарил Венеции ценнейшее собрание книг, которое стало ядром библиотеки Марчиана.) Греческой общине была отдана старая церковь Сан Бьяджо. Только в следующем столетии они переместились в недавно построенную Сан Джорджо деи Греки. Репутация Венеции как города религиозной толерантности не имела равных в цивилизованном мире.

В других вопросах, надо заметить, Венеция сильно отстала. У нее не было таких авторов, как Данте, Петрарка или Боккаччо, не было таких гуманистов, как Леонардо Бруни, Леон Баттиста Альберти или Пико делла Мирандола. Даже в тех видах искусства, которыми всегда славилась Венеция — живопись, скульптура, и прежде всего, готическая архитектура, — в первой половине XV века она уступила искусным юным флорентийцам, таким как Мазаччо, Брунеллески, Гиберти и Донателло. В крупных тосканских городах начинался расцвет Возрождения, в Венеции оно

едва пустило всходы. Немногие его проявления были робкими и не очень успешными.

Существовало несколько причин такой неповоротливости. Венецианцы были не мыслителями, но деятелями. Они доверяли опыту и испытывали недоверие к абстрактным теориям. Их гений был видим и ощутим, а позже — музыкален. он затрагивал скорее чувства, чем интеллект. Художники, мастеровые и купцы редко становятся великими поэтами и философами. К концу столетия венецианцы преуспели в новом искусстве книгопечатания и переплетном деле, однако на протяжении всей истории они лучше издавали книги, чем писали их.

С самых ранних времен Венеция больше тяготела к византийскому миру, чем к остальной Италии, и новая волна византийского влияния задела более чувствительные струны, чем идеи гуманистов, которые так сильно воздействовали на культурное развитие Ломбардии и Тосканы. Но Византия умирала, и вскоре семена Возрождения дали всходы и в Венеции, и урожай они принесли не менее богатый, чем в иных местах.

Глава 26

ОСМАНСКАЯ УГРОЗА (1457–1481)

Если призыв «Уйдите!» остался незамеченным, быть может, призыв «Придите!» найдет отклик в сердцах...

Мы не желаем битвы. Мы уподобимся Моисею, молившемуся на горе, когда сыны Израиля бились с амаликитянами. На носу корабля или на вершине горы, мы будем просить у Господа нашего Иисуса Христа победы в бою для наших солдат...

В служении Господу мы оставляем престол наш и Римскую Церковь, вверяя наши седые власы и наше немощное тело милости Его. Он не оставит нас, и если не дарует нам безопасное возвращение, то примет нас на небеса и охранит Свой престол и Свою невесту — Римскую Церковь.

Обращение Пия II к кардиналам, 1463 г.

Поздним вечером 30 октября 1457 года, когда Паскуале Малипьеро принял знаки отличия, соответствующие его должности, под дружные приветствия подданных, он стал титулованным повелителем самой прекрасной державы Европы. Город блистал величием, торговля опять процвета-

ла, результаты скрупулезных подсчетов казначейства радовали, чего не было уже на протяжении многих лет. Политическая стабильность Венеции, которую не смогли пошатнуть несчастья двоих Фоскари, оставалась пределом мечтаний всего цивилизованного мира. Огромные сухопутные владения протянулись на запад до границ Милана и на север до самых Альп. Обстановка в Восточном Средиземноморье была не такой безоблачной, но и повода для серьезного беспокойства не давала. Константинополь пал четыре с половиной года назад, но перед этим республика заключила с султаном союз и до сих пор оставалась с ним в самых дружеских отношениях. Ее купцам гарантировали свободную торговлю всего за двухпроцентную пошлину. В турецких владениях позволили открывать консульства. Короче говоря, не возникало никаких причин для того, чтобы торговля на Востоке велась бы менее активно или менее успешно, чем при Палеологах.

Если бы Мехмет II довольствовался тем, что уже покорил, остановил бы свою армию и стал бы закреплять свои великие завоевания, у венецианцев были бы все поводы для оптимизма. Но султан не довольствовался своими достижениями. Ему только исполнилось 25 лет, он пылал страстью миссионера, веря в свое предназначение нести слово пророка народам Европы и дальше. Может быть, интуитивно он чувствовал, что если он остановит свой безудержный порыв, это может обернуться для него гибелью*. Некоторые христианские правители, чьим владениям турки угрожали в первую очередь, соглашались принять вассальную зависимость от султана и платить ему дань, но их предложения были сразу отвергнуты. Султан хотел править сам и на меньшее не соглашался. За время короткого и непримечательного правления Паскуале Малипьеро, продлившегося

* Если он это чувствовал, то был прав. Как показала последующая история Османской империи, как только она остановила свой натиск, начался ее упадок.

до 1462 года*, султан стер последние следы независимости Сербии, хотя такой стратегически важный город, как Белград, благодаря гению венгерского полководца Яноша Хуньяди удалось спасти. Еще полвека им владели христиане. Мехмет захватил все основные острова на севере Эгейского архипелага. Потом он двинулся на юг и сначала выгнал из Афин флорентийских герцогов, затем изгнал двух беспомощных братьев последнего византийского императора — Фому и Димитрия Палеологов, объявивших себя деспотами Пелопоннеса. Через два года он стал повелителем Боснии, и венецианские города на далматском побережье оказались под угрозой захвата.

Но не только далматские города в надежде на спасение взирали в сторону Риальто. Вскоре тревожные настроения распространились по всей Западной Европе. Венеция, обладавшая самым мощным в христианском мире флотом, просто в силу своего географического положения при любом нападении неизбежно оказывалась на острие атаки. В самом деле, выбирать было не из чего. Генуя не могла продолжать серьезную борьбу после того, как отдала Мехмету Галату и торговые форпосты на Черном море, которое султан превратил в свое внутреннее море. Венгрия, лишившись после смерти Хуньяди лидера, ослабела и утратила боевой дух. Священная Римская империя теряла земли почти с такой же скоростью, с какой ее восточный соперник их занимал.

Поневоле Венеции пришлось играть роль защитницы слабых от турецкого нашествия, и она это проделывала благодаря искусному ведению политики. Мирным путем она присоединила к своим владениям Корфу еще в 1356 году, Навплию и Аргос в 1388-м и Салоники в 1423-м, хотя последнее приобретение было не особенно удачным. Через два года после него началась бестолковая война, закончившаяся в 1430 году тем, что город достался султану. Но часть

---

* Его гробница работы Пьетро Ломбардо находится снаружи ризницы церкви Санти Джованни э Паоло.

прибыльных эгейских колоний добровольно отошла под защиту Венеции. Турки, однако, копили силы и представляли все большую угрозу. Приходилось сдерживаться. За последние годы правления Франческо Фоскари Венеция дважды отказывалась от участия в военных союзах, и Паскуале Малипьеро продолжил прежнюю политику*. Когда папа Пий II в сентябре 1459 года собрал в Мантуе собор христианских правителей и стал призывать к крестовому походу, республика посчитала нужным напомнить всем об их медлительности шесть лет назад во время осады Константинополя. На этот раз было решено действовать только в том случае, если все христианские правители примут участие, действенное, масштабное, соответствующее их возможностям. Если учитывать, что часть делегатов снова не проявили никакого энтузиазма, такое условие вряд ли было выполнимо. Папа Пий покинул Мантую разочарованным, но идею крестового похода не оставил. В 1462 году он рассказал некоторым из кардиналов, как он проводит ночи без сна, страдая от своей беспомощности и стыдясь своего бездействия. Год спустя папа обнародовал свой новый план — несмотря на свою слабость**, он сам вместе с герцогом Бургундским поведет войско, а Венеция предоставит для него флот.

К тому времени, как призыв к участию в походе папы достиг синьории, Паскуале Малипьеро уже умер. Ему на-

---

*Однако такая миролюбивая политика не помешала в 1456 году Совету десяти предпринять попытку убить султана руками модонского еврея. Убийце обещали богатое вознаграждение. Интересно, что в 1460 году, когда построили огромные ворота Арсенала, их украсил крылатый лев святого Марка, державший в лапе закрытую книгу. Обычная надпись «Pax tibi Marce» («Мир тебе, Марк!») не подходила ни к месту, ни ко времени.

** Он почти не мог ходить. Обычно это считали подагрой, но почти наверняка это было следствием обморожения. Исполняя дипломатическую миссию в Шотландии в 1435 году, посреди зимы Пий совершил босиком паломничество из Данбара к церкви Пресвятой Девы Марии в Уайткирке.

следовал Кристофоро Моро, человек с гораздо более сильным характером. Моро был уже стар, но загорелся идеей крестового похода, пожалуй, не меньше римского папы. Его чувства хорошо показывает тот поток писем, которыми он забросал папу, вдохновляя его на решительные действия. Большинство соотечественников его поддерживало. Скорость и мощь турецкого натиска на протяжении последнего десятилетия сказывались на настроениях венецианцев. Большой совет уже заключил антитурецкий союз с Венгрией, а теперь поддержал усилия папы. Вдохновленный, Пий снова написал дожу, предлагая ему лично присоединиться к нему и герцогу Бургундскому. «Сейчас, — писал он, — не только Греция, но вся Азия, весь Восток содрогается от ужаса... Мы трое стариков, а бог любит троицу. Нашей троице помогла бы Троица Небесная, и наши враги пали бы к нашим ногам». Совет дал согласие — на этот раз 1607 голосами против 11 при 16 воздержавшихся, — чтобы дож и в самом деле отправлялся в поход. Когда через несколько дней дож здраво поразмыслил о своем решении, его попытки отказаться от участия в предприятии были с негодованием отвергнуты. Как сказал один из наиболее бестактных советников, «слава и благоденствие нашей земли для нас дороже вашей персоны».

Но поддержка Венеции была последней из хороших новостей, которые суждено было получить Пию. Было решено, что экспедиция начнется летом 1464 года из Анконы. В начале этого года присоединение Генуи герцогом Миланским серьезно изменило баланс сил в Италии, нарушив равновесие по всему полуострову. На материковой части Италии почти не осталось никого, кто мог бы предоставить войска для крестового похода. На Пасху герцог Бургундский заявил, что не может отсутствовать дома еще год. Тем временем в Риме возник недостаток денег, и подготовка проходила с трудом. Бургундцы заявили, что дела идут еще хуже, чем предполагалось, и готовы только две галеры. Папе, при всем его энтузиазме, не хватало таланта организатора. Он ожидал, что к нему хлынет мощный поток опытных воору-

женных наемников, рыцарей и воинов всех мастей со всей Европы, готовых полгода или больше служить на свои средства. Вместо этого явилось множество горе-крестоносцев, не имевших ни гроша за душой, ни обувки на ногах. Весь этот сброд, совершенно незнакомый с дисциплиной, наводнил город в ожидании, когда всем раздадут оружие, всех накормят и довезут до места боевых действий. Венеции некогда было разбираться с этой армией немощных, поэтому их просто отправляли обратно по домам, отказываясь их принимать. В худшем случае они умирали от голода и болезней по пути. Однако в Риме и Анконе их присутствие создавало серьезные трудности.

Вдобавок ко всем прочим неприятностям здоровье папы стало резко ухудшаться. Решения своего, впрочем, он не изменил, и так как время его подходило к концу, он решил больше не медлить. 18 июня он взял крест святого Петра и отбыл сперва по Тибру на барже, потом на носилках через Апеннины. По пути он встречал множество унылых крестоносцев, которые, добравшись до Анконы, не нашли там транспорта для себя и теперь группами разбредались по домам. Такого вида он перенести не мог. Врачи, видя, как он расстроен, говорили, что ему вреден сквозняк, и поплотнее задергивали занавески портшеза. Когда спустя месяц после выхода из Рима кортеж наконец достиг места назначения, всем, кроме самого Пия, было уже ясно, что из крестового похода ничего не выйдет. Обе галеры папы стояли на якоре в бухте. От флота, обещанного Венецией, известий не было. В городе еще оставались несколько рыцарей, у которых хватало средств содержать себя, но не более, выжидая развития событий. Большинство же потеряло надежду и разъехалось по домам.

Наконец 12 августа на горизонте появился венецианский флот из 24 галер. Папу, занимавшего епископский дворец, который находился на холме и был самым высоким в городе строением после собора Сан Кириако, перенесли к окну, чтобы он мог увидеть, как они входят в гавань. У папы был сильный жар, его состояние быстро ухудшалось. На

следующий день, когда Кристофоро Моро явился во дворец с визитом, ему сообщили, что его святейшество слишком плохо себя чувствует и принять его не может. Сперва дож подумал, что папа не сдержал своего обещания лично возглавить поход и сказался больным, чтобы уйти от ответственности. Скоро, однако, его врач выяснил, что папа не просто болен, а находится при смерти. На следующий день, 14 августа, делегацию кардиналов на борту кораблей известили о смерти папы. Еще через два дня дож со своим флотом отбыл в Венецию. Так, не начавшись, закончился крестовый поход.

По крайней мере, это было справедливо. Роспись Пинтуриккьо на стене библиотеки Пикколомини в Сиене, где папа Пий изображен начинающим крестовый поход в Анконе, с собором на заднем плане, в окружении войска на суше и флота в гавани, с коленопреклоненным перед ним дожем Моро, — искажает действительные события. Гораздо более точную оценку дает современный историк Роберто Челси, называя всю авантюру miserabile parodia piccolominiana (ужасной пикколоминианской пародией). Папа умер как раз вовремя. Проживи он дольше, экспедиция состоялась бы — с ним или без него — и была бы безжалостно разгромлена. Результатом стало бы недоверие к христианству и позор для него. Венецианцы уже понимали это. Масштабные, но безрезультатные совещания, бесконечные колебания, пафосные, благочестивые речи, никак не подтверждаемые делом, пространные проповеди папского легата, кардинала Виссариона — все это не создавало для турецкого нашествия ни малейших преград. Если Мехмета Завоевателя и можно было остановить, то никак не посредством крестового похода, а с помощью решительной, разумно подготовленной, вполне светской военной кампании.

К несчастью, война, в которую Венеция в союзе с Венгрией оказалась вовлечена после необдуманного захвата Аргоса в 1462 году, оказалась не намного более успешной. Гигантская коринфская стена, защищавшая перешеек, име-

ла 6 миль в длину, двойной ров и 136 башен. Венецианский генерал-капитан Альвизе Лоредано осенью разместил на ней 30 000 солдат, а через несколько месяцев ее смели как карточный домик. За последующие несколько лет серьезных поражений больше не было. Последователи Лоредано — Орсато Джустиниани, Джакомо Лоредано, Виттор Каппелло и командующий сухопутными силами Сигизмондо Малатеста из Римини — могли похвастать парочкой побед на островах и побережье. Однако единственным серьезным завоеванием была Мальвазия (Монемвазия), где под протекторатом Венеции утвердился деспот Фома Палеолог. Позже Мальвазия стала важной военно-морской базой республики.

История этих лет представляет собой поучительную повесть о несогласованных действиях союзных войск и взаимной зависти их командиров, о невыполненных приказах и нарушенных обязательствах, о недоразумениях, обвинениях и упреках. Даже неуклюжая попытка договориться о мире провалилась, благодаря, в основном, действиям генуэзских и флорентийских представительств в Константинополе, всегда готовых продолжить сценарий давней вражды и не терявших возможность истощить ресурсы республики.

Лишь одна фигура героически возвышалась над прочими, но то был не венецианец и не венгр. Уже четверть столетия албанский полководец Скандер-бек, Защитник Христа, как прозвал его сам папа, яростно сражался, защищая свою дикую горную родину от нападений султана. Он оборонялся очень успешно, но в 1467 году умер, оставив Венеции жизненно важную крепость Круя.

Со смертью Скандер-бека будущее стало рисоваться еще более мрачным. К счастью, Мехмет обратил свое внимание на Восток, и республика получила временную передышку. Но летом 1469 года от венецианских агентов в Константинополе поступили тревожные сообщения. Султану явно надоела неопределенность и вялые стычки. Он пожелал раз и навсегда избавиться от Венеции, как он избавился от Византии. По этому поводу он задумал вторжение с участием

флота, который на протяжении 18 лет непрестанно строился, и сухопутной армии из 80 000 человек во главе с ним самим. Флот уже собирался у Галлиполи, чтобы оттуда плыть на запад, через Эгейское море. Армия собиралась у Адрианополя, откуда должна была через Фракию идти на Фессалию и на юг Македонии. Армия и флот должны были встретиться у первой крупной цели — венецианской колонии Негропонт.

Казалось, после шести лет войны наступает критический момент. Эти годы бездействия дорого обошлись республике — потеряны корабли и люди, деньги и боевой дух. Венеция была утомлена и растеряна. Стало очевидно, что турецкая угроза направлена не только против нее, но против всего христианского мира, хотя другие христианские державы не осознают всей опасности, предоставляя сражаться одной Венеции и верят, что она может с этой угрозой справиться. Отчаянно, со всей энергией, на которую была способна, Венеция начала подготовку к грядущей битве. Правительство срочно учредило новый налоговый сбор, который принес казне 200 000 дукатов. На эти деньги удалось меньше чем за месяц вооружить 29 галер и довольно много судов меньшего размера. Арсенал увеличили почти вдвое, в его новом отделении трудилось больше тысячи рабочих. В это время венецианские города пополняли свои запасы: Падуя запасла 3000 дукатов и 5000 мешков сухарей, Жерона 2000 дукатов и 5000 мешков, Бреша 4000 дукатов и 8000 мешков. В Рим спешили послы с отчаянным призывом к папе, венецианцу Пьетро Барбо, который после Пия занял престол под именем Павла II. Послы убеждали папу, что Венеция сделала все, что было в ее силах: подготовила корабли, деньги и людей, отдала всю свою кровь, но этого недостаточно. Христианский мир должен поддержать ее, весомо и быстро. В ответ папа объявил полное отпущение грехов каждому, кто будет воевать против турок 4 месяца или оплатит замену себе на этот срок. Кроме этого обещания он мало что мог сделать. Европа не пошевелила даже пальцем, и Венеция осталась одна.

...Поначалу я оценивал его в 300 судов, теперь оцениваю в 400. Все море превратилось в лес. Это звучит как преувеличение, но вид и в самом деле внушительный... Они величественно приближаются полным ходом. Правда, на веслах их галеры хуже наших, зато под парусом, по общему мнению, превосходят и, кажется, везут больше людей. Флотилия разделена на авангард и арьергард. В одной эскадре около 50 галер, каждую галеру сопровождает собственный галеот. Я посчитал, что от первого корабля до последнего флот занимает около 6 миль. Думаю, чтобы противостоять такому могучему флоту, нам понадобится не менее сотни хороших галер, но даже и в этом случае не поручусь за исход сражения...

Теперь должна показать свою силу наша синьория. Отбросив прочь другие заботы, она должна собрать сразу все суда, всех людей, всю провизию и все деньги, какие удастся найти. В противном случае Негропонт окажется в великой опасности, а если падет Негропонт, с ним падет вся наша восточная империя, а с ней и соседняя Истрия. За следующий год турки, вдохновленные успехом этой кампании, соберут еще половину такой армии.

Это выдержка из большого письма с Корфу, написанного командующим венецианской галерой Джеронимо Лонго своему брату в середине июня 1470 года. Республика и в самом деле совершила все возможное. Хотя венецианский флот был далеко не так велик, как хотелось бы Лонго, его генерал-капитан Николо Каналь к середине июля имел в своем распоряжении 53 галеры и 18 кораблей меньшего размера. Еще несколько судов были на подходе. Флот добрался до Крита и занял позицию возле Скифоса, в десяти милях от северного конца узкого пролива между Негропонтом и материком.

Негропонт — название, данное венецианцами древнегреческому городу Халкида (сейчас он снова так называется) на острове Эвбея. Постепенно это название распрост-

ранилось на весь остров — крупнейшую в то время венецианскую колонию в Эгейском море. Республике остров достался во время всеобщей неразберихи после Четвертого крестового похода. В 1261 году, когда в Константинополь вернулся греческий император, на острове обосновался католический патриарх Восточной епархии. Из-за своих размеров и стратегического положения этот остров стал административным и законодательным центром всех венецианских колоний архипелага, местом расположения губернатора, наделенного широкими полномочиями, и главной базой эгейского флота.

С точки зрения географии это было и есть очень необычное место. Будучи, несомненно, островом, оно никогда не воспринималось таковым. Чтобы понять, в чем дело, достаточно одного взгляда на карту. Море постепенно вторгалось в прибрежную равнину с двух сторон, пока два рукава не соединились посередине. Хотя средняя ширина пролива, отделяющего остров от материка, составляет около десяти миль, в том месте, где стоит город, его ширина не превышает пятидесяти ярдов. Вероятно, из-за такого необычного расположения этот пролив, называемый Эврип, подвержен действию мощных приливных потоков, достигающих порой неимоверной силы. Мощный поток устремляется по проливу не менее семи раз в день в каждую сторону. В 411 году до н. э. в самом узком месте пролива его берега соединили мостом, в честь которого, вероятно, венецианцы и дали название колонии («черный мост»)*. Венецианцы укрепили пролив, построив в его середине, на скалах, маленькую крепость с башенками, так что пролив был теперь надежно перекрыт для всех, кроме бурлящей воды. Сам город защищали внушительные стены, много-

---

* Существует легенда, ее приводит Ян Моррис, рассказывающая, что Аристотель, будучи не в силах объяснить тайну Эврипа, бросился в него. На самом деле Аристотель умер в Халкиде скорее от болезни пищеварительного тракта, чем от помешательства рассудка.

численный гарнизон и обильные запасы на случай долгой осады.

Турецкий авангард 14 июня вошел в Эврип с южной стороны и высадил на остров, у самого города, небольшой отряд. Почти одновременно с этим, что говорит о прекрасной согласованности действий, всегда отличавшей хитроумные операции Мехмета, прибыл сам султан во главе сухопутного войска и расположился на берегу материковой части. Потом его инженеры, не обращая внимания на мост, принялись возводить новый, понтонный, немного севернее старого. Работы завершились за шесть дней. Мехмет с половиной армии переправился и начал осаду, а вторая половина осталась прикрывать тыл и обеспечивать войско провизией.

Венецианский гарнизон с помощью местных жителей стойко защищал город на протяжении трех недель. За это время они отразили не меньше пяти серьезных атак. Но пушка Мехмета (быть может, та самая, что разрушила стены самого Константинополя) круглые сутки беспрерывно била в один и тот же участок стены, и в начале июля стало ясно, что вот-вот появится большая брешь. Весть об этом дошла до генерал-капитана. Он был человеком осторожным. Несмотря на усилия всей Венеции поскорее снабдить его флотом, он еще не добрался до северной части пролива. Даже теперь он медлил принимать решение. Его вынудили поторопиться собственные капитаны, и он наконец отдал приказ заходить в канал и идти к турецкому мосту и осажденному городу.

Дул свежий попутный бриз. Прилив тоже благоприятствовал венецианцам. Когда корабли набрали скорость, отчего им было не снести турецкий мост, отрезав Мехмета от его тылов, как это сделал Хуньяди под Белградом? В самом деле, трудно представить иные цели такого маневра. Но в последний момент мужество покинуло Каналя. На виду у всего города он пошел на попятный и, несмотря на протесты капитанов, приказал развернуть корабли и выходить из канала в безопасное место.

Этим он определил участь Негропонта. Нельзя было яснее показать его защитникам, что они брошены на произвол судьбы. Они продолжали защищаться, но их силы питало теперь лишь отчаяние. На следующий день, 12 июля, армия султана через пролом в стене ворвалась в город. Но битва не закончилась даже на этом. Улицы оказались перегороженными бревнами и бочками, и туркам пришлось испытать на себе не только град из кусков черепицы с крыш, но и потоки горячей извести и кипящей воды из верхних окон. Турки жестоко мстили, убивая мужчин, женщин и детей. К вечеру не многие из жителей Негропонта остались в живых. Правитель города Паоло Эриццо укрылся в одной из башен и сдался только в обмен на обещание сохранить его голову. Верный обещанию, Мехмет приказал разрубить ему туловище.

Вести о падении Негропонта вызвали в Венеции ужас. За этим городом должна была последовать целая череда крепостей на протяжении 120 миль. Одна из крупнейших гаваней в Эгейском море теперь была недоступна для венецианских судов, а турки могли ее использовать как базу для нападения на соседние, мелкие колонии. Теперь купцы, курсирующие между материковой частью Греции и Дарданеллами, вынуждены будут держать путь через юго-запад Пелопоннеса, где из крупных грузовых складов остались только Модона и Корона. В островных колониях единственной силой, способной управиться с местными порядками, были местные правительства. Сильнее всего пострадал моральный дух жителей Восточного Средиземноморья. Если Негропонт, эта жемчужина в короне Венеции, вырвана из нее так легко и так жестоко, всего за один месяц, какие же у остальных шансы уцелеть?

Сенат собрался на экстренное заседание. Купцы на Риальто считали убытки. Вдоль Мало толпился народ в ожидании какого-нибудь корабля с вестями о судьбе родных и знакомых. Весь город пребывал в унынии. Суд постановил лишить полномочий Николо Каналя. Вместо него новым

генерал-капитаном назначили Пьетро Мочениго. Ему было приказано доставить Каналя в Венецию в цепях, чтобы он предстал перед судом. Как говорят, Каналь сразу подчинился. «Я здесь, чтобы подчиняться, — пробормотал он. — Делайте со мной, что вам угодно». 19 октября он прибыл в Венецию со своим сыном и секретарем. Для начала его посадили в тюрьму. В ходе расследования все обвинения против него признали справедливыми: в том, что он не защитил Негропонт от первой турецкой атаки, что развернул корабли у турецкого понтонного моста, когда его флот на пятнадцати узлах шел по каналу и мог легко его снести; и что после падения города он позволил турецкому флоту безнаказанно уйти. Иных казнили и за меньшее. Поразительно, что все его наказание заключалось в ссылке в Портогруаро, за 30 миль от Венеции, в штрафе в 500 дукатов и возмещении расходов из жалованья генерал-капитана.

Понятно, что сенат, выносивший приговор, принял во внимание какие-то смягчающие обстоятельства. За плечами Каналя было около тридцати лет безупречной службы, скорее дипломатической, чем военной. Всякий мог его охарактеризовать скорее как сенатора и человека ученого, чем как человека действия. Отчасти вина лежала на том, кто назначил его на должность, для которой он не подходил. Во всяком случае, ему повезло, что его не обвинили в государственной измене, как можно было ожидать. Тогда ему пришлось бы предстать перед кварантией или Советом десяти, и наказание, без сомнения, было бы другим. В самом деле, спустя недолгое время Совет десяти выразил неудовольствие по поводу этого приговора. Отвечая папе римскому, который ходатайствовал о судьбе Каналя, члены совета писали:

> Дело это решено не по справедливости, но по состраданию и милосердию, вплоть до того, что его едва не признали безвинной жертвой неудачных обстоятельств при том, что на нем лежит вина не перед одной лишь Вене-

цией, но перед всем христианским миром, и он должен быть признателен за такой пример крайней снисходительности, каким является его приговор.

Не похоже, чтобы Николо Каналь, находясь в ссылке, испытывал какую-либо признательность. Сегодня Портогруаро остается печальным, безликим городом, а в XV столетии он едва ли был чем-то большим, нежели кучка неприметных домов по дороге к Триесту. Живя здесь в одиночестве, позоре и бесчестье, вдали от любимого города, с полным сознанием того, что если бы не один злосчастный поворот судьбы, он мог бы сейчас считаться одним из самых уважаемых его граждан, он, вероятно, нередко желал, чтобы его товарищи-сенаторы проявили меньше снисходительности. Смерть заставила прождать себя еще 13 лет. В мае 1483 года, когда она наконец пришла, вряд ли она не была желанной.

Дож Кристофоро Моро умер 9 ноября 1471 года. Его похоронили в прекрасной гробнице, в алтаре церкви Сан Джобби, которую заложил он сам*. Девять лет его правления не стали счастливыми. Все это время тень османской угрозы висела над республикой, как туча. Он пережил своего рода унижение, ввязавшись в злополучный крестовый поход папы Пия, и национальную трагедию — падение Негропонта. Как личность он никогда не был популярен. Маленький, нескладный, страдающий заметным косоглазием, он заслужил репутацию вечно оправдывающегося лицемера и, несмотря на всю благотворительность — скряги. Ему также не повезло — хотя за это винить следует не его — стать первым дожем, в чьем торжественном обещании наименование государства «Communis Venetiarum» («венецианская коммуна») было заменено словами «Dominium» («властительница») или «Signoria» («синьория»). Конечно, последние при-

---

* Его прижизненный портрет работы одного из последователей Беллини висит над дверью ризницы.

знаки демократического правления сгинули задолго до того, как Кристофоро Моро родился на свет, но лишь теперь название государства изменили, приспосабливая его к реальности, и это изменение не прошло в народе незамеченным.

Следующий дож, Николо Трон, разительно отличался от предыдущего. Человек громадного роста, с грубыми чертами лица, заика, он добился больших успехов в качестве родосского купца. В память о любимом сыне, погибшем в Негропонте, он носил длинную бороду, немодную в то время. Его траур не помешал обычному празднику в честь избрания нового дожа, хотя этот праздник показал, что Венеция снова стоит на грани банкротства. Сдерживание турецкой экспансии обходилось ей в 1,25 миллиона дукатов ежегодно. Можно судить о лояльности и патриотизме ее граждан по отсутствию любых возражений во время принятия закона, существенно сокращающего жалование наиболее высокооплачиваемых государственных служащих, в том числе самого дожа. Морским чиновникам жалованье сократили наполовину, сухопутным — на две трети. Для тех, кто не служил в правительстве, налог на роскошь увеличили на 20 процентов.

Благодаря этим мерам Венеция могла продолжать войну. Потеря Негропонта хотя бы вывела из ступора нескольких европейских владык, в том числе нового папу Сикста IV, который вместе с королем Фердинандом Неаполитанским отправил галеры на помощь флоту Пьетро Мочениго. Летом 1472 года флот из 85 судов под его командованием (там находились и 3 корабля родосских госпитальеров) учинил серьезное опустошение в турецких водах, разорив Анталью, Смирну, Галикарнас и еще несколько портов на побережье Малой Азии. Один из капитанов Фердинанда смог даже сжечь арсенал Мехмета в Галлиполи, хотя позднее и поплатился за это жизнью.

Сообщения об этих небольших победах немного подняли боевой дух венецианцев, хотя они и понимали, что на ходе войны это серьезно не скажется. Гораздо более важной стала победа, одержанная республикой через два года

в Албании. После героической обороны стратегически важного города Скутари*, которую вел Антонио Лоредано, турки были вынуждены снять осаду и покинуть этот регион. К тому моменту, как это случилось, жители Скутари находились почти буквально на последнем издыхании. Очевидцы пишут, что, дождавшись мгновенья, когда враги скрылись в горах, все население города рванулось в ворота и бросилось к реке Бояне, чтобы утолить жажду.

Война еще не закончилась, но значительную передышку удалось выиграть. В ноябре правительства Венеции, Флоренции и Милана сформировали тройственный союз на 20 лет, обязавшись ближайшую четверть века защищать государства Италии от иностранных вторжений. Они предложили королю Неаполитанскому и папе римскому присоединиться к союзу.

Дож Трон умер в 1473 году. А к 1 декабря 1474 года, когда со дня благодарственной службы в честь победы в Скутари не прошло и двух недель, на тот свет отправился его преемник, Николо Марчелло**. По счастливой случайности, смерть Марчелло совпала с возвращением в Венецию Пьетро Мочениго, который уже четыре года пробыл генерал-капитаном — самый долгий в истории Венеции срок не-

---

* Современный Шкодер. Прошу не путать с другим, более известным Скутари, который расположен по другую сторону Босфора от Константинополя, где во время Крымской войны Флоренс Найтингейл лечила солдат.

** В соответствии со странным венецианским обычаем, по которому пышность гробницы дожа находится в обратной зависимости от исторической роли того, кто в ней лежит, и Трон, и Марчелло удостоились великолепных надгробий. Могила Трона в церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари, слева от главного алтаря, Лоренцетти описывает как «самую лучшую резьбу в Венеции времен Возрождения». Могила Марчелло в северной стене церкви Санти Джованни э Паоло тот же автор описывает как, «пожалуй, самое совершенное и уравновешенное произведение искусства Ломбардо».

прерывного командования флотом. Ничего удивительного, что после такой череды побед именно он занял свободный трон.

Перерыв в войне с турками и успешная политика Венеции на Кипре (благодаря лично дожу*) стали причиной того, что Венеция в период правления Пьетро Мочениго стала едва ли не более могущественной, чем была прежде. Несмотря на меры, принятые четыре года назад, казна сильно опустела, но вскоре после избрания Пьетро Мочениго значительно пополнилась из неожиданного источника. Этим источником стал последний и самый прославленный из венецианских кондотьеров Бартоломео Коллеони.

Бесспорно, он был величайшим. Искуснее и преданнее Карманьолы, хитрее и утонченнее Гаттамелаты, он в Ломбардии успел послужить у обоих. Ему не посчастливилось, он родился поколением позже, поэтому как командир не успел заслужить их оценки. Из всех его многочисленных кампаний, проходивших на всем полуострове, не многие имели далеко идущие последствия и потому они представляют интерес только для специалистов. По этой причине он заслужил бы в этой книге только упоминания в сноске, если бы не одно обстоятельство. Когда в октябре 1475 года, после четверти века службы на посту главнокомандующего венецианской армией, он умер, то завещал республике более 216 000 дукатов золотом и серебром и разного имущества на сумму вдвое большую. В завещании стояло только одно условие: чтобы в его память на площади Святого Марка была поставлена конная статуя.

В этом была сложность. Для венецианцев мысль о статуе была неприемлемой — такой привилегии они не удостоили самого евангелиста. Коллеони доказал свою лояльность, но, как все профессиональные кондотьеры, он переменил множество хозяев и, случалось, воевал против республики. Уроженец Бергамо, он даже не был венецианцем по рождению. С другой стороны, нельзя же было упус-

* См. гл. 27.

кать такой подарок судьбы в такое время. Проблему решили совершенно по-венециански. Раз на площади перед базиликой это невозможно, статую можно поставить перед скуолой Сан Марко, на площади перед церковью Санти Джованни э Паоло. Никто не допустил мысли, что тень Коллеони будет потревожена таким чудовищным актом казуистики, а сейчас, спустя пять столетий, глядя на гордую, прекраснейшую из когда-либо воздвигнутых конную статую работы Вероккио, трудно поверить, что, знай благодетель об этом, он не простил бы венецианцев.

В начале января 1475 года, за девять месяцев до завещания Коллеони, венецианцы по каким-то немыслимым каналам получили от мачехи султана предложение договориться о мире. Вопрос обсуждался два дня и две ночи. Многие отвергали саму идею, вспоминая о том, что туркменский правитель Узун Хасан, главный соперник и враг Мехмета на востоке, в любой момент готов на него напасть. Того же ожидали от венгров и поляков, которые недавно вступили в союз специально для этой цели. Даже папа теперь замышлял всеитальянский поход.

Лучше всех положение дел знал дож Мочениго. Большую часть жизни он провел, сражаясь с турками, он по собственному опыту мог судить об их силе, смелости, огневой мощи и почти безграничных человеческих и материальных ресурсах. Тринадцать лет Венеция противостояла им почти в одиночку. Это стоило ей бесчисленного количества кораблей, жизней многих лучших моряков и нескольких заморских владений. Казна опустела, не хватало даже денег на выплату жалованья, и группы моряков уже не раз собирались перед самым дворцом, требуя погасить задолженность. Отказываться выслушать условия турок было глупо.

В тот день победил голос разума, и в Константинополь отправили послов. Но в октябре переговоры были прерваны. В феврале 1476 года, когда умер Мочениго, утомленный, как некоторые несправедливо считали, вниманием десяти турецких рабынь, которых он держал в качестве на-

ложниц*, война возобновилась всерьез. А через два с половиной года, когда его преемник, Андреа Вендрамин, сраженный чумой, упокоился в церкви Серви**, под власть турок попали остров Лемнос и албанская крепость Круя. Теперь турки снова осаждали Скутари. Еще более накаляя обстановку, банды конных турецких разбойников разъезжали по Фриули до самой реки Ливенцы, опустошая села, сжигая и грабя все, до чего могли дотянуться, так что пламя пожаров можно было увидеть с колокольни Сан Марко.

Происходили и другие события, не связанные с турецкой угрозой, но не менее важные для будущего Италии. На Пасху 1478 года в соборе Флоренции Лоренцо Медичи и его брат Джулиано подверглись нападению убийц. Джулиано был убит на месте. Лоренцо, которому чудом удалось спастись, принялся мстить. Он прекрасно знал, что идея заговора и его разработка принадлежит его врагам Пацци, архиепископу Пизы и родственникам папы Сикста. Он знал также, что заговор получил тайную поддержку самого папы. Медичи не просто добился публичной казни убийц. Архиепископ был повешен в окне своего дворца, а один из

---

* Пьетро Ломбардо изобразил его на внутренней части западной стены церкви Санти Джованни э Паоло. Он стоит справа от своего саркофага, при полном вооружении, с решительным, воинственным видом, более подходящим для триумфальной арки, нежели для гробницы. Трудно представить себе более типичный безбожный образец надгробной скульптуры Возрождения.

** В начале XIX века, когда церковь Серви снесли, его останки и прекрасный памятник перенесли в церковь Санти Джованни э Паоло. Они размещены слева от главного алтаря. «Он умер, — пишет Рескин, — оставив Венецию обесчещенной на земле и на море, когда голубые дали Фриули дымились, разоренные врагом. А Венеция воздвигла ему самую драгоценную гробницу, какую когда-либо воздвигала для своих монархов». Рескин восхищается гробницей, равно как и скульптором Антонио Риццо, завершившем только ту часть работы, которая видна снизу. Это восхищение в дальнейшем сменяется разочарованием в Риццо (см. далее).

родственников папы, восемнадцатилетний кардинал Рафаэле Реарио, брошен в тюрьму. В гневе папа Сикст отлучил Лоренцо, а на Флоренцию наложил интердикт. Венеция и Милан поддержали Флоренцию, Фердинанд Неаполитанский примкнул к папе, и в считанные недели полуостров снова охватила война.

В исторической перспективе эта война, продолжавшаяся менее двух лет, не имела длительных последствий, как и большинство междоусобных конфликтов на территории Италии. Однако всем заинтересованным европейцам и туркам стало ясно, что никакого всеитальянского похода против турок в ближайшие годы не предвидится. Не предвиделось изменений в лучшую сторону и в других военных театрах, откуда ожидалось нападение на султана. Круя была потеряна, Скутари обречен, Фриули дважды за два года разграблена, а впереди — никакого просвета, лишь непрерывное ухудшение. В таком положении венецианцы в мае 1478 года, когда на смену Вендармину пришел брат Пьетро, Джованни Мочениго, обнаружили, что больше не могут продолжать войну. Условия мирного договора, на которые Венеция согласилась 24 января 1479 года, были куда хуже, чем те, от которых она отказалась три года назад*, но на этот раз выбирать не приходилось. Она отказывалась от всех притязаний на Негропонт и Лемнос, от большинства владений в континентальной Греции и почти всей Албании, кроме территории вокруг Дураццо, которую через несколько лет ей позволили оставить. Венецианским герцогам Наксоса, как ни странно, позволили остаться независимыми, республике позволили основать в Константинополе торговую колонию, живущую по венецианским законам, но за эту привилегию, так же как и за право торговать в турецких водах, требовалось ежегодно платить 10 000 дукатов.

---

* Помимо прочих условий, генуэзцы изгонялись из крымской Каффы, и на северном берегу Черного моря исчезала последняя европейская торговая база.

Все это было довольно унизительно. Вдобавок приходилось еще терпеть гневные упреки итальянских и европейских соседей, которые не смогли или не пожелали вовремя оказать помощь. Это, однако, не мешало им обвинять Венецию в измене. А самым досадным было то, что теперь венецианцы не могли и пальцем пошевельнуть, когда турки заняли острова в Ионическом море — Итаку, Кефалонию, Закинф и Левкаду, и когда в начале 1480 года они высадились в Апулии и захватили Отранто, поразив несчастных местных жителей своим варварством и грубостью и за 13 месяцев превратив его в процветающий рынок христианских рабов. Венецию даже обвинили в том, что она содействовала этому злодеянию, осуществляя таким образом коварную месть за недавнюю вражду королю Фердинанду Неаполитанскому, владения которого растянулись по всей Южной Италии. Были и еще более нелепые обвинения. Верно, что, не подпиши Венеция мир с турками, она могла бы и не послать на помощь войска. Но несомненно, что этот мир был подписан вынужденно, из-за отсутствия от стран Европы всякой поддержки. Вести о турецких высадках вызывали в Венеции такой же ужас, как и в Неаполе, и на то были веские причины. Но любое активное участие в делах за пределами республики было не просто бесполезным. Оно привело бы к моментальному возобновлению войны, вести которую республика больше не могла.

По той же причине Венеция ничего не могла сделать, когда летом 1480 года Мехмет предпринял новое серьезное нападение на Родос, остров-крепость, который уже 170 лет занимали госпитальеры, рыцари ордена Святого Иоанна. К счастью, рыцари смогли защитить себя без посторонней помощи. Их укрепления выдержали все атаки, затем наступила зима, и осаждающим пришлось убраться восвояси. Наверное, они собирались вернуться на следующий год, но 3 мая 1481 года Мехмет умер, и пока в Константинополе продолжалось междуцарствие, момент был упущен. У нового султана Баязета II были другие приоритеты. Турецкая

армия ушла из Отранто, а Родос оставили в покое еще на 40 лет.

Венеция тоже выиграла с приходом Баязета. Так быстро, как только было возможно, султану были отправлены поздравления и предложения возобновить мирный договор 1479 года. Новый султан, человек довольно мягкий по сравнению с отцом, не только сделал это, но и внес в договор существенные поправки в пользу Венеции. Ежегодную дань отменили, налоги на ввоз снизили. Венецианцы даже укрепили свое положение на юге Адриатического моря — им отдали в аренду остров Закинф, а обладание им помогало защитить Корфу.

Вдруг оказалось, что туркам надоело видеть Венецию своим главным врагом. Вместо этого она стала объектом покровительства Османской империи. Для самой Венеции это была желанная перемена. За исключением короткого периода правления Кристофоро Моро, она никогда не теряла своей роли авангарда христианского мира, и теперь от вражды она опять с нескрываемым облегчением вернулась к мирной торговле.

Глава 27

ФЕРРАРСКАЯ ВОЙНА И КОРОЛЕВА КИПРА (1481–1488)

Большой вашей ошибкой, венецианцы, было посягательство на мир других государств, мало вам того, что вы живете в самом прекрасном государстве Италии. Если бы вы знали, как вас ненавидят всюду, ваши волосы поднялись бы дыбом.

...Думаете ли вы, что те итальянские державы, что ныне объединились, действительно дружны между собой? Конечно же нет. Лишь нужда и страх перед вами и вашей мощью связали их... Вы одни, а против вас весь мир, не только Италия, но и страны за пределами Альп. Знайте же, что ваши враги не дремлют. Ради Бога, внемлите доброму совету, ибо вы в нем нуждаетесь...

Галеаццо Сфорца, герцог Миланский, к Джованни Гоннелла, секретарю Венецианской республики. 1467 г.

Таким выразительным, недипломатическим языком обратился в 1467 году герцог Галеаццо Сфорца, сын и наследник Франческо, к секретарю Венецианской республики, пытаясь остановить довольно незначительную кампанию

Коллеони. Он, пожалуй, преувеличил мирные устремления других итальянских государств и, конечно, недооценил значения другого чувства, которое помимо страха, хоть и не так наглядно, зато не менее объяснимо влияло на их антивенецианскую политику — зависти. Они завидовали красоте Венеции, ее величию, ее островной неприступности, а более всего — ее незыблемой политической системе, которая даже после жестоких военных и экономических кризисов оставалась символом стремления к скорейшему восстановлению и была источником сил для этого подъема. Так что молодой Сфорца говорил правду — Венецию ненавидели. Эта ненависть умножилась после подписания мира с турками и выросла, когда Апулия была захвачена и разграблена неверными. Соседи не пытались войти в положение Венеции, а венецианцы не очень-то стремились им свое положение объяснить, но строго придерживались своих политических интересов с чувством спокойного превосходства, которое они так долго воспитывали в себе и с которым они не расстались по сей день.

Тем не менее в 70-х годах XV века, когда экономика Венеции и ее международная репутация были подорваны, Венеция могла бы попытаться с помощью дипломатии обеспечить себе период мира, необходимый для восстановления. Но дож Джованни Мочениго и его синьория, похоже, считали иначе. По всем свидетельствам, дож отличался мягкостью и скромностью, но его портрет в Музее Коррер изображает человека с твердым, решительным характером, что отчасти объясняет те действия, которые республика предприняла осенью 1481 года против соседней дружественной Феррары.

Оба эти города многие годы находились в прекрасных отношениях. Еще недавно, в 1476 году, Венеция оказала вооруженную поддержку герцогу Эрколе д'Эсте, когда трон попытался узурпировать его племянник. Но теперь Эрколе, подстрекаемый, по всей видимости, тестем, Фердинандом, королем Неаполитанским, начал вести провокацион-

ную политику. Сперва он построил солеварни вокруг устья реки По, нарушив монополию, которую Венеция так ревностно охраняла на протяжении семи или восьми веков. Затем он начал поднимать какие-то смутные вопросы, касавшиеся определения линии границы, что, конечно, не улучшило отношений. Наконец, когда венецианский консул арестовал местного священника за неуплату долгов, а священник отлучил консула от церкви, Эрколе встал на сторону священника, хотя позже того осудил епископ. Даже после того как епископ неуклюже принес Венеции свои извинения (главным образом потому что папу Сикста шокировало известие об отлучении), Эрколе упорно отказывался принимать консула.

Несомненно, герцог затевал драку, выбрав момент, когда Венеция оказалась истощена долгой войной. Только он не понимал, что такое тяжкое оскорбление заставит Венецию доказать и всем вокруг, и себе самой, что она еще способна сражаться и побеждать. Снова дож попросил денег, и снова венецианцы откликнулись. И снова другие государства Италии укрылись за стеной собственных интересов.

На этот раз против Венеции объединились могущественные силы — Милан, Флоренция и Неаполь приняли сторону Феррары. Как ни странно, единственным союзником республики оказался папа Сикст, у которого нашлись свои причины желать ослабления Неаполя и Феррары. Он и подговаривал Венецию на поход. Благодаря его поддержке войско под командованием Роберта из Сансеверино сразу же начало наступление и поначалу добилось значительных успехов. Но потом, без всякого предупреждения, Сикст сменил сторону. Его южным границам серьезно угрожал король Неаполитанский, остальное довершила дипломатия сладкоголосого и, видимо, щедрого на подношения Лодовико иль Моро*, самого выдающегося из сыновей Франческо

---

* Мавром он был прозван за смуглое лицо.

Сфорцы, недавно захватившего власть в Милане. Первым делом папа призвал Венецию сложить оружие. Дож Мочениго вежливо, но твердо отказал ему, заметив, что, поскольку это оружие совсем недавно получило личное благословение его святейшества, победа ему обеспечена.

Ответ Сикста был предсказуем. 25 мая 1483 года он наложил на Венецию интердикт. Однако республика просто его не приняла. Представитель Венеции в Риме отказался передавать папскую буллу своему правительству, и Сикст вынужден был отправить специального посланника к патриарху, который, в свою очередь, отговорился тем, что очень болен и не может передать ее дожу и сенату. Однако он тут же сообщил о ней в Совет десяти, а совет приказал любой ценой сохранить тайну, чтобы все службы в церквях проходили как обычно. А до сведения папы довели, что Венеция желает обратиться к предстоящему собору. Об этом намерении оповестили общественность, прибив копию письма к дверям церкви Сан Чельсо, в Риме.

Снова Венеция показала, что она в состоянии тягаться с папой, но вернуть его как союзника она не могла. Именно в тот момент, когда почти вся Италия ополчилась против нее, она совершила шаг, за который ее впоследствии тяжко винили. Она подбросила недавно коронованному молодому Карлу VIII, королю Франции, идею вторгнуться в Италию и претендовать на королевство Неаполитанское, в то время как его родственник, герцог Орлеанский, начал поход, чтобы объявить свои права на Милан*. Фактически, ничего предательского в этих действиях не было. К тому времени лига превратилась просто в кипу бумаг, и это был не первый и не последний раз, когда иностранной державе предлагалось вмешаться во внутриитальянскую войну. Но для Венеции это решение было необычно недальновид-

---

*Права герцога Орлеанского на Милан были неоспоримы благодаря его бабке, Валентине Висконти. О правах Карла VIII на Неаполь см. далее.

ным. Французскому королю оно послужило поводом для далеко идущих амбициозных планов в отношении полуострова.

Но в тот момент ни король, ни герцог Орлеанский не приняли предложения Венеции. К счастью, король Неаполя, корабли которого в апулийских гаванях жестоко пострадали от нападений венецианского флота, был заинтересован в мире. Лодовико иль Моро, который обнаружил, что Фердинанд — союзник несговорчивый и неудобный, пришел к той же мысли.

Мир заключили на почетных для обеих сторон условиях, и Венеции достался город Ровиго и дополнительные территории вокруг дельты реки По. Когда в августе 1484 года в Баньоло подписали мирный договор, весь город праздновал победу. Три дня звонили колокола церквей, хотя некоторые горожане глохли от шума. Фейерверки, иллюминация, представления на Пьяцце, — все население воспринимало происшедшее именно как победу.

Только один голос, едва различимый в праздничном шуме, протестовал против этого мира. Когда вести о мирном соглашении достигли папы Сикста, он уже находился на смертном ложе. «Он будто язык проглотил, — вспоминает в письме к Лоренцо Медичи флорентийский посол. — Он не мог подобрать слов, но когда подобрал их, то пробормотал, что никогда не признает этого бесчестья». Однако времени на то, чтобы подтвердить это нелестное решение, у него уже не оставалось. Когда легаты попытались его успокоить, он отстранил их тем мягким жестом, который обычно означает благословение и дружескую просьбу удалиться. На следующее утро он умер.

Дож Джованни Мочениго пережил папу чуть больше, чем на год — достаточно долгий срок, чтобы увидеть, как преемник Сикста, папа Иннокентий VIII, снял интердикт с Венеции. Затем дож упокоился рядом со своим братом в церкви Санти Джованни э Паоло. Его правление тоже можно

назвать несчастливым. Большей частью, как и у его предшественников, оно сопровождалось войной и ее последствиями, такими как практически наступившее банкротство государства. Ему пришлось пережить крупную катастрофу и в собственном дворце, когда 14 сентября 1483 года от небрежно поставленной свечки сгорела часовня Дворца дожей, а с ней и почти вся восточная часть здания между внутренним двором и Рио де Палаццо. По сигналу тревоги на пожар сбежался народ, люди смогли потушить пламя, но многие бесценные полотна и другие произведения искусства погибли. Сануто пишет, что если бы дож не так боялся расхитителей и не отказался открыть двери в свои апартаменты, многое удалось бы спасти.

При обсуждении восстановления Дворца дожей в сенат было подано несколько очень амбициозных проектов. К счастью для потомков, их отклонили и решили придерживаться уже существующего плана. Тем не менее главным архитектором и скульптором назначили веронца Антонио Риццо. Что бы мы ни думали о результатах, они знаменуют момент, когда здание перестало быть чисто готическим и приобрело некоторые признаки смешения стилей, которое мы и наблюдаем сегодня. В любом случае, венецианцы пожалели, что устроили инспекцию только в 1498 году, когда выяснилось, что Риццо потратил уже 80 000 дукатов, а работы выполнены только наполовину. Официальное следствие установило, что по меньшей мере 12 000 дукатов ушло архитектору в карман, но на этот раз Совет десяти не успел отреагировать. Риццо уже уплыл в Анкону. Его сменил Пьетро Ломбардо. Его формы «пламенеющей готики» и многочисленные интарсии из цветного мрамора обошлись венецианцам почти так же дорого, как махинации его предшественника.

Еще со времен конституционных реформ Доменико Флабанико, которые он проводил в XI веке, в Венеции бытовало твердое правило, запрещавшее выбирать подряд

двух дожей с одной фамилией. Видимо, только это и уберегло республику от образования в ней правящей династии, как это произошло во всех итальянских городах. И вот впервые это правило было нарушено. Когда Марко Барбариго, дож, пришедший на смену Джованни Мочениго, умер, не пробыв дожем и года, ему наследовал его брат Агостино. Это произошло 6 августа 1486 года*. Натуры братьев, однако же, различались разительно. Марко обладал мягким характером, был вежлив, обходителен, но нерешителен. Агостино был своевольным, вспыльчивым и имел репутацию патологического подлеца. Хотя в войне с Феррарой он проявил себя энергичным чиновником, своим необычным избранием он был обязан главным образом возобновлению давнего соперничества между «лонги» и «курти» («долгими» и «краткими») — старыми и новыми семействами венецианской аристократии. По этой причине избиратели в количестве 41 человека разделились на два лагеря, и большинство из них, как и сам Барбариго, представляли курти. На пятом этапе выборов за него отдали голоса 28 человек, и этого вполне хватило, чтобы одержать победу над соперником от лонги Бернардо Джустиниани.

Первым важным событием в правление Агостино Барбариго стало дело, которое Венеция подготавливала долгие годы — официальное присоединение королевства Кипр. Основанное Ричардом Львиное Сердце и рыцарями-тамплиерами, оно в 1192 году было ими продано крестоносцу Ги де Лузиньяну. И хотя время от времени королевство подвергалось нападениям внешних сил — особенно генуэзцев в XIV веке и Каира, которому с 1426 года платило дань, — дом Лузиньянов продолжал править.

---

* Марко Барбариго стал первым дожем, принявшим пост на вершине созданной Риццо Лестницы гигантов, во внутреннем дворе дворца. Такая инаугурация вошла в обычай, просуществовавший столько же, сколько и сама республика.

Кризис начался в 1460 году, когда Яков (Жак) Лузиньян, незаконнорожденный сын короля Иоанна II, отнял трон у своей сестры, королевы Шарлотты, и ее мужа Луи Савойского, заставив их в течение трех лет укрываться в замке Кирения, а затем бежать в Рим. Однако, став королем, Яков нуждался в союзниках. Обратившись в Венецию, он официально просил руки юной прекрасной Екатерины, дочери Марко Корнаро (Корнера*), семейству которого давно и прочно было связано с островом. Та ветвь, к которой принадлежала Екатерина, Корнаро делла Ка'Гранде, лишь отдаленно была связана с ветвью Корнаро-Пискония, хозяевами феода Епископии, одними из богатейших кипрских землевладельцев. Но Марко жил на острове много лет и тесно подружился с Яковом, для которого выполнял различные сложные дипломатические миссии, а дядя Екатерины Андреа вскоре должен был стать ревизором королевства. Со стороны матери ее родня принадлежала еще более славному роду — ее прадед был не кем иным, как Иоанном Комнином, императором Трапезунда.

Сенат не мог устоять перед перспективой видеть венецианку королевой Кипра. Он с готовностью дал согласие тут же сыграть формальную свадьбу через посредника, лишь бы Яков не передумал. 10 июля 1468 года со всей помпой и блеском, на какие способна Венеция, 14-летнюю Екатерину в сопровождении сорока благородных дам провели от дворца Корнаро в Сан-Поло до зала Большого совета во Дворце дожей. Там дож Марко вручил кольцо кипрскому послу, который от имени своего господина надел его на палец невесте. Затем невеста приняла титул Дочери святого

---

* Уточнение, не нужное в книгах такого рода и вообще нежелательное. Хотя я назвал фамилию Екатерины так, как она произносится на венецианском диалекте: «Корнер», но общеизвестен итальянский вариант, поэтому называть ее иначе, чем Корнаро, было бы чистым педантизмом, а то и просто внесло бы путаницу.

Марка. Такие беспрецедентные почести заставили епископа Туринского едко заметить, дескать, он не припомнит, чтобы святой Марк был женат, а если и был, то его жена уже явно старовата, чтобы иметь 14-летнюю дочь. Через четыре года, 10 ноября 1472, Екатерина в сопровождении четырех галер уплыла в свое новое королевство*.

Но в следующем году Яков внезапно умер в возрасте 33 лет, оставив жену на последнем сроке беременности. Неизбежные в таких случаях слухи об отравлении, вероятно, не имели под собой оснований, но у сената, боявшегося, что, если представители Савойской династии устроят переворот, снова воцарится Шарлотта, не оставалось выбора. Пьетро Мочениго, который все еще оставался генерал-капитаном, приказали вести флот на Кипр, чтобы защитить молодую королеву, а фактически — чтобы защитить интересы Венеции. Капитан получил указание усилить гарнизоны всех крепостей на острове и убрать с руководящих постов всех ненадежных. Тот факт, что Кипр является независимым государством, сенат не слишком волновал — Мочениго действовал от имени королевы, хотя на крайний случай у него имелись особые полномочия.

Он выполнил свою работу, как всегда, последовательно и хорошо. Однако принятые им меры усилили возмущение, которое и без того наблюдалось среди местного дворянства, недовольного вмешательством Венеции в дела киприотов. Вскоре после отъезда Мочениго образовался заговор во главе с архиепископом Никосии. 13 ноября 1473 года за три часа до рассвета небольшая группа заговорщиков, в которой находился и сам архиепископ, проложила путь во дворец в Фамагусте и на глазах у королевы зарезала ее дворецкого и врача. Затем, после недолгих поисков, заговорщики выловили ее дядю, Андреа Корнаро, и ее кузена, Марко Бембо, с которыми поступили так же, раздели их трупы и вы-

---

* Говорят, что сцена проводов вдохновила Карпаччо на ряд картин, посвященных святой Урсуле. Они находятся в Академии.

бросили из окон в ров. Там тела лежали, пока их не обглодали городские собаки. Наконец, Екатерину вынудили согласиться на обручение дочери ее покойного мужа и Альфонсо, незаконнорожденного сына Фердинанда Неаполитанского, передав ему права на престол Кипра, несмотря на то что Яков официально передавал ей правление королевством, и она к тому времени уже родила от него сына.

Слово «переворот» быстро долетело до Венеции, и Мочениго вновь приказали вернуться на остров. Он быстро нашел управу на виновных, но нескольким заговорщикам, включая архиепископа, удалось бежать. Остальных поймали, лидеров заговора повесили, прочих бросили в тюрьму. Решение о передаче трона было признано недействительным. Венецианский сенат тем временем прислал двух доверенных патрициев, которые в чине советников вершили управление островом от имени Екатерины. Несчастная, обессиленная королева оставалась на троне, но с годами ей все труднее становилось играть роль номинальной фигуры. Ее сын, король Яков III, умер в 1474 году, почти через год после рождения. После этого королева уже не могла противостоять интригам своей невестки Шарлотты, с одной стороны, и молодого Альфонсо Неаполитанского — с другой, в то время как киприоты устраивали против нее один заговор за другим, видя в ней не столько королеву, сколько венецианскую марионетку. Она хорошо понимала, что ее жизнь целиком зависит от поддержки Венеции, но эта поддержка постепенно становилась все обременительней и для нее, и для ее подданных. Все основные должности при дворе и в администрации находились в руках венецианцев, в каждом городе или замке сидел венецианский губернатор или сенешаль. Наконец она и ее отец пожаловались в синьорию, что ее защитники все больше напоминают тюремщиков. Она не может покинуть дворец, слуг отозвали, ей даже есть приходится в одиночестве, за маленьким деревянным столиком. Любую переписку запретили, даже с собственными подданными. Эти жалобы во-

зымели действие, и с 1480 года ее жизнь стала комфортнее, но она стала понимать, что дочь она святому Марку или не дочь, ее роль превратилась в недоразумение для республики, и когда наступит момент, республика уберет ее с дороги без колебаний.

Венеция в самом деле положила предел ее царствованию. Кипр с 1426 года находился в вассальной зависимости у султана Египта, которому выплачивал ежегодную дань в 8000 дукатов. Прямой захват Кипра мог повлечь за собой нежелательные дипломатические осложнения. Но в 1487 году султан известил Екатерину, что Баязет намеревается начать против него масштабную кампанию и может попытаться захватить Кипр. Султан просил ее принять все возможные меры, чтобы укрепить оборону острова, а взамен на два года освободил королеву от уплаты дани. Теперь Венеция и Египет выглядели союзниками в борьбе против общего врага, и синьория решила рискнуть. Летом 1488 года раскрылся новый заговор, касающийся свадьбы Екатерины с Альфонсо Неаполитанским. Королева знала об этом заговоре и, возможно, сочувствовала ему. Главный заговорщик, некто Риццо ди Марино, участвовавший в событиях 1473 года и, как друг архиепископа, своевременно сбежавший, был схвачен, привезен в Венецию и, по приказу Совета десяти, удавлен. Повторного брака Екатерины допустить было нельзя. В октябре 1488 года возникло решение — Кипр должен официально войти в состав венецианской империи, а королеву следовало вывезти на родину, по возможности по доброй воле, а если понадобится, то и силой.

Это деликатное задание было доверено генерал-капитану Франческо Приули. Чтобы избежать возможного сопротивления со стороны Екатерины, Совет десяти провел с ее братом Джорджо тайную беседу и приказал подготовить ее заранее к добровольному отречению по собственной инициативе для общего блага. Кипр находился в опасном положении, и нужно было защитить его от алчности турок.

Сама же королева удостоится чести и почета, вручив отечеству такой подарок. Взамен она получит богатый феод и ежегодный доход в 8000 дукатов, жизнь ее будет проходить в покое и роскоши, и титул королевы за ней сохранится. Наконец, ее семья обретет невиданное могущество и престиж, а в случае ее отказа утратит престиж уже существующий.

Когда Джорджо впервые рассказал сестре, чего от нее ждут, она решительно отказалась. Говорят, что она ответила: «Разве мои венецианские повелители не собирались забрать себе остров после моей смерти? Едва мой муж мени покинул, как они уже отступились от меня». Но в конце концов она согласилась. В начале 1489 года она выехала из Никосии в Фамагусту, где в ходе долгой торжественной церемонии позволила генерал-капитану поднять над островом знамя Святого Марка. В начале июня она вместе с братом приехала в Сан-Николо ди Лидо. Ее, сопровождаемую эскортом благородных дам, выехал приветствовать дож Барбариго. К несчастью, когда «Бучинторо» подошел к Лидо, налетел внезапный шторм. Корабль трепало несколько часов, и когда Екатерина смогла наконец взойти на палубу «Бучинторо», ее состояние оставляло желать лучшего. Они проследовали по Большому каналу ко дворцу герцогов Феррарских, где 51 год назад останавливался византийский император. Трубили рога, и звонили колокола. От народных приветствий гудело эхо. Когда процессия добралась до палаццо Корнер*, дож за верную службу республике посвятил Джорджо в рыцари. Позже он удостоился привилегии класть свое оружие рядом с оружием дома Лузиньянов.

---

* В Венеции не менее 16 дворцов Корнер. Этот стоял на слиянии Большого канала и реки Сан-Кассиано. Его, к сожалению, уже нет. В 1724 году его заменили тем зданием, что стоит там и поныне и по старой памяти называется палаццо Корнер делла Реджина.

После трех дней празднества во дворце Феррара королева в Сан-Марко прошла церемонию отречения. Там она официально передала королевство Венеции. В октябре она получила в пожизненное владение в окрестностях Азоло небольшой городок на холме. Там на протяжении двадцати последующих лет содержался отошедший от дел двор. Только в 1509 году, перед угрозой наступающей армии императора Максимилиана, ей пришлось покинуть этот звонкий мир музыки, танцев и вежливых бесед с просвещенными людьми и искать убежища в родном городе. Она умерла 10 июня 1510 года в возрасте 56 лет. Штормовой ночью, под ветром и дождем, ее гроб вынесли из палаццо Корнер и переправили через Большой канал по мосту из лодок в церковь Санти Апостоли. На гробе покоилась корона Кипра. Тело же королевы было обряжено по-францискански. Ее похоронили в фамильной часовне Сан Сальваторе, где в южном трансепте ее могила отмечена надписью: «Catharinae Cornelae Cypri Hierosolymorum Ac Armeniae Reginae Cineres» («Прах Катарины Корнаро, королевы Кипра, Иерусалима, а также Армении»).

Глава 28

ФРАНЦИЯ НАСТУПАЕТ (1489–1500)

...Меня усадили между этими двумя послами (а в Италии почетно сидеть посредине) и провезли вдоль большой и широкой улицы, которая называется Большим каналом. По нему туда и сюда ходят галеры, и возле домов я видел суда водоизмещением в 400 бочек и больше. Думаю, что это самая прекрасная улица в мире и с самыми красивыми домами; она проходит через весь город. Дома там очень большие и высокие, построенные из хорошего камня и красиво расписанные, они стоят уже давно (некоторые возведены 100 лет назад); все фасады из белого мрамора, который привозится из Истрии, в 100 милях оттуда; но много также на фасадах и порфира, и серпентинного мрамора. Это самый великолепный город, какой я только видел...

*Филипп де Коммин. Мемуары**

1492 год в истории Европы стал поворотной вехой. Именно в этом году Колумб открыл Новый Свет. В этом

* Здесь и далее «Мемуары» Ф. де Коммина в переводе Ю. Малинина.

году его покровители — Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская — разгромили наконец мавританское королевство Гранаду и утвердили свою власть над всей Испанией. Во Флоренции в этом году умер Лоренцо Великолепный, который хоть и не доверял Венеции всю свою жизнь, все же как никто другой способствовал объединению Италии против притязаний французов. В Риме в этом году после самых продажных в истории выборов папы избрали самого безнравственного понтифика (если не считать антипапу Иоанна XXIII, утвердившего за шесть столетий до этого «порнократию») — Родриго Борджиа, ставшего папой Александром VI. Кроме всего прочего, 22-летний французский король Карл VIII в этот год освободился от регентства сестры Анны де Божо и теперь мог приложить свои силы к осуществлению давней мечты — походу на Италию.

Физически Карл плохо подходил на роль героя-завоевателя. «Его величество, — докладывал в том же году венецианский посол*, — мал и тщедушен, имеет хмурое выражение лица, водянистые близорукие глаза, чересчур крупный нос и слишком пухлые, вечно оттопыренные губы. Руками он производит судорожные движения, весьма неприглядные со стороны, речь его чрезвычайно медленна... Весь Париж славит его искусство игры в мяч, доблесть на турнирах и охоте». Возможно, подданные его любили как раз за эти искусства. Из-за мягкости характера он получил прозвище Любезный. «Добрейшего создания и представить себе нельзя», — пишет хронист Филипп де Коммин. В глазах Карла, несомненно, этот поход мотивировался высокими целями. Он не собирался завоевывать чужих земель, всего лишь потребовать принадлежащее ему по праву, а к этой категории, бесспорно, принадлежало королевство

---

* С 1478 года Венеция имела при французском дворе постоянное посольство — первое постоянное дипломатическое представительство за пределами Италии.

Неаполитанское*. К нему еще прилагался титул короля Иерусалимского, который дал бы Карлу престиж, необходимый для подтверждения своих итальянских завоеваний и оправдания его запоздалого крестового похода.

Это была славная мечта, и мечтой должна была остаться. Как отмечает Коммин, на взгляд любого разумного и опытного человека предприятие выглядело глупым. Карлу не хватало денег — ему пришлось перед походом заложить свои драгоценности — и еще больше не хватало военного опыта. Продвижение далеко на юг Апеннинского полуострова, налаживание чересчур протяженных коммуникаций отдали его армию на милость полудюжины сильных, воинственных и потенциально опасных государств. Только двое из французского окружения короля по-прежнему проявляли оптимизм: его наставник и дворецкий Этьен де Веск, которого Коммин заклеймил как человека недальновидного, который ничего не слушал и не видел, и его кузен Людовик Орлеанский, который в этом походе видел возможность осуществить свои притязания на титул герцога Миланского. Он претендовал на него благодаря своей бабке, Валентине Висконти. Еще отыскалось немало итальянских беженцев, миланцев, генуэзцев, неаполитанцев, врагов Борджиа из Рима и врагов Медичи из Флоренции, готовых подстрекать короля больше, чем следовало.

Из всех основных государств Италии только Венеция, как всегда, стабильная и монолитная, не обладала врагами, интригующими против нее при французском дворе. Но ее представители — доверенные послы — в конце 1492 года, когда было предложено создать военный союз, проявили гораздо меньше энтузиазма, чем девять лет назад, мягко заметив, что Венеция и Франция уже находятся в таких

---

* Претензии французов на Неаполь были связаны с тем, что Карл Анжуйский, брат Людовика Святого, получил от папы римского неаполитанский трон, и его семейство занимало его на протяжении двух столетий. Затем, в 1432 году, трон захватила Арагонская династия.

тесных отношениях, что нет необходимости демонстрировать дальнейшее их укрепление. В любом случае, Венеция не могла принять участие в походе на турок — в 1482 году она подписала с Баязетом мирный договор. Дипломаты не добавили, хотя могли бы, что Венеция никогда не была с Неаполем в особенно хороших отношениях, и если Карл победит, она могла бы надеяться на приличный кусок при разделе. Зная, что Карл прекрасно осведомлен о том, что именно ее интересует, Венеция предпочитала соблюдать вооруженный нейтралитет и заняла свою любимую позицию в стороне. Эта политика не изменилась и на следующий год, когда Лодовико иль Моро отправил свою молодую жену Беатриче д'Эсте, уже искусного дипломата, в Венецию во главе посольства, чтобы уяснить намерения республики относительно грядущего вторжения. Ей оказали обычный торжественный прием, поместили во дворце Феррары и устроили экскурсию по городу. Она посетила заседание Большого совета, в ее честь в монастыре Пресвятой Девы был дан концерт. Но в качестве ответа она получила лишь заверения в уповании на милость божью и ничего не значащие фразы.

Лодовико надеялся на несколько более явную поддержку французского предприятия. Казалось, претензии герцога Орлеанского его совсем не интересуют — у него были более насущные заботы. После узурпации власти в Милане у законного герцога — его племянника Джано Галеаццо, женатого на дочери принца Альфонса Неаполитанского — он завяз в длительной вражде с неаполитанским правящим домом. Когда в январе 1494 года Альфонсо унаследовал трон своего отца Фердинанда, эта вражда приняла еще более грозные формы. Вскоре новый король заручился поддержкой Пьеро де Медичи, который недавно унаследовал от своего отца Лоренцо управление Флоренцией, и самого папы Александра. Это была серьезная комбинация, которая в случае внезапного нападения могла привести к низвержению Лодовико. Поскольку опасность возрастала, представители Милана в Париже все больше и больше старались

подтолкнуть короля открыто проявить свои амбиции. Они почти приглашали его начать итальянский поход, хотя не в таком приглашении он нуждался в то время. Он уже купил за непомерную цену пассивное содействие Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, Генриха VII Английского и императора Максимилиана Австрийского. Летом 1494 года он выступил во главе войска из 46 000 человек, включающего 11 000 конных воинов, 4000 швейцарских пикинеров и королевскую гвардию из шотландских лучников — крупнейшей на памяти живущих армии, собранной во Франции и впервые со времен Людовика Святого возглавляемой лично государем.

Стремительное успешное наступление французов, вышедших через Альпы в Ломбардию и на полуостров, оправдало лучшие надежды Карла. В начале сентября, находясь в Асти*, он получил известие о том, что соединенные силы Франции, Швейцарии и Генуи во главе с герцогом Орлеанским, вышедшим с отборной гвардией и лучшей артиллерией месяцем ранее, нанесли сокрушительное поражение неаполитанцам при Рапалло. Несмотря на только что перенесенную в легкой форме оспу, король 6 октября покинул Асти. Через 2 месяца он с триумфом вошел в Пизу и соседнюю Лукку. 17 ноября он подошел к Флоренции, жители которой, вдохновленные монахом-доминиканцем Савонаролой, не теряя времени, выгнали слабого и беззащитного Пьеро де Медичи и распахнули ворота перед французской армией. К концу года Карл был уже в Риме, где папа Александр, в ужасе укрывшийся в замке Сант-Анджело, вскоре понял, что ему, вопреки желанию, придется принять условия Карла.

---

* Пьемонтский город Асти был частью наследства Валентины Висконти, которая была замужем за герцогом Орлеанским. Позже он достался Филиппо Марии, но после его смерти вновь отошел к Орлеанской династии. Для похода Карла он послужил удобной базой в Италии.

Пробыв в Риме 4 недели, французы продолжили наступление на Неаполь. Одних лишь новостей об их приближении хватило, чтобы король Альфонсо отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда, прозванного Феррантино. Сын вскоре последовал примеру отца, и 22 февраля 1495 года неаполитанцы, никогда не думавшие об арагонцах иначе как об иноземных агрессорах, приветствовали своего нового правителя. За какие-то шесть месяцев Карл удовлетворил все свои амбиции. Еще более удивительно, что он сделал это, почти не проливая крови — после Рапалло произошло только одно серьезное вооруженное столкновение. Итальянцы очень быстро разучились сражаться. Целое столетие, а то и больше, все основные кампании велись силами кондотьеров, командующих сборными армиями наемников. Эти люди не обладали ни высокими принципами, ни чувством патриотизма, ради которого стоило убивать и идти на смерть. Этих людей волновали только сроки оплаты, трофеи и выкуп. Как следствие, в их среде распространились определенные правила ведения войны, не более опасные для участников, чем современное фехтование. Когда же они столкнулись с противником, который не пожелал следовать их правилам, а вместо этого был настроен убивать врагов в бою, они исполнились негодования и запаниковали.

Карл официально короновался 12 мая 1495 года. В своем королевстве он провел три месяца. Вскоре радость от успеха поумерилась, восторженное отношение хозяев начало сменяться раздражением. Неаполитанцы, которые с таким удовольствием изгнали арагонцев, осознали, что все иноземные захватчики очень похожи друг на друга. Во многих городках росло недовольство — их жителям приходилось по каким-то непонятным для них причинам содержать французский гарнизон, всем недовольный и часто распущенный. За пределами королевства Неаполитанского тоже становилось тревожно. Даже государства — итальянские и не только, — поначалу казавшиеся настроенными миролюбиво или хотя бы не проявлявшие открытой вражды, те-

перь опасались за свое будущее. Если Карл с самого начала так легко достиг своей цели, что помешает ему направить свою армию дальше? И нигде этот вопрос не стоял так остро, как в Венеции.

К счастью для истории, Карлу хватило здравого смысла направить к синьории в качестве посла Филиппа де Коммина, сеньора Аржантона, чьи мемуары представляют собой, пожалуй, самый ранний точный отчет о политической истории Венеции, написанный очевидцем. Коммина послали, несомненно, чтобы в Венеции сформировалось нужное представление о Карле.

> Узнав, что Сан-Джермано оставлен и король вошел в Неаполь, они послали за мной и сообщили мне эти новости, делая вид, будто рады им. Они сказали, однако, что неаполитанский замок хорошо защищен, и я видел, что они питают надежду, что он устоит.

Но замок не устоял. Еще через пару дней венецианцы снова вызвали посла.

> Они вновь послали утром за мной, и я застал человек 50 или 60 в комнате дожа, который был болен желудком; он передал мне эту новость с радостным лицом, но, кроме него, никто в этом собрании не способен был притвориться радостным. И одни сидели у подножия скамей, подперев головы руками, другие — в иных позах, но все явно опечаленные. Думаю, что даже когда в Рим пришло известие о проигранной Ганнибалу битве при Каннах*, то и тогда сенаторы не были так напуганы и потрясены. Никто, кроме дожа, не взглянул на меня и не произнес ни одного слова, и меня это весьма удивило.

---

* Величайшее поражение в истории Древнего Рима в 216 году до н. э., когда карфагенское войско под началом Ганнибала перебило почти всю римскую армию — около 5000 человек.

Дожу Барбариго не хотелось показывать послу, как он расстроен, хотя послу было прекрасно известно, что синьория уже шесть недель ведет тайные переговоры с представителями Фердинанда, короля Испании, императора Максимилиана, Александра VI и Лодовико иль Моро, также встревоженного этим ураганом и еще более — присутствием в Асти герцога Орлеанского, чьи претензии на Милан были никак не меньше претензий Карла VIII на Неаполь. Конечно, Коммин не удивился, когда 1 апреля ему официально сообщили о создании новой лиги.

> Дож сказал мне, что во славу Святой Троицы заключен союз между нашим святым отцом папой, королями Римским и Кастильским, венецианцами и герцогом Миланским с троякой целью: во-первых, чтобы защитить христианский мир от Турка; во-вторых, для защиты Италии; и в-третьих, чтобы сохранить их государства. Об этом я должен был известить короля. Их собралось там очень много, около сотни или более человек, и все гордо стояли с высоко поднятыми головами, совсем непохожие на тех, какими они были в тот день, когда сообщили мне о падении неаполитанского замка...
>
> После обеда все послы членов лиги отправились кататься на лодках, что было одним из развлечений в Венеции; и у каждого посла количество лодок соответствовало числу сопровождающих лиц и размеру выплачиваемого синьорией содержания; а всего было около 40 лодок, украшенных штандартами с гербами хозяев. Все это общество с множеством музыкантов проехало мимо моих окон... Вечером был устроен великолепный праздник, зажжены огни на колокольнях и множество фонарей на посольских домах и произведен артиллерийский салют.

Сам Коммин, раздосадованный (по свидетельству Марино Сануто), а может быть, из-за приступа лихорадки (как он впоследствии сообщил в письме королю) не стремился

показываться на публике в последующие несколько дней и лишь однажды инкогнито покинул свои апартаменты в Сан Джорджо Маджоре в закрытой лодке, чтобы полюбоваться на праздник. Однако в Вербное воскресенье он присутствовал на праздничной службе под открытым небом, которая состоялась на многолюдной пьяцце Сан-Марко. Дож Барбариго, синьория и послы союзников в роскошных мантиях, подаренных им дожем, в торжественном шествии обошли площадь и остановились у Пьетра дель Бандо*, где были оглашены условия союзного соглашения.

Венецианский ученый и летописец Марино Сануто рассказывает, что когда дож известил Филиппа де Коммина об образовании союза, тот спросил, будет ли королю позволено беспрепятственно вернуться во Францию. Агостино Барбариго на это ответил: «Если он пожелает вернуться как друг, никто не причинит ему ни малейшего вреда, если же как враг — союзники сделают все, чтобы защитить друг друга».

Другой авторитетный источник (возможно, даже очевидец), сенатор Доменико Малипьеро, пишет, что дож даже предложил Карлу 35 галер, чтобы отвезти его и войско, если он опасается возвращаться через полуостров. Однако Коммин о таких деталях не упоминает.

Когда король Карл в Неаполе узнал об образовании союза, он пришел в ярость. Призвав венецианского посла, он угрожал в ответ создать союз с Англией, Шотландией, Португалией и Венгрией. Но он недооценил опасности, с которой столкнулся. Задолго до его неаполитанской коронации армии лиги уже начали собираться. Через неделю после нее король увел свою армию, состоящую из каких-то

---

* Приземистый порфировый столб, который и сейчас стоит на юго-западном углу Базилики. Его привезли из Акры во времена крестовых походов. С 1256 года и до конца существования республики служил традиционным местом оглашения законов и указов.

12 000 французов, швейцарцев и гасконцев, а также немецких ландскнехтов и шотландских лучников, на север и навсегда оставил свое новое королевство.

Его путь сопровождался затруднениями, как политическими, так и походными. В Риме король надеялся на дружеский прием у папы, но, приехав, обнаружил, что Александр отбыл сначала в Орвието, затем в Перуджу. В Тоскане возникли трудности из-за того, что он обещал флорентийцам вернуть им Пизу, в то же время заверив пизанцев, что ничего подобного делать не станет. Король проследовал по западному побережью до самой Ла Специи, где, послушав дурного совета, разделил свои силы. Филипп де Бресс с парой тысяч человек продолжил путь берегом через Геную, а сам король с основной частью армии отклонился вправо, по горной дороге, которая вывела его через северную часть Апеннин в Ломбардию. До этого момента попыток откровенного противодействия не возникало, он и не ожидал их, хотя хорошо знал, что где-то неподалеку, в горах, сосредоточены и дожидаются его крупные силы лиги. Позволят они ему пройти или нет?

Лига, как дож Барбариго вежливо разъяснил Коммину, имела чисто оборонительные задачи. Следовательно, предполагалось, что союзники, увидав чинно и мирно уходящего короля Франции, будут только рады дать ему возможность поскорее уйти. Все эти соображения, однако, омрачились агрессивными действиями герцога Орлеанского. Оставаясь с большим арьергардом в Асти, пока кузен ходит на юг, он вдруг решил вспомнить о своих претензиях на Милан и первым делом захватил город Новару. С этого момента вооруженный нейтралитет обернулся настоящей войной. Несмотря на переговоры и то, что герцог все-таки увел свой гарнизон, у французов оставалось мало надежды уйти без боя.

Даже в разгар лета перетаскивание тяжелой артиллерии через горные перевалы похоже на настоящий кошмар. Подъем и сам по себе тяжек, а спуск бесконечно труднее. Иногда требуется, чтобы сотня и без того измученных лю-

дей, разбитых на пары, удерживала одну большую пушку от падения в пропасть. Если люди будут действовать недостаточно ловко, пушка утащит их за собой. К счастью, швейцарцы Карла, провинившиеся за несколько дней до этого тем, что сожгли и разграбили сдавшийся на их милость городок Пентремоли, сейчас старались загладить свою вину и трудились умело и неутомимо, как и подобает настоящим горцам. Наконец 5 июля, в воскресенье, дорога стала более пологой, и Карл смог полюбоваться сверху на небольшую долину реки Таро, бегущую через Ломбардскую равнину к реке По, на городок Форново и на стоящий на правом берегу корпус из 30 000 солдат лиги.

Большинство из них было наемниками, оплаченными Венецией, командовал ими специально нанятый республикой кондотьер Франческо Гонзага, маркиз Мантуи. Миланцы тоже присутствовали, хотя большая часть армии Лодовико Сфорца занималась герцогом Орлеанским. Отряды остальных троих участников лиги были крайне малочисленны. К тому времени, как Карл добрался до Форново, уже не оставалось сомнений в том, что дорогу на Парму ему перекрыли. Горожане держались миролюбиво, но два лагеря стояли в опасной близости один от другого, и всю ночь французов беспокоили группы мародерствующих страдиотов — свирепой легкой кавалерии из Албании и Эпира, которую Венеция постоянно нанимала для своих нужд.

С рассветом Карл повел вперед свою армию. Он и его 10 000 человек были полностью готовы к бою, но в последней попытке избежать открытого столкновения Карл решил пересечь опасно полноводную речку (ночью была сильная гроза, и проливной дождь еще не прекратился) и двигаться дальше по левому берегу. Переход прошел успешно, но войска лиги двинулись следом и напали на французский арьергард. Авангард с большей частью артиллерии отошел слишком далеко и позволил отрезать себя от остальной армии. Однако сам король, находясь в центре, быстро развернулся и обрушился на нападавших.

Армия Гонзага имела все преимущества. Она превосходила французскую в три, а то и в четыре раза. Солдаты были сытыми и хорошо отдохнувшими. Гонзага располагал временем, чтобы выбрать позицию и подготовиться к бою. Французы, напротив, были усталыми и голодными. Они опасались еды и питья, которые им предлагали в Форново, подозревая, что их хотят отравить. Сражаться они не намеревались, но храбро вступили в бой, и король показал пример прочим. Грянувшая битва была такой кровавой, какой Италия не видела уже 200 лет. Продолжалась она недолго. Коммин, присутствовавший при этом, отметил, что все закончилось за четверть часа. И хотя число убитых (4–5 тысяч) наводит на мысль, что он слегка приуменьшил время сражения, армия лиги оказалась отброшенной еще до полудня. Первыми подвели страдиоты. Они сразу заметили обоз, который двигался отдельно от армии, на некотором расстоянии от реки. Жажда наживы оказалась непреодолимой, и Гонзага остался без кавалерии именно тогда, когда больше всего в ней нуждался. К тому же он как командир допустил явный промах, углубившись в битву и не предусмотрев цепочки, по которой передавались бы команды. В результате большая часть его армии вообще не получила никаких приказов и в сражении задействована не была.

Невероятным образом Гонзага сумел битву при Форново представить лиге как победу. Когда он вернулся в Мантую, в память об этом событии даже построили часовню делла Виттория, алтарь которой украшал Мантенья*. В Венеции тоже царил безумный праздник — банки и лавки объявили выходной. После того как нескольких французских и савойских гостей города закидали гнилыми фруктами, пришлось издать специальный указ об их защите. Так называемую победную ложь распознать было непросто. Карл потерял весь свой обоз и все, что в нем перевозилось.

---

* По иронии судьбы, «Мадонна делла Виттория» кисти Мантеньи сейчас выставлена в Лувре.

включая меч Людовика Святого и трофеи из Неаполя, по оценкам современников, составлявшие 30 000 дукатов. Однако жертв в его армии почти не было, по сравнению с потерями итальянцев, которые так и не смогли добиться своей главной цели, поскольку Карл со своей армией той же ночью продолжил марш и через несколько дней беспрепятственно достиг Асти.

Впрочем, там его ожидали не великие удобства. Французская морская экспедиция против Генуи провалилась, большую часть флота захватил враг, и с юга вернулись лишь жалкие его остатки. Кузен Карла, герцог Орлеанский сидел в Новаре, осажденный миланской армией, и долго ему было не выдержать. Молодой король Неаполя Феррантино, сын Альфонсо, высадился в Калабрии при поддержке испанских войск с Сицилии и быстро продвигался к калабрийской столице. Вскоре, как и ожидалось, Новара пала. Франция и Милан заключили в Верчелли сепаратный мир. 7 июля Феррантино вновь занял Неаполь. Все французские победы последнего года внезапно обратились в дым. Когда Карл наконец в середине октября перешел Альпы, о пути назад он уже не помышлял.

Вот еще одна, наиболее замечательная особенность всей экспедиции. Пока она не началась, не многие предрекали ей успех, зато многие сулили поражение. Никто не предположил, что при всем своем успехе она не окажет на Италию никакого влияния в перспективе. Лодовико иль Моро остался в Милане. Арагонцы вернулись в Неаполь. Великая лига распалась, посчитав предательством сепаратные переговоры Лодовико в Верчелли. К концу 1496 года с полуострова исчезли последние французские гарнизоны. Жизнь итальянцев не изменилась. Они не усвоили важного урока, которому, казалось бы, вторжение Карла должно было их научить, — насколько важно национальное единство, пусть не во внутренних делах, так хотя бы перед лицом внешнего врага. Слишком глубокие корни пустила традиционная итальянская модель, которую трудно назвать государственной:

она включает самостоятельные, проникнутые недоверием друг к другу города-государства и постоянно меняющиеся альянсы в бесконечном калейдоскопе распределения баланса власти. Для них французский король был всего лишь еще одним деспотом, которым при необходимости можно было манипулировать, которого можно перехитрить или обмануть.

Еще удивительнее, что Карл невольно принял роль, которую ему навязали. Его нападение на Италию больше походило на войны местных авантюристов и кондотьеров, чем на кампанию одного из главных повелителей Европы. Оно было таким же недолговечным, как внутренние итальянские войны. Только в одном плане оказалась полезна кампания Карла — он подходил к войне как француз, поэтому итальянцам пришлось пересмотреть всю свою философию войны. За последующее столетие, во время упадка Священной Римской империи, их земля почти не пострадала от иноземных захватчиков. В будущем им пришлось научиться воевать так же, как воевали их враги, — безжалостно убивая.

Как ни странно, самые долгосрочные последствия итальянской авантюры Карла проявились в Северной Европе. Когда в ноябре 1495 года в Лионе его разнородная армия получила расчет, она рассеялась по континенту во всех направлениях, разнося рассказы о солнечной, теплой земле, населенной культурными людьми, живущими так, как и не снилось в серых, холодных краях. Но эти люди — конечно, по этой самой причине — так разобщены, что не способны дать отпор хорошо организованному войску. По мере того как распространялись слухи, по мере того как вывезенные из Италии Карлом художники, скульпторы, штукатуры и резчики по дереву преображали замок в Амбуазе из средневековой крепости в ренессансный дворец, Италия в глазах северных соседей становилась все более привлекательной, словно бросая остальным странам вызов, который они не преминули принять.

Как ни странно, военная кампания Карла имела большие последствия для Европы, нежели для Италии. Гораздо успешнее, чем мечты о новых завоеваниях, бывшие наемники распространяли еще кое-что. Три корабля Колумба, вернувшись в 1493 году в Испанию с Карибских островов, впервые привезли в Старый Свет сифилис. При посредстве испанских наемников, которых Фердинанд и Изабелла послали в поддержку короля Альфонсо против французов, болезнь перебралась в Неаполь, где к прибытию туда Карла уже наблюдался разгул эпидемии. За три месяца dolce far niente (блаженного безделья) его люди успели основательно заразиться, и все имеющиеся источники свидетельствуют, что именно они перенесли заразу через Альпы, на север. Конечно, к 1495 году она достигла Франции, Германии и Швейцарии, а к 1496 — Голландии и Англии. В 1497 году она не пощадила даже Абердин (город в Шотландии). В том же году Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и достиг Индии, где в 1497 году тоже появилась болезнь. Через семь лет она уже свирепствовала в Гуанчжоу (Кантоне).

Но как ни быстро распространялась morbo gallico — «французская болезнь», как ее стали повсеместно называть, — смерть настигла Карла VIII еще быстрее. В канун Вербного воскресенья 1498 года в Амбуазе он пошел смотреть на игру в мяч, которая проводилась во рву замка, и ударился головой о низкую притолоку. Ушиб не казался серьезным. Король продолжил путь и посмотрел игру. Однако на обратном пути ровно на том месте, где это произошло, он внезапно лишился чувств. Хотя это было самое грязное и запущенное место в замке (как брезгливо пишет Коммин, «самое неприличное место в замке, ибо там был развал и все ходили туда справлять свою нужду»), сопровождающие короля по каким-то причинам не решились его переносить. В этом месте он на грубой подстилке пролежал 9 часов, там же незадолго до полуночи он умер. Ему было 28 лет.

В Венецию весть о смерти короля добралась за неделю. Гонец, доставивший ее, до смерти загнал 13 лошадей. Венецианцы не очень опечалились, но им было о чем задуматься.

Поскольку единственный сын Карла умер во младенчестве, трон переходил к его кузену, герцогу Орлеанскому, ставшему Людовиком XII. Для правителей Италии, достаточно узнавших Людовика за последние годы, его коронация означала только одно — новое вторжение на полуостров французского короля, претендующего не только на Неаполь, но и на Милан. Они не удивились, узнав, что новый король во время коронации сделал особый упор на титул герцога Миланского, как и то, что он почти сразу же начал переговоры с потенциальными союзниками: Фердинандом Арагонским, Генрихом VII Английским и швейцарскими кантонами. В это же время его послы отплыли в Италию. Милан и Неаполь демонстративно обошли вниманием, но почти все остальные государства, большие и малые, получили послания с предложениями вступить в союз или хотя бы соблюдать нейтралитет. Одна лишь Венеция не стала дожидаться, пока французы проявят инициативу. Она уже направила к Людовику особого посла с поздравлениями и заверениями в поддержке со стороны республики. Вскоре начались обсуждения, и в феврале 1499 года в Блуа обе державы подписали не просто союзное соглашение, а соглашение о разделе герцогства Миланского после разгрома Лодовико Сфорца.

Не прошло и четырех лет с тех пор, как Венеция почти в одиночку защищала Ломбардию от французской армии, неся тяжелые потери. Папа славил ее как освободительницу Италии. Почему же так радикально изменилась ее политика теперь? Так ли был ей нужен иноземец у самого порога? В официальных ответах на подобные вопросы говорилось, что у республики не оставалось выбора. Французское оружие показало свое превосходство у Форново, а армия у Людовика была больше, лучше вооружена, да и действовала эффективнее, чем у его предшественника. От короля Не-

аполитанского помощи ждать не приходилось — его голодное королевство находилось на грани банкротства. Флоренция, еще не пришедшая в себя после сожжения Савонаролы, была враждебно настроена к Венеции, с которой спорила из-за Пизы, на которую обе имели виды. В то же время Флоренция тайно симпатизировала Франции. Что касается папы Александра, то Людовик легко купил его расположение, отдав его сыну Чезаре, который, рассчитывая на должность кардинала, пренебрег церковью в пользу военного приключения, богатое герцогство Валентино и руку Шарлотты д'Альбре, сестры короля Наваррского. Лодовико иль Моро, заключив в 1495 году сепаратный мир с Карлом VIII, разрушил не только лигу, но и всю концепцию единой Италии, на которой она создавалась. После этого папа открыто выступил против республики, приняв турецкого посла, поддерживавшего Флоренцию в пизанском вопросе, и отказавшись пропустить венецианские войска через свою территорию. Почувствовал ли он себя новым Висконти? Если так, то ему пришлось сильно разочароваться.

Все перечисленное, несомненно, сыграло важную роль в изменении политики Венеции. Но это не вся подоплека. Другая ее часть — территориальные претензии — оказалась еще важнее. Против перспективы расширения владений в сторону Пизы и этрусских портов венецианцы устоять не могли. Они, как всегда, показали свою практичность, и продолжительность переговоров в Блуа — полгода без нескольких дней — лучшее тому подтверждение. И они получили то, чего хотели. За полторы тысячи единиц тяжелой конницы и четыре тысячи солдат пехоты, обещанные для похода на Сфорцу, они получали Кремону с окрестностями и все земли, города и замки к востоку от реки Адды до самого ее слияния с По.

Французская армия начала вторжение в середине августа 1499 года. Командовал ею миланский изгнанник, Джан Джакомо Тривульцио, семью которого Сфорца лишил владений и который, следовательно, готов был стараться ради быстрой победы. В Анноне он приказал вырезать весь гар-

низон. Затем, быстро заняв Валенцу и Тортону, он осадил Алессандрию, которая сдалась спустя 4 дня. Положение Лодовико было уже безнадежным. 30 августа на улицах Милана вспыхнул бунт, во время которого был убит казначей, а через три дня Моро сбежал в Инсбрук. Его доверенный друг Бернардино да Корте, на попечение которого он оставил замок, тут же продал его французам, и 6 октября король Людовик официально принял герцогство во владение.

Но история на этом не кончилась. Лодовико умудрился набрать довольно значительную армию из тирольцев (некоторые оценивали ее в 20 000 человек), в начале 1500 года вернулся в Милан и сразу же занял его. Правда, его триумф не продлился и двух месяцев. Покинутый своей армией, которой, как выяснилось, он был не в состоянии заплатить, Моро пытался бежать в чужом наряде, но почти сразу был узнан и схвачен. Его изменчивая и необычная карьера закончилась. Его доставили во Францию в качестве пленника, там он провел остаток жизни и умер в 1508 году в замке Лош.

Глава 29

ДВОЙНОЕ НЕСЧАСТЬЕ (1499–1503)

Передай синьории, что их обручение с морем закончилось. Теперь наш черед.

Турецкий визирь венецианскому послу Альвизе Маненти. 28 февраля 1500 г.

Вне всяких сомнений, за последние два десятилетия XV века судьбы Венеции переменились к лучшему. В турецких войнах 60-х и 70-х годов она понесла такие потери, что, казалось, подошла к краю гибели. Но в 1481 году на турецкий престол взошел миролюбивый Баязет II, и картина внезапно изменилась. Ровиго и дельта реки По отошли к Венеции в 1484 году. Кипр — в 1488, а после ухода Карла VIII из Неаполя ей достались три важных порта на апулейском побережье: Бриндизи, Трани и Отранто. 10 сентября 1499 года венецианские войска вошли в Кремону. На том бы веку и закончиться. Увы! Через несколько дней после последнего триумфа в Венецию дошли вести, которые повергли в уныние весь город. У острова Сапиенца, этой роковой оконечности Пелопоннеса, где Венеция в 1354 году уже лишилась целого флота в войне с Генуей, республика на этот раз потерпела еще большее поражение от турок. Теперь, помимо прочих потерь, она была опозорена и унижена. Судя по отчетам, этими несчастьями она была обязана нерешительности, а то и трусости генерал-капитана.

Несмотря на мирный нрав Баязета (Макиавелли утверждает, что будь следующий султан таким же, Европе больше никогда не грозило бы турецкое нашествие), отношения между Венецией и Османской империей временно ухудшились. Турецкие корсары продолжали разорять далматское побережье вплоть до самой Истрии. В Каттаро (современный Котор) в двух городках, принадлежавших Венеции, вспыхнул мятеж, когда им было отказано в назначении ректоров из местных жителей, и они попросили защиты у турок. Баязета донимали миланские и флорентийские агенты, стремясь обернуть недавний союз Венеции с Францией против самой Венеции. К концу 1498 года Венеция отправила в Высокую Порту посла, чтобы прояснить ситуацию и заодно разузнать о возможных военных приготовлениях.

Отчет посла не вселял оптимизма — все-таки предстояла война. В апреле 1499 года 65-летний Антонио Гримани был избран командиром флота. Он согласился служить бесплатно, да еще одолжил государству 16 000 дукатов. Многие патриоты спешили последовать его примеру. И снова, как только Венеция начала готовиться к войне, среди некоторых ее руководителей обнаружилась странная робость и нерешительность. Когда Гримани запросил инструкций о том, должен ли он идти навстречу туркам, ответа он не получил. Когда он уже вел свой флот по Адриатическому морю на восток, ответа так и не было. И когда дело дошло до конфликта, он и трое его помощников были вынуждены принимать решение сами.

Это второе сражение у Сапиенцы фактически состояло из четырех, проходивших 12, 20, 22 и 25 августа. Каждый раз венецианцы храбро бросались в бой, хотя турецкий флот был многочисленнее (260 кораблей против 170). В первом и особенно в последнем бою капитаны показали чрезвычайный героизм: Андреа Лоредано, капитан с Корфу, присоединившийся к флоту по собственной инициативе, Винченцо Полани, прорвавшийся в одиночку через плотный турецкий строй и на протяжении двух часов наносив-

ший туркам большой урон, и Альвизе Марчелло, примеру которого, как писал Малипьеро, следовали все «и, будто в Бога, верили, что турецкий флот окажется в наших руках». Однако победа каждый раз не давалась в руки, «ввиду недостатка любви к Господу и нашей стране, недостатка смелости, дисциплины и уважения». Наконец остатки венецианского флота смешались и отступили, бессильные с моря и суши защитить от турецкой осады Лепанто, которой тот не выдержал и сдался.

Насколько в поражении Венеции был виновен лично генерал-капитан, ответить трудно. Но после падения Лепанто требовался козел отпущения, и соотечественники немедленно принялись требовать его крови. Крики «Antonio Grimani, ruina de'Cristiani!» («Антонио Гримани погубил христианские души») эхом разносились над каналами. 29 сентября Мелькиора Тревизано послали командиром флота с наказом привезти своего предшественника в оковах. Для одного из самых уважаемых граждан республики, прослужившего ей верой и правдой больше сорока лет, прокуратора Сан Марко, это был тяжелый удар, вне зависимости от того, заслужил он его или нет. Лишь четверо его сыновей делали все возможное, чтобы поддержать отца в его тяжелом положении. Один из них, Пьетро, поспешил через Адриатику на легкой бригантине и нашел своего отца на Закинфе, больного и полубезумного от горя. Он рассказал отцу о приказе и убедил его явиться добровольно. Другой сын, Винченцо, решив находиться возле отца, встретил его в Паренцо, в Истрии, и, зная, что приказ может выполнить любой, собственноручно надел отцу на ноги оковы.

Вечером 2 ноября Антонио Гримани прибыл к Моло. Его ожидала фигура, закутанная в алую мантию, — его третий сын Доменико, кардинал Римской католической церкви. Он тоже направился прямо к отцу, взял его под руку и поддерживал его на пути в тюрьму, помогая старику нести тяжелые оковы. Даже в камере Антонио не остался в одиночестве. Кардинал и два его брата оставались с ним всю ночь, а утром опальный старик предстал перед Большим

советом. Суд был долгим и тщательным. Говорят, что речь, которую Антонио произнес в свою защиту, тронула сердца судей и спасла его от эшафота. Его приговорили к ссылке с содержанием под стражей на острове Кресо*, у далматского берега.

Турки, вдохновленные победой, вели себя дерзко. Пока решалась судьба Антонио Гримани, их разбойничьи отряды снова опустошили Фриули и добрались до самой Виченцы, сея панику по всей восточной Ломбардии. И еще до конца года Венеция отправила в Константинополь особого посла с предложениями мира. Баязет поставил жесткие условия — потребовал почти всю венецианскую территорию Пелопоннеса, и Венеция их с возмущением отвергла. На следующий год султан лично повел войска на осаду Модоны. После героического сопротивления город пал — гарнизон сам, лишившись последней надежды, сжег город, и захватчикам осталась лишь груда дымящихся головешек. Вскоре после этого настал черед колонии-сестры, Короны.

Венеция смогла при помощи испанцев захватить Кефалонию и Итаку, но они не могли быть полноценной заменой двум портам, которые служили крупнейшими пелопоннесскими базами республики два с половиной столетия. Несмотря на активные действия Венеции, Испании и родосских госпитальеров в Эгейском море и на Южных Спорадах, никто из них больше не добился ощутимых успехов. Наконец заключили непростой мир и подписали его в Венеции в мае 1503 года. Турки ничего из своих завоеваний не вернули. Теперь под их контролем находилось все побережье Пелопоннеса. Могущественный банкир Джироламо Приули грустно писал в своем дневнике:

> Потеряв торговые пути и заморские владения, венецианцы потеряют и свою репутацию, и постепенно, но за очень недолгий срок, их уничтожат совсем.

---

* Современный остров Црес.

Но не одни лишь турки были причиной несчастий Венеции и причитаний Приули. Другое государство, христианское и совсем не агрессивное, долгое время причиняло республике больший вред, чем все победы алчных султанов. 9 сентября 1499 года, как раз в то время, когда к Риальто добрались ужасные новости от Сапиенцы, Васко да Гама причалил в Лиссабоне, окончив свое путешествие в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

Да Гама не первым обогнул этот мыс. Эта заслуга принадлежит его соотечественнику Бартоломеу Диашу, совершившему легендарное плавание тринадцатью годами раньше. Однако Да Гама первым из европейцев добрался до Индии морским путем. Тем самым он нанес сокрушительный удар венецианской торговле. Средиземноморский торговый путь на Восток утратил свое значение. Никогда уже восточные купцы не будут перегружать свои шелка и пряности в Суэце или на Ормузе, чтобы товары, прибывшие в Персидский залив, перевезти через перешеек или горы Персии и Малой Азии, а затем снова погрузить на корабли в Александрии или Константинополе, Смирне или Антиохии. Никогда уже не доверят они своих товаров медленным и ненадежным караванам верблюдов, каждый год бредущим через Центральную Азию в Китай. Теперь один корабль мог доставить товар от порта отправки до порта назначения. Хуже того, теперь купцам, торговавшим с Англией и Северной Европой, вообще не нужно было Средиземноморье. Международной расчетной палатой теперь стал Лиссабон. Он располагался на целых 2000 морских миль ближе к Лондону и ганзейским городам, чем Венеция, путь к нему был безопаснее от пиратов, а товары, которые шли через него, были дешевле, потому что их не облагали налогами всевозможные восточные правители, через земли которых проходили торговые пути. В одночасье Венеция превратилась в застойный пруд.

По крайней мере, так казалось. Неизбежно находились венецианцы, которые, как пишет Приули, «отказывались верить новостям, и другие, заявляющие, что король Пор-

тугальский не сможет пользоваться новым путем в Каликут (Калькутту), потому что из тринадцати посланных на разведку каравелл вернулись только шесть, так что расходы превышают выгоду, да и моряки не станут рисковать жизнью, пускаясь в такой долгий и опасный путь». Но преобладали мрачные прогнозы. «Город находится в ошеломленном состоянии — так умнейшие люди переживают худшие новости, какие только можно вообразить».

Венеция уже билась в агонии тяжелого финансового кризиса. «Гарцони», один из главных частных банков, потерял за год 200 000 дукатов, и это несмотря на то, что дож, пытаясь его спасти, лично пожаловал ему 30 000 дукатов. Другой из крупнейших банков, «Липпомано», подобным же образом разорился, что спровоцировало панику во всех городских банках. Собственный банк Приули прогорел через несколько лет.

Что можно было поделать? Некоторое время обсуждалась идея расширить Суэцкий канал, но ее отвергли как малоэффективную. Поначалу возникли сомнения, принимать ли республике приглашение короля Мануэля Португальского грузить свои товары на лиссабонские корабли. Такое положение дел разгневало бы султана Египта, который легко мог отомстить, захватив венецианские склады в Каире и Александрии, и отыграться на венецианских торговых колониях. Да и в любом случае обращаться к португальцам с просьбой сенат считал унизительным. В 1502 году при сенате создали особый совещательный комитет «для принятия мер, дабы король Португалии не вырвал серебро и золото из наших рук, разрушая нашу торговлю». А в 1504 году другой эмиссар, Леонардо ди Ка'Массер, отправился в Лиссабон, чтобы доложить о возможности новых перспектив и новых переговоров, но за эти годы там обосновались флорентийские купцы, и они так настроили португальцев против Венеции, что посол чудом избежал тюрьмы.

Так в конце лета 1499 года Венеция за несколько дней получила два сокрушительных удара. Многие ее жители, глядя на двух бронзовых мавров, бьющих в колокол на не-

давно построенной Мауро Кодуччи Часовой башне, размышляли, не сочтены ли их часы и не по ним ли звонит этот колокол. Рождалось страшное предчувствие, что вскоре будет нанесен третий удар, более гибельный, чем эти два — когда не одна страна, но вся Европа объединится против Венеции.

13 сентября 1501 года дож Агостино Барбариго, которому уже исполнилось 82 года, созвал синьорию и объявил о своем желании оставить службу. Он был стар и болен. Республика, чтобы преодолеть опасности и трудности этого времени, нуждалась в более молодом и энергичном правителе. Он же намерен вернуться в свой дом в Сан-Тровазо и мирно доживать свой век. Сняв с пальца кольцо, он передал его старшему из советников, чтобы тот хранил его, пока не будет выбран преемник.

Отставку и кольцо не приняли, хотя причиной этому были не какие-то выдающиеся свойства личности Барбариго. Он всегда был заносчив и жаден. За 15 лет правления, несмотря на все законы, ограничивающие власть дожа, его не раз уличали в коррупции, злоупотреблении властью и продаже должностей, не говоря уже о злоупотреблении вином, так что не многие из подданных могли сказать о нем доброе слово. Но все понимали, что долго он не проживет, и казалось, что проще всего предоставить событиям идти своим естественным ходом. Он прожил еще ровно неделю*.

Хотя у населения больше не оставалось законного права выдвигать своего кандидата, народ дружно провозгла-

---

* Огромная фамильная гробница Барбариго если и не сделана лично Антонио Риццо, то по крайней мере изготовлена в его мастерской. Изначально она размещалась в церкви скуолы Санта Мария делла Карита (теперь это Академия), но когда церковь секуляризировали, гробницу взломали. Основная ее часть, включающая фигуру коленопреклоненного дожа Агостино, сейчас находится в прихожей ризницы церкви Санта Мария делла Салюте.

сил своим фаворитом Филиппо Трона, а когда он 26 сентября тоже умер, поползли обычные слухи об отравлении. Однако записи Марино Сануто убеждают нас, что игра велась честно — Трон был очень тучен, и однажды он просто лопнул*. Такое невезенье не очень сказалось на выборах — они состоялись только 2 октября, и избиратели в составе 41 человека наконец назвали Венеции нового правителя, Леонардо Лоредано.

Прекрасный портрет Лоредано работы Джованни Беллини, написанный, возможно, через год-другой после его избрания, изображает высокого, изнуренного человека лет семидесяти с тонким, нервным лицом**. В отличие от многих своих предшественников, он не сделал карьеры адмирала или дипломата. Впервые он упоминается в 1480 году как прокуратор здания церкви Санта Мария деи Мираколи***, затем недолгое время он служил подестой Падуи, а после этого практически всю жизнь провел в Венеции. Мало кто лучше него знал механизм машины управления, но чтобы выручить республику из того отчаянного положения, в котором она оказалась, штатского чиновника-аристократа, пусть даже искусного, было недостаточно.

Мораль в Венеции оставляла желать лучшего, а торговый и экономический коллапс был лишь частью проблемы, корни которой уходили гораздо глубже. Годы достатка, как обычно, оказали свое тлетворное влияние, старинные законы против казнокрадства и коррупции действовали не так строго, как в былые времена, и Агостино Барбариго был

---

* «Fo ditto per la terra esser sta tosegado, ma non fu vero, fu da graveza el crepr» («В народе говорят, что его отравили, но это неправда, он лопнул от тяжести»).

** Когда-то портрет стал частью коллекции Уильяма Бекфорда, а сейчас находится в Лондонской Национальной галерее.

*** Творение Пьетро Ломбардо (одна из его любимейших в Венеции церквей), которая была освящена ночью 31 декабря 1489 года, хотя работы над внутренним убранством продолжались еще некоторое время.

не единственным патрицием, набивавшим свой карман за государственный счет. В попытках заставить его преемника строже придерживаться закона была придумана новая система. После смерти дожа немедленно были выбраны трое инквизиторов, которые проверили все его бумаги и разобрали все обвинения против него. Однако гидра коррупции и казнокрадства слишком разрослась, чтобы принятые законодательные меры могли с нею справиться, и злоупотребления продолжались. Это было не единственным признаком политической слабости. Отсутствие многопартийной системы не оставляло возможности контроля действий со стороны соперников, столкновения характеров и мнений, которое является неотъемлемой частью здорового политического организма. Замкнутая в себе венецианская олигархия никогда не была полностью свободна от межфракционной борьбы. В обычное время она не переходила известных рамок, но в начале XVI века напряжение внезапно достигло предела и выплеснулось кровавой волной насилия на улицы и площади. Нельзя сказать, что венецианцы потеряли способность забыть свою вражду ради защиты республики, в которой она так нуждалась. Всего через несколько лет новый призыв к оружию так же дружно и с готовностью нашел отклик в народе, как и прежде. Но народ ослаб, морально и физически, а ему, как никогда, требовалась сила.

Глава 30

КАМБРЕЙСКАЯ ЛИГА (1503–1509)

Вы, граждане Венеции, дрожите!
За деньги, что неправедно нажиты,
Приходит срок ответить вам сполна.

Пьер Гренгор (1475–1538)

Лето 1503 года выдалось жарким даже по римским меркам. Вечером 13 августа папа Александр VI ужинал в саду кардинала Адриана ди Кастелло, когда его охватил внезапный приступ лихорадки*. Его отвезли домой и сделали кровопускание. Врачей удивил обильный поток крови, вытекающий из человека такого преклонного возраста. Однако состояние больного быстро ухудшалось, и 18 числа он умер. Как всегда, подозревали отравление, но поветрие быстро распространялось, и от него страдали многие. Чезаре, герцог Валентино, был так болен, что не смог попрощаться с отцом.

---

* Адриан, известный в Риме как Богатый Кардинал, являлся к тому же, как это ни странно, епископом Херефорда (в предстоящем году он намеревался сменить эту должность на пост епископа Бата и Уэльса), свидетельствует: «Он был поражен случившимся настолько, что впал в растерянность и ступор. Со временем он оправился от потрясения, но прежде со всего его тела облупился верхний слой кожи».

Став в 1498 году кардиналом, Чезаре оставил неисполненными только два желания: установить жесткий контроль над Папской областью, особенно городами Романьи и области Марке, со временем ставшими почти независимыми, и выкроить для себя и своих детей в Италии светское государство. Первой из этих целей он с успехом добился в качестве гонфалоньера папской армии. Вторая цель тоже казалась близка, но внезапная смерть папы поставила ее осуществление под угрозу. Несмотря на болезнь, времени Чезаре не терял. Сперва он послал в Ватикан тайного агента с заданием добыть с помощью стилета ключи от папской сокровищницы и доставить хозяину ее содержимое. Затем, разжившись сотней тысяч золотых дукатов и значительным количеством серебряных сосудов, он отправил войска, чтобы занять Рим и принудить кардиналов к избранию нужного ему кандидата. Выбор пал на любимого племянника Пия III, который мог бы неплохо послужить честолюбивым планам, но Пий III скончался через месяц после избрания, и Чезаре столкнулся с новым затруднением — территориальными претензиями Венеции.

Венеция увидела для себя удобный случай. Ее торговая гегемония внезапно рухнула, друзья и союзники ее бросили, границам непрерывно угрожали турки с востока и европейские правители с запада. Единственной возможностью выжить казалось возведение мощного бастиона, защищающего ее со стороны суши. Когда правители городов, взятых герцогом Валентино, бежали на венецианские территории, Венеция сразу выразила им сочувствие и предоставила убежище. Увидав, что везение Чезаре кончается, эти аристократы уверенно и более-менее одновременно постарались восстановить свое положение. Венеция оказала им активную поддержку, чтобы от их имени управлять их землями. К концу года знамя Святого Марка уже развевалось над Русси и Форлимпополи, Римини, Червией и Фаэнцей.

Если бы был жив Пий III, возможно, венецианцев с позором бы выгнали. Но с его смертью они заручились сильнейшим влиянием на Священную коллегию кардиналов, и но-

вым папой стал кардинал Джулиано делла Ровере. Предполагалось, что его застарелая ненависть к семейству Борджиа поможет восстановить государей Романьи. Сыграли роль и провенецианские настроения кардинала, благодаря которым он получил прозвище Венецианец.

Однако этот человек не оправдал тех надежд, которые на него возлагались. Когда кардинал занял престол под именем Юлия II, он заточил Чезаре в замке Сант Анджело. Затем тот пленником уехал в Испанию, чтобы не вернуться больше никогда.

Относительно Романьи папа Юлий II дал понять, что венецианцы там не более желанны, чем Борджиа. Эта территория всегда принадлежала Папской области и должна была вернуться к ней. Напрасно представители Венеции убеждали папу, что никто не претендует на его права викария этих земель, напрасно предлагали ему ежегодную дань. Юлий и слышать об этом не хотел. «Венецианцы надеются использовать нас, будто своего капеллана, — заявил он венецианскому послу Антонио Джустиниани в июле 1504 года, — но им это не удастся». Однако Венеция твердо стояла на своем. Если папе не удалось навязать свою экспансионистскую политику, оставалось отстранить его от дел.

Двадцать один год назад, во время войны с Феррарой, так же отстранили дядю Юлия II, Сикста IV. Папа наложил на республику интердикт, но эта мера оказалась неэффективной. Если требовалось привести к покорности Венецию, требовались более радикальные методы. У Юлия не было ни военных, ни финансовых возможностей сделать это самому, зато они были у Людовика Французского и у Максимилиана Габсбурга. У них обоих имелись давние претензии на некоторые венецианские земли. И снова ожил прискорбный сценарий — для разрешения сугубо итальянских противоречий приглашались иноземные армии. Впоследствии папа горестно оправдывался: «Венеция, — писал он Джустиниани, — и себя, и меня сделала рабами всех и каждого — она закабалила себя попытками сохранить, а я — попытками отвоевать. Если бы мы были заодно, мы нашли

бы способ освободить Италию от тирании чужеземцев». Замечание было верным, но жалобами делу не поможешь, и к осени 1504 года Юлий II объединил Францию и Священную Римскую империю против Венеции. Договор подписали 22 сентября в Блуа, где всего лишь пять с половиной лет назад Людовик заключал союз с представителями республики. Формально этот договор еще оставался в силе.

В ноябре смерть королевы Изабеллы Кастильской и вопросы престолонаследия вызвали трения между Францией и Священной Римской империей и превратили договор в бесполезную бумажку, но к Риальто новости подоспели раньше. Впервые венецианцы почувствовали, насколько опасна их экспансионистская политика и какие последствия может причинить непримиримое отношение папы. В попытке умиротворить Юлия II они решили вернуть часть спорной территории, но не три основных города — Римини, Фаэнцу и Червию, в отношении которых оставались непреклонны. Со своей стороны папа, чьи надежды на вооруженное вторжение постепенно таяли, предложение принял, хотя и дал понять, что не успокоится, пока не доведет дело до конца и не вернет себе всю Романью.

Успокоительные жесты редко приносят успех. Как бы ни были важны уступки, сделанные Венецией, они только показали ее слабость. Конечно, они не сделали отношение папы к Венеции более мягким, скорее наоборот. В самом деле, его отношение к Венеции глубоко поменялось. Еще пять лет назад кардинал делла Ровере считался самым лучшим другом Венеции в Священной коллегии, теперь же папа Юлий II решил уничтожить Венецию.

Правда, к тому моменту он уже мало что мог сделать. Вместо завоевания Перуджи и Болоньи он занял два города, которые, как и романские города, формально ему подчинялись, хотя их правители — Бальони и Бентивольи — считали себя независимыми и правили соответственно. Но ненависть папы к Венеции продолжала тлеть, и летом 1508 года разго-

релась с новой силой. Первым из поводов к этому стало вторжение Максимилиана с его необъятной армией на венецианскую территорию. Император следовал в Рим на коронацию. Республику он предупредил об этом за год, требуя пропустить его армию и обеспечить ее, но венецианские агенты при дворе и вокруг него оставили своих хозяев в уверенности, что цель императора — отогнать французов от Милана и Генуи, а Венецию от Вероны и Виченцы, чтобы реализовать давние претензии империи на эти четыре города. Поэтому Венеция вежливо, но твердо ответила, что его императорское величество будет принят со всем почетом и уважением, если прибудет «без грохота войска и бряцания оружия». Если же он приведет военную силу, то принятые обязательства и нейтральная позиция, к сожалению, не позволят удовлетворить его просьбу. В то же время, опасаясь худшего, Венеция укрепила оборону Фриули, позаботившись, чтобы Максимилиан не принял эти меры за жест враждебности — обычная предосторожность в наше неспокойное время.

Несмотря на это, разгневанный Максимилиан выступил. В феврале 1508 года он направил на Виченцу главный корпус своей армии, в то время как маркиз Бранденбургский повел несколько меньший отряд по долине Адидже по направлению к Роверето. Однако он встретил сопротивление более серьезное, чем ожидал. К этому времени Венеция приняла на службу двух кондотьеров из семейства Орсини: Николо, графа Питильяно, и его кузена Бартоломео д'Альвиано. Первый с помощью французов блокировал силы Бранденбургского, а второй с легкостью развернул самого императора. Через пару недель третья волна имперского наступления — тирольский отряд, спустившийся в долину Пьяве, в юго-западной части Фриули — также захлебнулась. Альвиано, разобравшись с Максимилианом, совершив форсированный обходной марш от Виченцы, нанес австрийской армии жестокое поражение, попутно захватив Горицию, Триест и Фиуме. К апрелю шестимесячное контр-

наступление его армии прекратилось, на продолжение его не было денег, а Максимилиану не оставалось ничего другого, как заключить мир на три года, позволив Венеции сохранить завоеванную территорию.

Вести об этих победах не порадовали папу Юлия II. Они пришли как раз в тот момент, когда он пытался полностью изолировать Венецию. Эти победы существенно усилили позицию Венеции, и папа пришел в ярость. Уже носились тревожные слухи о союзе с Францией и Испанией, которые тоже не хотели упускать своей выгоды. Затем, через несколько недель после заключения мира, Венеция приняла два решения, которые папа счел открытыми проявлениями враждебности. Во-первых, ему не выдали Джованни Бентивольо с помощниками, который после неудачной попытки вернуть себе власть в Болонье бежал в Венецию. Во-вторых, на освободившееся место епископа Венеция назначила своего человека, проигнорировав кандидата, назначенного папой.

Второе действие рассматривалось скорее как дань местной традиции, но папа не склонен был так считать. Решив настоять на своих правах, «пусть даже это будет стоить мне тиары», он использовал все свое искусство дипломата, чтобы пусть не изолировать Венецию, но унизить ее так, чтобы она никогда уже не смогла вернуть свое влияние. Из Рима хлынул новый поток эмиссаров — во Францию и Испанию, к Максимилиану, в Милан, в Венгрию и Нидерланды. Все они везли предложения о совместной католической экспедиции против Венецианской республики и разделе ее владений. Максимилиан мог вернуть себе все земли к востоку от реки Минчо, которые принадлежали империи либо подчинялись дому Габсбургов, в том числе Верону, Виченцу и Падую, Тревизо с окрестностями, Фриули и Истрию. Франция могла приобрести Бергамо и Брешу, Крему, Кремону и все территории, которые Венеция получила по договору в Блуа девять лет назад. На юге Триана, Бриндизи и Отранто могли отойти к арагонскому дому. Венгрия, присоединив-

шись к лиге, могла получить обратно Далмацию. Кипр достался бы Савойской династии. Феррара и Мантуя тоже получили бы все земли, которыми владели когда-то. Каждому что-то доставалось.

Самому папе Юлию II достаточно было вернуть города, которые стали поводом для войны: Червию, Римини и Фаэнцу с подчиненными им замками. Но дальние его цели выходили далеко за рамки территориальных вопросов. Италия делилась на три части. На севере располагался французский Милан, на юге — испанский Неаполь. Между ними оставалось место для одного — но только для одного! — сильного и богатого государства. Юлий считал, что этим государством должна стать Папская область. Венеция как город могла выжить, если ей было угодно, но ее империю следовало уничтожить.

От государств Европы не ожидалось одобрения такой политики, весомых причин для этого не было. Их мотивацией вступления в лигу была не поддержка папы, а поддержка друг друга. Максимилиан не мог бы вернуть потерянных земель без помощи Франции. Он уже выдвигал Людовику Французскому подобные предложения, безотносительно к действиям папы. Папе же не было дела до претензий своих потенциальных союзников — его интересовали только города Романьи, не интересовавшие больше никого. На прочие земли, которые союзники намеревались захватить, Венеция имела законные права, подтвержденные договорами, которые подписывали те же Франция, Испания, а недавно и Максимилиан, всего несколько недель назад заключивший трехлетний мир. Но моральная сторона вопроса ими не рассматривалась. Они могли представить свои действия как военный удар с целью восстановить справедливость и призвать к суду жестокого агрессора, но все прекрасно понимали, что их действия гораздо больше подходят под определение агрессивных, чем действия Венеции. Тем не менее искушение было так велико, а перспективы так многообещающи, что они согласились.

Так, 10 декабря 1508 года в Камбре смертный приговор Венеции подписали Маргарита Австрийская, регентша Нидерландов (от имени своего отца Максимилиана) и кардинал Жорж д'Амбуаз (от имени короля Франции). Хотя папские легаты присутствовали в Камбре, формально Юлий не присоединился к лиге до марта следующего года. Тем не менее голос его звучал снова и снова:

> ...чтобы положить конец тем оскорблениям и тому урону, что венецианцы наносят не только Святому престолу, но и Священной Римской империи, Австрийскому дому, герцогам Миланским, королям Неаполитанским и множеству других государей, покушаясь на их собственность и присваивая ее, занимая их города и замки, будто сговорившись чинить вред всем вокруг...
>
> Таким образом, мы находим не только желанным и достойным, но необходимым созвать всех, чтобы силой унять ненасытную алчность венецианцев, что бушует подобно великому пожару.

Через три месяца, помимо всех прочих неприятностей, венецианцы и сами пострадали от пожара, что сказалось на общественных настроениях. 14 марта 1509 года, во время заседания Большого совета, Дворец дожей потряс сильный взрыв. Взрыв случился на расстоянии в четверть мили от палаццо Дукале, в Арсенале, где от случайной искры взлетел на воздух пороховой склад. Заседание прервали, и все присутствовавшие поспешили к месту происшествия, чтобы оценить ущерб. Положение было хуже некуда. Окрестности Арсенала превратились в ад. Многие дома рухнули, не устояв перед ударной волной, многие загорелись.

Для спасательных работ люди собирались со всего города. Члены совета скинули свои мантии и подключились к спасательным работам. Делалось все возможное, но слишком велико было число жертв, и раненых, и оставшихся без крова. Конечно, поползли невнятные слухи про диверсию агентов Людовика. Совет назначил расследование, но оно

ничего не дало. Венецианцы утешались лишь мыслью о том, что всего за сутки до взрыва четыре тысячи бочек пороху погрузили на баржи и отправили в Кремону. Если бы их отправку задержали на день, взрыв получился бы настолько сильным, что разрушил бы даже Дворец дожей. Но и так военный потенциал Венеции существенно уменьшился как раз в тот момент, когда следовало копить силы перед лицом надвигающейся бури.

А тучи уже собирались. Промедление папы объяснялось тем, что он ждал, пока к союзу примкнут наиболее значительные участники. Он не желал брать всецело на себя ответственность за организацию союза, как случилось пять лет назад, когда его предприятие развалилось. Но когда, в том же марте, король Испании объявил о присоединении к лиге, Юлий больше не медлил. 5 апреля он открыто присоединился к союзу. Через девять дней Франция объявила республике войну.

Теперь безопасность города находилась уже под серьезной угрозой, и венецианцы готовы были пожертвовать многим, даже национальной гордостью, чтобы только отвлечь союзников от их цели. Они пригласили в качестве посредников представителей Генриха VII Английского. Они даже предложили восстановить влияние папы в Римини и Фаэнце, но теперь папа и слушать не захотел об уступках. «Пусть синьория распоряжается своими землями, как ей заблагорассудится», — ответил он на это предложение. Тогда они отправили к императору специального посла, чтобы заверить его в искренней преданности республике и в том, что непочтительность последних лет была вызвана исключительно союзными обязательствами перед Францией. Теперь подобных ограничений нет, и они спешат предупредить его императорское величество об амбициях французов, которые те собираются осуществить за счет империи, и, пока не поздно, убедить не связываться с Францией.

Как и ожидалось, такой подход не принес результатов. Венецианская дипломатия помнит более удачные перего-

воры, и никого не удивило, что Максимилиан не ответил на предложение. Теперь на Венецию шел строй союзных армий Европы, какого Италия еще не видела. Это воинство включало четыре наиболее значимые фигуры христианского мира. Союзников у Венеции не было, и положение ее было безвыходным. На заседании Большого совета в воскресенье 22 апреля дож Лоредано не скрыл этого от своих соотечественников, призвав их одуматься, позабыть о своих владениях и титулах и направить свои устремления к главной цели — спасению республики. «Поскольку, — сказал он, — если мы потеряем ее, мы потеряем прекрасное государство, Большого совета более не будет, и мы не сможем наслаждаться свободой». Сам он после традиционного пира в честь дня святого Марка (то есть через три дня) обещал подать другим пример, пожертвовав в казну всю свою посуду и вернув казне 5000 дукатов жалованья, оставив только 2000 на расходы. Он выразил надежду, что многие последуют его примеру. Выходя из зала, он выглядел стариком, едва сдерживавшим слезы.

И вот наступило худшее. 27 апреля папа Юлий II выпустил буллу, гораздо более грозную, чем его дядя 26 лет назад. Он громогласно возвещал, что венецианцы настолько раздулись от гордости, что оскорбляют соседей и вторгаются на их земли, не делая исключения даже для Святого престола. Они замышляют против наместника Христова на земле, они презрели законы Церкви и его собственные наказы в отношении епископов и священников, заключая их в темницу и отправляя в изгнание. Наконец, в то время, когда он, папа, собирал всех христиан против неверных, они использовали его усилия в своих интересах. По этим причинам он торжественно объявлял об отлучении Венеции и наложении на нее интердикта. Если в течении двадцати четырех часов не последует полной реституции, любому человеку или государству дозволялось нападать на нее, грабить ее или ее подданных, препятствовать перемещению их на суше и на море и причинять любой мыслимый урон.

К новой угрозе Венеция отнеслась так же, как и к старой, отказавшись ее принимать и запретив публиковать ее на своей территории. Двое ее агентов прибили к дверям собора Святого Петра требование Венеции выслушать ее заявление на церковном соборе. Но теперь положение было куда серьезнее, чем во времена папы Сикста, и за папским гневом вскоре последовала другая неприятность, теперь в самом Риме. Там недавно, в обмен на большие денежные субсидии, удалось добиться поддержки сильной фракции, настроенной против папы. Ее возглавляло семейство Орсини, двое из которого, как мы уже знаем, сыграли важную роль в качестве кондотьеров. Весть об этой интриге вскоре достигла ушей папы, и он, воспользовавшись отлучением, подверг все семейство Орсини духовному наказанию, с которым они не могли не считаться. Теперь им пришлось не только прервать все контакты с Венецией. Деньги, полученные от Венеции, им вернуть не разрешили. Это пятнало честь Орсини, и, несмотря на святейший запрет, 3000 дукатов они тайно вернули венецианским посланцам.

Отчаявшись найти союзников, венецианцы вновь попытались купить расположение императора, пообещав ему за союз 200 000 рейнских флоринов и военную помощь для завоевания Милана, но Максимилиан не ответил, свое слово император скажет только после начала боев.

Пятнадцатого апреля 1509 года, всего через сутки после объявления войны, французские солдаты вошли на венецианскую территорию. Наемники под командованием Орсини, всей семьей сопротивлявшихся давлению папы, защищались так же успешно, как за год до этого отбросили армию Максимилиана. Они сражались яростно, и первые три недели, казалось, силы были равны. Однако 9 мая они так увлеклись, грабя только что отбитый город Тревильо, что прозевали момент, когда французы перешли Адду в паре миль западнее. Темпераментные кондотьеры начали обсуждать, как им поступить в таком положении, и не сошлись во мнениях. Альвиано, как более молодой и горячий, пред-

лагал сразу помериться силами. Осторожный Питильяно резонно напоминал об инструкциях из Венеции, запрещавших ввязываться в бой с сомнительным исходом. Он предлагал потерпеть и подождать. Как старший, он мог бы настоять на своем, но Альвиано его не послушался и увел свою часть войска к деревне Аньяделло, где встретил французскую армию.

Кажется, приказ к началу атаки отдал сам король Людовик. Сам ли Альвиано принял решение уклониться от битвы или его склонили к этому советами, неизвестно. Во всяком случае, он быстро послал гонцов за помощью к Питильяно, который находился в паре миль от него, поднял пушки на холм среди виноградников и открыл огонь. Венецианцы получили несомненное преимущество позиции. Дважды де Шомон*, французский вице-король Милана, бросал свои войска в атаку. Первый раз — кавалерию, затем — полк швейцарских пикинеров. Но виноградники и оросительные канавы, отделявшие их от венецианских позиций, всякий раз тормозили атаку. Потом начался дождь, превратив истоптанную землю в месиво. Со своей стороны, Альвиано мог пустить свою кавалерию по более твердому и пологому склону, поэтому без труда отразил обе атаки и удерживал противника в долине, где его было удобно обстреливать из пушек, хоть они и были наклонены вниз.

Если бы в этих обстоятельствах Питильяно ответил на многократные просьбы кузена о помощи, Венеция выиграла бы сражение и в истории республики эта победа заняла бы важное место. Но Питильяно не ответил. Он по-прежнему предпочитал уклоняться от битвы. Он словно не понимал, что за этим последует. Когда Альвиано еще удерживал превосходство, неожиданно показался король Людовик с основной частью армии, а сзади в то же время начал атаку французский арьергард. Окруженные с трех сторон, ита-

---

* Шарль д'Амбуаз сеньор де Шомон был племянником кардинала д'Амбуаза, подписавшего договор лиги с французской стороны. Его портрет работы Леонардо да Винчи висит в Лувре.

льянцы не выдержали. Из кавалерийских отрядов два в беспорядке бежали. Пехоту, которой бежать было некуда, перебили на месте. Сам Альвиано, несмотря на жестокую рану в лицо, сражался три часа, пока его не схватили.

Венецианцы потеряли около четырех тысяч человек, в том числе целый полк пикинеров, который привел в Романью другой кондотьер, Нандо да Бризигелла. Они полегли все до одного. Но дороже всего это поражение обошлось республике с моральной точки зрения. Большая часть кавалерии уцелела, так же как и несколько тысяч человек, находившихся под командованием Питильяно, не принявшем участия в сражении. Но наемное войско снова доказало свою ненадежность. Поскольку у наемников отсутствуют такие качества национальной армии, как патриотизм, защита семейного очага, надежда на удачу и поддержку родной земли или хотя бы страх наказания за трусость, они имеют свойство сбегать, как только исчезает перспектива хорошего заработка либо военная удача оборачивается против них. Питильяно ничего не оставалось, как бессильно и, как многие надеялись, пристыженно наблюдать, как дезертирует один отряд за другим. Те немногие, что остались ему верны, не составляли боевой силы, с которой он мог бы продолжать кампанию, даже если бы хотел. Ему оставалось только отступить к Венеции со всей скоростью, на какую он был способен.

Вести о катастрофе добрались до Венеции 15 мая к десяти часам вечера. Марино Сануто посчастливилось присутствовать на обычном заседании savii, когда прибыл гонец. Он рассказывает, как воцарилась гробовая тишина, в которой прозвучали все подробности венецианского поражения, бегства Питильяно, имена убитых и раненых, знакомые чуть ли всему городу. Немедленно призвали дожа и сенат и, несмотря на поздний час, провели экстренное заседание. «Дож, — замечает Сануто, — выглядел полумертвым». Слухи расползались по городу, как пожар. Горожане спешили к Дворцу дожей, так что вскоре внутренний двор

оказался забит народом. Все требовали официальной информации, надеясь, что правда не так ужасна, как слухи.

Правда была еще ужаснее. К этому времени французы занимали все те земли к западу от Минчо, на которые они больше всего претендовали. А Максимилиан, хотя и собирался с силами значительно дольше, но было ясно, что слишком долго он не задержится. Короче говоря, все сухопутные владения Венеции уже были потеряны. Город оставался беззащитен, без всякой вооруженной силы, способной остановить этот грабеж. Большинство целей, которые ставила перед собой Камбрийская лига, было достигнуто единым ударом, остальные казались достижимыми в самом ближайшем будущем. И сама Венеция, окруженная предательски мелкой водой — разочарованная, деморализованная и жестоко униженная — имела мало шансов выжить

Столетием раньше венецианцы могли примириться с мыслью, что они прекрасно могут обойтись без terra firma. В те полные потерь времена они все еще оставались моряками, живущими торговлей с рынками Леванта и Ближнего Востока. Но времена изменились. Торговля с Левантом так и не восстановилась после падения Константинополя 1453 года. В Восточном Средиземноморье Венеция тоже больше не была хозяйкой. Хотя ее господство там было почти неоспоримо, колониальная империя превратилась в отдельные точки в османском мире. Если турки закрыли свои гавани, то и на более восточные порты надеяться не приходилось — там появились португальцы. Короче говоря, жить только морем больше было нельзя. Горожане, по большей части, смотрели на запад, на плодородные равнины Ломбардии и Венето, на бурно развивающееся хозяйство Вероны и Бреши, Падуи и Виченцы, на сухопутные и водные пути, связывающие их с торговыми городами Европы. В сухопутные владения вкладывались их деньги, с сушей связывались их надежды, и именно с суши их вытесняли.

В сенате и Совете десяти шли разговоры о продолжении войны. Все соглашались, что на это потребуются люди и деньги, хотя никто не представлял отчетливо, где их мож-

но взять. Генерал-капитану, проведитору Андреа Гритти и венецианскому ректору Бреши отправили письма с заверениями в том, что правительство не пало духом, и с призывом держаться. Однако два проведитора, специально назначенные, чтобы следить за перегруппировкой сил и ободрить разваливающуюся армию, отказались занять свой пост. Все в глубине души понимали, что с военной точки зрения, по крайней мере на тот момент, положение было безнадежным. Интердикт тоже оказал свое действие. Сануто пишет, что 17 мая, в день Вознесения, не было обычных толп гостей-иностранцев, пьяцца Сан-Марко выглядела пустой и жалкой. Весь город погрузился в уныние. Сами венецианцы все же не бездельничали. Даже если враг не пройдет через мелководье, вероятность блокады была велика, и горожане использовали короткую передышку, чтобы пополнить запасы зерна и даже построить на плотах у берега временные мельницы. Выявлялись бродяги и подозрительные личности. Все входы в лагуну круглосуточно охранялись специальными комитетами, состоящими наполовину из аристократов, наполовину из простых горожан.

С Максимилианом снова попытались договориться, сначала обратив его внимание на амбиции французов и пообещав 200 000 флоринов или, если он захочет, по 50 000 в год в течение десяти лет за то, чтобы он согласился стать «отцом и защитником» республики. Ему даже предложили вернуть все земли, забранные год назад. Но император не откликнулся. В начале июня его полномочные представители были чересчур заняты, принимая делегации из одного города за другим: Вероны, Виченцы и Падуи, Роверето, Ривы и Читаделлы. За это время венецианцев выгнали в Местре, и вся Ломбардия и Венето были потеряны. В то же время в апулейских портах восстановил свою власть король Неаполитанский, герцог Феррары снова занял Ровиго, Эсте, Монселиче и Полезине — район между рекой По и нижней частью Адидже, на который он давно претендовал. Маркизу Мантуи достались Азола и Лунато, а 28 февраля папский легат получил заветные земли Романьи — Римини, Фаэн-

цу, Червию и Равенну, с которых началась трагедия. Несмотря на договоренность, все венецианские чиновники в этих городах сели за решетку.

Кое-где положение было получше. В Тревизо сместили имперского наместника — его маленький гарнизон годился скорее для почетных караулов, чем для демонстрации силы. 10 июня над городом подняли знамя Святого Марка. Фриули тоже, большей частью, держалась твердо, жители Удине попросили у республики отряд страдиотов для защиты. И хотя Венеция городам, которые остались ей верны, оказывала различные милости, давала привилегии и освобождала от поборов, эти города не многое могли дать Венеции по сравнению с тем, что она потеряла.

Глава 31

КАПИТУЛЯЦИЯ И ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ (1509–1510)

> Напоминаем, что с понтификами надлежит обращаться хорошо... дабы и вам это добром обернулось и дабы никоим добрым делом не пренебрегать.
>
> *Юлий II венецианским посланникам*

Потери Венеции и в самом деле были безмерны. Но шли недели, люди отходили от потрясения, вызванного битвой при Аньяделло и ее последствиями, и вскоре уже спрашивали друг друга, так ли велика опасность, как показалось сначала. Что касается миланских владений и победоносной армии Людовика, которая все еще наступала, не оставалось иного выбора, как отдать все земли, которые от Венеции требовали. Однако в отношении империи можно было выбрать более жесткую линию поведения. Максимилиан, как все считали, предоставив лиге свое громкое имя, после этого не сделал ничего. Армию он так и не отправил, а войну венецианцам объявил только 29 мая, через две недели после их поражения. Отстранение его имперских комиссионеров, Тревизано и Фриулини, прошло безнаказанно. Также просочились сведения, что он испытывает недостаток в средствах. Венецианцы задавались вопросом, стоило ли так просто оставлять свои города. Они оставили

их, зная, что не в силах их защитить, но теперь так ли уж сильно они нуждались в защите? Они считали эти города ценой за существование своего независимого государства, как капитан бросает за борт часть груза, чтобы уцелел корабль (это сравнение не раз использовалось на заседаниях сената и Совета десяти). Теперь горожане не были в этом так уж уверены. Участники лиги остались такими же непримиримыми врагами республики, и если бы в ближайшем будущем они решили вовсе ее искоренить, то Падуя и ее города-побратимы могли оказаться жизненно важными для защиты лагуны. Более того, многие в оставленных городах предпочитали жить по венецианским законам. Они уже через несколько дней после перехода власти ощутили на себе тяжелую, лишенную сочувствия руку имперских хозяев.

Уже в начале июля, почти через два месяца после Аньяделло, поступили первые сообщения о бунтах, стремящихся восстановить венецианское правление. Проведитору Тревизо, Андреа Тритти, направили приказ поддерживать восставших всеми силами, какие он только сможет собрать. В это же время поползли таинственные слухи о двух странниках высокого роста в белых плащах с капюшонами, которые под покровом темноты пришли с материка, проникли на заседание Совета десяти, затем до часу ночи беседовали с синьорией, а потом исчезли туда, откуда пришли. Несколько дней спустя, 16 числа, целая флотилия кораблей двинулась через лагуну к Фузине, в то время как остальные суда охраняли морские подходы к Венеции, следя за тем, чтобы никто не покинул город без разрешения. Санудо рассказывает, что на следующий день, рано утром, три телеги, тяжело нагруженные зерном, показались в Кодалонгских воротах Падуи. Германский гарнизон, не подозревая подвоха, опустил подъемный мост. Первые две повозки быстро прошли, но третья застряла, заблокировав мост. Вдруг появился отряд всадников и с возгласами «Марко! Марко!» бросился в ворота. Ландскнехты быстро

оправились от изумления и принялись защищаться, но после короткой и кровавой схватки на главной площади отступили.

Так 17 июля, пробыв 42 дня имперским городом, Падуя вновь вернулась под крыло льва святого Марка, и многие городки в окрестностях и в Полезине последовали ее примеру. В то же время еще один, недавно нанятый Венецией кондотьер по имени Лючио Мальвеццо захватил Леньяго — главный город на реке Адидже, — откуда угрожал Вероне и Виченце. Возможно, положение было не таким уж отчаянным.

Но хотя в середине лета 1509 года многие венецианцы задумывались, почему бы им не отобрать назад так поспешно сданные врагу владения, даже самые оптимистично настроенные не считали, что это удастся сделать без боя. Стало известно, что Максимилиан стоял уже в Треито, в нескольких милях от границы. Рано или поздно он появится, и новости о захвате Падуи только ускорят его появление.

Так и случилось. В начале августа громадная и разнородная армия начала продвижение в сторону Падуи. Она двигалась даже медленнее обычного, потому что не хватало лошадей для перевозки пушек. На разных этапах следования к ней должны были присоединиться французская пехота и конница числом в несколько тысяч человек, отряд испанцев и маленькие отряды из Мантуи, Феррары и Папской области. Сам Максимилиан мудро решил пока посидеть в штаб-квартире, которую он устроил в Азоло, во дворце королевы Кипра, сбежавшей со своим многочисленным окружением в Венецию при первых признаках его приближения.

Когда первые имперские части подошли к стенам Падуи, возникло легкое беспокойство, но прошел еще целый месяц, прежде чем подошла и подготовилась к бою основная армия. За этот месяц защитники успели укрепить город и запасти вдоволь продовольствия, воды и снаряже-

ния. Теперь Питильяно, которому посчастливилось сохранить командование после недавней своей неудачи, собрал оставшиеся силы и повел на выручку осажденному гарнизону отряд, к которому присоединились 200 молодых добровольцев из числа венецианской знати. В их числе находились двое сыновей дожа Лоредано. Когда 15 сентября началась осада по всем правилам, город был уже готов к серьезной защите.

Серьезная защита понадобилась. Две недели немецкая и французская тяжелая артиллерия била в северные стены, дробя их. Но каждый из приступов был отбит благодаря искусству и дисциплине солдат Питильяно, которых им недоставало три месяца назад. Наконец 30 сентября Максимилиан уступил. Неделю спустя он писал своей дочери Маргарите:

> Принимая во внимание огневую мощь и число защитников, которыми располагают венецианцы в этом городе, и великие работы по укреплению города, каких свет не видывал, проведенные ими, и поскольку у них насчитывается 15 000 хорошо вооруженных людей, мы, наши капитаны и наши советники согласились, что более разумно будет снять эту осаду, чем продолжать ее.

Разумность этого шага была очевидна уже для всех. Император об этом знал, гордость его страдала. Часть своей армии под командованием герцога Ангальтского он спешно отослал, чтобы усилить гарнизоны других ненадежных городов и, если потребуется, применить там силу. А через несколько недель его армия потащилась назад через Альпы тем же путем, что и пришла.

Венецианцы ликовали. Возвращение Падуи само по себе — победа, а уж успех против сорокатысячной армии — просто триумф. Но и это еще не все. 14 ноября Питильяно подошел к Виченце, которую герцог Ангальтский почти сразу сдал. Атака на Верону спустя неделю не удалась, но все больше и больше городов объявляли себя владениями Ве-

нции: Читаделла, Бассано, Фельтре и Беллуно — на севере, Эсте, Монтаньяна и Монселиче — на юге.

Последние три города Венеция отыграла в результате наступления на герцога Феррары, который не просто присвоил после Аньяделло спорную область Полезино, но вдобавок и его брат, кардинал Ипполито д'Эсте, оказывал неоценимую, а точнее сказать, совершенно бесполезную помощь Максимилиану в осаде Падуи. Теперь герцогу решили преподать хороший урок, и генерал-капитан флота Анджело Тревизано получил приказ взять эскадру из 17 легких галер и подняться по реке По, опустошая земли Феррары. Тревизано возразил, что опасность, которой подвергнется эскадра, гораздо больше тех разрушений, которые она сможет причинить, но его переубедили. Поднимаясь по реке, он встречал жестокое сопротивление. Затем, возле Полезеллы, в десяти милях от Феррары, он приказал высадить людей и построить выше по течению мощное заграждение из бонов и цепей, чтобы защитить от нападения корабли. Все усилия свела на нет река, разбухшая от декабрьских дождей, которая снесла боны, как раз когда герцог атаковал укрепления. В суматохе, под покровом темноты феррарцам удалось подвезти тяжелые пушки к самому краю воды. Оттуда они в упор принялись расстреливать беззащитные венецианские корабли. Только два корабля смогли избежать гибели. Несчастный Тревизано вернулся в Венецию, предстал перед сенатом и Советом десяти и отправился в трехлетнюю ссылку в Портогруаро.

Когда папа Юлий II узнал о возвращении венецианцами Падуи, он пришел в ярость. А после неудачной попытки Максимилиана вернуть ее он узнал, что Верона тоже собирается присоединиться к Венеции, а маркиз Мантуи, состоявший в лиге, был взят венецианцами в плен, когда шел с подкреплением. Говорят, папа швырнул тиару на пол и разразился проклятиями, негодуя на святого Петра. Реституция папских земель его ни на йоту не успокоила. Его ненависть к Венеции осталась такой же неутоленной, хотя он и

получил от дожа письмо, в котором тот нижайше умолял принять в Риме венецианское посольство из шести человек. Папа согласился, но скоро стало понятно, что сделал он это только для того, чтобы снова унизить республику. В начале июля, когда послы прибыли, им, как отлученным, запретили: входить в город до темноты, селиться в одном доме и даже видеться между собой по служебным делам. Никакие привилегии или даже просто правила приличия, действующие в отношении иноземных послов, их не касались. Только один из них удостоился аудиенции — некий Джироламо Дона, которого папа знал прежде. Но и эта аудиенция быстро превратилась в обличительную речь разгневанного Юлия II. Неужели венецианцы действительно решили, что церковными запретами можно пренебречь только потому, что они вернули себе несколько городов, на которые к тому же не имели права? Он не даст им прощения до тех пор, пока не будут выполнены условия Камбрейской лиги и венецианцы с веревками на шеях не падут перед ним на колени. Напоследок он протянул Дона документ, в котором были изложены его требования. Впоследствии Сануто описал его как «дьявольский и позорный». Когда этот документ доставили в сенат, к нему там отказались прикасаться. «Скорее мы пошлем пятьдесят послов к туркам, чем примем такие условия», — выкрикнул в гневе сын дожа, Лоренцо Лоредано.

Это была не пустая угроза, и возглас Лоредано никого не удивил. Все прекрасно понимали, что недавние успехи лишь подняли боевой дух, но на долгосрочные перспективы особенно не повлияли. Лига оставалась в силе, ее враждебность не угасала. Императора временно удалось осадить, но его армия никуда не делась, и вскоре он, конечно, вернется, чтобы отвоевать свою честь и репутацию. Французы в Милане тоже держали оружие наготове. А Венеция по-прежнему оставалась одна, ее армия разбита и рассеяна, ее казна опустела, большая часть ее доходов с terra firma прекратила поступать, и не нашлось ни одного друга, кото-

рый поддержал бы ее. Выбора не оставалось: если христианские государства ополчились против нее, пришлось обратиться к туркам.

Решение было принято 11 сентября. Венеция обратилась к султану, отметив, что лига создана как против Венеции, так и для противодействия ему. Султана попросили прислать войско, такое большое, какое возможно, а также одолжить не менее 100 000 дукатов. Его также попросили уменьшить закупки флорентийской и генуэзской одежды, чтобы доходы от этих сделок не поддерживали лигу. Для государей Запада, когда они узнали об этом воззвании, оно стало лишним доказательством безбожия венецианцев, хотя это было жестом отчаяния, и виноваты в этом были сами же государи. В европейском политическом мышлении того времени, когда самое христианство боролось за выживание, произошел переворот: христианские лидеры во главе с папой решили уничтожить государство, которое долгое время служило первой линией обороны. Теперь и вовсе его вынудили обратиться к врагу.

Но султан ответил молчанием. И хотя новый король Англии, Генрих VIII, выказывал явные признаки симпатии к Венеции, он тоже не мог оказать материальной помощи.

Гибель речного флота Тревизано стала новым ударом, и к концу года республика больше не могла продолжать борьбу. 29 декабря было решено принять условия папы. Это было жестоко — Венеция полностью подчиняла себя Святому престолу. Она лишалась традиционного права назначать епископов и священников в пределах своих владений, судить их в своих судах, облагать их налогами, не спрашивая папского согласия. Лишалась она и своей юрисдикции над подданными папы, находящимися на ее территории. Папа получал полную компенсацию за все расходы по возвращению своих земель и за все убытки, которые он понес из-за того, что эти земли находились во владении Венеции. Адриатическое море становилось свободным от пошлин, которые Венеция взимала за проход судов через него. И нако-

нец, в случае войны с турками, республика обязана была предоставить не менее пятнадцати галер.

Никто не ожидал, что венецианцы, несмотря на свое бедственное положение, легко смирятся с этими условиями. Когда необходимую резолюцию представили сенату, тот ее отклонил. Даже со второго раза она едва набрала необходимый минимум голосов. После месяца переговоров от папы Юлия удалось добиться только двух ничтожных уступок: от пошлины в Адриатике освобождались только папские подданные, и обязательство предоставить галеры было дано только на словах, чтобы лишний раз не бросать вызов султану.

Так было достигнуто согласие, и 24 февраля 1510 года папа Юлий II воссел на специально построенном троне перед центральным входом собора Святого Петра. Вокруг него расположились двенадцать кардиналов. Все пятеро венецианских послов, одетых в алое (шестой за несколько дней до этого умер), встали перед ним, поцеловали его туфлю, затем преклонили колени на ступенях. Глава посольской миссии Доменико Тревизано произнес формальную просьбу от имени республики об абсолюции, и епископ Анконы зачитал полный текст соглашения. Должно быть, посланникам больнее всего было выслушивать его не столько потому, что он содержал признание Венеции в грехах, за которые она была отлучена. Голос епископа, к счастью, был так тих, что произнесенное им едва можно было разобрать. Скорее из-за того, что чтение длилось целый час, в течение которого послы должны были оставаться на коленях. С трудом поднявшись, они получили двенадцать розг для бичевания от двенадцати кардиналов. Реальное бичевание милостиво исключили из церемонии. Затем они поклялись соблюдать условия договора, еще раз поцеловали туфлю папы, и тот наконец пожаловал им отпущение. Только тогда двери собора отворились, и все вместе проследовали к местам для моления у горнего места. Затем месса продолжилась в Сикстинской часовне. Один лишь папа не пошел к мессе. Один из венецианцев писал в своем

отчете про папу, что тот «никогда не выдерживал длинных богослужений»*.

Венеция капитулировала — но только когда уже не оставалось другого выхода. Этот факт отражен в правительственных документах. В тот самый день, когда послы получили полномочия подписать соглашение от имени республики, Совет десяти подавляющим большинством голосов (13 против 2)** принял официальное заявление о том, что Венеция от рук папы претерпела незаслуженные гонения и подчинилась несправедливым требованиям не по доброй воле, но по принуждению — «силой, страхом и угрозами». Следовательно, она не связана этими обязательствами и оставляет за собой право предоставить другие условия договора папе, «когда он будет лучше осведомлен и не будет испытывать враждебности», либо его преемникам.

Посланники, как и папа Юлий II и кардиналы, не могли знать того факта, что они послужили всего лишь инструментом для официального подтверждения, а условия, которые зачитывались так долго и болезненно, их собственное правительство аннулировало и нарушило еще за три недели до этого.

Новости о восстановлении согласия венецианцев с папой не слишком обрадовали членов лиги. В частности, Франция сделала все, чтобы этого не произошло, и на церемонию абсолюции послы Франции, Священной Римской империи и Испании не явились, хотя они находились в это время в Риме. Юлий II не делал попыток выйти из лиги, но, говорят, он похвалялся, что, даровав Венеции отпущение, он всадил кинжал в сердце короля Франции. Это лишний раз доказывает, если здесь вообще нужны доказательства, что теперь он рассматривал Францию, а не Венецию глав-

---

* Письмо от Паоло Капелло. В дневниках Сануто имеются описания трех очевидцев этой церемонии — двоих венецианских послов и кардинала Корнаро.

** Дож и синьория, как всегда, присутствовали.

ной помехой своей политике в Италии. Фактически, он поменял сторону. В марте 1510 года венецианский сенат рассматривал, как бы получше включить папу в предполагаемый альянс с Англией и Шотландией, а сам Юлий поссорился со своим бывшим союзником, герцогом Альфонсо Феррарским, потому что его тревожили и раздражали потакания герцога французским интересам.

Но это не значило, что договор о создании лиги превратился в ненужную бумажку — вовсе нет! С наступлением весны французы снова выступили в поход. Их поддержали герцог Ангальтский и герцог Альфонсо. Союзники надеялись соединиться с силами Максимилиана и решить дело в Венето раз и навсегда. Как нетрудно догадаться, Максимилиан не смог выступить, но даже без него объединенная армия превосходила венецианскую. В Венеции были свои проблемы — в январе в Лониго умер Питильяно*, а замену ему найти было нелегко. В качестве временной меры командование доверили проведитору Андреа Гритти. Но его изобретательность, храбрость и боевой опыт не могли перевесить того факта, что, являясь чиновником, он был человеком преимущественно штатским, а значит, не имел достаточного авторитета в наемных войсках.

Но так или иначе, сомнительно, чтобы даже величайший генерал-кондотьер смог остановить наступление французской, немецкой и феррарской армий, которые, встретившись к югу от Леньяго, быстро заняли Эсте и Монтаньяну и прорывались к Виченце с севера. Андреа Гритти не смог организовать серьезного сопротивления и отступил на восток. 24 мая герцог Ангальтский ввел своих людей в город. Второй раз за год жители Виченцы были вынуждены признать императора своим повелителем.

Они сделали это не очень охотно. Они знали, что герцог Ангальтский зол на них и обижен за недавнее поражение.

---

* Его привезли в Венецию и с почестями похоронили в церкви Санти Джованни э Паоло. Там, в южном трансепте, находится его надгробие с конной статуей золоченого дерева.

Теперь он на них отыграется. Многие из горожан бежали вместе со своими женами, детьми и самым ценным из имущества в Падую или Венецию. Те же, что остались, не могли заплатить жестоких штрафов, которые на них возложили. В довершение всех бед по улицам теперь шатались пьяные германские наемники, расхищая и грабя все, до чего могли дотянуться. Начался новый исход жителей, во время которого больше тысячи беженцев нашли приют в огромной пещере, глубоко уходящей в гору Монте-Берико. Лучше бы они остались в Виченце. Вскоре банда французских наемников открыла их убежище и в поисках поживы приказала всем выйти. Они отказались, и тогда французы разожгли у входа в пещеру большой костер и наполнили ее дымом. Пишут, что один мальчик нашел трещину в скале, через которую поступало достаточное количество воздуха. Это его спасло, а все остальные задохнулись, их тела разделили и унесли все ценное, что нашлось в пещере.

Справедливости ради следует добавить, что когда об этой жестокости узнали во французском лагере, виновных жестоко наказали. Знаменитый рыцарь Баярд — тот самый рыцарь без страха и упрека, который принял участие в главных французских кампаниях в Италии со времен прихода Карла VIII в 1494 году — повесил двоих предводителей перед входом в эту пещеру. И наказали не только их. Но злодеяние совершилось. Весть о нем облетела Северную Италию, и отношение к пришельцам переменилось. Престиж Франции потерпел такой урон, от которого она еще не скоро оправилась.

Но урон Венеции, потерявшей Виченцу, а через две недели и Леньяго, был гораздо серьезнее и не предвещал ничего хорошего. Войска лиги, с Максимилианом или без него, были сильны. Их скорость и натиск — ужасающи, боевой дух высок. Собственная армия Венеции, в которой не хватало ни солдат, ни командиров, отступала. Кампания едва началась. Какие поражения принесет она, прежде чем закончится? Конечно, следующей целью станет Падуя. Если

Падуя падет, каковы шансы удержать берега лагуны? А если они отойдут врагу, останется ли неприкосновенной сама Венеция, как было в прошлые века? За последние 20 лет она уже получила неизлечимые раны — лишилась торговли с Востоком и собственной империи на западе. Если честь свою она сохранила (более или менее), то репутация пострадала. Финансы находились в критическом состоянии, и перспектив улучшения не предвиделось. Враг стоял у ворот, на что же было надеяться?

Но даже теперь обычный, неискушенный посетитель города не заметил бы неладного. Никогда Венеция не выглядела более величественно. Самый темный период истории, ту мучительную декаду, когда республика находилась в шаге от гибели, венецианский гений встретил в своем расцвете. Именно тогда семидесятилетний Джованни Беллини работал над одним из своих последних и прекраснейших образов — святого Захарии. Его брат Джентиле вместе с другими художниками писал «Чудеса истинного креста», хранящиеся сейчас в Академии. В это время двадцатилетние Джорджоне и Тициан вместе работали над Фондако деи Тедески — в этом здании теперь расположена почтовая служба, — покрывая его фресками, от которых, увы, не осталось и следа. Карпаччо творил девять своих возвышенных полотен, которые сделали скуолу ди Сан Джорджо дельи Скьявони всемирно известной. Пьетро Ломбардо с сыновьями наносили последние штрихи в церкови Санта Мария деи Мираколи, а Мауро Кодуччи заканчивал фасады церквей Сан Дзаккария, Санта Мария Формоза и скуол Сан Марко и Сан Джованни Еванджелиста.

В это же время Венеция превратилась в интеллектуальный центр Италии. Прошло тридцать лет с тех пор, как дож Кристофоро Моро выдал в 1490 году первую лицензию на печатание книг. Теперь в городе печаталось больше книг, чем в Риме, Милане, Флоренции и Неаполе, вместе взятых. Еще в 1490 году репутацию города как центра книгоиздания поднял великий печатник и гуманист Теобальдо Пио Мануцио, более известный как Альд Мануций, который по-

селился в Венеции. Установив свои прессы на площади Сан-Августино*, он посвятил себя делу, занявшему его последующие 25 лет: редактированию, печати и публикации полного канона греческой классической литературы. Издательство называлось «Академия ди Альдо», оно объединяло виднейших ученых того времени. В течение нескольких месяцев в него входил даже Эразм Роттердамский, ставший близким другом семьи Мануцио (хотя он и находил их обеды несъедобными). Успех предприятия был таков, что до своей смерти в 1515 году Альд выпустил под своим фирменным знаком с дельфином и якорем не меньше 28 изданий греческой классики. Благодаря ему книги стали доступны не только богатым. Они продавались дешево и в таких количествах, которые до этого и представить себе было нельзя. Немецкие и фламандские купцы быстро наладили экспорт книг в Северную Европу. За годы Камбрейской лиги бедствия, которые терпела республика, никак не сказались на ее активности.

И конечно, венецианцы, богатые и бедные, образованные и невежды, не забывали веселиться. Как замечает в своем дневнике Джироламо Приули, карнавал 1510 года праздновался с такими многочисленными увеселениями, фейерверками и маскарадами, будто в город вернулся золотой век. На праздновании свадьбы Франческо Фоскарини ди Николо и дочери Джованни Вениеро, главы Совета десяти, за ужин сели 420 гостей, затем последовал причудливый бал-маскарад с певцами и танцорами, театральными представлениями, шутами и акробатами. Все это продолжалось, пока не поднялось солнце.

Одежда горожан становилась все более и более богатой, несмотря на периодически принимаемые правительством законы против чрезмерной роскоши. Неоднократно исто-

---

* Считается, что первоначально пресс размещался в маленьком Готическом дворце (№ 2311) на Рио Терра Секондо. Теперь, как пишет Тассини, появились свидетельства того, что он находился в доме на самой площади.

рики последующих времен предполагали, что венецианцы, купаясь в роскоши и удовольствиях, пытались таким образом бороться с отчаянием и забыть о тех неприятностях, которые происходили вокруг. Но такое мнение совершенно не вяжется с традиционным характером этого народа. Они ничего не забывали и не пытались это сделать. Когда 16 мая 1510 года ужасный шторм выбил большое стекло в окне зала Большого совета во время заседания сената, собравшегося там из-за страшной жары, и одновременно сломал крыло у льва святого Марка, сидящего на колонне Пьяццетты, многие (в том числе и Марино Сануто) поспешили увидеть этом страшное знамение грядущей катастрофы. Но праздникам венецианцы всегда отдавали должное. На протяжении всей своей истории они любили красоту и торжественность, и никогда этого не стыдились. Потеря империи, прекращение торговли, даже гибель их любимой республики — все эти ужасные события не казались достаточной причиной сменить вековые обычаи. Напротив, если Венеции предстояло погибнуть, она предпочитала погибнуть как жила — прекрасно, во всем своем блеске.

Глава 32

НЕПОСТОЯННЫЕ СОЮЗЫ (1510–1513)

Эти французы лишили меня аппетита... По Божьей воле Италия должна быть освобождена от их власти.

Высказывание папы Юлия II, приведенное в письме венецианского легата

Но Венеция не погибла. Похоже, альянс, созданный врагами против нее, неожиданно распался. Максимилиан, несмотря на свои обещания и после бесконечных отсрочек и увиливаний, продолжал, как говорит Эразм, «сидеть у себя за печкой» и попросту никуда больше не вмешивался. Король Людовик был основательно выбит из колеи произошедшей в мае смертью кардинала д'Амбуаза, своего ближайшего советника и главного вдохновителя итальянских походов. Хотя наиболее яростным разжигателем войны был отнюдь не германский император или король Франции, а римский папа. В разгар лета 1510 года он резко поменял политику Ватикана, определив новые приоритеты. Его счеты с Венецией были сведены, теперь наступил черед Франции.

По всем критериям действия папы Юлия II были недостойными. Подбив французов выступить против Венеции и бессовестно используя их ради собственных целей, он не

позволил им получить награду, которую сам же пообещал. Напротив, он ополчился против них со всей яростью и злобой, которую прежде проявлял по отношению к венецианцам*. Не довольствуясь этим, папа также начал новые переговоры с императором Священной Римской империи, пытаясь восстановить Максимилиана против своих бывших союзников. Слова папы, которые постоянно вспоминают защищающие его потомки, о том, что конечной целью его политики было освобождение Италии от чужеземных завоевателей — в чем, кстати, папа особенно не преуспел, — были бы гораздо убедительнее, если бы Юлий II не пригласил в Италию европейские армии всего лишь для усмирения какого-то одного итальянского города, каким бы большим и влиятельным тот ни был.

В любом случае, была и другая причина для столь внезапной смены политического курса — возможно, не столь красивая, но гораздо более убедительная. Впервые имея в своем распоряжении сильное Папское государство, теперь Юлий II был решительно настроен расширить его границы путем аннексии герцогства Феррара. Герцог Альфонсо д'Эсте в течение прошлого года был, несомненно, полезен, но затем он стал не многим более, чем агент французского короля, причем связи герцога Феррарского с королем Франции тем больше укреплялись, чем больше отдалялся от них папа. Герцогская солеварня в Комаккьо была прямым конкурентом для папской солеварни в Червии. А будучи мужем Лукреции Борджиа, герцог являлся зятем Александра VI — в глазах папы Юлия II одного этого было более чем достаточно, чтобы его уничтожить.

И еще, сколько бы мы ни обсуждали преимущества или причины запутанной политики Юлия II, один факт остается очевидным: если ранее он был главным инициатором унижения и ослабления Венеции, то теперь он внезапно стал ее избавителем. Папа не только выступил тем могу-

---

* Венецианский посланник в июле 1510 года в письме на родину называл отношение к французам в Риме «самым худшим».

щественным защитником, которого Венеция так отчаянно искала, но сделал это по собственной инициативе. Теперь республика могла — легко представить, с каким облегчением — выйти из игры. Она больше не являлась главным действующим лицом. В основном это была война между папой и королем Людовиком, где задачей Венеции было теперь всего лишь предоставить всю возможную помощь своему неожиданному новому союзнику.

Их первое совместное предприятие, попытка в июле с помощью объединенных сил флота и армии выбить французов из Генуи, закончилось неудачей; но к тому времени венецианская армия в Венето и Полезине уже почувствовала преимущества нового руководства. Слухи, что армия из 15 000 швейцарцев, которых папе удалось нанять в мае, по пути на Феррару собирается захватить Милан, послужили причиной стремительного возвращения Шомона с большей частью его армии к Милану. И хотя герцог Ангальтский и часть французских войск остались и продолжали оккупацию занятых территорий, у них больше не было достаточных сил, чтобы помешать венецианцам вернуть большинство городов в Тревизано. Тем временем папа, ничуть не обескураженный неудачной попыткой отобрать у французов Геную, в ожидании швейцарцев продолжал борьбу против своих врагов с помощью двух других средств, все еще имеющихся в его распоряжении, — дипломатии и церкви. Сначала, чтобы нанести удар по Франции, а также склонить на свою сторону Испанию, он признал Фердинанда Арагонского королем Неаполя, оставив без внимания давние притязания короля Людовика. Несколько недель спустя папа распространил по всему христианскому миру буллу, изложенную языком, от которого, по словам святого Петра Мартира, волосы вставали дыбом. В ней Юлий II предал анафеме и отлучил от церкви герцога Феррарского.

Все это оказало благотворное воздействие на боевой дух венецианцев. В начале августа синьория наконец утвердила назначение Лучо Мальвеццо, представителя прославленного семейства кондотьеров из Болоньи, командующим во-

оруженными силами: в том же месяце венецианцам удалось отвоевать большую часть Венето, включая Виченцу; и уже к началу сентября они погнали герцога Ангальтского, чья армия к этому времени настолько уменьшилась, что ему не оставалось другого выхода, кроме как временно отступить, до ворот самой Вероны. Если бы Мальвеццо атаковал этот город немедленно, до того как защитники подготовились к осаде, он бы легко его захватил. Но он промешкал две недели, и шанс был упущен. Наступление на Феррару объединенных венецианской и папской армий было также остановлено у стен города; но успешный рейд на Адидже в значительной степени загладил унижение, пережитое в предыдущем декабре, и с приходом осени Венеция могла поздравить себя с годом, который был если и не во всех отношениях победоносным, то по крайней мере более обнадеживающим, чем могли ожидать ее граждане.

Папа Юлий также питал большие надежды на будущее. Швейцарцы, которых он вынужден был нанять, очень сильно разочаровали его; когда они наконец прибыли в Ломбардию, несколько их командиров, щедро подкупленных Шомоном, почти сразу же вернулись обратно через Альпы, тогда как остальные заявили, что их наняли для защиты папской особы, а не для войны с императором и королем Франции. С другой стороны, объединенные папские и венецианские силы под командованием племянника папы герцога Урбино 17 августа без усилий взяли Модену, и хотя Феррара была хорошо укреплена, у папы было достаточное основание надеяться, что она не сможет долго выдерживать хорошо организованную осаду. Папа, твердо решивший присутствовать в момент своего триумфа, в конце месяца покинул Рим и, без спешки передвигаясь на север, в конце сентября прибыл в Болонью.

Жители Болоньи приняли его холодно. Со времени изгнания Бентивольи в 1506 году Болоньей управляли папские представители, причем управляли из рук вон плохо и использовали свое высокое положение в корыстных интересах, так что болонцы были на грани открытого восста-

ния. Правитель города, кардинал Франческо Алидози, однажды уже был вызван в Рим по обвинению в казнокрадстве и был оправдан только после личного вмешательства папы, чье непоколебимое расположение к человеку, столь явно нечистому на руку, может объясняться лишь их гомосексуальными отношениями, о чем в Риме ходили неясные слухи. Но внутренняя напряженность в Болонье вскоре была отодвинута на второй план более серьезной угрозой. В начале октября сеньор де Шомон двинулся из Ломбардии на юг. Ложная атака в направлении Модены ввела в заблуждение и разделила папские войска, вследствие чего Шомон быстро окружил город и полным ходом двинулся на Болонью. К 18 октября он был в трех милях от городских ворот.

Папа Юлий, прикованный к постели лихорадкой, находясь, в сущности, во вражеском городе и понимая, что располагает не более чем тысячей своих сторонников, на которых он мог бы надеяться, считал себя обреченным. «O, chè ruina è la nostra!» («Мне конец!») — так, по свидетельствам, жаловался папа. Его обещания болонцам освободить их от налогов в обмен на прочную поддержку были восприняты без энтузиазма; и он уже начал мирные переговоры с французами, когда в одиннадцатом часу прибыло подкрепление с двух сторон одновременно — венецианская легкая кавалерия и страдиоты, отряд из Неаполя, посланное королем Фердинандом в качестве благодарности за недавнее признание папой его титула. Папа тотчас же вновь преисполнился отваги. И речи о мирных переговорах больше не было. Теперь, исходя из нового расклада сил, иностранные послы у святейшего престола во главе с Кристофером Бэйнбриджем, архиепископом Йоркским, убедили Шомона не торопиться с нападением. Шомон, который, казалось, в последний момент усомнился и не посмел поднять руку на папскую особу, согласился увести войска — решение, которое не помешало Юлию отлучить его от церкви, как только он отошел.

Сложно не испытывать хотя бы легкого сочувствия к сеньору де Шомону. Он был хорошим полководцем, иногда

даже блестящим, но его преследовало невезение. Снова и снова мы видим его лишь в шаге от крупной победы, и снова и снова победа выскальзывает у него из рук. Так же часто он попадал в нелепые ситуации. Во время зимней кампании января 1511 года, когда шестидесятивосьмилетний папа лично сопровождал свою армию через глубокие снежные заносы, чтобы осадить замок Мирандола, выступление войска Шомона для снятия осады дважды было отложено — в первый раз, когда его ударило по носу метко брошенным снежком, в котором случайно оказался камень, а затем опять, на следующий день, когда он упал с лошади в реку и едва не утонул под весом своих доспехов. Три дня Шомон выздоравливал, находясь всего в шестнадцати милях от осажденного замка; в итоге Мирандола пала. В феврале его попытка освободить Модену безнадежно провалилась; и 11 марта в результате внезапной болезни, которую он, единственный из всех, приписал действию яда, Шомон скончался в возрасте тридцати восьми лет. Он умер всего за семь часов до того, как пришло письмо папы, в котором он отменял приговор об отлучении Шомона от церкви.

Но тем временем герцог Феррарский, которого интердикт тяготил гораздо меньше, одержал блестящую победу над папской армией, двигавшейся по направлению к его городу по нижнему течению реки По, и Юлию еще раз пришлось защищаться. В середине мая преемник Шомона, Джан Джакомо Тривульцио, участвовавший в половине всех сражений столетия в разных частях полуострова и со времен Карла VIII являвшийся верным сторонником французов, возглавил второй поход на Болонью; и по его приближении жители города, увидев возможность освободиться раз и навсегда от ненавистного кардинала Алидози, подняли восстание. Кардинал в панике бежал, спасая свою жизнь, даже не позаботившись предупредить ни герцога Урбино, который с папскими войсками располагался лагерем на западных подступах к городу, ни венецианцев, находящихся под Капелло в миле или двух к югу. Таким образом, обе армии, застигнутые врасплох, не имели ни шанса

удержать город, ворота которого уже закрылись перед ними, и с трудом, потеряв при этом часть обоза, смогли выбраться из этой ситуации, столь же опасной, сколь и унизительной. 23 мая 1511 года Тривульцио с триумфом вошел в Болонью во главе своей армии и восстановил власть семьи Бентивольи.

Кардинал Алидози, который за неимением других достоинств, кажется, обладал хотя бы чувством стыда, заперся в замке Риво, чтобы избежать папского гнева; но предосторожности оказались излишними. Юлий, который несколькими днями ранее благоразумно отступил в Равенну, не испытывал к нему злобы. Даже сейчас, по мнению папы, его возлюбленный друг не сделал ничего плохого, и он без колебаний возложил всю вину за это несчастье на герцога Урбино, которого немедленно призвал к себе. Последующая беседа едва ли уменьшила давнее презрение герцога к Алидози, которого он теперь сделал козлом отпущения. Поэтому, когда на улице он столкнулся лицом к лицу со своим старым врагом, который покинул свой замок и только что прибыл в Равенну, чтобы поведать папе свою собственную версию недавних событий, герцог был уже не в силах сдерживать свой гнев. Стащив кардинала с мула, он кинулся на него с мечом; свита Алидози, думая, что герцог, возможно, действует по приказу папы, не решилась вмешаться и двинулась вперед, только когда герцог снова вскочил на коня и ускакал в Урбино, оставив их хозяина валяться мертвым в пыли.

Горе папы Юлия из-за убийства его фаворита было, как мы можем прочитать, ужасно. Он неудержимо рыдал, отказывался от пищи. Он отказался дальше оставаться в Равенне и немедленно отправился в Римини в закрытом паланкине, и все, кто встречался на пути, могли отчетливо слышать его рыдания, доносившиеся из-за опущенных занавесок. Только через какое-то время после прибытия Юлий сумел взять себя в руки; но его ожидали новые несчастья. Мирандола (за этот замок папа всегда чувствовал себя лично ответственным) была в течение одной-двух недель захва-

чена Тривульцио. Папская армия, сбитая с толку, деморализованная и лишенная командующего, развалилась. С освобождением Болоньи открылась дорога для французов, которые теперь могли захватить все церковные земли в Романье, за которые папа сражался так долго и упорно. Все труды последних восьми лет были уничтожены. И теперь, в Римини, папа обнаружил воззвание, прибитое к двери церкви Санто Франческо и подписанное девятью его собственными кардиналами и поддержанное Максимилианом и Людовиком Французским, в котором провозглашалось, что первого сентября в Пизе соберется Всеобщий церковный собор, чтобы расследовать и исправить злоупотребления его понтификата.

Однако даже сейчас, хоть и ненадолго, самые унизительные новости от папы скрывали. Папские агенты в Болонье сообщили, что торжествующие граждане не только снесли замок, который он построил в центре города больше для собственного прославления, чем для защиты; они также свалили бронзовую статую, заказанную у Микеланджело, и продали ее на переплавку герцогу Феррарскому, который, в свою очередь, переплавил ее в огромную пушку, которую любовно назвал Юлием.

И как папа, и как человек Юлий II имел множество недостатков. Он был горячий, импульсивный («настолько импульсивный, — писал Гвиччардини, — что это погубило бы его, если бы не почтение к церкви, разногласия государей и условия того времени»), непостоянный, мстительный, плохой организатор и руководитель, плохо разбирающийся в людях. Будучи опытным тактиком-дипломатом, он неважно ориентировался в долговременной стратегии. Пожираемый ненасытным честолюбием, он был крайне неразборчив в средствах, стремясь достигнуть своих целей. Определенными качествами, однако, он обладал в полной мере — отвагой и неукротимым духом. По возвращении в Рим, когда ему было около семидесяти, папа уже обдумывал новый союз, который мог бы возглавить, включающий Венецию,

Испанию, Англию и, если возможно, империю, чьи объединенные силы выдворят Францию с Апеннинского полуострова раз и навсегда. К началу июля начались переговоры.

Они не вызвали серьезных разногласий. Фердинанд Испанский уже получил все, что мог надеяться получить, от Камбрейской лиги, и не желал видеть дальнейшее усиление позиции французов в Италии. В Англии зять Фердинанда Генрих VIII охотно согласился удерживать своего соперника занятым на севере, в то время как его союзники сделают то же самое на юге — хотя он был вынужден указать папе, несмотря на то что принял его предложения, что было бы лучше, если бы они не были преданы явно двойным агентом (очевидно, имея в виду покойного кардинала Алидози), который бы регулярно сообщал обо всех событиях королю Людовику. Венеция, которая во время переговоров сражалась упорно и в целом успешно, отражая атаки французов в Венето и Фриули, не требовала ничего другого. Максимилиан, как обычно, колебался; но даже без него новая лига демонстрировала, что является силой, с которой стоит считаться.

Двойственная позиция императора объясняется, помимо его личных особенностей, перспективой проведения церковного собора в Пизе, который он с королем Людовиком совместно поддерживали. Людовик уже начинал сожалеть об этой идее, которая в значительной степени была дискредитирована, когда по крайней мере четверо из девяти кардиналов, которых считали инициаторами собора, заявили, что с ними эта идея даже никогда не обсуждалась и что они не будут в этом участвовать. Затем папа Юлий объявил, что он сам созовет должным образом учрежденный собор в следующем мае, таким образом, в сущности, свимал надобность в сентябрьском собрании, которое теперь могло показаться для всех не более чем неуклюжим политическим ходом. Поскольку неканонический собор лишился необходимой поддержки, дата его открытия была отложена с сентября на ноябрь. Но и тогда, после всего лишь двух коротких заседаний, враждебность местных жителей

вынудила перенести собор в Милан. И даже там, под защитой французов, над собором столь открыто потешались, что местный хронист воздержался от отчета о проведении собора, потому что, по его утверждению, принятые собором установления невозможно воспринимать серьезно, и вообще, у него мало чернил, чтобы их переводить.

Тем временем папа, почти чудесным образом выздоровевший от безнадежной болезни*, 4 октября смог провозгласить свою «Священную лигу» — хотя Англия не объявляла о своем присоединении официально до 17 ноября — и начал готовиться к войне. Однако вскоре он обнаружил, что король Людовик тоже припрятал новый козырь в рукаве — своего племянника Гастона де Фуа, герцога де Немура, который в возрасте двадцати двух лет уже показал себя одним из выдающихся военачальников своего времени. Бесстрашный, одаренный богатым воображением, изобретательный, этот замечательный молодой человек мог принять решение мгновенно и, приняв его, мог молниеносно повести армию за собой. Стремительного наступления отряда, расположенного в Милане, в начале февраля 1512 года было достаточно, чтобы помешать неуклюжей попытке отбить Болонью, предпринятой папской армией, состоявшей по большей части из испанских войск и возглавляемой наместником короля Испании в Неаполе Рамоном де Кардона. К сожалению, этот марш-бросок также навел граждан Брешии и Бергамо на мысль, что с уходом французской армии в поход настал подходящий момент, чтобы поднять восстание и вернуться под власть Венеции. Им быстро доказали, что это не так. Продвигаясь днем и ночью, при плохой погоде — и, между прочим, уничтожив венецианское войско, которое попыталось его остановить, в ночном сражении в четыре часа утра, — Немур был под стенами Брешии прежде, чем на укрепления смогли прийти достаточно защит-

---

* Выздоровление фактически объяснялось не столько божественным вмешательством, сколько тем обстоятельством, что врачи запретили папе обильные возлияния.

ников. И он со своим другом Баярдом возглавил штурм, сражаясь босиком, чтобы не скользить по мокрой земле. Брешь была взята штурмом, предводитель восставших был публично обезглавлен на главной площади, и весь город был отдан на пятидневное разграбление, во время которого французские и немецкие войска набрасывались на местных жителей, творя убийства и насилие с ужасающей жестокостью. Еще три дня прошло, пока 15 000 трупов смогли убрать с улиц. Бергамо поспешно заплатил 60 000 дукатов, чтобы избежать подобной участи, тем восстание и закончилось.

Кампания тем не менее продолжалась. Немур, решительно настроенный не давать врагам передышки, вернулся в Милан набрать свежих войск и затем немедленно снова выступил в поход. С армией, которая теперь составляла около 25 000 человек, он направился прямо на Романью, куда сторонники папы вернулись после своего последнего поражения. Кардона очень хотел избежать противостояния, если это было бы в его силах, и не только по причине явного численного и полководческого превосходства врага; он также ожидал в течение следующих нескольких недель прибытия 6000 швейцарских наемников, и тем временем появилось достаточное основание полагать, что обещанное Генрихом VIII вторжение во Францию теперь было неизбежно, и в этом случае большая часть французской армии в Италии должна была быть отозвана. По этим же самым причинам для Немура было жизненно важно начать битву немедленно. В начале апреля он подошел к Равенне и осадил город.

Это был отличный способ спровоцировать папскую армию на решительные действия. Кардона не мог позволить захватить столь важный город прямо у него под носом и не пошевелить даже пальцем, чтобы его удержать. И таким образом в Пасхальное воскресенье, 11 апреля 1512 года, на плоской болотистой равнине под городом началось сражение.

Из всех битв, произошедших в Италии с тех пор, как молодой Карл VIII принял важное решение установить влияние Франции на Апеннинском полуострове около двадцати лет назад, битва под Равенной была самой кровавой. На такой равнинной местности было не много возможностей, чтобы проявить тактическое искусство; противники обстреливали друг друга из пушек, сражались мечами, пиками и копьями. Когда наконец солдаты папы бежали с поля боя, они потеряли около 10 000 испанцев и итальянцев, не говоря уже об артиллерии и имуществе, которые были немедленно захвачены французами. Также в руках французов оказались несколько испанских военачальников, некоторые из них были тяжело ранены, и среди них папский легат кардинал де Медичи. Рамон де Кардона, который бежал едва ли не в самом начале — говорили, что он не отпускал поводьев, пока не добрался до Анконы, — был одним из немногих, кто спасся невредимым.

Но, как писал Баярд своему дяде, епископу Гренобля, день или два спустя, хотя король Людовик выиграл битву при Равенне, его армия чувствовала себя обескровленной. В самом деле, это была пиррова победа. Только пехота потеряла свыше 4000 человек: из пятнадцати германских командиров погибли двенадцать, тогда как из французских соратников Баярда, которые сражались с ним плечом к плечу последние двенадцать лет, едва ли уцелел хоть кто-то. Но что хуже всего, сам Немур тоже погиб. Он пал, когда его армия уже победила, пытаясь помешать отступлению испанцев. Эта потеря была невосполнима, в результате усталая армия осталась без командира. Вместо Немура командующим стал сеньор де Ла Палис, заслуженный ветеран итальянских войн, вдвое старше своего предшественника и начисто лишенный той скорости и обаяния, благодаря которым Немура прозвали Итальянской Молнией. Если бы молодой человек остался в живых, возможно, он вновь собрал бы остатки армии и двинулся бы на Рим и Неаполь, вынудив папу Юлия пойти на уступки и восстановив коро-

ля Людовика на неаполитанском троне; и тогда дальнейшая история Италии была бы совсем другой. Но Ла Палис был более осторожен по складу характера. Он довольствовался тем, что занял Равенну, где не смог предотвратить разгул насилия, который превзошел даже ту бойню, которой подверглись жители Бреши несколько недель назад, а затем вернулся в Болонью, чтобы принять изъявление покорности городов Романьи, и стал там дожидаться дальнейших распоряжений. Он привез с собой тело Немура, заупокойная служба состоялась в соборе Сан Петронио*.

Промедление оказалось роковым. В течение двух месяцев внезапно произошла одна из тех удивительных перемен в политической ситуации, благодаря которым история Италии настолько запутанна для читателей и столь раздражает писателей. Когда новости о битве достигли папы Юлия, он, предполагая немедленное наступление французов на Рим, приготовился к бегству. Незадолго до отъезда, однако, он получил письмо от своего легата, который находился в плену и которому Ла Палис неосмотрительно позволил переписываться с папой. Как писал кардинал де Медичи, французы понесли почти столь же серьезные потери, как и лига; они устали и деморализованы гибелью их молодого предводителя; их теперешний командир отказывается двигаться с места без дальнейших распоряжений и подтверждения своих полномочий из Франции. Почти тогда же венецианский посол в Риме добился аудиенции у папы, с тем чтобы убедить его, что, вопреки широко распространенным слухам, республика не приняла ни одного из предложений французов о сепаратном мире и у нее нет таких намерений.

* Позднее тело было отправлено для погребения в Милан. Великолепное монументальное изображение работы Бамбайа сохранилось до нашего времени, его можно увидеть в музее города. Остальные детали надгробия были, к сожалению, разрознены и утрачены — часть их попала в Музей королевы Виктории и Альберта.

Тотчас же папа Юлий вновь воодушевился. Бессильный, по крайней мере временно, на войне, он направил все свои усилия на организацию церковного собора в следующем месяце. Теперь это стало более необходимым, чем когда-либо, после того, как на изменническом соборе в Милане, инициированном королем Людовиком, использовали победу при Равенне, чтобы низложить папу и отстранить его от власти. На самом деле даже в самом Милане очень немногие люди восприняли это явно политическое решение всерьез; тем не менее этот открытый раскол церкви нельзя было оставлять без ответа. 2 мая со всей пышностью, на которую был способен папский двор, папа римский в паланкине был внесен в Латеранский дворец в сопровождении пятнадцати кардиналов, двенадцати патриархов, десяти архиепископов, пятидесяти семи епископов и трех глав монашеских орденов: демонстрация церковной мощи, которая показала жалкое положение горстки миланских мятежников, — именно это и было задумано. На втором заседании Латеранский собор официально объявил деятельность соборов, проводившихся в Пизе и Милане, не имеющей законной силы, а всех, кто принимал в нем участие, — еретиками.

Однако с точки зрения Венеции триумф папы в церковной сфере был превзойден одновременными достижениями в области дипломатии. Наконец папе удалось расшевелить Максимилиана и заставить его действовать, и в тот же самый день, когда папа выступил против еретического собора, он также объявил о присоединении германского императора к Священной лиге. Теперь императорская охранная грамота позволяла новой армии швейцарских наемников совершить стремительный переход через Трентино, соединившись у Вероны с армией венецианцев, которая, спасшись от резни под Равенной, вполне могла вновь стать боеспособной. Но что более важно, теперь Максимилиан приказал всем подданным Священной Римской империи, сражающимся на стороне французов, немедленно вернуться домой под страхом смертной казни.

В это время Ла Палис уже ощутил серьезное уменьшение численности своей армии, часть которой отозвали, как он и опасался, чтобы предотвратить угрозу вторжения Генриха VIII; поспешный уход его германских наемников поставил его в смешное положение — теперь он был полководцем без армии или, по крайней мере, не имеющим достаточно сил, чтобы сдержать швейцарцев и венецианцев, которые внезапно оказались перед ним. Тем временем испанские и папские войска были снова готовы к бою, и, хотя от той армии, что еще была до недавнего разгрома, оставалась лишь тень, они могли наступать, практически не встречая сопротивления, по всем направлениям — в Романье, где главные города опять вернулись под папскую власть, в Ломбардии, в болонской области, где опять изгнали семейство Бентивольи и 13 июня открыли ворота герцогу Урбино, который теперь снова был в милости у своего дяди. К началу июля папа не только вернул все свои владения, но даже расширил их за счет включения Пармы и Пьяченцы; Милан снова принял семейство Сфорца в лице Массимилиано, сына Лодовико Моро; даже Генуя объявила о вновь обретенной независимости и избрала нового дожа. Ла Палис с остатками своей армии не имел иного выбора, как вернуться во Францию, и Людовик XII, который только три месяца назад владел целым полуостровом, теперь лишился всех своих надежд.

Французы были изгнаны; но было бы чересчур самонадеянно полагать, что победившие члены лиги смогли бы поделить завоеванное и не перессориться между собой. Уже в начале июля папа всех взбудоражил, когда, не удовлетворясь принесением присяги и изъявлением покорности герцога Феррарского, который прискакал в Рим и простерся ниц пред папским троном, прося отпущения грехов, объявил о своем намерении включить целое герцогство в Папскую область. Герцог Альфонсо, несмотря на свою слабость, гневно отказался и получил поддержку от нескольких дав-

них врагов, включая короля Испании. «Италия, — по словам короля*, — не должна попасть под власть еще одного тирана, и папа не должен править ею по своей воле». Юлий был вынужден отказаться от своих требований; но было множество еще не решенных вопросов, и в попытке их урегулировать в августе была организована встреча представителей лиги в Мантуе.

Для Венеции главной проблемой оказалась позиция германского императора. Максимилиан, как вскоре стало ясно, не был склонен уступить ни дюйма из тех земель, которые он считал имперскими, — в их число он включил не только основные города Верону и Виченцу, но, как оказалось, Падую и Тревизо, а также Кремону и Брешу. Но Венеция больше не была сломленной, деморализованной республикой, как четыре года назад; теперь, выступая как сильный союзник, венецианцы объявили претензии императора неприемлемыми. Эти города, возражали они, являются жизненно необходимыми для венецианской торговли и тем самым для выживания самой Венеции. Оказавшись в руках врагов, они могут быть использованы, чтобы блокировать ей доступ к альпийским перевалам и даже в какой-то мере к западной Ломбардии. Папа в попытке выступить посредником предложил, что, если венецианцы откажутся от двух больших городов, они могут удержать остальные города при условии уплаты ежегодной дани; но это предложение также было решительно отвергнуто, не просто из-за предложенной к выплате суммы (его святейшество упомянул об уплате 2500 фунтов золотом в качестве первоначального взноса и об уплате в дальнейшем 300 фунтов ежегодно), но потому что Венеция отказалась ставить себя в положение постоянного данника для кого бы то ни было.

Таким образом, пока тянулись споры в Мантуе, ситуация начала проясняться. Пока все члены Священной лиги были заняты тем, что добивались значительных приобре-

---

* По свидетельству Гвиччардини, который в то время был флорентийским послом при испанском дворе.

тений для себя — Парма и Пьяченца для папы, Верона и Виченца для императора, Неаполь для испанского короля, — Венеция, на которую пришлась большая доля расходов лиги, была отодвинута в сторону и даже оказалась в опасности потерять многое из того, чем владела прежде. На это также незамедлительно указали венецианские представители; но в ответ папа только вышел из себя и стал угрожать. «Если вы не примете наши условия, — кричал он, — мы все вновь объединимся против вас». Другими словами, могла быть возрождена Камбрейская лига.

Папе Юлию II следовало бы лучше помнить историю последних лет. Такое отсутствие уважения к союзнику могло спровоцировать ответную реакцию. Венеция чувствовала, что с ней не только несправедливо обошлись, но что она окажется в изоляции и в опасности. В таких обстоятельствах было неудивительно, что она обратилась к единственной державе, которая ей не угрожала и кому она даже могла что-то предложить. Венеции даже не потребовалось проявлять инициативу; в последние шесть месяцев или более король Людовик неутомимо добивался ее дружбы, пытаясь разъединить республику со Священной лигой. И осенью 1512 года ему это удалось. Переговоры, которые с венецианской стороны были поручены Андреа Гритти и Антонио Джустиниани, продолжались до начала 1513 года. В течение этого времени папа подписал новое соглашение с императором, в котором гарантировал исключение Венеции из любого мирного соглашения, которое могло бы быть заключено, а также принять меры как духовного, так и светского характера против нее. Он даже выпустил папское послание, упрекающее республику за ее поведение, хотя, к разочарованию Максимилиана, он не стал отлучать город от церкви. Но Венецию было не запугать. Туда и обратно сновали гонцы между Риальто и французским двором в Блуа, где 23 марта 1513 года наконец был подписан новый договор о союзе. Оба государства договорились выступать вместе для взаимной защиты от любых врагов, которые будут угрожать кому-либо из них, «даже если этот враг будет блистать ве-

личайшим титулом». Если король Франции пожелает вернуть Милан или если республика вознамерится вернуть свои бывшие владения, обе стороны будут совместно преследовать свои цели, и их основная задача — восстановить политическую ситуацию, которая была предусмотрена соглашением 1499 года, в соответствии с которым Венеция удержит Кремону и значительные территории в Ломбардии до Адды на западе.

Таким образом, в течение всего лишь четырех лет трое главных участников войны Камбрейской лиги поучаствовали во всех возможных союзах. Сначала Франция объединилась с папой против Венеции, затем Венеция и папа выступили против Франции; теперь Венеция и Франция объединились против папы и, на деле, против всех остальных. Сегодня, когда к союзным обязательствам — хотя не без исключений — дипломаты относятся гораздо ответственнее, такое политическое непостоянство может показаться просто невероятным и довольно шокирующим. Однако в Италии XVI века — Италии Макиавелли — такое поведение не считалось особенно предосудительным. Союзы были прежде всего вопросом политического расчета: если они больше не являлись полезными для достижения результата, то договора расторгали и заключали новые, более перспективные. Это не считалось предательством — в политике дружбы не существовало. В конечном счете здесь всегда следовали одному правилу: каждый сам за себя.

Глава 33

НОВАЯ ВЕНЕЦИЯ (1513–1516)

Господь даровал нам папство: будем же им наслаждаться.

Лев X

Всего лишь месяц спустя после подписания последнего соглашения в Блуа, 21 февраля 1513 года, в возрасте семидесяти одного года папа Юлий II скончался от лихорадки в Риме; и 4 марта кардиналы, как и положено, собрались в маленькой капелле — единственном, что осталось от собора Святого Петра*, чтобы избрать его преемника. Страже конклава показалось, что выборы проходят слишком медленно. Дабы ускорить события, кардиналам сократили рацион сначала до единственного блюда, а затем их перевели исключительно на вегетарианскую диету; и даже тогда прошла целая неделя, прежде чем кардиналы объявили о своем выборе: кардинал Джованни Медичи, который принял имя Льва X.

---

* Старую базилику практически со всем убранством разрушили по приказу папы Юлия — это стало одним из наиболее бесстыдных примеров государственного вандализма во всей христианской истории, — а новый собор, спроектированный Браманте, только начали строить.

На самом ли деле новый папа произнес столь восхитительно циничные слова, приписываемые ему, которые служат эпиграфом к этой главе, или нет — неизвестно, но мало кто из итальянцев в то время удивился бы, будь это действительно так. Новому папе было тридцать семь лет. Он был несметно богат, безмерно могуществен (его семье после восемнадцатилетнего изгнания была возвращена власть над Флоренцией по решению Мантуанского конгресса в 1512 году) и демонстрировал еще большую склонность к пышности и великолепию, чем его отец Лоренцо. Коронационная процессия Льва X превзошла все коронации, когда-либо проходившие в Риме. Но он также был мирным человеком, искренне потрясенным резней в Равенне, свидетелем которой ему довелось стать; и мир был единственным, чего теперь страстно желали римляне, как духовенство, так и все остальные. Венецианцы также стремились к миру. Дож Лоредано сразу же послал Льву X поздравления со вступлением на престол и вскоре после этого отправил ему официальное приглашение присоединиться к Блуаскому соглашению. Но папа, несмотря на склонность к миролюбию, знал, что французы, однажды вернувшись в Милан, будут настаивать на возвращении им Пармы и Пьяченцы, от которых его собственный престиж никогда не позволит добровольно отказаться так скоро после их завоевания его предшественником. Отклонив это предложение, папа благоразумно возобновил союз с Максимилианом и стал спокойно ожидать нового вторжения французов.

Ждать пришлось недолго. В начале мая многочисленная армия под командованием двух ветеранов итальянских войн времен Карла VIII, Джан Джакомо Тривульцио, которому было уже шестьдесят пять лет, и Людовика, сеньора де Ла Тремуйля, вступила в Италию. Также 15 марта Бартоломео д'Альвиано, герой битвы при Аньяделло, облаченный в великолепный костюм из золотой парчи и сопровождаемый челядью в красно-белых ливреях, был препровожден во Дворец дожей и оттуда в базилику Сан Марко, где Леонардо Лоредано вручил ему священное знамя Святого

Марка. Затем д'Альвиано вместе с армией направился в Ломбардию, куда прибыл почти одновременно с французами. Там их ожидал более теплый прием, чем они смели надеяться. Массимилиано Сфорца, меньше года просидевший на миланском троне, уже полностью лишился популярности у своих подданных, которых возмущали как его расточительность, так и полчища швейцарских наемников, на клинках которых держалась его власть. Теперь даже с помощью швейцарцев ему не удалось предотвратить утрату своих новых владений, в конце концов только два города остались верны — Комо и Новара.

Французская армия двинулась на Новару, и гарнизон, состоявший из 7000 человек Сфорца, поспешил укрыться в городе. Если бы все шло как обычно, то последовала бы осада, и Новара, скорее всего, не устояла бы; но в ночь на 6 июня, когда Ла Тремуйль все еще занимался приготовлениями, швейцарцы решились на упреждающую атаку и напали на лагерь французов, расположенный в одной-двух милях к востоку. Это было исключительно смелое решение: швейцарцев было по крайней мере втрое меньше, у них не было лошадей или артиллерии, тогда как французы обладали и тем и другим. Правда, от их кавалерии было не много пользы — земля была мягкой и топкой, и, более того, в темноте лошадям мешали траншеи, которые выкопали сами французы. Французская артиллерия сначала нанесла атакующим серьезный урон, но тем чудом удалось не сломать строй во время наступления, и очень скоро они захватили пушки и повернули их против французов. Те, поняв, что разбиты, впали в панику и бежали, почти не останавливаясь, пока не достигли Альп. Нашествие завершилось. Массимилиано Сфорца, чья репутация была восстановлена, вернулся в Милан; и те города, которые еще недавно перешли на сторону врага, теперь с восторгом вновь провозгласили его своим господином.

Венеция снова осталась в одиночестве. Альвиано ни в коей мере не был повинен в поражении под Новарой, которая находилась далеко за пределами земель, на которые

претендовала республика. Тем не менее без своих французских союзников он не мог надеяться следовать их общей стратегии. Сначала Альвиано отошел к Адидже в надежде удержать береговую линию реки; но когда до него дошли сообщения о том, что армия Священной лиги под командованием Кардоны идет на Венето, он поспешил обратно, чтобы оборонять Падую. Таким образом, он спас город; но Кардона пробился к самым берегам лагуны, спалив Фузину, Местре и Маргеру, откуда он даже нанес несколько угрожающих выстрелов по самой Венеции.

Тем временем дож Лоредано вновь обратился к своим подданным, призывая их делать добровольные пожертвования в казну для спасения республики и, если они являются дееспособными мужчинами, вступать в армию. Так как он лично не сделал ни того ни другого — хоть ему и было семьдесят пять лет, но казалось, что подобный жест был бы весьма уместным, — сначала венецианцы восприняли его обращение довольно равнодушно. Однако, когда опасность возросла, все больше молодых венецианцев, как знатных, так и простых горожан, пересекли лагуну и явились в расположение Альвиано, готовые броситься на врага при любой попытке захватить их город.

Противник, однако же, не предпринял ничего подобного. Снова, как это часто бывало и ранее, Венеция оказалась неприступной. Благодаря двум с половиной милям мелководья город был вне досягаемости для испанских пушек. У Кардоны не было кораблей, он не смог ничего придумать, и спустя один-два дня ему пришлось увести армию обратно. Венецианцы последовали за ним. Теперь они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы бросить вызов испанцам, и не желали, чтобы враг целым и невредимым ушел на зимние квартиры. 7 октября 1513 года обе армии встретились под Скио, расположенным в нескольких милях к северо-западу от Виченцы, где ломбардская равнина переходит в альпийские предгорья. Это была тяжелая битва, но в конце концов нерегулярная армия Альвиано, состоявшая из добровольцев, несмотря на весь свой энтузиазм, не смог-

да тягаться с профессионалами Кардоны. Сначала венецианцы отступили; затем внезапно это отступление превратилось в поспешное бегство. Кому-то удалось спастись, но многие, настигнутые испанцами под стенами Виченцы, погибли во время бегства. Проведитор Андреа Лоредано, родственник дожа, был схвачен и хладнокровно убит. Когда эти новости дошли до Риальто, венецианцы от стыда не могли поднять головы.

После столь пагубного окончания кампании 1513 года перспективы Венеции на следующий год были удручающими, особенно с тех пор как ее единственный союзник, французы, оказались слишком занятыми отражением отрядов Генриха VIII на севере и швейцарцев на востоке, чтобы уделять много внимания событиям в Италии. Но хотя тот год ознаменовался почти непрерывной войной, особенно во Фриули, он не принес убедительных побед. Лев X, в свою очередь занятый Латеранским собором, не возобновлял военных действий, как Юлий II. Максимилиан, как обычно колеблющийся и ограниченный в средствах, не вмешивался. Фактически, ситуация зашла в тупик.

Затем, 1 января 1515 года, в очень подходящий момент, в Париже умер Людовик XII. Прошлой осенью, будучи в возрасте пятидесяти двух лет, изнуренный и уже проявляющий признаки преждевременной дряхлости, король женился на принцессе Марии Английской, сестре Генриха VIII. Ей было пятнадцать лет; она была ослепительно красива и обладала такой же неиссякаемой энергией, как и ее брат. Людовик пытался соответствовать юной супруге, но для него усилия оказались чрезмерными, он выдержал всего три месяца.

Его кузен, зять и наследник, Франциск I, был бы более подходящим супругом для юной Марии. Все еще пышущий молодостью и энергией, он выразил свои намерения относительно Италии достаточно явно, когда во время коронации официально принял титул герцога Миланского, в то же самое время возобновив договор с Венецией; и к июлю в Дофине новый король уже собрал армию, насчитывавшую

примерно 50 000 воинов кавалерии и 60 000 солдат пехоты, которую возглавили Ла Палис, Тривульцио и сеньор де Лотрек, двоюродный брат Гастона де Фуа. Это была угроза, которой лига не могла пренебречь. Не меньше четырех армий собрались, чтобы противостоять новому завоевателю: папские силы под командованием брата папы, Джулиано ди Медичи, испанцы Кардоны, миланские войска Массимилиано Сфорца и, наконец, сильный отряд швейцарцев, которые к этому времени были фактическими хозяевами Милана. Однако из этих четырех армий одна, а именно испанцы, направилась к Вероне, чтобы не дать венецианцам соединиться со своими французскими союзниками, тогда как папские силы двинулись к По, чтобы защитить Пьяченцу. Только швейцарцы и миланцы двинулись в горы и заняли позиции у входов в два главных ущелья — Мон-Сени и Мон-Женевр, — через которые, как ожидалось, должна была пройти французская армия.

Но старый Тривульцио, который, несмотря на долгие годы, проведенные на французской службе, по рождению был миланцем, не зря полвека сражался в Италии. Он не пошел ни одним из предполагаемых перевалов через ущелья и вместо этого проник в Италию через долину Стура; к тому времени, когда швейцарцы осознали, что произошло, он и его армия благополучно были на пути в Милан. Однако Тривульцио не напал на город сразу, предпочтя занять позицию в Мариньяно (современный Меленьяно), расположенном в нескольких милях к югу, по дороге на Лоди и Пьяченцу, в надежде, что венецианцы каким-то образом ухитрятся обойти Кардону и присоединятся к нему.

Швейцарцы, перегруппировавшись в Милане, решили повторить тактику, которая так хорошо послужила им в Новаре. Как и в прошлый раз, французы превосходили их численно, и у них не было артиллерии; как и в прошлый раз, швейцарцы рассчитывали на скорость, дисциплину и быстроту при прорыве и на остроту своих пик в рукопашном бою. Было далеко за полдень 13 сентября, когда они обрушились на французский лагерь. Французы ожидали нападения и

были готовы, на правом фланге у них была тяжелая артиллерия, на левом 12 000 гасконских лучников. Наступая под перекрестным огнем, швейцарцы, чьи доспехи всегда были легкими, чтобы не сковывать движений, несли ужасные потери; но их строй не сломался, и они не остановились, пока неприятель не оказался в досягаемости их страшных пик. Теперь преимущество было у швейцарцев; но наступила ночь, и исход сражения еще не был ясен, когда по взаимному согласию примерно за два часа до полуночи битва прекратилась.

Сражение возобновилось на рассвете, начавшись с еще одной неистовой атаки швейцарцев. Однако перерыв отнял у горцев победу. Когда французы уже были близки к отступлению, на горизонте появилось облако пыли. Альвиано, ускользнув от испанцев, теперь быстро пересекал равнину. Прибытие венецианцев, свежих и исполненных решимости, воодушевило воинов Тривульцио и придало им новых сил; швейцарцы же поняли, что битва проиграна. Десять тысяч из них остались лежать мертвыми на поле боя; уцелевшие, из которых едва ли не все были серьезно ранены, с трудом вернулись в Милан.

Но военная слава швейцарских наемников была такова, что первые вести об исходе дела под Мариньяно, дошедшие до Рима, сообщали об их победе. Папа лично отправил послание Марино Дзорци, венецианскому послу, в котором даже не пытался скрыть удовлетворения. Только на следующее утро Дзорци получил письма от своего правительства с известиями об истинном положении дел. Он тут же поспешил в Ватикан. Лев X был еще в постели, но по настойчивой просьбе посла принял его, облачившись в халат.

— Святой отец, — сказал Дзорци, — вчера вы сообщили мне плохие новости, и это была ложь; сегодня я сообщаю вам хорошие, и это правда: швейцарцы разбиты.

Он протянул письма папе, который, прежде чем ответить, лично их прочитал.

— Что будет с нами? И с вами? — прошептал он, затем добавил, как бы в раздумьях: — Мы предадим себя в руки христианнейшего короля и будем умолять его о милости*.

Битва при Мариньяно была последним значительным событием в долгой и утомительной войне, которая окончилось победой Камбрейской лиги. После разгрома швейцарцев не могло быть и речи о том, что Массимилиано Сфорца удержит Милан. 4 октября французы официально вступили во владение крепостью. Два месяца спустя Лев X и Франциск I встретились в Болонье и заключили соглашение, по которому папа неохотно отказался от Пармы и Пьяченцы — не говоря уже о возвращении Модены и Реджо герцогу Феррарскому — в обмен на невмешательство французов в его предполагаемый захват герцогства Урбино, этот город он желал отдать своему племяннику Лоренцо. В августе 1516 года согласно Нуайонскому договору внук Фердинанда и Изабеллы Карл I Испанский — в недалеком будущем император Карл V — заключил сепаратный мир с Франциском I, признавая его права на Милан в обмен на признание французами претензий Испании на Неаполь. И в декабре того же года в Брюсселе старый Максимилиан — после еще одного полностью безуспешного похода с целью вернуть Милан, когда он повернул обратно, даже не дойдя до города, — также пошел на уступки, отдав Венеции в обмен на оплату в рассрочку все те земли, которые были ему обещаны в Камбре. Он колебался только по поводу Вероны, утверждая, что честь империи просто не позволяет ему отдать ее венецианцам напрямую; но наконец даже этот трудный вопрос был решен. Он отдавал город своему внуку Карлу Испанскому; Карл передавал его французам, а они, в свою очередь, передали бы его республике, вместе со всеми остальными исконными венецианскими землями в Северной Италии (кроме Кремоны), которые занимали сами французы.

---

* Этот диалог приведен в труде Альбери.

Таким образом, все сложилось так, что восемь лет спустя после того, как Камбрейская лига угрожала Венеции полным уничтожением, те же самые силы, что изначально создали Камбрейскую лигу, объединились, чтобы вернуть республике почти все ее прежние владения и еще раз сделать ее главным светским государством Италии. В течение этих восьми лет Венеция сильно пострадала и принесла большие жертвы; но она устояла, и с помощью обычного для себя сочетания успешной дипломатии, искусного управления государственными делами, и прежде всего удачи, ей удалось преодолеть трудности. Также Венеция доказала, что все еще является неприступной. Как бы серьезно ни угрожали ей враги с материка, сам город не пострадал. Жители Венеции, услышав об условиях Брюссельского договора, имели повод поздравить себя — как, собственно, они и поступили.

В остальном, однако, Венеция никогда не смогла бы остаться прежней. Ее независимость была сохранена и ее владения были ей возвращены, но ее могущество было утрачено. Лишенная своей торговой гегемонии и превосходства на морях, она уже никогда не смогла бы инициировать и воплощать стратегические политические процессы, как в прошлом. В былые дни величия устремления Венеции были постоянно обращены на Восток, к Византии, Леванту, Черному морю и далее — к источнику ее удач и богатства. Теперь республика полностью изменила позицию: по существу, она стала итальянским государством — возможно, не таким, как все остальные, поскольку ее история, традиции, своеобразная форма правления всегда выделяли бы ее среди прочих как нечто особенное и уникальное, — но тем не менее итальянским, то есть ориентированным на Запад, скорее сухопутным, чем морским, подверженным тем же политическим перипетиям, что и остальной полуостров, при том что еще совсем недавно она не снисходила до того, чтобы признать себя его частью.

Вера в свою исключительность была подорвана. Не единожды, когда казалось, что вся христианская Европа под-

нилась против нее. Венеция оказывалась на краю пропасти. До сих пор ей удавалось спастись; но при новом, чуждом, нестабильном порядке вещей кто мог бы сказать, чем может закончиться для нее следующий кризис? Достаточно ли для защиты республики рассчитывать на географическое положение, или же, как и всем, стоит рассчитывать на необходимость сохранять равновесие сил в Италии? Может ли оно служить гарантией защиты со стороны итальянских государств в случае, если одно из них попытается подчинить Венецию? Такое вполне возможно, и теперь венецианцы понимали, что будущее процветание, если не сегодняшнее выживание, с этого времени будет зависеть не столько от адмиралов, купцов или кондотьеров, сколько от дипломатов. Так началась великая эпоха венецианской дипломатии — искусства, которое республика постигала с прилежанием и основательностью, проявляемыми ее гражданами всегда в наиболее важных для государства вопросах, и в результате уровень венецианских дипломатов стал легендой во всем цивилизованном мире.

Это не была дипломатия, с помощью которой заводят союзников. Наоборот, венецианская дипломатия имела тенденцию сеять страх и недоверие, в большой степени опираясь на шпионов и агентов, на скрытность и интригу, на зловещую и таинственную неторопливость Совета десяти. Неудивительно, что с течением веков Венецию окутала — по крайней мере, в умах многих европейцев — атмосфера, которую мы могли бы ассоциировать с самыми мелодраматическими формами трагедии Ренессанса. И мало кто понимал, что венецианские методы дипломатической разведки были столь устрашающими потому, что Венеция сама боялась.

Глава 34

ТРИУМФ ИМПЕРАТОРА (1516–1530)

Будучи другом обоих монархов, я могу только повторить вслед за Апостолом: я радуюсь с тем из них, кто в радости, и печалюсь с тем, кто в печали.

Дож Андреа Гритти, услышав о пленении Франциска I при Павии

Если Нуайонский договор и не принес Италии долговременного мира, то, несомненно, дал желанную передышку. 1517 год был самым спокойным из всех, что помнило большинство людей. Это не значит, что в это время ничего не происходило: год, который начался с захвата турками Каира и закончился написанием девяноста пяти тезисов Мартина Лютера, которые он прибил к двери церкви в Виттенберге, нельзя сбрасывать со счетов. Но оба этих важных события не сразу оказали влияние на политическую ситуацию, и жители Ломбардии и Венето смогли за эти двенадцать месяцев восстановить свои разрушенные дома, снова засеять разоренные поля и ночью спокойно спать, не думая о мародерствующих армиях, насилии, грабежах и реках крови.

Пятилетнее перемирие, подписанное в июле 1518 между империей и республикой, еще больше стабилизировало

ситуацию, и сложно предположить, сколько продлилось бы затишье, если бы 12 января 1519 года в своем замке в Вельсе, что в Верхней Австрии, не умер Максимилиан Габсбург. Немало усилий он приложил к тому, чтобы империя непременно досталась его внуку Карлу, который благодаря последовательности династических союзов, а также череде неожиданных смертей в возрасте девятнадцати лет оказался повелителем Испании (вместе с Сицилией, Сардинией и Неаполем, не говоря уже о новых американских колониях*), Австрии, Тироля, большей части Южной Германии, Нидерландов и Франш-Конте. Однако сами размеры этого гигантского наследства, вместе с опасением, что империя, если позволить ей долгое время находиться в руках одной-единственной семьи, может превратиться в наследственную монархию, стали причиной того, что выборщики склонялись в пользу другого серьезного кандидата, Франциска I.

Но и европейский государь Франциск I вовсе не был безусловным кандидатом на имперский трон. Если говорить о владениях, он не мог соперничать с Карлом; с другой стороны, французский трон был гораздо более устойчив, его могущество имело более глубокие корни, его возможности были гораздо шире. Более того, в год вступления Франциска на престол победа при Мариньяно принесла ему Милан, а вместе с Миланом контроль над всей Северной Италией вплоть до границ Венеции. Несметное богатство французского короля также представлялось фактором, благодаря которому его кандидатура была предпочтительней, нежели кандидатура Карла, так как все семеро избирателей ясно дали понять с самого начала, что для получения их голосов самым убедительным был бы финансовый аргумент. Кроме этого, у Франциска была поддержка английского короля Генриха VIII и кардинала Вулси, которые тоже были озабочены сохранением баланса сил, и папы Льва X,

---

* Наследство от матери, Иоанны Безумной (дочери Фердинанда и Изабеллы).

у которого была самая веская причина — от Рима до границ королевства Неаполь, владения Карла, было всего сорок миль, и папа не хотел такого близкого соседства с императором.

В течение первых двух месяцев после смерти Максимилиана казалось, что соперники равны; но в конце концов деньги, которые Карл сумел получить в долг у крупных немецких банкирских домов — особенно у дома Фуггеров из Аусбурга, — оказались слишком серьезной силой. В последний момент папа Лев изменил решение; и 28 июня 1519 года во Франкфурте Карл был избран на трон своего деда. Для Франциска, который сам выплатил немалые суммы в золотых монетах, поражение стало серьезным ударом его личному и политическому авторитету. Однако противоборство на этом не закончилось. Первый этап, прошедший в канцеляриях Европы, был проигран. Теперь настало время следующего, судьба которого должна была решиться на поле боя.

Тем временем Венеция, в отличие от папы, осталась верна своему французскому союзнику. Со времени своего вступления на престол Франциск доказал, что является надежным другом Венеции; ведь главным образом ему она была обязана возвращением своих владений на материке. Республика была бессильна оказать ему существенную помощь в борьбе за императорскую корону, но не видела причин изменить свою политику только потому, что эта борьба окончилась неудачей. Поэтому, когда послы Карла V летом 1521 года обратились к ней с просьбой позволить имперской армии свободно пройти через ее владения, они получили вежливый, но твердый отказ. Договор Венеции с Францией не позволяет дать такое разрешение; республика только может надеяться, что его императорское величество согласится отправить своих воинов другой дорогой, так что она не будет вынуждена выказывать противодействие тем, с кем хотела бы жить в мире.

Этот ответ был одним из первых важных заявлений, сделанных Антонио Гримани, который 6 июня был избран семьдесят четвертым дожем Венеции после Леонардо Лоредано. Старый Леонардо не был блестящим правителем и не оказал особенно сильного влияния на судьбы Венеции, но его правление пришлось на самый тяжелый период ее истории, из перепетий которого она вышла практически невредимой; следовательно, в глазах своих подданных он неизбежно ассоциировался со спасением республики. Дож Лоредано скончался в возрасте восьмидесяти пяти лет, и его смерть искренне оплакивали, его похороны и погребальная процессия в церкви Санти Джованни э Паоло отличались даже большей величественностью и торжественностью, чем обычно; его надгробие, находящееся справа от алтаря, должно было быть великолепным — несмотря на то, что пришлось прождать еще полстолетия, прежде чем работы по его сооружению были окончательно завершены.

Надо сказать, избрание Антонио Гримани был необычным выбором. Начать с того, что ему было восемьдесят семь лет — старейший дож, которого когда-либо возводили на престол в Венеции; во-вторых, его репутация была крайне запятнана, когда в 1499 году, заслуженно или нет, он был обвинен из-за захвата Лепанто турками*. После трех лет изгнания в Далмации он нашел убежище в Риме, где кардинальская шапка его сына, купленная много лет

---

* Обещание (promissione) Гримани, которое теперь находится в Британском музее, представляет особенный интерес, так как оно положило конец обычаю почти такому же древнему, как и сама республика, в соответствии с которым дож при своем вступлении в должность дарил диких птиц каждому члену магистрата. Когда спустя годы количество членов магистрата значительно увеличилось, а местная фауна сократилась, стало все труднее следовать этому обычаю. Было решено, что Гримани и его преемники вместо птиц будут раздавать специально выпущенные монеты, также известные как «oselle», в память птиц, которых эти монеты заменили.

назад за 30 000 дукатов, без сомнения, оказалась весьма полезной, благодаря этому Гримани получил доступ к папскому двору и возможность оказывать республике небольшие дипломатические услуги. Таким образом он постепенно снова вошел в милость и в 1509 году большинством голосов в Большом совете (1365 против 100) был призван обратно в Венецию и удостоен должности прокуратора собора Сан Марко, в качестве которого на свои личные средства организовал восстановление кампанилы, и именно при нем колокольня впервые приобрела зеленую пирамидальную крышу и, соответственно, свои нынешние формы*.

Однако настоящая причина избрания старого Антонио дожем, скорее всего, заключалась в очевидном желании сохранить поддержку весьма влиятельного в Риме кардинала. Меньше чем месяц назад папа заключил новый союз с императором, и хотя венецианцы не считали, что находятся в непосредственной опасности, с их стороны было бы глупостью в такой момент отважиться на противодействие своему наиболее ценному союзнику при папском дворе, которого многие довольно оптимистично рассматривали в качестве возможного преемника Льва X на престоле святого Петра.

К несчастью для Венеции, события развивались слишком быстро, чтобы она могла извлечь хоть какую-то выгоду из избрания Гримани. Ранней осенью 1521 года объединенная армия папы и императора выступила в поход. В отсутствие какого-либо сопротивления со стороны французов она легко прошла через Ломбардию, 19 ноября захватив Милан, а затем стремительно захватив подряд Лоди, Парму, Павию и Пьяченцу почти без единого выстрела. После этого 1 декабря 1521 года папа Лев X скончался от

---

*Сегодняшняя кампанила, однако, не является оригиналом. Башня обрушилась 14 июля 1902 года и была восстановлена почти в том же виде в 1912 году.

внезапной лихорадки, которой заболел, возвращаясь с охоты. Будучи флорентийцем и членом семейства Медичи, Лев всегда сохранял традиционную враждебность по отношению к Венеции; венецианцы в ответ от всей души его ненавидели, и новость о смерти папы весь город воспринял с восторгом. Сануто описывал это как «miraculosa e optime nuova» («чудесную добрую весть»); он писал, что праздник был такой, как если бы республика одержала великую победу или как если бы умер турецкий паша, так как Лев был погибелью христианства. Но веселье закончилось достаточно быстро, когда стало известно имя преемника: им стал не их соотечественник кардинал Доменико Гримани, как надеялись венецианцы, но человек, который не мог быть никем иным, как императорской марионеткой, — голландец Адриан Утрехтский, который был наставником императора и в то время даже являлся императорским наместником в Испании. Надежда появилась снова, когда в следующем году Адриан умер; но поводов для ликования стало еще меньше, когда последовавший в ноябре 1523 года конклав отдал голоса еще одному Медичи — двоюродному брату Льва X, Джулио, который принял имя Климента VII.

К тому времени дож Антонио Гримани тоже сошел со сцены — хотя успел дать своим подданным серьезный повод сожалеть, что они вообще его избрали. Это неудивительно, ведь он оказался нерешительным, медлительным и вскоре стал откровенно дряхлым. К сожалению, он также оказался упрямым, отказавшись от пожизненной пенсии в 2000 дукатов в год и пышных похорон, предложенных ему нетерпеливым сенатом в обмен на отказ от занимаемой должности. Единственным утешением было то, что, скорее всего, Гримани оставалось недолго; и весь город испытал чувство облегчения, когда 7 мая 1523 года венецианцы услышали, что он наконец испустил последний вздох. Он был похоронен как приличествовало его заслугам, в скромной церкви Сан Антонио ди Кастелло, которая почти три столетия спу-

стя была разрушена Наполеоном, чтобы освободить место для общественных садов*.

Преемник Гримани, Андреа Гритти, был значительно более впечатляющей фигурой. Высокий и красивый, он легко нес бремя своих шестидесяти восьми лет и похвалялся, что ни дня в жизни не болел. В молодости он сопровождал своего деда во время дипломатических миссий в Англию, Францию и Испанию, он свободно владел языками этих стран, а также латинским, греческим и турецким. Это последнее достижение было результатом затянувшегося пребывания в Константинополе, во время которого Гритти был арестован по обоснованному обвинению в шпионаже и заключен в тюрьму, избежав казни на колу только благодаря протекции визиря Ахмеда, своего близкого друга. Говорят тем не менее, что он был необыкновенно популярен как среди турок, так и среди европейской колонии, причем нескольких дам видели стоящими в слезах у ворот тюрьмы, когда Гритти туда вошел. Позднее он преуспел как на дипломатической, так и на военной службе — на гражданской должности — во время войны Камбрейской лиги. Он являлся действующим проведитором армии, когда 20 мая 1523 года его избрали дожем. Возможно, это удивительно ввиду его заслуг, но ему так и не удалось расположить к себе народ Венеции, который надеялся, что изберут его главного соперника, Антонио Трона, а потому толпа глухо и недружелюбно гудела: «Ум, ум, трум, трум», когда Гритти совершал церемониальный обход пьяццы Сан-Марко. Но ни тогда, ни потом его непопулярность не имела особого значения.

По-видимому, избиратели предпочли Андреа Гритти главным образом из-за его дипломатического опыта, по-

---

* Поэтому самая лучшая память об этом доже — два портрета, которые находятся в зале Четырех дверей во Дворце дожей. Один из них кисти Тициана — хотя закончен другим художником после смерти мастера и в большой степени отреставрирован. Другой подписан учеником Тициана, Джованни Контарини.

сколько его возвышение произошло в то время, когда республика была вовлечена в крайне деликатные переговоры с империей. Оказалось, что Карл V в качестве правителя очень отличался от своего деда — отличался не только богатством и огромностью владений, но характером и политическими устремлениями. «Господь поставил вас на путь, ведущий к всемирной монархии», — сказал его великий канцлер Меркурино де Гаттинара во время восшествия Карла на престол, и он никогда не забывал об этом. Дело было не в личном тщеславии императора, он полагал эту задачу священным долгом, исполнением божественного замысла, согласно которому христианский мир должен быть объединен политически и духовно под знаменем его империи. Тогда и только тогда христиане смогут изгнать вторгнувшихся неверных и, когда благополучно справятся с турками, направят объединенные силы против Мартина Лютера и его шайки еретиков.

Такова была цель, которой Карл посвятил свою жизнь, и по крайней мере в тот момент всемогущий Господь был на его стороне. За те четыре года, что Карл был на троне, его позиции неизменно усиливались за счет его главного соперника, короля Франции. Карл не только вернул Милан и Ломбардию; с помощью дипломатии ему удалось заручиться поддержкой английского короля ГенрихаVIII. Соглашение должно было быть скреплено его обручением с дочерью Генриха Марией — девочка, хотя ей было всего шесть лет, ранее была обручена с Франциском — и затем было подтверждено в Виндзоре, когда Карл лично приехал в Англию в 1522 году. В том же году войска Карла отразили новые атаки французов в Италии и захватили Геную. Тем временем в Риме один удобный папа сменился другим, который, будучи близким другом императора, обладая тесными связями с империей, обещал быть еще более податливым.

Венеции пришло время пересмотреть свою позицию. Ее союз с Францией все больше становился обузой, особенно с тех пор как недавняя триумфальная кампания импера-

тора прошла под громко звучащим повсюду лозунгом «освобождения Италии от тирании французов». С другой стороны, разногласия республики с империей было нелегко урегулировать. Даже колеблющийся, медлительный старый Максимилиан с большим трудом шел на компромисс в вопросах, касающихся владений, которые он считал принадлежащими империи. Карл, взойдя на престол, немедленно поднял несколько старых спорных вопросов, которые, как надеялись венецианцы, были благополучно забыты в Брюсселе в 1516 году. Переговоры упорно продолжались, и наконец 29 июля 1523 года, меньше чем через три месяца после избрания Гритти, Венеция заключила в Вормсе официальное соглашение с империей, в соответствии с которым в обмен за уплату 200 000 дукатов в течение восьми лет она могла сохранять все бывшие имперские земли в своем владении. Каждая из сторон согласилась защищать итальянские владения друг друга, кроме того случая, когда в роли агрессора выступал папа; каждая из сторон обещала обеспечить охранные грамоты подданным друг друга, со свободой торговли и проживания. Сверх того Венеция взяла на себя обязательство послать в любое время, если потребуется, двадцать пять галер для защиты Неаполя, за исключением того случая, когда эти галеры понадобятся республике для войны с турками. Поручителями для соглашения — которое было также подписано Франческо II Сфорца, сыном Лодовико иль Моро, которому император обеспечил трон Милана, — должны были совместно выступить папа и Генрих VIII, они оба были лично приглашены присоединиться к нему.

Затем, возможно не без некоторого смущения, дож написал королю Франции. Венеция, объяснял он, была вынуждена заключить соглашение, потому что не прибыли французские войска, без которых она не может надеяться выстоять в одиночку. Она также хотела уважить неоднократно повторяемые пожелания папы о всеобщем мире в Европе. Поэтому Франциск ни в коем случае не должен понимать это новое развитие событий как враждебный акт;

наоборот, дружба между двумя странами осталась неизменной, во всяком случае со стороны Венеции. Самое последнее, чего может желать республика, так это любого возобновления военных действий между силами христианского мира в то время, когда воинство неверных становится сильнее и с каждым часом все более угрожает Восточной Европе.

По крайней мере здесь Андреа Гритти не погрешил против истины. В течение сорока двух лет со смерти Мехмета Завоевателя Венеция находилась в состоянии войны с Османской империей только четыре года — с 1499 по 1503 — и в значительной степени потому, что миролюбивый султан Баязет ощущал угрозу. Даже после того, как Баязет уступил трон своему сыну Селиму Жестокому в 1512 году, временное затишье продолжалось — насколько это касалось Европы — так как Селим, к счастью, посвятил бóльшую часть своей немалой энергии задаче объединения своих мусульманских владений на Востоке. Через восемь лет Селиму наследовал его первенец Сулейман — который вскоре стал известен как Великолепный — и ситуация сразу же изменилась. Сулейман не терял времени. В 1521 году он успешно осадил крупную венгерскую пограничную крепость Белград и в следующем году направил многочисленные войска на Родос, где более двух столетий рыцари ордена Святого Иоанна сохраняли государственную независимость и где постоянно воевали с турецким флотом. Однажды, сорок лет назад, рыцари уже пережили турецкое нападение и после героического сопротивления в конце концов изгнали захватчиков обратно на материк; но на этот раз их старые враги были слишком сильны. 21 декабря 1522 года после затяжной осады и только ради гражданского населения рыцари капитулировали в обмен на обещание, что им будет позволено безопасно уйти с острова — обещание, о котором позднее Сулейман имел основания пожалеть, так как это дало рыцарям возможность в течение десяти лет

создать новое государство на Мальте, — и к концу года родосцы покинули остров.

С политической и стратегической точки зрения падение Родоса имело не слишком большое значение для Европы в целом. Рыцари никогда не являлись главной силой Средиземноморья. Действуя со столь малой базы, они никогда не были в состоянии снарядить флот, по масштабу сопоставимый с мощными флотами Венеции, Генуи или Османской империи. Большую часть своих сил и средств рыцари так или иначе отдавали медицине — в течение более чем столетия госпиталь на Родосе считался лучшим в христианском мире, — а их военные операции по большей части ограничивались набегами на турецкие порты и нападениями на турецкие суда: скорее легкое раздражение, чем серьезная угроза. Если бы у рыцарей не было неприступного острова, они не продержались бы столь долгое время. Тем не менее рыцари-иоанниты были благочестивы, решительны и потрясающе отважны; они были собраны из всех уголков Европы; и вести об их падении были повсюду восприняты со смятением, совершенно не соответствующим их политическому значению. Возможно, лишь среди венецианцев отклик был не только эмоциональный. Для них поражение рыцарей было знаком. Родос пал, а насколько дольше удастся республике удержать свои оставшиеся колонии на Южных Спорадах? Или на Крите, или на Кипре? Как долго амбиции Сулеймана будут ограничиваться Эгейским морем? Венецианцы знали, что скоро он обратит свой взор на Адриатику.

Но Венеция не могла сражаться с турками в одиночку, и Карл V тоже не мог сражаться с ними, пока не был разрешен его спор с королем Франции. Этому конфликту суждено было продолжаться до 1529 года, хотя в дальнейшем Венеции и другим итальянским государствам отводилась в этом вопросе только относительно второстепенная роль. К тому времени ситуация в Европе стала полярной: оста-

лось место только для двух главных действующих лиц в центре политической арены. Венецианские войска не участвовали в великой битве при Павии в феврале 1525 года, когда Франциск I был взят в плен и отправлен в Испанию; и когда после его освобождения в следующем году папа Климент создал профранцузскую Священную лигу Коньяка в попытке сдержать растущее испано-германское могущество, Венеция поставила под ней свою подпись, и ничего больше. В мае 1527 года, когда мстительный Карл послал двадцатитысячную армию, состоявшую главным образом из немцев и испанцев, против самого Рима и город подвергся трехдневной резне, грабежу и крупномасштабному разорению памятников культуры, причем такой жестокости не видывали со времен нашествий варваров, Венеция даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь папе, своему союзнику. Действительно, настолько очевидно было ее безразличие, что она едва ли могла выразить недовольство, когда Франциск вследствие измены генуэзцев, которыми командовал знаменитый адмирал Андреа Дориа и которые перешли на сторону империи, согласился на сепаратный мир. Соглашение было заключено в Камбри в августе 1529 года, и, поскольку о нем договаривались французская королева-мать и Маргарита Австрийская, тетка императора, оно именуется в истории Paix de Dames (Дамский мир). По условиям этого соглашения король Франции официально отказывался от всех своих притязаний в Италии, а также от суверенных прав на Артуа и Фландрию. В обмен он получал обещание от Карла не добиваться силой Бургундии. Союзники Франции по Священной лиге Коньяка совершенно не принимались в расчет и, таким образом, впоследствии были вынуждены принять условия, которые в конце того года Карл им навязал — в частности, Венеция по этим условиям должна была отказаться от всех своих оставшихся владений в Апулии в пользу испанского королевства Неаполь.

Это было горькое и постыдное соглашение для тех, кто считал, что король Франции предал их. Но зато оно восста-

новило мир в Италии и положило конец долгому и трудному периоду ее истории — периоду, который фактически начался с вторжения Карла VIII в 1494 году и не принес итальянцам ничего, кроме разорения и разрушения. Еще дважды, ненадолго, в 1536–1537 и 1542–1544 годах, два великих соперника вступали в конфликт; но к тому времени борьба была уже не столь яростной, и уже не могло быть сомнений, что император вышел победителем.

Но не только он один. Сулейман Великолепный в полной мере извлек пользу из разногласий в стане его врагов, чтобы продолжить безжалостный натиск на Европу. В 1526 году, пока папа Климент угрожал Карлу V Священной лигой Коньяка, а Франциск I договаривался об условиях своего освобождения из испанского плена, огромная турецкая армия надвигалась на Венгрию; и 29 августа того года близ Мохача она нанесла венграм самое тяжелое поражение в их истории. Двадцатитрехлетний король Лайош II пал на поле боя, и писатель-современник описывал, как день и ночь спустя воды Дуная вышли из берегов из-за многочисленных людских и лошадиных тел. Дальнейшее сопротивление было невозможно; не прошло нескольких дней, как знамя с турецким полумесяцем развевалось над Будой. Эрцгерцог Фердинанд, брат Карла и императорский наместник в Австрии, действовал быстро: венгерская знать избрала его королем, и он сумел сохранить примерно треть бывших венгерских владений. Остальные достались Сулейману.

Теперь Вена была в серьезной опасности: и три года спустя, в мае 1529 года, Сулейман возобновил наступление во главе еще большей армии. Тем временем Фердинанд готовил город к самой страшной осаде за всю его историю. Стены были укреплены, ветераны вновь созваны под знамена, чтобы усилить гарнизон; постоянные потоки повозок и телег, груженных зерном, оружием и боеприпасами, стекались в Вену из всех уголков Австрии и Германии. И тем не менее, пока турки продвигались в глубь Европы, немногие

христиане верили, что эти меры хоть как-то помогут сдержать османский натиск.

Но Вена устояла благодаря погоде. Лето 1529 года в Центральной Европе оказалось наихудшим на памяти живущих. Из-за непрекращающихся дождей реки вышли из берегов и затопили дороги и мосты, уничтожили урожай, на который турки рассчитывали во время долгого похода. В результате путь из Константинополя занял на шесть недель больше, чем предполагалось, и только 27 сентября султан наконец разбил лагерь под стенами города. В лучшем случае ему оставался всего лишь месяц подходящего для войны времени — месяц, чтобы заставить сдаться один из самых укрепленных городов Европы. На деле оказалось, что у него было даже еще меньше времени. Вместо мягкого бабьего лета погода все более ухудшалась; на вторую неделю октября дожди сменились снежными бурями; и 14 октября Сулейман отдал приказ отступить на зимние квартиры в Белград. Следующей весной он решил, вопреки всем ожиданиям, не возобновлять наступления и вместо этого вернулся на Босфор.

В то время как султан двигался на Вену, Карл V был на пути в Италию, чтобы заключить необходимые формальные мирные договоры, вытекающие из условий Дамского мира, и короноваться императорским венцом. Коронация не была обязательной церемонией; несколько предшественников, включая его деда Максимилиана, вполне обошлись без нее, да и сам Карл вот уже десять лет занимал трон без этого окончательного подтверждения своей власти. Тем не менее оставалось фактом, что до тех пор, пока папа не возложит корону на его голову, формально Карл не мог называть себя императором. Для человека, одержимого идеей, что он выполняет божественную миссию, и титул, и церковное таинство были одинаково важны.

По обычаю императоры короновались в Риме; однако после высадки в Генуе в середине августа Карл получил известия о турецком нашествии и сразу же решил, что в та-

кое время путешествовать настолько далеко в глубь полуострова было бы неразумно. Дело было не только в продолжительности поездки, но и в том, что, уехав слишком далеко, он мог бы оказаться опасно отрезанным в случае турецкого наступления. К папе Клименту поспешили гонцы, и было решено, что в подобных обстоятельствах церемония должна быть проведена в значительно более доступной Болонье, которая все еще оставалась под сильным папским контролем. Даже тогда сохранялась неопределенность: на пути в Болонью в сентябре Карл получил срочный призыв от Фердинанда и почти отказался от своих коронационных планов, чтобы мчаться на помощь брату. Только после долгих размышлений он наконец решил, что поступать таким образом не имело смысла. Он мог достичь Вены лишь к тому моменту, когда город был бы уже взят, или султан отступил бы на зиму; и в любом случае тех небольших сил, что были с ним в Италии, было бы недостаточно, чтобы перетянуть чашу весов.

Итак, 5 ноября 1529 года Карл V официально вступил в Болонью, где перед собором Сан Петронио его встречал папа Климент. После короткой церемонии приветствия оба удалились в палаццо дель Подеста, через площадь. Для них были приготовлены апартаменты по соседству; слишком много надо было сделать, много нерешенных вопросов надо было обсудить и разрешить, прежде чем могла бы состояться коронация. В конце концов прошло всего два года, с тех пор как Рим был разграблен имперскими войсками, а сам Климент был фактически пленником Карла в замке Сант-Анжело; так или иначе, дружеские отношения нужно было восстановить. Затем нужно было составить отдельные мирные договоры со всеми бывшими итальянскими врагами империи, самыми значительными из которых, помимо самого Климента, являлись Венеция, Флоренция и Милан. Только когда повсюду на полуострове установился бы мир, Карл счел бы справедливым преклонить колени перед папой, чтобы получить императорскую корону. Дата коронации была назначена на 24 февраля 1530 года, и приглаше-

ния были разосланы всем христианским правителям. Карл и Климент отвели себе чуть менее четырех месяцев на урегулирование будущего Италии.

Император имел преимущество. Безусловно, ни одно из итальянских государств не было в состоянии отклонить любые условия, какие он пожелал бы навязать. Однако его целью было установить мир не временный, но продолжительный, чтобы только иметь возможность сосредоточить внимание, как свое, так и всего христианского мира, на турецкой угрозе. И Карл был полон решимости идти на уступки где только возможно. По договору, который он заключил с Венецией 23 декабря, республика была обязана — вполне ожидаемо — вернуть Трани, Монополи и другие города и земли в Апулии Неаполитанскому королевству, принадлежавшему Карлу; и, в качестве подачки папе Клименту, вернуть бывшие папские города Равенну и Червию святейшему престолу. Однако эти территориальные потери не нанесли серьезного ущерба благополучию республики. В областях, которые действительно имели значение, — в Ломбардии, Фриули и Венето — все ее владения были подтверждены; но она с некоторой горячностью протестовала, когда Карл предложил возвести на миланский трон Алессандро де Медичи, и император фактически согласился восстановить на троне Франческо Сфорца (несмотря на то, что тот доблестно сражался на стороне французов), настояв лишь, чтобы в замке в центре города по-прежнему находились испанские войска.

Столь же успешно были заключены соглашения со всеми остальными государствами Италии, с которыми империя имела разногласия, — за исключением одного. Два года назад, в 1527 году, флорентийцы в очередной раз подняли восстание против Медичи и изгнали их из города. Это было отважным, если не безрассудным, решением — поступить таким образом в то время, когда представитель этой всем ненавистной семьи занимал папский престол, и папа Климент, твердо намеренный не оставлять мятеж безнаказанным, не оставил Карлу никаких сомнений, что без твердо-

го обещания послать войска, чтобы вернуть Флоренцию под контроль Медичи, император может забыть обо всех своих планах насчет коронации. Сначала Карл надеялся мирным путем убедить флорентийцев капитулировать; но воспоминания о Савонароле были еще слишком свежи в их умах, за их защитные укрепления отвечал Микеланджело, и они были полны решимости сражаться. Со вздохом Карл принял неизбежное: если для успеха его политики в Италии нужно было пожертвовать Флоренцией, значит, эта жертва будет принесена.

Все остальные проблемы оказались вполне разрешимыми, и задолго до дня, назначенного для великой церемонии, Карл заложил основы общеитальянского союза — союза, который свидетельствовал о том, что имперское могущество, не имеющее себе равных за прошедшие века, простирается на всю Италию. Правда, этот союз базировался скорее на добровольном дипломатическом объединении, чем на феодальном праве; но тем не менее он был реален. Итак, мир был подписан*; Священная лига Коньяка, созданная папой Климентом, и разграбление Рима, устроенное Карлом, были забыты или, по крайней мере, о них перестали говорить; и 24 февраля 1530 года в соборе Сан Петронио Карл был сначала миропомазан, а затем принял из рук папы меч, державу, скипетр и, наконец, корону Священной Римской империи. Церемония была немного омрачена, когда временный деревянный мост, соединяющий храм с палаццо Подеста, обрушился, пока его пересекала императорская свита. Правда, быстро выяснилось, что из множества пострадавших никто не получил серьезных увечий, и праздничное настроение быстро восстановилось, а торжества продлились до поздней ночи.

Это была великолепная церемония, но она была бы более торжественной, если бы хоть кто-нибудь из участников знал, что подобное действо было последним в своем роде.

---

* Довольно неожиданно, что это событие отражено на картине Марко Вечеллио в зале Совета десяти во Дворце дожей.

Священная Римская империя была основана, когда на Рождество 800 года н. э. папа Лев III возложил императорскую корону на голову Карла Великого. С тех пор идея папской коронации была неотъемлемой частью самой империи, и много римских королей рисковали своей жизнью, чтобы получить это последнее подтверждение их притязаний. Для некоторых из них сложное путешествие оказалось слишком рискованным в существующих политических условиях; но эти короли, хотя и занимали трон де-факто, никогда не могли называться императорами де-юре. Теперь, с коронацией Карла V, семисотлетняя традиция подошла к концу. Империя еще не прекратила своего существования; но никогда более корона империи не будет получена, даже символически, из рук наместника Христа на земле.

Часть четвертая

ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ

Но час настал роскошного заката —
Ни прежней славы, ни былых вождей!
И что ж осталось? Горечь и расплата.

Мы — люди! Пожалеем вместе с ней,
Что все ушло, блиставшее когда-то,
Что стер наш век и тень великих дней*.

Вордсворт. На угасание
Венецианской республики. 1802

* Перевод В. Левика.

Глава 35

МИР
(1530–1564)

Эти истрепанные петухи взяли в жены море, которому они — мужья, а турок — любовник.

Жоашен Дю Белле

На полуострове установился мир — по крайней мере по итальянским стандартам; и хотя этот мир был заключен путем переговоров императора и папы и вся Италия все еще находилась под тенью имперского орла, Венеции удалось не только сохранить политическую независимость, но даже целостность своих владений на материке. Что еще более поразительно, всего этого она достигла только с помощью дипломатии. За последние четырнадцать лет, несмотря на несколько договоров и союзов, в которые республике пришлось вступать под давлением обстоятельств, она избежала участия в военных действиях. Мир лучше служил ее интересам, нежели война, и она была решительно настроена сохранять этот мир всеми средствами, какие только имелись в ее распоряжении.

Ясно, что задача была непростой. Франциск I, который вернулся в Блуа зализывать раны, был все еще молод и силен и никоим образом не собирался отказываться от своих итальянских претязаний. Теперь он с интересом следил за

стремительным распространением протестантизма в Германии, оценивая вероятность начала религиозных войн внутри империи, которые могли бы связать имперские армии, что позволило бы ему вернуть те земли по другую сторону Альп, которые он все еще считал своими по праву рождения. Сулейман Великолепный тем временем наступал по всем направлениям — на островах в Средиземном море, на побережье Северной Африки, на Балканах и в Центральной Европе. О большом союзе христианских держав, очевидно, речи не шло, а без этого на данный момент не было никакой надежды на эффективное военное сопротивление туркам. Единственной альтернативой казалась политика уступок, и к тому времени как Венеция выбирала тех, кто должен был представлять ее на коронации императора, другой ее посланник, Томмазо Мочениго, был уже на пути в Константинополь, чтобы еще раз убедить султана в неизменном уважении республики и осыпать его подарками по случаю обрезания сына султана.

Но хорошие отношения с Сулейманом всегда было нелегко поддерживать, и прежде всего для Венеции. Османский флот разрастался до все более угрожающих размеров; Восточное Средиземноморье кишело турецкими кораблями; и поскольку многими из них командовали корсары, такие как прославленный Хайреддин Барбаросса, которому не было дела до соглашений и перемирий и который просто нападал на христианские суда, где бы их ни встретил, столкновения были неизбежны. Один из особенно смущающих инцидентов произошел в ноябре 1533 года, только восемь месяцев спустя после того, как Венеция наотрез отказалась присоединиться к антитурецкому альянсу, к которому примкнули папа, император и некоторые другие итальянские государства, так как она слишком хорошо знала, что с теми силами, что были в их распоряжении, союзники могли бы только понапрасну разъярить Сулеймана. И вот в такой ситуации молодой венецианский капитан, Джироламо да Канале, выследив потенциально враждебную турецкую эскадру в критских водах, потопил два из ее

кораблей и захватил пять остальных. В прежние времена на этом дело бы закончилось, но теперь положение вещей изменилось. Венеция в панике немедленно отправила дополнительных послов в Порту, чтобы принести свои извинения и предложить возмещение убытков. Вопрос, что делать с самим да Канале, был сложным, так как его повсеместно объявили героем. Но как раз в этот момент он умер, подозрительно внезапно, на острове Занта*.

Из-за этой же политики уступок Венеция отказалась поддержать другие мелкомасштабные операции, предпринятые против турок, такие как недолгий захват Туниса имперским флотом под командованием генуэзского адмирала Андреа Дориа в 1535 году. Для Карла V все эти приключения были очень хороши: он всегда мог при желании отойти, отступив в свои сухопутные крепости. Республика же, в отличие от него, находилась на передней линии, она все еще владела несколькими средиземноморскими факториями, жизненно важными для ее интересов, дальнейшее сохранение которых всецело зависело от сохранения расположения султана.

Возможно и так, мог бы ответить Карл, но как это расположение нужно было поддерживать? Здесь, как венецианцы слишком хорошо знали, от них мало что зависело. Сулейман мог напасть на них в любое время, как только бы ему захотелось; и раньше или позже Венеции пришлось бы защищаться.

Два года спустя, в 1537 году, этот момент настал. Многое произошло за это время. В октябре 1535 года Франческо II Сфорца, миланский герцог, умер, не оставив потомства; король Франции немедленно предъявил претензии на герцогство от имени своего сына, Генриха Орлеанского; брат императора Фердинанд, король Римский, поступил так же, выступив от имени одного из своих отпрысков; и к следую-

---

* Предусмотрительно выждав, его сын установил ему памятник в церкви Санти Джованни э Паоло — высоко на стене в северо-западном углу.

щему лету два старых врага снова вступили в войну. Армия под личным командованием императора пересекла французскую границу и прошла в глубь Прованса, осадив Арль и Марсель и опустошив страну на своем пути — следы разорений и грабежей были сопоставимы с бесчинствами отступающих французов. Но потом ход событий изменился. Дизентерия вспыхнула в рядах имперской армии и продолжалась, пока больше половины имперских солдат не умерли или не потеряли боеспособность. Остатки войска, постоянно преследуемые французской кавалерией, отступали как могли, и к концу сентября продлившийся всего два месяца первый этап войны закончился громкой победой Франции.

Венеция изо всех сил пыталась быть посредником, но когда ее попытки не удались, она не приняла участия в военных действиях. Однако следующий шаг Франциска должен был неминуемо вовлечь республику в войну. Он заключил секретное соглашение с Сулейманом, согласно которому французы должны были начать новую кампанию против империи во Фландрии, тем самым оттянув большую часть имперских войск, в то время как османская армия одновременно вторгнется дальше в Венгрию, а кроме того, французский флот соединится с турецким под командованием Барбароссы для совместной операции против королевства Неаполь. Для венецианцев перспектива войны у входа в Адриатику была достаточно нежелательной; еще больше они были напуганы прибытием посла султана с предложением республике присоединиться к этому новому союзу.

Предложение султана было тщательно обдумано. Если бы Венеция приняла его, то при ее активном содействии он занял бы несокрушимые позиции в Центральном Средиземноморье, откуда впоследствии мог бы поставить республику на колени; если бы она отказалась от союза, это дало бы султану удобный предлог для немедленного нападения. В конечном счете ее согласие должно было бы показаться Сулейману более вероятным; после яркого подтверж-

дения несогласия в христианском мире, которое он недавно получил, она могла принять любое решение. В любом случае он ничего не терял.

С другой стороны, дож Гритти и его советники теперь находились в очень затруднительном положении. Очевидно, еще раз дать втянуть себя в войну с империей было немыслимо; однако отказ от предложения султана мог навлечь месть с его стороны — для чего на тот момент Сулейман располагал особенно удобными позициями, — и этого венецианцы предпочли бы избежать. Таким образом, они отправили ответ, настолько любезный и уклончивый, насколько смогли придумать. Тем временем генерал-капитану Джироламо Пезаро были посланы срочные указания избегать любых стычек с французскими или любыми другими иностранными кораблями, особенно с турецкими, за исключением ситуации, угрожающей безопасности самой Адриатики.

Ответ султана не заставил себя ждать. Первыми пострадали венецианские купцы в Сирии, которых он обложил новым десятипроцентным налогом на все товары. Следующими были корабли республики, которые систематически подвергались нападению любого турецкого корабля, который им встречался. Венецианские моряки неизбежно оказывали сопротивление, и прошло совсем немного времени, прежде чем Сулейман обвинил Венецию в несправедливом нападении и объявил войну. Вскоре после этого — к концу августа 1537 года — османский флот появился у Корфу. Теперь настала очередь Венеции взывать о помощи. Остров был венецианской колонией с 1386 года и, после того как республика потеряла два порта, Модону и Корону, в 1499 году, являлся особенно важной военно-морской и торговой базой на юге Адриатики. Ввиду близости к Неаполитанскому королевству его стратегическая ценность для Испании и империи была почти так же велика. Тем не менее эти державы не только не ответили на призыв венецианцев о помощи, но более того, имперский флот под командованием знаменитого кондотьера-адмирала Андреа Дориа, который

курсировал поблизости, как ни удивительно, ушел в Геную. Оправданиям Дориа, что он не мог вступить в битву без указаний императора, никто не поверил. Венецианцы отлично знали, что, будучи генуэзцем, он всегда их ненавидел и никогда не оказал бы им помощи, будь у него хоть малейший предлог. Они остались одни перед лицом врага.

К счастью, Корфу имел мощные укрепления. Город, расположенный на полпути к восточным берегам Средиземного моря, находился, как и в настоящее время, позади и ниже высокой крепости, венчающей скалистый мыс, который выдается еще дальше в восточном направлении, к берегам Албании, и господствующей над сушей и над морем. В крепости был гарнизон — 2000 итальянцев и примерно столько же корфиотов, а также экипажи с тех венецианских кораблей, что в это время находились в порту. Пища и боеприпасы были в изобилии; боевой дух был высокий. Это было необходимо, поскольку теперь защитники обнаружили, к своему ужасу, что им не просто предстоит выдержать нападение с моря, но что против них будут вестись совместные боевые действия морских и сухопутных сил, тщательно спланированные и широкомасштабные. 25 августа турки высадили 25 000 человек и тридцать орудий в деревне Патара, приблизительно в трех милях от города, и через пять дней к ним прибыло значительное подкрепление. Местные крестьяне и простые граждане подверглись ужасающему разорению; но крепость, несмотря на постоянный обстрел турецкой артиллерии с суши и с моря и несколько попыток штурма, так или иначе устояла. Потом, к счастью, пошел дождь. Корфу всегда был знаменит свирепыми бурями, но те, что обрушились на остров в начале сентября 1537 года, казалось, были исключительными даже по местным меркам. Артиллерия застряла в грязи, ее невозможно было сдвинуть с места; дизентерия и малярия бушевали в турецком лагере. После всего лишь трех недель осады 15 сентября османская армия погрузилась на корабли, оставив торжествующий, но еще не совсем поверивший своей удаче гарнизон праздновать победу.

Но война была не окончена. Флот Барбароссы был все еще боеспособным, а другие средиземноморские порты и острова, которые оставались в руках венецианцев, не были столь удобны для обороны, как Корфу. Многие из них, хотя теоретически находились под защитой республики, фактически управлялись венецианскими семействами, у которых не было возможности отразить сколько-нибудь продолжительное нападение. Один за другим они сдавались: Навплия и Мальвазия на восточном побережье Пелопоннеса, затем острова Скирос, Патмос, Эгина, Иос, Парос, Астипалайя — все они находились значительно ближе к Турции, чем к Венеции, чей флот к тому времени был почти полностью заблокирован множеством турецких кораблей в узких проливах Адриатики.

Победа при Корфу уже ничего не значила; теперь каждая неделя приносила известия о новых поражениях, новых потерях. Сулейман снова перешел в наступление; и европейские державы, несмотря на все их планы и обещания, оказались неспособны создавать союзы, которые существовали бы не только на бумаге или не были бы заражены взаимными подозрениями и мелкими ссорами, еще не успев воплотиться в жизнь. Летом 1538 года одна такая попытка, предпринятая Венецией, папой и императором со всем пылом начинающегося крестового похода и таким неистовым оптимизмом, что участники, как ни удивительно, строили далеко идущие планы разделить Османскую империю между собой, закончилась не так, как они воображали — взятием Константинополя, но печальным разгромом при Превезе, турецкой крепости на побережье Эпира, где 1569 лет назад произошла битва при Акции. Именно там Андреа Дориа, неохотно поддавшийся уговорам вернуться на арену военных действий, медлил и уклонялся, всячески препятствуя своему венецианскому коллеге на каждом шагу, пока битва не была проиграна. Так как он не был ни трусом, ни глупцом, единственно возможными объяснениями его поведения можно считать вероломство или преднамеренный злой умысел. Как бы ни

было на самом деле, он был косвенно виновен в гибели семи венецианских галер. Турки же, напротив, вовсе не понесли потерь.

Удача почти совсем отвернулась от Венеции, когда поздней ночью 28 декабря 1538 года дож Андреа Гритти умер в возрасте восьмидесяти четырех лет — говорили, что от неумеренного потребления жареных угрей в сочельник. Он всегда был сластолюбцем; еще перед его выборами сенатор Альвизе Приули слышал ропот: «Мы не можем сделать дожем человека, у которого три бастарда в Турции». И если записи современников заслуживают доверия, впоследствии он должен был произвести на свет по меньшей мере еще двоих, одного от монахини по имени Челестина. Возможно, это была единственная причина, почему он никогда не пользовался настоящей любовью подданных. Хотя они были многим ему обязаны — как за его юношеский героизм на полях сражений, так и за более поздние дипломатические успехи, которые принесли венецианцам многие годы мира. Даже на закате своей жизни, в 1537 году, он три дня выступал в сенате против вступления в войну с султаном, но его предложение отклонили перевесом в один голос. Незадолго до этого Гритти добивался официального разрешения отказаться от должности и спокойно удалиться на пенсию в великолепный палаццо, который он построил на площади Сан-Франческо делла Винья*. (Но когда он понял, что война неизбежна, то отказался от своей просьбы.) Он был похоронен с пышностью и церемонностью, которые так любил всю свою жизнь, в церкви Сан Франческо делла Винья, постройка которой была завершена Сансовино всего

---

* Палаццо сохранился до сих пор и находится на западной стороне площади. В 1564 году он был куплен государством и подарен папе в качестве резиденции для папского нунция; позднее, в XIX столетии, здание перешло к францисканцам, которые построили верхнюю галерею, опирающуюся на колоннаду, чтобы соединить здание с их монастырем.

четырьмя годами ранее, и здесь его могила находится до сих пор, слева от главного алтаря*.

К этому времени было ясно, что Венеция должна договариваться с султаном о мире на любых условиях; и одним из первых действий преемника дожа Гритти, семидесятисемилетнего Пьетро Ландо, было отправление полномочного посла в Константинополь. Из всех недавних потерь наибольшим уроном для республики была потеря Навплии и Мальвазии, ее последних факторий в Пелопоннесе; и посол Томмазо Контарини получил инструкции попытаться включить в мирное соглашение возвращение этих двух портов, ради чего республика была готова выплатить непомерно большой выкуп — сумму в 150 000 дукатов для начала, которую затем можно было повысить до 300 000 дукатов, если султан окажется особенно упрямым. Эта последняя сумма по любым стандартам была огромной, и венецианцы думали, что Сулейман — у которого появились новые дела на востоке, и было известно, что он не расположен заключать хотя бы перемирие в западных водах — будет счастлив так просто получить столь немалые деньги. Оказалось, что это совсем не так, и Венеция наконец была вынуждена в октябре 1540 года согласиться на договор на условиях гораздо более жестких, чем когда-либо рассчитывала. 300 000 дукатов, которые она предложила, были взысканы с нее в качестве обычных репараций, но не шло и речи о возвращении Навплии, или Мальвазии, или любого другого владения, которого она лишилась за последние три года. Также в будущем венецианским кораблям не разрешалось заходить в турецкие порты или покидать их без разрешения. Затем следовало десятка два или больше второстепенных пунктов, каждый из которых, казалось, был рассчитан, чтобы причинить республике как можно больше беспокойства и унижения. Но к тому времени у Венеции не было выбора; и таков был печальный удел Пьетро Ландо, который четверть

---

* Хотя главная часть церкви работы Сансовино, ее фасад построен в 1568–1572 годах по проекту Палладио.

века назад отличился как один из самых лихих генерал-капитанов своего времени, — отдать еще одну часть левантийской земли своей республики.

В этот период венецианской истории стало слишком очевидно, что город вступил в пору своего заката — заката необратимого. Период роста владений миновал; наступило время их сокращения. Характер торговли быстро менялся, и даже если неблагоприятные экономические последствия еще не оказали настолько отрицательного воздействия, как опасались пессимисты, не было и серьезных оснований для оптимизма. Турки у ворот, их напор не ослабевает, их ненасытность очевидна; а христианский запад показал свою неспособность оказать им хоть какое-то согласованное сопротивление.

Тем временем правительство было на грани банкротства. Постоянно обсуждались способы получения денег, однако постоянно так или иначе для принятия необходимых решительных мер недоставало смелости. В 1537 году сумма неоплаченных долгов отдельных граждан казначейству была такой, что было предложено выбрать двадцать пять наиболее злостных неплательщиков и без дальнейших хлопот конфисковать все их имущество; но никаких действий не было предпринято, и Венеция вступила в новую разорительную войну, так и не собрав долгов. Два года спустя, когда финансовое положение в республике стало еще более тяжелым, чем когда-либо, мы наблюдаем, как сенат обсуждает не менее пяти разных чрезвычайных мер для пополнения казны: принудительные ссуды, подушный налог, десятина со всех доходов, налог на богатство и налог на землю. Все эти меры были тщательно обдуманы; но ни одна ни была осуществлена полностью. Из этого неизбежно следует, что правительство стало ленивым и неэффективным, не имеющим смелости предлагать какой-либо закон, который мог бы оказаться непопулярным. Еще хуже, оно стало проявлять признаки коррумпированности: через два года после заключения мира в 1540 году была обнаружена ис-

тинная причина несговорчивости Сулеймана относительно Навплии и Мальвазии. Братья Николо и Костантино Кавацца, двое высокопоставленных и пользующихся доверием государственных секретарей, один в сенате, а другой в Совете десяти, как выяснилось, находились на жаловании у короля Франции и передали ему секретные инструкции Контарини и его преемника — инструкции, включающие полномочия отказаться от всех претензий на эти два порта, если это будет абсолютно необходимо для того, чтобы добиться соглашения; и христианнейший король, не теряя времени, передал эту информацию своему новому союзнику, султану.

Всеобщий упадок нравов, похоже, охватил все население. Прежнее чувство гражданской ответственности исчезло. Венецианцы становились изнеженными. Богатство привело к роскоши, роскошь — к праздности, праздность — к вилости, даже когда враги угрожали государству. Это не мнение современных историков; это осознавали и признавали многие из венецианцев того времени.

> Раньше, — писал Кристофоро да Канале в 1539 году, — республика без посторонней помощи могла собрать многих и сформировать мощный флот, а сейчас она на это не способна; хотя наши сограждане едины и законопослушны, их теперешняя склонность к комфорту и процветанию такова, что ничто меньшее, чем жизненная необходимость, не заставит их подняться на галеру.

Процветание и изнеженность венецианцев, нерешительность и несостоятельность государства — таков был парадокс Венеции XVI столетия. Республика была не в согласии сама с собой. Даже во время голодных 1527 и 1528 годов, когда два лета подряд погиб урожай — в первое из-за непрекращающихся дождей и во второе из-за длительной засухи, — когда после серьезной вспышки чумы последовала еще более тяжелая эпидемия сыпного тифа и когда проблемы города еще больше усугубились наплывом беженцев, ко-

торые спасались от имперской армии во время ее смертоносного продвижения по полуострову в направлении Рима, даже тогда карнавал праздновался с неубывающим весельем, балы, маскарады и свадебные торжества были еще более роскошными, чем когда-либо. Были ли признак отчаяния в этих сумасшедших расходах и примесь истерии в этой бешеной погоне за удовольствием? Или же, иначе, во всем этом была холодная и фатальная логика, нашептывающая, что республика обречена и ее граждане хотя бы могут провести в удовольствиях то недолгое время, что им осталось?

Но можно ответить на этот вопрос по-другому: истина в том, что венецианцы были совершенно правы. Всякий раз, когда господствует закон сильного — и, безусловно, в Европе эпохи Возрождения так оно и было, — слабость должна быть замаскирована и любые особые дары, которые угодно было послать провидению, должны быть использованы в полной мере. Если бы Венеция допустила, чтобы любой явный признак ее экономической или же нравственной слабости стал очевиден и для окружающего мира, ее шансы на выживание катастрофически снизились бы. Так что она старалась не позволить этому случиться. Что же касается особых преимуществ, у Венеции их было три. Первый из них принадлежал Венеции по праву рождения — это не имеющее себе равных расположение в лагуне, изолированное и неприступное. Вторым, который в какой-то мере являлся следствием первого, было природное знание и понимание моря и всего, что имело к нему отношение. Третьим был талант к внешнему блеску напоказ.

Для Венеции было удачей, что, когда с закрытием ее торговых горизонтов постепенно уменьшилось значение ее второй особенности, она смогла извлечь больше выгод из третьего преимущества. Таким образом, на всем протяжении второй половины XVI века продолжалась неустанная работа по великолепному строительству, которую мы отмечали в начале столетия, и постоянные гости Венеции изумлялись, что даже после самого недолгого отсутствия они всегда, возвращаясь, находили город еще более ослепитель-

ным и процветающим. Особенно заметным изменениям подверглась пьяцца Сан-Марко. Хотя эта площадь давно считалась чудом света, ее только в 1504 году расчистили от последних деревьев и кустов, оставшихся с тех пор, как она была частью монастырского сада, — через год или два после завершения строительства Кодуччи Мауро Часовой башни и за десять лет перед тем, как было закончено восстановление колокольни. К тому времени Кодуччи начал работу по строительству Старых прокураций (Procuratie Vecchie), непрерывной линии зданий, которая формирует северную часть площади, они были открыты в 1532 году. Пять лет спустя, в 1537 году, в то время, когда турки тщетно обстреливали укрепления Корфу, Якопо Сансовино спроектировал прекрасную маленькую Лоджетту (Loggetta) около восточной стороны колокольни, которую предполагалось возвести одновременно с его огромной библиотекой, выходящей на Пьяццетту. И не раньше, чем этот его последний шедевр был закончен, Сансовино обратил внимание на Дворец дожей, где артели каменщиков уже половину столетия трудились над восточной пристройкой вдоль Рио ди Палаццо и к которому он теперь добавил Золотую лестницу (Scala d'Oro) и две громадных статуи, Меркурия и Нептуна, расположенных по бокам Лестницы гигантов (Scala dei Giganti). К 1586 году, когда Винченцо Скамоцци завершил постройку Новых прокураций (Procuratie Nuove) вдоль южной стороны пьяццы Сан-Марко, вид с западного конца был почти в точности таким, каким мы его знаем сегодня. В других частях города изменения были не менее значительны. Вдоль Большого канала к первым дворцам эпохи Возрождения, таким как восхитительный маленький палаццо Дарио работы Пьетро Ломбардо или более внушительный палаццо Вендрамин-Калерджи* работы Кодуччи, теперь присоединились другие, еще более величественные, как палаццо Корнер работы Сансовино и палаццо Манин** или

---

* Зимнее Казино, где в 1883 году умер Рихард Вагнер.

** Теперь здесь располагаются префектура и Банк Италии.

огромный палаццо Гримани, спроектированный Микеле Санмикели. Тем временем на двух главных ближайших к материку островах Венеции, к югу, появилась церковь Иль Реденторе (Христа Спасителя) и монастырь Сан Джорджо Маджоре, два храмовых шедевра Андреа Палладио.

Когда мы вспоминаем, что это также была Венеция Тициана, Тинторетто и Веронезе, что блеск искусства и архитектуры был отражен в богатстве одежды как аристократии, так и торговцев — богатстве, на которое, похоже, ни один закон, регулирующий потребление предметов роскоши, не оказал сколько-нибудь заметного влияния, — и что не проходило ни дня без какой-либо величественной процессии, официальной или нет, религиозной или светской, то начинаем понимать, какое впечатление производил этот блистательный город на всех, кто его видел. Циничные иностранные послы могли задаваться вопросом, что лежит за всем этим блеском и помпой; суровые лютеранские пасторы могли отводить глаза в отвращении к такой бесстыдной демонстрации роскоши и богатства; но город впечатлял всех без исключения. И для Венеции это было жизненно важно. Для удержания позиции в меняющемся мире она больше не могла рассчитывать ни на процветающую торговлю, ни на флот, ни на заносчивых и хвастливых кондотьеров прошлого столетия. Для выживания Венеции был необходим мир; а мир, в свою очередь, зависел от нейтралитета в борьбе, продолжавшей, как и всегда, разрывать Европу на части. Но нейтралитет было трудно сохранить под давлением, которому она все больше подвергалась со стороны императора и папы, французов и испанцев, австрийцев и турок. Сохранить нейтралитет можно было лишь с помощью самой искусной дипломатии; а дипломаты всегда должны говорить — или же делать вид, что говорят — с позиции силы.

Следовательно, Венеция больше чем когда-либо прежде нуждалась в уважении своих более сильных соседей; и в этом отношении никто не понимал лучше нее важность того образа, который она являла миру. Это не значит, что Вене-

ция прежде не украшала себя со всей возможной роскошью или когда-либо стремилась сэкономить на том, что способствовало бы ее славе, далеко не так. Блеск Венеции никак нельзя рассматривать как обман. Как любая выдающаяся красавица, она остро ощущала воздействие, которое ее красота производила на других, и использовала это в полной мере.

Нейтралитет, за сохранение которого дож Пьетро Ландо и его советники боролись так упорно и с таким трудом, был двойной: в продолжающейся, хотя к этому времени и неравной, борьбе Габсбургов и Валуа и в безнадежной битве против турок. Была, однако, и третья проблема, которая послужила причиной постоянно распространяющегося раскола в Европе, более серьезная в том смысле, что, как выяснилось, государственные границы не могли от нее оградить. Учение Мартина Лютера и его последователей уже раскололо Англию, Францию, Германию и те страны Центральной Европы, которые прежде были верны католическому Риму, нарастала волна насилия и гонений в масштабе, невиданном в Европе со времен альбигойских войн три столетия назад.

Естественные преграды оказались гораздо более эффективными. Протестантские доктрины пока в основном не имели успеха у населения земель за Альпами или за Пиренеями и, конечно, у венецианцев, которые никогда не нуждались в Лютере в качестве защиты от папских притязаний и по большей части не проявляли особого интереса к затронутым теологическим разногласиям. Однако папу Павла III это не убедило. Как все римляне того времени, он испытывал к Венеции глубокое недоверие; он знал, что в Виченце, которая была под властью Венеции, есть небольшая, но активная протестантская община; также его тревожили некоторые германские студенты в университете Падуи, которые, как он думал, способны распространять еретическую заразу всегда и везде, где только можно. Также он не забывал, что Венеция все еще являлась одним из главных центров печатного дела и книжного производства

во всем христианском мире и, таким образом, однозначно могла смущать — по своему желанию или по какой-нибудь другой причине — умы верующих.

Его подозрения были не вполне обоснованны. Венецианцы достаточно часто скрещивали мечи с папством по политическим причинам, и они никогда не допускали, чтобы религия главенствовала в их делах. Тем не менее они были добрыми католиками согласно своим принципам и были полностью готовы принять те активные меры против лютеранства, какие сочли бы нужными, так же как прежде они поступали с другими ересями. Однако венецианцы не выносили жестоких и разнузданных преследований. Уже в 1298 году, когда они впервые приняли представителя Святой инквизиции на венецианской территории, это было сделано только исходя из понимания, что он является скорее должностным лицом, в чьи обязанности входит расследование и изучение, чем судьей, который выносит приговор, и результаты его расследования всегда должны быть предметом для решений светской власти. Этого принципа венецианцы продолжали придерживаться вопреки усиливающемуся давлению папы, твердо отвергая все предложения, что подозреваемых еретиков следует отправлять в Рим для суда или наказания. Если такие люди были обнаружены на венецианской земле, их дела должны были разбираться в Венеции и судить их должны были венецианские судьи; так, и только так можно было гарантировать правосудие.

Вряд ли нужно говорить, что тем более не шло и речи о том, чтобы республика позволила втянуть себя в религиозную войну, так же как и в политическую. Когда в декабре 1545 года состоялся Тридентский собор, имевший целью определить политику Римской церкви по отношению к Реформации, Венеция, как и многие другие государства Европы, отправила посланцев, чтобы сообщать о его работе, но во всем остальном активного участия не принимала. Когда же последовала война и папа добивался, чтобы республика вступила в лигу, объединившую папу и императора против

протестантских государств Германии. Венеция категорически отказалась и, более того, препятствовала этой лиге как только могла. Просьбы разорвать отношения с протестантами также встретили отказ «не по религиозным причинам, но из государственных соображений», так как, утверждали венецианцы, протестанты действовали «больше в интересах личной свободы, чем религии».

Нет причины полагать, что венецианцы были более неискренни, чем обычно. У папы была обязанность защищать чистоту веры; никто в этом не сомневался. С другой стороны, император, при всем его искреннем благочестии, был глубоко озабочен одним из наиболее угрожающих последствий Реформации — тенденцией усиливать стремления к суверенитету многих земель в пределах империи; и этим стремлениям венецианцы всецело симпатизировали, поскольку сами так долго и тяжело сражались против имперских притязаний. Кроме того, среди западных держав Карл V оставался главной потенциальной угрозой Венеции; любое ослабление его позиций вряд ли бы вызвало у нее большое сожаление.

Таким образом, благодаря сочетанию искусной дипломатии и удачи Венеция смогла спокойно жить, и это был один из самых длительных периодов мира, какой только она могла припомнить, — период, во время которого, по словам одного из самых авторитетных французских знатоков ее истории, «история венецианцев течет, не отмеченная ни одним событием, достойным внимания потомков», как писал Дарю. Дож сменял дожа в стремительном и однообразном порядке: любитель искусства Франческо Дона в 1545 году, благочестивый Маркантонио Тревизано в 1553 году, эрудированный Франческо Веньер в 1554 году и, в июле 1556 года, Лоренцо Приули, чье отличие заключалось в том, что после долгой череды вдовцов или холостяков у Венеции появилась догаресса, впервые со времен Марко Барбариго семьдесят лет назад.

Правление Приули, хотя и омраченное голодным годом, последствия которого были только частично вытеснены тя-

желой эпидемией кори*, унесшей множество жизней, было в том, что касалось внутренней политики, таким же лишенным событий, как и правления его непосредственных предшественников. Но на европейской арене его недолгое пребывание на занимаемой должности ознаменовало конец эпохи: всего два месяца спустя после его выбора Карл V, передав империю своему брату Фердинанду, а все свои владения в Испании, Неаполе, Милане, Франш-Конте, Нидерландах и Америке — своему сыну Филиппу, сел на корабль во Флашинге, чтобы совершить свое последнее путешествие назад в Испанию, в маленький домик, приписанный к монастырю Юста в Эстремадуре, где ему суждено было преждевременно умереть в 1558 году. Он оставил после себя Италию такой же разрываемой раздорами, как обычно. Как раз когда он плыл по Ла-Маншу, испанская армия под командованием герцога Альбы продвигалась через папские владения: вторжение, ответом на которое вскоре будут 10 000 французов под командой герцога де Гиза, идущих на выручку папе. Венеция отказалась принимать участие во всех этих событиях, несмотря на побуждения со стороны Павла III, который предлагал вернуть республике ее старые земли в Апулии и даже подарить целый остров Сицилию, где Венеция никогда не владела ничем крупнее фактории. И в результате, когда Гизу внезапно было приказано вернуться, чтобы противостоять другому вторжению со стороны Испании во Францию, папа остался без союзников и был вынужден просить о мире.

Но старинная вражда между Валуа и Габсбургами приближалась к завершению. Она была окончательно прервана, достаточно неожиданно, не в Италии, а во Франции; и там, в Като-Камбрези, 5 апреля 1559 года был подписан постоянный договор о дружбе и союзе обеих сторон, этот договор в дальнейшем был скреплен браком, состоявшимся в июне, между Филиппом Испанским (который овдовел пос-

---

* Это, по крайней мере, представляется наиболее вероятным диагнозом на основе зафиксированных симптомов.

ле смерти королевы Марии Тюдор семь месяцев назад) и Елизаветой, четырнадцатилетней дочерью Генриха II Французского*. Но, в том, что касалось Италии, не было сомнения, какой из сторон принадлежала победа. Франция отступила, побитая, с поля боя. Меньше чем через три недели после свадьбы своей дочери Генрих II умер — от раны в глаз, полученной на турнире, — и в августе папа Павел III, чьи ярко выраженные антииспанские взгляды привели к вторжению Альбы три года назад, последовал за ним в могилу. Габсбурги победили; с этого времени их влияние на полуострове было главенствующим. Но также и за Альпами отречение Карла стало главным поворотным пунктом: с этого времени империя и Германия утратили свой авторитет и растворились на заднем плане; европейский центр тяжести переместился в Испанию.

Благодаря урегулированию франко-испанских разногласий дож Джироламо Приули, старший брат Лоренцо, сменивший его в ноябре 1559 года, обнаружил, что многие из постоянных проблем внешней политики, которые испытывала республика, исчезли. Но, однако, не все. Осталась Османская империя, как всегда, в качестве долговременной угрозы; к счастью, Сулейман был серьезно озабочен внутренней гражданской войной, вызванной несогласием среди его сыновей по поводу возможного наследования, в то время как большая часть его флота была целиком заня-

---

* Герцог Альба был представителем Филиппа не только на брачной церемонии, но также и во время консумации в ту же самую ночь. Венецианский посол, Джованни Микеле, сообщил своему правительству подробности:

«Королева легла на брачное ложе, вслед за ней вошел, освещенный множеством факелов, король, ее отец, в сопровождении герцога Альба. Этот герцог, разув одну ногу, поднял покрывало на кровати королевы с одной стороны, и положив ногу под простыню, коснулся ею обнаженной плоти королевы; и таким образом брак полагался состоявшимся от имени короля Филиппа через посредничество третьего лица».

та тем, чтобы не дать португальцам упрочить свое положение на берегах Красного моря и Персидского залива. Так что в течение некоторого времени он вряд ли причинил бы Венеции какие-либо большие неприятности. Более серьезной проблемой на ближайшее время являлись пираты-ускоки, неоднородное, но очень беспокойное сообщество, в значительной степени — но не полностью — состоящее из христиан, бежавших от наступления турок, которые обосновались на Сенье (теперь Сенж) и в других местах на далматском побережье и посвятили себя традиционному занятию обитателей этих мест*. Как станет известно читателям этой истории, проблема была не нова: нападения пиратов, чьи базы находились на многочисленных островах и в укромных бухтах у восточных берегов Адриатики, угрожали грабежом и смертью венецианским купцам на протяжении почти всего периода существования республики. С ускоками, однако, была дополнительная трудность, которая заключалась в том, что такие пиратские набеги вызывали ярость турок, которые после каждого нападения ускоков на их корабли подавали официальные жалобы Венеции, указывая, что как держава, претендующая на господство в Адриатическом море, Венеция обязана обеспечивать там безопасность. Вывод из этого заявления не уточнялся, но последствия для синьории были достаточно ясны. Поскольку Далмация была теперь территорией империи и преступники формально являлись имперскими подданными, Венеция, в свою очередь, могла предъявить еще более настойчивые претензии Фердинанду, чтобы он принял эффективные меры против пиратов; но несмотря на повторяющиеся обещания, он ничего не делал, и ускоки оставались постоянной занозой в теле республики в течение многих лет.

Третьей проблемой, хотя и меньшего масштаба, являлась Реформация. Ее учения продолжали распростра-

---

* Это очень упрощенное описание народа, который, как хорошо известно, исторически, этнически, политически и социально трудно характеризовать.

няться, и с ними по большей части Европы распространялись гонения и сожжения на кострах тех, кто, католик ли, протестант ли, имел несчастье оказаться в несогласном меньшинстве. К явлениям такого рода венецианцы всегда испытывали инстинктивное отвращение. Как подобало самому космополитическому городу Европы, Венеция гордилась давней традицией терпимости — не считая высших соображений, ее граждане понимали, что иное отношение губительно для торговли — и теперь еще больше, чем когда-либо, была полна решимости эту традицию сохранить. Однако необходимо было также сохранить собственную свободу действий в вопросах веры, а также, насколько это возможно, хорошие отношения с папой и стараться не давать ему ненужных оснований для тревоги. Поэтому, когда преемник Павла, Пий IV, возобновил Тридентский собор в январе 1563 года, Венеция — уже не так оглядываясь на империю, как во время предыдущих заседаний собора — показала себя настолько полезной и благожелательной, что когда в конце года собор окончательно завершился, благодарный папа подарил республике палаццо Сан-Марко в Риме в качестве постоянного посольства и резиденции кардинала Сан-Марко, который всегда был венецианцем*.

Тридентский собор был первым четким ответом Реформации со стороны Римской церкви. Он определил основные католические доктрины, тщательно отделив их от других теологических вопросов, которые считались допустимой темой для дискуссий; он оказал сдерживающее влияние на крайних реакционеров; а также собор ввел множество реформ, которые были срочно необходимы и многие из кото-

---

* Палаццо Венеция, как потом стало называться это здание, оставалось венецианским посольством до падения республики; после этого — когда провинция Венето стала частью Австрии — оно служило в качестве австрийского посольства по окончании Первой мировой войны. Позже Муссолини использовал его для своей канцелярии. Теперь это музей.

рых надолго запоздали. Но для Венеции не менее важным было и то, что́ собор оставил незавершенным, и хотя бы отчасти она несет за это ответственность.

Подтверждая общую верховную власть церкви над христианством, собор не оспорил публично право суверенных государств применять свои собственные законы как в религиозных, так и в светских делах. Таким образом, когда в январе 1564 года постановления и решения Тридентского собора были напечатаны и обнародованы — венецианцем Паоло Мануцио, третьим сыном Альда, которого папа Пий в 1561 году уговорил основать в Риме папскую типографию, — власти республики испытывали удовлетворение.

Глава 36

ПОТЕРЯ КИПРА (1564–1570)

Селим, османский султан, император турок, владыка владык, король королей, тень Бога, повелитель Земного Рая и Иерусалима — Синьории Венеции:

Мы требуем у вас Кипр, который вы отдадите нам добровольно или силой; и не пробуждайте наш ужасный меч, иначе мы будем вести против вас самую беспощадную войну повсюду; и не возлагайте надежды на свои богатства, иначе мы сделаем так, что они внезапно утекут от вас, подобно стремительному потоку.

Поэтому берегитесь,
*дабы не вызвать наш гнев...**

В то время Венеция была в мире с турками уже почти четверть века — двадцать пять лет, в течение которых у нее была возможность восстановить свои финансы, построить флот и воздвигнуть еще больше великолепных памятников, чтобы изумлять и друзей, и врагов. Однако она хорошо знала, что этот мир не может длиться бесконечно. Сулейман Великолепный был еще не достаточно удовлетворен свои-

* Цитируется по книге «История Кипра» сэра Джорджа Хилла.

ми завоеваниями. Правда, недавно внутренние события отняли большую часть его внимания; но с 1559 года активность турецкого флота в Средиземном море заметно — и угрожающе — возросла, и хотя большая его часть была сосредоточена у побережья Северной Африки и, таким образом, находилась вне сферы непосредственных интересов республики, тем не менее флот находился достаточно близко, чтобы вызвать ее опасения. Великий Хайреддин Барбаросса, при упоминании имени которого все морские государства Европы когда-то трепетали, умер — но успел незадолго до своей смерти разграбить и ненадолго захватить Ниццу и дерзко расположить свой флот зимовать в Тулоне. Его славу унаследовал другой корсарский капитан, Торгуд Раис, известный большинству христиан как Драгут, который не однажды уже доказал, что более чем достоин такой славы — отбив Триполи у рыцарей Святого Иоанна в 1551 году и еще через девять лет наголову разбив испанский флот, посланный Филиппом II против него.

Кто знает, возможно, благодаря этим двум победам Сулейман решил начать крупное наступление на Мальту с целью вытеснить рыцарей с острова, подобно тому как около сорока лет назад он вытеснил их с Родоса. У него не было оснований считать, что эта военная операция окажется труднее, чем предыдущая. Пусть Мальта обладала одной из самых замечательных естественных гаваней в мире, но она не являлась природной крепостью, и рыцари могли надеяться только на свои собственные рукотворные укрепления. К тому же их запасы были очень скудны. По сравнению с цветущим и плодородным Родосом почти пустынный остров Мальта, скалистый и безлесный, без рек и озер, был явно не способен выдержать длительную осаду в течение длинного, засушливого лета.

Однако если сами рыцари могли рассчитывать хотя бы на какое-то пропитание со скудной, каменистой мальтийской почвы, эта почва оказалась бы еще более негостеприимна для осаждающей армии. Следовательно, армия, которую султан собирался бросить против рыцарей в мае 1565 го-

да, должна была быть почти совершенно независимой в плане обеспечения. А если Родос находился всего лишь в десяти милях от турецкого побережья, то до Мальты была почти тысяча миль. Не удивительно, что флот Сулеймана, нагруженный не только целой армией с лошадьми, артиллерией и боеприпасами, но также провиантом и водой, был одним из самых больших, какие только видывали в открытом море.

История осады, а также героической и в конечном счете успешной обороны, в которой участвовало около 600 рыцарей — многие из них, как великий магистр Жан да ла Валет, были уже пожилыми людьми — и меньше чем 7000 солдат, включая наемников и местное ополчение, — одна из великих исторических эпопей: но в этой книге для нее нет места. Рыцари ордена Святого Иоанна успели утратить ту небольшую военно-стратегическую роль, которую играли со времени их высадки на Мальту в 1530 году, когда остров был отдан им в аренду Карлом V за номинальную плату в один фалькон, вносимую ежегодно в День поминовения усопших. Как госпитальеры они все еще исполняли свой долг: их Великий госпиталь, открытый для всех, был известен во всем христианском мире. Но реальной боевой силы против турок они собой не представляли.

С другой стороны, сама Мальта занимала ключевую позицию в Центральном Средиземноморье, будучи природным барьером между удерживаемым турками Триполи и Сицилией, которая была частью владений Филиппа Испанского. Если бы Мальта пала и перешла в руки Сулеймана, вместе со своей замечательной гаванью, то угроза Сицилии стала бы реальной и немедленной, да и Южная Италия вряд ли избежала бы той же участи. В таких обстоятельствах весьма удивительно, что Gran Soccorso (большая поддержка) — девятитысячная испанская армия, которая в конце концов пришла на помощь к уже отчаявшимся рыцарям в сентябре — не была более многочисленной и настолько задержалась. Тем не менее ее прибытие было решающим. Армия султана, более чем наполовину лишенная

боеспособности из-за дизентерии и лихорадки, сняла осаду и погрузилась на корабли; христианский мир ликовал. После пяти столетий почти непрерывного наступления турки наконец были остановлены. И спустя год почти в тот же день пришли не менее хорошие новости: Сулейман Великолепный умер.

Турки были остановлены; но не было признаков, что они остановлены навсегда. Действительно, к тому времени, как восьмидесятипятилетний Пьетро Лоредано сменил Джироламо Приули на посту дожа* в ноябре 1567 года, уже были основания подозревать, что новый султан, Селим II, замышляет крупный завоевательный поход. На этот раз, однако, в поле его зрения попала не Мальта, а Кипр.

О Селиме, прозванном Пьяницей, принято говорить, что его широко известная решимость завладеть островом возникла благодаря не менее известной любви к тамошним крепким винам. В действительности стратегическая ценность острова была столь же очевидна, как богатство и плодородие его почвы; удивительно, что отец Селима, Сулейман, ничего не предпринимал прежде в течение долгих лет, чтобы избавить себя от нежелательного присутствия христиан на расстоянии менее чем в пятьдесят миль от своих южных берегов. В феврале 1568 года до Риальто дошли сообщения о различных интригах, возникающих под влиянием турок среди кипрских местных жителей, о многих из которых было известно, что они не испытывают любви к своим венецианским господам: ходили зловещие слухи о турецких кораблях, тайно замеряющих глубину в кипрских гаванях, даже о гигантской мине, изготовленной под большим секретом в Фамагусте и готовой к взрыву при подходе

---

* Лоредано был избран только после четырнадцати дней и семидесяти семи голосований, в качестве компромиссной кандидатуры, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Его карьера была исключительно непримечательной, и когда на него по дороге домой на обед обрушились новости об избрании, он в течение долгого времени наотрез отказывался в это поверить.

турецкого флота. В то же самое время пришли более достоверные, но не менее неприятные сведения, что Селим, который до сих пор продолжал кампании своего отца в Венгрии, заключил восьмилетнее перемирие с новым императором Максимилианом II и, следовательно, получил возможность свободно использовать все свои ресурсы для нового предприятия.

В свете этих сообщений венецианский сенат пребывал в нерешительности. Несомненно, необходимо было как-то подготовиться, чтобы встретить ожидаемое нападение; с другой стороны, при вступлении на престол Селим охотно подписал мирный договор с республикой. Кроме того, подобные тревожные сигналы были и раньше, и скрытая дипломатия — иногда при помощи осторожного и хорошо подготовленного подкупа — обычно давала нужный результат. В любом случае нельзя было делать ничего, что могло вызвать раздражение султана, который еще не привык к власти и отличался непостоянным характером. До конца 1569 года продолжались дискуссии, окончательные решения было еще труднее принять из-за неурожая, случившегося в том году, что вызвало голод во всей Италии, и из-за произошедшего в полночь 13 сентября загадочного взрыва в Арсенале, при последовавшем пожаре выгорела большая часть участка между Арсеналом и церковью Сан Франческо делла Винья, сгорел монастырь Селестини и еще три церкви. Неизбежно заподозрили преступный замысел, но доказать ничего не удалось.

Однако к концу января 1570 года до Венеции дошли известия, которые заставили сенат действовать. Венецианского байло в Константинополе вызвал к себе великий визирь, Соколлу Мехмет, который многословно уведомил его, что султан считает Кипр исторической частью Османской империи и полон решимости завладеть островом. День или два спустя последовали массовые аресты венецианских купцов и конфискации венецианских кораблей в гавани. Были отданы немедленные приказы принять такие же меры против всех подданных султана и турецких судов в

Венеции. Были посланы просьбы о помощи к папе, Филиппу Испанскому и другим европейским государям. Капитан залива, Марко Кверини, поспешил на Крит с двадцатью пятью галерами и приказами снарядить еще двадцать, которые находились, без команды и без продовольствия, в Кандии.

Хотя в сенате и была группа, которая не хотела признавать окончание такого долгого мира и все еще надеялась, что с султаном возможно какое-то примирение, похоже, шансы избежать открытой войны быстро уменьшались. Затем, в середине марта, пришли еще более угрожающие известия из Константинополя. Посол от Селима фактически направлялся в Венецию с ультиматумом: или Венеция должна отказаться от Кипра по доброй воле, или остров будет отнят у нее силой. У венецианцев больше не осталось сомнений. Согласно древнему обычаю, когда дож и синьория в официальной процессии обходили различные церкви в городе, то несли шесть знамен — два белых, два голубых и два красных. Во время мира впереди несли белые знамена; во время периодов перемирия — синие; во время войны — красные. В ту Пасху — которая пришлась на 26 марта, еще за два дня перед прибытием султанского посланника — в ежегодном шествии к церкви Сан Дзаккариа на вечерню процессию возглавляли красные знамена. На второй день Пасхи некий Джироламо Дзане был назначен генерал-капитаном венецианского флота, получив свой жезл и знамя от дожа Лоредано во время специальной мессы в соборе. Дзане было семьдесят девять лет, дожу к тому времени исполнилось восемьдесят восемь; и многие из тех, кто наблюдали за церемонией, должны были задаться вопросом — в подходящих ли руках находится судьба республики в такой ответственный момент своей истории?

Меньше чем через шесть недель Пьетро Лоредано умер, его место занял Альвизе Моченига*, бывший посол при дво-

---

* Показателем всеобщего чрезвычайного положения является то, что членам коллегии и всем должностным лицам, свя-

рах Карла V (который осыпал его имперскими почестями) и Пия IV. Тем временем Джироламо Дзане с семьюдесятью галерами достиг Зары, первого этапа экспедиции, которая должна была закончиться фиаско и принести ему унижение и позор.

Подлинное письмо султана, врученное его посланником коллегии* 28 марта, не дошло до нас. Однако, если — что кажется вероятным — версия, приведенная в начале этой главы, является достаточно точной, ультиматум Селима вряд ли мог бы быть более ясным или более оскорбительным. Ответ венецианцев был равноценным: Венеция удивлена, что султан уже желает разорвать договор, который столь недавно заключил; однако именно она является хозяйкой Кипра и с Божьей помощью ей достанет мужества его защищать. Затем турецкий посланник был выведен через боковую дверь, чтобы избежать внимания разъяренной толпы, которая собралась у Дворца дожей, и сопровожден на ожидающий его корабль.

Поскольку в попытке избежать войны было потеряно слишком много времени, теперь Венеция быстро принялась готовиться к бою. Арсенал, повреждения которого в результате пожара были поспешно устранены, снова работал с предельным напряжением; тем временем, чтобы собрать деньги, правительство приняло еще более отчаянные меры, зайдя так далеко, что даже увеличило число прокураторов Сан Марко — высших сановников государства, кроме самого дожа, — до восьми, раздавая новые титулы в обмен на заем в 20 000 дукатов. Соседние города, большие и малые, делали взносы в зависимости от своего достатка, и, как в старые времена, богатые граждане брали на себя обязательства построить или снарядить корабль или набрать отряд — иногда в несколько тысяч человек — за свой счет. От дру-

---

занным с Арсеналом или с программой перевооружения, было позволено не присутствовать на выборах.

* В это время коллегия состояла из дожа, шести его советников, глав Совета десяти и главного советника.

гих христианских государств, которым были посланы просьбы о помощи, ответ был менее обнадеживающий. Император Максимилиан указал, что его официальное перемирие с турками должно длиться еще пять лет. Король Польши также не хотел помогать ввиду собственного уязвимого положения. Что касается Франции, Екатерина Медичи, будучи в то время фактически регентом, оспаривала у Испании Фландрию и просила султана возобновить старый союз, тем не менее она предложила услуги своего сына, Карла IX, в качестве посредника — предложение, которое было вежливо отклонено. Король Португалии указал, что он полностью занят на Востоке и что в любом случае его страна опустошена чумой. Рыцари Святого Иоанна — которые, кстати, являлись крупнейшими землевладельцами на Кипре — предложили пять кораблей, но четыре из них были захвачены турками вскоре после того, как покинули Мальту. Было отправлено письмо даже московскому царю, но маловероятно, что оно когда-либо до него дошло; в любом случае Иван Грозный воевал с Польшей, и сложно представить, какую помощь он мог бы оказать. Не было просьб, адресованных Елизавете Английской, которая с февраля была отлучена от церкви.

Таким образом, оставались папа Пий V и Филипп II Испанский. Папа согласился снарядить дюжину кораблей, если Венеция обеспечит их экипажем. Филипп, со своей стороны, предложил флот из пятидесяти кораблей под командованием Джан Андреа Дориа, внучатого племянника и наследника того самого Андреа, чья ненависть к Венеции дважды привела его к предательству республики, при Корфу и при Превезе, около тридцати лет назад. Даже такой помощи было недостаточно; Венеция снарядила флот из 144 кораблей, включая 126 боевых галер. Но Филипп никогда не доверял венецианцам, которых подозревал (не без оснований) в том, что они всегда готовы пойти на соглашение с султаном, если представится возможность; и, как показали события, он дал Дориа — чьи чувства по отношению к республике были ничуть не менее враждебными, чем у его

двоюродного деда — секретные указания держаться в стороне от неприятностей, предоставить венецианцам сражаться самим и привести испанский флот домой в целости и сохранности как можно быстрее.

С самого начала экспедиция не заладилась. Генерал-капитан, который знал, что согласно договоренности папская и испанская эскадры должны были присоединиться к нему у Зары, напрасно прождал там два месяца, в течение которых его флот опустошила эпидемия неизвестной болезни, повлекшая за собой не только множество смертей, но и всеобщую деморализацию, которая, в свою очередь, вызвала массовое дезертирство. 12 июля он отплыл к Корфу, где взял на борт Себастьяно Веньера, прежнего проведитор-генерала острова, который недавно был назначен на ту же должность на Кипре. Здесь генерал-капитан услышал, что папская эскадра под командованием Маркантонио Колонны ждала испанцев у Отранто — но все еще не было ни единой вести об обещанном Филиппом флоте. И только в июле стало известно, что Джан Андреа Дориа просто остался на Сицилии под предлогом, что не получил указаний двигаться дальше. После настойчивых протестов папы Филипп наконец послал своему адмиралу приказ об отплытии, который прибыл 8 августа; даже тогда прошло еще четыре дня, прежде чем флот вышел из Мессины, и еще восемь дней, прежде чем он достиг Отранто — путешествие, которое при тех преобладающих хороших погодных условиях должно было продлиться не более двух дней.

Наконец присоединившись к своим папским союзникам, Дориа не сделал попытки позвать Колонну или хотя бы связаться с ним; и когда Колонна решил не обращать внимания на преднамеренный образец неучтивости и взял инициативу на себя, то в ответ получил длинную речь, иносказательно рекомендующую прекратить всю эту экспедицию. Сезон навигации заканчивался; испанские корабли не были подготовлены к бою; и Дориа вынужден был указать, что, хотя его инструкции и требовали, чтобы он плыл под папским флагом, у него также был приказ повелителя со-

хранить флот невредимым. Колонна каким-то образом смог сдержаться и не напомнил ему, кто был в ответе за первые две неудачи, просто обратив внимание, что и король, и папа ожидают, что их флоты отправятся с венецианцами на Кипр; следовательно, они обязаны поступить именно так. В конце концов, очень нелюбезно, Дориа согласился.

К тому времени Джироламо Дзане подошел к Криту, где 1 сентября к нему присоединились папский и испанский флоты — почти ровно через пять месяцев после его отплытия из Венеции. Был созван совет, на котором Дориа сразу же начал создавать новые трудности. Теперь это были венецианские галеры, которые не годились для войны: если союзный флот схватится с врагом, то будет либо уничтожен, либо позорно обращен в бегство. Более того, стоит им покинуть Крит, и больше не будет гаваней, где можно было бы найти убежище. К тому же теперь он рассказал об обстоятельстве, о котором, вероятно, не считал нужным упомянуть раньше: он должен вернуться на запад самое позднее к концу месяца.

Колонна остался непреклонен. Сезон навигации хотя и на исходе, но время еще есть — целых два месяца до наступления зимы. На Кипре много превосходных гаваней. Венецианские корабли действительно были не до конца укомплектованы, но долгое ожидание дало им много времени, чтобы найти замены, и их команды вновь были в полном составе. В совокупности объединенные флоты составляли 205 кораблей; предполагалось, что у турок самое большее 150. Следовательно, почему союзники должны бояться вооруженного столкновения? Бегство действительно было бы позором, но отступить сейчас, даже не увидев врага, было бы еще большим бесчестьем.

Здесь Дзане, который по разумному совету Колонны не участвовал в начале дискуссии, присоединился к своим коллегам и немедленно положил на стол бумагу с просьбой о разрешении на возобновление экспедиции. Дориа все еще изворачивался, в конце концов согласившись только при условии, что испанским кораблям должны быть предостав-

лены поблажки: они должны быть освобождены от дежурства в арьергарде и будут двигаться группой отдельно от остальных, так, чтобы можно было уйти, если им будет нужно. Неудивительно, что к 7 сентября, пока дискуссии все еще тянулись, Дзане написал почти отчаянное письмо в Совет десяти, жалуясь, что Дориа явно полон решимости не ввязываться в сражение, что он все время выдвигает новые возражения и возобновляет прежние, и что, хотя с терпением и тактом до сих пор было возможно опровергнуть эти возражения, он срывает всех их планы и ставит под сомнение все предприятие.

Наконец 13 сентября флот достиг Сити, восточной оконечности острова; и там, по настоянию Дориа, был проведен общий смотр, на котором выяснилось, к его плохо скрытому удовлетворению, что на венецианских галерах действительно не хватало людей, на каждую галеру приходилось только около восьми бойцов, тогда как на каждом корабле папской и испанской эскадр было свыше ста бойцов. Снова он посоветовал отход, и хотя снова в конце концов совет был отвергнут, ему удалось задержать выступление на целых три дня, что было достаточно долгим временем для Дзане, чтобы получить еще один жестокий удар: сообщение, что турки высадились на Кипр. Настал момент — сейчас или никогда. Ночью 17 сентября флот отплыл к осажденному острову.

Но у Кастеллоризо пришли известия еще хуже. Никосия пала. Был созван еще один совет, на котором Дориа предсказуемо повторил свои протесты. И теперь, в первый раз, маркиз Санта-Крус, который, будучи командиром неаполитанских кораблей, формально находился в подчинении у Дориа, но до сих пор придерживался значительно более твердой линии поведения, чем его начальник, тоже посоветовал повернуть назад. Захват Никосии, указал он, будет означать значительное увеличение количества бойцов для турецкого флота и соответствующий подъем боевого духа врага — как раз в наиболее неподходящий момент, когда команды союзников все более и более впадали в уны-

ние. Колонна согласился с ним; так же, с сожалением и неохотой, поступил и старый Джироламо Дзане. Только один голос прозвучал в поддержку продолжения похода: Себастьяно Веньер возразил, что как ни сильны могут быть турки, на следующий год они почти наверняка будут намного сильнее — когда, кстати, союзники вряд ли смогут собрать больше двухсот кораблей, чтобы ударить по ним.

Это были смелые слова, но они никого не убедили; и могучий флот, несущий знамена христианства, повернулся кругом и направился домой, ни разу не увидев врага. В почти жалкой попытке спасти последние крупицы своей репутации бедняга Дзане предложил, чтобы союзники хотя бы попытались причинить ущерб вражеской территории по пути назад; но снова его надежды саботировал Дориа, которому не терпелось добраться до дома. К тому времени, когда Дзане достиг Корфу 17 ноября — по пути сделав остановку на Крите, — на его кораблях вспыхнула новая эпидемия, и сам он был сломлен морально и физически. Не имея даже мужества вернуться домой, он написал в сенат, прося освободить его от должности. Его просьба было удовлетворена, и 13 декабря вместо него генерал-капитаном был назначен Себастьяно Веньер.

Так закончился один из самых унизительных эпизодов в истории Венеции. Если оставить в стороне доводы, что, имея в своем распоряжении три четверти от объединенного флота, венецианцам не следовало терять время, ожидая союзников, а нужно было в июне поспешить и продолжить поход в одиночестве, то по справедливости они не могли нести ответственность за неудачу; но также они не могли избежать своей доли позора, большая часть которого пала на невиновного старика Джироламо Дзане. В начале 1571 года ему было приказано вернуться в Венецию, а в следующем году — причина промедления неизвестна — он предстал перед Советом десяти, чтобы ответить по нескольким серьезным обвинениям, связанным с его поведением во время экспедиции. После долгого расследования он был оп-

равдан — но слишком поздно. В сентябре 1572 года Дзане умер в тюрьме.

Судьба Джан Андреа Дориа была иной. Филипп II неизбежно узнал о резком осуждении, которое вызвал его адмирал; более того, папа Пий, получив доклад Колонны, послал королю официальную письменную жалобу. Но Филипп предпочел не придать этому значения. Дориа точно выполнил свои инструкции и был вознагражден немедленным произведением в чин генерала, с превосходством в ранге над всеми командующими флотов Испании, Неаполя и Сицилии — на этой должности он принес еще больше вреда христианскому делу, прежде чем его не стоящая подражания карьера завершилась.

К 1570 году Венеция удерживала Кипр уже восемьдесят один год. Королеву Екатерину сменил венецианский правитель, который носил звание лейтенанта; ему и двум его советникам — эти трое, известные как ректоры, были кипрским эквивалентом синьории — фактически принадлежала вся гражданская власть. Кроме того, был еще местный Большой совет, в который входила вся аристократия острова в возрасте старше двадцати пяти лет, и вдобавок некоторое число тех постоянно проживающих венецианцев, которые там обосновались; из этих последних аристократы избирались в совет сразу, остальные — при условии, что они не являлись ремесленниками — могли купить себе места после пяти лет постоянного проживания. Но функции совета были в основном избирательными, и даже в этом случае его решения должны были получить подтверждение ректоров.

Тогда как гражданское правительство находилось в Никосии, военный штаб находился в Фамагусте. Там располагался постоянный гарнизон из пехоты и кавалерии и базировался флот, командовал ими венецианский капитан — хотя во время войны его мог заменить проведитор-генерал, специально присланный из Венеции, чтобы принять на

себя верховную власть. Фамагуста, в отличие от Никосии, была хорошо укреплена. Кроме того, исторически это был главный порт острова, хотя к 1570 году Салина (современная Ларнака) опередила его по торговому грузообороту.

Все население Кипра составляло около 160 000 человек и все еще жило при анахроничном феодальном строе, который республика почти не пыталась изменить. Во главе стояла аристократия, частично венецианская, но по большей части состоявшая из потомков семей французских крестоносцев, как, например, бывший королевский род Лузиньянов. Большая часть земель принадлежала им, но поскольку действовало право первородства, то постоянно росло число не имеющих собственности младших сыновей, которые часто создавали трудности правительству. Внизу общественной лестницы были крестьяне, многие из которых все еще были фактически крепостными и были обязаны служить своим хозяевам два дня в неделю. Для них, несмотря на исключительную плодородность острова, жизнь была борьбой за существование, и притеснения были ее неотъемлемой частью. Между этими двумя классами находились купечество и городская буржуазия — левантийская смесь греков, венецианцев, армян, сирийцев, коптов и евреев.

В общем, Кипром было нелегко управлять; и надо признать, что венецианцы — чье собственное управление было чудом и предметом зависти цивилизованного мира — могли бы править островом намного лучше, чем они это делали. Возможно, очень строгие требования, предъявляемые к ним дома, усилили искушение набить свой карман, как только они оказались на безопасном расстоянии от республики. Кроме того, вероятно, на них повлияла всеобщая атмосфера продажности, которая, как нам известно, царила на острове задолго до того, как он перешел под власть Венеции. Что несомненно, так это то, что ко времени, когда турки высадились на Кипр летом 1570 года, Венеция приобрела мрачную репутацию дурного управления и коррумпированности и совсем утратила популярность среди сво-

их кипрских подданных. Даже богатые аристократы, как бы сильно они ни угнетали собственных крестьян, протестовали против способов, с помощью которых, как они видели, республика обогащалась за счет острова, а ее официальные представители, хотя и менее открыто, делали то же самое. Кроме того, аристократов возмущало отсутствие у них какой-либо реальной власти. Другие слои населения, попроще, ощущали то же самое. Многие действительно верили, что любая смена правления будет только к лучшему — мнение, которое было не лишено смысла, когда наступил момент кризиса.

Совместная экспедиция на помощь Кипру была явной неудачей; и кроме того, даже если бы она благополучно достигла места назначения, высадила солдат и точно выполнила бы все инструкции, едва ли это спасло бы остров. Крупная победа на море, возможно, могла бы оказаться на какое-то время эффективной, задержав неизбежное на год или два; но так как турецкий флот, который бросил якоря 3 июля в Ларнаке, насчитывал не менее 350 кораблей — более чем вдвое превосходя расчеты Колонны, — такая победа была бы, мягко говоря, маловероятной. Правда заключается в том, что с того момента, как Селим II решил присоединить остров к своей империи, Кипр был обречен.

Он был обречен по той же главной причине, по которой пять лет назад устояла Мальта: неизбежное обстоятельство, что сила любой армии на месте изменяется обратно пропорционально протяженности ее линий коммуникации и снабжения. Так как у Кипра не было ни средств, ни возможности, ни, по всей вероятности, желания защищаться самостоятельно, то защитить его могла только Венеция, откуда должны были бы поступать все военные ресурсы — оружие, боеприпасы и большая часть солдат и лошадей. Но Венеция находилась более чем в 1500 милях от Кипра, на другой стороне Средиземного моря, на большей части которого господствовали турки. С другой стороны, порты южного побережья Анатолии находились всего в

пяти милях от острова, то есть турки могли рассчитывать на почти неограниченные поставки людских ресурсов и боеприпасов.

Их успех представлялся еще более вероятным, так как укрепления Кипра, за исключением Фамагусты, были совершенно небоеспособны. Правда, Никосия могла похвастаться девятимильным кольцом средневековых стен; но эти стены окружали территорию значительно большую, чем сам город, и требовали огромных сил для защиты. Кроме того, они были слишком тонкими — осадная техника XVI века очень сильно отличалась от техники XIV века — и, несмотря на лихорадочные усилия венецианских инженеров в последний момент усилить древние укрепления, вряд ли они смогли бы устоять против тяжелой артиллерии, которая в течение долгого времени была отличительной чертой турок. Кирения некогда была превосходной крепостью, но с тех пор она давно превратилась в развалины; и хотя там тоже недавно была проведена работа по восстановлению и усилению оставшихся стен, вряд ли она продержалась бы долго. Укрепления всех остальных кипрских городов либо были незначительными, либо их не было вовсе; прежде всего было понятно, что только Никосия и Фамагуста могли оказать более-менее продолжительное сопротивление. Людей тоже не хватало. Сложно дать точную оценку их количества, но вряд ли в Никосии было больше 20 000 солдат, включая около пяти сотен кавалерии, когда началась осада, и из них едва ли больше половины были полностью боеспособны. Фра Анжело Калепио, который находился в городе все время осады, говорит, что на складах было 1040 аркебуз, но они не были должным образом розданы, и людей не научили толком ими пользоваться, в результате многие солдаты не смогли из них стрелять, без того чтобы не поджечь себе бороды.

За это и многие другие недостатки в обороне столицы главная вина должна быть возложена на лейтенанта, Николо Дандоло. Нерешительный, робкий, всегда колеблющийся между приступами почти истерической активнос-

ти и периодами апатичной бездеятельности, он явно не подходил для высшего командования — которое не было бы поручено ему, если бы Себастьяно Веньер, назначенный проведитор-генералом, который плыл с экспедицией Джироламо Дзане, смог добраться до острова. На протяжении последующих тягостных месяцев Дандоло показал себя постоянной обузой, его недальновидность и излишняя осторожность подчас давали почву для подозрений — как оказалось, беспочвенных, — что он подкуплен врагом. К счастью, в Фамагусте командиры были лучшие: генерал из Перуджи Асторре Бальони, которого прислали из Венеции в апреле в качестве главнокомандующего, и капитан Маркантонио Брагадино, чья ужасная гибель во время окончания осады снискала ему постоянную нишу в венецианском зале Славы, а его победителю — долгое бесчестье.

Турецкий флот показался у берегов Кипра 1 июля. Султан Селим — память об унижении его отца на Мальте была все еще свежа в его памяти — не пожалел усилий, чтобы как следует подготовиться, и поручил это двум своим самым способным и наиболее опытным командирам: Лала Мустафа-паша возглавил сухопутные войска, а Пиале-паша — хорват, который вместе с Драгутом разгромил испанский флот под командой Джан Андреа Дориа десять лет назад — возглавил флот. Турки стремительно напали на Лимассол, которому нанесли значительный ущерб, разграбили город и соседний монастырь, и прежде, чем эта атака была отражена, продолжили движение вдоль южного побережья к Ларнаке. Там благодаря робости Дандоло Мустафа сумел беспрепятственно высадить все свои силы, и, пока ожидал подкреплений с материка, обустроил своих людей. Затем из Ларнаки он послал в Никосию слепого греческого монаха с обычным ультиматумом: так как Венеция не может успешно сопротивляться его отлично снаряженной армии из 200 000 человек, то пусть теперь же отдаст остров мирно, таким образом сохранив дружбу и благосклонность султана. Если она откажется, тем хуже для нее. На это послание ректоры в Никосии ничего не ответили; однако они посла-

ли срочное письмо в Фамагусту с просьбой о возвращении Бальони с подкреплением. Им отказали на основании того, что угроза Никосии может оказаться хитростью врага: все еще ожидалось, что главный удар турки направят на Фамагусту.

Но Мустафа не обманывал. Когда 22 июля к нему прибыло подкрепление, он тем же вечером двинулся к Никосии; и два дня спустя его огромная армия встала лагерем за стенами города. И на этот раз случай снова был упущен: итальянский командир пехоты умолял о разрешении предпринять немедленную атаку, пока враг еще не отдохнул после перехода в тридцать миль по жаре, свойственной кипрскому лету, и их артиллерия и тяжелая кавалерия еще не готовы. И снова Дандоло и его коллеги-ректоры отказались рисковать, и туркам позволили спокойно окопаться.

Так началась осада. Турецкая армия, хотя, возможно, и не столь многочисленная, как заявлял ее командующий, наверняка насчитывала не меньше 100 000 человек; у нее было огромное количество пушек и легкой артиллерии, и, в отличие от жалких выстрелов защитников на стенах, их применяли с неумолимой точностью и со знанием дела. Тем временем Дандоло, напуганный нехваткой пороха, ограничил его использование до того, что даже тем из его солдат, которые имели огнестрельное оружие и умели им пользоваться, запретили стрелять по любой группе турок числом меньше десяти. Однако каким бы малодушным ни был лейтенант, вокруг него были и другие люди, не утратившие мужества. Каким-то чудом город продержался до конца жаркого августа; и только 9 сентября, после того как люди Мустафы с самым неистовым шумом и ликованием, на какие только были способны, приветствовали еще одно пополнение в 20 000 человек, только что прибывшее с материка, защитники в конце концов уступили пятнадцати мощным приступам. Таким образом, после сорока пяти дней осады Никосия пала. Даже когда победоносные турки заполонили город, сопротивление продолжалось, последняя стычка

произошла на главной площади, перед дворцом лейтенанта. Дандоло, который укрылся внутри несколько часов назад, в то время как его люди еще сражались на крепостных стенах, теперь появился, облаченный в малиновые бархатные одежды, надеясь получить привилегированное обращение согласно своему званию. Едва он достиг подножия лестницы, как турецкий офицер отрубил ему голову.

Поскольку осажденный город защищался до последнего, то для командира победителей было в порядке вещей дать своим людям три дня на его разграбление. Последовали обычные зверства, обычные резня, четвертование и сажание на кол, обычное осквернение церквей и изнасилования молодых людей обоих полов; необычным был только полный разгул мародерства. Никосия была богатым городом, где было в изобилии сокровищ, церковных и светских, западных и византийских. Потребовалась целая неделя, чтобы все золото и серебро, драгоценные камни и эмалированные раки, украшенные драгоценностями ризы, бархат и парча были погружены на повозки и увезены из города — самая богатая добыча, доставшаяся туркам со времени захвата самого Константинополя более ста лет назад.

Так как он и его армия возвращались на побережье, Мустафа оставил гарнизон из 4000 янычар, чтобы вновь укрепить город. Он все еще ждал, что венецианцы придут на помощь; если бы они пришли, то вполне могли бы попытаться отбить Никосию. Однако тем временем сам он не собирался отказываться от наступления. Уже 11 сентября, два дня спустя после падения Никосии, он послал гонца к командирам Фамагусты с призывом сдаться и с головой Николо Дандоло в чаше, в качестве дополнительного стимула. Настанет и их черед.

Хотя Мустафа-паша едва ли ожидал, что его ультиматум произведет желаемое воздействие и что Фамагуста сдастся без боя, тем не менее он должен был проклинать ее командиров за их упрямство. Даже Никосия причинила ему

больше трудностей, чем он рассчитывал; но Фамагуста обещала стать действительно серьезным испытанием. Старые укрепления были снесены в конце предыдущего столетия и заменены совершенно новыми крепостными стенами, в которых соединились все последние достижения военной архитектуры; и сейчас город был, судя по всему, неприступным, насколько это возможно. Правда, за этими грозными стенами было мало защитников: около 8000 человек, по сравнению с турецкой армией, которая вместе с новыми отрядами, прибывающими каждые несколько недель с материка, возможно, к настоящему времени насчитывала немногим меньше тех 200 000 человек, которыми Мустафа похвалялся перед Дандоло. С другой стороны, у защитников были Брагадино и Бальони, два превосходных командира, которых они уже уважали и которых полюбили еще больше во время последовавших суровых испытаний.

Армия и флот, нагруженные награбленными в Никосии сокровищами, прибыли к Фамагусте одновременно 17 сентября, и осада сразу же началась. Благодаря отваге и предприимчивости уже упомянутых двух командиров боевые действия были гораздо более активными, чем в Никосии. Защитники делали частые вылазки за стены и даже иногда устраивали сражение прямо в турецком лагере. Осада длилась всю зиму, венецианцы не показывали ни единого признака слабости; более того, в январе их боевой дух, а также ресурсы значительно выросли, так как прибыло пятнадцать сотен подкрепления, с оружием и боеприпасами, под командованием Марко и Маркантонио Кверини, которым удалось прорваться через ослабевшую турецкую блокаду. В апреле количество запасов продовольствия стало давать повод к беспокойству; но Брагадино достаточно разумно решил проблему, выселив 5000 «лишних ртов» из числа гражданского населения и отправив их искать убежища в соседние деревни. К концу апреля Мустафа изменил тактику, приказав армянским саперам выкопать огромную сеть траншей на юге. Так как численность саперов достигала около 40 000 чело-

век и в дальнейшем был дополнительно использован принудительный труд местных крестьян, работа продвигалась быстро: к середине мая была перекопана вся территория на расстоянии трех миль от стен, рвов было достаточно, чтобы вместить всю осаждающую армию, и они были настолько глубоки, что по ним могли скакать кавалеристы верхом, а наблюдателям со стен Фамагусты были бы видны только верхушки их пик. Также турки построили десять осадных башен, постепенно приближающихся к городу, с которых они могли обстреливать защитников внизу. Оттуда 15 мая начался заключительный обстрел.

Венецианцы сопротивлялись мужественно и решительно. Снова и снова их собственная артиллерия уничтожала целые пролеты турецких осадных башен, но тщетно; несколько сотен солдат принимались за работу, и к утру башни снова были как новые. Неделя тянулась за неделей, и постепенно защитники стали отчаиваться. Надежда на мощную венециано-испанскую подмогу, которая поддерживала их дух на протяжении зимы и весны, вскоре ослабела. Запасы пороха заканчивались; еды оставалось еще меньше. К июлю все лошади, ослы и кошки в городе были съедены; не осталось ничего, кроме хлеба и бобов. Из защитников осталось только 500 человек, которые еще были способны держать в руках оружие, но и они валились с ног от усталости и недосыпа. 29 июля турки начали еще один всеобщий штурм, уже пятый по счету. Христиане сдержали их, но это стоило им потери двух третей защитников убитыми или ранеными. И даже тогда Мустафе не удалось ворваться в город; но той ночью венецианские генералы внимательно осмотрели укрепления и оставшиеся запасы продовольствия и боеприпасов и поняли, что больше не смогут продержаться. Сдавшись добровольно, они еще могли, согласно принятым правилам войны, избежать резни и разграбления, которые в противном случае были бы неизбежны. На рассвете 1 августа над бастионами Фамагусты развевался белый флаг.

Условия мира были на удивление великодушными. Всем итальянцам было позволено отплыть на Крит с поднятыми знаменами, а также всем тем грекам, албанцам или туркам, которые пожелали бы к ним присоединиться. Во время этого путешествия они не должны будут подвергаться нападению турецких кораблей, которые, напротив, предоставят им любую помощь, какая потребуется. Грекам, которые пожелали бы остаться, была гарантирована личная свобода и неприкосновенность собственности, а также предоставлялись два года, чтобы решить, оставаться ли на постоянное жительство или нет; тем из них, которые впоследствии захотят покинуть остров, будет предоставлена охрана до той страны, которую они выберут. Документ, в котором излагались все эти условия, был подписан лично Мустафой и запечатан печатью султана; затем он был отправлен Бальони и Брагадино с сопроводительным письмом, содержащим похвалы их мужеству и отличной защите города.

В течение следующих четырех дней приготовления к уходу из крепости проходили достаточно спокойно. Было предоставлено продовольствие, и, за исключением нескольких незначительных происшествий, отношения между европейцами и турками были дружелюбными. 5 августа Брагадино послал Мустафе предложение о встрече, чтобы официально вручить ключи от Фамагусты; пришел ответ, что генерал был бы счастлив его принять. Надев пурпурную мантию, соответственно его должности, Брагадино отправился на встречу тем же вечером, в сопровождении Бальони и группы старших офицеров, с эскортом из итальянских, греческих и албанских солдат. Мустафа принял их со всей возможной учтивостью; затем внезапно его лицо омрачилось и поведение изменилось. Со все возрастающей яростью он начал бросать беспочвенные обвинения христианам, стоящим перед ним. Он кричал, что они убивали турецких пленников, что они утаили военное снаряжение, вместо того чтобы передать его туркам согласно условиям капитуляции. Внезапно Мустафа выхватил кинжал и отсек

Брагадино правое ухо, приказав слуге отрезать другое ухо и нос. Затем, повернувшись к своей охране, он приказал им казнить всю прибывшую группу христиан. Асторре Бальони и командующий артиллерией Луиджи Мартиненьо были обезглавлены. Одному или двум удалось спастись; но большинство было зверски убито, вместе с несколькими другими христианами, которым не посчастливилось оказаться в пределах досягаемости. В конце концов головы всех тех, кто был убит, были свалены в кучу перед шатром Мустафы. Говорили, их было всего 350.

Теперь, когда резня началась, ее было очень трудно остановить. Сам Мустафа, к которому, по-видимому, наконец снова вернулось самообладание, под страхом смерти запретил своим воющим от ярости солдатам входить в Фамагусту. Многие, однако, не подчинились его приказам и бешено промчались по городу, убивая всех на своем пути, поджигая и грабя, объятые безумной жаждой крови. Другие направились в порт, где нашли множество жертв среди христиан, которые готовились отплыть на запад.

Но самая худшая участь ожидала Маркантонио Брагадино. Его продержали в тюрьме почти две недели, за это время его необработанные раны загноились, и он был уже тяжело болен. Сначала его протащили вокруг стен, погрузив на спину мешки с землей и камнями; затем его привязали к стулу и подняли на нок-рею турецкого флагмана, выставив на осмеяние матросам. Наконец его привели на место казни, на главную площадь, привязали обнаженным к столбу и заживо содрали кожу. Говорили, что даже эту пытку он переносил молча в течении получаса, и только когда палач дотронулся до его пояса, он наконец скончался. После того как страшное дело было закончено, его голова была отрублена, тело расчленено на четыре части, а кожу, набитую соломой и хлопком, водрузили на корову и торжественно провезли по улицам.

Когда 22 сентября Мустафа отплыл домой, в качестве трофеев он взял с собой головы своих главных жертв и кожу

Маркантонио Брагадино, которые он гордо подарил султану. Участь голов неизвестна; но девять лет спустя некий Джироламо Полидоро, один из немногих переживших осаду, сумел похитить кожу из константинопольского арсенала и вернуть ее сыновьям Брагадино, которые поместили ее в соборе Сан Джорджо. Оттуда 18 мая 1596 года ее перенесли в церковь Санти Джованни э Паоло и поместили в нишу за погребальной урной, которая образует часть памятника герою. Здесь она находится по сей день*.

---

* В южном приделе, справа, сразу после того, как войти в западную дверь. Ниша была открыта 24 ноября 1961 года по инициативе ведущего специалиста по Брагадино и его прямого потомка — синьоры Марии Грации Силиато. Как выяснилось, там находилась свинцовая шкатулка, в которой было несколько кусков темной человеческой кожи. Они были возвращены обратно в марте 1962 года, после реконструкции памятника. Бюст работы подражателя Витториа — неплохой, но не выдающийся. Также там находится довольно неудачная фреска, изображающая пытку.

Глава 37

ЛЕПАНТО
(1570–1571)

> Нет такого человека при дворе, который не усмотрел бы в этом руку Божию, и всем нам кажется, будто это сон, так как никогда прежде никто никогда не видывал и не слыхивал о подобной битве и победе на море.
>
> *Письмо государственного секретаря Хуана Луиса де Альсаморы дону Хуану Австрийскому, 11 ноября 1571 г.*

Провал экспедиции 1570 года был для Венеции и папы унизительным ударом; однако уже полным ходом шли переговоры о более прочном и действенном союзе. Движущей силой этой новой инициативы был папа. Пий V долго и напряженно размышлял о турецкой угрозе и понял, что главным препятствием для любого тесного взаимопонимания между Испанией и Венецией являлось то обстоятельство, что Венеция видела проблему в угрозе своим колониям в Леванте, тогда как Испания была гораздо более обеспокоена опасностью, которую представляли мавританские вассалы султана для ее собственных владений в Северной Африке. Следовательно, первой целью христианства должно было стать восстановление контроля в

Центральном Средиземноморье, с отсечением африканских владений султана от его территорий в Европе и Азии, что фактически означало разделение его империи на две части. Так, в июле 1570 года папа созвал собрание, чтобы принять устав новой христианской лиги, и в течение последующих месяцев, путем терпеливой аргументации и с активной помощью Венеции, постепенно одержал дипломатическую победу над королем Филиппом. Это была тяжелая борьба. После восьми месяцев, как только казалось, что последние препятствия почти преодолены, испанцы передумывали и грозили изменить мнение по всем вопросам, по которым уже договорились. И только после того, как Венеция, наконец потеряв терпение, фактически отправила посланца в Константинополь, чтобы попытаться заключить сепаратный мир, испанцы снова изменили свою позицию и позволили урегулировать оставшиеся вопросы.

Окончательное соглашение было официально обнародовано 25 мая 1571 года в соборе Святого Петра. Оно было бессрочным, как наступательным, так и оборонительным, и было направлено не только против самой Османской империи, но и против ее мавританских вассалов и единоверцев на побережье Северной Африки. Стороны, подписавшие договор — Испания, Венеция и Папская область (была оставлена возможность присоединиться к соглашению для императора, короля Франции и короля Польши, если они того пожелали бы), — должны были совместно предоставить 200 галер, 100 транспортных судов, 50 000 пеших солдат и 4500 кавалерии, вместе с необходимой артиллерией и боеприпасами. Эти силы требовалось собирать каждый год, не позднее апреля, для летней кампании, где бы они ни понадобились. Каждую осень должны были проводиться совещания в Риме, чтобы определить планы на следующий год. Если Испания либо Венеция подвергались нападению, то союзник должен был прийти на помощь, и обе стороны обязывались применить всю свою мощь для защиты пап-

ских владений. Сражаться надлежало под знаменем лиги: важные решения следовало принимать большинством голосов трем командующим генералам — это были Себастьяно Веньер от Венеции, Маркантонио Колонна с папской стороны и генерал-капитан объединенного флота, единокровный брат короля, дон Хуан Австрийский со стороны Испании.

Дон Хуан Австрийский был незаконнорожденным сыном Карла V от германской дамы по имени Барбара Бломберг. Двадцати шести лет от роду, необыкновенно красивый, прирожденный лидер, он уже отличился в прошлом году, подавив восстание мавров в Испании. Венецианцы выразили свою радость по поводу этого назначения — что неудивительно, так как первоначальный выбор испанского короля, который затем, к счастью, передумал, пал на Джан Андреа Дориа. Они выказали бы гораздо меньше удовлетворения, если бы знали, что Филипп, который подозревал, что отвага юного принца могла возобладать над трезвым рассудком, приказал ему ни в коем случае не вступать в битву без разрешения Дориа.

Хотя явно было слишком поздно соблюсти расписание, оговоренное в соглашении, союзники договорились, что лето 1571 года нельзя терять даром и что войска для кампании первого года соглашения следует собрать в Мессине как можно скорее. К августу все собрались, и дон Хуан составил порядок следования. Он сам, вместе с Веньери Колонной, должен был находиться в центре, с шестьюдесятью четырьмя галерами. Правым флангом из пятидесяти четырех галер должен был командовать Дориа; левое, из пятидесяти трех галер, было под командованием венецианца Аугустино Барбариго. Кроме того, еще должен был быть небольшой авангард из восьми галер и арьергард из шести, ими командовали соответственно дон Хуан де Кардона и маркиз Санта-Крус. Каждой группе придавалось шесть галеасов (трехмачтовых галер). Галеоны и тяжелые транспортные суда, которые, не имея весел, как галеры, были

значительно менее маневренны, должны были образовать отдельный конвой*.

Ободренные падением Фамагусты и отбытием в Мессину фактически всего венецианского флота, турки к тому времени в большом количестве вошли в Адриатику; высадки в Корфу и в Далмации вызвали в Венеции растущий страх внезапного вторжения, перед которым город остался почти беззащитным. Однако при приближении объединенного флота турки быстро отступили на свои базы в Греции; они не хотели оказаться запертыми в узком море в окружении врагов. Таким образом, 6 октября турки вышли из Лепанто (современный Навпакт в Патрасском заливе), чтобы встретить приближающихся христиан.

Христиане были настроены решительно. Два дня назад, в Кефалонии, они услышали о падении Фамагусты и, в частности, о гибели Маркантонио Брагадино; их сердца были полны ярости и жажды мщения. В тот самый день, однако, произошел случай, который едва не оказался роковым. Испанский офицер и пара его подчиненных на галере Себастьяно Веньера оскорбили венецианцев, и в последовавшей драке несколько человек были убиты; Веньер, ни с кем не советуясь, по собственной инициативе, повесил виновных на верхушке мачты. Когда об этом было доложено дону Хуану, он впал в ярость и приказал арестовать капитана — команда, которая, будучи исполненной, вполне могла бы рас-

---

* Краткое описание этих кораблей будет вполне уместно. Галера — однопалубное судно, 120–180 футов в длину, 20 футов в ширину. Обычно передвигалось под парусом, но во время сражения всегда ускорялось с помощью весел. Пять пушек было установлено на носу, несколько орудий поменьше — посередине. Металлический «клюв» длиной в 10–20 футов использовался в качестве тарана. Галеон гораздо тяжелее галеры, двухпалубный, на обеих палубах тесно устанавливались пушки. Не имел весел. Высокая, неповоротливая плавучая крепость. Галеас нечто среднее между двумя упомянутыми. Высокая корма и бак (обеспечивающие укрытие для гребцов); 50–70 пушек, установленных треугольником.

колоть весь флот. К счастью, более благоразумные советы — возможно, данные Колонной — возымели действие, и Хуана убедили отменить приказ; но он никогда не простил Веньера. С тех пор все его сообщения венецианской эскадре были адресованы заместителю командующего.

Два флота встретились на рассвете 7 октября, в миле или двух восточнее от мыса Скрофа, у входа в Патрасский залив. Галеоны еще не прибыли, но дон Хуан был полон решимости сразу вступить в бой с врагом. Только слегка изменив боевой порядок — Барбариго и Дориа получили еще по десять галер каждый, — он выстроил свои корабли и двинулся в атаку. Турки ждали его, их флот, почти равный по силам с флотом союзников, образовывал огромный полумесяц, который простирался от одного берега залива до другого. Адмирал Али-паша командовал центральной эскадрой из восьмидесяти семи галер; на правом фланге был Мехмет Саулак, правитель Александрии, с пятидесятью четырьмя галерами; и слева, напротив Дориа, располагалась шестьдесят одна галера под командой Улуг Али.

Было около половины одиннадцатого, когда сражение началось с северной стороны линии баталии, где левый фланг дона Хуана под командой Барбариго вступил в бой с правым флангом Али-паши, которым командовал Саулак. Битва была жестокой, флагман Барбариго был одновременно атакован пятью турецкими кораблями, которые осыпали его стрелами, одной из которых венецианский адмирал был смертельно ранен в глаз. Его племянник, Марко Контарини, взял командование на себя, но через пять минут он тоже погиб. Тем не менее схватка закончилась полной победой христиан, которые под предводительством Федерико Нани и Марка Кверини в конце концов сумели прижать весь турецкий правый фланг к берегу. Турки покинули свои корабли и попытались спастись бегством в близлежащих холмах, но венецианцы преследовали их и рубили прямо на бегу. Саулак был взят в плен, но он уже был тяжело ранен и не прожил долго.

Теперь очаг битвы сместился в центр, где приблизительно в одиннадцать часов галеры дона Хуана, наступая в строю на одной линии, мощным одновременным натиском атаковали галеры Али-паши, и два флагмана целенаправленно двинулись прямо друг на друга. Они встретились и столкнулись; с каждой стороны от них, вдоль строя, другие галеры повторили этот маневр, одновременно наступая по направлению к центру, пока перестало быть видно море, и люди прыгали и карабкались с корабля на корабль, сражаясь врукопашную мечами, абордажными саблями и ятаганами. Дважды отряды Али-паши из четырехсот отборных янычар шли на абордаж «Реала», флагмана дона Хуана; трижды испанцы атаковали турецкий флагман, последняя атака проходила под прикрытием плотного огня с галеры Колонны, который только что поджег галеру Пертау-паши, заместителя Али. Во время этой третьей атаки Али попало в лоб пушечное ядро. Не успел он упасть, как его голова была отрублена солдатом из Малаги, который насадил ее на пику и размахивал ею, чтобы придать храбрости товарищам. Турецкий адмирал погиб, флагман был захвачен, и турки быстро лишились мужества. Большинство их кораблей было разрушено в свалке; те, кому удалось выбраться, развернулись и спаслись бегством.

Тем временем на юге дела шли не так хорошо. С самого начала наступления, около десяти часов того утра, Джан Андреа Дориа тревожила его позиция. Турецкий левый фланг под командованием Улук Али, который ему противостоял, был длиннее и сильнее — девяносто три корабля против его шестидесяти четырех — и, растянувшись в южном направлении, как затем и произошло, угрожал обойти фланг Дориа. Чтобы избежать этой опасности, генуэзец изменил курс в направлении юго-востока, результатом этого маневра стал постоянно увеличивающийся разрыв между ним и доном Хуаном. Дориа следовало бы подумать получше. Улук Али увидел этот разрыв и немедленно изменил свои планы, повернув к северо-западу с целью прорвать

строй христиан и напасть на них с тыла. Следуя этим курсом, он добрался до южной части эскадры дона Хуана, состоявшей из нескольких кораблей мальтийских рыцарей. Мальтийцы сражались доблестно, но против настолько превосходящего противника у них не было ни одного шанса, и они погибли все до последнего. Их флагман был взят на буксир, и Улук Али поднял их захваченное знамя на своем корабле.

К этому времени дон Хуан де Кардона, восемь галер которого находились в резерве, спешил на помощь рыцарям. Когда он подошел, на него обрушились шестнадцать турецких галер. Последовала самая жестокая и самая кровавая схватка за весь этот день. Когда она закончилась, 450 из 500 солдат на галерах Кардоны были убиты или ранены, а сам Кардона был при смерти. На нескольких кораблях, как обнаружилось потом, остались только трупы. Тем временем другие турецкие корабли спешили спастись: второй резерв, которым командовал Санта-Крус и — как только смог вырваться из битвы — сам дон Хуан Австрийский. Улук Али не стал задерживаться дольше, приказал тринадцати из своих галер грести побыстрее и на полной скорости увел их на северо-запад в направлении Санта-Мауры (современный Левкас) и Превезы. Оставшиеся галеры вырвались в другом направлении и вернулись в Лепанто.

Несмотря на смятение и ужасные потери, ставшие результатом трусости, вероломства и полной бездарности Джан Андреа Дориа — множество его коллег после битвы обвинили его во всех просчетах, — битва при Лепанто стала ошеломляющей победой для христиан. Согласно наиболее достоверным оценкам, они потеряли только тринадцать галер — двенадцать утонули и одну захватил враг; турки же лишились 113 и 117 галер. Повреждения были тяжелыми с обеих сторон, что было неизбежно, так как большинство из них сражалось врукопашную; но, хотя потери христиан вряд ли превышали 15 000 человек, турки предположи-

тельно потеряли вдвое больше, за исключением тех 8000 человек, которые попали в плен*. Кроме того, было захвачено множество трофеев; только на флагмане Али-паши обнаружилось 150 000 цехинов. В заключение приведем самое радостное известие: было освобождено 15 000 христианских галерных рабов. Всеми этими достижениями союзники были обязаны главным образом самому дону Хуану Австрийскому, чье управление большим и разнородным флотом было мастерским и чье блестящее использование огневой мощи оказало продолжительное влияние на развитие приемов войны на море. В будущем исход морских сражений стал решаться больше при помощи артиллерии, чем абордажа. Это, в свою очередь, означало применение больших по размеру и более тяжелых кораблей, которые могли двигаться только под парусом. Битва при Лепанто была последним крупным морским сражением, в котором участвовали весельные галеры, таранившие друг друга носом. Началась эпоха бортовых залпов.

И вот 18 октября некий Джуффредо Джустиниани на галере «Анжело» прибыл в Венецию с новостями. Город все еще оплакивал потерю Кипра, был охвачен гневом из-за того, как зверски обошлись турки с Маркантонио Брагадино, и полон страха перед тем, какие еще беды ожидают его в будущем. В течение часа, прошедшего с появления «Анжело», тянущего за собой по воде турецкие знамена, с палубой, заваленной трофеями, всеобщее настроение изменилось. Ведь Венеция взяла реванш, и для этого ей не пришлось долго ждать. Внезапно площади, улицы и каналы наполнились звуками ликования, все спешили на Сан-Марко, что-

---

* Среди раненых христиан на борту «Маркизы» был Мигель де Сервантес. Он был дважды ранен в грудь, третий выстрел навсегда изувечил его левую руку — «к большей славе правой», как он писал. Он описывал Лепанто как «величайшее событие, которому когда-либо были свидетелями прошлые или нынешние поколения, или поколения будущие могут надеяться увидеть», и больше всего в своей жизни гордился своим участием в этом сражении.

бы услышать подробности, найти друзей и отпраздновать победу. Незнакомые люди бросались друг другу на шею, смеясь и целуясь; ворота долговой тюрьмы были открыты, а заключенные амнистированы, тогда как турецкие купцы, напротив, ради собственной безопасности забаррикадировались в Фондако деи Турки, пока волнение не улеглось. В соборе Сан Марко, специально освещенном в честь этого события, за «Te Deum» последовала благодарственная торжественная месса; вокруг Риальто торговцы тканями украсили лавки и дома лазурными драпировками, усыпанными золотыми звездами, а над самим мостом была установлена большая триумфальная арка с гербами Венеции и ее доблестных союзников. Той ночью в городе едва ли нашлось хоть одно здание, которое не было бы освещено свечами и факелами изнутри и снаружи, играли оркестры, люди танцевали, и — чтобы никто не боялся присоединиться к всеобщему веселью — было дано специальное разрешение носить маски. Чтобы увековечить это сражение, главный вход в Арсенал работы Гамбелло был расширен и дополнительно украшен крылатым львом (с подходящей надписью) и двумя крылатыми Никами. Спустя год или два фронтон увенчали статуей святой Джустины, ведь именно в день этой святой была выиграна великая битва; и с 1572 года до падения республики этот день ежегодно отмечался шествием дожа и синьории к церкви этой покровительницы, снаружи здания были выставлены на обзор населению турецкие знамена*. В церкви Санти Джованни э Паоло построенная по обету часовня была посвящена Мадонне в розах, ее потолок расписывал Веронезе. Наконец, во Дворце дожей великая победа была изображена дважды — на героическом, хотя и невыразительном, полотне Андреа Вичентино в зале Скрутинио и на ослепительной картине Веронезе в зале коллегии, на которой Себастьяно Веньер и

---

* Гете случайно увидел прибытие этой процессии к церкви в 1786 году, и он описал ее в своем «Итальянском путешествии». Однако он не присутствовал на последующей мессе.

Аугустино Барбариго приносят благодарность, а святой Марк и святая Джустина смотрят на них.

Поэтому бой при Лепанто остался в памяти как одна из битв, имеющих решающее значение, и как величайшее морское сражение за время от Акции до Трафальгара. Правда, в Англии и в Америке оно обязано своей немеркнущей славой главным образом поэме Дж. К. Честертона; но в католических странах Средиземноморья битва при Лепанто вышла за рамки истории и, подобно Ронсевалю, превратилась в легенду. Однако вполне ли заслуживает это событие такой славы? Технически и с точки зрения тактики — бесспорно, заслуживает; после 1571 года морские сражения больше никогда не проходили, как прежде. С точки зрения стратегии — нет. Бой при Лепанто не стал, как надеялись победители, точкой конца «качания маятника», вехой, после которой судьба христиан внезапно изменилась бы и они набрали бы силу и вытеснили бы турок в сердце Азии, откуда те и пришли. Венеция не вернула Кипр; только два года спустя она заключила сепаратный мир с султаном, отказавшись от всех своих притязаний на остров. Битва при Лепанто не означала и окончания ее потерь; в следующем столетии такая же судьба постигла Крит. Что касается Испании, ей не удалось существенно усилить свою власть в Центральном Средиземноморье; и уже через семнадцать лет разгром Армады нанес такой удар ее морскому могуществу, от которого Испания не скоро оправилась. Также она не смогла разорвать связи между Константинополем и мавританскими правителями Северной Африки; в течение трех лет турки вытеснили испанцев из Туниса, подчинив местных правителей и превратив эту территорию — как они поступили и с большей частью Алжира на западе и Триполи на востоке — в провинцию Османской империи.

Но для всех христиан — и особенно для народа Венеции, — которые ликуют в эти торжественные октябрьские дни, истинная важность Лепанто заключалась не в стратегии или тактике; победа имела моральное значение. Тяжелая черная туча, которая нависала над ними в течение двух

веков и которая с 1453 года неуклонно становилась все более угрожающей, до тех пор, пока они не почувствовали, что их дни сочтены, — эта туча вдруг исчезла. За совсем недолгое время возродилась надежда. Возможно, венецианский историк Паоло Парута лучше всех выразил общественное мнение во время надгробной речи в соборе Сан Марко, посвященной тем, кто пал в битве:

> Они показали нам своим примером, что турки не столь непобедимы, как мы думали раньше... Таким образом, можно сказать, что, хотя начало этой войны было для нас временем заката, оставившим нас в бесконечной ночи, теперь смелость этих людей, как истинное, животворное солнце, даровала нам самый прекрасный и самый радостный день, который когда-либо видел этот город за всю свою историю.

Глава 38

СУМЕРКИ ВЕКА (1571–1595)

Объединение с союзниками нанесло величайший ущерб республике, из этого опыта мы можем извлечь определенные полезные выводы. Во время войны расторопность и готовность поймать случай крайне важны, а для морской войны крайне необходимо выходить в море в начале апреля... Ошибка — заключать союз с правителями настолько могущественными, что мы обязаны считаться с их желаниями... мы должны рассчитывать больше на свои собственные силы, чем на силы союзников, поскольку союзники пекутся о своих собственных интересах, а не об интересах всей лиги. Также главнокомандующий не должен быть государем, он должен быть человеком, которого можно наградить или наказать... Наконец, тому, кто не имеет хорошей перспективы полностью или в достаточной степени уничтожить врага, лучше посоветовать искать с ним мира; но если война неизбежна, лучше перенести войну во вражеский стан, чем отсиживаться в обороне.

Джакомо Фоскарини, генерал-капитан, — сенату. Осень 1572

«Расторопность и готовность поймать случай»: для Венеции после Лепанто это могло означать только одно. Их славная победа должна быть немедленно доведена до конца. Нельзя давать туркам ни отдыха, ни времени перевести дух; их нужно преследовать и снова навязать им битву, прежде чем у них будет возможность восстановить свои подорванные силы, и пока союзники все еще имеют стимул двигаться вперед. Это было обращение, которое Венеция предложила на обсуждение своим испанским и папским союзникам; но ее доводы те пропустили мимо ушей. Предположительно дон Хуан Австрийский тайно согласился и был бы только рад поспешить, чтобы успеть до зимы; но у него были приказы Филиппа, которым он не мог не повиноваться. По условиям лиги, союзные силы должны были снова собраться весной; до тех пор дон Хуан должен был распрощаться с союзниками. Он вернулся со своим флотом в Мессину, куда они прибыли 1 ноября.

К весне 1572 года венецианцам стало ясно, что интуиция их не подвела. Испания, как обычно, увиливала и мешкала, выдвигая одно возражение за другим. Папа делал все возможное, чтобы побудить испанцев к действиям, но он уже был болен и 1 мая скончался. С его смертью лигу покинул боевой дух. Наконец, потеряв надежду на помощь испанцев, Венеция решила самостоятельно предпринять экспедицию, к которой добровольно присоединился Маркантонио Колонна с эскадрой папских галер. Только тогда испанцы были вынуждены действовать. Они не желали остаться в стороне, если будет одержана еще одна победа. Филипп больше не возражал, и в июне дон Хуан Австрийский наконец получил позволение присоединиться к своим союзникам.

Флот соединился у Корфу и направился на юг в поисках врага. С некоторым беспокойством союзники узнали, что за восемь месяцев, прошедших после Лепанто, Селим сумел построить новый флот из 150 галер и восьми галеасов — эти последние были новшеством для турок, на которых, очевидно, произвело сильное впечатление, насколько блестя-

щее применение этим кораблям нашел дон Хуан Австрийский при Лепанто. Однако прошел слух, что корабельные плотники, осознававшие участь, которая их ожидала, если им не удалось бы завершить работу в установленный султаном срок, были вынуждены использовать сырую древесину; что пушки были отлиты поспешно и многие из них непригодны для использования; и что насильно завербованные на службу после ужасных потерь при Лепанто команды почти не обучены. Было маловероятно, что они доставили бы союзникам большие трудности. Главной задачей было навязать туркам сражение.

Так в действительности и оказалось. Флоты встретились у Модоны — в течение 250 лет это была одна из основных венецианских факторий в Пелопоннесе, пока ее не отнял султан в 1500 году, — и сразу же турки укрылись в гавани. Союзники погнались за ними, заняли позицию прямо у входа в гавань, у Наварино (современный Пилос) и стали ждать. Модона, как им было известно, не могла долго обеспечивать флот таких размеров. Гористая местность была бесплодна, дороги отсутствовали; все снабжение могло осуществляться лишь с моря. Казалось, нужно просто подождать и враг будет вынужден выйти из укрытия, а затем последовало бы повторение битвы при Лепанто.

Но снова надежды Венеции были разрушены; и снова причиной тому стали испанцы. 6 октября дон Хуан внезапно объявил, что он не может дольше оставаться в греческих водах и возвращается на запад. Фоскарини, ошеломленный, спросил о причине и, когда принц дал неубедительный ответ, что его запасы провианта подходят к концу, сразу же предложил снабдить его провизией из собственных припасов и, если это необходимо, приказать, чтобы из Венеции доставили еще. Но дон Хуан, несомненно действуя согласно новым приказам из Испании, был непоколебим. Колонна его поддержал. Фоскарини должен был признать, что его флот не был достаточно большим, чтобы противостоять туркам в одиночку. Он кипел от ярости при мысли об

упущенной возможности, но, не имея выбора, отдал приказ возвращаться.

Всю зиму венецианский посол убеждал короля Филиппа. Турки, доказывал он, стремились к мировому господству; они постоянно расширяли свои владения в течение почти пятисот лет и продолжали захватывать новые территории; чем дольше им позволить наступать, тем более сильными и неодолимыми они станут; это долг короля перед христианством — и перед самим собой, если он желает сохранить свой трон, — взяться за оружие и не складывать его, пока труд, столь блистательно начатый при Лепанто, не будет полностью завершен. Но Филипп не хотел слушать. Он ненавидел Венецию и не доверял ей; он исполнил свой долг в том, что касалось турок, в прошлом году, и с немалым успехом; после такого разгрома должно пройти какое-то время, пока враги вновь поднимут голову. Между тем он целиком занят восстанием Вильгельма Молчаливого в Нидерландах. Он же не жалуется и не упрашивает Венецию помочь ему с его проблемами; он не видит причины, почему он и дальше должен помогать ей справиться с собственными трудностями.

Но в эти же зимние месяцы король Франции, Карл IX, был также занят, строя козни против Филиппа в трех различных областях. В Нидерландах он оказывал всю возможную поддержку восстанию. В Средиземноморье он маневрировал с целью добиться контроля над Алжиром, и, возможно, именно его происки послужили причиной того, что Филипп отозвал дона Хуана из Наварино. В Венеции и в Константинополе его послы упорно трудились, чтобы добиться мира между султаном и республикой. К весне их усилия увенчались успехом. Венеция не желала мира. Особенно после Лепанто она делала все возможное, чтобы сплотить лигу и убедить своих союзников присоединиться к ней в всеобщем наступлении, которое с божьей помощью должно было бы закончиться только в самом Константинополе. Но республика потерпела неудачу. Филипп был откровен-

но не заинтересован, как и новый папа Григорий XIII. Брошенная союзниками, республика слишком хорошо знал, что продолжать войну в одиночку означало навлечь новые нашествия турок в Адриатику и, по всей вероятности, захват Крита и ее последней крепости в Леванте. Венеции ничего не оставалось, кроме как принять условия, которые ей были предложены. 3 марта 1573 года соглашение было подписано. Венеция брала на себя обязательство, помимо прочего, платить султану по 300 000 дукатов в течение трех лет и отказаться от всех притязаний на Кипр.

Во владениях его католического величества раздавались вопли ужаса и отвращения. В Мессине взбешенный дон Хуан Австрийский сорвал знамя лиги с верхушки мачты и поднял испанский флаг. Насколько прав был Филипп, говорили его подданные, что не доверял этим венецианцам; они обязательно предали бы его, раньше или позже. Все было так, как если бы победа при Лепанто никогда не была одержана.

На самом деле так и было. Несмотря на все ликование, веселье и шум, а также создание великой легенды о Лепанто, которая сохранилась по сей день, истина заключается в том, что одно из самых прославленных морских сражений, как оказалось, не имело какой-либо долговременной стратегической важности. Но те, кто сокрушался громче всех, могли винить только себя.

Правление дожа Альвизе Мочениго началось с двойного несчастья: провала экспедиции 1570 года и потери Кипра. Затем был триумф Лепанто, который мгновенно поднял дух венецианцев от полного упадка до уровня экзальтации, возможно не имеющей себе равных на протяжении всей истории республики. Старому дожу довелось править и во время еще одного взрыва народного ликования, и во время катастрофы, которая была еще страшнее, чем предыдущая, прежде чем его короткое, но богатое событиями правление подошло к концу.

Первым из этих событий был визит двадцатитрехлетнего короля Франции Генриха III, который посетил Венецию в июле 1574 года. Обстоятельства были, мягко говоря, необычными. Только в феврале этого года — благодаря интригам своей матери, Екатерины Медичи, — Генрих был коронован королем Польши. В мае, однако, неожиданно умер его старший брат, Карл IX, и Генриха срочно вызвали в Париж, где его ждала корона Франции. Опасаясь недовольства своих польских подданных — службе которым он посвятил свою жизнь всего три месяца назад, — он бежал из своего нежеланного королевства переодетым и под покровом темноты (на случай необходимости прихватив с собой бриллианты из польской короны, которые оценивались в 300 000 экю) и не останавливался до тех пор, пока не добрался до империи. Оттуда, после недолгого пребывания в Вене с императором Максимилианом, он отправился в Венецию.

Со времени заключения сепаратного мира с султаном и последующего отдаления от Испании и империи отношения Венеции с Францией приобрели первостепенную важность; и венецианцы, никогда не упускающие возможности устроить зрелище, решили устроить Генриху такой прием, который он запомнил бы надолго. В Маргере, на материке, короля встретили шестьдесят сенаторов в малиновых бархатных одеяниях; оттуда на флотилии позолоченных гондол Генриха доставили в Мурано, где его ожидал почетный караул из шестидесяти алебардщиков, одетых в сделанную специально для этого случая форму, содержащую национальные цвета Франции, а также сорок юных потомков самых знатных семейств Венеции, которые были личной свитой Генриха во время его визита. Его торжественный въезд в город был запланирован на следующий день; тем же вечером, однако, он сумел незаметно ускользнуть, завернувшись в черный плащ, чтобы тайно попутешествовать по каналам.

На следующее утро дож Мочениго торжественно прибыл в Мурано, и два правителя вместе по воде отправились в

Лидо, где прошли под триумфальной аркой (для этого случая сконструированной Палладио и расписанной Веронезе и Тинторетто) и вошли в церковь Сан Николо для торжественной мессы*. После окончания службы они снова вступили на парадную барку и проплыли через Бачино и вверх по Большому каналу к палаццо Фоскарини, которое, вместе с соседним палаццо Джустиниани, было задрапировано малиновым бархатом с золотым шитьем и лазурным шелком, вышитым лилиями в честь молодого короля Франции.

В течение следующей недели дни и ночи напролет Генриха очаровывали. Все законы, ограничивающие потребление предметов роскоши, были временно отменены; венецианскую аристократию поощряли надевать самую роскошную одежду, самые дорогие драгоценности. Проводились пиры и парады, представления актеров, танцоров и акробатов. Французского короля сделали почетным членом сената, и он присутствовал на одном из заседаний. Прибыли стеклодувы из Мурано и выставили свои изделия под его окнами. Он призвал Тициана, которому тогда было девяносто семь лет, и позировал для Тинторетто. Он даже улучил время, в один из немногочисленных свободных моментов, чтобы воспользоваться благосклонностью самой популярной венецианской куртизанки, Вероники Франко — выбранной, как говорили, после старательного просмотра альбома миниатюр, который специально для этого королю показала синьория. Но венецианцы также были твердо намерены показать ему, что они живут не только ради красоты и удовольствий. Однажды рано утром они проводили его в Арсенал, чтобы показать киль заложенного корабля. Тем же вечером, на закате, они привели его обратно: там был тот же самый корабль, спущенный на воду со стапеля, готовый к действиям — полностью оснащенный, полностью вооруженный и полностью обеспеченный провиантом.

---

* В зале Четырех дверей во Дворце дожей находится полотно работы Вичентино, изображающее эту сцену.

Только ближе к концу визита дож Мочениго, который призвал короля якобы для того, чтобы подарить ему некую редкую книгу, начал говорить о политике. Лепанто, сказал он, действительно был славной победой; но результатом стал дальнейший рост и так уже подавляющего могущества Испании; и для всех разумных государств Европы это должно стать поводом для сожаления. Он искренне верит, что Франция, в настоящее время заслуженно восстановившая былое величие, могла бы сделать все возможное, чтобы обуздать амбиции короля Филиппа. Что до религиозного вопроса во Франции — только два года назад произошла Варфоломеевская ночь; это, естественно, Венеции не касается, но дож надеется, однако, что его величество позволит ему выразить пожелание, чтобы под властью нового монарха Франция вернулась на путь милосердия и разумной терпимости. Такая политика хорошо служила на благо его собственной республики; только таким образом, как он осмеливается предполагать, можно обеспечить мир и стабильность.

Генрих был уклончив; как бывший глава католической партии во Франции, он вряд ли мог вести себя по-другому. Вскоре после этого, после прощального роскошного пира, король покинул город, дож лично сопровождал его до Фузины. Но Генрих никогда не забывал Венецию, радушный прием, который ему оказали, исключительно венецианское сочетание красоты и деловитости, утонченности и мудрости. Когда он попрощался со своими новыми друзьями, одарив их богатыми подарками в благодарность за гостеприимство — огромный бриллиант для дожа, тяжелую золотую цепь для хозяина палаццо, в котором он жил, Луиджи Фоскарини, — и дож, и Фоскарини, и их сограждане знали, без всякого сомнения, что их деньги были потрачены с толком.

Однако, если бы король Генрих мог снова посетить Венецию ближе к концу следующего года, или в 1576-м или 1577 году, он увидел бы совершенно другой город — город,

в котором затихли радостные крики и праздничный шум, уступив место холодному и зловещему молчанию. С Пьяццы исчезли толпы людей; вокруг Риальто и Мерчерии лавки были заперты и закрыты ставнями. В Венецию пришла чума.

Это была эпидемия, столь же внезапная и ужасающая, как и разразившаяся свыше двухсот лет назад, она проникла во все уголки города и во все слои общества. Два знаменитых врача из Падуи, приглашенные официальными provveditori di Sanita*, оказались бесполезны. Вскоре старый Лаццаретто был переполнен больными, а новый — теми, чей диагноз еще не был установлен; несколько старых галеонов были отбуксированы на середину лагуны и поспешно превращены в дополнительные изолированные госпитали, обеспеченные пищей, лекарствами, свежей водой, врачами и священниками. Так как население вымерло или бежало, Венеция стала походить на покинутый жителями город. Постоялые дворы и гостиницы закрылись; суды перестали работать, поскольку судьи, адвокаты и те, кто мог бы судиться, искали убежища на материке. В тюрьмах осталось мало живых. Только дож, его синьория и сенат продолжали исполнять свои обязанности, хотя число действующих сенаторов уменьшалось с угрожающей скоростью. Осенью 1576 года, в отчаянной попытке предотвратить дальнейшее распространение чумы, все выжившие жители города были заперты в своих домах на целую неделю; но эта мера не достигла результата. Наконец, с приходом зимы, распространение болезни постепенно пошло на убыль; но только следующим летом, в воскресенье, 21 июля 1577 года, правительство осмелилось официально объявить о том, что эпидемия закончилась.

Чума унесла жизни около 51 000 венецианцев, и в том числе Тициана. Население города, которое в 1563 году составляло около 168 000 человек и к 1575 году выросло приблизительно до 175 000 человек, в 1581 году составля-

---

* Чиновники, отвечающие за медицину. — *Примеч. ред.*

ло только 124 000 человек. Вряд ли оставался хоть один венецианец, который не потерял бы близкого родственника; более того, многие семьи вымерли полностью. Даже теперь опасались, что официальное объявление искушает судьбу и что в любой момент могут прийти известия о еще одной вспышке болезни. Но Венеция не замедлила вознести благодарность за спасение: на острове Джудекка уже начала строиться новая большая церковь, порученная государством величайшему из живущих архитекторов Венеции Андреа Палладио — церковь Христа Спасителя, Иль Реденторе. Там, ежегодно и до конца республики, в то самое третье воскресенье июля, присутствовали на торжественной мессе дож и синьория; даже в наши дни это событие все еще ежегодно празднуется*.

Альвизе Мочениго не дожил до завершения строительства церкви. Он умер — естественной смертью — 4 июня 1577 года и был похоронен в церкви Санти Джованни э Паоло, где его надгробие можно увидеть в середине западной стены между надгробиями двух дожей Мочениго, Пьетро и Джованни, правивших незадолго до него. Неделю спустя после его смерти был избран преемник — герой Лепанто и самый прославленный из живущих венецианцев, Себастьяно Веньер, которому был восемьдесят один год. Вспыльчивый, непреклонный и остро осознающий свои выдающиеся достижения — вступив в должность, он сразу издал распоряжение, обязавшее всех аристократов, которые сражались при Лепанто, в течение недели носить красные мантии, — Веньер правил только один год; но этот год принес еще одну катастрофу с еще более ужасными последствиями, чем даже чума. Уже в 1574 году, вскоре после отъезда Генриха III, во Дворце дожей случился серьезный

---

* До середины 1970-х годов во время празднования наводили понтонный мост через канал к Джудекке, от Иль Реденторе до Дзаттере, расположенного напротив; к сожалению, эта замечательная традиция теперь прекращена из-за соблюдения требований промышленной зоны.

пожар, уничтоживший залы коллегии и сената и часть личных апартаментов. Теперь, 20 декабря, последовал второй большой пожар, гораздо хуже первого. Зал Большого совета и зал голосования были полностью уничтожены. Работы Гварьенто, Беллини и более поздних мастеров — Тициана, Тинторетто и Веронезе — погибли в огне; и хотя двое последних могли написать новые картины для восстановленных комнат, утрата была невосполнима. Более того, повреждения были так велики, что некоторые из наиболее выдающихся архитекторов того времени, и среди них сам Палладио, решительно настаивали, что все здание нужно разрушить и построить вместо него новый дворец в более классическом стиле; мы можем быть только благодарны, что восторжествовал разум, и всего за восемь месяцев величайшая в мире постройка светской готической архитектуры была тщательно восстановлена*.

Когда дож Веньер, который во время пожара отказывался покинуть Дворец дожей, умер спустя менее трех месяцев**, Большой совет — собравшийся, согласно венецианской традиции, чтобы выбрать избирателей, — был вынужден провести заседание в Арсенале. Только когда был определен сорок один избиратель, они смогли собраться в одной из неповрежденных комнат Дворца дожей для тайного совещания. 18 марта 1578 года их выбор пал на некого Николо да Понте восьмидесяти семи лет от роду, он был значительно старше, чем даже его предшественник. У него

---

* Однако на фасаде здания, выходящем на берег, можно увидеть, что в новом зале Большого совета окна были сделаны выше, без прекрасного ажурного рисунка XIV века, сохранившегося на двух старинных расположенных справа окнах, избежавших огня.

** Он был похоронен, довольно неожиданно, в церкви Санта Мария дельи Анжели в Мурано. Только в 1907 году его тело было перенесено обратно в Венецию и помещено в северном трансепте церкви Санти Джованни э Паоло, рядом с могилой его предка, дожа Антонио Веньера.

за плечами была безупречная служба республике, которую он представлял не только на Тридентском соборе, но и в Риме, где у него была незавидная задача оправдываться перед папой за сепаратный мирный договор Венеции с султаном. К счастью, за семь лет его правления не возникло дипломатических сложностей такого масштаба. И только одна проблема, представляющая скорее личный интерес, чем какую-либо историческую важность, достойна упоминания. Она касается одной из немногих венецианских романтических героинь, чье имя все еще помнят: Бьянки Каппелло.

Бьянка была ослепительно красива и происходила из старого венецианского семейства. В 1563 году, в возрасте пятнадцати лет, она сбежала с бедным флорентийским банковским служащим, Пьетро Бонавентури, который был ее соседом в приходе Сан-Апонал. Ее разгневанный отец выдвинул обвинение, Совет десяти назначил официальное расследование, и прокуроры коммун объявили юную пару преступниками и назначили цену за их головы. Оказавшись в безопасности во Флоренции, однако, Бьянка скоро начала жалеть о своем импульсивном решении. Родители Пьетро, с которыми они вынуждены были жить, не могли себе позволить держать слуг, а Бьянка не имела привычки вести домашнее хозяйство, а также ухаживать за свекровью, прикованной к кровати. Поэтому, в общем, было неудивительно, что, случайно попавшись на глаза Франческо, распутному сыну великого герцога Козимо де Медичи, она уступила его домогательствам и вступила с ним в любовную связь, которая обещала быть несравнимо более приятной — и полезной, — чем жизнь с семейством Бонавентури.

Так как ее любовник был уже женат — на угрюмой набожной эрцгерцогине Иоанне Австрийской, — Бьянка вскоре оказалась в центре скандала, даже большего, чем тот, что она вызвала в Венеции. Тем временем, не обращая внимания на гнев своего отца, Франческо сделал ее мужа своим придворным и даже безуспешно пытался через посредничество флорентийского дипломатического представителя

в Венеции и папского нунция добиться для нее амнистии и примирения с родителями. Затем, в 1574 году, умер герцог Козимо; и почти тогда же, но при менее торжественных обстоятельствах — его убили в уличной драке, возможно, с ведома Франческо, но вряд ли по его прямому приказу — скончался Пьетро Бонавентури. Теперь Франческо был великим герцогом Тосканским. Он немедленно поселил Бьянку во дворце по соседству со своим собственным и в течение следующих четырех лет демонстрировал ее всей Флоренции как свою признанную любовницу, что глубоко унижало меланхоличную Иоанну, которая находила утешение в еще более долгих и частых молитвах.

Тем не менее великая герцогиня не была окончательно покинута мужем; весной 1578 года она умерла при родах. Меньше чем через два месяца, 5 июня, Франческо и Бьянка поженились — хотя из-за необходимости соблюдения траура прошел еще год, прежде чем о браке было объявлено публично. Соответственно только в июне 1579 года великий герцог отправил особого посла к дожу да Понте, сообщив ему о своем браке и добавив особую просьбу: Венеция могла бы выразить свое удовольствие и радость по поводу бракосочетания Франческо, объявив его жену дочерью республики. Эта просьба была повторена во втором письме, от самой Бьянки, в котором она радовалась укреплению связей между Венецией и Тосканой, которое, без сомнения, принесет ее брак, и выражала решимость полностью соответствовать тем ролям, которыми она одинаково гордится: любящая супруга великого герцога и верная дочь светлейшей (Serenissima) республики.

Столь быстрое возвышение объявленной вне закона до самого высшего титула, который республика могла пожаловать женщине, могло бы вызвать множество вопросов. Однако сенат почти без колебаний дал свое одобрение, одновременно возведя отца и брата Бьянки в звание cavaliere и сделав их членами высокопоставленной делегации, возглавляемой патриархом Аквилеи, которая должна была

представлять республику на столь долго откладываемом торжестве бракосочетания во Флоренции в следующем октябре. В свою очередь, юная великая герцогиня была верна своему слову, в течение следующих восьми лет никогда не забывая о своем венецианском происхождении и не упуская возможности посодействовать интересам родного города.

Но у нее и у ее мужа были враги во Флоренции, и самым опасным из них был ее деверь Фердинандо де Медичи, кардинал с четырнадцати лет, который, за неимением у Франческо детей мужского пола, считал себя наследником престола. Бьянка все еще не могла подарить своему мужу сына, и это было для нее источником постоянного беспокойства. Один раз, в 1576 году, она пошла на притворную беременность и роды и утверждала, что ребенок, которого тайно принесли к ней в покои, ее собственный. Но ее муж обнаружил обман; теперь, десять лет спустя, она попыталась повторить ту же хитрость, но план снова не удался. Это была ее последняя попытка: еще до конца следующего года она и ее муж скончались.

То обстоятельство, что Франческо и Бьянка умерли внезапно, в расцвете сил, в течение двух дней друг за другом, и, несмотря на взаимное недоверие между братьями, кардинал Фердинандо тогда действительно наносил им визит, неизбежно привели к обычным сплетням и подозрениям. Ходили слухи об отравленном фруктовом пироге, который, как думали некоторые, приготовил Фердинандо, но другие придерживались мнения, что, наоборот, пирог состряпала сама Бьянка для своего деверя. Согласно этой последней версии, недоверчивый кардинал осознанно испытал его на Франческо, при этом охваченная ужасом Бьянка, увидев агонию мужа, схватила свой собственный кусок пирога и проглотила его, это был жест гибельного отчаяния. Кто-то с радостью предпочтет поверить в такую шекспировскую dénouement (развязку); однако нужно признать, что при вскрытии трупов, которое Фердинандо немедленно прика-

зал провести в присутствии членов семьи Бьянки, а также всех придворных врачей, не было обнаружено ни следа яда. Причиной обеих смертей, как полагают в настоящее время, почти наверняка была малярия.

Хотя новый великий герцог немедленно сообщил венецианцам о «самой прискорбной двойной потере», которую он перенес, он не позволил похоронить свою невестку вместе с ее мужем. Вместо этого ее тело было завернуто в саван и брошено в общую могилу. Он также приказал, чтобы герб ее семьи стирали, где бы он ни находился, и заменяли гербом первой жены Франческо, Иоанны. Траур был запрещен — так же, из уважения к чувствам Фердинандо, поступили и в Венеции.

Во Флоренции такое мелочное проявление мести, как ни печально, но, по крайне мере, понятно. В родном городе Бьянки это было непростительно. Бьянка заслуживала лучшего. Но сограждане венецианцы никогда ее не забывали; и приятно писать, что дом, где она родилась и провела детство, по соседству с Понте Сторто в приходе Сан-Апонал — один из красивейших уголков Венеции — все еще имеет именную табличку в ее память.

Когда Бьянка Каппелло умерла в октябре 1587 года, дож Николо да Понте уже два года был в могиле. Однако мы немного потревожим его покой и упомянем о еще одном событии, происшедшем во время его правления, которое, будучи незначительным само по себе, было важной и зловещей чертой политической жизни Венеции в тот период: растущее могущество и уменьшающаяся популярность Совета десяти.

Как помнят читатели, Совет десяти первоначально был создан как временный комитет общественной безопасности для борьбы с последствиями неудачного заговора Баймонте Тьеполо в июле 1310 года. Предполагалось, что совет просуществует два с половиной месяца; в тот момент, о котором мы говорим, он существовал уже несколько столе-

тий, за это время став важной частью венецианского правительственного механизма. Важной, но вместе с тем не вполне органичной: с самого начала Совет десяти отказался полностью приспосабливаться к венецианской конституционной системе. Эта система имела форму пирамиды: дож — синьория — коллегия и сенат — Большой совет. Совет десяти, однако, всегда оставался в стороне — нелогичное, аномальное образование с исключительными полномочиями, которые в крайнем случае оно могло использовать, чтобы прекратить волокиту, чтобы обойти долгие дискуссии сената, принимать свои собственные решения и немедленно приводить их в действие. Обычные дела, политические или военные, финансовые или дипломатические, проходили по обычным каналам, с обычными оговорками и проволочками. Срочные вопросы или дела, требующие особой секретности или деликатного подхода, могли, минуя коллегию, попадать прямо в Совет десяти, который был уполномочен действовать по собственному усмотрению, производить платежи из тайных фондов, и даже давать секретные инструкции венецианским дипломатам, отправляющимся за границу. Сфера компетенции совета десяти охватывала все, что касалось государственной безопасности и охраны порядка, — и границ его полномочий практически не существовало.

Имея такие полномочия, удивительно, что, по крайней мере в основном, Совет десяти использовал свое огромное могущество так мудро, — особенно если учесть, что ему нечасто требовалось отчитываться за свои действия перед высшей властью. На деле, однако, удавалось избежать злоупотреблений главным образом благодаря его внутренним ограничениям и противовесам. В совет избирали на один год, вновь избираться бывшие члены имели право только по прошествии года. Два члена одной семьи никогда не могли избираться в совет одновременно. Руководящая роль никогда не принадлежала одному человеку, но триумвирату глав совета — capi, который менялся каждый месяц и

членам которого на время пребывания у власти были запрещены все социальные контакты с внешним миром, чтобы они были недоступны для слухов или подкупа. Продажность наказывалась смертью. В заключение — очень важный момент, о котором слишком часто забывают, — в совет, помимо десяти избранных членов, также входили дож и синьория, увеличивая его фактическую численность до семнадцати человек.

Но постепенно становилось ясно, что даже семнадцати членов не всегда достаточно. Мы уже видели, что при необходимости принятия важного решения Совет десяти просил Большой совет избрать zonta — дополнительный орган, состоявший из сенаторов, которые присоединялись бы к десяти для обсуждения особых вопросов. Эти zonte значительно укрепляли власть Совета десяти, уменьшая влияние оппозиции в других советах; но поскольку Совет десяти усиливался, его члены контролировали все больше государственных дел, другие, более традиционные органы управления постепенно теряли свое значение, и это им, естественно, не нравилось. Первые признаки этого недовольства появились еще в 1457 году, когда Совет десяти справедливо обвинили в превышении полномочий, поскольку они приказали сместить с поста дожа Франческо Фоскари. Одиннадцать лет спустя их полномочия были детально ограничены до решения «наиболее деликатных вопросов» — «cose segretissime». Однако эта формулировка оставляла множество лазеек, и деятельность Совета десяти не была заметно ограничена.

Даже, скорее, напротив. Беспокойная история Венеции конца XV века и первой четверти XVI давала все больше и больше поводов для избрания zonte, пока в 1529 году мера, к которой изначально прибегали редко и в исключительных случаях, не стала общепринятой системой, и был провозглашен постоянный состав zonta, состоявший из пятнадцати главных должностных лиц государства. Восемь лет спустя было предпринято новое и еще более противореча-

щее конституции действие: расширенный Совет десяти начал назначать подкомиссии, прямо подотчетные только ему. Первым из них был орган, известный как борцы с богохульством (Esecutori contra la Bestemmia), который специально занимался борьбой с безнравственностью — в чем преуспел не более, чем все другие организации такого рода; но за ним в 1539 году последовало введение института трех государственных инквизиторов (Inquisitori di Stato), что пробудило в душах многих здравомыслящих венецианцев серьезные опасения. Объявленная цель этого органа — укреплять государственную безопасность — была вполне понятна. Король Франции и король Испании содержали настоящую армию шпионов по всей республике, продажа секретов которым стала обычным и прибыльным делом. Чтобы выжить, Венеция полагалась на дипломатию, а поэтому очевидно, что такую опасную торговлю надо было прекратить. Но когда стало ясно, что трое государственных инквизиторов, хотя формально и подотчетных Совету десяти, были специально облечены теми же полномочиями, которыми обладал и сам совет, и, в частности, имели право проводить расследование и выносить приговор без предварительного согласования с дожем, люди начали задаваться вопросом, не станет ли подобное лечение хуже болезни.

Это был вполне уместный вопрос, но он остался без ответа, и Совет десяти продолжал фактически править Венецией, явно не обращая внимания на свою практически всеобщую непопулярность. Затем, в 1582 году, произошли два случая, которые если и не подорвали могущество совета, то несомненно поколебали его уверенность. Первый из них касался некоего Андреа да Лацца, прокуратора Сан Марко, которого совет особенно желал видеть в числе пятнадцати членов zonta, но Большой совет упорно отказывался его избирать. Взбешенный этой неудачей, в ответ Совет десяти увеличил на одного человека количество прокураторов, входящих в него по праву, и выбрал на эту должность да Лацца, но на это решение Большой совет также наложил вето.

Второй случай касался драки в Лидо, когда компания молодых аристократов оскорбила местную девушку и была немедленно атакована шайкой местных молодчиков bravi. Бравые драчуны, вышедшие победителями из стычки, сразу же подали жалобу в Совет десяти, который выслушал их благожелательно; причем настолько, что когда на следующий день юные аристократы, придя в себя, тоже подали жалобу, им не уделили внимания. Тогда они обратились в кварантию (Совет сорока), которая встала на их сторону, отменив решение Совета десяти.

На следующих выборах zonta Большой совет выразил свое неодобрение позиции Совета десяти, согласившись утвердить только двенадцать кандидатов вместо утверждаемых обычно пятнадцати, и в декабре предпринял решительную попытку определить раз и навсегда, точно, что именно относится к секретным вопросам, упомянутым в законе 1468 года. Это было бесполезно: чем больше обсуждался вопрос, тем более невозможно становилось его решить. 1 января 1583 года трое неутвержденных членов снова были выставлены на выборы, но снова безуспешно, и от принципа zonta отказались с молчаливого согласия. В результате могущество Совета десяти до некоторой степени уменьшилось, но основная проблема так и не была решена: Совет десяти был странным образованием, так было всегда, и в этом заключалась его сила. Никакие ограничения никогда не смогли бы втиснуть его в рамки конституции, где для него не было места. Сокращенный до своей обычной численности, Совет десяти присмирел и на некоторое время ограничил свою деятельность теми вопросами, в которых его полномочия не вызывали сомнений. Совет десяти продолжал вызывать страх; но он утратил большую часть уважения, которым некогда пользовался, и уже никогда не восстановил его полностью.

Сомнительно, смог бы старый Николо да Понте, которому было уже далеко за девяносто, оказать большое влияние во время этой пробы сил между Большим советом и Со-

ветом десяти. Он быстро слабел. Из-за его склонности дремать во время дискуссий в коллегии уже возникла необходимость построить что-то вроде барьера перед его троном, чтобы он не соскользнул на пол. 15 апреля 1585 года он перенес удар, который лишил его речи. Он продолжал исполнять свои обязанности, как мог, но вскоре после этого вновь уснул во время государственного приема в зале сената; на этот раз его корно свалился и покатился по полу, остановившись у ног одного из прокураторов, Паскуале Чиконья; и, возможно, из уважения к такому очевидному проявлению божьей воли Чиконья был избран его преемником*, когда 30 июля да Понте испустил последний вздох. Это был не первый случай, когда будущий дож был отмечен столь чудесным образом: несколько лет назад, на Корфу, когда Чиконья присутствовал на мессе, внезапный порыв ветра вырвал гостию из рук совершавшего богослужение священника и отнес прямо ему в руки. Так что Паскуале Чиконья уже имел вокруг себя если не ореол святости, то, по крайней мере, ауру одного из божьих избранников.

Избрание на высший пост, однако, не далось ему без борьбы. Только на девятнадцатый день обсуждения и после пятьдесят третьего голосования он получил необходимое большинство, и даже тогда успехом был обязан только внезапному решению своего соперника, Винченцо Морозини, выйти из борьбы. Когда результат был объявлен, простой народ, который уже устроил шумную демонстрацию в поддержку Морозини за стенами Дворца дожей, был в ярости. Их любимец был несметно богат и известен своей щедростью; они знали, что оба эти качества Морозини в полной мере продемонстрировал бы во время инаугурационной процессии вокруг Пьяццы, когда дож по традиции кидал монеты в толпу своих подданных. Чиконья, с другой

---

* Да Понте был похоронен в церкви Санта Мария делла Карита, но его могила была разрушена, когда здание церкви отошло к Академии в 1807 году. Сохранился только бюст, и сейчас он находится в музее Венецианской семинарии.

стороны, был известен своей скупостью, что и доказал, швыряя толпе не золотые дукаты, как обычно, а маленькие серебряные монеты по пять сольдо — и тех, как говорили, было не слишком много. (Впоследствии эти монеты презрительно называли «чиконьини».)

Однако, несмотря на такое довольно сомнительное начало, правление Паскуале Чиконьи было спокойным и мирным, и он постепенно достиг немалой популярности. Правда, ускоки, как всегда, продолжали причинять неприятности, но другие серьезные проблемы, с которыми он столкнулся, все были дипломатического рода, и их разрешили с достаточно заметным успехом. Наиболее важной из них было убийство французского короля Генриха III, которое 1 августа 1589 года совершил фанатичный доминиканский монах. Генрих, который давно покинул постель своей жены ради общества более пикантных миньонов, не преуспел в рождении наследника; и с ним линия Валуа пресеклась. Законным наследником престола являлся протестант Генрих Бурбон, король Наварры, но, хотя Генрих объявил, что готов принять католическую веру, тем не менее против него яростно выступали Французская католическая лига, чрезвычайно могущественный дом Гизов, Филипп Испанский и папа Сикст V.

Венеция, с другой стороны, одобряла кандидатуру Генриха. Всегда терпимая в вопросах религии, республика также ясно сознавала, что среди ведущих держав Европы Франция была ее единственной поддержкой против амбиций Испании. Все, чего она хотела, — чтобы Франция была сильной, единой и внутренне стабильной. Сразу же, когда сообщение об убийстве Генриха III достигло города, венецианскому послу во Франции, Джованни Мочениго, были посланы инструкции добиваться немедленной аудиенции у нового короля, принести ему поздравления республики и заверить его в ее неизменной дружбе и расположении. Наградой был любезный ответ, который привез в Венецию особый посол, Франсуа де Люксембург, с благодарностью за столь дружеские чувства, которые, как Генрих охотно

признавал, он ценил больше всего, так как Венеция была единственным государством в Италии, которое признало его права.

Такая инициатива не могла не вызвать гнева папы, чья реакция не замедлила последовать. Если, бушевал он, Венеция хочет сохранить репутацию верной дочери церкви, ей лучше отказаться от контактов с еретиками. Неужели она считает себя величайшей страной в мире, что жаждет подать пример всем остальным? Ответ республики был почтительным, но твердым: Генрих Наваррский является законным наследником престола Франции. Это разумный и добродетельный принц крови — более того, кстати, чрезвычайно сильный, — показывающий явную готовность принять истинную веру; он уже объявил, что католическая церковь во Франции и все ее приверженцы останутся свободными, почитаемыми и неприкосновенными. Более того, никто лучше не сможет сплотить страну после тех бурь, что она пережила. На этом моменте обсуждение приняло новый оборот: должна ли Франция и дальше подвергаться упадку и разорению в руках иностранных интриганов? Неужели папа искренне полагает, что иностранными армиями, которые она была вынуждена допустить на свою землю, движет бескорыстная преданность вере, а не личные амбиции и жажда власти?

Это был сильный аргумент, который упорно и убедительно отстаивал венецианский посол в Риме, Альберто Бадоэр; и он достиг своей цели. Папа выразил согласие, что де Люксембург останется в Венеции — но при условии, что он не будет появляться на государственных церемониях, — и, что более важно, согласился принять представителей Генриха в Ватикане, чтобы начать обсуждения по обращению короля в католическую веру.

Теперь была очередь Филиппа гневаться, протестовать и даже угрожать; но испанские войска и силы французских католиков медленно отступали перед армиями Генриха. 25 июля 1593 года торжествующий король принял католическую веру, после чего заметил, что Париж стоит

мессы: в марте 1594 года он вступил в свою столицу, и восемнадцать месяцев спустя папа Климент VIII даровал ему отпущение грехов и официально принял его в свою христианскую паству.

Понятно, что Венеция не могла содействовать военным успехам Генриха в завоевании его законной короны. Однако на дипломатическом поле своим искренним и смелым примером, а также заступничеством перед пятью сменяющими друг друга папами* Венеция сделала многое, чтобы дать Генриху возможность укрепить дипломатическое влияние, она сломила оппозицию католиков и постепенно добилась для него политического и религиозного признания, что было ему крайне необходимо. Это усиление влияния в дипломатической сфере и признание Генриха со стороны папы окончательно сломило дух Филиппа II. Он продолжал бороться еще какое-то время, но все менее успешно и в мае 1598 года был вынужден смириться. В сентябре он умер.

Умер и Паскуале Чиконья. Он стал жертвой недолгой, но смертельной лихорадки в апреле 1595 года. Его похоронили в церкви Санта Мария Ассунта**; но наилучшим памятником ему нужно признать одну из самых знаменитых достопримечательностей Венеции — мост Риальто.

Это до сих пор единственный мост через Большой канал. Там с двенадцатого века была понтонная переправа; но только в 1264 году был построен первый настоящий мост, на деревянных сваях. Он был дважды разрушен: в

---

*Удивительно, но в Риме было три папы в период после смерти Сикста V в августе 1590 года и до вступления на престол Климента VIII в январе 1592 года. Урбан VII правил две недели в сентябре 1590 года, Григорий XIV — десять месяцев, с декабря 1590 по октябрь 1591 года, и Иннокентий IX — шестьдесят два дня, с октября по декабрь того же года.

** Перестроенная в XVIII веке, теперь эта церковь известна как Джезуити, но могила Чиконьи сохранилась от более ранней постройки и сейчас находится рядом с дверью ризницы.

первый раз это сознательно сделал Баймонте Тьеполо после своего неудачного восстания в 1310 году; во второй раз мост случайно обрушился под весом народа, столпившегося на нем, чтобы увидеть проезд маркиза Феррары в 1444 году. После того несчастья мост был снова перестроен, он остался деревянным, но стал гораздо больших размеров, с лавками и центральной разводной частью — как нарисовал Карпаччо на одной из картин «Чудо с реликвией Святого Креста», которая теперь находится в Академии. К середине XVI века сооружение явно доживало свои последние дни, и было принято решение построить мост из камня. Был объявлен конкурс — возможно, по квалификации тех, кто в нем участвовал, это было самое выдающееся архитектурное состязание, которое когда-либо проводилось, проекты представили Микеланджело, Сансовино, Виньола, Скамоцци и Палладио (чьи планы моста из пяти арок с фронтонной колоннадой сохранились до сих пор). Поставленные перед таким embarras de richesse* власти в течение долгого времени не могли принять решение; и они все еще колебались, когда два подряд пожара во Дворце дожей и возникший спрос на всех самых умелых работников, какие только были, стали причиной еще одной задержки. Когда, наконец, власти снова смогли обратить внимание на Риальто, контракт был отдан не одному из соревнующихся титанов, а более скромному архитектору, который отвечал за восстановление дворца, с подходящим именем Антонио да Понте. Он и его племянник, Антонио Контин — создатель другого наиболее любимого моста Венеции, Моста вздохов, — вместе спроектировали и построили, между 1588 и 1591 годами, мост Риальто, каким мы его знаем сегодня, с соответствующей памятной надписью в честь дожа Паскуале Чиконьи.

Как произведение искусства, нужно честно признать, мост лишен отличительных особенностей. Большинство людей испытывают по отношению к нему неясные нежные

---

* Затруднение от избытка (*фр.*).

чувства, как и к любой другой широко известной достопримечательности, и — справедливо — поднялся бы всеобщий шум, если бы поступило предложение как-то его переделать. Поэтому, так или иначе, мост принят людьми. Его широкая известность не дает заметить недостатки — непропорциональность, странное ощущение неустойчивости конструкции, грубость деталей. Тем лучше. Только изредка мы внезапно, неожиданно, на долю секунды, видим его заурядность; но в такие моменты трудно не чувствовать мгновенного укола сожаления о том шедевре, который Венеция могла бы иметь, если бы было позволено творить гениво.

Глава 39

ПОСЛЕДНЕЕ ОТЛУЧЕНИЕ (1595–1607)

> Мы не можем понять, как возможно притязать, чтобы свободному государству, такому как наша республика, свободная от рождения и как таковая милостью Божьей просуществовавшая 1200 лет, не позволялось бы принимать те меры, которые оно считает необходимыми для защиты государства, когда они никоим образом не причиняют вреда правлению других государей.
>
> *Сенат Венеции — послу в Риме, 26 ноября 1605 г.*

Примерно в двухстах ярдах от моста Риальто, на восточной стороне Большого канала, принижая соседние здания, находящиеся на каждой из сторон канала, возвышается громада палаццо Гримани. Начатое Микеле Санмикели в 1556 году, это здание никоим образом не является самым прекраснейшим из дворцов Венеции, но по размерам и масштабу, а также благодаря исключительному великолепию фасада в стиле высокого Возрождения оно, без сомнения, одно из наиболее впечатляющих. Из-под огромных свай дворца его владелец, Марино Гримани, — восемьдесят седь-

мой дож Венеции*, во время правления которого республика вошла в XVII век, — 26 апреля 1595 года отправился по воде на церемонию своего возведения на престол.

Как видно из его образа жизни, Марино Гримани был одним из богатейших людей Венеции. Богачи, будучи щедрыми, всегда становились популярными дожами; и хотя избрание Гримани было исключительно затянувшимся и потребовало семидесяти одного голосования в течение трех с половиной недель, народ воспринял его с большим ликованием. Люди не были разочарованы: в отличие от своего предшественника, новый дож во время своей церемониальной процессии вокруг пьяццы Сан-Марко буквально забросал их золотыми монетами, его жена и сыновья в то же самое время бросали монеты полными горстями из окон своего дворца. Последовали обычные цветистые речи, одну из которых, согласно записям, произнес некий Дионизо Лаццари, шести лет от роду. Всем беднякам города раздавали бесплатный хлеб и вино в неограниченном количестве. Неудивительно, что праздник продолжался далеко за полночь.

Но даже эта расточительность померкла по сравнению с той суммой, которую Гримани потратил два года спустя — время, необходимое для соответствующих приготовлений, — на коронацию своей жены. Оказание такой высокой чести было в Венеции редкостью: прежде она была оказана всего дважды: супруге Паскуале Малипьеро в 1457 году и супруге Лоренцо Приули в 1556 году. Однако ни одна из прошлых церемоний не могла сравниться по великолепию с той, что прошла в мае 1597 года. Сначала догаресса, одетая в золотую парчу, в сопровождении более чем 200 дам в роскошных платьях, специально сшитых для этого случая,

---

* По традиционным подсчетам, он был восемьдесят девятым; однако в настоящее время точно установлено, что первые двое, обычно включаемые в список, вообще не были дожами. Один из них был византийским экзархом Равенны, а другой — *magister militum*.

была официально препровождена в собор на благодарственный молебен, после которого она поднялась на балкон своего дворца, чтобы наблюдать за грандиозной процессией всех девятнадцати гильдий города. Затем последовал роскошнейший пир в зале Большого совета. Торжества продолжались три дня: еще больше пиров, еще больше процессий, танцующих при свете факелов на пьяцце Сан-Марко и на наплавных мостах на Большом канале, и даже военно-морской парад, закончившийся регатой, который был немного омрачен непогодой и в котором участвовали корабли из Англии, Голландии и Фландрии. Было подарено множество дорогих подарков, догаресса раздавала особые монеты со своим изображением и, среди прочего, получила золотую розу от папы Климента VIII.

Вскоре, однако, папа показал себя в другом свете, причинив дожу Гримани и его подданным немало беспокойства. Кризис начался со смерти Алонсо, герцога Феррарского, случившейся незадолго до того. Не имея собственных сыновей, герцог сделал наследником своего кузена, дона Чезаре д'Эсте; но папа отказался признать законность этого наследования на том основании, что дон Чезаре, хотя и был позднее признан, но родился вне брака. Папа утверждал, что теперь герцогство должно вернуться к церкви. Неудивительно, что новый герцог энергично оспаривал это требование, вследствие чего папа направил армию под командованием одного из своих наиболее воинственных кардиналов, чтобы захватить Феррару силой, одновременно послав за помощью в Венецию.

Здесь заключалась проблема. Герцоги Феррарские не были достаточно сильны, чтобы причинить Венеции какие-либо серьезные неприятности, но могущественный папа у самых границ, контролирующий крайне важную дельту реки По, — совсем другое дело. С другой стороны, если бы республика последовала своему чутью, сохранила свой теперешний нейтралитет и отказала Клименту в военной помощи, он вполне мог обратить оружие против нее самой; Испания, всегда бдительно выжидающая возможности раз-

делаться с Венецией, тут же выступила бы на стороне папы, и последующая война могла бы иметь еще более опасные последствия. Республика решила дать уклончивый ответ, указав посланнику папы, что первой необходимостью всегда был мир в Италии и что проблемы вроде той, что возникла сейчас, всегда предпочтительнее решать с помощью переговоров, нежели силы. Если необходимо посредничество, Венеция будет счастлива предложить свои услуги.

Ситуация быстро разрешилась сама собой. В январе 1598 года, прежде чем Венеции пришлось бы прийти к определенному решению вмешаться, дон Чезаре — его боевой дух был подорван известием, что папа отлучил его от церкви — сдался папским силам, согласившись уступить Феррару и всю территорию герцогства в обмен на возвращение в лоно церкви и одну или две небольшие уступки, которые практически ничего не стоили бы Клименту. Очень обрадованный успехом, папа лично прибыл, чтобы вступить во владение своей новой провинцией, и триумфально вступил в Феррару, куда Венеция, вынужденная содействовать неизбежному, отправила четырех послов принести папе поздравления.

К несчастью, разногласия с папой на этом не закончились; на самом деле проблемы только начинались. Сначала Климент предпринял новые попытки уменьшить контроль республики над местным духовенством; затем он выразил протест, когда Венеция наняла некоего Марко Шарра, отлученного от церкви, для борьбы с ускоками; далее последовал конфликт по поводу границ и навигации на реке По; затем папа возмутился, когда Венеция собралась обложить духовенство Бреши, наравне с обычными горожанами, налогом на восстановление крепостных укреплений; и в 1600 году последовал новый, еще более серьезный конфликт, и снова по поводу юрисдикции. На этот раз дело касалось небольшого городка Ченеда*, который, хотя и принад-

---

*Название Ченеда невозможно найти на современных картах. Теперь это часть современного города Витторио-Венето,

лежал Венеции последние двести лет, фактически находился под управлением местного епископа с раннего Средневековья — обстоятельство, которое подтолкнуло папу послать епископу Ченеды предупреждающее письмо, в котором он отвергал власть Венеции и требовал, чтобы все апелляции в будущем отправлялись в Рим, под угрозой отлучения от церкви. В последующем споре Венеция, полагая, что затронут важный принципиальный вопрос, не уступила ни пяди. Климент понял, что просчитался, и частично уступил, но это дело явилось первым ударом грома, предвещая в будущем гораздо более яростную бурю. Если бы только республика могла об этом знать...

В начале XVII века уже не вызывало сомнений, что религиозная терпимость Венеции становилась все более неприемлемой для Рима. Это ухудшение положения было на совести Рима, но не Венеции. С распространением Реформации по Европе и, в частности, с обнародованием в 1598 году Нантского эдикта, в котором Генрих IV подтвердил наихудшие подозрения папы, предоставив французским протестантам свободу вероисповедания и равные политические права с католиками, Рим постоянно усиливал давление, чтобы заставить католические правительства подчиниться папскому контролю. Венеция отказалась покориться. Занимая такую позицию, она не считала себя виновной в неподчинении главе церкви. Как рассуждал дож, когда его обвинили в кальвинизме: «Что значит кальвинист? Мы такие же добрые христиане, как и сам папа, и умрем христианами, нравится это кому-то или нет».

Проблема была в том, что вопрос, который папа называл духовным, Венеция считала исключительно политическим. Республика чтила католические доктрины; с другой стороны, она не могла рисковать политической независимостью, которая была для нее священной. Кроме того, будучи космополитическим городом, само существование

который находится приблизительно в двадцати километрах к юго-востоку от Беллуно.

которого основывалось на международной торговле, как могла республика подвергать дискриминации еретиков в большей степени, чем ранее иноверцев?

Хотя Климент VIII не прекращал интриговать, Венеция одержала несколько побед. Ченеда была одной из них; другая относилась к 1596 году, когда специальный конкордат фактически предоставил венецианским книгопродавцам и печатникам право при определенных условиях работать с книгами, входящими в Index Expurgatorius (особое издание, публикующее списки книг, подлежащих исправлению). (В конечном счете они пользовались этим правом очень редко, но такой прецендент, по крайней мере, имел место.) Республика, не обращая внимания на протесты папы, позволила протестантским купцам и ремесленникам из швейцарского кантона Грисонс обосноваться на ее территории. Она также стойко защищала свободу вероисповедания иностранных дипломатов. Когда в 1604 году Венецию упрекали за разрешение сэру Генри Уоттону ввозить протестантские молитвенники и проводить англиканские службы в своей личной часовне, она послала в Рим твердый ответ: «Республика никоим образом не может обыскивать багаж английского посла*, о котором известно, что он ведет спокойную и безупречную жизнь и не замешан в каких бы то ни было скандалах».

Папа не настаивал, и сэр Генри продолжал спокойно совершать свои богослужения в течение всех четырнадцати лет, что был послом в Венеции**. Но в марте 1605 года папа

---

* На самом деле багаж почти наверняка проверяли. См. следующую главу.

** Сэр Генри не постоянно занимал эту должность. Первый срок полномочий Уоттона длился с 1604 по 1612, второй — с 1616 по 1619, и третий — с 1621 по 1624 годы. Большую часть его времени занимала покупка картин для короля и герцога Бэкингема. Итонскому колледжу, провостом (проректором по учебной работе) которого он стал позднее, Уоттон подарил огромную картину, изображающую полную панораму Венеции, которая до сих пор там висит.

Климент умер, и — после правления Льва XI, которое продолжалось всего двадцать шесть дней и не было примечательно ничем другим — на папский престол взошел Павел V. Камилло Боргезе, несмотря на выдающуюся церковную карьеру, похоже, был искренне удивлен своим избранием, которое он мог объяснить только как знак свыше, данный ему, чтобы уничтожать ересь и устанавливать верховную власть церкви, согласно букве канонического права. Папские легаты стали еще чаще добиваться аудиенций у дожа, чтобы возражать и протестовать против проводимой им церковной политики. Почему сенат недавно запретил возведение новых церковных зданий в городе без специального разрешения? Почему он недавно также запретил отчуждение светской недвижимости в пользу церкви, таким образом лишая ее выгодного наследства от благочестивых венецианских семейств? Венеция тщетно возражала, что стало невозможно содержать даже существующие церкви и монастыри, которые уже заняли половину территории города; или что, с тех пор как папа Климент издал указ, по которому церковная собственность не может быть продана мирянам, соответствующий закон был необходим, чтобы предотвратить отчуждение все большего количества земли из рук республики. Такие аргументы просто не принимались, и папские послания начали приобретать угрожающий характер.

Таким образом, с самого начала правления Павла определились два противника, ни в чем не желающих уступать. Венеция делала все возможное, чтобы сохранить дружественные отношения, и даже зашла так далеко, что возвела семейство Боргезе в ранг венецианских аристократов — поступок, доставивший удовольствие папе, который послал благодарственное письмо, полное лести и похвал; но покров любезности не мог держаться долго. Не прошло и года с момента избрания Павла, как произошли три события, любое из которых могло бы ускорить наступающий кризис.

Первым из них была смерть венецианского патриарха, Маттео Дзане, и назначение сенатом его преемника, Фран-

ческо Вендрамина. В таких случаях традиционно в Венеции было принято, в порядке любезности, просить Ватикан утвердить новую кандидатуру преемника. Однако, когда пришло время назначения Дзане, Климент VIII ответил, что такое утверждение больше не будет дано просто так, и настаивал, чтобы новый патриарх лично явился в Рим для утверждения. Сначала Венеция отказалась, но потом дала согласие на поездку Дзане в Рим при условии, что тот поедет не для проверки, а просто чтобы удостоиться чести получить у папы личную аудиенцию. Теперь же, с назначением Вендрамина, ответ папы Павла был тем же, что и его предшественника, но в еще более резких выражениях. И снова Венеция, как и раньше, была готова к компромиссу, но на этот раз папа был непреклонен. Вопрос все еще не был урегулирован, когда снова разразилась буря.

Или, точнее, целых две бури, но настолько похожих и грянувших с таким небольшим интервалом, что их можно практически считать за одну. Эти разногласия касались двух мнимых священников, Скипио Сарачени (который, как впоследствии выяснилось, никогда не получал духовного сана) и Маркантонио Брандолина, которые в августе и сентябре соответственно предстали перед Советом десяти. Первый — за настойчивые посягательства на честь своей племянницы, после отказа он публично оклеветал и оскорбил девушку и вымазал ее парадную дверь грязью. Второй — по словам его знатного дяди, который выдвинул обвинения, — за «убийства, мошенничества, изнасилования и жестокость к своим подчиненным». В каждом случае Совет десяти приказал немедленно провести расследование и, когда оба обвиняемых оказались действительно виновны, взял на себя ответственность судить и наказать обоих преступников. Тотчас же папа забыл о своем возведении в венецианский дворянский чин и снова перешел в словесное наступление. Эти двое обвиняемых, поскольку принадлежат к духовенству, находятся вне юрисдикции республики, которая не имеет права держать их в тюрьме. Они

немедленно должны быть переданы церковным властям, которые затем предпримут любые действия, какие сочтут нужными.

До конца осени 1605 года продолжался спор, атмосфера все более накалялась и к концу года крайне обострилась. Затем, в середине декабря, при отношениях, быстро достигших критического состояния, Венеция назначила своим представителем в Риме некоего Леонардо Дона, опытного дипломата, который представлял свою страну в Испании и в Константинополе и был ветераном многих дипломатических битв при папском дворе. Было уже слишком поздно. Дона был еще на пути через Апеннины, когда папа приказал отправить в Венецию два послания. Одно касалось вопроса церковной собственности, другое — дел Сарачени и Брандолина. Если Венеция тотчас же не отменит свои решения и не отдаст двух узников, то будет отлучена от церкви.

Послание было вручено рождественским утром, и поэтому его вскрыли не сразу. Оно все еще было не прочитано, когда тем же вечером умер старый дож*; и его не прочли до тех пор, пока не избрали его преемника. Этим преемником стал не кто иной, как сам Леонардо Дона. Его поспешно отозвали обратно из Рима, и именно он наконец распечатал папский ультиматум. Это грозное сообщение находилось в Венеции уже больше 15 дней, и отношение папского нунция к республике не оставляло никаких сомнений в его содержании. Поэтому нового дожа удивил только тот факт, что неаккуратный секретарь в папской курии не послал второе из двух бреве, нечаянно положив на его место копию первого. Наступил неизбежный кризис. Поскольку о

---

*Марино Гримани и его жена, которая пережила его на семь лет, покоятся в одной могиле в отдаленной церкви Сан Джузеппе ди Кастелло — их фамильной церкви. Но захоронение одной из самых великолепных супружеских пар, каких когда-либо рождала республика, в столь отдаленном и неприметном месте довольно странно.

капитуляции не шло и речи, республика должна была приготовиться к противостоянию. Но каким оружием сражаться? Время дипломатии прошло; теперь битву нужно было перенести во вражеский лагерь. Павел V, как было хорошо известно, считал себя юристом; и теперь Венеции, чтобы представить, аргументировать и защитить свою правоту перед остальным миром, требовался знаток канонического права, который также был бы богословом, диалектиком, политиком и философом, человеком, глубоко сведущим в церковной истории, и оратором, который мог бы приводить доводы с доходчивостью и безжалостной логикой, поворачивая все аргументы папы против него самого.

Сенат не колебался. Он пригласил Паоло Сарпи.

К сожалению, причем как для автора, так и для его читателей, в этом рассказе почти не будет речи о жизни великих личностей. За исключением дожей — и даже они выглядят расплывчато, потому что при достижении верховной власти у них остается немного возможностей выразить себя, — в этой истории немногие предстают людьми из плоти и крови, достойными нашего почитания, ненависти или даже презрения и которым тем не менее было дозволено влиять на развитие событий. Паоло Сарпи как раз был таким человеком; но, как бы ни были мы признательны ему за привнесение толики человеческого тепла на эти страницы, наш долг перед ним — ничто по сравнению с тем, чем ему была обязана Венеция, которую он провел через последний и самый тяжелый религиозный кризис в ее истории.

В то время Сарпи было пятьдесят три года, и с четырнадцати лет он был монахом-сервитом. В молодости он был придворным богословом герцога Мантуанского, а в 1575 году вернулся в Венецию и четыре года спустя его назначают главным поверенным ордена. Уже тогда он был знаменит своей ученостью, которая простиралась далеко за пределы сферы духовного; более того, сам склад его ума был скорее научным, нежели философским. Ему приписывали открытие кровообращения, за четверть века до Гарвея; без сомне-

ния, именно он открыл клапаны в венах. Как оптик, Сарпи заслужил благодарность самого Галилея, который преподавал в Падуанском университете в период между 1592 и 1610 годами и выражал признательность «mio padre e maestro Sarpi» за помощь в создании телескопа*. Возможно, вследствие аскетизма и скудного питания Сарпи очень страдал от простуд; сэр Генри Уоттон, который хорошо его знал, оставил незабываемое описание Сарпи, находящегося в своей келье, «окруженного грудами бумаги вокруг его стула и над головой, когда он читал или писал в одиночестве, ибо он полагал, как и лорд Сент-Олбани, что воздух опасен и является особенно пагубным, когда ум наиболее занят». Хотя Сарпи был «одним из самых скромных людей, каких только порождало человечество», восхищение сэра Генри этим человеком было безграничным:

> Превосходен в точных науках, в академическом и полемическом богословии; потрясающий математик даже в наиболее трудных для понимания частях этой науки, и еще к тому же такой знаток истории растений, как если бы он никогда не читал никаких книг, кроме самой Природы. Наконец, великий канонист, именно в этой области он обычно служил государству, и несомненно во время папского отлучения государство получило основную помощь от него.

Сарпи, теперь назначенный официальным советником сената, написал ответ республики на первое папское бреве, которое касалось церковной собственности. Тон послания был почтительный, но весьма решительный, стиль

---

* Они часто встречались в Венеции во дворце, который теперь известен как Корнер-Мартиненьо, на Большом канале. В то время он был собственностью братьев Андреа и Николо Морозини, которые превратили его в подобие научной академии. Леонардо Дона и будущий дож Николо Контарини также были здесь завсегдатаями.

краткий и лаконичный, каждое слово имело значение. Оно гласило:

> Государи по божественному промыслу, изменить который не может никакая людская власть, призваны устанавливать мирские законы на территории, им подвластной, и в пределах их; здесь нет причин для замечаний Вашего Святейшества, поскольку обсуждаемые вопросы являются не духовными, но светскими.

Второе папское бреве, касающееся двух преступных священников, пришло в конце февраля; на него Сарпи также дал подобным образом обоснованный и продуманный ответ. Но у папы не хватило терпения отвечать на доводы, которые, как он писал, «воняли ересью». И вот 16 апреля он объявил на консистории, что если Венеция не подчинится полностью в течение двадцати четырех дней, то интердикт вступит в силу; 17 апреля с этой целью было повсеместно обнародовано увещевательное послание. Однако Венеция не стала ждать, пока ее срок истечет: 6 мая Леонардо Дона поставил свою печать на эдикт, обращенный ко всем патриархам, архиепископам, епископам, викариям, аббатам и приорам на всей территории республики. Он, дож Венеции, который в светских делах не признает высшей власти, кроме самого Господа Бога, и чей долг обеспечивать мир и спокойствие в государстве, заявляет торжественный протест перед лицом всемогущего Бога и всего мира, что он приложил все возможные усилия, чтобы прийти к взаимопониманию с его святейшеством папой относительно наизаконнейших прав республики. Однако, поскольку Его Святейшество остался глухим и взамен выпустил публичное увещевательное письмо «вопреки здравому смыслу и вопреки учению Священного писания, Отцов Церкви и священных канонов, с предубеждением против мирской власти, дарованной Богом и против свободы государства, и в ущерб мирной жизни и имуществу, которыми с Божьего благосло-

вения обладают его верные подданные», это увещевательное письмо было официально объявлено не имеющим никакой силы. Поэтому дож умолял духовенство продолжать, как и прежде, заботиться о душах верующих и служить мессу, так как «самым твердым намерением республики было сохранить святую католическую апостольскую веру и обряды Святой Римской церкви». Протест заканчивался молитвой о том, чтобы Господь помог папе осознать тщетность его попыток, зло, которое он причинил республике, и правоту венецианцев.

Затем дож по совету Сарпи изгнал всех иезуитов (чья происпанская ориентация стала причиной принятия ими с самого начала стороны папы), театинцев и капуцинов с территории республики и отпустил папского нунция со словами:

> Монсиньор! Вы должны знать, что мы, каждый из нас, непоколебимы и убеждены в своей правоте, и не только правительство, но вся знать и народ нашего государства. Мы не придаем значения вашему отлучению: оно для нас ничего не значит. А теперь подумайте, куда приведет такое решение папы, если нашему примеру последуют другие.

Это не было пустой бравадой. Твердо убежденные в своей правоте, венецианцы не испытывали чрезмерного благоговейного страха, как, впрочем, и их духовенство. Рассказывали об одном приходском священнике, который отказался служить вечерню и, проснувшись утром, обнаружил виселицу, возведенную около его церкви; он понял намек. Другой, лучше документированный случай касался викария в Падуе, который, получив приказ отдавать определенные письма из Рима, ответил, что он сделает, как ему подскажет Святой Дух. Венецианский правитель ответил, что Святой Дух уже подсказал Совету десяти вешать всех, кто не подчинится; и письма были надлежащим образом переданы.

В конце концов это было не первое отлучение от церкви, которому подвергалась республика: одно было в 1284 году, другое — в 1309, и еще одно — в 1483. Что отличало этот случай от всех предыдущих, так это то, что Венеция специально ограничила свое сопротивление мирскими рамками. В духовном же аспекте она не желала ничего иного, как только оставаться верной дочерью церкви. Если папа настаивал на исключении республики из своей паствы, то не по ее вине; более того, это был его промах. Это было ново: старая проблема, касающаяся того, что принадлежит кесарю, а что — Богу, теперь предстала в новом свете в глазах постреформационной Европы. Таким образом, хотя три предыдущих интердикта не вызвали слишком большого интереса у окружающего мира, но теперешнее противостояние обсуждалось во всех странах христианского Запада. В книгах и памфлетах, на кафедрах и на людных площадях Венецию восторженно защищали или злобно поносили.

Пока полемика набирала силу и становилась все более горячей, Паоло Сарпи оставался в центре внимания, он писал бесчисленные письма, вел дебаты, проповедовал, спорил, старался еще более четко определить границу между небесной стезей церкви и земными путями светских государей. Для одних Сарпи представлялся архангелом, для других — антихристом. В Венеции люди падали ниц и целовали ему ноги; в Риме и Мадриде его работы публично сжигались. Неизбежно его призвали на суд инквизиции; конечно, он отказался явиться. Тем временем он достиг славы — или скандальной известности, — полностью затмевающей ту, которую он обрел благодаря научным, историческим и богословским работам или вообще когда-либо надеялся обрести.

Вскоре стало очевидно, что такой жизненно важный вопрос не может оставаться только теоретическим. Страны, как и полемисты, тоже приняли одну из сторон. Испания, естественно, была настроена враждебно; Англия и Голлан-

дия предложили свою активную поддержку. Во Франции Генрих IV уже балансировал на опасной грани: он не мог заявить о своей позиции настолько открыто, как ему бы хотелось. Однако он все-таки дал понять Венеции, на чьей стороне его симпатии, и предложил свои услуги в качестве посредника. Но к этому времени Венеция была не слишком настроена идти на уступки. Благодаря блестящей защите Сарпи ее позиция нашла поддержку в гораздо более широком масштабе, чем ожидалось. Ее религиозная жизнь продолжалась, как всегда; церкви были едва ли не более заполнены людьми, чем раньше. Ее дело было справедливым, а совесть была чиста. Шли недели и месяцы, и республика начала ощущать растущую гордость и радостное возбуждение: это была великая духовная битва, и она ее выигрывала. Оставалась единственная тревога: папа может попытаться навязать свою власть при помощи военной силы, с Испанией в качестве добровольного союзника. Только по этой причине Венеция могла задуматься о том, чтобы прийти к соглашению; но оно должно быть заключено на ее условиях.

Папа Павел и его курия оказались перед лицом ужасной правды. Отлучение не принесло результатов, на которые они рассчитывали. Самое страшное оружие в папском арсенале — то самое оружие, одной угрозы применить которое в Средние века было достаточно, чтобы поставить королей и императоров на колени, — утратило свою мощь. Хуже того, об этой неудаче стало известно всему миру. Последствия для папского престижа, уже неисчислимые, множились с каждым днем, пока действовал этот нелепый приговор. Его нужно было отменить, и немедленно. Сделать это было нелегко, но так или иначе способ нужно было найти.

Такими были доводы курии. В течение некоторого времени Павел был неспособен даже обдумывать такой сокрушительный удар, нанесенный его гордости, но наконец даже он был вынужден согласиться. Предложение Франции

о посредничестве было принято, и переговоры начались. Венеция, руководствуясь, как всегда, советами Сарпи, запросила многого. Например, она наотрез отказалась просить о снятии анафемы. Любая подобная просьба должна исходить от короля Франции, и в таком случае республика позволит, чтобы ее ассоциировали с ним; дальше этого она не пойдет. Что касается двух преступников, как только анафема будет снята, республика передаст их французскому послу в знак уважения королю, но сохраняя за собой право судить и наказывать их. Ни в коем случае Венеция не допустит снова на свою территорию иезуитов; другие изгнанные ордена, за исключением определенных лиц, могут вернуться, но она отказывается зафиксировать это в письменной форме. В заключение было тщательно подготовлено постановление, в котором говорилось, что ввиду того, что папа изменил точку зрения и отменил приговор, Венеция, в свою очередь, аннулирует свой торжественный протест; в постановлении, однако, не было ни слова, позволяющего предположить, что она признает свою неправоту или сожалеет о своих действиях.

Таким образом, в апреле 1607 года, по прошествии почти целого года, в течение которого оно только дискредитировало своих инициаторов, отлучение было отменено. Оно было последним в истории церкви; урок, преподанный Венецией, стал вечным предупреждением, и ни один папа больше не осмелился рисковать, а папская власть над католической Европой уже никогда не была прежней. Но снятие отлучения не означало примирения в иных, неявных аспектах. Павел V был публично унижен; более того, было несколько пунктов, которые остались неурегулированными — церковная проповедь, проверка и утверждение епископов и патриархов, будущее Ченеды — и о которых он не собирался забывать. Однако его ум главным образом занимало твердое намерение отомстить тем священникам, которые бросили вызов его эдикту, и прежде всего тому, которому он был обязан своим поражением, — Паоло Сарпи.

Сарпи не сразу оставил свою должность после возобновления нормальных отношений с Римом. Для него все еще находилась работа, и он продолжал совершать ежедневную пешую прогулку из монастыря сервитов во Дворец дожей, отмахиваясь от всех предупреждений, что его жизнь может быть в опасности. 25 октября 1607 года, после полудня, Сарпи возвращался в монастырь и спускался по ступеням моста Санта-Фоска, на него напали убийцы, которые, прежде чем убежать, трижды ударили его ножом — дважды в шею и один раз в голову, где нож, войдя в правое ухо, глубоко застрял в скуле. Чудом он оправился от ран; позднее, когда ему показали оружие, он осмотрел острие, болезненно улыбнулся и нашел в себе силы пошутить, что узнает «стилистическую точность» римской курии, имея в виду стилет. Конечно, нет доказательств его правоты. Но факт, что предполагаемые убийцы — которых к тому времени опознали — немедленно бежали в Рим, где потом разгуливали по улицам, вооруженные до зубов, и где им не было предъявлено никаких обвинений, наводит на мысль, что нападение, если и не было на самом деле организовано папскими властями, то, по крайней мере, не вызвало их неодобрения.

После этого случая Сарпи отказался от предложенного республикой дома на Пьяцце, но согласился совершать свое ежедневное путешествие в гондоле и разрешил соорудить закрытый проход, по которому он мог в безопасности дойти от двери своего монастыря до пристани. Несмотря на эти предосторожности, на него еще дважды совершали покушения, причем одно из них прямо в монастыре. На этот раз ему тоже удалось уцелеть. Сарпи умер в своей постели рано утром 15 января 1623 года. Его последними словами были «Esto perpetua» — «Пусть она живет вечно», — те, кто их слышал, решили, что они относятся к республике, которой он служил так успешно. Но папская злоба преследовала его и в могиле; когда сенат предложил поставить памятник в его честь, нунций стал яростно

возражать, грозя, что в этом случае святая палата объявит этого монаха нераскаявшимся еретиком. На этот раз Венеция уступила; и только в 1892 году была возведена бронзовая статуя в центре кампо Санта-Фоска, в нескольких ярдах от того места, где Сарпи так близко разминулся со смертью*.

---

*Сарпи был похоронен в монастырской церкви, откуда в 1828 году его останки были перемещены в церковь Сан Микеле. В библиотеке Марчиана есть его портрет, написанный, когда Сарпи был уже стариком, и на котором отчетливо виден шрам на его лице. Тот самый кинжал сохранился, сейчас им владеет семейство Джустиниани. К сожалению, от монастыря сервитов остались развалины; в начале XIX века он был конфискован, и прекрасное здание XIV века спустя несколько лет было разрушено. Развалины были выставлены на продажу в 1852 году — «земля и все камни», как писал Рескин.

Глава 40

ИЗМЕНА И ЗАГОВОР (1607–1622)

С убийцами, с ворами заодно
Броди по этим улочкам кривым!
Грабеж, без жалости татьба, разбой —
Кровавая в ночи вершится жатва!*

Томас Отуэй. Спасенная Венеция

Великие победы, военные, дипломатические или моральные, почти всегда положительно сказываются на популярности вождя победившей стороны. Однако Леонардо Дона был исключением из этого правила. Лидером в республике во время отлучения был Паоло Сарпи, и хотя впоследствии Дона правил Венецией еще пять лет, он никогда не пользовался народной любовью. Причина слишком очевидна. Снова и снова, особенно в тот период венецианской истории, проявляется один и тот же прискорбный факт: венецианцы судили о своих дожах по единственному качеству — их щедрости. Имеются свидетельства о том, как только что выбранный Дона во время своего обхода Пьяццы не проявил и доли ожидаемой щедрости, а трое племянников, которые его сопровождали, оказались скупыми до

* Перевод К. Ковешникова.

такой степени, что возмущенная толпа начала забрасывать их снежками. Тот же аскетизм проявлялся на протяжении всего правления Дона. Количество процессий было уменьшено, государственные расходы безжалостно урезаны; официальные приемы, которые традиционно сопровождались таким великолепием и помпой, что частенько доставляли больше удовольствия явившемуся без приглашения простонародью, чем самим гостям, были сокращены, количество гостей и выделяемых денег уменьшено. Как раз в то время, когда это было нужно больше всего, жизнь Венеции лишилась большей части своего колорита. Граждане с тоской вспоминали времена прежнего дожа, щедрого старого Марино Гримани, и впадали в уныние.

Во всех других отношениях Дона был замечательным правителем. Он обладал выдающимся умом — и, кстати, являлся близким другом Галилея, — был трудолюбивым, добросовестным и глубоко порядочным человеком; говорили, что он не пропустил ни одного заседания Большого совета, сената или Совета десяти, кроме тех редких случаев, когда ему мешала болезнь, и что ни одна даже самая мелкая деталь не ускользала от его внимания. Как ни странно, но этот высокий, суровый, неулыбчивый человек, с необычайно блестящими, проницательными глазами, очень сильно переживал свою непопулярность. В феврале 1612 года, на Сретение, во время ежегодного посещения церкви Санта Мария Формоза, толпа встретила его глумливыми возгласами и криками: «Да здравствует дож Гримани!». Этот случай произвел на него настолько болезненное впечатление, что он отказался впредь совершать публичные шествия. И сдержал слово. Пять месяцев спустя, 16 июля, после особенно горячих дебатов в коллегии, он внезапно упал и в течение часа скончался*.

---

* Дона был похоронен в соборе Сан Джорджо Маджоре, его могилу можно увидеть у западной стены. В зале Буссола во Дворце дожей находится его замечательный портрет работы Марко Вечеллио, сына Тициана.

Трое преемников Дона, Маркантонио Меммо, Джованни Бембо и его собственный дальний родственник Николо Дона, не оказали значительного влияния на историю — хотя Бембо отличился в битве при Лепанто, где потопил три турецкие галеры и получил два тяжелых ранения, шрамы от которых остались у него на всю жизнь. Правление их было недолгим — первые двое занимали трон по три года каждый, третий скончался от апоплексического удара всего через тридцать четыре дня после избрания — и, возможно, только по этой причине остался непримечательным для истории: но республика, чьей судьбой они управляли, переживала один из самых фантастических периодов своей истории.

Это был период, когда над всей Италией нависла угрожающая тень Испании. В течение более чем столетия испанские амбиции удерживала под контролем Франция. Но Франция отказалась от своих последних владений в Италии еще в начале века*, а убийство Генриха IV в 1610 году, после которого трон перешел к его девятилетнему сыну, Людовику XIII, и регентство его вдовы Марии Медичи, непоколебимой сторонницы Испании, оказались теми факторами, благодаря которым у его католического величества больше не осталось противников на полуострове. Теперь Испания владела Миланом и Неаполем; во Флоренции правил великий герцог Козимо II, двоюродный брат Марии Медичи, который почти полностью был под испанским контролем; а благодаря объединенному влиянию испанских кардиналов в папской курии и иезуитов то же самое можно было сказать и про папу. Только два итальянских государства были полны решимости противостоять растущей угрозе. Одним из них было герцогство Савойское, где герцог Карл Эммануил II собрал более чем двадцатитысячную армию и — с помощью французского маршала Ледигьера, который присоединился к нему по собственной инициати-

* Салуццо перешел к Савойскому герцогству по Лионскому соглашению в 1601 году.

ве, — был готов бросить вызов любым силам, которые испанский правитель Милана мог бы направить против него. Другим была Венеция.

Пока Милан угрожал Савойе, Венеции — откуда Карл Эммануил к тому времени получал значительные финансовые субсидии — пришлось столкнуться с еще большими трудностями с другой, восточной, стороны испанских «клещей»: это был еще один Габсбург, эрцгерцог Фердинанд Австрийский. Основной причиной, как обычно, были пираты-ускоки, которые продолжали бесчинствовать и в конце концов в 1613 году обезглавили венецианского адмирала, Кристофоро Веньера. Снова и снова Венеция заявляла протесты Фердинанду, требуя, чтобы он принял действенные меры по обузданию своих преступных подданных; но с ухудшением испано-венецианских отношений эрцгерцог стал смотреть на ускоков все более благожелательно и, сделав им для вида несколько мягких внушений, втайне поощрял их, как только мог. Венеция, как было уже не раз, взяла правосудие в собственные руки и послала карательную экспедицию; Фердинанд, в свою очередь, выразил протест; и разразившаяся в результате война, хотя и оставалась довольно беспорядочной, продолжалась в Истрии и Фриули до осени 1617 года, когда Венеция, Савойя и Испания заключили непрочный мир, по которому судьба ускоков была решена раз и навсегда. Их порты и крепости были разрушены, корабли сожжены, и все те, кто избежал более неприятной участи, были перевезены вместе с семьями во внутренние районы Хорватии, где со временем постепенно смешались с местным населением, утратив свою самобытность.

Однако Испания рассчитывала не только на силу оружия или дипломатию в достижении своих целей. В ее распоряжении были другие, более тайные и зловещие методы. Конец XVI и начало XVII столетий были прежде всего временем интриг. Конечно, интрига сама по себе не была новшеством: во Флоренции времен Медичи, в Милане при

Висконти и в основном (если верить легендам) в Риме при Борджиа в изобилии случались заговоры и отравления, шпионаж, тайные встречи и убийства. Это не было политической особенностью только Италии; во Франции люди, едва достигшие среднего возраста, еще помнили Варфоломеевскую ночь; были убиты Колиньи и сам Генрих IV; в Шотландии бесчисленные заговоры плелись на протяжении всей печальной и бурной жизни королевы Марии Стюарт; в Англии случился Пороховой заговор. Только Венеция, до неудавшегося покушения на Паоло Сарпи, оставалась практически не затронутой этой заразой. Но в тот период Венеция тоже быстро менялась. Как всегда, на улицах было полно праздных авантюристов, итальянцев и иностранцев. Но в прежние времена большинство из них нашли бы себе занятие в качестве наемных солдат или моряков. Теперь же они, скорее всего, примкнули бы к небольшим группкам bravi, которые слонялись в окрестностях Сан-Марко или Риальто и обеспечивали себя как могли, пока пытались найти какого-нибудь потенциального клиента, нуждавшегося в исполнителях грязной работы.

Обычно им не приходилось долго ждать. В прошедшие несколько десятилетий в Венеции стала появляться новая разновидность гостей — знатные иностранные дворяне. Хотя путешествие по Франции, Италии, Швейцарии и другим странам для завершения образования, так называемое большое путешествие, как таковое было еще не известно, к 1600 году вся Западная Европа основательно пропиталась идеями Возрождения, и одной из главных идей считалась польза от путешествия за границу — и прежде всего путешествия в Италию — как непременного атрибута культурного образования дворянина. В Средние века немного людей отважились бы отправиться за границу, кроме как на войну, в паломничество или по дипломатическим делам. Путешествие ради удовольствия было внове; и Венеция, с ее красотой, роскошью, космополитизмом, пышными зрелищами и быстро растущей репутацией самого главного в мире поставщика удовольствий, как невинных, так и по-

рочных, была излюбленным местом такого рода паломничества. Венеция радушно принимала этих первых туристов, давала им пристанище любым возможным способом и старалась проследить, чтобы их не обманывали. Тем не менее, что может быть естественнее для вновь прибывшего, чем поддаться на вкрадчивые уговоры одного или нескольких bravi, хорошо знающих окрестности, говорящих на языке приехавшего, разбирающихся в местных и обычаях и монетах и могущих обеспечить развлечения, защиту и любые другие более специфические услуги, которые могут понадобиться клиенту?

Но bravi могли нанять и для другой, более зловещей работы. Благодаря замечательным средствам сообщения Венеции и почти легендарной стабильности ее правительства она стала главным центром шпионажа Европы, международным информационным хранилищем государственных секретов. На тот момент все ведущие страны мира были там представлены посольствами, агентствами, банками, торговыми дворами или другими, более секретными организациями, и для многих из них главной задачей было собирать сведения. Для таких целей дополнительные глаза и уши всегда были полезны; умелая рука с ножом или не слишком чуткая совесть также всегда приходились кстати.

Было бы странно, если бы Венеция с помощью собственной разведывательной службы, организованной гораздо лучше любой иностранной разведки, не приглядывала за всей этой тайной деятельностью и не использовала ее в своих целях. Каждое посольство, даже каждое иностранное семейство было целиком под наблюдением венецианских агентов, которые сообщали прямо в Совет десяти подробности о приходах и уходах, о полученных письмах и подслушанных беседах. Особое наблюдение велось за лучшими куртизанками, некоторым из них государство платило за передачу любой информации, которую можно было бы использовать для шантажа или других целей. Также существовала активная сеть двойных агентов, чьей задачей было поставлять ложную информацию иностранным раз-

ведкам. Пока что даже Совет десяти, со всем своим искусством и целой невидимой армией осведомителей (не говоря уже о печально известных bocche di leone), не мог уследить за всем одновременно: и сама география Венеции — лабиринты узких переулков, темные арки sottoportici, даже близко расположенная лагуна, где так удобно было избавляться от трупов, — усложняла его задачу.

Величайший триумф Совета десяти произошел 18 мая 1618 года. Венеция была переполнена народом даже больше, чем обычно. Причина была не только в том, что четыре дня назад состоялось одно из самых больших ежегодных празднеств республики — обручение с морем в день праздника Вознесения. Дело в том, что на следующий день после безвременной смерти Николо Дона 17 мая был избран новый дож, Антонио Приули, и он должен был в скором времени вернуться из Далмации, где занимался вопросами по упорядочению венециано-австрийской границы. Приули был богат и славился щедростью, и поэтому люди с нетерпением ожидали его послевыборного шествия вокруг Пьяццы*. Однако 18 мая Венеция формально все еще оставалась без дожа, и в этот день ранние прохожие, идущие через Пьяцетту, были поражены, увидев поспешно возведенные виселицы между двумя колоннами, а на них — тела двух мужчин, подвешенных за ногу. Хотя столетия назад здесь всегда было традиционное место казни, в последнее время Совет десяти имел обыкновение исполнять свои наиболее неприятные обязанности втайне; и такое отступление от обычного порядка могло означать только то, что совет желал сделать публичное предупреждение. Но с течением времени, хотя на том же месте появился еще один труп, все еще не было сделано никаких заявлений или сообщений, чтобы опознать несчастных или объяснить причину их каз-

---

* Он не обманул их надежд, раздав 2000 дукатов мелкими монетами, а затем еще 1000 дукатов золотом. Его дочь, Адриана Корнаро, бросала монеты из окон дворца, и это была значительная сумма.

ни. Неминуемо поползли слухи, которых стало еще больше, когда многие bravi спешно покинули город. У горожан, естественно, возникли подозрения, что готовится большой заговор против республики, вдохновителем которого может быть только Испания. У испанского посольства собирались враждебно настроенные толпы, дошло до того, что посол, маркиз Бедмар, был вынужден просить власти об официальной охране. Он сообщал своему правительству:

> Имя Его Католического Величества и испанского народа наиболее ненавистны для венецианского слуха. Само слово «испанский» люди считают оскорблением... Они жаждут нашей крови. Все это на совести их правителей, которые всегда подстрекали их ненавидеть нас.

Это не было в полной мере правдой. В течение долгих лет испанское посольство являлось активнейшим центром интриг во всей Венеции, его подвалы, приемные и коридоры кишели зловещими личностями в шляпах, закрывающих лицо, шепчущимися друг с другом в ожидании аудиенции у посла. И когда в октябре Совет десяти сделал полный доклад сенату, в котором наконец раскрыл все подробности происходящего, обнаружилось, что маркиз Бедмар — всякому было известно, что так и окажется, — являлся одной из главных фигур в том деле, которое вошло в историю как Испанский заговор.

Вполне справедливо, что Испанский заговор косвенным образом предоставил Томасу Отуэю сюжет для его лучшей и самой известной пьесы «Спасенная Венеция»*. Хотя история на самом деле не заканчивается трагедией (исключая персонажей, которые получили по заслугам) и в ней, к сожалению, не хватает романтики (элемент, который Оту-

---

* Непосредственным источником для Отуэя послужил роман аббата де Сент-Реаля «История заговора испанцев против Венецианской республики в 1618 году».

эй прекрасно восполнил с помощью собственного воображения), в этом деле присутствуют все элементы мелодрамы XVII века. В нем есть главный злодей, дон Педро, герцог Осуна, испанский наместник в Неаполе, который жаждет уничтожить могущество Венеции на Средиземном море, а также предает свою собственную страну, претендуя на корону независимого Неаполитанского королевства. Вот маркиз Бедмар, испанский посол, утонченный и любезный в обществе, но в действительности «одна из самых сильных и опасных личностей, которых когда-либо порождала Испания», он полон ненависти к Венеции и ее жителям и вполне одобряет первую цель Осуны, хотя не подозревает о второй. Вот Гаспаро Спинелли, представитель Венеции в Неаполе, верный слуга республики, но наивный, доверчивый и не обладающий блестящим умом, который не идет ни в какое сравнение с дьявольской хитростью тех, кто злоумышляет против его страны. И есть еще два главных орудия заговорщиков, люди, которые исполняют приказы и получают за это плату: Жак Пьер, нормандец, авантюрист и корсар, почти неграмотный, но тем не менее один из самых выдающихся моряков своего времени, и его неразлучная противоположность Никола Реньоль, образованный, респектабельный, прекрасно владеющий итальянским и обладающий изысканным почерком, но в то же время беспринципный и бессовестный. И, наконец, главный герой — Бальтазар Ювен, молодой француз, племянник маршала Ледигьера, который прибыл в Венецию, чтобы поступить на службу республике.

Заговор, как и все ему подобные, был сложным и запутанным до крайности как по замыслу, так и по исполнению. Его подробное описание было бы слишком долгим и невыносимо скучным, и в этой книге ему не место*. Основной

---

* Читателям, которые достаточно упрямы и все еще хотят узнать о заговоре больше, лучше всего обратиться к книге Горацио Брауна «Исследование истории Венеции», где изложена вся история целиком, со всеми подробностями.

план, однако, был достаточно претенциозным, чтобы удовлетворить самого требовательного драматурга. За несколько недель до назначенного дня испанские солдаты, переодетые в гражданскую одежду, должны были по двое и по трое проникнуть в Венецию, где их тайно вооружил бы Бедмар. Затем, когда все было бы готово, корабли Осуны под его собственным флагом вошли бы в Адриатику и высадили в Лидо экспедиционные войска, которые на плоскодонных барках переправились бы через лагуну в город. Они захватили бы Пьяццу и Риальто и забаррикадировались там, а специальные группы солдат завладели бы Арсеналом и Дворцом дожей, прорвавшись на склады оружия, которое раздали бы заговорщикам и тем жителям, которые были бы готовы оказать им поддержку. В то же самое время отряд голландских наемников, которые недавно были наняты республикой на случай необходимости и теперь размещались вместе с командами на одиннадцати кораблях, на которых прибыли, в Лаццаретто, заговорщики подбили бы поднять мятеж и присоединиться к нападению. Главных венецианских аристократов убили бы или потребовали за них выкуп. Отдельно планировалось захватить венецианский гарнизон в Креме, предательски открыв ворота испанцам, и город был бы передан испанскому правителю Милана. Сама Венеция перешла бы под власть Осуны; награбленная добыча и деньги, полученные в качестве выкупа, были бы поделены между заговорщиками.

Скорее всего, такое фантастическое предприятие вряд ли увенчалось бы успехом. К счастью, тем, кто его разработал, никогда не представилось возможности испытать свой план в деле. Заговор был раскрыт благодаря Ювену. В гостинице «Тромбетта», где он жил, к нему обратился соотечественник, Габриэль Монкассен, который рассказал Ювену о готовящемся нападении и предложил принять участие. Но по глупости Монкассен не выяснил заранее, что Ювен был гугенотом, который всецело разделял ненависть своего знаменитого дяди к Испании. Его познакомили с Пьером и Реньолем, он согласился к ним присоединиться и исподт-

воль выведал все подробности, в том числе и имена всех главных участников. День или два спустя, найдя вполне невинный предлог, Ювен отправился во Дворец дожей, взяв с собой Монкассена, и направился прямиком в приемную дожа. Внезапно — как говорится в этой истории — Монкассен ощутил тревогу.

— Что вам нужно от дожа? — спросил он.

— По правде говоря, ничего, — отвечал Ювен. — Я просто хочу попросить его позволения взорвать Арсенал и монетный двор и передать Крему испанцам.

— Вы всех нас погубите! — вскричал Монкассен, бледнея.

— Не вас, — сказал Ювен и, оставив приятеля на попечение венецианского дворянина, Марко Боллани, которого уже посвятил в тайну, вошел в приемную. В общих чертах изложив дело дожу, затем он привел Монкассена, который немедленно во всем признался — таким образом наверняка сохранив себе жизнь.

Как только факты оказались в его распоряжении, Совет десяти действовал, как обычно, быстро и тайно. Жак Пьер, который находился на венецианском флоте, сразу же был убит, зашит в мешок и выброшен за борт. Реньоль вместе с двумя второстепенными заговорщиками, братьями Дебуло, был схвачен, подвергнут пытке и затем, после того как во всем признался, вздернут вверх ногами на виселице на Пьяццетте. Не меньше трехсот заговорщиков были без лишнего шума уничтожены.

Таким образом, планы Осуны и Бедмара были расстроены, и, несомненно, в душе они кипели от ярости. К сожалению, эти люди были слишком могущественны, чтобы до них можно было добраться, так что они продолжали злоумышлять, прячась за стенами своих роскошных дворцов. Но они упустили свой удобнейший случай. Венеция была спасена.

Венецианскую республику часто описывают как полицейское государство, и в некотором отношении она таковым и являлась. Однако есть несколько моментов, о которых обвинители имеют обыкновение забывать. Во-первых,

это относилось практически к любому другому государству в Европе XVI–XVII веков — принципиальное различие заключалось в том, что полицейские службы Венеции были значительно более эффективны. И хотя она, как и все остальные, часто использовала методы, которые в наше время сочли бы достойными осуждения (в те времена они считались вполне обычными), против тех, кто переходил рамки дозволенного, но эти рамки обычно были намного шире, чем где-либо еще. В особенности это касалось свободы слова — области, к которой современные полицейские государства, как известно, весьма восприимчивы, — а также вопроса религии, который был крайне важен в то время. Наконец, стоит запомнить, что Венеция была исключением: она никогда не была деспотией. Каждый ее правитель приходил к власти путем свободных выборов, а в Европе того времени, возможно за исключением швейцарских кантонов, ни одно государство не управлялось более демократическим образом. Однако иногда — и в особенности когда она допускала, чтобы вполне оправданные подозрения в отношении Испании затмевали ее разум — республика могла совершать трагические ошибки; и, возможно, самая известная из них касается Антонио Фоскарини и Алатеи, графини Арундель.

Карьера Фоскарини начиналась замечательно. Он был послом Венеции во Франции во времена Генриха IV, а затем в Лондоне, где произвел благоприятное впечатление на короля Якова I и завел множество друзей. Однако, будучи в Лондоне, он возбудил ненависть одного из своих секретарей, который выдвинул против него несколько достаточно неправдоподобных обвинений — главным образом касающихся продажи государственных секретов — и в конце концов донес на Фоскарини в Совет десяти. Его отозвали в Венецию, чтобы он дал ответ по обвинениям, и сразу по возвращении он немедленно был посажен в тюрьму, где и оставался в течение трех лет, пока шло следствие (во время которого, ради справедливости надо сказать, обе стороны привели немало несомненно убедительных доказательств),

и, наконец, 30 июля 1618 года его признали невиновным и освободили. Репутация его осталась незапятнанной. К 1620 году Фоскарини стал сенатором, и весь тот злосчастный инцидент, казалось, был предан забвению.

Летом 1621 года в Италию прибыла графиня Арундель. Внучке Бесс Хардвик и крестнице самой королевы Елизаветы было тогда около тридцати пяти, она была замужем за Томасом Говардом, вторым графом Арунделем, который являлся одной из главных фигур при дворе короля Якова. Как и ее муж, она была страстной любительницей искусства и использовала свое несметное богатство, чтобы собрать одну из первых крупных частных коллекций в Англии. Это была основная цель ее путешествия. Второй задачей было ее твердое намерение — и в этом она намного опережала свое время — дать двум своим сыновьям итальянское классическое образование. Однако сыновей графиня оставила проводить лето на вилле Доло, в Бренте, а сама отправилась в Венецию, где поселилась вместе со своей многочисленной свитой в палаццо Мочениго на Большом канале.

Она оставалась там и следующей весной, когда на Антонио Фоскарини обрушился еще один удар: вечером 8 апреля, покидая сенат, он был арестован и обвинен в том, что «часто и тайно бывал в обществе представителей иностранных держав, днем и ночью, в их домах и в других местах, в этом городе и за его пределами, в обычном платье и переодетым, и раскрывал им, устно и письменно, самые сокровенные секреты республики и взамен получал от них деньги». На этот раз механизм закона сработал быстро. Меньше чем через две недели, 20 апреля, Совет десяти единогласно признал его виновным. Смертный приговор через удушение был приведен в исполнение той же ночью.

К этому времени для венецианцев было уже слишком привычным зрелище выставленных трупов преступников, которые качались, подвешенные за ногу, на виселице на Пьяццетте; но на этот раз все было по-другому. Это был не безымянный головорез, но сенатор Венеции — человек, всем хорошо известный, из знатной и высокопоставленной

семьи, который вызвал сочувствие всех слоев населения из-за выдвинутых против него в прошлом клеветнических обвинений, а также физических и душевных страданий, которые он претерпел во время своего долгого и незаслуженного заключения. Может ли быть так, удивлялись люди, что в конце концов те первоначальные обвинения оказались правдой? Как обычно, начали распространяться слухи, и постепенно люди стали думать, что большинство тайных встреч Фоскарини проходило в палаццо Мочениго, под покровительством самой nobilissima inglese*, которая, по логике вещей, должна была бы быть главной злодейкой, гигантской паучихой в центре паутины.

Довольно скоро обо всем этом узнал английский посол, сэр Генри Уоттон; он потерял голову, что было на него совсем не похоже. Если бы он добился немедленной аудиенции у дожа и обсудил с ним это дело, все бы закончилось хорошо. Вместо этого он отправил леди Арундель срочное письмо, сообщив ей, что готовится бумага о ее высылке, которая будет вручена ей в течение трех дней. Соответственно он советовал ей покинуть территорию республики как можно скорее. Однако, поступив таким образом, он серьезно недооценил ее характер. Леди Арундель недаром была внучкой Бесс Хардвик. Отправившись прямиком к Уоттону, она отрицала, что Фоскарини когда-либо встречался с папским нунцием или с секретарем императора Фердинанда** — двумя иностранными дипломатами, о которых английский посол упоминал особо, — в ее доме; более того, добавила она, поскольку это касается репутации Англии, так же как и ее собственной, на следующее утро она лично будет добиваться аудиенции у дожа. Конечно, она надеется, что сэр Генри будет ее сопровождать. Но если нет, она пойдет одна.

Это было совсем не то, чего ожидал Уоттон. Он был чрезвычайно смущен, поскольку у него не было официального

---

* Знатнейшая англичанка (*ит.*).

** Бывший эрцгерцог унаследовал империю в 1619 году.

сообщения о какой-либо высылке: до него дошли слухи и, вероятно, он не видел причины им не верить. Также возможно, что его побуждающим мотивом была не только неверно истолкованная информация. Леди Арундель была богата и могущественна; у него же не было собственных денег, и его скудное жалование и денежное содержание едва ли давали ему возможность поддерживать хотя бы минимум того престижа, которого требовало его положение. То, что ему вообще удавалось с этим справляться, было в значительной степени обусловлено поручениями, полученными от герцога Бэкингема, для коллекции которого он старался покупать картины; но леди Арундель уже купила все лучшие полотна — и при этом заплатила за них непомерно высокую цену. И, наконец, был еще вопрос религии. Графиня, в отличие от своего мужа, оставалась убежденной католичкой. Уоттон был не менее стойким протестантом, который упорно трудился на протяжении долгих лет, чтобы обеспечить в Венеции для своей религии те права, которых наконец добился теперь. По всем этим причинам она была как бельмо у него на глазу, и он был бы рад увидеть ее конец.

На следующее утро на аудиенции дож тепло приветствовал леди Арундель и оказал ей небывалую честь, пригласив ее сесть рядом с ним. Он молча выслушал ее и затем решительно заверил, что никогда не шло и речи о ее высылке, ни даже о ее причастности к недавнему печальному событию. Напротив, она всегда была и будет желанным гостем в Венеции. Графиня любезно приняла его уверения и выразила благодарность. Однако у нее была еще одна просьба: она хотела бы получить публичное оправдание в письменной форме, условия которого должны стать известны в Венеции и в Лондоне. И эта просьба была полностью удовлетворена: через несколько дней, когда она и сэр Генри вернулись в коллегию, для нее вслух было зачитано официальное заявление сената, а также соответствующее официальное послание венецианскому послу в Лондоне, в котором ему предписывалось самым недвусмысленным образом заверить в ее невиновности, во-первых, лорда Арунделя и затем лю-

бого человека при дворе, который мог бы проявить интерес. В качестве еще одного знака уважения к ней республики дож пригласил графиню присутствовать на особой государственной барке во время предстоящей церемонии обручения с морем в сопровождении двоих членов совета и отослал в ее дом пятнадцать чаш «воска и сладостей» стоимостью в сто дукатов*. Леди Арундель могла быть вполне довольна исходом дела, хотя она настолько явно дала понять бедному сэру Генри, что произошедшее — целиком его вина, что он начал опасаться, как бы она не поспособствовала его отставке. Но он все еще находился в Венеции, когда шесть месяцев спустя его опасная соотечественница наконец отбыла, и, сопровождаемая караваном из тридцати четырех лошадей и семидесяти запечатанных тюков с имуществом — все это специальным образом было освобождено от уплаты таможенной пошлины по личному приказу дожа, — вместе со своими маленькими сыновьями отправилась на север.

Приятно отметить, что к тому времени была сделана еще одна реституция, хотя, увы, слишком поздно. Доподлинно неизвестно, какая именно поступила информация, но подтвердилось, что Антонио Фоскарини во второй раз был обвинен ложно, и 22 августа 1622 года те, кто его обвинил, предстали перед Судом трех, были признаны виновными и в свою очередь преданы смерти. Затем Совет десяти сделал полное публичное признание своей ошибки, копии которого были вручены семье Фоскарини и разосланы по всем венецианским посольствам за границей. Другие копии

---

* Возможно, здесь стоит отметить, что нигде нет ни намека в подтверждение известной истории, будто бы леди Арундель, признавая постоянные ночные визиты Фоскарини в ее дом, уверяла дожа, что эти визиты не были связаны с политикой, а носили исключительно романтический характер. Напротив, есть все причины полагать, что, несмотря на пребывание Фоскарини в Англии, эти двое не были особенно близкими друзьями и в действительности редко встречались.

были распространены на улицах города. Гроб с телом Фоскарини извлекли, и его торжественно похоронили за государственный счет. В церкви Сан Стае в часовне Фоскарини находится его бюст и выбита надпись:

ANTONIO FOSCARENO EQUITI
BINIS LEGATIONIBUS
AD ANGLIAE, GALLIAEQUE REGES FUNCTO
FALSAQUE MAJESTATIS DAMNATO
CALUMNIA INDICII DEJECTA
HONOR SEPULCRI ET FAMAE INNOCENTIA
X VIRUM DECRETO RESTITUTA
MDCXXII

АНТОНИО ФОСКАРИНИ, ПАТРИЦИЙ,
ДВАЖДЫ БЫВШИЙ ПОСЛОМ
ПРИ КОРОЛЯХ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ,
ПО ЛОЖНОМУ ОБВИНЕНИЮ ОСУЖДЕННЫЙ,
ПО КЛЕВЕТНИЧЕСКОМУ ДОНОСУ КАЗНЕННЫЙ,
ЧЕСТЬ ПОСМЕРТНАЯ И РЕПУТАЦИЯ НЕВИННОГО
В ДЕСЯТОМ ПОСТАНОВЛЕНИИ О ВОССТАНОВЛЕНИИ В
ПРАВАХ

1622 год

Глава 41

ДЗЕНО ПРОТИВ СОВЕТА ДЕСЯТИ (1623–1631)

> Острый на язык, знаменитый оратор, пылкий, щедрый, человек, известный своей честностью и прямотой, но обладающий беспокойным умом, готовый вступить в полемику и умеющий поддержать свою точку зрения, ссылаясь на закон и общее благо; постоянно жаждущий рукоплесканий рыночной площади, он всегда стремился разжечь дискуссию, в которой блистал.
>
> *Микеле Фоскарини о Реньеро Дзено*

Смерть Антонио Приули не слишком опечалила его подданных. Он подавал большие надежды, но в итоге не оправдал ожиданий. Надо сказать, правление этого дожа было нелегким, поскольку началось в разгар Испанского заговора и закончилось оправданием Фоскарини, одним из судей которого он был; но было еще множество других событий. Не являясь на самом деле распущенным — действительно, сложно представить, как это могло бы быть, учитывая условия, в которых был обязан жить дож, — Приули каким-то образом производил впечатление человека, не относящегося к своим обязанностям достаточно серьезно, совершенно не умеющего поддерживать достоинство венецианского ари-

стократа. И когда 12 августа 1623 года он умер в возрасте семидесяти пяти лет, вскоре после возвращения со своей виллы на Бренте, люди ворчали, что он мог бы прожить еще несколько лет, если бы вел более размеренную жизнь. Пригули был похоронен в Сан-Лоренцо, но там нет ни памятника, ни даже надписи, чтобы указать место.

Франческо Контарини, его преемник, правил пятнадцать месяцев, которые в значительной степени были омрачены еще одной из тех незначительных войн, которые, хотя часто вспыхивали в результате довольно серьезных конфликтов, не оказывали серьезного влияния на Европу. Как раз такая война вспыхнула в Вальтеллине — протяженной горной долине, которая следует за руслом реки Адды от истока в юго-западном Тироле до места, где она выходит в озеро Комо, и которая тогда являлась на протяжении около семидесяти миль северо-западной границей республики. Когда в 1618 году началась Тридцатилетняя война, эта долина, образовывавшая часть преимущественно протестантского швейцарского кантона Гризонс, приобрела первостепенное значение для Испании, поскольку была единственным прямым путем для сообщения между оккупированным испанцами Миланом и габсбургской Австрией; два года спустя долина была занята испанскими войсками.

Такое развитие событий было воспринято Францией, Савойей и Венецией с вполне понятной тревогой, и в 1623 году три государства заключили союз с целью изгнания захватчиков и восстановления status quo; но прежде чем они начали действовать, испанцы передали все крепости в долине в руки папы. Это был блестящий ход, основанный на предположении, что кардинал Ришелье, который только что пришел к власти во Франции, подчинится папской власти; но испанцы недооценили этого человека. В ноябре 1624 года 3000 французской и 4000 швейцарской пехоты, с 500 лошадьми, вступили в Вальтеллине, при мощной поддержке Венеции, и к концу года вытеснили оттуда папские гарнизоны, чьи захваченные знамена, со всем возможным почтением, были немедленно возвращены Риму. За этой корот-

кой и полностью успешной кампанией в начале 1626 года последовало франко-испанское соглашение, подписанное в Монзоне в Арагоне, согласно которому Вальтеллине следовало сделать автономным римско-католическим государством, независимость которого должна быть гарантирована совместно Францией и Испанией, и все крепости долины должны были быть навсегда разрушены.

Венеция и Савойя были в ярости. Какое право имел Ришелье заключать сепаратный мир, даже не посоветовавшись с ними, договариваться с их давним врагом по поводу управления территорией первостепенной стратегической важности? Венеция в особенности была недовольна разрушением крепостей, которые она считала необходимыми для постоянного свободного сообщения.

Кардинал принес множество извинений: во всем был виноват французский посол в Мадриде, превысивший полномочия; сам король Людовик был недоволен некоторыми аспектами заключенного соглашения. Но ущерб был уже причинен, и он выражал уверенность, что республика не захочет рисковать и вступать в войну, которая, возможно окажется длительной и дорогостоящей, чтобы вернуть все на свои места. Венецианцы мрачно пожали плечами и приняли неизбежное.

К этому времени дож Контарини уже умер. В январе 1625 года его преемником стал Джованни Корнаро, представитель старшей ветви многочисленного клана и прямой потомок дожа Марко Корнаро, который занимал эту должность около трехсот лет назад. Новость о его избрании была принята в Венеции со всеобщим удивлением, но больше всех был удивлен он сам, поскольку его карьера не была особенно выдающейся. Как сообщил в Рим папский нунций, Корнаро посвятил себя больше молитвам, чем делам торговли или государства; и хотя он всегда жил, как подобает его рангу и положению, щедрой рукой раздавая милостыню из своего великолепного дворца около церкви

Сан Паоло*, он никогда не выказывал ни малейшего стремления к верховной власти. Поэтому, как ни парадоксально, но, возможно, именно благодаря такой наивной отстраненности от мира Корнаро навлек на себя нападки Реньеро Дзено, наверное, самого рьяного реформатора, которого когда-либо рождала Венеция, и, несомненно, самого неудобного.

Дзено уже причинял республике некоторые неудобства, когда, будучи послом при папском дворе в 1621 году, открыто обвинил венецианского кардинала Дольфино — с которым он соседствовал в палаццо ди Сан-Марко — в том, что тот подкуплен французами. По возвращении Дзено получил важную правительственную должность, но его заносчивость и непреклонность в тех вопросах, которые он считал принципиальными, стали причиной отставки и даже недолгого изгнания по обвинению в неповиновении. Однако в Венеции было много таких, кто был обеспокоен всеобщим падением нравов и кто полагал, что несносный Дзено — как раз тот, кто нужен республике; поэтому он получил прощение и в 1627 году вернулся обратно, и почти сразу же его избрали в Совет десяти. Теперь, наконец, его пыл реформатора ничто не сдерживало; и первой целью Дзена стал сам дож.

Джованни Корнаро был в явно уязвимом положении — положении, которого, даже если бы оно не возникло всецело по его вине, он, по крайней мере, должен был бы суметь избежать. Во-первых, его сын Федерико, епископ Бергамо, был назначен кардиналом папой Урбаном VIII. В Венеции существовал общепринятый закон, по которому сыновьям и племянникам правящего дожа запрещалось принимать церковные приходы; но Федерико не хотел отказаться от

---

* Сейчас это дом № 2128а. Его построил Санмикели в 1550-х годах, главный фасад выходит на канал и лучше всего виден с моста. В начале XX века во дворце недолго жил Фредерик Рольф, барон Корво.

своего повышения, и вместо того, чтобы приказать ему это сделать, дож предпочел поддержать его назначение, приводя довод, что кардиналат — это больше, чем обычный бенефиций. Этот довод не произвел впечатления на сенат; однако в конечном счете сенат согласился, что ввиду исключительных заслуг семьи Корнаро, а также из опасений, что если Федерико откажется, то папа может обидеться и больше не будет назначать кардиналов из венецианцев, в этом единственном случае на закон можно не обратить внимания.

К несчастью, на этом дело не кончилось. Прошло совсем немного времени, и новоиспеченному кардиналу была предложена, и без колебаний принята, еще одна епархия — на этот раз Виченца; и вскоре после этого, летом 1627 года, двое других сыновей дожа смогли добиться избрания в качестве zonta — и снова с вопиющим нарушением существующего закона.

Именно в этот момент Реньеро Дзено вернулся в Венецию и принял на себя обязанности в Совете десяти. К октябрю он был уже одним из трех глав совета. (Быстрота его продвижения объясняется тем фактом, что capi занимали должность только в течение месяца до следующих выборов.) Немедленно он послал за avogadori di comun — государственными прокурорами, — показал им соответствующие законы и потребовал, чтобы выборы zonta были объявлены недействительными. Avogadori согласились — им больше ничего не оставалось, — но прежде чем они начали действовать, их опередил сам дож, который выдвинул такое же требование, заявляя, что ни он, ни его советники не понимали полностью ограничений закона; иначе они никогда не позволили бы выборам состояться. 27 октября выборы были аннулированы. На этом большинство других людей удовлетворилось бы и оставило это дело, но не Реньеро Дзено. В тот же самый день, незадолго до того, как собрался сенат, он послал дожу просьбу уделить ему, как главе Совета десяти, несколько минут наедине. Корнаро согласился, но настоял на присутствии синьории. Затем Дзено, выка-

зывая любезность и почтение, указал, что, будучи саро, имеет особую обязанность убедиться в правильном соблюдении promissione* дожа, и зачитал официальное предупреждение, в котором изложил все подробности соответствующих законов и дал полное описание того, как именно они были нарушены, добавив для лучшей оценки детальное описание одного или двух менее значительных нарушений, которые были выявлены во время его расследования.

Джованни Корнаро был терпелив. Он молча выслушал, дал короткий, но не менее любезный ответ и отправился в зал сената, где должны были избрать двух новых членов вместо его сыновей. Но Дзено, все еще неудовлетворенный, теперь потребовал перед сенатом, чтобы его предупреждение было официально занесено в записи канцелярии дожа — шаг, который был бы практически равносилен его обнародованию. Требование было гневно отклонено. Дож Корнаро мог в прошлом действовать неразумно; но ему было почти семьдесят семь, его везде уважали, и он сам исправил свой в конце концов очень незначительный проступок. Это требование не только оставило бы неискоренимое и незаслуженное пятно на его репутации; оно нанесло бы серьезный, даже опасный удар авторитету дожа. Но к тому времени Дзено поднялся на трибуну, с которой энергично и решительно принялся обосновывать свое предложение. Он утверждал, что иначе никак нельзя предотвратить подобные злоупотребления в будущем. Венеция больше не может подвергаться столь бесчестным интригам со стороны Рима, который пытается с помощью титулов и бенефиций подкупить даже самых влиятельных ее граждан. Закон существует, чтобы защитить государство: по какой другой причине священнослужители могут попасть под действие особых поправок? Подобным же образом, зачем нужны ограничения для деятельности родственников дожа? Именно по причине возможного влияния на них иностранных держав они исключены из сената, а также по причине их

---

* Обещание (*ит.*).

особых финансовых возможностей они не допускаются к коммерческим делам.

На мгновение повисло молчание. Все присутствующие знали, что некоторые члены семейства Корнаро имели привычку наносить длительные визиты в Рим, и по крайней мере один из них — сын дожа Джорджо — накопил немалое состояние за последние два года на ввозе скота из Далмации. Друзья семьи были также полностью осведомлены, что дворец в Сан-Поло был полон предметами роскоши из Флоренции, импорт которых был запрещен. Сто лет назад такие вопиющие — хотя относительно незначительные — нарушения закона и клятвы дожа не стали бы терпеть, и резкая обличительная речь Реньеро Дзено, в том маловероятном случае, что в ней вообще возникла бы необходимость, была бы встречена молчаливыми кивками одобрения. Теперь же в зале стоял шум. Если определенные члены семейства Корнаро тайком набивали себе карман, это без сомнения было достойно порицания. Но было непростительно позволять, чтобы дожа Венеции оскорблял перед всем сенатом самодовольный педант, который всего три месяца назад отбывал вполне заслуженное изгнание. Двое capi, коллеги Дзено, призвали его сойти с трибуны, объявив сенату, что они полностью аннулировали его предупреждение. Но Дзено продолжал сражаться. На следующем заседании Большого совета он добился постановления, что двое других capi на самом деле действовали в противоречии с конституцией и поэтому были обязаны уплатить штраф в 2000 дукатов каждый. Этот шаг также был отменен Советом десяти, и только когда срок его полномочий истек и у него не стало возможности продолжать кампанию, Дзено отступился. Тем не менее он и позже продолжал громко высказываться против почти всех предложений, вносимых дожем и синьорией.

Около пяти часов вечера 30 декабря 1627 года на Реньеро Дзено у ворот Порта делла Карта напала шайка убийц в масках. Дзено был тяжело ранен, но сумел встать на ноги и

поднять тревогу. Было воскресенье. Совета десяти не было во дворце; но членов совета поспешно вызвали из дома на чрезвычайное заседание, на котором были назначены трое специальных инквизиторов, чтобы расследовать это дело, и было объявлено вознаграждение в 10 000 дукатов за информацию, способствующую аресту предполагаемых убийц. Каждый, кто окажется виновным в их укрытии или в содействии их побегу, будет приговорен к смерти.

Однако население все еще было недовольно. Те, кто назначает себя обличителем богатых и могущественных, всегда популярны, и народ восхищался Реньеро Дзено. Люди не преминули заметить, что приказ о конфискации имущества Джорджо Корнаро не вступал в силу довольно долго, так что у его семьи было достаточно времени, чтобы скрыть большую часть его собственности; от их внимания также не укрылось, что некоторые другие члены этой семьи, которых подозревали в соучастии, даже не были допрошены, но все еще спокойно разгуливали по городу так же дерзко, как и раньше. В конце концов имелись свидетельства от недавно прибывших из Феррары, которые сообщили, что трое подозреваемых живут там вполне открыто и, по-видимому, с полным комфортом. Почему республика ничего не делает, чтобы отдать их в руки правосудия? Явно потому, что Совет десяти подкуплен и не желает — или боится — действовать против интересов дожа.

Тем временем Реньеро Дзено быстро восстанавливал силы, и в июле снова был избран одним из глав Совета десяти. Когда в первый день исполнения своих полномочий он прибыл в совет в сопровождении крепкого телохранителя, ему холодно сообщили, что этот последний ни в коем случае не может быть допущен в совет; Дзено также обнаружил, что были предприняты шаги, чтобы уменьшить его власть до минимума. Новый меморандум уведомил его, что, согласно недавним решениям Совета десяти, вопросы, которые уже полностью обсуждались ими, не могут быть подняты для пересмотра, а также не могут быть выдвинуты какие бы то ни было обвинения против лиц, занимающих

государственные должности. В течение нескольких дней Дзено соблюдал спокойствие; затем, 23 июля, он предупредил, что на утреннем заседании Большого совета намеревается поднять вопрос о promissione дожа. Это предупреждение, как он подчеркнул, было сделано заблаговременно для того, чтобы дожа и его семью могли бы попросить не являться в зал в соответствии с законом. Но такая просьба не была выполнена; и в результате Реньеро Дзено вновь поднялся на трибуну в присутствии Джованни Корнаро и нескольких его родственников.

Дзено говорил, что выздоровел с божьей помощью исключительно для того, чтобы продолжить свою долгую борьбу против разложения государства. В прошлом месяце Совет десяти сделал все возможное, чтобы заставить его молчать, вопреки закону, который гарантирует любому гражданину свободу слова, в чем он видит благо республики. Теперь нарушен еще один закон — тот, что требует отсутствия всех членов семьи дожа во время обсуждения ее дел. На этом месте старый советник, Паоло Базадонна, прервал Дзено, обвинив в попытке свергнуть правительство, подтолкнуть собрание к необдуманным решениям и самому стать новым Цезарем. Напротив, парировал Дзено: Цезарь желал власти для себя, тогда как он, как верный сын Венеции, пытается убедить законные органы государства исполнять свои обязанности.

Прежде чем он смог продолжить, поднялся сам дож и произнес страстную речь в защиту своей невиновности. Он не сомневался, что эти обвинения — просто месть за нападки на Дзено, в которых он, дож, не участвовал. Ответственные были наказаны по заслугам; остальные члены его семьи невиновны. Он никогда не нарушал условий своего promissione: синьория согласилась избрать его сыновей; его сын, кардинал, получил епископское владение в Бергамо во время правления предыдущего дожа, и, следовательно, не было причины от нее отказываться; что же касается Виченцы, он просто принял ее взамен Бергамо. Он присутствует на текущем заседании совета, как обычно, потому что

синьория ему позволила: если на то будет воля собрания, он немедленно удалится. Эти последние слова были почти не слышны, потому что Дзено, не в силах больше сдерживаться, громко призвал avogadori di comun исполнить свой долг и посмотреть, как исполняются законы. «Что теперь? — воскликнул дож, — разве нам больше не дозволено говорить?» Началось столпотворение, со всех сторон раздавались крики, многие стучали по скамьям, одни — пытаясь заставить Дзено замолчать, другие стучали, чтобы его ободрить, третьи — аплодируя дожу, пока он тщетно пытался что-то сказать через весь этот шум. В конце концов он сдался. Дзено безуспешно попытался вынести на обсуждение документ, и это заседание завершилось в гневе и замешательстве.

В тот же день Совет десяти на специально созванном заседании в личных апартаментах дожа, на которое Дзено не был приглашен, принял решение о его аресте. Поскольку офицер, посланный в дом Дзено, не смог его застать, была выпущена декларация, приказывающая ему явиться во Дворец дожей в течение трех дней. Дзено на вызов не явился. Он был немедленно приговорен к десяти годам изгнания и уплате штрафа в 2000 лир и на следующий день покинул Венецию. Но Совет десяти не решил своих проблем; скорее, он их усугубил, поскольку для многих приговор Дзено просто явился подтверждением того, что он всегда утверждал — что в действительности Десять были просто кучкой марионеток, а семейство Корнаро дергало за веревочки. Число сторонников Дзено возрастало все больше и больше, и не только среди простого народа, лишенного гражданских прав; среди аристократов, особенно не слишком знатных, тоже начала образовываться партия сторонников реформ — хотя на вопрос, какие именно реформы, далеко не все смогли бы ответить. Нужно ли ограничить власть Совета десяти? Необходимо ли исключить из него дожа и, возможно, его родственников? Нужно ли запретить Совету десяти передавать свои полномочия могущественным комитетам, таким как Суд трех? Следует ли набирать

его членов из более широких слоев общества? И что делать с его секретарями, которые были назначены на неопределенный срок, часто пожизненный, и которые понемногу присвоили себе огромную власть; следует ли ограничить срок их полномочий, как поступили с их начальниками?

Эти и им подобные вопросы стали главной актуальной проблемой, но потребовалось еще одно происшествие, чтобы побудить правительство к действиям. Это случилось 4 августа, меньше чем через неделю после изгнания Дзено, когда еще один близкий родственник дожа, Анжело Корнаро, угрожал аркебузой уважаемому гражданину, Бенедетто Соранцо; Совет десяти не выказал желания принять какие-либо меры против него и отреагировал только почти спустя месяц, в ответ на продолжающиеся протесты. Теперь, наконец, партия реформ начала действовать; и 3 сентября был назначен комитет из пяти «корректоров», чтобы докладывать о круге полномочий Совета десяти и о членах и служащих всех советов государства. Две недели спустя, пока они все еще готовили свой доклад, один из avogadori, Бертуччи Контарини, выступил перед Большим советом с двухчасовой речью по делу Дзено, во время которой показал, что меморандум, адресованный Дзено 8 июля — из которого следовали, как утверждал Контарини, приказы на арест и на изгнание, — был незаконным. По окончании этой речи было проведено голосование; большинством голосов, 848 против 298, меморандум, приказы и приговор были объявлены недействительными, как если бы их никогда не было.

Таким образом, 19 сентября Реньеро Дзено вернулся в Венецию из своего второго изгнания, и около дома в Санта-Маркуола его одобрительными возгласами приветствовала толпа; но затем наступило разочарование. На следующем заседании Большого совета, произнося очередную речь, Дзено настроил против себя всех своим самодовольством и самоуверенностью; в конце концов его призвали к порядку и предупредили, что ему следует удовольствоваться уже одержанной победой, поскольку других побед у него

не будет. Через несколько дней «корректоры» обнародовали свой доклад. Они предложили довольно мало реформ по улучшению работы Совета десяти: отменить zonte, в будущем ограничить срок службы секретарей и провести несколько других незначительных административных изменений. Однако в действительно важной области, касающейся полномочий Совета десяти в целом, его власть была одобрена практически во всех отношениях, за исключением права изменять решения Большого совета. Во всем остальном круг его полномочий оставался таким же обширным, как и прежде.

Для Венеции это был несчастливый день, поскольку Совет десяти получил полную поддержку и одобрение, чтобы действовать еще более деспотично и считать себя еще более неуязвимым для внешнего контроля, а также — что не менее важно — сделаться еще более непопулярным как среди граждан в целом, так и среди других правительственных органов, на чьи сферы деятельности десять его членов посягали, тем самым непременно вызывая ревность и враждебность. В итоге Реньеро Дзено добился немногого. Он даже не смог призвать к ответу семейство Корнаро. Старого Джованни, который был глубоко опечален резкими обвинениями, выдвинутыми против него, и просил, чтобы ему позволили отречься от власти и удалиться в монастырь, благоразумно отговорили от такого образа действий, который его враги непременно восприняли бы как признание вины. Так что он все еще занимал свою должность, от которой его семейство продолжало тайно получать немалую выгоду. Тем временем его обвинитель постепенно отошел от политической жизни, пользуясь всеобщим уважением, но совсем не имея друзей: он являл собой прекрасный образец самой неприятной породы реформаторов — он начал с того, что искренне добивался самой достойной цели и на этом поприще заслужил славу и всеобщее восхищение, которые вскружили ему голову, и в конце концов некогда священная цель стала для него немногим больше, чем средство для самовозвеличивания.

Однако он пережил еще один, последний, момент торжества — когда из Феррары пришли новости, что Джорджо Корнаро погиб от руки неизвестного убийцы. Был ли Дзено к этому причастен, никогда не было доказано; это кажется маловероятным. Корнаро был негодяем, у которого наверняка было множество врагов; сложно представить, чтобы настолько нетерпимый к недостаткам других Дзено опустился до убийства. С другой стороны, он был фанатичным сторонником правосудия, которое часто понимал по-своему. Можно вообразить, как Дзено, независимо от того, был ли он виновен или нет, узнав о гибели врага, торжествующе улыбался.

За четыре дня до того, как на Реньеро Дзено было совершено нападение у Дворца дожей, в Мантуе скончался герцог Винченцо Гонзага. Он умер мирно, в своей постели; но его смерть привела к короткой и жестокой войне, которая причинила правителям Венеции гораздо больше беспокойства, чем любое из обвинений Дзено. Как часто бывало, когда государь умирал, не оставив потомства, в качестве casus belli (повод для объявления войны) послужило престолонаследование. Винченцо назначил наследником своего двоюродного брата, Карла, герцога Неверского; но Испания, которая соперничала с Францией и уже глубоко увязла в Тридцатилетней войне, была твердо намерена не позволить французскому принцу завладеть важным итальянским герцогством и выдвинула — на гораздо более сомнительных генеалогических основаниях — соперника-претендента в лице герцога Гуасталлы. Уже здесь создавалось опасное противостояние; но ситуация была еще больше осложнена тем фактом, что у герцога Винченцо было еще одно владение, имеющее равное стратегическое значение: Монферратский маркизат, обширная территория, охватывающая долину выше по течению реки По к юго-востоку от Турина. На него долгое время претендовал Карл Эммануил Савойский; но чтобы удержать обе территории под властью одного правителя, Винченцо принял меры предосторожности, заклю-

чив брак между наследницей Монферрата, своей племянницей Марией, и сыном герцога Неверского, Карлом, графом Ретелем.

Внешняя политика Венеции в то время основывалась на двух принципах: сохранение мира в Италии и сдерживание любыми возможными путями мощи Испании и империи. Венеция граничила с Мантуей; меньше всего она хотела иметь испанскую или имперскую марионетку у своего порога. Без колебаний республика поддержала Невера и 8 апреля 1629 года заключила с Францией, Мантуей и папой шестилетнее соглашение о совместной обороне, обязавшись предоставить 12 000 солдат пехоты и 1200 кавалеристов в случае необходимости. К этому времени война уже фактически началась: испанский правитель Милана и герцог Савойский совместно захватили Монферрат; в ответ французы тоже перешли границу, двинувшись на помощь Неверу, и захватили город Сузы. Но только в августе, с появлением имперских войск в Вальтеллине, стало ясно, что сама Мантуя находится под угрозой и что для Венеции пришла пора принять активное участие в событиях. Пока имперская армия двигалась на юг, венецианские деньги, солдаты, оружие и снаряжение потекли в Мантую; к марту 1630 года подсчитали, что Венеция истратила 638 000 дукатов, чтобы помочь новому герцогу удержать свое положение.

Но этого было недостаточно. 25 мая 1630 года плохо организованная и бездарно руководимая армия, состоявшая из венецианцев, мантуанцев и некоторого количества французов, была наголову разбита при Валеджио, понеся при этом тяжелые потери — венецианский проведитор-генерал, Заккария Сагредо, был впоследствии обвинен и приговорен к десяти годам заключения за нарушение служебного долга, — и 18 июля, после около десяти месяцев осады, Мантуя в конце концов сдалась империи и была разграблена. Тем не менее удивительно, как раз когда победители входили в голодный, зачумленный город, примерно в 200 милях к западу французы выигрывали эту войну. В конце мар-

та новая французская армия вошла в Савойю под командованием самого Ришелье, сменившего кардинальскую шапку на шлем с плюмажем и скрывшего нагрудный крест под кирасой. Армия Савойи была разбита под Вельяной, и 6 апреля 1631 года в Кераско, что в Пьемонте, было подписано мирное соглашение. По его условиям император Фердинанд соглашался передать Неверу Мантую и Монферрат, а взамен Невер уступал часть Монферрата герцогу Савойскому.

В итоге Мантуя была спасена. Вернее, то, что от нее осталось, поскольку, когда 20 сентября Невер вернулся, чтобы вновь вступить во владение, его ждал город-призрак. Его сокровища и произведения искусства были разграблены, вся красота уничтожена, меньше чем за год население уменьшилось на три четверти. Для выживших было только одно утешение: чума, опустошив Мантую, перекинулась на германских завоевателей, немногие из которых вернулись домой живыми.

Но, к сожалению, болезнь на этом не остановилась. Прокатившись через Ломбардию, оставляя за собой погибель и разорение, каких не смогла бы причинить ни одна армия, чума достигла Венеции в том месяце, когда пала Мантуя, и через шестнадцать месяцев умерло 46 490 человек, и это только в самом городе, население которого еще не восстановило свою численность со времен предыдущей эпидемии. В 1633 году население, согласно официальным записям, сократилось до 102 243 человек — меньше, чем когда-либо с XV века. К тому времени началась работа над собором, который впоследствии стал одной из самых известных городских достопримечательностей. Сразу после чумы 1575 года венецианцы построили церковь Иль Реденторе. Теперь, в 1630 году, они решили возвести — на этот раз скорее как мольбу о спасении, чем как благодарственную жертву, — еще более величественное сооружение, на месте старого приюта делла Тринита у входа в Большой канал. Собор посвящался деве Марии — Санта Мария дела Салюте. Был открыт конкурс, и из одиннадцати проектов, которые сочли

достойными серьезного рассмотрения, победил тот, что был представлен молодым венецианским архитектором Бальдассаре Лонгена, которому было тридцать два года. Первый камень должен был заложить дож Николо Контарини — который сменил Джованни Корнаро в январе 1630 года — в день Вознесения 1631 года, но церемония была отложена на неделю, в надежде, что он выздоровеет после болезни (не чумы, хотя она все еще уносила несколько жертв ежедневно), от которой страдал время от времени. Первого апреля дожу не стало лучше, но он заставил себя подняться с постели, чтобы совершить церемонию; на следующее утро, в семь часов, он умер.

Действительно, есть некая насмешка в том, что первым последствием строительства Салюте* — как обычно называется церковь — оказалась смерть дожа; но даже сам Лонгена — хотя он был на сорок пять лет моложе Контарини и дожил до восьмидесяти четырех — никогда не увидел окончания строительства. Только в ноябре 1687 года были сняты леса, и венецианцы впервые смогли беспрепятственно рассмотреть эту великолепную, открытую демонстрацию силы и уверенности в себе — тех чувств, которых не было и в помине, когда больше полувека тому назад с такими фатальными последствиями был заложен первый камень.

---

*Salute — здоровье (*ит.*).

Глава 42

ВОЙНА ЗА КРИТ (1631–1670)

Крит — это пограничная крепость Италии; врата, через которые (к великому сожалению подавляющей части Европы) могут пройти коварные турки.

Посол Венеции, Джованни Сагредо, Оливеру Кромвелю

Когда 10 апреля 1632 года собрался комитет из 41 избирателя, чтобы выбрать преемника Николо Контарини, избранным, как ни странно, оказался тот, кого и ожидали увидеть дожем. Франческо Эриццо, 65 лет, был для должности дожа, но, находясь на посту верховного главнокомандующего армией (эту должность он принял от опозоренного Заккарии Сагредо после катастрофы в Валеджио), он поразил своих начальников тем, что в течение нескольких месяцев вдохнул новые силы в разбитые и деморализованные войска. Конечно же, синьория пожелала его избрать. Он был вызван из Виченцы, где наблюдал за сооружением новых укреплений, еще до того, как состоялись выборы. Франческо Эриццо полностью оправдал доверие синьории. Помимо его кандидатуры рассматривалась еще одна, что вызывало споры; однако при первом же голосовании избиратели четко определили свои предпочтения. Голо-

са распределились следующим образом: за Франческо Эриццо — 40 голосов, за Реньеро Дзено — 1 голос.

Новый дож отложил свою поездку в Виченцу из-за невероятно высокого уровня воды в Бренте — один из мостов пришлось демонтировать, чтобы баржа смогла пройти, — и вернулся в город он только 11 апреля; однако лучшего времени и выбрать нельзя было. Через 2 часа после его прибытия из Кераско пришло известие о том, что его подданные уже давно томятся в ожидании: договор был подписан, и Италия вновь обрела мир. Поскольку Франческо Сагредо был человеком сравнительно скромных возможностей, ему пришлось выкручиваться из ситуации: на все необязательные ассамблеи он наложил запрет по причине бедствия и извинился за то, что традиционный обход пьяццы Сан-Марко будет для него стеснительным из-за дороговизны.

Удача не отступала от него. Когда потеплело, число заболевших чумой, как и ожидалось, возросло; однако лето еще только начиналось, а количество жертв совершенно неожиданно стало уменьшаться. Вскоре стало очевидным даже для самых пессимистично настроенных, что эпидемия затухает; и 28 ноября магистрат здравоохранения (magistrato della sanità) поручил дожу сделать долгожданное заявление о том, что Венеция снова вне опасности. Первый раз с тех пор, как началась эпидемия, пьяцца Сан-Марко была переполнена людьми; потом все горожане присоединились к процессии дожа, которая медленно продвигалась от церкви Сан Моизе к понтонному мосту, проходящему через Большой канал, где совсем недавно Бальдассар Лонгена начал воздвигать огромную церковь на противоположном берегу. В специально сооруженной деревянной часовне отслужили благодарственный молебен; и к тому же вся церемония стала другой, в сравнении с теми празднествами, которые ежегодно отмечаются по венецианскому календарю и сохранились по сей день.

В последующие двадцать лет мир сохранялся. Это было тем более примечательно, что Тридцатилетняя война все еще бушевала, и Венеция, которую пытались вовлечь в

нее, испытывала беспрестанное давление со всех сторон. Венецианские дипломаты были заняты как никогда, казалось, что в самом городе сенат, коллегия и Совет десяти постоянно устраивали сессии. Тем не менее им как-то удалось выдержать напор; и в то время как вся Европа продолжала бушевать, Венеция оставалась в самом центре урагана. В 1642 году началась небольшая война, когда из-за мелкой ссоры (которой мы сейчас не будем уделять внимание) папа отправил армию в графство Пармы, а Венецию принудили к оборонительному союзу с Тосканой и Моденой. На следующий год трех союзников практически вынудили вступить в войну, в которой они понесли серьезные потери: были утрачены как земли, которые находились под властью папы, так и торговые суда. Но военные действия шли меньше года, и в марте 1644 года в Ферраре был подписан мирный договор, основанный на компромиссе, который удовлетворял все стороны.

Однако, с точки зрения Венеции, этот мир был явлением временным. В октябре того же года произошло событие, за которое она не несла никакой ответственности, но на четверть века ее втянули в войну, в результате которой Венеция потеряла свою самую важную колонию — остров Крит. Она должна была знать, что рано или поздно это случится — войны бы не удалось избежать; Крит был слишком лакомым кусочком, а турки были слишком алчными противниками, чтобы не попытаться оспорить ее право на владение этим островом. Но все же, по иронии судьбы, первая атака турок оказалась результатом хорошо продуманной провокации со стороны незначительного государства, которое понесло самые большие после Венеции, когда пал наиболее важный аванпост в Восточном Средиземноморье.

Хотя рыцари Святого Иоанна и владели церковью и монастырем в Венеции (которые они унаследовали от рыцарей ордена тамплиеров после его распада в 1312 году), жители Венеции в течение веков искренне их недолюбливали, а те отвечали им взаимностью. И в этом нет ничего

удивительного. С тех пор как этот орден стал весьма влиятельным во всей христианской Европе, рыцари-монахи с презрением относились к торговле и коммерческой деятельности.

Как люди, посвятившие себя Богу и связанные обетами монашества, которые предполагали бедность, безбрачие и смирение, они не одобряли присущую жителям Венеции привязанность к жизненным благам и любовь к удовольствиям. В конце концов, как воители и приверженцы «священной войны», они открыто преследовали свою цель, которая помимо лечения больных заключалась в том, чтобы бороться с неверными повсюду. И они сокрушались по поводу стремления венецианцев к миру с султаном, такое поведение они считали постыдным предательством христианского дела.

К середине XVII века рыцари ордена иоаннитов были жалким подобием того, кем они являлись в те героические дни, всего 80 лет назад, когда благополучно защищали свой остров от Сулеймана I Великолепного. Они продолжали работать в своих знаменитых госпиталях, где по-прежнему поддерживали самый высокий уровень гигиены и ухода за больными; но их благочестивый запал начинал угасать, а морские операции все более походили на обычное пиратство, нежели на благородную войну. И они не только не ограничивались грабежами мусульманских судов, но и беспричинные нападения на венецианские и другие христианские торговые суда, повод для которых был незначителен, становились обычным делом.

Одним словом, для жителей Венеции мальтийские рыцари превратились в угрозу, хоть и менее страшную, нежели ускоки в прошлом. Хуже всего то, что они переняли старую ускокскую тактику, нападая на турецкие корабли в Адриатическом море, — практика, за которую султан неизменно считал ответственной Венецию. Все это привело к весьма закономерным неприятностям для дружеских отношений между Риальто и Высокой Портой, которые были очень важны.

Не один раз дож вынужден был посылать за местными представителями правопорядка, чтобы выразить гневный протест куда более неистовый, чем в сентябре 1644 года, когда он зашел так далеко, что угрожал наложением ареста на все имущество рыцарей ордена иоаннитов на территории республики, если они не изменят свое поведение к лучшему. Однако рыцари, как и прежде, не обратили на это внимания. Вместо этого, примерно месяц спустя, они легкомысленно спровоцировали тот самый инцидент, который стал отправной точкой и в итоге привел к большим несчастьям в Венеции.

Путешествуя по Эгейскому морю в начале октября, эскадра из 6 кораблей напала и захватила богатый турецкий галеон, на борту которого находились высокопоставленные паломники, направлявшиеся в Мекку, среди которых были: старший евнух султанского двора, кадий Мекки, около 30 женщин из гарема и примерно 50 греческих рабов. Потом они уплыли со своей добычей на Крит, где высадились в неохраняемом месте на южном побережье, пополнили запасы воды, высадили рабов и несколько лошадей. Вскоре вернулся местный венецианский чиновник и, не желая быть вовлеченным в это чистой воды пиратство, приказал им покинуть это место. Они несколько раз пытались высадиться в различных портах острова, но каждый раз встречали категорический отказ. В конце концов они бросили турецкое судно (которое больше не годилось для плавания) на произвол судьбы и вернулись на Мальту.

В то время турецкий трон занимал полубезумный султан Ибрагим, который всю свою жизнь, до вступления на престол в 1640 году, провел в турецком дворце фактически как узник; за свое короткое правление он запомнился как жестокий, легкомысленный и безнравственный правитель, которому суждено было погибнуть от рук своих же разгневанных подданных в 1648 году. Узнав о судьбе судна, он пришел в бешенство и приказал немедленно убить всех христиан в его империи. К счастью, позднее его убедили отменить этот приказ; но вскоре стало ясно, что он обдумывал

карательную экспедицию. Венецианские агенты сообщили, что в Босфоре снаряжается огромный военный флот. Сначала предположили, что этот флот направят на Мальту, предположение это было подкреплено официальным заявлением в марте 1645 года; однако депеша от венецианского байло пришедшая в Венецию из Константинополя, содержала срочное предупреждение о том, что это обманный маневр. Султан, утверждает он, убежден, что за всей той историей стояли венецианцы — иначе зачем пираты стояли прямо у Крита? Венеция, а не рыцари ордена иоаннитов, была его настоящим врагом: Крит, а не Мальта — его непосредственная цель.

Вскоре выяснилось, что байло прав. 30 апреля турецкий флот в составе четырехсот парусных судов, с примерно 50 000 воинов на борту, прошел через Дарданеллы. Сначала они двигались на Мальту, как и было объявлено, проходя как раз мимо Крита и направились к Наварино (современный Пилос, на юго-западной границе Пелопоннеса) для пополнения боеприпасов и продовольствия. И только на обратном пути 21 июня выяснилось, что курс изменился. Через три дня флот скрылся из виду у мыса Спата, и 25 июня армия захватчиков высадилась чуть западнее Ханьи и вошла в город. Начался первый этап сражения.

Крит — или, как венецианцы стали именовать его по названию столицы, Кандида — был первым венецианским приобретением, став колонией с 1211 года; остров отошел к Венеции после того, как франки захватили Константинополь. Его правительство состояло из местных граждан, а его глава носил титул дожа (однако состоял на службе только 2 года). Существовали местная синьория и Большой совет, но эта система никогда не работала так же, как в Венеции. Самые богатые районы острова находились на территории обширных феодальных поместий, которыми владели знаменитые венецианские семейства, чьи несметные состояния и занимаемое положение помогли завоевать любовь местного греческого населения. Эти семейства по очереди жаловались на отсутствие реальной политической

власти; все главные чиновники, занимающие ключевые посты, присланы из Венеции, где принимались все важные решения. Оборону в мирные времена поддерживали благодаря феодальным отрядам (которые набирали и содержали за счет крупных землевладельцев) и местного народного ополчения из горожан и крестьян; однако обе стороны хотели отделаться от своих обязанностей, и дисциплина явно страдала. Взяточничество и коррупция были обычным явлением, казна всегда пустовала, а сама колония являлась неизменным источником ресурсов Венеции. В 1574 году дело дошло до того, что прислали некоего Джакомо Фоскарини, чиновника с особыми полномочиями, чтобы тот провел реформы. Очень скоро он добился значительных успехов: ввел более точную систему учета и справедливые методы налогообложения, уничтожил коррупцию, возродил набор рекрутов и народное ополчение, привел в порядок разрушенные укрепления. Однако после его отъезда жители Крита постепенно вернулись к прежнему укладу. А теперь, когда нависла угроза турецкой атаки, венецианское правительство приказало провести новую, очень решительную программу, отправив вместе с армией в две с половиной тысячи человек, включая военных инженеров, флотом, насчитывавшим 30 галер и 2 галеаса, своего главного проведитора — Андреа Корнаро. Команду предполагалось набрать уже на самом острове. Потом начали готовить флот, который должен был как можно скорее выйти в море. Это произошло 10 февраля 1645 года. С флотом отправили дополнительную сумму в размере 100 тысяч дукатов и распоряжения Корнаро, чтобы тот принял все необходимые меры для отражения противника. Корнаро, подобно Фоскарини, действовал разумно и эффективно; однако средств, которыми он располагал, не хватало для выполнения порученного ему задания, не хватало и времени. Даже когда он спешил к береговому плацдарму в роковой июньский день, он должен был знать, что шансов удержать остров практически нет.

Многое зависело от того, как скоро подойдет обещанный венецианский флот. Если бы он достиг Ханьи в течение одной-двух недель, остров удалось бы спасти. Но этого не произошло. Корнаро пришел в ужас от известия о том, что поступил приказ ждать на Занте* до тех пор, пока к флоту не присоединятся еще 25 парусных судов, составленных из кораблей Тосканы, Неаполя, Мальтийского ордена и папы римского; теперь время было гораздо важнее численного превосходства. Турки с каждым днем занимали все более прочную позицию. Они набросились на расположенную на острове крепость Сан Теодоро. Командующий крепостью, Бьяджо Джулиани, понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, дождался начала осады и поджег склад боеприпасов; он сам взлетел на воздух, а вместе с ним его люди, турки, атаковавшие крепость, и сама крепость. Этот громадный взрыв должны были видеть даже в Ханье. Без боеприпасов и продовольствия город не смог бы долго продержаться, а турецкие саперы постоянно подрывали оборонительные сооружения. 22 августа город сдался. Турки рассчитывали на то, что проявление благородства к побежденным сподвигнет остальных на капитуляцию, а сами двинулись дальше, обещая сохранить местным жителям их жизни, честь и имущество. Затем они позволили гарнизону с его развевающимися знаменами покинуть город и отправиться на кораблях в спокойную Суду.

Теперь, как никогда прежде, казалось, что судьба благосклонна к захватчикам. В Суде венецианский адмирал внезапно обезумел и оставил город; когда соединенный флот прибыл в воды Крита, дважды попытались отвоевать Ханью, внезапно напав на нее, но каждый раз приходилось отступать из-за штормов. Потом, в середине октября, невенецианская часть флота, под командованием папского адмирала Николо Людовизи, правителя Пьомбино — который с самого начала продемонстрировал небывалое от-

* Современный остров Закинф.

вращение ко всей этой экспедиции, — объявил о своем решении вернуться домой. Не в первый раз так поступали союзники Венеции, причиняя ей одни неприятности. Как венецианский proveditore del mar (попечитель по морским делам), Джироламо Морозини не замедлил сообщить, что Венеции лучше рассчитывать только на свои силы.

Тем временем правительство Венеции свыклось с мыслью, что война неизбежна. Верить в то, что Ибрагим собирается ограничиться одной серией военных операций, было не резонно; и Венеция направила дополнительные гарнизоны в Далмацию и на Корфу и даже начала укреплять оборонительные сооружения лагуны близ Лидо и Маламокко. Однако прежде всего помощь оказывали Криту. Галеры и транспортные суда теперь отправлялись на остров практически еженедельно, нагруженные всевозможным снаряжением и продовольствием. Только не доставало самого главного: на Крите требовался верховный главнокомандующий, человек, чей талант и репутация позволили бы ему подняться над мелкой завистью и соперничеством, в которых погрязли венецианские критяне и которые представляли реальную опасность. Назначение на эту должность довольно долго обсуждалось сенатом; после итогового голосования стало известно, что подавляющее большинство отдало свои голоса за самого дожа, Франческо Эриццо. Только один человек выступил против данного назначения. Джованни Пезаро — который сам рассчитывал позднее стать дожем — очень разумно доказывал, что дож всего лишь два месяца назад отпраздновал свой 80-й день рождения, и это празднование вместе с синьорией, необходимым штатом служащих и секретариатом совершенно неоправданно дорого в то время, когда у республики каждый грош на счету, поскольку нужно продолжать войну. Возможно, именно это событие побудило султана заняться этой войной лично и таким образом закрепить военный успех турок. Но никто его не слушал: все внимание было обращено на старого дожа, чьи речи у всех вызывали слезы на глазах. Дож заявлял, что сам готов взять-

ся за оружие и выполнить ту задачу, к которой его призывает долг.

Возможно, даже к счастью для Венеции, он никогда не исполнял обещанное. Одни приготовления настолько его вымотали, что спустя три недели, 3 января 1646 года, он скончался. Его похоронили в соборе Сан Марко*, где находилась гробница, в которой он еще при жизни завещал себя похоронить; но его больное сердце, несмотря на последнюю волю дожа, захоронили прямо под мостовой у собора Сан Марко. Преемником Франческо Эриццо стал Франческо Молин (ветеран многочисленных кампаний), который из-за подагры в ближайшее время не мог занять должность генерал-проведитора. И его не стали вызывать для командования войсками на Крите. Но поскольку в Венеции больше не нашлось подходящего человека на этот пост, сама идея назначения верховного главнокомандующего потерпела крах, и о ней забыли.

Очень не хватало денег. Весной 1646 года главы всех церковных общин Венеции собрались в своих церквях, чтобы помолиться о спасении республики в столь тягостное время, и отдали все свои сбережения. К тому времени правительство уже прибегало к методам, которые, несмотря на поспешность, могли даже принести успех, но в конечном счете были весьма опасными. Были введены еще три должности прокуратора Сан Марко и проданы по 20 000 дукатов каждая. Это стало настолько популярно, что общее число таких должностей вскоре увеличилось до 40, а цена — до 80 000. Но, несмотря на все это, их очень быстро раскупили. Молодым дворянам, всего за 200 дукатов, позволяли занять места в Большом совете, хотя им было всего по 18 лет, а

---

* По правую сторону от горнего места у входа на хоры. Точное расположение отмечено белой мраморной табличкой, а в нее врезан кусочек порфира в форме сердца, с шапкой дожа над ним. Во время недавней реконструкции само сердце в стеклянном сосуде было извлечено, и оказалось, что оно в хорошем состоянии.

не 25, как было положено. В итоге в феврале предложили выставить на продажу право войти в сословие аристократов. Каждому горожанину предложили содержать целый год 1000 солдат, которые участвовали в военной кампании (на это уходило не меньше 60 000 дукатов), после чего ему сразу же даровали этот титул, со всеми полагающимися почестями и привилегиями. Титул сохранялся и за всеми потомками новоиспеченного дворянина. Это предложение, несмотря на то, что оно было одобрено сенатом, большинство представителей Большого совета не приняли, что неудивительно. Они не хотели открывать двери толпе богатых выскочек. Тем не менее в последующие годы огромное число отдельных кандидатов через особое постановление приняли в ряды аристократии — претендент должен был не только выложить солидную сумму, но и подходить по другим критериям.

В это же время новый дож направляет еще один ряд петиций христианской Европе, и не только в Англию, Францию и Испанию, как можно было предположить, но и в Швецию, Данию, Польшу и Московское государство. Венеция направила петиции даже в Сефевидскую Персию, которая, являясь формально мусульманским государством, находилась практически под угрозой турецкой экспансии. Однако ни одного ответа не поступило. На самом деле Франция, где кардинал Мазарини стал преемником Ришелье в 1642 году, продолжала политику дружеских отношений с Высокой Портой. Она просто посоветовала республике — через своего французского посла в Варенне, который побывал в Венеции по пути из Константинополя, — как можно скорее принять условия, если Венеция желает избежать полного уничтожения. Дож резко заявил, что ничего подобного делать не станет; тем не менее, как только начался новый этап кампании, стало совершенно очевидно, что Венеции придется справляться со своими проблемами в одиночку.

Все зависело от того, сможет ли Венеция отбить у турок Ханью, поскольку она оставалась единственным критским портом. Если бы можно было задержать их там, пока Вене-

ция подтянет военные силы к опорным пунктам, расположенным вдоль побережья, то со временем их удалось бы вытеснить оттуда. Для этого Джироламо Морозини — командующий оставшимся флотом — мобилизовал все свои силы и энергию. И винить его в том, что он потерпел поражение, было бы несправедливо. Его родственник, Томмазо Морозини, послал флот из 23 кораблей, пытаясь заблокировать доступ к Дарданеллам и тем самым удержать турецкий флот в Мраморном море или, по крайней мере, задержать его на некоторое время. Эта промедление настолько разъярило султана, что он тотчас же приказал отрубить своему адмиралу голову. Однако преемник адмирала, который, очевидно, очень боялся, что его постигнет та же участь, в конце концов пробился сквозь линию венецианских кораблей и с легкостью добрался через архипелаг до Ханьи, где генерал-капитан, 75-летний Джованни Капелло, не смог помешать ему войти в гавань, поскольку был слишком медлителен и нерешителен. Плохое начало. Минуло лето, наступила осень, а ситуация не улучшалась, скорее наоборот. Несмотря на то что Венеция каким-то чудом удерживала Суду — чье великолепное положение и обновленные укрепления делали ее почти неуязвимой с моря, — корабли успешно прошли через залив и остановились у Ретимо*, который, после продолжительной обороны, вынужден был сдаться 13 ноября.

Падение Ретимо имело одно благоприятное следствие: Джованни Капелло сняли с должности, а по возвращении приговорили на год к тюремному заключению. Его преемником назначили Жана Батиста Гримани, уважаемого и любимого народом военачальника, чье прибытие придало флоту новые силы. В тот момент в 1647 году молодому Томмазо Морозини представилась возможность взять реванш за поражение, которое он потерпел в предыдущем году. Преследуя пиратов, он внезапно оказался в окружении, по крайней мере, 45 турецких кораблей. В неравном бою вся

* Современный город Ретимнон.

его команда сражалась героически и не вступала в перестрелку до тех пор, пока враг не подошел настолько близко, что можно было вести огонь на поражение. Вскоре венецианцы одновременно захватили 3 турецких судна, и битва продолжалась в рукопашную. Морозини сражался в самом пекле до тех пор, пока ему не снесли голову из турецкой аркебузы. В это же время был смертельно ранен турецкий адмирал, но битва не прекращалась. Неожиданно измученные венецианцы увидели, как сомкнутым строем приближаются еще 3 корабля, флаг Святого Марка развевался над их парусами; это Гримани, услышав стрельбу, решил выяснить, что происходит. Теперь и они ввязались в рукопашную битву, заставив турок отойти от противника. Четыре османских судна пошли ко дну, остальные спаслись бегством. Те немногие из выживших турецких моряков, которые находились на галере, очень быстро сдались. Потрепанный, но все еще находящийся на плаву, корабль Морозини отбуксировали в Кандию, откуда останки молодого и отважного капитана доставили в Венецию, чтобы похоронить как героя.

И снова султан пришел в бешенство, узнав о происшедшем. Однако на этот раз он не смог казнить адмирала, поскольку этот несчастный уже был мертв. Султан просто конфисковал все его имущество и приказал отправить еще больше людей, судов и оружия для борьбы с Критом. Нужно было успеть сделать это до того, как Венеция извлечет урок из происшедшего.

В это время венецианцы острова Крит признали, что бесспорный героизм Томмазо Морозини все же никак не улучшил их положение. Из 4 крепостей, расположенных вдоль северного побережья острова (пятая, Сития, находилась слишком далеко, в восточной части, поэтому ее не брали в расчет), две уже были в руках противника: Суду заблокировали с моря еще год назад, и она нуждалась в продовольствии, а крепость и сам город Кандию теперь атаковала чума, лишившая защитников боевого духа, также эпидемия помешала расположить подходящий гарнизон. А вот

турок, находившихся за стенами крепости, эта зараза не тронула. Описываемые события развивались летом 1647 года, когда началась самая настоящая осада Кандии, от которой зависело все будущее колонии, поскольку она являлась столицей.

Осада длилась 22 года, в течение которых Венеция фактически в одиночку защищала маленький город, учитывая то, что население его составляло только около десяти или двадцати тысяч людей, а против них сражались объединенные военно-морские силы всей Османской империи. Раньше такое длительное сопротивление не представлялось возможным, поскольку взаимная зависимость турок и венецианцев в коммерческой сфере требовала, чтобы все военные действия были быстрыми и жесткими. Но теперь, когда большая часть фрахтового дела была в руках Англии и Дании, подобные рассуждения теряли смысл: султан мог распоряжаться временем, как считал нужным. И тем, что Венеция смогла так долго продержаться, она обязана не столько решительности защитников, находящихся внутри крепости (хотя и это имело значение), сколько своему флоту, за которым практически постоянно следила со стороны Восточного Средиземноморья и который препятствовал любой попытке турок блокировать Кандию с моря.

Все это, по сути, усилило положение венецианского флота на Эгейском море, где за последние 10 лет осады турки делали все возможное, чтобы избежать прямого противостояния на море. Но это вовсе не означает, что столкновений не было вовсе. История Критской войны, без преувеличения, — целая национальная эпопея. История бесчисленных битв: крупных и незначительных, хорошо продуманных и спонтанных, которые разыгрывались у самого входа в пролив Дарданеллы, где венецианский флот собирался каждую весну в надежде заблокировать врага в узкой части пролива, и у архипелага, на рейде у самой Кандии. Также ходили легенды о героизме, проявленном в этой войне: о Джакомо Рива, который в 1649 году преследовал турецкий флот по пути в маленькую гавань на Ионическом

побережье и разбил его в щепки; о Лаццаро Мочениго, который в 1651 году недалеко от Пароса, вопреки приказу адмирала, атаковал вражескую эскадру (он обратил ее в бегство, несмотря на то, что сам был несколько раз тяжело ранен, а рука была прострелена из мушкета); о Лоренцо Марчелло, который направил свои корабли прямо в Дарданеллы в 1656 году (по свидетельству очевидцев, это была одна из самых ошеломительных побед той войны), а сам погиб. В 1657 году Лаццаро Мочениго снова отличился, к тому времени он уже стал генерал-капитаном: его эскадра из 20 кораблей преследовала 33 вражеских судна по узким проливам и напала на них в Мраморном море, прямо перед стенами Константинополя. (Он мог бы добраться до города, если бы одним из выстрелов с береговой батареи не был взорван пороховой склад; в результате взрыва упала мачта, реем которой Лаццаро Мочениго был убит на месте.)

Но, несмотря на славные победы, великолепную навигацию и смелость, некоторые считают, что если бы кто-нибудь долго и тщательно отслеживал военные действия, то так или иначе он обнаружил бы, что общего плана не было; что более организованная оборона осаждаемого города, при ближайшем рассмотрении, могла бы быть более успешной, если бы противник не получал регулярно продовольствие и подкрепления. И, вопреки усилиям венецианцев, снабжение турецкой армии не удавалось перерезать; даже несмотря на известия о победах венецианского флота, в глубине души защитники города знали, что падение Кандии — это вопрос времени.

Только одно могло спасти ее: сильная, целенаправленная поддержка европейских держав. Но этого не произошло. Остается спорным вопрос о том, что вся история османского вторжения в Европу может быть охарактеризована как неспособность христианских правителей объединиться на длительный период времени для защиты своей земли и веры. Они не сделали этого во времена Третьего крестового похода (примерно за 500 лет до описываемых событий); не сделали они этого и сейчас. Снова и снова Венеция проси-

ла поддержки и всегда подчеркивала, что на карту поставлена судьба не только незаметной Венеции, но и всего христианского мира, который находился в критическом положении. Таким образом, если бы турки захватили Крит, то вместе с ним была бы потеряна и половина Средиземноморья. А христианский мир, как и прежде, отказывался слушать. Император оповестил Венецию о том, что он только что подписал мирный договор с Портой сроком на 20 лет. Из Испании, ко всеобщему удивлению, его католическое величество отправил посла в неверный Константинополь. Франция, согласно своей политике двойных стандартов, одной рукой протягивала Венеции скромные субсидии, а другую руку дружественно простирала к султану. Англия, от которой помощи и не ждали (поскольку она не имела никакого положения в Средиземном море), щедро одаривала обещаниями, но этим она и ограничивалась. Сменяющие друг друга папы, видя, в каком положении находится Венеция, пользовались этим в своих корыстных целях, предлагая помощь только в обмен на определенные услуги: Иннокентий X хотел контролировать венецианские епархии, его преемник Александр VII — вернуть в Венецию иезуитов, которым со времен интердикта не позволяли появляться на территории республики.

Надо сказать, что по прошествии лет продолжительное сопротивление Кандии стало предметом разговоров в Европе. Венеции стали потихоньку помогать, присылая людей, деньги или корабли; но такая помощь, несомненно, была слишком мала и несвоевременна. Типичный тому пример: 4000 солдат, которых послал из Франции Альмериго Эсте в 1660 году. Они прибыли не весной, когда в них больше всего нуждались, а в конце августа. Первые операции против врага, производимые на территории, которую венецианцы не удосужились изучить, закончились паникой и бегством. Спустя одну или две недели в отряде началась дизентерия; заразившихся нужно было выслать на другие, более уединенные острова, чтобы ограничить масштабы бедствия. После чего выжившие (в числе которых, к сожа-

лению, не было Альмериго*) возвратились домой, ничего не добившись. С империей произошло то же самое. Люди прибыли слишком поздно и ничем уже помочь не могли (они бы только истощали запасы осажденного города).

Столь многочисленны и памятны были подвиги венецианских военачальников на море, что все очень скоро позабыли о еще более героической обороне Кандии, которая справлялась силами собственного гарнизона. Оборона, показавшая пример разнообразных способов ведения войны, обрекшая город на двадцать два года изнурительного существования, и постоянное разочарование, когда обещанная поддержка так называемых союзников снова и снова оказывалась бесполезной. Пришедшие на помощь союзники думали только о том, как спасти свою шкуру или (что ничуть не лучше) прославиться, рискуя не столько своими жизнями, сколько жизнями многих других людей. Это и происходило на последних этапах осады города. К тому времени Кандия стала известна в Европе, особенно среди французов, по большей части юных потомков благородных семейств, которые толпами прибывали на остров, чтобы показать свою отвагу на столь прославленном поле битвы. Самый знаменитый наплыв людей был в 1668 году, когда Людовика XIV наконец заинтересовали осадой Кандии. Но даже тогда он не только не вступил в войну, но даже не прекратил дипломатические отношения с султаном. Французские купцы в Леванте воспользовались всеми преимуществами внезапного отъезда своих венецианских соперников и делали все возможное, чтобы Людовик думал об открытом разрыве отношений с республикой. Однако он пошел на компромисс, позволив Венеции собрать в своих владениях войска под общим командованием генерал-лейтенанта его армии, маркиза де Сент-Андре Монбрюна; в итоге армия из 500 добровольцев, список которых звучит

---

*Его тело привезли в Венецию, и сенат решил захоронить его в церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари. Трудно сказать, почему именно там.

скорее как перекличка на Поле золотой парчи*, нежели серьезная профессиональная армия. В первую очередь под командование Монбрюна попал герцог Ла Фейяд, который хоть и не был богачом, а настоял на том, чтобы ему досталась львиная доля; 2 герцога: герцог Шато-Тьерри и герцог Кадрусс, маркиз Обюссон, граф де Вильмор и де Таван, принц Нешателя (которому едва исполнилось семнадцать лет) и множество других юных представителей доблестных фамилий, которые считались самыми благородными во Франции.

Эти добровольцы прибыли в начале декабря и застали венецианцев в еще более безнадежном положении, чем прежде. Султан потерял всякое терпение, и теперь его главный визирь, Ахмед Копрулу, озабоченный вполне естественно тем, чтобы его голова оставалась на плечах, отправил новые войска на остров и принял личное командование на себя, сообщив воинам, что, пока Кандия не будет захвачена, они покоя не будут знать. Проливной дождь, к счастью, помешал на время их операциям по осаде крепости, заполняя рвы практически настолько же быстро, насколько их могли бы выкопать. Но теперь они начали возводить длинную дамбу как раз через устье гавани. Возникла опасность того, что венецианцы потеряют доступ к жизненно важной коммуникации. Франческо Морозини, новый генерал-капитан, потерял в течение летней кампании 600 офицеров и 7000 солдат; а иностранные военные войска их союзников оказались еще более бесполезными, чем в предыдущие годы. Несколько кораблей, посланных папой и многими другими провинциями Италии, отбыли с наступлением осени, а по пути домой они встретили небольшую испанскую эскадру, которая, как обещалось, должна была прибыть летом, однако покинула свой родной порт только в сентяб-

---

* «Поле золотой парчи» — прозвание, которое получили место мирных переговоров Генриха VIII и Франциска I, проходивших с 7 по 24 июня 1520 года, и сама эта встреча из-за необыкновенной роскоши свиты обоих королей. — *Примеч. ред.*

ре. Услышав от итальянцев (которые были озабочены тем, чтобы как-то объяснить свое раннее отбытие), что кампания на год прервана (чего в действительности не было), они тут же с огромным облегчением повернули корабли и отправились домой в Испанию.

Когда на Крит прибыли молодые французские дворяне, Морозини отправил их под защиту одного из внешних бастионов на прибрежной стороне. Однако встретил отказ. Не для того французы проделали столь длинный и не самый приятный путь, чтобы теперь ползти в грязи до некоего передового аванпоста, чтобы терпеливо и молча ждать там следующей турецкой атаки. Вместо этого они потребовали организовать главную вылазку, которая, по словам одного из участников, заставила бы врага снять осаду. Морозини очень предусмотрительно воспрепятствовал этим порывам. Он предпринял уже десятки вылазок, ни одна из которых не дала положительного результата. Оставшиеся воины — их было меньше 5000 — не смогли бы защитить проломы в стенах, которые постоянно пробивали турецкие подрывники. Но доводам Морозини не вняли. Как впоследствии напишет французский историк Де Жарри:

> Господин де Ла Фейяд добивался только незамедлительных действий и собственной славы; он же, возвращаясь во Францию, скажет, что при осуществлении героической атаки на Крите потерял 7 или 8 сотен граждан республики, находившихся в его распоряжении. Впоследствии он еще пожалеет об этом.

Когда он понял, что генерал-капитан не сдвинется с места, Ла Фейяд, открыто выражая недовольство нерешительностью венецианцев, объявил, что намеревается подготовить собственную атаку без поддержки с их стороны. Что, собственно, и произошло 16 декабря, когда он, символически вооружившись хлыстом, возглавил войско, насчитывавшее (как уже было сказано) не 500, а лишь 280 солдат. Турки свирепо отразили эту атаку, однако французы, не-

смотря на свою безрассудную храбрость, продемонстрировали нечеловеческое мужество и отогнали турок на 200 ярдов, удерживая захваченную территорию в течение двух часов, уничтожив около 800 воинов противника до того, как вновь прибывший батальон турецких янычар все-таки заставил их ретироваться. Граф де Вильмор, граф де Таван и еще около 40 солдат были убиты, более 60 — тяжело ранены, в том числе маркиз Обюссон. Ла Фейяд, истекающий кровью из-за нанесенных ему трех ран, был последним, кто вернулся в крепость.

Атака была великолепна, однако она не помогла ни Венеции, ни Криту. Когда она завершилась, многие молодые герои оказались ранены. Они отбыли в течение недели, но многие их них — даже те, кто чудом остался невредимым, — никогда больше не увидели Франции. С острова они увозили страшный груз — чуму.

Вскоре после того, как оставшиеся в живых высадились в Тулоне, другая армия, еще более многочисленная, профессиональная и лучше экипированная, направилась из Франции в Кандию. В конечном итоге послу Венеции — Джованни Морозини, родственнику знаменитого генерал-капитана — удалось убедить Людовика XIV как представителя христианства взять ответственность на себя. И уже весной 1669 года была оказана первая помощь с его стороны — 6000 солдат, 300 лошадей и 15 пушек, которые доставили флотом из 27 транспортных и эскортом из 15 военных кораблей. Но даже тогда Людовик XIV попытался скрыть это от своих турецких друзей: флот двигался не под флагом французского королевского дома, а под папским флагом с перекрещенными ключами.

Отряд в составе примерно 4000 крепких солдат, возглавляемый герцогом Бофором и герцогом Ноэлем, прибыл 19 июня. Они были потрясены тем, что увидели. Один из офицеров написал:

> Положение города было ужасным: улицы покрыты пулями, пушечными ядрами, следами от мин и гранат. Не

было ни одной церкви или обычного дома, которые бы не подверглись обстрелу или не превратились в каменные обломки от выстрелов вражеских пушек. Дома стали жалкими убежищами, не более того. Повсюду зловоние вызывало тошноту; на каждом углу можно было натолкнуться на труп, раненого или калеку.

Тотчас же история Ла Фейяда начала повторяться, поскольку вновь прибывшим не терпелось вступить в бой.

Они даже отказались ждать остальную часть солдат и начали собственную атаку на рассвете 25 июня. Начало было неудачным: первые солдаты, по которым они открыли огонь, оказались немецким отрядом, прибывшим совсем недавно для того, чтобы оказать им поддержку. Прежний приказ был изменен, теперь они с тем же успехом атаковали турецкие орудийные позиции. Потом от случайного выстрела загорелась пороховая бочка на одной из поспешно оставленных батарей. Турецкие саперы проявили героизм; их операции по минированию стали главным этапом осады, и разрушенные оборонительные сооружения явились результатом подземных взрывов. По французским шеренгам прошел слух о том, что вся территория, на которой они находятся, заминирована и что батарея была скрытым шпуром и только что прогремевший взрыв — это первый из серии взрывов, которые и мокрого места от них не оставят. Началась паника. Солдаты в ужасе стали разбегаться, сбивая на ходу друг друга. Видя это внезапное и необъяснимое бегство, турки перегруппировались и начали контратаку. Пять сотен французских солдат было убито, а через некоторое время их головы были насажены на копья и с ликованием представлены главному визирю. Эта участь не миновала и герцога де Бофора, и графа де Розана — племянника знаменитого Тюренна, — и даже монаха ордена капуцинов, сопровождавшего армию в качестве священника.

Пять сотен солдат из 6000 — это не такая уж большая потеря; через четыре дня прибыла остальная часть армии

короля Людовика, и Морозини начал планировать следующую атаку на Ханью. Но дух его новых союзников был уже сломлен. 24 июля французские солдаты с 70 орудиями подошли слишком близко к турецкой береговой батарее, и их снесло водой. Несколько дней спустя герцог Ноэль невозмутимо сообщил генерал-капитану, что он отправляет армию обратно домой. Не помогли ни торжественные заявления, ни мольбы и угрозы, ни обращения оставшихся в живых горожан, даже громогласные речи проповедников не оказали должного воздействия. 21 августа французский флот поднял якоря. Глубокое отчаяние овладело всеми, часть папских союзных войск и часть армии Священной Римской империи и Мальтийского ордена также отплыли на запад. Остался только Морозини и его гарнизон; главный визирь Ахмед начал атаку.

Каким-то образом эта атака была отражена; но генерал-капитан знал, что в конце концов они потерпят поражение. В его гарнизоне осталось всего 3600 человек. В тот год подкрепления не ожидалось, от оборонительных сооружений остались одни руины, у Морозини не было надежды на то, что он сможет удержать Кандию до следующей зимы. Если бы он теперь пошел на уступки, а не ждал неизбежного взятия города штурмом, он мог бы обеспечить подходящие, даже достойные условия. Надо сказать, что у Морозини не было права вести переговоры от имени республики, но он знал, что, по крайней мере, в трех случаях — впервые в 1647 году, потом в 1657 и в 1662-м — вопрос о мирных переговорах активно обсуждался в сенате, и каждый раз эта идея встречала поддержку. В любом случае сейчас у него был хоть и маленький, но реальный шанс.

Переговоры назначили на 6 сентября 1669 года. Главный визирь, который искренне восхищался Морозини, был великодушен. Венецианцы могли беспрепятственно покинуть город в течение двадцати дней, в случае плохой погоды этот срок можно было продлить. Взамен они должны были оставить всю артиллерию, которая уже была в городе до начала осады, остальное могли забрать с собой. Турки

становились хозяевами города, но Венеция могла сохранить за собой острова Грабузу на северо-западе, Суду, которую никогда не захватывали, и крепость на острове Спиналонга возле современной деревни Элунда.

Таким образом 26 сентября, после сорока пяти лет оккупации и двадцати двух лет осады, флаг Святого Марка был снят с цитадели Кандии, и оставшиеся представители республики, включая последнего дожа колонии, Заккарию Мочениго, который едва ли влиял на ход переговоров, вернулись в свой родной город. А вместе с ними практически все жители Кандии, поскольку никто из них не пожелал остаться под властью турок. Для Венеции это стало концом эпохи. И хотя на карте Эгейского архипелага еще оставалось два или три места, где правил крылатый лев, правда, он больше не ревел, да и рычание его было едва слышным, но Крит являлся последним крупным владением за пределами Адриатики, и его утрата означала окончательную потерю не только власти, но и фактического присутствия в Восточном Средиземноморье.

Но Венеция, потерпев поражение, не потеряла достоинства. Никогда прежде венецианцы не сражались на суше и море так долго и так героически; никогда еще у них не было столь непреклонного противника. Финансовые потери были огромны — только за 1668 год Венеция потеряла 4 млн 392 тыс. дукатов и огромное количество человеческих жизней. Более того, примерно четверть века венецианцы сражались с врагом практически в одиночку. Поддержка их союзников (за редким исключением, когда она вообще была) вызывала негодование: союзники вели себя нерешительно, пассивно или были корыстны; иногда это сказывалось крайне губительно на интересах республики (к примеру, когда эта помощь очень долго задерживалась или когда совершенно внезапно войска отзывали обратно без всякого предупреждения). И даже в последние два-три года, когда стратегия войны на износ привела к безумному разрушению и кровопролитию, иностранная помощь только способствовала деморализации и лишала силы духа.

Однако не это сподвигло Франческо Морозини к принятию решения о капитуляции, а ясное понимание того, что потеря Кандии неизбежна и какая-либо помощь от Венеции или другой стороны лишь продлит агонию города и его жителей; выбирать приходилось между капитуляцией на достойных условиях или массовой резней и мародерством. И только несколько обвинений в истории Венеции были более несправедливыми, чем те, которые обрушил на Морозини обвинитель Антонио Коррер, когда тот вернулся. Его обвиняли не только в том, что он, не имея на то права, вел с противником переговоры от имени республики (к этому Морозини был готов и знал, что ответить). Его также обвиняли (что было совершенно неожиданно, поскольку он ничем не заслужил подобных обвинений) в трусости, государственной измене и даже казнокрадстве и коррупции. К счастью, у Морозини хватало сторонников, которые не замедлили встать на его защиту; после страстных речей с обеих сторон, вопрос был отправлен на рассмотрение в Большой совет; подавляющее число голосов оказалось на стороне Морозини. Его честь не была запятнана, и, как мы позднее убедимся, Морозини сам не раз мстил своим старым врагам, когда подворачивался удобный случай.

Это событие в продолжительной борьбе за Крит было, в силу обстоятельств, кратким и эпизодичным. Не беря в расчет обычного читателя, для которого одно сражение, сухопутное или морское, похоже на любое другое, стоит сказать, что в этой войне было много столкновений и схваток, примеров героизма и мужества, к которым, если уж вообще о них упоминать, отнеслись более чем несправедливо. По этой же причине сорокалетнему периоду венецианской истории нужно было посвятить хотя бы несколько страниц, даже если рассматривать это время поверхностно. И перед тем как перейти к следующей главе, мы должны восстановить в памяти происшедшие события и обратить свой взгляд на Венецию.

Крит находился под властью, по меньшей мере, семи дожей. Франческо Молин умер в 1655 году; его преемник, Кар-

ло Контарини, скончался через 14 месяцев; а следующий дож — Франческо Корнаро — правил меньше всех, как документально засвидетельствовано, с 17 мая по 5 июня 1656 года. Всем трем дожам было за семьдесят, а Бертуччо Вальеру, сотому по счету дожу Венеции, которого избрали 15 июня, было тогда всего лишь пятьдесят девять лет. Была надежда на то, что он, благодаря своей относительной молодости, сможет выпутаться из безвыходного положения, в котором находился Крит. К несчастью для Венеции, у него на это не нашлось достаточно сил, и в марте 1658 года вновь собрался Совет сорока для того, чтобы заняться своим привычным делом. Джованни Пезаро был старше Вальера на десять лет, но все еще обладал душевным пылом; вполне возможно, что он одержал победу на выборах благодаря той энергии, с которой обрушился на своего предшественника несколько месяцев тому назад, из-за вопроса о принятии или непринятии предложения турок о мире. Вальер был в почете, и некоторые другие представители коллегии разделяли его мнение; однако возмущенное красноречие Пезаро взяло верх. Возможно, он и смог бы обеспечить Венеции то превосходство, в котором она так нуждалась; но за 17 месяцев, которые были ему отпущены богом, он успел добиться очень немногого. В сентябре 1659 Доменико II Контарини стал его преемником, и за время его правления Кандия наконец пала, и был установлен мир с турками.

В течение этих кратких и неприметных правлений внимание правительства Венеции было приковано к Криту, но это было не совсем так. Венеция всегда использовала возможность расширения своих границ посредством войны на других театрах и, как мы уже убедились, принимала меры по защите, когда считала это необходимым. Справедливо и то, что, когда начинались серьезные военные кампании, Венеция не медлила и тут же атаковала, если можно было быстро и легко одержать победу, даже в том случае, когда она рисковала открыть новые театры военных действий. Была ли разумной такая стратегия государства, чьи силы численно не превосходили сил противника, вопрос спор-

ный. Однако нельзя отрицать эффективность этой политики. С 1645 по 1648 год венецианский флот под командованием Леонардо Фосколо совершил целую серию рейдов в прибрежных районах Далмации, отразив несколько турецких атак с суши в городах, которые находились под властью Венеции. Эта кампания достигла своей кульминации, когда в 1648 году Венеция захватила Клиссу — турецкую крепость, что располагалась в нескольких милях к юго-востоку от Спалато*. Подобным образом в 1659 году Франческо Морозини во время своего первого правления на Крите в качестве генерал-капитана, после серии неудачных попыток вызвать турецкий флот на бой, компенсировал это тем, что внезапно атаковал Каламату на юге Пелопоннеса. Одновременно капитулировали и город, и цитадель — это был первый шаг Морозини в деле отвоевывания Мореи, что произошло через четверть века.

Однако за время войны за Крит Венеция испытала небывалое счастье — вся остальная Европа оставила ее в покое. Вестфальский мир 1648 года положил конец Тридцатилетней войне; испанское католическое рвение и венецианский гражданский дух сожгли друг друга; и, несмотря на многочисленные относительно неопасные вспышки возмущения среди правителей Европы, которыми были отмечены последующие годы, ни одна из них не оказала сильного политического воздействия на республику или государства Италии. В действительности если бы кто-нибудь взялся изучать всю историю Европы, то он обязательно столкнулся бы с тем, что всеобщее внимание было приковано к северу, а Апеннинский полуостров оставался в тени. Ему угрожали только турки, и — как показали последующие двадцать лет — даже тогда, когда Венеция переживала свой расцвет.

---

* Или, если использовать современное югославское название, Клис и Сплит.

Глава 43

МОРОЗИНИ И МОРЕЯ (1670–1700)

> Он никогда не колебался в своих поступках; всегда был веселым и спокойным и при этом излучал уверенность и благородство. В общем, можно сказать, и это чистая правда, что он был человеком любезным, и у республики никогда не было и, возможно, никогда больше не будет столь сильного защитника.
>
> *Филибер де Жари о Франческо Морозини*

После падения Кандии Венеция 15 лет пребывала в мире — годы, за которые она могла привести свои дела в порядок и сделать все возможное для того, чтобы восстановить подорванное финансовое положение. Это была задача не из легких. Французские и немецкие — и даже некоторые английские — купцы практически вытеснили венецианцев из Леванта. А тем временем цены на венецианские товары необычайно возросли, с тех пор как война на море вынудила Венецию нанимать иностранные суда для транспортировки или (если она хотела обойтись своими силами) перевозить товары под вооруженным конвоем. Венеция также имела огромный долг, а проценты по ссуде иногда доходили до сорока. Но со временем, благодаря изощренным

комбинациям пошлин, поощрениям, налогам, новым протекционистским законам и программе по восстановлению старых пошлин на таможнях по реке Адидже, экономика Венеции набрала обороты. И к тому времени, как в январе 1675 года скончался Доменико II Контарини в возрасте девяноста четырех лет после тяжелого инсульта*, который приковал его к постели на 18 месяцев, венецианская казна вновь начала наполняться.

Преемник Контарини Николо Сагредо находился у власти полтора года, в течение которых Венеция переживала экономическое возрождение; как раз в это время Мерчерию впервые замостили камнем. После смерти Николо Сагредо Совет сорока снова отдал предпочтение замысловатой системе, которую использовали с 1268 года**. Хоть она и была запутанной, но работала достаточно хорошо в течение четырехсот лет; однако на сей раз, по крайней мере, 28 избирателей были благосклонны к Джованни Сагредо, который успел побывать послом у Оливера Кромвеля и был дальним родственником почившего дожа Николо. На самом деле результаты выборов были настолько очевидны, что во дворец Сагредо уже начали потихоньку прибывать его родственники и друзья для того, чтобы поздравить его, когда кто-нибудь из вновь прибывших сообщит волнующую новость. Около шестидесяти гондольеров собрались под окнами

---

* Он был похоронен в фамильном склепе в церкви Сан Бенедетто. «Человек, одаренный необычайно мягким нравом, приветливый, очаровательный и миловидный, благородный и величественный, который вызвал любовь к себе и глубокое уважение как в сердцах благородной знати, так и у простого народа; молодые дворяне особенно почитали его за заслуги, которые он проявил в своей общественной деятельности».

** Эта система детально описана выше. Вкратце: Большой совет выбирает 30 человек, затем, посредством жеребьевки, 9 человек выбывают; оставшиеся проголосуют за 40, из которых останутся только 12, которые, в свою очередь, будут голосовать за 25, из которых 9 человек снова выбывают, оставшиеся проголосуют за 45, из которых останутся 11, они-то и выберут 41.

Дворца дожей и яростно порицали Сагредо — даже грозились забросать камнями насмерть на giro di Piazza (посреди площади).

Гондольеры не предъявляли какие-либо четкие обвинения, и было совершенно ясно, что им просто заплатил один из врагов Сагредо (или их было несколько), решив таким образом продемонстрировать свое отношение. Может, так оно и было, и члены Большого совета не собирались игнорировать эти сигналы опасности. Они отказались утвердить решение Совета сорока и обратились к Совету десяти, чтобы он вновь проголосовал. Закончилось это тем, что Джованни Сагредо отказался от должности дожа, а этот пост занял Альвизе Контарини, бывший дипломат и член коллегии, под чьим руководством Венеция продолжила свое мирное движение к процветанию.

Но не всегда было легко сохранить мир. В 1683 году подданные императора Леопольда I подняли восстание, предлагая султану поддержать их, и собрали огромную турецкую армию у ворот Вены. Венецианским дипломатам потребовалось все их мастерство, чтобы объяснить, почему они отказываются принять активное участие в защите одной из самых главных христианских столиц. (Вряд ли они напомнили императору о том, какую ничтожную и бесполезную поддержку он оказал Венеции, когда та сражалась за Крит.) Однако эта война велась на суше; у республики не было военной силы, которую она могла бы предоставить в качестве поддержки. У Леопольда I все равно хватало союзников, в числе которых были курфюрсты Саксонии и Баварии и еще более могущественный — польский король Ян III Собеский. Уверенность Венеции в успехе короля была вполне обоснована. Турки действовали неумело, и у них не было тяжелой артиллерии. Застигнутые смертоносным перекрестным огнем между осажденным городом и войсками короля Яна Собеского (которые он прислал в подкрепление), турки в панике бежали, оставив на поле боя 10 000 убитых солдат. Их влиятельность пошатнулась, легенда об их непобедимости умерла, а свидетелем этого поражения стал

весь мир. Турки больше никогда не поставят под угрозу христианский мир.

Но война еще не была окончена; и пока христианские армии продолжали продвижение на всех направлениях, император Леопольд I, которого поддержали папа и Ян III Собеский, снова, и еще более настойчиво, обратился к Венеции. Они убеждали республику в том, что нужно оказать поддержку в момент триумфа; и новый грозный союз государств, в котором морская мощь Венеции воссоединилась бы с их сухопутными войсками, смог бы навсегда изгнать султана из Европы — событие, от которого именно республика получала больше всех преимуществ.

Венеция не сразу ответила на это предложение. Ей потребовалось 10 лет, чтобы восстановиться после Критской войны. Это стоило Венеции огромных жертв и лишений, и только сейчас она начала пожинать плоды мира. Станет ли она снова рисковать из-за каких-то ссор? Но с другой стороны, ситуация изменилась с тех пор, как турки потерпели поражение под стенами Вены. Следующий этап войны мог, по меньшей мере, частично проходить на море; требовали ли сейчас интересы Венеции и ее доброе имя принятия более активного участия? Даже в минувшие несколько лет она вынуждена была молча сносить обиды и унижения от Высокой Порты. За это Венеция дорого поплатилась: страдала ее честь, а иногда и казна. Не слишком ли дорого обошелся Венеции этот нелегкий мир, который султан мог разрушить в любой момент? А если к тому же султан заключит соглашение с королем и его сторонниками, а потом со всей яростью оскорбленного самолюбия обрушится на республику? И что будет, если Венеция согласится выступить против султана: сможет ли она надеяться на поддержку союзников, которым сейчас отказывает в помощи? Турки ослабли и утратили силу духа; великий визирь и верховный главнокомандующий, гнусный Кара-Мустафа, был казнен по приказу султана. Турецкая армия распадалась. Венеция же, напротив, восстанавливала силы. Не пришло ли время перейти в наступление и не просто отомстить за потерю

Кандии, а отвоевать этот город и другие бывшие колонии? Этот вопрос очень долго обсуждался; в итоге 19 января 1684 года, посол короля предстал перед коллегией. Ему сообщили, что Венеция вступает в лигу.

О таком поистине историческом решении должен был объявлять сам дож. Однако эта должность все еще была вакантна. Дож Альвизе Контарини скончался за четыре дня до описываемого события, а преемника ему еще не выбрали. Франческо Морозини (который снова стал генерал-капитаном) уже предложил свою кандидатуру и жаждал, воспользовавшись возможностью, отправиться как глава государства и флота в экспедицию, чтобы сразиться со старым врагом. Однако, к его великому сожалению, было решено, что ему следует исполнять военные обязанности внутри государства, а на войну отправить некоего Маркантонио Джустиниани, почтенного ученого, который проявил себя как необычайно успешный посол при дворе Людовика XIV, и, если верить слухам, он совсем не умел воевать.

И при этих добрых предзнаменованиях Венеция вступила в войну, которая оказалась ее самой удачной военной кампанией за последние две сотни лет. Тут же начались приготовления для летней экспедиции. А тем временем Джованни Капелло (секретарь покойного байло) в Константинополе официально объявил войну султану и в тот же вечер благоразумно покинул столицу, переодевшись моряком.

Франческо Морозини тогда было 64. Несмотря на то что он не получил назначения на желаемую должность, Морозини решительно и с энтузиазмом принял под командование 68 военных кораблей, включая 6 галеасов. Требовалось время, чтобы подготовить такой большой флот, и Морозини смог отправиться в плавание только в июле. За это время успели прибыть несколько кораблей, посланные в поддержку папой, герцогом Тосканы и рыцарями Мальтийского ордена. Покинув гавань, Морозини направил свой флот к первой цели — острову Санта-Маура (современный Лефкас) и захватил его 6 августа, после 16-дневной осады. Не-

сколько стремительных побед могли иметь серьезное стратегическое значение; поскольку остров располагался между Корфу (Керкирой) и Кефалонией, Санта-Маура контролировала выход как в Адриатическое море, так и в Коринфский залив. Остров также являлся плацдармом, с которого через месяц или чуть позднее небольшое сухопутное войско переправилось на материк и принудило крепость Превеца сдаться. Тем временем в северной части побережья христиане валахи Боснии и Герцеговины одновременно подняли восстание против турок и двинулись на юг, в Албанию и Эпир. Армии императора и Яна Собеского продолжали свое продвижение через Венгрию. Зима положила конец первому этапу военной кампании, а Венеция и ее союзники могли смело гордиться своими успехами.

В 1685 году с приходом весны Морозини посылает в бывший венецианский порт Корону (который турки захватили в 1500 году) около 9500 солдат из немецких, папских и тосканских войск, а также включал 3000 венецианцев и 120 рыцарей ордена Святого Иоанна. На этот раз османский гарнизон отчаянно оборонялся; лишь к августу белый флаг был поднят над цитаделью. Затем, когда обсуждались условия капитуляции, из турецкой пушки открыли огонь, убив нескольких венецианцев. Переговоры тут же сорвались; союзные войска яростно обрушились на город и устроили там побоище. Были захвачены еще несколько крепостей; и в течение последующих двух или трех месяцев большая часть Мореи оказалась под контролем лиги, а шведский генерал, граф Отто Вильям фон Кенигсмарк, которого наняла республика за 18 000 дукатов, возглавил командование сухопутными войсками.

Ранее, в 1686 году, Морозини и Кенигсмарк встретились на военном совете в Санта-Мауре. Им предстояло выбирать из четырех главных объектов наступления: остров Хиос, Негропонт, Крит или оставшаяся часть Мореи. И похоже, что настойчивое требование Кенигсмарка повлияло на решение; выбор пал на последние три направления. Понятно, что это было не самое разумное решение, но оно не причи-

нило атакующим особых беспокойств. На следующие три летние кампании лига предполагала захватить Модону и Наварино, Аргос и Навплион, Лепанто, Патрас (Патре) и Коринф.

Утром 11 августа 1687 года до республики дошли новости о том, что последние три города из вышеупомянутых захвачены. Вся Венеция ликовала. Наконец-то за Кандию отомстили. Тут же Большой совет прервал совещание, чтобы его члены смогли принять участие в благодарственном молебне, организованном по этому случаю в базилике Сан Марко. Также сенат отдал приказ о воздвижении бронзового бюста Морозини, чтобы потом поместить его в Оружейном зале во Дворце дожей с такой надписью:

FRANCISCO MAUROCENO
PELOPONNESIACO ADHUC VIVENTI
SENATUS*.

В это время армия стремительно захватила Морею. Кенигсмарк был занят тем, что подавлял внутренние очаги сопротивления — в основном в регионах Мистры и Спарты. А Морозини со своим флотом тем временем направлялся в Аттику, чтобы начать осаду Афин.

Там-то и разгорелась одна из двух великих исторических трагедий, которые, увы, пришлись на долю Венеции. Ужасная повесть о Четвертом крестовом походе уже была рассказана**; а сейчас нам придется с прискорбием засвиде-

---

* «Франческо Морозини Пелопоннесскому от сената» (*лат.*). Бюст, который изготовил Пароди, был потом представлен владельцу и оставался во дворце Морозини в Сан-Стефано (дом под номером 2802 в восточной стороне площади с видом на Рио ди Сан-Маурицио) до смерти в 1884 году последней из рода графини Лореданы Морозини Гаттербург. Сейчас он находится на своем законном месте — в Оружейном зале; мраморная копия установлена в Музее Коррер.

** См. главу 10.

тельствовать то, что в понедельник, 26 сентября 1687 года, около 7 часов вечера немецкий лейтенант выстрелил из мортиры, установленной на холме Мусейон напротив Акрополя, по Парфенону, в котором турки, к несчастью, хранили порох. Он попал точно в цель. Последовал взрыв, который практически полностью уничтожил целлу и фриз Парфенона, 8 колонн на северной и 6 колонн на южной стороне вместе с антаблементами.

Но это были еще не все разрушения. После захвата города Морозини — который, вне всяких сомнений, помнил о том, что в 1205 году были захвачены 4 бронзовых коня с ипподрома в Константинополе, — попытался снять лошадей и афинскую колесницу, составляющие часть западного фронтона храма. В итоге весь этот ансамбль упал на землю и разбился на мелкие кусочки. Непреклонный завоеватель был доволен и меньшими сувенирами: двумя из четырех львов, расположенных по бокам (сейчас все четыре льва находятся в Арсенале*).

Наверное, в Венеции не очень переживали из-за судьбы Парфенона, все были поглощены празднествами. Они уж и забыли, когда одерживали такие значительные победы — битва при Лепанто была более ста лет тому назад, а завоевания Морозини не имели себе равных с XV века. Однако гораздо большее значение они придавали тому, что, наконец-то, исчезла мрачная тень Османской империи, которая так долго тревожила республику. И появилась надежда на возврат к далеким временам торговой империи. Неудивительно, что они так ликовали и провозгласили своего победоносного адмирала величайшим военным героем за всю

---

* Тот, что находился на правой стороне, появился после Священной войны; тот, что с левой стороны, со знаменитой рунической надписью (теперь практически незаметной), которую, как предполагается, оставили викинги варяжской стражи византийских императоров, прибыл из Пирея. Бронзовая колонна, располагавшаяся в центре площади, и великолепные медные двери на входе в храм — это тоже памятники в честь побед Морозини.

историю Венеции; неудивительно и то, что в марте 1688 года, когда умер Маркантонио Джустиниани, его преемником единогласно выбрали Франческо Морозини*.

Наконец-то самые смелые амбиции Морозини реализовались, поскольку он не собирался отказываться от командования. 8 июля 1688 года он вывел флот, насчитывавший 200 кораблей, из Афинского залива и направился к следующей цели — острову Негропонт. Как и Крит, Негропонт достался Венеции в результате раздела Византийской империи после Четвертого крестового похода, и, несмотря на то, что Венеция уступила его туркам два столетия назад, в 1470 году, эта потеря все еще терзала ее. Теперь этот остров был хорошо укреплен, и турецкий гарнизон в 6000 солдат, даже если он не получит подкрепления, будет активно сражаться. Однако военные силы лиги превышали силы противника более чем в два раза, и ни у дожа-адмирала, ни у графа Кенигсмарка не возникало каких-либо серьезных сомнений по поводу того, что они вскоре овладеют этим островом.

Но небеса им не благоволили. Внезапно удача отвернулась от них, и вскоре после начала осады христианский лагерь поразила эпидемия. Мы не знаем, что это было, многие полагают, что дизентерия или малярия. В течение нескольких недель армия потеряла треть своих солдат, включая самого Кенигсмарка. В середине августа из Венеции прибыло подкрепление — 4000 воинов. Морозини решил продолжить осаду, но тут же поднялось восстание. Королевские войска из Брунсвика-Ганновера категорически отка-

---

* Несмотря на всеобщее ликование после того, как Морозини избрали дожем, следует сказать, что Маркантонио Джустиниани искренне любили и скорбели о его уходе. Венецианские бедняки молились ему почти как святому, и не прошло и недели с его смерти, как папа Иннокентий XI воскликнул: «Если бы все правители на земле были такими, как он!» Похоронили его в фамильной часовне — так называемой капелле деи Профети — в церкви Сан Франческо делла Винья.

зались участвовать в военных действиях. Недовольство распространялось почти так же быстро, как эпидемия, и Морозини вынужден был уступить.

И даже сейчас он не мог позволить себе унизительное возвращение в Венецию. Еще одной победы, пусть и небольшой, было бы достаточно для того, чтобы честь Морозини не пострадала, а его подданные приветствовали бы его после происшедшего как героя. Крепость Мальвазия (Монемвазия) как нельзя лучше подходила для этой цели на юго-восточной оконечности Пелопоннеса, она была одним из немногих турецких опорных пунктов, расположенных на континенте. Но, увы, фортуна, которая улыбалась адмиралу, на дожа смотрела неодобрительно. К крепости, расположенной на очень высокой и практически неприступной скале, можно было пробраться лишь по узкой тропе, ширина которой была меньше ярда. Эта тропа оказалась бы бесполезной для армии, попавшей в окружение. Надеяться приходилось только на бомбардировку, и Морозини приказал соорудить две батареи. Однако болезнь поразила дожа еще до того, как все было завершено. Оставив командование на своего генерал-проведитора, Джироламо Корнаро, Морозини отправился домой в январе 1609 года, несчастный и больной. Ему оказали восторженный прием, но едва ли это могло порадовать Морозини. Он долго выздоравливал, находясь на своей вилле на материке.

Корнаро оказался хорошим преемником и более удачливым, чем его предшественник. Он захватил Мальвазию, над которой, впервые за полтора столетия, взвился флаг Святого Марка. Услышав, что османский флот движется через архипелаг, Корнаро снова устремляется на север, чтобы разгромить его у Митилини, понеся при этом значительные потери. Вернувшись снова в Адриатическое море, он неожиданно напал на Авлон, взял его и разрушил оборонительные сооружения. Корнаро все еще находился в Авлоне, когда его сразила лихорадка; через день или два он был мертв. Это была настоящая потеря. И она казалась еще более значительной, поскольку Доме-

нико Мочениго, которого выбрали верховным командующим, оказался ненадежным человеком. Он пытался отвоевать Ханью в 1692 году, но, услышав о том, что с Мореи прибыл вспомогательный турецкий флот (что оказалось безосновательными слухами), Мочениго и вовсе отказался от своего смелого предприятия.

Турецкая война, которая так славно началась, теперь подошла к своему унизительному завершению. Венеция вновь искала активного лидера на должность дожа. Морозини, которому исполнилось 74 года, так и не смог поправить свое здоровье, и тем не менее он не колебался, когда ему предложили взять управление в свои руки. Накануне, в среду, 24 мая 1693 года, он должен был отправиться в плавание на корабле. Он принял участие в торжественной процессии, направлявшейся к собору. Морозини облачили в роскошную мантию генерал-капитана, украшенную золотой вышивкой, а в руке он держал жезл. Многие из его подчиненных, как нам стало известно, возражали против жезла «как слишком явного символа власти в свободном республиканском городе». Однако даже это не помешало им приветствовать его громкими возгласами из открытых окон, когда дож появился вслед за народными массами, чтобы совершить церемониальный тур вокруг Пьяццы, проезжая сквозь многочисленные триумфальные арки, которые возвели специально по этому случаю.

На следующий день, как и прежде, в сопровождении эскорта из карабинеров и алебардщиков, знаменосцев, военного оркестра и трубачей, патриарха и духовенства, синьории, прокураторов Сан Марко, папского нунция и иностранных послов, сената и, наконец, его семьи и друзей, Морозини совершил торжественное шествие от монетного двора, что расположен на углу Пьяццетты, вдоль Ривы к самым отдаленным местам Кастелло, где его ожидал «Бучинторо», чтобы провести по лагуне через плотное скопление ярко украшенных гондол, сначала к церкви Сан Николо на Лидо для последнего богослужения перед отплытием,

а затем к его галере. Как только Морозини оказался на палубе, якорь подняли, и судно с развевающимися парусами и львом святого Марка на носу, миновав порт Лидо, направилось к Мальвазии, где уже сосредоточилась основная часть флота*.

После столь славных торжеств последняя кампания Франческо Морозини, казалось, пошла на спад. Турки воспользовались передышкой и в течение зимы и весны укрепили оборонительные сооружения как в Ханьи, так и в Негропонте. Встречные ветра не позволили Морозини попытать счастья в Дарданеллах; в это время турецкий флот очень умело избегал встреч с венецианцами. Гарнизон в Коринфе уже был укреплен, а вместе с ним еще пара опорных пунктов на Морее. Морозини начал погоню за алжирскими пиратами и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, оккупировал Саламин, Гидру и Спеце, прежде чем отправиться зимой в Нафплион. Но уже тогда было ясно, что силы покидают Морозини. Весь декабрь он промучился от болей из-за камней в желчном пузыре, а 6 января 1694 года скончался.

Похороны, как и ожидалось, были очень торжественными: сначала в Нафплион, где забальзамировали сердце и внутренние органы дожа, чтобы отправить их в церковь Сан Антонио, а затем в Венецию в церковь Санти Джованни э Паоло, откуда тело доставили в Сан Стефано для совершения церемонии погребения. Здесь, на его могиле, была установлена резная плита; но главный мемориал Морозини находится не там, а во Дворце дожей, в самом конце зала голосования, где возвышается огромная мраморная триумфальная арка, которая почти достигает крыши. Украшена

---

* По-видимому, историки совершенно забыли упомянуть о том, что это грандиозное отплытие состоялось в день Вознесения, когда дож обычно участвует в богослужении и празднике обручения с морем. Судя по всему, не было причин для того, чтобы исключать эту церемонию из общего торжественного праздника; однако, что странно, венецианцы этот факт упустили.

она шестью символическими картинами Грегорио Лазарини. Эта арка выделяется* своей архитектурой и художественным оформлением, и даже более того, она кажется несколько неуместной в столь неожиданной окружающей обстановке. И все же немногие памятники смогут лучше передать то уважение, которое проявляла Венеция к последнему из своих великих дожей-воителей, и благодарность, которую она испытывала к Морозини, поскольку он, по крайней мере на несколько лет, вернул Венеции ее былую уверенность.

Незавидная задача Франческо Морозини теперь перешла к Сильвестро Вальеру, выбранному дожем. Сильвестро — сын того самого Бертуччо Вальера, который занимал это место 40 с лишним лет назад, правда недолго. Уже после избрания нового дожа стало ясно, что он и не думал принимать военное командование, как это сделал его предшественник. И многие венецианцы — истые республиканцы, которые искренне восхищались Морозини, все же беспокоились из-за того, что в руках одного человека будет сконцентрирована гражданская и военная мощь, поскольку это было потенциально опасно; также они не хотели, чтобы это вошло в традицию. Таким образом, в новом promissione дожа было прописано, что отдельные выборы генерал-капитана могут в будущем быть временно приостановленными только с согласия четырех из шести советников герцога или с согласия двух из трех глав карантии; но даже при соблюдении этого условия решение должен одобрить сенат и две трети Большого совета, для которого кворум будет не менее 800 человек. Все эти предосторожности были более чем достаточны: в истории республики дож больше никогда не вступал в войну.

---

* Гораздо более интересны картины в комнатах Морозини в Музее Коррер (экспонаты XIX–XXIV), которые рассказывают о некоторых моментах из жизни Морозини, включая бальзамированное тело его кошки, к которой, как говорят, он был необычайно привязан.

Тем временем верховное командование было передано в руки Антонио Дзено, который отправился в плавание следующим же летом и уже 7 сентября 1694 года прибыл на Хиос с 9000 воинов. Остров был известен тем, что здесь проживало множество христиан, как католиков, так и православных. И у тех и у других был свой собственный епископ, и оба они спешили поприветствовать венецианцев и заверить их в своей поддержке против турецкого гарнизона, насчитывавшего всего лишь 2000 солдат, которые сосредоточились в цитадели над городом. Сразу же начали артобстрел; порт, включая три турецких судна, которые рискнули стоять на якоре, взяли без боя, и гарнизон сдался 15 сентября в обмен на возможность свободного прохода к материку.

До тех пор все шло превосходно; и когда до острова Хиос дошло сообщение о том, что приближается турецкий флот, насчитывающий около 50 парусных суден, настроение венецианцев даже улучшилось. Долгое время турки делали все возможное, чтобы избежать морских сражений, а их успешное маневрирование и несомненная храбрость вызвали прилив энтузиазма у капитанов Дзено. К несчастью, в тот момент, когда генерал-капитан собирался выйти из узкой части пролива, отделяющего Хиос от материка, и направиться к открытому морю, ветер спал; при таком штиле сражаться было нельзя. А 20 сентября поднялся очень слабый бриз, что было туркам на руку, и они, осознавая опасность положения, быстро собрались домой и достигли гавани Смирны прежде, чем венецианцы смогли их нагнать. Дзено, все еще готовый сражаться, встал на якорь на рейде за пределами гавани; но вскоре после этого на борт его флагмана прибыли местные консулы, представляющие три европейские державы, не входящие в состав лиги — Англию, Францию и Нидерланды, — которые просили его не рисковать христианскими жизнями и имуществом города из-за ненужной атаки и к своим просьбам (как нам стало известно) прилагали также внушительную денежную сумму. Дзено согласился скорее из-за того, что нуждался в продоволь-

ствии, нежели по какой-то иной причине. Он вернулся в Хиос*.

Однако великая морская битва, которой так жаждали многие венецианские капитаны, не заставила себя ждать. Султан, взбешенный потерей одного из наиболее ценных островов, находящихся недалеко от материка, отдал приказание любой ценой немедленно его отвоевать. И в начале февраля 1695 года вышел новый османский флот из 20 самых крупных боевых кораблей — так называемые sultanas (султаны). — а также 24 галеры и несколько галеонов. Антонио Дзено снова отправился им навстречу примерно с таким же флотом, состоящим из внушительной эскадры от рыцарей Мальтийского ордена. И 9 февраля, около в 10 часов утра, началась битва в стороне от острова Эспальмадор на северной оконечности пролива. Сражение было долгим и неистовым, венецианцы не раз проявляли чудеса доблести (вероятно, и турки отличились в этом сражении, но об этом венецианцы не упоминали); но когда оба флота с наступлением ночи разошлись, несмотря на тяжелые потери с обеих сторон (со стороны Венеции — 465 погибших и 603 раненых), победы не было.

Однако оказалось, что это был лишь первый этап битвы. Флоты встали на якорь вне досягаемости от орудий противника и ждали целых 10 дней. Затем, когда 19 февраля поднялся сильный северный ветер, турки снова атаковали врага. Шло сражение, ветер все усиливался. Начался шторм. Море забурлило. И уже невозможно было

---

* Некоторые историки, а среди них Дарю и Романин, вслед за современником событий, историком Пьетро Гарцони, который был одним из главных обвинителей Дзено, повторили, что во время штиля турецкие корабли были во власти венецианцев, но генерал-капитан не позволил своим капитанам атаковать их. На первый взгляд это кажется невероятным, а описания событий настолько противоречивы, что правда никогда не выяснится. Из всех описаний событий, происшедших на острове Хиос, наиболее достоверное, обстоятельное и содержательное сделал Филипп Арджента.

осуществлять близкие маневры. Венецианцы отчаянно сражались, чтобы попасть на наветренную сторону, однако их постепенно сместили в узкий пролив у стен порта. При такой погоде вход в порт, по крайней мере для крупных галеасов, был закрыт. Они могли только встать на рейде, а турки не переставали вести обстрел продольным огнем. Это была катастрофа. Венеция понесла огромные потери, Турция — относительно небольшие. Генерал-капитан созвал военный совет, но итог был, в сущности, очевиден. Венеция не имела достаточного количества людей, чтобы удержать крепость; оборонительные сооружения находились в плачевном состоянии; казна пустовала; продовольствия почти не осталось. Задолго до того, как Венеция смогла бы получить помощь, турки бы снова атаковали. А это означало, что последствия были бы катастрофическими. Лишь командующий сухопутными войсками, барон фон Штейнау, верил, что еще можно удержать Хиос, но его предложение отвергли. Как сказано в одном письме, написанном в то время, генерал-капитан плакал, как ребенок; его дух был совершенно сломлен, и он мог лишь повторять слова: «Поступайте, как знаете: все в ваших руках!»

Таким образом остров Хиос потеряли менее чем через 6 месяцев после его взятия. В ночь на 20 февраля всю артиллерию и боеприпасы, которые можно было вывезти, погрузили на корабли, укрепления уничтожили или демонтировали — если это вообще того стоило. А на утро, 21 февраля, флот покинул порт, чтобы избежать мести турок. Подавляющей части знатных католических семейств острова даровали новые владения в Морее, чтобы компенсировать то, что они оставили на Хиосе. Однако судьба и тут не сжалилась над Венецией: едва последнее судно обогнуло дамбу, как самый важный из оставшихся кораблей Дзено, «Abbondanza Richezza», перевозивший оружие и амуницию, сел на мель. Все попытки освободить судно не увенчались успехом, и его пришлось оставить вместе с нетронутым грузом на борту.

Венецианцы, совсем недавно праздновавшие взятие Хиоса, узнав о том, что остров потерян, скорее пришли в ярость, нежели опечалились. Капитаны кораблей один за другим обвиняли генерал-капитана в нерешительности, робости, непредусмотрительности, отсутствии инициативы и других лидерских качеств. Сенат потребовал немедленно начать расследование, а несчастного Дзено, двух его проведиторов и нескольких старших офицеров доставили в Венецию в кандалах. Сам Дзено скончался в тюрьме 6 июля 1697 года, когда расследование еще не окончилось, и это несмотря на то, что ранее Дзено написал в свою защиту длинную речь. Потом правительство Венеции опубликовало ее. Тот жест рассматривали как оправдание обвиняемого; однако официальные результаты расследования так никогда и не объявили.

В это время, к счастью для венецианцев, преемник Дзено, Алессандро Молин — которому на суше оказал поддержку знаменитый барон фон Штейнау — одержал несколько значительных побед. Высадке турок на Арголиде помешали, и следующее морское сражение, состоявшееся в стороне от Хиоса, помогло Венеции смыть позор, причиненный в прошедшем году. Венецианцы также одержали победу в 1697 году близ Андроса, а затем, в сентябре 1698 года, у входа в Дарданеллы, где они вновь, правда на время, получили контроль над Эгейским морем. Однако потеря Хиоса все еще причиняла боль, и рана эта кровоточила еще много лет.

Таким образом, пока Венеция участвовала в сражениях лиги в Средиземноморье, ее северные союзники палец о палец не ударили. В 1686 году герцог Карл Лотарингский отвоевал Буду. Город вернулся к империи после того, как 145 лет находился под властью турок. А падение Белграда в 1688 году способствовало тому, что большая часть Боснии, Сербии и Валахии оказалась под властью христиан. Крепость была вновь захвачена в 1690 году, но эту потерю смягчило то, что в следующем году завоевали Трансильва-

нию. Смерть Яна Собеского в 1696 году стала тяжелым ударом, а лига получила нового полезного союзника в лице Петра Великого. По его просьбе в тот же год Венеция выслала в Россию 30 корабельных плотников. В конце концов в 1697 году принц Евгений Савойский практически уничтожил османскую армию на Закинфе, оставив на поле боя 20 000 турецких солдат.

Турок не одолели, но потрепали серьезно. И казалось, что появилась возможность достигнуть мира в результате переговоров. Император Леопольд, в свою очередь, тревожился по этому поводу, так как он знал, что приближается новый кризис — на сей раз не на восточной, а на западной границе, где полубезумный и бездетный король Испании Карл II доживал свой век. На трон было два главных претендента — сам император и Людовик XIV Французский, оба являлись племянниками Филиппа III и зятьями Филиппа IV; Леопольд хотел получить свободу действий, чтобы вести предстоящую борьбу за трон. Англия и Голландия, пришедшие в ужас от одной мысли о том, что Франция и Испания объединятся под властью Людовика, предложили султану посредничество. Польша и Венеция, полагая, что они сохранят за собой завоеванные территории, были только рады тому, чтобы сложить оружие после пятнадцати лет войны. А Петр Первый в это время сделал более чем достаточно для того, чтобы вытащить из Средневековья свое государство. Приготовления очень быстро завершились, и уже 13 ноября 1698 года несколько заинтересованных сторон встретились в Венгрии в Карловице.

Переговоры прошли не так гладко, как ожидалось: представители султана обратили внимание на то, что их господин, не желающий идти на уступки, не видит никаких причин, по которым он должен отдать территории в руки христиан. В частности, он имел в виду свои владения в Средиземноморье. Венеция могла получить Морею, султан не возражал против этого. Она также могла сохранить Санта-Мауру, или Эгину, и некоторые крепости на далматском

побережье. А себе он хотел оставить Афины, Аттику и все греческие территории к северу от Коринфского залива. Представитель Венеции, Карло Рущини, возмущенно возразил, но у него оказалось мало сторонников. Король, заручившись поддержкой Венгрии и Трансильвании, хотел как можно скорее добраться до дома и сообщить венецианцам, что, если они будут чинить препятствия, он не станет мешкать и заключит сепаратный мир. Республика продолжала сопротивляться, и когда 26 января 1699 года был подписан договор, среди подписавших его сторон Венеции не оказалось. Однако разум в конечном итоге восторжествовал над гордостью, и 7 февраля дож Вальер добавил и свою печать.

Хорошо, что он все-таки сделал это, поскольку договор в Карловице являлся одним из дипломатических ударов, который предрешил закат Османской империи. И Венеция, которая дольше всех остальных христианских государств вела с ней прямую борьбу, больше всех заслуживала того, чтобы принять в этом участие. С другой стороны, вынужденный отказ Венеции от своих значительных завоеваний был не просто ударом по ее самолюбию, но создавал серьезные препятствия, мешающие ей защищать оставшиеся территории. Турки взяли на себя обязательство разрушить фортификации в Лепанте и Превезе. Однако ничто не мешало им напасть на Морею со стороны Аттики или с северного побережья Коринфского залива, что они вскоре и попытались сделать.

Менее чем через год, субботним утром 7 июля 1700 года, дож Сильвестро Вальер скончался от внезапного удара после ссоры со своей женой. И, возможно, чувство ответственности за эту смерть заставило супругу поручить архитектору Андреа Тирали выстроить огромную барочную гробницу, занявшую четвертую часть церкви Санти Джованни э Паоло. В этой гробнице ныне покоятся Сильвестро Вальер, его супруга и его отец — дож Бертуччи. Наверное, так и должно было быть, что эта гробница — последняя и, вероятно, са-

мая роскошная из всех дожеских гробниц Венеции, должна была хранить в себе останки последнего дожа XVII столетия. С избрания преемника Сильвестро Вальера, Альвизе II Мочениго, началась новая эра — скорее эра утонченности и сдержанности, нежели напыщенности и помпезности. Период, достойный того, чтобы открыть новое столетие, прежде чем сама республика закончит свое существование и войдет в историю.

ГЛАВА 44
ПОЖАРЕВАЦ И МИР
(1700–1718)

Нет больше Пиренеев!

Слова Людовика XIV при известии о том, что его внук унаследовал испанскую корону

Одна тысяча семисотый год стал свидетелем смертей двух правящих королей Европы. Необычайно талантливый и умный дож Сильвестро Вальер остался фактически незамеченным за пределами Италии; зато слабоумный король Испании — Карл II, весь мир погрузил в хаос. Сначала Карл завещал свое королевство «славному Австрийскому дому»; а потом, за месяц до своей смерти, он внезапно изменил завещание, сделав своим наследником Филиппа Анжуйского, внука Людовика XIV. Людовик не стал дожидаться, когда в бой за трон выступят претенденты из Мадрида. И поступил совершенно верно, поскольку он прекрасно понимал, что император Леопольд непременно будет возражать против такого наследника. Но он не знал того, какой длительной и отчаянной будет битва за корону и какую цену он должен будет заплатить за трон своего внука.

У императора было два влиятельных союзника — Англия и Нидерланды, которые до сих пор помнили об испанском притеснении. Франция на тот момент ничего не имела, поэтому король Людовик немедленно направил в Вене-

цию своего самого надежного советника, кардинала Сезара д'Эстре. Именно он выяснил, что королевские войска миновали Тироль и направляются в Италию, намереваясь отвоевать у Испании Миланезе. Если им не помешают, вся Северная Италия будет оккупирована, включая территорию республики. Единственным выходом из сложившейся ситуации был безотлагательный союз Франции, Испании и Венеции. В этом случае Венеция смогла бы помешать замыслам короля, а Франция с Испанией, в свою очередь, защищали бы интересы Венеции, независимо от того, где возникала угроза: на востоке — Далмация, Фриули и архипелаг, или на западе, где в Дофине уже выстроилась и была готова к наступлению 30-тысячная армия. А в это время посол Леопольда, граф Ламберг, подобным же образом расписывал ужасные последствия от возможного объединения Франции и Испании и рисовал благоприятную ситуацию, которая непременно установилась бы после заключения альянса с императором.

В сенате, Совете десяти, коллегии и даже в Большом совете в такой критический момент долго и бурно обсуждался главный план действий. В итоге все сошлись на том, что ни одному из двух титанов, которые так усердно добивались дружеских отношений, не стоит доверять*. «Чума на оба ваши дома», — решила Венеция. И соответственно стремилась каким-то образом сохранить такую позицию, несмотря на настойчивое давление с обеих сторон на протяжении всей войны, в тот момент достигшей апогея. Было ли это решение правильным — вопрос, о котором историки спорят и по сей день. Трудности были очевидны. Венеция не могла помешать воюющим войти в ее святая святых, родные воды; на самом деле в следующие несколько лет вся территория Венеции стала одним огромным полем битвы. Через Вичентино, Веронезе и Брешу, вдоль Адидже, Адды и

---

* Так было сказано о Леопольде, который всю свою жизнь называл Верону не иначе как «моя Верона», несмотря на то, что она 300 лет принадлежала Венеции.

Минчо королевские войска принца Евгения Савойского и французские вооруженные силы под командованием маршала де Катина, впоследствии герцогов Виллеруа* и Вандомского, прошествовали в обоих направлениях. Напрасно Венеция посылала в Париж и Вену протесты, предупреждения и требования компенсации, а обе стороны не прекращали обвинять ее в том, что она оказывает их противнику поддержку. Напрасно Венеция пыталась помешать австрийцам перевозить боеприпасы и боевую технику через Триест и другие королевские порты в дельту реки По. Также она тщетно стремилась воспрепятствовать французам, во всеоружии направлявшимся к заливу, чтобы атаковать и уничтожить ненавистные корабли в Кьодже и Маламокко, которые являлись вратами лагуны. Не удалось ей помешать и немецко-английскому флоту, осмелившемуся устанавливать порядок в водах, на которые она по праву претендовала, однако совершенно не могла контролировать.

Все эти разбирательства и унижения являлись неизбежными последствиями той линии поведения, которую Венеция добровольно избрала. Некоторые историки (венецианские и зарубежные) предполагали, что она еще в самом начале могла занять более четкую позицию, возможно, не заявляя категорически, что выступает на той или иной стороне, чтобы в случае окончательной победы одного из про-

---

*Герцог Виллеруа, который проигрывал практически каждую битву из-за своей полной некомпетентности, не задержался надолго в Италии, где он вскоре стал всеобщим посмешищем. В 1702 году он не смог отразить нападение королевской армии в Кремоне и угодил в тюрьму, несмотря на то, что захватчикам не удалось взять город. В продолжение этой войны французские солдаты, маршируя, будут петь:

Ура, ура, мы победили!
Мы Кремону сохранили!
Но военное везенье —
От генерала избавленье!

тивников не оказаться в проигрыше. Венеции следовало поступить подобно герцогу Виктору Амадею Савойскому, который сам за себя постоял, сначала поддержав Францию — чтобы избежать ссылки, а затем, когда представился подходящий момент, — императора, и, как ни странно, вышел из войны, приумножив свои владения. Французский наполеоновский историк Дарю пошел еще дальше, утверждая, что республика могла занять более важное положение, воодушевив всех влиятельных людей Италии благородной решительностью, возвысив себя над ними, как защитница прекрасной земли, которую иностранные захватчики стремятся уничтожить. Но, конечно же, в то время это бы истолковали неверно. Большая часть полуострова была оккупирована иностранцами. А до объединения или чего-то подобного было далеко. Даже если бы все обстояло иначе, помощи можно было ждать только от Венеции. Она никогда не воспринимала себя частью Италии. Несмотря на то, что чувство принадлежности к итальянской национальности в Венеции окрепло после завоеваний на континенте, совершенным единым государством Италия все же не была. (И, наверное, никогда таковым не стала.) Но в любом случае человек, в котором нуждалась Италия, который смог бы сосредоточиться на ее целях — яркий, притягательный, пылкий, прирожденный оратор и лидер, — вряд ли бы появился из недр светлейшей республики.

Если бы это произошло, Венеция вышла бы из войны за Испанское наследство совершенно невредимой. Последовала череда французских побед, а эпицентр войны сместился к северу, где Мальборо тут же придумал свою собственную легенду о том, как через 4–5 лет Венето оставят в покое. Поэтому Венеция в марте 1709 года была готова — чего ни одно европейское государство не могло в то время от нее ожидать — оказать очень радушный прием королю Фредерику IV, при том, что в тот год выдалась самая суровая зима за всю историю Венеции, когда замерзла вся лагуна и люди по льду добирались до Местре и Фузины.

Тревоги — а возможно, и эта зима — оказались не под силу дожу, который умер спустя два месяца*. Последнее, что он успел сделать, — это оповестить французского посла о том, что республика бы с радостью приняла предложение короля Людовика стать посредником между Францией и ее противниками, а первое, что предпринял его преемник, Джованни II Корнаро, — послал в Гаагу проницательного и опытного дипломата Себастьяно Фоскарини, где он сделал все возможное, чтобы подписать мирный договор. Однако коалиция, после серии своих блистательных побед, предложила мир на таких унизительных условиях, что Людовик тут же ответил отказом и решил продолжить борьбу. И только после трех последующих лет, в которые произошла самая ужасная и кровавая битва на всю историю этой войны — битва при Мальплаке, заставившая изнуренных бойцов, Венецию и Савойю собраться в Утрехте с тем, чтобы перекроить карту Европы. Территория Венеции как нейтрального государства осталась совершенно нетронутой, и ее посол, Карло Руццини, был очень удивлен почестями, которые ему оказали. Не последними были итальянские правители, которые не присутствовали за столом переговоров, зато прислали своих наблюдателей, которые с гордостью и единодушием сообщили Карло Руццини, что считают Венецию «главной мощью и защитницей Италии».

Когда в течение первых четырех месяцев 1713 года был подписан ряд международных соглашений, известных как Утрехтский мир, Венеция получила Морею более чем на

---

*Главный мемориал Альвизе Моченито находится на фасаде церкви Сан Стае. Величественную барочную буффонаду архитектора Доменико Росси (и целой группы вдохновенных скульпторов) удалось отстроить на деньги, которые дож завещал для этой цели, — 20 000 дукатов. Сам Моченито покоится под огромной надгробной плитой, расположенной в середине зала. На ней нет имени, лишь головной убор венецианских дожей и надпись на латинском языке, свидетельствующая о том, что «имя и прах погребены вместе».

четверть века. Но особенно выгодным это приобретение не было. Годы турецкой оккупации, предшествовавшие завоеванию, превратили былые цветущие земли в места, где царила бедность и запущенность. Совсем скоро венецианцы поняли, что задача управления обретенными землями была не только дорогостоящей, но и весьма неблагодарной. Под гнетом турок патриотизм местного населения взращивало православное духовенство, жители Мореи мечтали о получении статуса государства и видели мало выгоды в том, что на смену прежним неверным властителям пришли христианские еретики, чьи действия не вызывали большой симпатии. Назначение католических епископов вызвало еще большее негодование. В конце концов встал вопрос об обороне. В минувшие годы, когда присутствие Венеции урезали до нескольких торговых колоний и городов с гарнизонами, это вызвало некоторые вопросы. Но как можно защитить от захватчиков почти тысячу миль извилистой береговой линии? Даже новые оборонительные сооружения, которые считались необходимыми, как и мрачная крепость Акрокоринф — до сих пор считающаяся лучшим образцом венецианской военной архитектуры, — только сильнее раздражали местных жителей, поскольку из-за них они платили налоги и должны были помогать в строительстве. Неудивительно, что когда турецкие войска снова вступили на полуостров Пелопоннес, их встретили как освободителей.

Для каждого венецианца по-прежнему Морея оставалась памятником былого величия республики, свидетельством военных побед. И в Риальто забили тревогу, когда в декабре 1714 года великий османский визирь вызвал в Константинополь венецианского байло, Андреа Меммо, чтобы сообщить ему о том, что вследствие последних событий в Монтенегро и перехвата турецкого корабля в Адриатическом море, его повелитель решил объявить войну. Это явное обвинение послужило лишь доказательством того, что на самом деле цель султана, — или, если быть точными, самого великого визиря, чей воинственный нрав очень контрас-

тировал с миролюбием Ахмеда III, — отвоевать Морею. И снова Венеция обратилась за помощью к европейским государствам; и снова она получила уклончивые ответы, не считая одной или двух галер, предложенных папой и рыцарями Мальты.

Визирь Дамад Али-паша спланировал комбинированные операции: сухопутные войска будут двигаться через Фессалию, а в это же самое время флот будет направляться к юго-западу через Эгейское море. В течение лета 1715 года они одерживали одну победу за другой. К тому времени, когда флот достиг своей цели, Тинос уже принудили к капитуляции — а трусливый военачальник, Бернардо Бальби, по возвращении в Венецию был приговорен к пожизненному заключению. Этина тоже капитулировала, когда армия захватила Коринф после пяти дней осады. Затем та же участь постигла Нафплион, Модона и Корона, Мальвазия, остров Цитера. А на Крите в это время турки, воспрявшие духом после сообщений о победах своих соотечественников, атаковали и захватили последний венецианский аванпост в Суде и Спиналонге*. Жители этих городов сдались на милость турок, которые согласно договору обязались сохранить им жизни. У них не оставалось иного выбора. К концу 1715 года Венеция потеряла и Крит, и Морею. А от великих побед Франческо Морозини после двух ужасных месяцев ничего не осталось. Турки снова получили выход в Адриатическое море. А Венеция сохранила только один бастион — Корфу.

В начале 1716 года великий визирь обрушил на цитадель Корфу свою армию, насчитывавшую 30 000 пехотинцев и около 3000 кавалеристов. Венецианцы имели численное превосходство. Однако при осаде важна не численность, а опыт в наступательных и оборонительных маневрах. В этом Венеция могла положиться на компетентность и мастерство своего выдающегося военачальника, маршала Матиаса Иоанна фон дер Шуленбурга. Он проявил себя под коман-

---

* Остров Грабуза Венеция потеряла в 1692 году.

дованием Мальборо при Оденарде и Малплаке и после заключения мира продолжал служить республике. Зимой маршал потратил немало времени, обновляя укрепления в Корфу. И несмотря на то, что он не смог помешать высадке турецких войск, теперь маршал был готов сразиться с ними, имея оборонительную систему настолько совершенную, что аналогов ей не было.

В разгар лета осада все еще продолжалась. Однако к началу августа поступили сообщения, которые ободрили защитников, а турок должны были привести в уныние. Венеция заключила союз с императором; последний вступил в войну. Легендарный принц Евгений снова ринулся в бой. Он обратил в бегство турецкую армию, которая почти достигла Карловица — того самого города, где восемнадцать лет назад Турция подписала мирный договор, который она сейчас так бесчестно нарушила. Вскоре после этого он одержал еще более сокрушительную победу под Петервардейном, где уничтожил 20 000 солдат противника и захватил 200 орудий, потеряв при этом меньше 3000 своих людей.

Неожиданная необходимость вести войну сразу с двумя противниками, вероятно, привела турецкого военачальника к мысли о том, что если он сейчас не сможет в короткий срок захватить Корфу, потом это вообще будет невозможно. В ночь на 18 августа он отдает приказ начинать штурм, как обычно, под аккомпанемент оглушительного грохота барабанов, труб, ружей, пушечных выстрелов, отвратительного визга и боевого клича — психологическая уловка, примитивная и отнюдь не эффективная. Шуленбург и его генерал-проведитор Антонио Лоредано тут же заняли свои посты, мобилизовав всех способных держать оружие корфиотов — в том числе женщин и детей, стариков и больных, священников и монахов. После шести часов битвы ни одна сторона не добилась значительных успехов; Шуленбург решил рискнуть всем ради внезапной вылазки. Возглавив группу из 800 отобранных солдат, он ускользнул из крепости, воспользовавшись подземным выходом, и с тыла напал на турецкий фланг. Они одержали быструю и реши-

тельную победу. Турки были застигнуты врасплох и спаслись бегством, оставив после себя ружья и боеприпасы. В это время их товарищи, находившиеся на других участках крепостной стены, совершенно сбитые с толку, осознали, что штурм провалился, и тоже начали отступление, правда, более организованно. На следующий вечер, словно в подтверждение триумфа Венеции, разразился шторм — шторм такой силы, что турецкий лагерь за несколько часов превратился в болото, окопы стали каналами, завязки палаток разорвались словно ниточки, их подняло в воздух и унесло ветром. На рейде многие турецкие корабли, в одно время отплывшие от причалов, разбивались друг о друга, превращаясь в щепки.

С наступлением рассвета обнаружился весь масштаб бедствия: немногим туркам удалось спастись, и они хотели переждать это время на каком-нибудь острове, но казалось, что сами боги были против них. Уже через несколько дней в турецкий лагерь пришел приказ возвращаться домой. Корфу отстояли; Шуленбург был награжден мечом, украшенным драгоценными камнями, пожизненной пенсией в 5000 дукатов, и еще при его жизни в старой крепости изваяли статую в его честь*. Турки ретировались и никогда больше не пытались расширить границы своей империи за счет территорий христианской Европы.

Венецианцы не просто справились с осадой крепости, это была победа, которая оказала необычайное воздействие на их боевой дух. В ту зиму мастера Арсенала работали не покладая рук, и уже в начале следующей весны новый флот из 27 кораблей, под командованием блестящего молодого адмирала Людовико Фланджини, отчалил от берегов Закинфа и направился в Дарданеллы. 12 июня 1717 года он столкнулся лицом к лицу с турецким флотом, и после бит-

---

* Во времена британской оккупации она была перевезена с острова на Эспланаду, где и находится в настоящее время. Другой, более современный, монумент, созданный Морлайтером, будет установлен во дворе Оружейного зала в Венеции.

вы, длившейся несколько дней, адмирал одержал блистательную победу. Опечалила лишь гибель самого Фланджини, которого смертельно ранили стрелой. Он настоял на том, чтобы его перенесли на квартердек, где он тускнеющими глазами наблюдал за последними этапами сражения. Месяц спустя, в стороне от мыса Матапан, османский флот снова потерпел поражение и был обращен в бегство. Взяв курс на север, Андреа Пизани мог еще до наступления зимы отвоевать как Превезу, так и Воницу. Из Далмации Альвизе Мочениго рапортовал о таких же победах. Принц Евгений к тому времени вновь занял крепость Белград, а турки отступали по всем направлениям.

Продлись эта война еще один год — Венеция сумела бы воспользоваться моментом и вновь завладеть Мореей, но надолго ли? Однако турки решили заключить мир, и это не было неожиданостью. И вот теперь Венеция осознала, насколько неблагоразумно она поступила, заключив альянс с Австрией. Король, столкнувшийся с новыми угрозами со стороны Испании, очень хотел поскорее заключить мир и не обращал особого внимания на надуманные территориальные притязания Венеции. Победа при Корфу и последующие военные успехи Венеции стали прямым результатом победы принца Евгения в Петервардене. Поэтому, когда в мае 1718 года состоялась встреча — при посредничестве представителей Англии и Голландии, — венецианский дипломатический представитель, Карло Руццини, несмотря на свой опыт ведения переговоров в Карловице и Утрехте, обнаружил, что может оказать лишь незначительное воздействие на своих коллег. На протяжении шести часов он отстаивал интересы своего государства, требуя возвращения Венеции Суды и Спиналонги, Тиноса, Киферы и Мореи, или, в случае отказа в последнем, расширении территорий Венеции в Албании на юг до Скутари и Дульчиньо — опорный пункт пиратов, который она жаждала уничтожить. Но, к несчастью, когда он произносил свою речь, пришло известие о том, что 18 000 испанских солдат только что высадились на острове Сардиния, который принадлежал Австрии,

и его не стали слушать. Венеция должна была довольствоваться Киферой, Бутринто, Превецой и Воницей и еще несколькими пограничными крепостями в Далмации — где она, однако, была обязана позволить Турции пользоваться Рагузой. Все это в действительности являлось жалкой наградой за усилия и затраты четырех прошедших лет, за героизм Шуленбурга, Фланджини и всех остальных.

В Пожареваце границы венецианской империи, каковой она тогда являлась, были перекроены в последний раз. Больше не будет ни завоеваний, ни потерь. Поэтому сейчас не будет лишним обрисовать эти самые границы. Не считая исторического города, маленьких городков и островов лагуны, Венеция занимала на материке провинции Бергамо, Брешу, Кремону, Верону, Виченцу, Полезин в Ровиджо и Тревизо, включая Фельтре, Беллуно и Кадоре. У пролива она охватывала Фриули, затем Истрию и Далмацию с островами, потом северную Албанию, включая Каттаро (Котор), Бутринто, Паргу, Превецу и Воницу; затем — Ионические острова, Корфу, Паксос и Антипаксос, остров Святой Мауры (Лефкас), Кефалонию, Итаку, Закинф и Строфады; и, наконец, юг Мореи и остров Цитеру. Это все.

Договор был подписан 21 июля 1718 года. Спустя два месяца, в тот самый день, когда бушевали ужасные летние штормы, в старой крепости Корфу от удара молнии загорелся склад боеприпасов. Из-за последовавшего взрыва вспыхнули еще три менее крупных склада, и цитадель была практически разрушена. От дворца губернатора осталась груда булыжников, под которыми были погребены генерал-капитан и несколько его подчиненных. Природа за долю секунды произвела больше разрушений, нежели объединенные турецкие силы за несколько месяцев. Тщетность недавно закончившейся войны была совершенно очевидна. Когда новость о происшедшем достигла Венеции, среди сетований все еще можно было услышать слабые отголоски оптимизма: а что было бы, случись такое два года назад, во время той ужасной бури? Может быть, несмотря на внеш-

ние обстоятельства. Всевышний все-таки был на стороне Венеции.

Кроме того, вскоре оптимизма добавил политик-реалист, который увидел, что век имперского величия прошел; что победы Морозини не принесли ничего, кроме проблем, а Венеции вообще жилось бы проще без них. Договор в Пожареваце, бесславный, как оказалось, позволил ей защититься от турок и заключить вечную дружбу с Габсбургом, правящим Австрией, единственным государством, которое могло на тот момент представлять реальную угрозу. Результатом стал мир, продлившийся большую часть века, вплоть до прихода Наполеона, который уничтожил саму Венецианскую империю.

Глава 45

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК (1718–1789)

А Венеция лишь цветеньем оказалась
хороша,
Жатва вся ее — земная: смехом радости
дыша,
Кончили они лобзанье — уцелела ли душа?*

Роберт Браунинг. Токката Галуппи

«Вот и закончилась история Венеции», написал граф Пьер Дарю в своей знаменитой монографии, завершенной в 1821 году, об этих событиях. И несмотря на то, что затем последовали еще два тома, он оказался недалек от истины.

Город был приговорен к пассивному существованию. Венеция больше не вела войн, не заключала мирных договоров, не осуществляла свои желания. Она просто наблюдала за событиями, не решаясь принимать в них участие, она притворялась, что ее это не интересует... Изолированная от своих братских народов, невозмутимая в своем безразличии, слепая к собственным интересам, равнодушная к оскорблениям, она пожертвовала всем, ради одной-единственной цели: не спровоцировать другие государства и сохранить прочный мир.

---

* Перевод Т. Левита.

Дарю, боевой товарищ Наполеона, который показал себя при отступлении из Москвы, прежде чем стать оплотом Французской академии, сделал некоторое усилие, чтобы скрыть отвращение к столь трусливой стратегии. Можно предположить, что большинство из нас хотели бы получить более подробную картину, а читатели этой книги обнаружат, что в одной главе сокрыт период в 70 лет, что их вряд ли обрадует. Зрелище былого величия всегда навевает некую тоску, и, восхищаясь всеми картинами пейзажистов и описаниями того, что осталось нам от Венеции XVIII века, невозможно закрыть глаза на то, что город, который когда-то являлся бессменным правителем Средиземноморья — «не говоря уже о трех восьмых Римской империи», — теперь не мог контролировать даже вход в собственную лагуну; а люди, которые запомнятся в веках как самые умелые мореплаватели, самые проницательные и отважные искатели приключений, теперь славятся как доблестные крохоборы и интриганы, картежники и сводники.

Политическую историю Венецианской республики после заключения мира в Пожареваце можно последовательно изложить всего на нескольких страницах. Дожи приходили и уходили. Однако их правление в большей степени отличало не то, что они сделали, а то, что они ухитрились не совершить: войны, которых они избежали, альянсы, от которых они уклонились, ответственность, которую они проигнорировали. Поэтому автор вынужден из соображений собственной самозащиты изменить свою тактику: отойти, хотя бы частично, от чисто хронологического подхода в угоду чему-либо более эпизодическому и постараться проанализировать политический и духовный упадок Венеции скорее путем проверки симптомов, нежели последовательного описания развития событий. Он также считает, что имеет право, в отличие от предыдущих глав, уделить сейчас больше внимания внутренней жизни, поскольку с XVIII века для Венеции, равно как и для Швейцарии на протяжении веков, международные отношения едва ли имели большое значение. С другой стороны, он может по-

зволить себе остановиться чуть подробнее на войне, нежели на чистой политике. И если все будет именно так, автор столкнется с любопытным и неожиданным явлением: большую часть века, столь часто критикуемого как века всестороннего упадка, Венеция переживала период необычайного экономического подъема и коммерческого процветания.

И тут он резко себя одернет: Может быть, он просто поспешил со своими суждениями. Насколько это важно — быть великой державой Европы или даже столицей империи? Разве достойна погоня за удовольствиями, которая порождает столько всего прекрасного и никому не вредит, большего порицания, чем погоня за богатством, землями или военной славой, в ходе которой гибнут тысячи людей, опустошаются земли, рушатся города? По сути, разумное правительство и умелая дипломатия немало отдали за эти восемьдесят лет мира. Более того, это был период, когда рядовой горожанин был не менее счастлив или доволен, чем в прежние времена; и даже если экономика не переживала постоянного роста, то, по крайней мере, не было войн, за которые нужно было платить. Когда искусство расцветало. Живопись, например, возродилась от упадка в XVII веке благодаря столь любимой венецианцами игре света и цвета. Город, насчитывавший 160 000 тысяч жителей, мог похвастать не менее чем семью полноценными оперными театрами, не говоря уже о драматической сцене, где комедия дель арте постепенно уступила место более утонченным постановкам самого почитаемого драматурга Венеции, Карло Гольдони. В то столетие сотни, а возможно, и тысячи самых образованных жителей Европы каждый год стекались в этот город: не могли же все они заблуждаться.

В день Вознесения, в четверг, 3 мая 1722 года, когда дож Джованни Корнаро вступал на борт «Бучинторо», чтобы совершить ежегодную церемонию обручения с морем, он споткнулся, и шапочка сорно слетела с его головы. Это происшествие позабавило публику, а вот сам дож очень огорчился, увидев в этом знак свыше. Джованни Корнаро скончался 12 августа, и похоронили его в семейной часовне в

Сан Николо да Толентино. А 24 августа пост дожа занял его преемник, еще один Альвизе Мочениго, третий по счету, кто был удостоен этого великого звания*. Мочениго отличился в Далмации и как солдат, и как дипломат (в должности последнего он провел там два года) участвовал в длительных и запутанных дискуссиях по мелочным вопросам интерпретации, которые были неотъемлемой частью любого мирного соглашения с турками. В день своего вступления на пост дожа он сделал городу прелестный подарок — двух порфирных львов, в честь которых и названа площадь деи Леончини (Piazzetta dei Leoncini), расположенная к востоку от базилики Сан Марко. Эти львы радуют детишек Венеции более двухсот пятидесяти лет.

К этому времени Венеция приобрела тот самый вид, знакомый нам по картинам великих пейзажистов — Антонио Каналя, именуемого Каналетто, его преемника, Франческо Гуардини, его племянника Бернардо Беллотто и их последователей, а также мэтров этого жанра, таких как Пьетро Лонги и Доменико Тьеполо. Это был век великих путешествий — век, когда, по сути, появилось понятие туризма, когда не только английские дворяне, но и вся европейская аристократия время от времени появлялась во всех прекраснейших и восхитительных городах Италии. Также это был век карнавалов, которые Европа уже давно позабыла, обязательное наличие маски давало анонимность, о какой можно было только мечтать. Теперь Совет десяти, государственные обвинители и тайная полиция не наводили ужас,

---

* Читатели могут несколько позлорадствовать, узнав о том, что дож Альвизе Мочениго II был самым младшим из девяти братьев, и все они носили христианское имя Альвизе. До своего возвышения он, соответственно, был известен как Альвизе IX. Его племянник, дож Альвизе III, приходился четвертым из шести сыновей старшего брата Альвизе IV, и поскольку эти шестеро тоже носили имя Альвизе, его тоже сначала называли Альвизе IV. Мы должны радоваться тому, что венецианских составителей генеалогического древа не так-то просто запутать.

как это было в минувшем столетии. Одного примера будет достаточно: в 1718 году государственные обвинители держали на службе трех человек; по прошествии полувека эта цифра сократилась до одного. Между тем совершенно свободно устраивались азартные игры, ставки были высоки повсюду; прекраснейшие куртизанки, необычайно элегантные и на любой вкус, были готовы удовлетворить самых взыскательных и требовательных клиентов. А интеллектуалам предлагались книги, картины, скульптуры, которые можно было купить, посещение поражающих воображение церквей и дворцов, музыка и опера, которой Венеция славилась во всем цивилизованном мире.

К началу XVIII столетия центр венецианской музыкальной жизни переместился из Сан Марко, где за сто лет до этого жили оба органиста, Джованни Габриели и Клаудио Монтеверди, в четыре женских приюта для подкидышей — Пьету, Инкурабили, Мендиканти и Оспедальто. В первом из вышеперечисленных с 1703 года вплоть до своей кончины в 1741 году капельмейстером был Антонио Вивальди*. Во втором оркестром и хором руководил Бальдассаре Галуппи — увековеченный Браунингом, хотя его музыка теперь практически забыта**. Однако не все выдающиеся музыканты Венеции той эпохи занимались искусством профессионально. Томмазо Альбинони был состоятельным купцом, торгующим бумагой; Бенедетто Марчелло был адвокатом, членом кварантии и одновременно проведитором в Пуле.

Во всех областях искусства, за исключением музыки, ведущим коллекционером и знатоком был англичанин Джозеф Смит. Он обосновался в Венеции в 1700 году и прожил

---

* Он был так известен и благочестив, что на южной наружной стене церкви была установлена именная дощечка, пугающая отлучением от церкви и прочими ужасными наказаниями, вменяемыми всякому родителю, который осмелится не пожертвовать денег сиротскому приюту. Она и по сей день находится там.

** Он написал свыше ста опер и несколько сонат для клавикордов — но, насколько нам известно, ни одной токкаты.

семьдесят лет в одной из самых знаменитых иностранных резиденций вплоть до своей кончины в возрасте восьмидесяти восьми лет. Последние 30 лет он жил во дворце на углу Большого канала и Рио деи Санти Апостоли, который был специально для него перестроен архитектором Антонио Визентини*; вскоре этот дворец стал сокровищницей, хранящей несметные и все растущие коллекции картин и скульптур, монет и медалей, рисунков и камей, книг и оттисков, владельцем которых был Джозеф Смит. Помимо частных коллекций, там всегда хранились работы его любимых мастеров — Антонио Каналетто, братьев Марко и Себастьяно Риччи, Франческо Дзукарелли и великолепные портреты Розальбы Каррьера, выполненные пастелью. Джозеф Смит являлся главным агентом и посредником между этими художниками и их покровителями среди английской знати. Каналетто был несомненным фаворитом; Джозеф Смит впервые познакомился с ним благодаря Визентини в начале 1720-х годов. Всякий состоятельный гость из Англии страстно желал приобрести хотя бы одну картину с видом Венеции, чтобы сберечь в памяти этот город как одно из самых чудных событий своей жизни. И ни один другой художник не мог лучше Каналетто исполнить это желание. Поэтому Смит вскоре стал просто незаменимым для художников, равно как и для их покровителей. Именно благодаря ему почти все лучшие работы венецианских мастеров сейчас находятся в Англии — в Венеции едва ли сохранилось хоть одно полотно, — а десятилетнее пребывание Каналетто в Англии не прошло даром. Неудивительно, что когда он через некоторое время начал осваивать искусство гравюры, то посвятил свою единственную изданную коллекцию оттисков Джозефу Смиту.

Однако англичане в долгу перед консулом Смитом — британским консулом он был назначен в 1744 году. В 1762 году

---

* В настоящее время здание более известно как палаццо Мандилли-Вальмарана. Стоит отметить, что Визентини был еще и гравером картин Каналетто.

он продал все свои коллекции Георгу III за 20 000 фунтов стерлингов — «самое знаменательное приобретение английского короля-коллекционера, — пишет сэр Оливер Миллар, — с тех пор, как агент Карла I заключил удачную сделку в Мантуе в 1620 году». Через три года Георг добавит к своей потрясающей коллекции еще одну — полную библиотеку Джозефа Смита, которую он приобрел всю сразу за 10 000 фунтов стерлингов; теперь она составляет ядро Королевской библиотеки в Британском музее. Однако на этом сэр Джозеф Смит не прекратил коллекционирование; он тут же начал собирать новые сокровища. После его смерти в 1770 году продажа с аукциона одной только его новой библиотеки продлилась 13 дней.

Альвизе III Мочениго — которого иногда называют вторым именем, Себастьяно, чтобы как-то отличить от многочисленных тезок, — в 1732 году на посту дожа сменил 78-летний опытный дипломат Карло Рущини; через 3 года он умер, уступив трон Альвизе Пизани, члену семьи, которая к тому времени стала одной из самых богатых в Венеции; она владела не только огромным и роскошным палаццо Пизани в Сан-Стефано (теперь это музыкальная консерватория), но еще более внушительной виллой Пизани в Стра на берегу Бренты. Новый дож, который приходился братом тому самому Андреа Пизани, который отличился во время последнего этапа войны с Турцией, послужил двору королевы Анны в качестве венецианского посла. Альвизе Пизани поразил весь Лондон великолепием своей свиты; в день его выборов на пост дожа, 17 января 1735 года, несмотря на время года, он со своим семейством устроил трехдневные торжества, каких не бывало даже в Венеции. Арсеналетти, которые по традиции провозили его вокруг Пьяццы, приказали ехать помедленнее, чтобы было больше времени для раздачи щедрых даров. Три последующие ночи вся площадь освещалась на английский манер, с декорациями, которые менялись каждую ночь. А на третью ночь на каждой колонне здания Прокураций появились восковые свечи небывалых размеров, которые образовывали картинку

с гербом Пизани, а под конец фасады базилики Сан Марко и церкви святого Джеминьяно* были залиты светом тысяч горящих факелов.

Но за блистательной роскошью внешнего великолепия Венеции Альвизе Пизани боролся, как и оба его предшественника, за то, чтобы сохранить видимость присутствия республики на международной арене. Задача отнюдь не из легких: в Европе бушевали сражения. Только в Италии стремительное угасание двух правящих домов — Фарнезе в Парме и Медичи в Тоскане — вызвало новое противостояние между Испанией и Австрией. Напряжение увеличивалось еще больше из-за споров относительно притязаний родича Людовика XV, Станислава Лещинского, на польский трон. К 1733 году бóльшая часть Европы снова была втянута в войну. И несмотря на то, что к 1735 году мир с трудом был восстановлен, он продлился лишь шесть лет — до того, как Мария Терезия унаследовала право на австрийский трон после смерти своего отца, Карла VI. Это вновь вызвало вражду среди правителей Европы.

Венеции опять удалось сохранить нейтралитет, несмотря на потрясения в обществе, и успешно противостоять чудовищному давлению — дипломатическому, экономическому и даже военному, — когда ее пытались склонить на чью-либо сторону. Это было ее несомненным достижением, тем событием прошлого, о котором она вспоминает с позволительной гордостью. Вся Италия, за исключением Венеции, никогда еще не меняла свой облик так стремительно, как тогда. Венеция пока оставалась спокойным центром урагана и просто наблюдала за беспорядками. Это, несомненно, обошлось дорого. Армии противников могли бесстыдно нарушить государственные границы, особенно если они знали, что эти границы не будут активно защищать, и республике не раз приходилось страдать от унизительных вторжений, после которых оставались разрушенные угодья

---

* К сожалению, Наполеон разрушил эту церковь, она была восстановлена к началу XIX века и стала носить его имя.

и деревни, через которые, к несчастью, лежал путь той или иной армии. Однако в самом городе правили бал развлечения; даже война в Европе не могла помешать туристам посещать Венецию, и именно путешественники стали источником жизненных сил республики.

Решение сохранять нейтралитет имело и другие последствия: оно побудило Венецию пренебречь своим флотом. Может быть, справедливее будет сказать, что состояние флота было одной из причин, по которым Венеция придерживалась нейтральной позиции. В ходе войны за Испанское наследство, когда в Адриатике появились корабли северных государств, Венеция, наконец, столкнулась с неприятным фактом, который она в течение долгого времени упорно игнорировала. В искусстве кораблестроения, которое она когда-то явила миру, Венеция безнадежно отстала.

Уже в первой половине XV века Венеция отказалась от старых гребных галер для своего торгового флота. Новые, построенные иностранцами широкие парусные суда были не только более экономичными, поскольку обладали большей вместительностью, но и не требовали огромной команды гребцов (к тому времени исключительно вольнонаемных), которые, в свою очередь, нуждались в еде, воде и регулярном отдыхе на суше. Эти суда легче было защищать, поскольку они обладали меньшим весом, поэтому на борту можно было разместить тяжелые пушки. Однако в военно-морском флоте Венеции, в отличие от северных и атлантических государств, по-прежнему основными судами оставались галеры, а новые корабли строили по старым моделям. На первый взгляд может показаться, что для этого были свои причины: галеры были более маневренными, особенно в мелких водах Адриатического моря; они не очень сильно зависели от погоды, их скорость и движение были более предсказуемы; что же касается малой вместимости, то это было не так важно во времена, когда Венеция все еще обладала некоторым количеством продовольственных баз в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, строи-

тельство и экипировка круглых судов обходились очень дорого, особенно для Венеции, потому что ей постоянно не хватало древесины на сами корабли и для отлива пушек. И Венеция для себя решила, что в водах Средиземного моря пушки особой важности не имеют. Даже лучшие из них не отличались точностью, и из таких орудий невозможно было сделать батареи. К счастью для Венеции, турки рассуждали подобным же образом. И поскольку Турция была единственным серьезным противником Венеции на море, то у нее не было достаточного стимула для того, чтобы обновить арсенал, избавиться от старых кораблей и вооружения, старых навыков, начать разрабатывать новые и очень дорогие суда и орудия — все это было чревато проблемами и трудностями, решиться на которые республика не могла и необходимость которых не понимала. Это объясняет то, почему в такой битве, как при Лепанто, могли участвовать весельные галеры (словно это был 1571 год) — битва, которая в то же самое время была немыслима в северных водах, когда основной упор делался на парусный суда и тактику — это скорее походило на битву при Саламине, происшедшую 2000 лет тому назад, нежели на сражение между флотом Дрейка и Испанской армады, случившееся всего за 17 лет до Лепанто.

А Англия, Франция, Голландия и Испании тем временем ушли в деле кораблестроения далеко вперед, создавая новые галеоны, чьи улучшенные системы парусов и такелажа позволяли справляться с ветром, а тяжелые пушки — теперь спрятанные под палубами — скорее повышали устойчивость кораблей, а не мешали маневрировать. Эти суда прекрасно подходили как для военных, так и для коммерческих целей, поэтому с начала XVII века они стали преобладать в Средиземноморье, а фрахтовое дело Венеции потихоньку приходило в упадок. Вот почему устаревшие торговые суда республики, более медленные и еще более уязвимые, стали лакомым куском для пиратов. Венецианские суда вынуждены были совершать плавания только

с эскортом и платить огромные суммы за страхование. Чтобы компенсировать затраты, им приходилось завышать цены на товары, что отнюдь не способствовало успеху в торговле.

С 1650 года Венеция прилагала все усилия, чтобы наверстать упущенное. Сначала она пыталась купить или нанять английские или голландские суда, поскольку в них возросла необходимость. До сих пор служили некоторые галеоны, которые использовали еще на исходе Критской войны. Так же, как и галеасы, которые прекрасно дожили до Лепанто, больше похожие на плавучие платформы для пушек, которые цепляли к одной или нескольким галерам, прежде чем дать бортовой залп. И только в 1667 году Венеция начала строить в Арсенале собственные линейные корабли, используя английское судно как образец. И когда, уже в 1695 году, венецианский генерал-капитан предложил использовать галеон нового образца в качестве своего флагманского корабля, ему отказали. Дело было в том, Венеция собрала к середине века небольшой флот из относительно современных военных кораблей собственного изготовления, но никогда не была ими довольна. Даже во времена побед Фланджини и Андреа Пизани в 1717 году веселые галеры составляли, по меньшей мере, половину флота.

К тому времени открылась еще одна неприятная истина. Венеция потеряла свое господство в Адриатическом море: это стало совершенно очевидным в 1702 году, когда из-за французских сил, находившихся на границах лагуны, был отменен праздник обручения с морем в день Вознесения. С тех пор английские, французские, голландские, австрийские и даже русские военные корабли свободно плавали по всей Венецианской лагуне, игнорируя протесты Венеции — которых на самом деле становилось все меньше и меньше, поскольку республика постепенно примирилась с реальностью. Касательно торгового флота положение было еще более унизительное. В Средние века все иностранные торговые суда, входящие в Адриатическое море,

обязаны были доставлять свой груз в Венецию, где тот, если возникала необходимость, перегружали. Позднее эти правила стали менее строгими: вместо этого Венеция наложила таможенные пошлины на все грузы, направляющиеся в другие порты, и ручалась за то, что другие положения относительно пошлин, карантина и — самое важное — традиционной государственной монополии на соль будут должным образом соблюдены. Теперь же те самые торговые суда, которые двигались быстрее патруля и имели лучшее оснащение, могли ответить смехом на попытки Венеции контролировать их деятельность. Они беспрепятственно добирались до императорского Триеста, папской Анконы, да и вообще до любого нужного им порта.

И только в 1736 году, при Альвизе Пизани, Венеция стала предпринимать активные шаги, чтобы исправить ситуацию. К тому времени требования правительства, чтобы все венецианские торговые суда в Восточном Средиземноморье плавали с эскортом, дабы защитить себя от пиратов, не привели к ожидаемым результатам. Судовладельцы частенько должны были ждать месяцами, прежде чем соберется эскорт; а когда это все-таки происходило, он двигался со скоростью самого медленного судна, принадлежавшего фрахтовщику. Когда караван прибывал в пункт назначения, внезапный переизбыток товаров отрицательно сказывался на ценах. С тех пор любым судам, длина которых превышала 70 футов, а на борту было не меньше сорока людей и двадцати четырех пушек, позволялось отправляться в плавание без сопровождения. Потребность в большем количестве судов подходящих моделей привела к буму в судостроительстве в Арсенале. Впоследствии торговля расширилась на восток — особенно когда в Европе бушевала война, а венецианские корабли могли ходить под нейтральным флагом — и также на запад. Однако берберийские пираты, которые не медлили и позаботились об усовершенствовании моделей своих кораблей, представляли для Венеции угрозу в последующие двадцать лет, до тех пор, пока республи-

ка не потеряла терпение и откровенно не откупилась. Но даже после этого, как мы увидим, проблема была решена не до конца. Тем не менее Венеция достигла своей цели. В последующие тридцать лет она увеличила коммерческий тоннаж почти вдвое, а в 1794 году в государственном реестре было не менее 309 торговых судов.

Одновременно с ростом судостроительства произошел стремительный подъем транзитной торговли. В самом начале столетия она резко снизилась, особенно после того, как император в 1719 году объявил Триест свободным портом, а через тринадцать лет папа сделал то же самое в отношении Анконы. Однако Венеция, согласно реформе, в 1736 году отказывается от старой протекционистской политики, и вскоре Риальто стал славиться своими иностранными торговцами, чего раньше никогда не было. Правда, грузы стали не такими экзотическими, как прежде. Торговлю пряностями еще в 1600 году захватила голландская Ост-Индская компания. Теперь Венеция имела дело главным образом с отечественными товарами или, по меньшей мере, с местными адриатическими — вином, оливковым маслом, серой, солью, изюмом и коринкой с Ионических островов. Но прибыль уменьшалась. В 1782 году возникла необходимость расширить набережную Рива с восточной стороны от тюрьмы, чтобы освободить пространство для выгрузки товаров*; и по мнению Лэйна, современного ведущего специалиста по экономике Венеции, «казалось, что тоннаж грузов, прошедших через порт Венеции в 1783 году, был больше... чем за всю историю города».

17 июня 1741 года, через несколько месяцев после начала войны за Австрийское наследство, дожа Альвизе Пизани лечил врач, обрабатывая ему зараженную ногу. Внезапно дожа хватил удар, и он почти сразу же умер. Его место занял Пьетро Гримальди, человек широких познаний,

---

* Ширина мостовой, отведенная под грузы, отмечена белой мраморной полосой на ней.

оказавшийся единственным среди дожей членом Королевского научного общества. Вступить в ряды общества ему предложил в 1712 году его президент, сэр Исаак Ньютон, когда Гримальди был послом Венеции в Лондоне*. Подобно троим своим предшественникам, он правил мирно, без политических происшествий (о многих его современниках-правителях и этого не скажешь). Однако в самом конце его правление было отмечено исчезновением института, просуществовавшего дольше, чем дожество — Аквилейского патриархата.

Хотя последние несколько веков патриарх Аквилейский не досаждал Венеции в той мере, как ранее, он продолжал доставлять ей некоторые сложности, поскольку фриулы оказались разделены надвое австро-венецианской границей. Каждая сторона хотела своего патриарха, но Венеция решила игнорировать этот вопрос и временно назначить своего ставленника, названного «ксадъютор», который после смерти патриарха занял его место. Постепенно Венеция прибрала эту должность к рукам, несмотря на протесты австрийской части. Затем вмешалась Мария Терезия и воззвала к папе Бенедикту XIV, который предложил отменить старую систему и разделить эту должность. Теперь власть патриарха распространялась бы только на территорию, находившуюся в составе республики, новой резиденцией его выбрали Удине. Остальная, австрийская, часть находилась бы под юрисдикцией папы. Это было очень разумное предложение, но Венеции не хотелось терять церковную власть над частью австрийской территории, и с ее стороны последовали категорические возражения. Папа мягко ответил, что он просто пытается примирить обе стороны, и если его предложение им не подходит, пусть они примут свое.

В какой-то момент этот вопрос поставил под угрозу отношения Венеции с империей, но в конце концов обе сто-

---

* Его специальностью была астрономия; биограф пишет, что обращение Гримальди к обществу было «applauditissimo» («встречено бурной овацией»).

роны договорились принять помощь туринского двора в качестве посредника, а подходящее решение придумал король Карл Эммануил III Сардинский*: патриархат нужно ликвидировать и разделить на два отдельных епископства, подчиненные Риму — венецианское и австрийское, с центрами в Удине и Гориции соответственно. В Венеции поняли, что лучше принять предложение папы, но было уже поздно. Оставалось только покориться неизбежному, и патриархат, существовавший 1200 лет, канул в прошлое.

Аквилейский вопрос папе удалось разрешить очень мирно, хуже пришлось в 1754 году, когда Франческо Лоредано, который сменил через два года Пьетро Гримальди, гневно заклеймил венецианских граждан, которые легко и часто, напрямую «по невежеству, по недомыслию, а может, просто со зла» обращаются в Рим с просьбами об отпущении грехов, за разрешениями и привилегиями в ущерб интересам государства. «В дальнейшем, — гласил эдикт дожа, — такие документы будут рассматриваться как недействительные, если они не получены путем, утвержденным правительством республики». Папе Бенедикту не понравился и тон этой прокламации, и ее содержание. Он послал дожу гневное письмо, отказываясь принимать неискренние объяснения сената и посольства. Отношения становились все более натянутыми, Мария Терезия и Людовик XV встали на сторону папы, и кто знает, чем закончились бы споры, если бы в 1758 году Бенедикт не умер. К счастью, ему наследовал венецианец Карло Реццонико, взявший имя Климента XIII.

С пришествием на трон святого Петра в пятый и последний раз гражданина Венецианской республики** все проблемы решились, как по волшебству. Это событие, как обыч-

---

* С 1718 года титул короля Сардинского перешел к Савойской династии.

** Предыдущими четырьмя были: Георгий XII (Корреро) в 1406, Евгений IV (Кондульмер) в 1431, Павел II (Барбо) в 1464 и Александр VIII (Оттобон) в 1689 году.

но, было отмечено в городе празднествами. Целых восемь послов по особым поручениям отправились с поздравлениями к новому понтифику, который собственноручно написал письмо с просьбой к правителям республики отменить оскорбительный эдикт. Он прибавил: «Было бы жестокой несправедливостью считать, что мы будем требовать чего-то от отечества, которому мы должны приносить только славу». Таким образом ему удалось прекрасно примириться с сенатом, не теряя лица, и в 1759 году Климент в знак особого расположения и в качестве символа новой дружбы прислал Лоредано Золотую розу*.

Однако папа, совершивший такой блистательный жест в надежде на будущие добрые отношения, должен был разочароваться. В 1767 году особая комиссия доложила, что совокупный доход церкви с территории республики, включая отдельные пожертвования, увеличился до 8,5 миллионов дукатов, в то время как за все предыдущее десятилетие он составил около 2,5 миллионов. Правительство нисколько не колебалось. В том же году, 10 сентября, оно постановило закрыть 127 монастырей и распродать их имущество в пользу государства. Так, одним махом, казна обогащалась на три миллиона дукатов, а население монастырей сокращалось с 5798 до 3270 человек.

В этот момент было бы неплохо возвратить Золотую розу в Рим, но подобные жесты не в обычаях правительств, и правительство Венеции, увы, не было исключением.

Народ Венеции, следуя примеру своих правителей, предавался безбожию, как еще никогда за свою историю. Как известно, республика никогда не отличалась особенным духовным усердием, не говоря уже о фанатизме, какой время от времени переживали один за другим ее соседи по всей Италии. Она была единственным из государств католичес-

---

* Этот подарок папа римский делает правителю, который за истекший год отличился наибольшей добродетелью. Традиция ведется с XI века. — *Примеч. ред.*

кой Европы, где никогда не жгли еретиков. Даже на протяжении двух предыдущих столетий, когда всю Европу раздирали религиозные противоречия, Венеция, как мы видим, сохраняла умеренные, гуманистические воззрения, рожденные Ренессансом, которые в мире Контрреформации казались неуместными и устаревшими. Греческой православной общине даже позволили построить свою церковь (Сан Джорджо деи Гречи была освящена в 1561 году), у евреев была своя синагога в гетто, у мусульман — своя мечеть на территории Фондако деи Турки. В 1707 году армяне на острове Сан-Лаццаро построили свой монастырь. Таким образом, Венеция служила образцом толерантности, что, в свою очередь, делало ее центром просвещения и либерализма, а благодаря многочисленным печатням и университету в Падуе (хотя он и находился вдали от лагуны) ее престиж не имел равных в Европе.

Теперь колесо истории закрутилось в другую сторону. Религиозные войны отпылали свое, в Европу вернулись здравый смысл и б ольшая часть тех ценностей, которыми всегда жила республика после того, как вышла из младенческого возраста. Но теперь Венеция осталась далеко позади. Если мы изучим список дожей за сотню лет между 1675 и 1775 годами, нам в глаза бросится удивительный факт: из четырнадцати дожей только четверо были женаты!* И еще более удивительно, если мы обратим внимание не на самих дожей, но на всю венецианскую аристократию, там наблюдалось то же самое. В этой странной тенденции к безбрачию нет ничего нового. Подсчитано, что еще в XVI веке количество холостяков составляло около 60%, а в XVIII — 66%. Философия этого явления проста. Род требует продолжения и стабильного богатства. Значит, требуется, чтобы один сын — обычно младший — женился, обеспечивая первое требование, давая роду легитимного наследника по мужской линии. Другие сыновья оставались одинокими или во

---

* Сильвестро Вальер, Джованни Корнаро, Альвизе Пизани и Альвизе Мочениго IV.

всяком случае бездетными, таким образом предотвращалось распыление состояния семьи. Повальное стремление к холостяцкой жизни можно объяснить возросшим количеством профессиональных венецианских куртизанок, не говоря уже о целой армии проституток, неизбежно обитающей в любом крупном порту. Венеция прославилась как европейская столица наслаждений. Это прекрасно объясняет и огромное количество сиротских приютов, и монастырей, куда определяли девочек представители высшего класса. Две трети этих благородных девиц не могли найти себе мужей. На самом деле их число было даже еще больше, поскольку обедневшие аристократы нередко брали себе жен из среды обеспеченной буржуазии. Прочим приходилось оставаться в монастыре. Неудивительно, что многие из этих монастырей снискали дурную репутацию из-за своего распутства, наряду с игорными домами (ridotti). Хотя о них упоминаний не так много, как о сиротских приютах, они еще выполняли роль центров музыкальной жизни города.

Для женщины, которой удавалось выйти замуж, жизнь была вполне приемлемой. Вскоре она обзаводилась чичисбеем — особой венецианского происхождения, постоянным кавалером, почти неотличимым от жиголо, в то время как ее пожилой и занятой муж появлялся пред ее очами сравнительно редко. Этот чичисбей мог быть или не быть ее любовником, у него могли быть различные перспективы, но в любом случае он был в своем праве. Отношения в Венеции не исчерпывались постельными. Мемуары Казановы свидетельствуют об обратном, но Казанова был неутомимым хвастуном. Он, помимо прочего, пишет о таких же успехах в Вене, Париже и Лондоне. Во всяком случае, с точки зрения дамы, чичисбей обладал ценным свойством — от него можно было при необходимости избавиться. Пусть мужья в дефиците, зато чичисбея из такого количества холостяков выбрать было несложно.

Даже мужья и жены могли меняться. Один из самых поразительных для путешественников аспектов венецианской жизни заключался в частоте расторжений брака и оче-

видной простоте этой процедуры. Французский поверенный в делах удивленно сообщает своему правительству в 1782 году, что у него на глазах патриарх однажды выдал сразу 900 разрешений. А в том же году Совет десяти решил, что в этом вопросе следует проявить твердость, и своей властью вмешался в церковный вопрос.

Это нежелание вступать в брак имело два серьезных последствия. Первое заключалось в том, что порой рушились тщательно продуманные планы. Исчезло несколько старинных и заслуженных семейств. Второе, более серьезное — в том, что венецианская аристократия все более расщеплялась на богатый и бедный слои. Еще за столетие до этого обедневшие аристократы стали печальной чертой социальной жизни города. Они селились в приходе Сан Барнаба и вокруг него, за что в народе их прозвали «барнаботти». Являясь официально венецианскими аристократами, они должны были одеваться в шелк и посещать заседания Большого совета, однако многие из них были так бедны или так необразованны, что не могли занимать даже самые низшие управляющие должности. Поскольку их ранг не позволял им заниматься ремеслом или держать лавки, все большее их число кормилось тем, что продавало свои голоса на выборах. Другие просто прекратили бороться и существовали в нищете, на скудные доходы. Для них государство обеспечило особые условия, в том числе бесплатное проживание, при условии, что они останутся холостыми, не умножая число нищих и безработных барнаботти. В то же время даже относительно богатым семьям все труднее становилось поддерживать тот уровень, которого от них ожидали, — уровень, которого требовали абсолютно от каждого соискателя высокой должности. Часть XVII века и весь XVIII республикой управляли представители всего лишь 42 семейств, которые занимали все руководящие посты.

Большой совет предпринимал попытки влить свежую кровь и вдохнуть новую жизнь в угасающую аристократию. Так были приняты решения о продаже должностей кандидатам извне, даже когда город не нуждался в срочных де-

нежных вливаниях для войны с турками. К 1718 году 127 венецианцев купили для себя и своих наследников патрицианство за 100 000 дукатов. Примерно две трети из них были купцами. Интересно, что все они, став аристократами, забросили свое прежнее занятие. Торговля больше не считалась занятием, достойным благородного человека, несмотря на то, какую роль она сыграла в истории республики. Теперь, как и в большей части других стран Европы, благородный человек получал доходы со своего имения, villeggiatura, которое посещал дважды в год, приезжая туда со всем хозяйством — семьей, слугами, мебелью и книгами. На своей палладианской или барочной вилле он укрывался от летнего зноя и уныния ранней осени, пока не возобновлял свою работу Большой совет и служба не заставляла его вернуться в Венецию. Коммерческие вопросы, как мы видим, оставили на долю инородцев — евреев, греков и далматцев, которые хорошо для этой роли подходили и которым она была по душе.

Как это обычно бывает в длительные периоды мирной жизни, граждане стали обращать больше внимания на вопросы, касающиеся их конституции, и то, что они наблюдали, им не слишком нравилось. Что касается основной структуры республики, то тут народ или, по крайней мере, правящий класс, был доволен. За срок более тысячи лет она почти не изменилась — это рекорд, которого не смогла достичь ни одна страна Европы и, пожалуй, мира. Если сравнить условия жизни в Венеции и на остальной части материка, которую Семилетняя война измотала меньше, чем десятилетие после подписания мира в Ахене (Э-ля-Шапель), закрывшего вопрос об Испанском наследстве, то изменения, пожалуй, и не требовались. Но существовала одна деталь в правительственном механизме, которая всегда вызывала неудовольствие: Совет десяти с его зловещим ответвлением, тремя государственными обвинителями, которые работали тайно, не советуясь ни с кем, кроме друг друга. Их существование становилось все более недопустимым для либерально настроенных умов XVIII столетия.

Мы уже видели, как в XVII веке реформаторы, вроде Реньеро Дзено, безуспешно пытались лишить совет власти. Теперь, спустя 140 лет, ни десять его членов, ни трое судей не казались чудовищами, возникшими в кровавые и мрачные времена Испанского заговора или злодеяний Арунделя. Среди большей части населения, которому они редко давали повод для страха, они даже в значительной степени пользовались поддержкой. Конечно, их все еще ненавидели многие из тех аристократов, особенно барнаботти, которые, хоть и являлись членами Большого совета, но были бедны, не могли претендовать на более высокие должности и чья ненадежность делала их объектом постоянного наблюдения.

Атака, которую предпринял в 1761 году недовольный, озлобленный общественный защитник по имени Анджело Кверини и которая периодически возобновлялась на протяжении 70-х годов XVIII века, опрометчиво повторяла то, что пытался делать Реньеро Дзено — вплоть до таких же, полностью отрицательных результатов, так что подробно рассказывать об этом мы здесь не будем. Однако страсти утихли. С обеих сторон следовали спокойные, часто очень умеренные обвинения. Когда в 1762 году, сменив Франческо Лоредано, трон дожа занял один самых ярых защитников десяти и обвинителей, многие в Венеции отнеслись к нему с затаенным опасением.

Марко Фоскарини на самом деле не был радикалом. Зато он был ученым, человеком начитанным, возможно — наряду с Андреа Дандоло — самым культурным из всех дожей Венеции. Он написал большую поэму «Il Corallo», пытаясь возродить старинный венецианский коралловый промысел, а еще, что более важно, огромную работу по истории литературы «Letteratura Veneziana». Из последней работы удалось напечатать только первый том. Второй остался незаконченным, когда в марте 1763 года, в возрасте 67 лет, он умер, пробыв у власти всего 10 месяцев. Его похоронили в фамильной часовне церкви Сан Стае.

Его преемником стал Альвизе Мочениго — четвертый, и к счастью, последний из этого семейства, выдвинутый на

высшую должность. Человек представительный, но ничем не отличившийся, он начал свое правление с заключения четырех соглашений, которые в прежние времена Венеция постыдилась бы даже обсуждать. Все они имели одну цель: прекратить бесконечные грабежи венецианских судов берберийскими пиратами. В обмен предлагались деньги. За шесть месяцев правления соглашения были достигнуты с правителями Алжира и Туниса, затем Триполи (1764) и Марокко (1765). Венеция с этого времени тратила ежегодно 60 000 дукатов за право беспрепятственно ходить в морях, которыми когда-то распоряжалась. Для бывшей повелительницы Средиземноморья это было настоящим унижением, но позор стал еще горше, когда через несколько лет выяснилось, что деньги пропали впустую. Несмотря на все заверения, оказалось, что правители не в состоянии контролировать своих корсаров либо просто закрывают глаза на их действия. Пиратские нападения, хотя они и стали случаться немного реже, по-прежнему представляли проблему, с которой приходилось считаться. Венеции в последние годы ее существования повезло — у нее нашелся адмирал, который показал, что какая-то сила у республики еще осталась.

Анджело Эмо, с тех пор, как достиг зрелого возраста, посвящал свою жизнь одному идеалу: он стремился полностью перестроить венецианский флот по англо-французскому образцу. Не во всем он преуспел, но его искусство мореходства и знание современной тактики боя — очень редкие среди венецианской аристократии качества — выделяли его среди сослуживцев. И когда в 1768 году правительство наконец решило начать активные действия против пиратов, он, хотя ему было лишь под сорок, стал очевидным претендентом на роль главнокомандующего. В последующие годы он часто совершал рейды вдоль североафриканского побережья. Между 1784 и 1786 годами с горсткой кораблей, которые теперь в Венеции именовались флотом, хотя в прежние дни не дотянули бы до эскадры, он провел маломасштабную войну против тунисского бея, заставив его с

помощью трех сезонов бомбардировки сдаться на очень выгодных условиях. Так, пусть ни одна из этих кампаний не ознаменовалась крупным сражением или значительной победой, этот последний великий адмирал Венеции смог обезопасить Средиземное море для европейских кораблей на долгие десятилетия, доказав тем самым миру, что лев святого Марка, хоть стар и ослаблен, но способен о себе напомнить.

22 июля 1769 года в Венецию прибыл император Иосиф II. Он путешествовал инкогнито и не остановился ни в одном из тех больших дворцов, которые бы ему с радостью предоставили, но поселился в «Leon Bianco» («Белом Льве») в приходе Санти Апостоли, наверное, лучшем из всех отелей и трактиров, какие и сегодня принимают иностранцев*. Это, однако, не помешало в полном объеме провести программу мероприятий по его чествованию. И только когда император узнал, что в его честь планируется устроить сады Гесперид на плотах площадью в 300 акров, составленных в устье канала Джудекка у Сан Джорджо Маджоре, заполненных цветами, деревьями из цветного хрусталя и искусственными озерами, с рыбой, где он и его гости будут приятно проводить время в предвкушении пира на острове Сан-Джорджо, он топнул ногой.

Любому, кто изучает историю венецианского общества, может быть, любому читателю этой книги не покажутся странными такие приготовления, которые планировались гораздо более подробно и тщательно, чем упомянуто в этом кратком описании. Гораздо более интересно и, наверное, более поучительно, какую реакцию это вызвало в народе. Вероятно, если бы праздник провели, как было задумано, его блеск мог бы обезоружить всех недовольных. Но блеска не получилось, и слухи о сотнях, даже тысячах дукатов, уже

---

* Одно из старейших зданий на Большом канале. Теперь ему вернули старое название Ка' да Мосто (Дом молодого вина).

потраченных впустую, вызвали волну антиправительственных настроений главным образом среди барнаботти и молодых интеллектуалов, как благородных, так и простых, попавших под воздействие революционных идей из Франции. Они вопрошали, как можно тратить такие суммы на пустяки, привечая иностранцев, которым это даже не нужно, в то время как республика сидит в долгах? Как после более полувека мирной жизни она оказалась в долгах? Разве нормально, что потенциальных правителей Венеции становится все меньше, что количество членов Большого совета сократилось уже до тысячи, и в некоторые дни совет не может набрать кворум? Что все высшие чины государства происходят теперь из нескольких богатых семей? Что многие мужчины и женщины из этих семей дни и ночи проводят в притонах, в масках, разодетые и напомаженные, а другие, даже без маски, восседают за игорными столами в своих должностных мантиях, раздают карты и делают ставки?

В начале следующей декады недовольство набрало силу, потому что у подобных настроений отыскался мощный вдохновитель — Джорджо Пизани, молодой и особенно недовольный барнаботто, воскресивший давнюю кампанию против Совета десяти и тройки обвинителей и вскоре ставший неофициальным лидером партии реформаторов. Но только в 1774 году эта кампания добилась первого успеха. 27 ноября Большой совет принял новый закон, которым объявлялось, что республика «в целях сохранения чести, призвания к порядку и скромному поведению, так необходимому для блага общества, и для пресечения всякого стремления к коррупции и злоупотреблению служебным положением постановляет, что казино в ридотто в приходе Сан Моизе должно быть закрыто навсегда, а здание приспособлено для общественных нужд. Все азартные игры в Венеции и ее провинциях должны быть строго запрещены. За тем, чтобы не возникало нарушений, проследят обвинители». Достоверно известно, что этот закон был встречен народным ликованием. Люди обсуждали эту новость на

улицах. Но венецианская страсть к игре оказалась сильнее, чем думали законодатели, и хотя ридотто Сан Моизе закрылось, существовало множество мелких домов, где уже через несколько недель игроки вновь сидели за картами.

Через два месяца, в январе 1775 года, снова поступило предложение о продаже мест в Большом совете, на этот раз сорока семьям с материка. Каждая семья принадлежала к местной аристократии в течение четырех-пяти поколений и имела годовой доход не менее 10 000 дукатов. Это предложение горячо обсуждали, затем с небольшим перевесом приняли. Однако его приверженцев вскоре постигло тяжелое разочарование. Сто лет назад трижды случалось, что ряд семейств, не считавших и 100 000 дукатов высокой ценой, занимал место среди патрициев. Теперь же из сорока семейств согласилось только десять, да и те особенного энтузиазма не проявили.

Когда 31 декабря 1778 года умер дож Мочениго, моральный дух Венеции упал как никогда ранее. Не воспрянул он и после очередных выборов, когда 14 января дожем стал Паоло Реньер. Новый дож изучал классику, переводил на венецианский диалект Гомера, Пиндара и Платона. Он служил сенатором и советником savio, послом в Вене и старейшиной купеческой колонии в Константинополе. Но при этом он имел репутацию прагматика и коррупционера. Ходили слухи, что он обеспечил себе место дожа, подкупив 300 членов Большого совета. Даже если это была неправда, народ ему не доверял с самого начала. Все считали, что ему недостает смелости. Когда объявляли об его избрании, в Сан Марко от криков толпы поднялся такой шум, что он от испуга сбежал из собора, укрылся в башне на Пьяцце и несколько раз спрашивал у своих приближенных, не миновала ли страшная угроза его жизни. Из хороших вещей о нем мы знаем лишь то, что он был женат. Свою вторую жену он нашел в Константинополе, она была гречанкой и ходила по канату. Но даже это не расположило

к ней народ. Официально ее так и не признали, и на торжественных церемониях роль догарессы исполняла его племянница.

Какими бы ни были недостатки дожа Реньера, казалось, он достаточно трудолюбив и мудр, чтобы остановить упадок республики. Но вскоре стало ясно, что Венеция становится все более и более неуправляемой. На следующий год Джорджо Пизани выбрали прокуратором Сан Марко. Это была огромная победа барнаботти и радикалов, она позволила их кумиру подняться на уровень, который до этого занимал самый могущественный из реакционеров, Андреа Трон. Больше десяти лет Трон, которого на венецианском диалекте прозвали Il Paron (Патрон), доминировал на венецианской политической сцене, благодаря, скорее, своей властности, чем заслугам, и обладал значительно большей властью, чем сам дож. Сын настоящих промышленников, которых в Венеции было немного (его отец Николо основал очень прибыльные текстильные фабрики неподалеку от города), он отчаянно защищал старые венецианские традиции и постоянно призывал знать оставить свои поместья и вернуться к исконному занятию — торговле, хотя и не подавал примера сам. При этом он не скрывал презрения к нуворишам и всем этим чужакам, которым дозволили взять в свои руки экономику Венеции. Особенно презирал он евреев, против которых в 1777 году добился новых законов, запрещающих им использовать на работе христиан, владеть недвижимостью и производством, превратив таким образом преуспевающее и полезное для республики общество в лавку старьевщиков.

В какой-то момент показалось, что Андреа Трон нашел себе достойных противников в лице Джорджо Пизани и его неистового коллеги Карло Контарини. День за днем они клеймили правительство за то, что оно преступным образом запустило государственные дела, за неспособность поправить экономику, за упадничество и коррупцию. И их речи возымели действие, собрав в Большом совете боль-

шинство голосов. Тщетно дож Реньер призывал к единству, напоминая, что без внутренней солидарности государство не сможет противостоять внешним агрессорам и погибнет. «Повелители Европы, — говорил он, — внимательно наблюдают за нашими разногласиями и решают, как лучше ими воспользоваться». Но Пизани и Контарини и не думали придержать языки и продолжали обличать знать, к которой не испытывали ничего, кроме презрения.

И напрасно они не вняли спокойному голосу разума. Более спокойный подход к делу мог бы увенчаться успехом, хотя бы отчасти. А так их непрестанная агитация, публичные речи и тайные встречи только подстегнули власти к действию. Ночью 31 мая Джорджо Пизани арестовали у него дома, в Сан-Моизе. Последующие десять лет он провел в тюрьме. Контарини же заключили в крепость Каттаро, где он вскоре умер. Совет десяти и трое обвинителей снова, как всегда, победили. Но долгие, мучительные дебаты в Большом совете — дебаты, которые, казалось, раскололи саму душу Венеции, — не забылись. Недовольство барнаботти продолжало расти. На протяжении семнадцати лет, что оставались республике, зловещим эхом отдавались слова Паоло Реньера в сердцах многих внимательных соотечественников:

> Нашей стране, как ни одной другой, требуется единство. У нас не осталось сил ни на суше, ни на море. У нас нет союзников. Мы живы волей случая, полагаясь лишь на ту репутацию, которой всегда пользовалось правительство Венеции. Наша сила здесь и только здесь.

Это было правдой, хотя, как заметил дож ранее, репутация Венеции уже не казалась в Европе непогрешимой. Однако как ни быстро республика стремилась к упадку, ее дипломатическая служба была по-прежнему на высоте, и Реньер прекрасно знал, что в Австрии уже начались обсуждения планов на будущее, в которых для Венеции мес-

та не нашлось. Но, несмотря на все свои несчастья, она смело продолжала держать оборону против всего остального мира, все еще сохраняя некое внутреннее единство. Она поддерживала свой образ изысканного, свободного общества, которому присуще умение сорить деньгами с элегантностью и тонкий вкусом, — общества, за которым при всем том незримо стоит монолитная структура, возведенная серьезными и опытными людьми, чья мудрость безгранична, а действия уверенны. Этот образ вводил в заблуждение не только безумных искателей удовольствий. В январе 1782 года приехал наследник русского престола великий князь, будущий царь Павел I. Они с женой путешествовали под именем графа и графини Северных. В их честь прошли обычные роскошные празднества, в ходе которых по мановению руки графини над Пьяццей закружился искусственный голубь, рассыпая искры на лету. Он закончил свой полет на восьмидесятифутовой высоте, рассыпавшись изображением римской арки Тита. Но поистине поразило мужа графини спокойствие, проявляемое толпой. Чтобы ею управлять, не требовались солдаты, только пятеро церемониймейстеров от Совета десяти, которыми предводительствовал Capitan-Grande в красной мантии. «Voila, l'effet du sage gouvernement de la République. Ce peuple est une famille!»* — воскликнул князь. Вряд ли он мог сказать что-нибудь более приятное для хозяев**.

Великий князь не отличался проницательностью — к тому моменту, когда он взошел на престол, он был душевно нездоров, и в 1801 году его жестоко убили, — но и многие другие посетители этого города не замечали ни малейших следов недовольства, во всяком случае среди народа. Сред-

---

* «Вот, как действует мудрое республиканское правительство. Этот народ — одна семья!»

** Филипп Лонгворт писал, что императорская чета имела не такой большой успех. «Они оплатили только половину счета за проживание, не оставили чаевых за пир в Арсенале и не пожертвовали на приют для девочек-сирот, как велит обычай».

ний работающий венецианец был вполне доволен своим жребием. Имея толику хлеба и множество зрелищ, которые никогда не иссякали, он ни о чем не печалился. Налоговое бремя было легким либо отсутствовало вовсе. Рожденных за пределом круга знати редко волновали политические амбиции. Их не беспокоили ни десять членов совета, ни трое обвинителей. Напротив, их считали полезной, даже необходимой частью государства, радуясь, когда они раскрывали заговор или ставили на место распоясавшихся барнаботти. Те, в свою очередь, нисколько их не беспокоили.

Простонародью позволялась большая свобода, чем представителям нобилитета, за каждым движением которых следили и не позволяли им покидать республику и даже город без особого разрешения. Так что народ не переживал за Пизани или Контарини, а те относились к отдельному классу недовольных — они никогда не были людьми из народа и не стремились ими быть. Они хотели поскорее спрятаться в безопасное место и сидеть там как можно дольше.

Последние семь лет правления Паоло Реньера прошли без происшествий. В мае 1782 года он принял папу Пия IV, направлявшегося в Вену. Это был первый визит папы в Венецию со времен триумфа Александра III над Фридрихом Барбароссой в 1177 году. В 1783 году дож и сенат по не вполне ясным причинам отклонили предложение троих полномочных представителей США — Джона Адамса, Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона — о торговле и сотрудничестве с молодыми Соединенными Штатами. С возрастом корыстолюбие дожа все возрастало и становилось все более бесстыдным. Большинство подданных открыто его презирало. Но главным памятником его правлению, бесспорно, стала «муращи» — огромная дамба из неотесанного камня толщиной 14 метров у основания, которая протянулась на 4 километра вдоль берега острова Пеллестрина. Эта твердыня строилась 38 лет, начиная с 1744 года, и стоит до сих пор, оспаривая (увы, все с меньшим успехом) тот факт, что само море, которое так долго служило Венеции защитой, обернулось против нее. Многие из тех, кто при-

нимал участие в торжественном открытии этой дамбы, с грустью думали о бесчисленных внутренних и внешних опасностях, от которых эта дамба не сможет защитить Республику. Она могла лишь поддерживать иллюзию могущества, и это был последний дар Паоло Реньера Венеции.

Дож умер в феврале 1789 года. Вместо торжественного государственного погребения, его похоронили в церкви Толентини тайком, ночью, чтобы не помешать проведению карнавала.

Глава 46

СУМЕРКИ (1789–1797)

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров
слышим...*

Лодовико Манин, 118-й и последний дож Венеции, был избран 9 мая 1789 года 28 голосами против тринадцати. Тогда его и подданных еще не беспокоило, что всего за четыре дня до этого в Версале собрались Генеральные штаты Франции, и цепочка событий, которая должна была привести Францию к революции, уже началась. Но даже если бы вести об этом успели достичь Риальто, венецианцы не придали бы им особого значения. Они уже больше семидесяти лет жили беспечно, словно в волшебной башне, веря, что их традиционный нейтралитет спасет их от любого зла, а их желание жить в мире с соседями должно повсеместно уважаться. Вина за этот катастрофический самообман под видом мира в немалой степени легла на Лодовико Манина.

Во многих отношениях его избрание было неожиданностью. В отличие от всех дожей, что правили несколько веков до этого, он не принадлежал к старой венецианской аристократии. Манины были могущественным семейством из

---

*Басня Лафонтена «Волк и Ягненок» в переложении И. А. Крылова.

Фриули, купившим в 1651 году место в «Золотой книге» за 100 000 дукатов. Это случилось всего за 74 года до рождения Лодовико. Большинство старших коллег считало его выскочкой. Во время праздника по случаю окончания выборов один из главных его соперников, прокуратор Пьетро Градениго, пробурчал: «С дожем фриульцем республика погибнет!» Через восемь лет многие вспомнили его слова.

Манин имел довольно солидный послужной список, но в нем, впрочем, не было ничего особенного. В основном он отличился хорошей службой на посту подесты в Вероне, когда ему пришлось разбираться с последствиями катастрофического наводнения 1757 года. От своего предшественника-дожа он разительно отличался честностью. Даже в худшие времена, которые были еще впереди, его честность не подлежала сомнению. Но в те годы, когда его призвали служить республике, ей требовались другие качества, более важные, чем честность.

Французская Третья республика, провозглашенная Национальным собранием 17 июня, сначала заявляла о мирных намерениях, однако из отношения европейских монархов скоро стало ясно, что мира не будет. Философия революции — безумная вещь. Она распространилась по всей Западной Европе, зараза прогрессировала, по примеру Франции уже зашатались и другие троны. Опасность угрожала тысячелетним политическим основам всего континента. В июне 1790 года венецианский представитель в Турине предупреждал сенат о тайной французской организации, рассылающей по всей Италии своих агентов для ведения революционной пропаганды и распространения смуты. Через три месяца эти тревожные слухи подтвердило пространное сообщение венецианского посла в Париже Антонио Капелло. Он писал, что эта организация включает несколько видных участников Национального собрания, таких как Мирабо, Лафайета и аббата Сийеса.

Венеция, конечно, была республикой, но она никогда не претендовала на радикализм или эгалитарность. В самом деле, вся ее конституция была насквозь пропитана духом

элитарности. Хотя в последнее время ее аристократия не раз подвергалась вливанию свежей крови, обычному горожанину проникнуть туда было труднее, чем в пэры Британии или даже Франции, куда можно было попасть за заслуги, талант и личные достоинства по милости короля. Правящие семейства Венеции пугались доктрин революции почти так же, как самых реакционных аристократов Австрии, Англии и Пруссии. Иными словами, европейские монархи не знали, почему бы светлейшей, пусть не слишком эффективно, зато с энтузиазмом не присоединиться к борьбе против безбожия и хаоса, которые сеяла революция.

Вскоре им пришлось признать, что они ошибались. Не то чтобы республика недооценивала опасность переворота. Джорджо Пизано и Карло Контарини тихо устранили, но было множество других, вроде барнаботти и читтадини, не скрывавших своего сочувствия радикальным взглядам. Десять членов совета и трое обвинителей натянули поводья. Появилась строгая цензура, политические митинги запретили. За всеми иностранцами и многими венецианцами следили. Но когда в ноябре 1791 года король Виктор Эммануил Сардинский предложил Венеции вступить в лигу Италии, чтобы противостоять якобинской угрозе, та ответила, что не считает необходимой такую меру. Угроза сильно преувеличена, и меры предосторожности она вполне способна принять самостоятельно.

Через шесть месяцев разразилась война. Сначала войска развернула Австрия, за ней последовали Пруссия и Сардиния. Затем, 10 августа 1792 года, в Париже толпа заполнила Тюильри, перебила швейцарскую гвардию в поисках королевской семьи, которая незадолго до этого укрылась в здании Национального собрания, — и самым неприятным образом поразила венецианского посла Альвизе Пизани. Он писал своему другу:

> Никогда в жизни мне не увидеть больше такой сцены ужаса, страшной и кровавой... Днем толпа ворвалась во дворец, вооруженная до зубов, таща тяжелую пушку с

криками: «Где король, давайте короля!» Они не могли его найти... Среди гусар и дворцовой стражи многих убили. Смерть постигла от тысячи до трех тысяч человек. Я так растерян, я в таком ужасе, что просто не могу описать картину, стоящую перед моими глазами, способную любого лишить присутствия духа. Из окна дома, дребезжащего от выстрелов, я вижу кровь, текущую реками. Представьте себе мое положение!

Несколько раненых гусар занесли в дом, но за ними последовала еще большая толпа. Я закрыл двери, но вскоре подошел вооруженный отряд с криками: «Посол, ты прячешь у себя дома короля, давай его сюда!» Я тогда проявил необычайную смелость. Сперва я отправил своих перепуганных детей вместе со священником наверх, затем я сам открыл дверь, предстал перед дьявольской толпой и заверил, что в доме не прячется никто, кроме нескольких раненых. Я крикнул им: «Идите, друзья! Идите и смотрите сами!» В этот момент сам Господь защитил меня. Они мне поверили. Никто не зашел, они двинулись назад, все еще крича: «Нам нужен король!»... Теперь мы получили отсрочку, но надолго ли? Опасаются событий, еще более ужасных и трагических, опасность повсюду... Только подумайте, в каком положении нахожусь я и мое дрожащее семейство...

Потрясение и вправду оказалось слишком сильным для него. Оставив посольство на своего секретаря, он с семьей бежал в Лондон, где и остался еще на три года.

В сентябре 1792 года король Сардинии снова попытался заручиться помощью Венеции. На этот раз он предложил ей вместе с королем Неаполя заключить нейтральный оборонительный союз, к которому, как он надеялся, вскоре присоединятся все государства Италии. Но Венеция снова наотрез отказалась — коллегия приняла такое решение, не подумав даже обсудить этот вопрос в сенате. Они напомнили, что Венеция официально объявила о своем нейтралитете, как она может вступать в какие-либо союзы, сохра-

няя нейтралитет? В качестве аргумента это звучало слабо, но правителям хватило. Даже через четыре месяца, когда король Людовик XVI сложил голову на гильотине, их не удалось растормошить. В Венеции, как и в любой столице Европы, не исключая и Парижа, людей эта новость потрясла и ужаснула, но требование разорвать дипломатические отношения с Францией — очень мягкая реакция в подобных обстоятельствах — было отклонено сенатом, и Альвизо Пизани сохранил ранг и титул, продолжая получать свое жалованье в безопасном Лондоне. В это время французскому представителю в Венеции позволили повесить на своем доме республиканский флаг. В феврале 1793 года монархи предприняли последнюю попытку. Великобритания, Австрия, Пруссия, Голландия, Испания и Сардиния образовали коалицию с целью защитить Европу от безбожников и цареубийц. Исполнит ли Венеция свой священный долг? Венеция не исполнила.

Нейтралитет может являться очень достойной политикой. Но если Франческо Пезаро не мог произвести на соседей впечатления, то нейтралитет нужно было подкрепить силой. Война между Францией и Австрией неизбежно затрагивала итальянские территории, Ломбардия и Венето того и гляди сделаются полем битвы. Куда в это время денется Венеция, которая, хоть и склоняется к миру, но должна быть готова к войне? А если она не будет готова, кто поручится, что ее территориальная целостность не будет нарушена? В нынешних условиях под угрозой оказывались и ее независимость, и само ее существование.

Так, день за днем, пытался доказывать свою позицию Пезаро, но спорил он зря. Контраргументы опять были слабыми, нигде больше они не прошли бы. Вооруженный нейтралитет такого рода, какой он предлагал, требовал значительной реорганизации, даже, скорее, реконструкции армии и флота. Как могла республика осуществить такие меры без чудовищных поборов с населения? Армия революции уже отбросила вторгшихся пруссаков при Вальми и нанесла крупное поражение австрийцам при Жемаппе.

Неужели Пезаро думал, что Венеция может устоять перед такой могучей военной силой? Или венецианская армия на западной границе должна была отпугнуть французов?

Эти споры могли продолжаться до бесконечности, но они не имели никакого отношения к истинной причине бездействия Венеции. А дело было в том, что Венеция была полностью деморализована. Настолько, что при мысли о том, что нужно отправить куда-то войска, сразу же пропадали всякие силы. Мир, удовольствия, любовь к роскоши, «блаженное безделье» подточили ее силы. Она была старой, усталой и избалованной. Даже ее хваленая конституция, предмет зависти всех соседей, казалось, дала трещину. Голоса покупались и продавались, действующая олигархия постоянно таяла, сенат деградировал почти до уровня секретариата, ставящего печать. В последнее десятилетие существования государства почти каждое политическое решение, похоже, только приближало его конец. Может быть, Венеция желала смерти? Если так, она была ей дарована быстрее, чем можно было ожидать.

Почти два года после казни короля Людовика отношения между Францией и Венецией оставались корректными, подчас даже теплыми. Никакие благочестивые заявления о нейтральности не могли скрыть того факта, что венецианская олигархия является в душе проавстрийской и монархически настроенной, а новый французский посол Лаллеман прекрасно знал, что за каждым шагом в Венеции ведется наблюдение, о любом движении сообщается обвинителям. С другой стороны, у него не было причин считать, что за его коллегами-дипломатами в городе следят меньше, и если даже он не мог надеяться снискать дружбу, он хотя бы получил свою долю уважительной ненависти. В конце концов у Франции теперь не было в Европе друзей. Приходилось дорожить отношениями с удачно расположенным стратегически, нейтральным государством.

Однако в конце ноября 1795 года французская армия одержала первую победу над австрийцами на территории

Италии — при Лоано, маленьком приморском городке, на полпути между Сан-Ремо и Генуей. Почти сразу же французские отношения с Венецией испортились, и первым признаком ухудшения стало категорическое требование изгнать со своей территории графа Лилльского, брата убитого короля. Он поселился в Вероне в прошлом году и после смерти юного дофина в июле издал прокламацию, в которой под именем Людовика XVIII официально заявил о правах на французский трон. Так за четыре месяца он превратил Верону в центр активности французских эмигрантов.

Теперь Венеция, как нейтральное государство, могла предоставлять убежище всем, кому пожелает, а Французская республика так и не представила доказательств того, что Людовик, находясь на венецианской территории, действительно замышляет переворот. В то же время император, хотя и отказался принять претендента на своей земле, оказывал на Венецию сильное давление, чтобы Людовику позволили остаться в Вероне. Наконец требования Франции стали такими угрожающими, что синьория не могла больше им сопротивляться, и 31 марта 1796 года Людовика вежливо попросили уехать. Вскоре он это сделал, потребовав с вполне объяснимым гневом, чтобы дом Бурбонов вычеркнули из «Золотой книги». Это уже не имело большого значения, зато хорошо проиллюстрировало аргументы Пезаро. Если бы Венеция была сильна, она могла бы противостоять французской угрозе или, наоборот, выгнать Людовика и его последователей, бросив вызов Австрии. В любом случае она заслужила бы дружеское отношение одной из сторон. Будучи слабой, она только колебалась и медлила, в результате настроила против себя обе стороны.

Теперь возник еще более серьезный спор. Французы пожаловались (и вполне справедливо), что Венеция позволила австрийской армии на пути из Тироля к Мантуе пройти через свою территорию. Венецианцы жалобно ответили, что империи позволили только пользоваться дорогой через Гоито в соответствии со старинным соглашением, отменить которое нельзя. В это можно поверить, поскольку австрий-

цы ходили по этой дороге взад и вперед с момента присоединения герцогства Мантуи в 1708 году. Но несмотря на многократные требования Франции, Венеция так и не смогла предоставить копию этого договора. А поскольку французы были в этом заинтересованы, нейтралитет Венеции оказался шит белыми нитками, чем и воспользовался Наполеон Бонапарт.

Бонапарту в тот момент уже исполнилось двадцать шесть лет. В двадцать четыре года он успел отличиться во время осады Тулона. После этого его командир, генерал Дюгомье, отправил в Париж, военному министру, рекомендацию: «Récompensez, avancez ce jeune homme; car, si l'on était ingrat envers lui, il s'avancerait de lui-même» («Отметьте этого молодого человека, повысьте его, ибо, если его не вознаградить, он повысит себя сам»). Так и произошло. В следующем году, избавив Конвент от роялистского мятежа 13 вандемьера, Бонапарт стал заместителем командующего французской армии. Еще через пять месяцев, в марте 1796 года, когда недавно учрежденная Директория постановила начать военную кампанию против Австрии на территории Италии, молодой, честолюбивый, прекрасно владеющий итальянским языком корсиканец оказался первым претендентом на то, чтобы ее возглавить. Однако никто, кроме, пожалуй, самого Бонапарта, не мог предвидеть такого полного и быстрого успеха. Монтенотте, Миллезимо, Дего, Чева, Мондови — почти каждый день приносил новую победу. К концу апреля союзная с Австрией Сардиния была вынуждена подписать сепаратный мир, по которому Савойя и Ницца отходили к Франции. 8 мая французы перешли реку По, а через два дня — мост в Лоди через реку Адду. 15 числа Бонапарт торжественно вошел в Милан.

Теперь в его руках оказалась вся Ломбардия, за исключением только Мантуи, но Мантуя могла и подождать. Основной путь к границам империи был свободен. Правда, он проходил через территорию нейтральной Венеции, но кому какое дело до ее нейтральности? Об этом как-то не подумали австрияки, которые больше не держались дороги на Ть-

ито. Всего несколько дней назад австрийский генерал Керпен, поспешно бежавший с остатками своей армии, получил разрешение пройти через Крему. Венецианский подеста не смог отказать ему в этом разрешении, поскольку крепость лежала в развалинах и была беззащитна.

Лелея дальнейшие планы имперского характера по отношению к Венеции, Бонапарт лично прибыл в Крему требовать объяснений у подесты, некоего Джана Батисты Контарини. Встреча не имела особенного значения, а для нас интересна тем, что отчет, который Контарини направил в сенат, представляет собой первые впечатления венецианца о Бонапарте. Контарини удивляла его очевидная физическая немощь и то, что он не пытался скрыть своей усталости. Он не походил на юного покорителя мира, гневно расхаживающего по комнате, обвиняющего Венецию в двуличии и угрожающего расправой — скорее, на изможденного молодого человека, раскинувшегося в кресле с закрытыми глазами. Контарини писал, что он выглядел серьезным и задумчивым, и на прямой вопрос: «Вы утомлены?» генерал ответил: «Да, я очень устал». Ни разу во время разговора он не высказал дружеских чувств по отношению к Венеции. Но когда его единственный сопровождающий, тоже корсиканец, генерал Саличети, принялся яростно ругать Венецию, он несколько раз улыбнулся при особо гневных выпадах, что Контарини, если только его отчету можно верить, истолковал как добрый знак. Собственные же обвинения он изложил мягко, почти изящно. Казалось, ему важнее было решить, какой дорогой пошли австрийцы. Он удовольствовался тем фактом, что у них оставалась только одна безопасная дорога.

Следующий отчет о Бонапарте сделан подестой Альвизе Мочениго 26 мая в Бреше, и он описывает генерала в более грозном настроении. Отступающим австрийцам позволили занять крепость Пескьера на озере Гарда. Венецианские власти ничем, кроме протестов, не могли им воспрепятствовать, и генерал желал знать почему. Мочениго мог бы заметить, что раз Бонапарт сам находится в Бреше без разре-

шения республики и не испытывает никаких затруднений, то ему жаловаться не на что. Но, видя настроение генерала, он счел такой аргумент неразумным. Подеста пишет, что вместо этого он постарался успокоить Бонапарта и что, уходя, тот заявил о дружественном отношении к Венеции. Но в отчете указано: «Он просто пылал гордыней. Любой повод, самый незначительный, он использовал, чтобы усмотреть в нем помеху своим планам, и тут же переходил к гневу и угрозам».

Бедняга подеста не знал, что гнев Наполеона Бонапарта был тогда наигранным, а угрозы пустыми. Его планы прекрасно осуществлялись. Финальная битва состоялась 5 августа при Кастильоне. В ней австрийцы потеряли две тысячи человек и всю свою тяжелую артиллерию. Это было одно из самых удачных завершений военной кампании, какие знает современная военная история. Пескьера была полностью очищена, а взятие Мантуи — последнего оплота империи на итальянской земле — стало лишь вопросом времени. Настоящая цель Бонапарта в отношениях с Венецией состояла вовсе не в том, чтобы заручиться ее поддержкой, и даже не в том, чтобы добиться от нее полного нейтралитета. Он знал, насколько она на самом деле беспомощна и не способна ни помочь ему, ни помешать. Он стремился смутить, запугать ее, дать ей почувствовать ее беспомощность, подавить ее гордость, подорвать ее самоуважение и веру в свои силы, чтобы у венецианцев не осталось моральных сил сопротивляться. В то же время, он обвинял Венецию в серьезных, по его мнению, проступках. Успех такой тактики как нельзя лучше показан на примере его отношений с Николо Фоскарини.

В начале мая 1796 года коллегия, озабоченная призывами вооружаться, которые Франческо Песаро возносил в сенате, предложила в качестве компромисса утвердить должность главного управляющего континентальными владениями — provveditor-generale in terra firma. Его штаб-квартиру устроили в Вероне. Занимавший этот пост наделялся почти диктаторской властью, зато вполне определенной. Ему сле-

довало «прислушиваться к мнению народа, чтобы сохранить спокойствие, повсюду обеспечивать подданным Венеции соблюдение их прав, постоянно информировать сенат о том, как распространяются и исполняются его приказы». Когда Николо Фоскарини, находясь на посту главы старейшин savio di settimana*, предложил сенату ввести эту должность, знал ли он, что назначат на нее его самого? Даже если и знал, его стоит только пожалеть. Как мог он защитить своих сограждан, оказавшихся перед наступающей, ведомой военным гением, непобедимой армией, если все сухопутные силы венецианцев едва ли составляли 5000 человек, пребывавших в мелких, плохо вооруженных, лишенных артиллерии и боеприпасов, разбросанных по всей стране гарнизонах? Как мог он исполнять приказы сената, когда тот в ответ на многочисленные запросы отделывался расплывчатыми, уклончивыми общими фразами? В таких обстоятельствах пришлось действовать по собственной инициативе, но, увы, инициатива не была главным достоинством Фоскарини.

Поначалу в воззваниях к Бонапарту Фоскарини, как и его правительства звучало возмущение. 31 мая, через несколько дней после своего назначения, он направил своего адъютанта в Валеджо, в штаб-квартиру французской армии, чтобы поздравить генерала с его успехами и в то же время представить список ущерба, который Армия революции причинила республике. Бонапарт пришел в такой гнев, реальный или наигранный, что на него жутко было смотреть. Что значат, возмущался он, эти ничтожные жалобы по сравнению с тем ущербом, какой Венеция причинила французам? Разве она не открыла свою землю для его врагов, предоставив им даже крепость Пескьеру? Теперь последует расплата: во-первых, мы пойдем на Верону и спалим ее дотла, затем и самой Венеции достанется по заслу-

---

* Шестеро великих старейшин (savii grandi) каждую неделю проводили ротацию поста главы. Должность «старейшины недели» примерно эквивалентна должности премьер-министра, избираемого на неделю.

гам. Дрожащий адъютант выслушал эту тираду, после чего его выставили с письмом к проведитору. В тот же вечер чиновник сообщил об этом своему правительству.

Фоскарини был напуган и не скрывал этого. Перед отъездом он написал сенату нечто вроде прощального письма, в котором просил бога благословить его, как он назвал, «самопожертвование ради моей прекрасной страны». В дальнейших письмах он благодарил небеса за то, что еще жив. Бонапарт, глядя на состояние государства, в котором находился, разошелся вовсю. Он бушевал, заявляя, что Директория дала ему полномочия уничтожить Верону, и он нынче же вечером пошлет генерала Массену с достаточным количеством солдат и пушек, чтобы тот как следует исполнил эту задачу. Если хоть один из повелителей Италии проявит малейшее сочувствие к австриякам, он лично объявит войну им всем, а просьбу о разрешении похода на Венецию он в Париж уже отправил. Он закончил заявлением, что он сейчас находится на французской территории, поскольку Пескьера предательски передана Венецией австрийцам, а французы по праву победителя забирают ее себе. По этой же причине он решил аннексировать венецианские крепости по реке Адидже.

Несчастный проведитор мог только молить о пощаде. Некоторое время его мольбы оставались без ответа. Наконец Бонапарт согласился пощадить Верону при условии, что Массене и его армии позволят свободно войти в город, а все три моста через Адидже перейдут под контроль французов. К тому же Венеция должна обеспечивать его армию продовольствием и различными предметами военной оснастки в кредит. Так французы добились от Фоскарини всего, чего хотели, не сделав ни выстрела и не заплатив ни гроша. Венецианцу это показалось приемлемой ценой за избавление Вероны от сожжения.

Вероятно, так и было бы, если бы Бонапарт и вправду собирался ее сжечь. Но правда состояла в том, что он и не думал отдавать Массене подобного приказа. Через неделю он писал Директории:

Если вам угодно получить с Венеции пять-шесть миллионов, то я неплохо это устроил... Если вы желаете более решительных действий, я считаю, что мы заинтересованы в продолжении этой brouillerie [ссоры]. Дайте только мне знать, чего бы вы желали, и мы дождемся подходящего момента, когда я смогу воспользоваться обстоятельствами...

А относительно Пескьеры правда заключается в том, что Больё [австрийский командующий] основательно их обманул. Он попросил позволить пройти полусотне солдат, а затем захватил город.

Иными словами, республика, чьи дипломаты еще недавно славились своим искусством, стала жертвой даже не двойного обмана, а двух одиночных — австрийского и французского, каждый из которых с легкостью удался. Бессильная, нерешительная и запутанная, она явила поразительную доверчивость.

В самой Венеции сенат продолжал колебаться. Наконец, они решили, как поступить с призывами Франческо Песаро и его приверженцев. Вместо того, чтобы попытаться их успокоить, решили пойти на незначительные уступки, затем, отказав им в финансировании и устроив своего рода бюрократическую блокаду, объявить их решения недействительными и спокойно о них забыть. Именно эта политика и привела к появлению новой должности проведитора, исполнявшего роль козла отпущения, в то время как обстановка на terra firma все ухудшалась. Нелегко было Николо Фоскарини соглашаться на эту роль. На его непрерывные, как крики уличного торговца, требования инструкций сенат отмалчивался. Уловка очень проста — просьбы игнорируются, письма остаются без ответа.

В начале июня, словно с целью сделать Песаро рекламу, сенат постановил идти флотом от Корфу, затем, через несколько дней, спешно отменил приказ. Потом они назначили адмирала, командующего местным флотом — provve-

ditor alle lagune. Им стал 76-летний Джакомо Нани. Несмотря на свой возраст, Нани был талантливым и изобретательным офицером. Сорок лет назад он предложил план защиты Венеции, и теперь он и его не менее способный лейтенант Томмазо Кондульмер снова охотно взялись за работу. Но их отчет о состоянии флота обескураживал — в боевой готовности, да и то не в полной, находились только 4 галеры и 7 галиотов. От плана решили отказаться. Средств не было, а когда в апреле Нани умер, заменить его оказалось некем. Вялая попытка усилить армию тоже провалилась. Тогда пригласили Вильгельма Нассауского принять командование армией, но против этого возмутилась Австрия, он был немедленно отозван. В это же время Наполеон провозгласил, что раз Венеция не препятствует Австрии вторгаться на свою территорию, он будет рассматривать это как враждебные действия, если так же свободно туда не допустят французов. По этому поводу синьория решила, что армию, равно как и флот, лучше не трогать. С тех пор вопрос о мобилизации и вооружении населения больше не поднимался.

Фактически, говорить было не о чем. Много времени прошло с тех пор, когда Венеция могла выступить со своими силами. Пять, даже два-три года назад смелые, решительные действия в оборонительном союзе с Австрией могли бы решить дело. Но не теперь. К началу лета 1796 года оставался только один шанс — покориться своей участи, впустить французов и надеяться, что эта буря минует быстро. Несмотря ни на что, когда такая возможность была предложена, Венеция отвергла ее.

Нам не известно, как долго Бонапарт всерьез рассматривал идею союза с Венецией. Возможно, эту мысль он обдумывал с самого начала, затем отложил до лучших времен, занятый другим, потом увидел, что эти времена настали. С другой стороны, неясно, какую выгоду мог он видеть в том, чтобы состоять в дружественных отношениях с государством, которое, как он знал, всецело полагалось на его милость и которое могло сильно ограничить ему свободу

действий, приобретенную после обычной победы. Но все-таки он решил придерживаться дружественных отношений и делал это старательно. Менее чем за два с половиной месяца Венеция получила три предложения о сепаратном союзе: 21 августа от самого Бонапарта в Бреше, 19 сентября через французского министра Лаллемана и, самое официальное, 31 октября от Жана-Франсуа Рюбеля, который в Директории, состоящей из пяти человек, отвечал за международные отношения. Он передал предложение официальному представителю Венеции в Париже Анжело Кверини. Возможность союза обсуждали в сенате до марта, но решение осталось прежним: нет.

Почему же Венеция отказалась? Возможно, причина в том, что сама концепция революционной Франции была противна тем, кому предлагалось разделить ее участь. В других слоях общества, как в самом городе, так и на континентальных территориях, радикальные взгляды могли распространяться быстро, но только не в богатых семействах, которые теперь составляли правительство Венеции. Франция была страной анархистов и цареубийц. Невозможно одновременно дружить с ними и заключать союз с такой, к примеру, силой, как Георг V Английский. Мы можем это сравнить с пактом с Советской Россией в 1920-х годах. Возможно, венецианцы не захотели закрывать глаза на такие политические реалии, возможно, они просто хорошо понимали, к чему ведут наполеоновские увертюры, и решили не уступать ни крохи своих принципов. Если так, их смелость делает им честь. Но есть и еще одно объяснение, более правдоподобное и, увы, менее красивое. Даже тогда, когда наполеоновское нашествие грозило затопить город, мысль о войне так ужасала, что любой другой выход — пусть даже исчезновение — казался более предпочтительным. Можно возразить: если бы Венеция приняла предложение Наполеона, она могла сохранить независимость — раз Бонапарту нужен был союз, он мог бы пойти на такую уступку. Но одно несомненно: отказ показал ему не только подспудную враждебность венецианцев к тому,

за что он сражался, но, что гораздо опаснее, нанес чувствительный удар его гордости. Это решение было самоубийственным. В тот момент, когда республика его приняла, она подписала себе смертный приговор.

Мантуя пала 2 февраля 1797 года, а с ней — последний оплот австрийских сил в Италии. Через 6 недель Бонапарт повел свою армию через перевал Бреннер на территорию империи. Оставив лишь ограниченный контингент, чтобы поддерживать порядок в уже занятых городах. Небольшие гарнизоны остались в Бергамо и Бреше, где на мягких условиях договорились с местными подестами и где среди населения наблюдалось сильное брожение. Значительные силы остались в Вероне. Это единственный город, которым Наполеон не захотел рисковать, поскольку он был самым крупным владением Венеции на суше и прикрывал подходы к перевалу Бреннер, обеспечивая войскам генерала дорогу назад, в Италию.

К несчастью, антифранцузские настроения в Вероне тоже оказались самыми сильными. Мощный гарнизон требовал расходов на его содержание, с торговцами расплачивались расписками и ваучерами, которые, как все понимали, никто никогда не оплатит. Более того, командир гарнизона, генерал Антуан Баллан, занимал пост военного губернатора. Жалобы горожан слушать он не хотел, а недавно назначенным проведитором Джузеппе Джованелли и вице-подестой Альвизе Контарини распоряжался, будто своими сержантами. При всем этом веронцы молча переносили бедствие, но неожиданность случилась в середине марта — в Бергамо и Бреше вспыхнул мятеж против Венеции.

Сейчас нам известно, что мятеж подняла небольшая группа французских офицеров, действовавших без ведома Бонапарта. Задать политический климат в этих двух городах, где радикальное и антиклерикальное влияние франкмасонов было очень сильным, не составляло большого труда. Гораздо труднее оказалось подчинить окружающую сельскую местность, где крестьяне, не испытывающие ин-

тереса к политической идеологии, оставались верны республике. Они спустились с гор с оглоблями, вилами и прочим подручным оружием. В одном из городов провинции Брешиа — Сало, стоящем на озере Гарда, они действительно одолели повстанцев и восстановили венецианское правление, взяв в плен около 300 человек, в том числе 200 поляков, воевавших в наполеоновской армии, и нескольких французов. С этого момента началась партизанская война между крестьянами горных долин и повстанцами низин.

Несмотря на то что в Сало взяли в плен французов, заметного участия в этом восстании интервенты не принимали, хотя им это приписывалось. Однако в третьем городе та же самая группа смутьянов попыталась поднять мятеж и не смогла. Этим городом была Крема, расположенная в двенадцати милях к югу от Бергамо. Здесь им пришлось прибегнуть к другому, более позорному методу, вроде того, который австрияки так успешно применили в Пескьере. 27 марта небольшой французский отряд попросился в город, объяснив подесте, что они просто идут мимо и назавтра уйдут своей дорогой. Неохотно им позволили войти, но на следующее утро они вместо того, чтобы выполнить свое обещание, открыли ворота еще двум отрядам, затем захватили подесту с помощниками и похитили их. Крему объявили свободной, и группа французов вместе с сопровождающими их мятежниками из Бергамо сплясала хоровод вокруг «дерева свободы», водруженного на главной площади, в то время как местное население с любопытством за ними наблюдало.

Когда весть об этом предательстве достигла Венеции, там началась своего рода паника. Вся terra firma к западу от Минчо была уже потеряна. Новую границу, проходящую по реке, следовало защитить любой ценой, и поскольку регулярной армии на это явно не хватало, единственной альтернативой оказались вооруженные добровольцы, набранные из местных крестьян. Генералу Баллану сообщили об этих действиях, отмечая, что они носят чисто оборонительный характер и направлены не против Франции, а против

повстанцев и каждый волонтер снабжен по этому поводу четкими инструкциями. Затем начался набор. Казалось, его масштаб ограничивался только количеством оружия, предназначенного для раздачи. Вероятно, число добровольцев было не меньше 10 000, а скорее всего — больше.

Никто не ожидал от этих оборванцев, впервые взявших в руки оружие, особой сознательности в вопросах исполнения приказов. Им следовало не затевать драк с повстанцами Бергамо и Бреше, которые не делали попыток перейти Минчо или даже приблизиться к ней. Но они не могли отказать себе в удовольствии посчитаться с французскими фуражирами, отряды которых постоянно бродили по деревням, отбирая урожай, угоняя скот и нередко уводя дочерей и жен. Затем банды агрессивных подростков с сине-желтыми кокардами на шляпах заполонили улицы Вероны и окрестных городов. Их крики: «Viva San Marco!» все чаще сменялись другим, более воинственным кличем: «A basso i francesi!» («Долой французов!»). Тут уж недалеко и до серьезной резни. Пару французских солдат, замешкавшихся на перекрестке, закололи на месте. За городом могли внезапно окружить целый взвод фуражиров и нещадно перерезать. Баллан грозил скорыми и жестокими репрессиями, но без толку. К началу апреля все споры между французами и итальянцами закончились.

По пути в Вену Бонапарта прекрасно информировали обо всех событиях. 9 августа он решил выставить ультиматум дожу и отправил к нему своего адъютанта генерала Жюно. Жюно прибыл вечером в Страстную пятницу 14 апреля и потребовал аудиенции у дожа на следующее утро. Ему ответили вежливо, но твердо. В это время аудиенция невозможна. Великая суббота — день, традиционно посвященный религиозным церемониям, и ни назавтра, ни на Пасху деловые встречи не назначаются. Однако дож и вся его коллегия будут рады принять генерала в понедельник утром.

Такого ответа генерал вынести не мог. Его не интересовали религиозные церемонии. У него есть приказ встре-

титься с дожем в течение 24 часов, и он намерен приказ выполнить. Если дож не примет его в означенное время, он уедет, а Венеция будет разбираться с последствиями, и эти последствия ей не понравятся.

Таким образом, коллегия все же приняла представителя Бонапарта в субботу утром, как он настаивал, и ее достоинство уже было задето. Проигнорировав посольское место, на которое ему указали (оно находилось по правую руку от кресла дожа), Жюно остался стоять. Затем, без предварительных речей, он вынул из кармана письмо Бонапарта и начал читать. Это историческое письмо — почти слышен голос генерала, диктующего его, так что лучше привести его здесь полностью:

Юденберг, 20 жерминаля V года

Все континентальные владения светлейшей республики стоят под ружьем. Повсеместно вооруженные вами крестьяне кричат: «Смерть французам!» Их жертвами уже пали несколько сот солдат итальянской армии. Напрасно вы стараетесь взвалить вину на добровольцев, которых сами призвали. Неужели вы думаете, что я не способен обеспечить уважительное отношение к лучшим людям мира только потому, что нахожусь в самом сердце Германии? Неужели итальянские легионы будут терпеть те убийства, которые вы учиняете? Кровь моих братьев по оружию будет отомщена, и мысль об этом удвоит храбрость и умножит силы не одного французского батальона.

На проявленное нами благородство венецианский сенат ответил черной неблагодарностью. Посылаю к вам с письмом своего главного адъютанта. Быть войне или миру? Если вы немедленно не примете мер, чтобы распустить своих добровольцев, если не арестуете и не покараете виновных в недавних убийствах, то война уже объявлена.

Турки не стоят у ваших ворот. Никакой враг вам не угрожает. Вам нечем оправдать выступления вашего наро-

да против моей армии. Решение следует принять в течение двадцати четырех часов.

Времена Карла VIII прошли. Если, вопреки ясно высказанным пожеланиям французского правительства, вы втянете меня в войну, не думаю, что французские солдаты уподобятся вашим добровольцам, грабя несчастных и невинных сельских жителей на terra firma. Я стану защищать этих людей, и придет день, когда они благословят те преступления, которые вынудили французскую армию избавить их от вашей тирании.

Бонапарт

Воцарилась тишина. Жюно положил письмо на стол перед собой, развернулся на каблуках и вышел из комнаты туда, где ждала его лодка, чтобы доставить обратно во французскую дипломатическую миссию.

Это собрание коллегии было не единственным чрезвычайным событием этой последней Великой субботы агонизирующей республики. В тот же вечер собрался сенат и 156 голосами против 42 проголосовал за то, чтобы отправить письмо с извинениями. Бонапарта уверили в том, что активность крестьян, в которой он винит Венецию, не что иное, как спонтанные проявления лояльности, а настоящим их объектом являются мятежники за Минчо. Отдельные несчастные случаи объясняются недоразумением и недосмотром местных властей, крестьян подстрекает к действию нужда. Всякий случай насилия в отношении французов будет расследоваться и разбираться в суде. Вдобавок, в качестве залога доброй воли, республика готова отпустить пленников, взятых в Сало. Письмо было вручено двум особым эмиссарам, Франческо Дона и Лунардо Джустиниани, и тут же отправлено.

Едва эмиссары успели уехать, как с материка пришли новости, еще более поразительные, чем приезд Жюно. Против французов восстала вся Верона. Всю Страстную неделю в городе таинственным образом появлялись плакаты и надписи, призывающие население к массовому восстанию.

Венецианцы и французы их срывали, но они тут же появлялись снова. Тут и священники, которые всегда были настроены против революции, на Страстной неделе усилили свою агитацию против пришельцев. Кроме того, из деревень на праздник в город приехали крестьяне. В начале Святой седьмицы, 17 апреля, праздновавшие хмуро шатались по улицам, в любой момент готовые затеять драку. В такой взрывоопасной обстановке отдельные случаи насилия вскоре привели ко всеобщей резне. Еще до вечера в плен было взято 400 французов, остальные нашли в городе три убежища: Кастель Веккьо, Кастель Сан-Пьетро и крепость Сан-Феличе. Там они укрепились и выдерживали осаду, пока 20 апреля не подошло французское подкрепление и не вызволило их. Но даже тогда понадобилось еще три дня, чтобы навести в городе порядок.

Вскоре последовала жестокая месть Бонапарта, которую прозвали «веронской Пасхой». Компенсацию оценили в 120 000 дукатов. У Вероны отобрали ее картины, скульптуры, другие произведения искусства практически подчистую. Из церквей изъяли серебро, Монте ди Пьета (благотворительное заведение) было нещадно разграблено. Для нужд армии потребовали 40 000 пар ботинок и разной одежды в таких же количествах бесплатно. Во всем городе не осталось ни одной лошади. Восемь предводителей восстания, в том числе монах-капуцин Луиджи Колларедо, были расстреляны.

Какую же роль во всем этом сыграла Венеция? Совсем незначительную, поскольку в самом начале событий два ее старших чиновника, Джованелли и Контарини, переоделись крестьянами и бежали из города. На следующий день их заставили вернуться, но почти тотчас же они снова пропали. В то же время веронский граф Франческо Эмили поспешил в Венецию и до самого последнего момента просил ее помочь восставшим. Конечно, на его просьбы не откликнулись. Венеция — сколько раз можно повторять? — соблюдает нейтралитет и намерена соблюдать его и впредь.

Находящегося в Австрии Наполеона Бонапарта уже давно раздражала ситуация в Венето — задолго до того, как пришли пасхальные новости. Он не собирался терпеть антифранцузские настроения и прекрасно знал, что чем дольше затянется война, тем больше будет нарастать враждебность к нему. К тому же поступали сообщения о восстаниях в Тироле. Несомненно, пришло время вернуть ситуацию под контроль, возобновить линии коммуникации и, если потребуется, отступить, но действовать нужно было решительно.

Кроме этих тревожных новостей, были еще ежедневные сводки с другой арены событий. Его армия была лишь одним острием французской атаки на Австрию. Существовала еще Рейнская армия под командованием блестящего молодого офицера, главного соперника Бонапарта — Лазара Гоша. Она шла через Германию на восток с огромной скоростью и могла дойти до Вены раньше Бонапарта. Такого генерал допустить не мог. Только он и никто иной должен был стать победителем империи Габсбургов, от этого зависела вся его будущая карьера. Он не мог позволить Гошу украсть у него победу.

Из-за всех этих событий Наполеон опасался, что Франция может заключить мир с Австрией напрямую, без него. Еще 31 марта он написал имперскому главнокомандующему, эрцгерцогу Карлу одно из самых лицемерных в своей жизни писем, предлагая закончить войну из гуманных соображений. Карл охотно отозвался, и через неделю наступило перемирие для проведения переговоров.

Мир был подписан 18 апреля 1797 года в замке Экенвальд, у самого Леобена, Наполеоном, действовавшим от лица Директории (хотя фактически он с ней даже не посоветовался), и Австрийской империей. Детали договора хранились в тайне, пока не были подтверждены полгода спустя в Кампо-Формио. По его условиям Австрия лишалась всех прав на Бельгию и Ломбардию, а взамен получала Истрию, Далмацию и всю венецианскую terra firma, в границах Ольио, По и Адриатического моря. Венеции эти земли

компенсировались бывшими папскими владениями в Романье, Феррарой и Болоньей.

Нужно ли говорить, что Бонапарт не имел никакого права распоряжаться территорией нейтрального государства? Он, конечно, мог бы возразить, что в его глазах Венеция больше нейтральной не выглядела. Он никак не хотел верить в благие намерения венецианского правительства, когда всякое действие выдавало проавстрийские настроения. Вновь и вновь он предлагал Венеции свою дружбу и призывал вступить с ним в союз, но республика каждый раз отказывалась. А кто был не с ним, тот был против него, и жаловаться тут не на что. С другой стороны, приходилось считаться с тем, что законы международной дипломатии осуждали вторжение в нейтральные государства. Однако, какой бы нейтральной Венеция не была, он добился возможности распорядиться этими землями, а если во время войны она показала недовольство или даже агрессивность, то тем лучше.

Здесь можно было бы ожидать, что Венеция, опасаясь последствий франко-австрийского мира и гнева Наполеона за «вероискую Пасху», тихо отойдет в сторонку, чтобы лишний раз не задеть генерала. Вовсе нет. Через два дня после подписания Леобенского соглашения Венеция совершила величайшую глупость, какую только можно представить, даже в контексте всей этой печальной череды недоразумений. После этого она угодила прямо в лапы к Наполеону.

Утром 20 апреля, в четверг, три французских люггера появились у порта Лидо. Первый из них носил провокационное название «Libérateur d'Italie» («Освободитель Италии»), им командовал гражданин лейтенант Жан-Батист Ложье. Судно несло 4 пушки и 52 человека, среди которых находились 12 итальянских добровольцев, недавно набранных в Анконе. Они проводили патрулирование, их главной задачей было защищать французские корабли в Адриатическом море и тревожить австрийские. Ложье и его капитаны, очевидно, еще не знали об исходе переговоров в Леобене. Так-

же они, вероятно, не знали о постановлении Совета десяти от 17 апреля, запрещающем вход в гавань иностранным военным судам. Вряд ли их намерения были агрессивными.

Но командир крепости Сан-Андреа Доменико Пиццамано рисковать не стал. Когда «Освободитель» вошел в канал, он дал через его борт два предупредительных выстрела. В этот момент два других судна развернулись и больше не показывались. Однако Ложье продолжал движение, пока два боевых пинаса не преградили ему путь. Что произошло после этого, неясно, но между венецианцами и французами разгорелся конфликт. В это время «Освободитель», лежавший в дрейфе, но влекомый силой прилива, столкнулся с венецианским галеотом. Тут же команда галеота пошла на абордаж, к ней присоединились команды обоих пинасов, а Пиццамано в это время открыл огонь с берега, несмотря на то, что Ложье постоянно подавал сигнал о капитуляции. Этим огнем были убиты Ложье и четверо из его команды и ранены восемь французов и пятеро венецианцев, один из которых — рыбак из Кьоджи, взятый на «Освободитель» лоцманом — вскоре скончался. Выживших французов заковали в цепи, а их корабль, вернее, то, что от него осталось, оттащили к Арсеналу.

Французский министр Лаллеман тут же заявил решительный протест. Он отметил, что «Освободитель» преследовали два австрийских судна и он укрылся от них в порту нейтрального государства, что позволительно для каждого. Когда венецианский офицер взошел на его борт и потребовал немедленно уйти, ему ничего не оставалось, как подчиниться, но не успел он этого сделать, как с крепости и с окружающих судов по нему открыли огонь. Застигнутый перекрестным огнем, капитан приказал своим людям покинуть палубу, сам же остался стоять под огнем. В мегафон он кричал о готовности подчиниться. Его убили почти сразу. Остальные жертвы последовали, когда появилась венецианская абордажная команда, зарубившая всех, кто оказывал малейшее сопротивление. В итоге Лаллеман требовал арестовать Пиццамано, чей отчет об этих событиях он

объявил потоком лжи, а прочих виновных наказать по усмотрению Бонапарта, изъять у них недвижимое имущество, а пленных немедленно вернуть в Анкону.

Венецианцам следовало дать понять, что они не правы. Не думали же они всерьез, что маленький французский люггер станет атаковать город, а если и станет, то сможет причинить сколько-нибудь серьезный урон? Может, Ложье вел себя не лучшим образом, но Пиццамано, расстрелявшему его с берега, оправдания не было. Чтобы минимизировать последствия этого безобразного происшествия, венецианцам следовало принести извинения, заплатить соответствующую компенсацию (пока это не обошлось им дороже) и провести расследование. Французы вернулись бы во Францию, и дело было бы забыто. Вместо этого 22 апреля сенат принял резолюцию, согласно которой Пиццамано объявлялась благодарность за смелость и патриотизм, а командам пинасов и всем участвовавшим повышалось жалованье. Если Венеция хотела убедить Наполеона в своей враждебности, трудно было проделать это лучше.

Среди лиц, имевших несчастье сыграть в последнем акте венецианской драмы, мало кто заслуживал сочувствия больше, чем Франческо Дона и Лунардо Джустиниани, два депутата, посланных к Бонапарту с ответом на его письмо. Им были даны инструкции успокоить генерала как только возможно. Даже физически их миссия была непроста. Наполеон славился быстротой передвижения, а двум пожилым людям дни и ночи, проведенные в бесконечной тряске по самым худшим в Европе горным дорогам, только иногда прерываемой несколькими часами отдыха в самых вшивых и вонючих трактирах, казались кошмаром. Не радовала их и перспектива смотреть на то, как будет бушевать генерал, когда они его наконец настигнут. И это еще не все. В каждом городе, в каждом селе, где они останавливались или просто расспрашивали людей, до них доходили одни и те же слухи: Франция заключила мир с Австрией, а в жертву принесена Венеция.

Преследование продлилось больше недели. Только 25 апреля у города Грац два измученных депутата добрались до французского лагеря. Бонапарт принял их сразу же, он был достаточно вежлив, молча выслушал заверения в дружбе и доброй воле. Внезапно выражение его лица изменилось.

— Пленных освободили?

Джустиниани начал объяснять, что все французы и поляки и даже несколько брешанцев уже на свободе, но его грубо прервали.

— Нет, нет. Я настаиваю на освобождении всех пленников, всех, кого посадили в тюрьму за политические убеждения с тех пор, как я вошел в Италию... Если нет, я сам приду и открою ваши тюрьмы, потому что я больше не намерен терпеть вашу инквизицию, ваше средневековое варварство. Всякий человек свободен высказывать свое мнение... А как быть с теми моими людьми, которых убили венецианцы? Мои солдаты жаждут отмщения, и я не могу им этого запретить... С убийцами нужно разделаться: если правительство не способно обуздать своих подданных, то это — бесполезное правительство, оно не имеет права на существование.

Во время этой вспышки депутаты делали все возможное, чтобы смирить гнев Бонапарта. Они убеждали его, что виновных в насилии над французами уже судят. Если ему известны случаи, по которым не приняты меры, пусть он сообщит о них, и они незамедлительно будут расследованы. Но он уже не слушал. Корсиканец расхаживал по комнате взад-вперед, с каждым шагом увеличивались громкость и тяжесть обвинений, которые он обрушивал на Венецию, ее правительство и народ за их неблагодарность, лицемерие, некомпетентность, несправедливость, а самое главное — за враждебность к нему и Франции. Закончил он словами, которые вскоре эхом отдались в сердце каждого венецианца: «У меня больше не будет ни инквизиции, ни сената. Io sarò un Attila per lo Stato veneto. Я стану Аттилой для венецианского государства».

Теперь обоим депутатам, подробные отчеты которых сохранились в венецианских государственных архивах, ос-

тавалось только уехать. Но Бонапарт еще не все сказал им. Его гнев утих. Теперь он предложил им остаться на обед и во время трапезы, которую послы в своих отчетах охарактеризовали как incommodissima (неудобнейшая), подверг их допросу, порой издевательскому, порой откровенно враждебному. Он расспрашивал о Совете десяти, о государственных обвинителях, о тюрьмах и пытках, о канале Орфано (где в Средние века республика тайно избавлялась от неугодных) и, как они написали, «о прочих предметах, с помощью которых французы собирались обесславить или дискредитировать наше правительство, против чего мы протестовали, заявив, что праведным бояться нечего и народ их любит». По окончании обеда последовала еще одна тирада, и только потом несчастной паре позволили удалиться.

На следующее утро они отбыли в Венецию, но на пути их встретил курьер с новой депешей от синьории, такой неприятной, какой они не могли себе даже представить. Начиналась она описанием деталей случая с «Освободителем», о котором они узнали впервые, а заканчивалась требованием провести с Бонапартом новую встречу и рассказать ему венецианскую версию этих событий. Депутаты еще находились под впечатлением от вчерашней встречи, поэтому им можно простить несколько вольную интерпретацию правительственных указаний. Они решили передать эти новости письменно. Через два часа им пришел ответ:

Господа!

Я с негодованием прочел ваше письмо, касающееся убийства Ложье, и нахожу его — за исключением тех мест, где вы проводите параллели из истории современных государств — возмутительным потоком лжи, с помощью которой ваше правительство пытается оправдаться.

Я не могу поверить вам, господа, поскольку ваш сенат пропах французской кровью. Когда в моих руках окажутся адмирал, приказавший открыть огонь, командир крепости и обвинители, руководящие городской по-

лицией, я выслушаю их оправдания. А вас я попрошу самым кратчайшим путем убраться из континентальной Италии.

Однако, господа, если в депеше, которую вы получили, есть еще что-нибудь, что касается случая с Ложье, вы можете предстать передо мной.

Бонапарт

С содроганием, они предстали. Последовал новый поток обвинений. Генерал кричал, что он уже принес свободу многим народам, а теперь он идет, чтобы разбить оковы народа Венеции. Он знает, что правительство находится в руках кучки нобилей, а Совет восьмисот (!) так и не собрался за последние три недели. (И Дона, и Джустиниани жаловались, что он ничего не знает и знать не хочет о делах Венеции.) Если республика желает избежать гибели, продолжал он, этих нескольких, которые злоупотребляют своей властью и насаждают враждебное отношение к Франции, следует объявить вне закона. Депутаты в отчаянии неосторожно заметили, что республика может «предоставить возмещение как-нибудь иначе», но это вызвало только новую волну нападок. Все богатства Перу, гремел он, не удержат его от мести за своих людей.

Оба венецианца понимали, что тут уже ничего не скажешь. Собрав остатки достоинства, в страхе и печали, они удалились.

Когда до Венеции дошел отчет о первой встрече Дона и Джустиниани с Наполеоном, дож Манин и синьория уже знали, что республика обречена. Война была неизбежна, дальнейшие переговоры невозможны, terra firma уже потеряна, и единственная надежда избежать уничтожения состояла в том, чтобы покориться завоевателю. Его требования были просто ужасны — не больше, не меньше, чем отречение всей олигархии, отмена конституции, действовавшей более тысячи лет, и введение демократии. Фактически, требовалась революция, но революция, привнесен-

ная сверху, теми, кто оказывался ее основной жертвой, то есть самоубийство государства.

Но как должно было совершиться это самоубийство? Его нельзя оформить конституционно, через сенат, где подобное предложение встретит жестокое сопротивление. Обсуждение займет многие дни, а французы появятся в лагуне гораздо быстрее. Обсуждения все равно не избежать, а нужно ли считаться с конституцией в вопросе ее отмены? Сенат собрался 29 апреля, чтобы принять ряд формальных решений, не имеющих особенной важности. Когда решения приняли, сенат обычным порядком закрыл заседание, чтобы больше уже не собраться никогда.

На следующий день, ближе к вечеру, дож собрал особое совещание. Кроме него и шести его советников присутствовали трое глав карантин, все старейшины, в том числе, трое прикрепленных к совету, трое глав Совета десяти и трое общественных обвинителей. Хотя принятие решений таким составом было совершенно неконституционно, его 42 участника представляли все структуры исполнительной власти правительства, то есть авторитет его был весьма значителен. Никто не надел должностных мантий. Все участники совета оделись в черное, и Черный совет (Consulta Nera), как его прозвали, стал единственным органом власти в последние дни Республики.

Однако Большой совет еще существовал, его 1169 членов еще представляли собой политическую силу в республике. Его нельзя было игнорировать так же просто, как сенат, поэтому первым решением Черного совета было собрать Большой совет следующим утром на чрезвычайное заседание, на котором дож должен официально изложить ультиматум Бонапарта и выслушать предложения. Черный совет еще спорил, уточняя формулировки, когда внезапно пришла депеша от Томмазо Кондульмера. Он писал со своего флагмана, стоявшего возле Фузины, что первые французские солдаты уже прибыли на берега лагуны и теперь размещают перед самым городом тяжелые пушки. Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Среди об-

щего оцепенения одни впали в панику, другие рыдали. Франческо Песаро — один из самых храбрых и суровых приверженцев жесткой линии в отношении Франции — открыто объявил о своем намерении бежать в Швейцарию. Сам дож подавал не лучший пример, расхаживая взад-вперед по комнате, воздевая руки и повторяя слова, которые потом не мог себе простить до конца своих дней: «Sta notte no semo sicuri neanche nel nostro letto»*.

Но эта ночь прошла без происшествий, а на следующее утро, 1 мая, когда собрался Большой совет, Дворец дожей хорошо охранялся арсеналотти и далматскими войсками. Дож Манин, «смертельно бледный, со слезами, бегущими по щекам»**, занял место на кафедре, так встревожив аудиторию своим эмоциональным и физическим состоянием, что боялись, сможет ли он закончить свою речь. Затем, грустно и просто, он описал положение, в котором оказалась Венеция, и предложил через двух депутатов, Дона и Джустиниани, передать Бонапарту, что все политические узники будут отпущены и все, кто поднял руку на французов, будут наказаны. Затем уполномочил депутатов обсудить изменения конституции, которых требовал генерал.

Дож не мог знать, что к тому времени, как они приняли это решение 598 голосами против семи, при 14 воздержавшихся, оба депутата уже возвращались назад, в Венецию. А также и того, что в тот же день Бонапарт издал манифест о 15 пунктах против враждебной Венеции — большинство из них искажало действительность — и официально объявил Венеции войну. В то же время он послал своему представителю в городе Лаллеману инструкции, в которых предписывал немедленно покинуть город, оставив хитрого, вечно интригующего секретаря Вийстара в качестве

---

* «Этой ночью мы не спрячемся даже в собственной кровати».

** «Squallido in viso, e grondante di lagrime». Именно так написал аббат Тентори, который мог быть, а мог и не быть очевидцем, но только он оставил достоверный рассказ о деятельности Черного совета и о других событиях этого периода хаоса.

поверенного в делах. Командующим французскими войсками в Италии были направлены другие приказы — рассматривать всех венецианцев как врагов и уничтожать или сбрасывать изображение льва святого Марка, где бы оно не встретилось.

Дальше катастрофические события разворачивались быстро. 9 мая Вийетар выдвинул ультиматум, провозгласив более детально, чем раньше, требования Бонапарта. Требования были следующими.

Граф д'Антрэг, считавший себя послом Людовика XVIII, но никогда таковым не воспринимавшийся в Венеции, должен быть арестован и освобожден только после того, как все его бумаги будут переданы парижской Директории.

Тюремные камеры pozzi и piombi, расположенные, соответственно, на нижнем этаже (над уровнем воды) тюрем и на верхнем этаже, под свинцовой крышей Дворца дожей должны быть открыты для народной инспекции после того, как из них выпустят последних троих политических заключенных.

Дела всех остальных заключенных надлежит пересмотреть, смертную казнь отменить.

Далматские войска разоружить и распустить.

Патрулирование города доверить командам, находящимся в подчинении специально созданного комитета, возглавляемого генералом Салимбени, бывшим главнокомандующим венецианскими силами на terra firma, и другими людьми, известными своими демократическими взглядами.

На пьяцце Сан-Марко следует установить «дерево свободы».

Необходимо учредить временный муниципалитет из 24 венецианцев, которых впоследствии заменят делегаты из городов terra firma, Истрии, Далмации и Леванта.

Нужно издать манифест, провозглашающий демократию и призывающий граждан избирать своих представителей.

Должностные атрибуты бывшего правительства должны быть сожжены под «деревом свободы», объявлена общая амнистия для всех осужденных за политические убежде-

ния, провозглашена свобода печати с условием, что прошлое как отдельных личностей, так и правительства обсуждаться не должно.

В соборе Сан Марко надлежит провести благодарственные службы.

В Венеции следует разместить три тысячи французских солдат, которые возьмут под контроль Арсенал, крепость Сан-Андреа, Кьоджу и все стратегические объекты, какие генерал сочтет нужным.

Дворец дожей, монетный двор и другие важные здания следует передать под охрану гражданской гвардии.

Венецианский флот размещается в лагуне под совместным командованием французов и муниципалитета, сопредседателями которого становятся Манин и демократический лидер Андреа Спада.

Всех венецианских послов, находящихся за границей, следует заменить «демократами».

Кредит доверия монетного двора и национального банка гарантируется государством.

Чтобы выполнить эти требования — для возражений не нашлось ни голоса, ни аргумента, — в пятницу 12 мая собрался Большой совет. С самого восхода солнца народ стекался на Сан-Марко и Пьяццетту, как уже бывало бессчетное множество раз за долгую историю города. Однако в прошлом они обычно собирались на праздник или, что случалось реже, чтобы заявить о своем мнении или недовольстве. Никогда прежде горожан не собирал воедино страх. Теперь же все считали, что настал конец, но никто не мог точно сказать, каким образом он наступит. Царила необычная для Венеции атмосфера — неопределенности, замешательства и тяжелого предчувствия. Среди рабочего люда, напротив, находилось немало тех, кто считал, что обречена республика или нет, но бороться за выживание она должна до последнего. Их разбирал гнев пополам со стыдом, и скрывать своих чувств они не собирались. Группы этих лоялистов толпились на улицах с криками: «Viva San Marco!» и призывали патрициев смело встретить свою

судьбу. Отчасти из-за этого, отчасти потому что многие нобили уже бежали из города или спешили к своим имениям, надеясь уберечь их от французской солдатни, совет недобрал 63 человек до конституционного кворума в 600 участников.

Но времени на такие мелочи уже не оставалось. Дож призвал собрание к порядку, огласил условия Бонапарта и предложил «ради высокой цели сохранения веры, жизни и имущества всех этих возлюбленных жителей», чтобы олигархия отказалась от власти в пользу временного демократического правительства. Когда он закончил, один из участников взошел на кафедру, чтобы открыть дебаты. Хотя итог их был ясен, совет хотел выразить свое мнение. Едва он начал говорить, как снаружи послышались выстрелы.

В один момент все смешалось. Перепугавшие членов совета звуки могли означать только одно — народное восстание, которого так долго опасались, началось. Одни уже видели, как их рвут на части на выходе из дворца, другие представляли себе дни и недели в камерах, только что покинутых политическими заключенными, а затем гильотину на Пьяцце. И все думали только об одном: как бы поскорее покинуть дворец, пока не поздно, пусть даже переодетыми. В считанные минуты выяснился истинный источник стрельбы. Это были далматские войска, покидавшие Венецию по приказу Бонапарта, которые просто разряжали в воздух свои мушкеты, прощаясь с городом. Но паника уже началась, и призывы к спокойствию не помогали. Под крики «Голосование! Голосование!» дебаты прекратились, и оставшиеся законодатели Венецианской республики ринулись к ящикам для голосования, чтобы впопыхах исполнить последний гражданский долг перед государством, в управлении которым их обвиняли. Последний подсчет показал 512 голосов за резолюцию, 20 против и 5 воздержавшихся, но немногие из голосовавших остались, чтобы услышать результат. Оставляя на местах свои слишком заметные должностные мантии, они уже бежали к боковым

выходам из дворца, в то время как в опустевшем зале дож объявлял, что резолюция принята. Венецианской республики больше не существовало.

Сам Лодовико Манин не пытался бежать. Он почти единственный из нобилей сохранял спокойствие посреди общей суматохи, хотя это спокойствие было вызвано покорностью судьбе, а может быть, даже отчаянием. Все же оно позволило ему сохранить достоинство, хотя только что перед ним рухнули остатки здания республики. В тишине, внезапно сменившей шум паники, он собрал свои бумаги и удалился в частные апартаменты. Там, сняв корно, он бережно развязал ленточки белой льняной шапочки, куфьетты, которая носилась под головным убором дожа. Затем он протянул шапочку своему слуге, Бернардо Тревизано с грустными словами, которые, как нельзя более точно обозначили падение Венеции: «Tolè, questa no la dopero pi» [«Возьми, мне это больше не понадобится»].

Эпилог

Наступило воскресенье 4 июня, Троица. В прежние годы венецианцы праздновали этот день со всей торжественностью и пышностью, как один из важнейших церковных праздников. Но в этом, 1797 году все было иначе. Потрясенные и подавленные видом своего города, впервые за тысячелетнюю историю занятого иностранными войсками, жители не находили повода радоваться. Тем не менее генерал Луи Барагэ д'Ийе, командовавший французами, решил, что какой-то праздник необходим, лишь бы он не подрывал общественную мораль. Способ проведения праздника он обсудил с временным муниципалитетом, который под его бдительным оком осуществлял высшую политическую власть в новой республике. Так родился план национального праздика Festa Nazionale, представлявший грандиозное чествование жителями новой «демократии», перекликавшийся с революционными идеями, которые и лежали в его основе.

Тех, кто в этот день пытался пройти к Пьяцце, движимый скорее любопытством, нежели энтузиазмом, приглашали к воздвигнутому в ее центре «дереву свободы» — большому шесту, который венчал символический алый фригийский колпак, напоминавший корно дожа. Под ним находились три большие трибуны, обращенные к северу, югу и западу. На западной стороне располагались 60 членов муниципалитета, державших плакат «Обязанность закона — защищать свободу». Французам и менее заслуженным чиновни-

кам достались еще два плаката с надписями «Восходящая свобода защищена силой оружия» и «Свобода ведет ко всеобщему миру». Пьяццетту похожим образом оформили хвалебным плакатом Бонапарту, растянутым между двумя колоннами у Моло. Одна из колонн была задрапирована черным в память о храбрых французах, павших жертвой венецианской аристократии. Первым стояло имя Жана-Батиста Ложье.

Затем Барагэ д'Ийе и муниципалитет заняли свои места, и начали играть оркестры. Их было четыре, расставленных по всей площади. Всего собралось около 300 музыкантов. Началось шествие. Первой шла группа итальянских солдат, за ней шли двое маленьких детей с горящими факелами и плакатом «Расти, надежда отечества». Позади них шествовала пара обрученных («Плодовитость демократии») и наконец пожилая пара, несущая сельскохозяйственные орудия и плакат с надписью, что «в их преклонные года к ним пришла свобода».

Шествие закончилось, председатель муниципалитета подошел к «дереву свободы», где после короткой церемонии в соборе он приступил к самому волнующему действу этого дня — символическому сожжению корно и других атрибутов достоинства дожа (их передал лично Лодовико Манин), а также копии «Золотой книги». Затем он, члены муниципалитета, генерал и его помощники принялись плясать вокруг «дерева свободы», загрохотали пушки, зазвонили колокола церквей, оркестры заиграли карманьолу. Праздник закончился торжественным представлением оперы в театре Фениче, построенном пять лет назад.

Вот до чего опустилась Венеция за какой-нибудь месяц после гибели республики — до уровня аллегорической безвкусицы и пустых патетических лозунгов, так любимых сегодняшними тоталитарными правительствами. Моральное падение было таким глубоким, что жители, еще недавно кричавшие: «Viva San Marco!» под окнами Большого совета, теперь аплодировали сожжению их былой славы. Вскоре после этого некто Джакомо Галлини, глава гильдии камен-

щиков, подписал договор, по которому он обязался убрать из города все изображения крылатого льва, как это уже с ужасающим старанием сделали французы на terra firma. Мы можем только радоваться, что он оказался не таким сознательным — деньги он получил (982 дуката!), но пострадали лишь немногие львы*. Но сам факт такого договора показывает, насколько в это кошмарное лето венецианцы заразились французскими идеями.

Существует (во всяком случае должен существовать) политический закон, согласно которому степень свободы и демократии, являемая государством в действительности, обратно пропорциональна силе и громкости, с которой об этом заявляется. Так называемое демократическое правительство, на восемь месяцев захватившее власть в Венеции, ничего демократического собой не представляло. Шестьдесят членов муниципалитета даже не пытались получить что-нибудь вроде народных мандатов. Они назначались французским поверенным Вийетаром, народ Венеции никто не спрашивал ни перед назначением, ни после. За свою короткую жизнь правительство так и не увидело выборов. После 17 октября, когда Бонапарт в Кампо Формио вероломно отдал город вместе с Истрией и Далмацией Австрии, о выборах уже не было и речи.

Австрия официально вступила во владение Венецией 18 января 1798 года. Впрочем, владеть ей пришлось недолго. В 1805 году, после битвы при Аустерлице, Наполеон отнял ее обратно и включил в свое новое Итальянское королевство. Однако всего через 10 лет Венский конгресс вернул ее вместе с окрестностями и Ломбардией под власть Габсбургов. Она оставалась австрийской (не считая 17 героических, отчаянных месяцев в 1848–1849 годах, когда венецианцы подняли вооруженное восстание против угнетателей

---

* Самой серьезной стала утрата скульптурной группы, представлявшей дожа Франческо Фоскарини, преклоняющего колено перед львом, над центральной частью ворот Порта делла Карта.

и провозгласили новую, независимую республику) до 1866 года, когда имперскую армию разбила прусская при деревне Садовой. Тогда и только тогда было позволено Венеции занять место в объединенной Кавуром Италии.

Однако цель этой книги — рассказать о светлейшей республике, а история о ней завершена. Конечно, было бы куда приятнее, если бы конец ее не оказался таким позорным. Повторю, как эхо, жалобу, прозвучавшую в начале третьей части. История редко ведет себя так, как хотелось бы историку, даже если, читая хроники погибающей республики, он хорошо представляет, как изменить события, чтобы они обернулись более благоприятно. К примеру, если бы сильный лидер, подобный Энрико Дандоло, Франческо Фоскари или Леонардо Дона, смог собрать силы венецианцев, они устояли бы против Бонапарта. Если бы летом 1796 года Венеция могла выставить хорошо оснащенную армию, приблизительно в 25 000 человек, под командованием опытного генерала, то вместе с Австрией — а им помогли бы еще короли Неаполя и Сардинии — ситуацию почти наверняка можно было бы спасти и выставить французов из Италии.

Увы, ничего этого не случилось, но, несмотря на это, рассказ мог и не быть таким мрачным. Венецианцы могли понять, что республика гибнет, могли вспыхнуть те искры отваги и стойкости, которые разгорались, когда колонии защищали от турок, или позже, когда внуки этих героев, столетие спустя, восстали против Австрии. Вспомним героическую защиту стен Константинополя — яркую вспышку древнего венецианского духа, который светлейшая гордо несла через века. Но не случилось и этого. Истинная трагедия Венеции заключалась не в гибели ее, но в том, как она погибла.

Про Лодовико Манина можно сказать только, что этот унылый, беспомощный человек довел республику до гибели. Но своей малодушной капитуляцией он хотя бы уберег свой город от разрушения. Если бы французская артиллерия открыла огонь со своих позиций, если бы французские корабли вошли в лагуну и начали обстрел с моря, трудно

представить себе, чем бы это закончилось. И так многое погибло. Используя фальшивый предлог*, Бонапарт приказал собрать картины, скульптуры, манускрипты, церковную утварь и все ценные произведения искусства, которые обнаружат специально назначенные комиссионеры, даже бронзовых коней с собора Святого Марка увезли в Париж, чтобы украсить ими арку Карузель перед дворцом Тюильри. Как мы знаем, этих коней позже вернули на галерею собора Сан Марко**. Но большая часть трофеев попала в Лувр, да там и осталась: огромная картина Веронезе «Свадьба в Кане Галилейской» из трапезной Сан Джорджо Маджоре и его центральная панель с потолка зала Совета десяти, из Дворца дожей. Мы можем только поблагодарить Наполеона за то, что он, как это ни странно, сам в Венеции не появился. Сделай он это, его приспешники подошли бы к процессу с той же тщательностью, какую они проявили в других городах. Венецию омрачила только тень того опустошения, которое ей грозило.

Независимо от нашего мнения о том, могла ли Венеция спастись с помощью смелого, решительного и умного лидера, мы можем подивиться, что она продержалась так долго. Ее не сломил ни один из трех величайших ударов, которые она на своем веку испытала: открытие пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды в 1499 году, постоянный в течение двух столетий напор турецкой мощи, сломившей в 1453 году Константинополь, и война против почти всех сил Европы, объединенных Камбрейской лигой. Причиной падения Венеции мог стать каждый из них. Пережить все три казалось просто чудом.

---

*Условия жалкого Миланского договора, подписанного 16 мая венецианскими депутатами от имени республики, прекратившей существовать за четыре дня до этого, и не ратифицированного парижской Директорией.

**Во время написания этой книги их собирались переместить под крышу, поскольку они сильно пострадали от загрязненного воздуха, который наносит венецианской скульптуре больший урон, чем некогда Наполеон.

Однако с начала XVI века упадок начал набирать силу. Поначалу его декорировали громкие победы и достижения, но со временем дым рассеялся, краски выцвели, и оказалось, что победы призрачны, а великая веха переломного момента оказалась порогом перед обрывом в пропасть. Прославленная победа над турками при Лепанто в 1571 году не дала вообще ничего, пелопоннесских завоеваний Франческо Морозини в 1685 году хватило едва на тридцать лет, торжественные празднества в честь побед Анджело Эмо над итальянскими пиратами 70–80-х годов XVIII века доказали только, как нуждались венецианцы в победе и как низко склонились их знамена.

Стал очевиден еще один факт. Хотя культурная жизнь города переживала расцвет, хотя экономика показывала подъемы и спады, политическая сущность республики находилась при смерти. Конституция, которая хранила республику, оберегала ее власть так долго, как ни в одном государстве мира, под конец потеряла свою гибкость. Например, степень влияния Андреа Трона, который на протяжении целого поколения был почти диктатором Венеции, заслужив это положение только личными качествами, была бы немыслима в прежние времена, когда венецианцы соблюдали главный принцип — слишком много власти не должно оказываться в одних руках. Даже после смерти Трона Паоло Реньер и его друзья пытались править с помощью полуофициальных маленьких групп и обществ, участники которых время от времени продвигали нужные решения в коллегии и других инстанциях. Но срок их службы заканчивался, и они теряли влияние. Как бы эту систему ни ругали, она работала не только при слабом правительстве. В твердых руках она помогала быстрее принимать решения и более четко действовать в критический момент. Но в руках посредственности она не могла не истощить жизненные силы государства, лишив его способности сопротивляться идеологической и военной угрозе, которую несла философия революции в лице Наполеона Бонапарта. Таким образом, как бы ни был могуч Бонапарт, нельзя свалить всю вину за

падение Венеции на него одного. Он лишь нанес удар милосердия обреченной светлейшей республике. Истощенная, деморализованная, неспособная сосуществовать с изменившимся миром, она, как ни печально, просто потеряла волю к жизни.

Ее смерть никто не оплакивал, кроме собственных жителей, да и то не всех. При содействии всей Европы и даже всей остальной Италии, она пала без единого союзника. Дилетанты восхищались ее красотой, либертины слетались к ее наслаждениям, но вряд ли кто-то из иностранцев любил ее саму по себе. В этом нет ничего удивительного и ничего нового. Она не слишком была любима миром. В дни величия ее непопулярность порождалась завистью — к ее богатству, мощи, удобному географическому расположению, защищавшему ее от нападений. Но это еще не все. Соотечественники итальянцы считали жителей Венеции спесивыми и властными. Ее купцы, хоть и не были мошенниками, получали неприлично высокие прибыли. Ее дипломаты были вежливы, но как-то всегда немного зловещи. Ее народу всегда не хватало душевности и страсти. По ним никогда не понять, нравится им что-то или нет. Короче говоря, холодны, как рыбы.

Вот такая у венецианцев была репутация, и не во всем она была несправедливой. А вот за что их обвиняли несправедливо — и до сих пор это делают, — так это за способ управления, который они себе выбрали. Больше полутысячи лет Венеция считалась полицейским государством, тиранической олигархией, где могли арестовать без обвинения, бросить в тюрьму без суда и осудить без вины. Государством, жители которого, за исключением избранных, не допускаются к управлению, несвободны в речах и в делах. Всем читателям этой книги давно должно быть ясно, что такие мысли сильно расходились с реальностью. Если Венеция и была олигархией, то ее основой был Большой совет, насчитывавший часто больше двух тысяч членов. В его кругу к демократическим принципам относились почти со священным трепетом, за исключением последних десятилетий. Ни в

одной другой европейской стране о таком не могли ни думать, ни мечтать. Дожам далеко было до тиранов — любой европейский правитель пользовался большей властью, чем они, их власть существовала только с одобрения выборных советов и комитетов, чей состав постоянно менялся. Любые амбиции в таких условиях будут тщетны.

Именно эта система коллективной ответственности в большей степени, чем какие-нибудь злоупотребления, создали Венеции славу полицейского государства. Комитеты, особенно те, чей состав менялся за месяц или два, вызывали ощущение безличной машины, окутанной спертым воздухом секретности и таинственности. Все знали, что члены Совета десяти и трое государственных обвинителей используют шпионов и доносчиков, как и любая служба безопасности во все времена, с сотворения мира, но их осуждали не столько за средства (если речь не шла о насилии и угрозе его применения), сколько за цели. Обычно в Венеции аресты производились только после тщательного расследования, а приговоры редко бывали суровы, кроме случаев, связанных с заговором против государства. К тому же их было на удивление мало. Не один Наполеон Бонапарт представлял себе Венецию в виде мрачного подземелья, наполненного политическими заключенными, единственная вина которых — любовь к свободе. Он, должно быть, очень удивился, узнав после падения республики, что на всей венецианской территории не оказалось ни одного узника, который сидел бы в тюрьме за политические убеждения*.

Итак, чем больше мы узнаем об истории Венеции, тем определеннее напрашивается вывод: по каким бы политическим стандартам ее ни судили, она успешно выдерживает сравнение с любым христианским государством, если,

---

* Джордже Пизани выпустили из крепости Бреши незадолго до этого. Когда французы вошли в piombi, те были пусты. В pozzi оказалось трое узников, все убийцы. Третья главная тюрьма Венеции, известная в народе как Кватро, содержала 24 разных преступников.

конечно, не считать период ее угасания. Там люди жили более счастливо, были менее запуганы. Венецианцам в самом деле повезло. Они бывали разорены, но не сломлены. Как и все люди, они порой жаловались на свое правительство, не однажды за всю свою историю они восставали против него, но эти редкие попытки мятежа всегда устраивались знатью и никогда — простым народом. Они прилежно трудились, среди них было необычно много ремесленников и художников. Лучше всех других народов они умели создать собственный стиль, они жили в городе, более прекрасном — хотя трудно себе это представить, — чем он выглядит сейчас. Они горячо любили свой город, и на протяжении тысячи лет оставались верны республике, которую сами построили, охраняли ее и берегли. И когда пришел конец, полный безнадежности и унижений, когда головной убор дожа и «Золотая книга» были брошены в пламя, когда вся Европа содрогнулась, услышав поступь Наполеона, — тогда и только тогда иссякла их верность. Но ненадолго. Сегодня, хотя светлейшая Венецианская республика мертва уже двести лет, память о ней наполняет гордостью каждый уголок города, где, нарисованный на холсте и дереве, вырезанный из мрамора и камня и отлитый в бронзе, вечный хранитель Венеции, крылатый лев святого Марка гордо и величественно указывает на слово Божье.

PAX TIBI MARCE EVANGELISTA MEUS

Дожи Венецианской республики
726–1797 гг.

Орсо Ипато	716–737
———	737–741
Теодато Ипато	741–755
Галла Гауло	755–756
Доменико Монегарио	756–764
Маурицио Гальбайо	764–775
Джованни Гальбайо	775–804
Обелерио Антенорео	804–811
Аньелло Партечипацио	811–827
Джустиниан Партечипацио	827–819
Джованни Партечипацио I	829–836
Пьетро Традоника	836–864
Орсо Партечипацио I	864–881
Джованни Партечипацио II	881–887
Пьетро Кандиано I	887
Пьетро Трибуно	888–912
Орсо Партечипацио II	912–932
Пьетро Кандиано II	932–939
Пьетро Партечипацио	939–942
Пьетро Кандиано III	942–959
Пьетро Кандиано IV	959–976
Пьетро Орсеоло I	976–978
Витале Кандиано	978–979
Трибуно Меммо	979–991
Пьетро Орсеоло II	991–1008
Оттон Орсеоло	1008–1026
Пьетро Барболано	1026–1032
Доменико Флабаника	1032–1043
Доменико Контарини	1043–1071
Доменико Сельво	1071–1084
Витале Фальеро	1084–1096
Витале Микеле I	1096–1102
Орделафо Фальеро	1102–1118
Доменико Микеле	1118–1130
Пьетро Полани	1130–1148
Доменико Морозини	1148–1156
Витале Микеле II	1156–1171
Себастьяно Дзиани	1171–1178
Орио Мастропьетро	1178–1192
Энрико Дандоло	1192–1205
Пьетро Дзиани	1205–1229
Джакомо Тьеполо	1229–1249

Марино Морозини	1249–1253
Реньеро Дзено	1253–1268
Лоренцо Тьеполо	1268–1275
Якопо Контарини	1275–1280
Джованни Дандоло	1280–1289
Пьетро Градениго	1289–1311
Марино Дзорци	1311–1312
Джованни Соранцо	1312–1328
Франческо Дандоло	1329–1339
Бартоломео Градениго	1339–1342
Андреа Дандоло	1343–1354
Марино Фальеро	1354–1355
Джованни Градениго	1355–1356
Джованни Дольфино	1356–1361
Лоренцо Челси	1361–1365
Марко Корнаро	1365–1368
Андреа Контарини	1368–1382
Микеле Морозини	1382
Антонио Веньер	1382–1400
Микеле Стено	1400–1413
Томмазо Мочениго	1414–1423
Франческо Фоскари	1423–1457
Паскуале Малипьеро	1457–1462
Кристофоро Моро	1462–1471
Николо Трон	1471–1473
Николо Марчелло	1473–1474
Пьетро Мочениго	1474–1476
Андреа Вендрамин	1476–1478
Джованни Мочениго	1478–1485
Марко Барбариго	1485–1486
Агостино Барбариго	1486–1501
Леонардо Лоредано	1501–1521
Антонио Гримани	1521–1523
Андреа Гритти	1523–1538
Пьетро Ландо	1539–1545
Франческо Дона	1545–1553
Маркантонио Тревизано	1553–1554
Франческо Веньер	1554–1556
Лоренцо Приули	1556–1559
Джироламо Приули	1559–1567
Пьетро Лоредано	1567–1570
Альвизе Мочениго I	1570–1577
Себастиано Веньер	1577–1578
Николо да Понте	1578–1585
Паскуале Чиконья	1585–1595
Марино Гримани	1595–1605
Леонардо Дона	1606–1612
Маркантонио Мемо	1612–1615
Джованни Бембо	1615–1618
Николо Дона	1618
Антонио Приули	1618–1623
Франческо Контарини	1623–1624
Джованни Корнаро I	1625–1629
Николо Контарини	1630–1631
Франческо Эриццо	1631–1646
Франческо Молин	1646–1655
Карло Контарини	1655–1656
Франческо Корнаро	1656
Бертуччо Вальер	1656–1658
Джованни Пезаро	1658–1659
Доменико Контарини	1659–1675
Николо Сагредо	1675–1676
Альвизе Контарини	1676–1684

Маркантонио Джустиниани	1684–1688
Франческо Морозини	1688–1694
Сильвестро Вальер	1694–1700
Альвизе Мочениго II	1700–1709
Джованни Корнаро II	1709–1722
Альвизе Мочениго III	1722–1732
Карло Руццини	1732–1735
Альвизе Пизани	1735–1741
Пьетро Гримани	1741–1752
Франческо Лоредано	1752–1762
Марко Фоскарини	1762–1763
Альвизе Мочениго IV	1763–1778
Паоло Реньер	1779–1789
Лодовико Манин	1789–1797

Библиография

I. Первоисточники

1. Коллективные работы (сборники)

(В скобки заключены аббревиатуры, которыми обозначен приведенный источник и пояснения автора)

Albèri E. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Florence, 1846–1859. (Только XVI век.)

Archivio Storico Italiano. 1st series. Florence, various dates. (A. S. I.)

Barozzi N., Berchet G. Relazioni degli Stati Europei lette al Senato dagli Ambasciatori Veneti nel secolo decimosettimo. 5 series. Venice, various dates.

Calendar of State Papers, Venetian / ed. and trans. by Rawdon Brown. 38 vols. London, 1864–1940. (C. S. P. V.)

Cessi R. Documenti Relativi alla Storia di Venezia anteriori al Mille. Cura di Roberto Cessi. Padua, 1941. (C. D. R. S. V.)

Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, 1818–1897. (C. S. H. B.)

Cronache Veneziane Antichissime / ed. G. Monticolo. Rome, 1890. (C. V. A.)

Documenti del Commercio Veneziano, XI–XIII sec. Rome, 1940. (D. C. V.)

Graevius J. C. Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae, etc. 10 vols. in 45 fol. Leyden, 1704–1715. (G. T. A.)

Migne J. P. Patrologia Latina. 221 vols. Paris, 1844–1855. (M. P. L.)

Moscati R. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Milan, 1943. (Только сообщения из Франции XVIII века.)

Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptures. 15 vols. Milan, 1713–1751. (M. R. I. S.)

Recueil des Historiens des Croisades / Publ. Académie des Inscriptions et des Belles Lettres. Paris, 1841–1906. Historiens Occidentaux. 5 vols. (R. H. C. Occ.)

Segarizzi A. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Bari, 1911. (Сообщения из других итальянских государств с XVI по XVIII век.)

Tentori B. M. Raccolta Cronologico-Regionata di Documenti Inediti della Rivoluzione e Caduta della Repubblica di Venecia. Florence, 1800.

2. Монографии

Altino Chronicle // A. S. I. Vol. 8.

Barbaro N. Giornale dell' Assedio di Costantinopoli / ed. E. Cornet. Vienna, 1856.

Brosses Charles des, President. Lettres sur l'Italie. 2. vols. Paris, 1885.

Chinazzo D. Belli inter Venetos et Genuenses, 1378 // M. R. I. S. Vol. 15.

Commines (Commynes) Philippe de. Memoires / ed. B. de Mandrot. Paris, 1901–1903.

Coryate T. Coryate's Crudities, 1611. 3 vols. London, 1776.

Cristoforo da Soldo. Cronaca // M.R.I.S. XXI. iii.

Cronica de singulis patriarchis Nove Aquileie // C. V. A.

Dandolo Andrea. Chronicon Venetum // M.R.I.S. Vol. 12 / ed. E. Pastorello. Bologna, 1938–1941. (Перенадание.)

Fabri F. The Book of the Wanderings of Brother Felix Fabri / ed. A. Stewart. London, 1892–1893.

Giustinian A., Venetian Ambassador in Rome. 1501–1505. Dispacci / ed. P. Villari. Florence, 1876.

Giustiniani Bernardo. De Marci vita, ejus translatione et sepulturae loco / G. T. A. Vol. 5, i.

Giustiniani Bernardo. Historia dell' origine di Venetia // G. T. A. Vol. 5, i.

Grado Chronicle // C. V. A.

Guicciardini F. Storia d'Italia / tr. and ed. S. Alexander. New York, 1969.

Innocent III, Pope. Letters // M. P. L. Vol. 115.

John the Deacon. Cronaca Venexiana // C. V. A.: M. P. L. Vol. 139.

Lorenzo de Monacis. Chron. de rebus Venetis / ed. F. Cornelius. Venice, 1758. (А также см.: M.R.I.S., Vol. 8.) *Malipiero D.* Annali Veneti, 1457–1500 / ed. T. Gar and A. Sagredo // A. S. I. VII. 1843.

Manin L. Memorie del Dogado di Lodovico Manin. Venice, 1886.

Martin da Canale. Chron. des Veniciens / ed. F. L. Polidori // A. S. I. Vol. 8.

Moryson F. An Itinerary. Glasgow, 1907.

Nicetas Choniates. Historia // C. S. H. B. / french trans. by L. Cousin // Histoire de Constantinople. Vol. 5. Paris, 1685.

Peter Damian, St. Opuscula // M. P. L. Vol. 145.

Peter Damian, St. Vita Sancti Romualdi // M. P. L., Vol. 144.

Petrarch Francesco. Epistolae de rebus familiaribus et variae / ed. G. Fracassetti. Florence, 1859–1863. (Italian trans. by G. Fracassetti, 5 vols. Florence, 1863–1867).

Pirrantzes G. Chronicon / ed. E. Bekker // C. S. H. B. 1838.

Pius II, Pope. Memoirs of a Renaissance Pope. London, 1958.

Polo Marco. The Travels of Marco Polo / tr. R. Latham. Harmondsworth, 1958.

Priuli G. Diarii / ed. R. Cessi // Rerum Italicarum Scriptores. XXIV. Part III. Bologna, 1933–1937.

Robert of Clary. La Conquête de Constantinople / ed. Lauer. Paris, 1914.

Sansovino F. Delle Cose Notabili della Città di Venezia. Venice, 1596.

Sansovino F. Venetia, città nobilissima et singolare descritta in XIII libri. Venice, 1658.

Sanudo M. Diarii. 58 vols. Venice, 1879–1903. (Дневники с января 1496 до марта 1533 года.)

Sanudo M. Itinerario per la Terrafirma mil' Anno 148 / ed. R. Brown. Padua, 1847.

Sanudo M. La Spedizione di Carlo VIII in Italia / ed. R. Fulin. Venice, 1873.

Sanudo M. Le Vite dei Dogi di Venezia // M. R. I. S. VIII.

Sanudo (or Sanudo), Marino, the elder. Liber secretorum fidelium cruets super Terrae Sanctae recuptrationt // Bongars. Gesta Dei per Francos. Vol. II. Hanover, 1611.

Sarpi P. Advice Given to the Government of Venice / tr. Dr. Aglionby. London, 1693.

Stella Georgius. Annales Genuenses, 1298–1409 // M. R. I. S. Vol. 17.

Tafur P. Travels and Adventures, 1435–1439 / tr. M. Letts. London, 1916.

Trevisan Nicolò. Chronicle. In Biblioteca Marciana, Cl. xi, Ital. Codex xxxii.

Villehardouin Geoffrey of. La Conquete de Constantinople / ed. E. Faral. Paris, 1938–1939.

William of Tyre. Belli sacri historia; Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // R. H. C. Occ, Vol. I. *William of Tyre.* A History of Deeds Done Beyond the Sea / tr. with notes by E. A. Babcock and A. C. Krey. New York, 1943.

II. Труды историков нашего времени

Alzard J. La Venise de la Renaissance. Paris, 1956.

Arslan E. Gothic Architecture in Venice / tr. A. Engel. London, 1971.

Baschet A. Histoire de la Chancellerie Secrete. Paris, 1870.

Baschet A. Les Archives de Venise. Venice, 1857.

Baschet A. Les Princes de l'Europe au XVI Siècle, d'après les Rapports des Ambassadeurs Vénitiens. Paris, 1861.

Battistella A. Il Conte Carmagnola. Genoa, 1889.

Battistella A. La Repubblica di Venezia nei suoi Undici Secoli di Storia. Venice, 1921.

Berengo M. La Società Veneta alla Fine del Settecento. Florence, 1956.

Berlan F. I Due Foscari. Turin, 1851.

Blanc A. Il dominio veneziano a Creta nel Trecento. Naples, 1968.

Bragadin M. A. Repubbliche Italiane sul Mare. Milan, 1951.

Braudel F. La Méditerranée et le Monde Méditerranéen à l'Epoque de Philippe II. Paris, 1949. *Brunetta E.* Enrico Dandolo. Milan, 1919.

Brown Horatio. Studies in the History of Venice. London, 1907.

Brown Horatio. The Venetians and the Venetian Quarter in Constantinople to the Close of the Twelfth Century. London, 1893.

Brown Horatio. Venice: An Historical Sketch of the Republic. London, 1893.

Brown Rawdon. L'Archivio di Venezia con riguarde speciale alla storia inglese. Venice and Turin, 1865.

Cambridge Medieval History. Esp. Vol. V. Venetian chapters by R. Cessi. (Приводится прекрасно составленная и содержательная библиография.)

Cambridge Modern History. Vols. I, II.

Carile A. La Cronachistica Veneziana (Secoli XIII–XVI) di Fronte all' Apartizione dei Romani nel 1204. Florence, 1969.

Cecchetti B. La Repubblica di Venecia e la Corte di Roma net Rapporti delta Religione. Venice, 1874.

Cecchetti B. La Vita dei veneziani fino al 1200. Venice, 1870.

Cessi Roberto. Le Colonie medioevali italiani in Oriente. Part I. La Conquista. Bologna, 1941.

Cessi Roberto. Storia delta Repubblica di Venezia. 2-nd edn., 2 vols. Milan, 1968.

Cessi Roberto. Venecia Ducale. Padua, 1917.

Chambers D. S. The Imperial Age of Venice. 1380–1580. London, 1970.

Cozzi G. Il Doge Nicolò Contarini. Venice and Rome, 1958.

Crawford F. M. Gleanings in Venetian History. London, 1905.

Creighton M. History of the Papacy. 5 vols. London, 1881–1894.

Crisis and Change in the Venetian Economy in the XVI and XVII Centuries / ed. Pullan B. London, 1968.

Daru P. Histoire de la République de Venise. Paris, 1811.

Davis J. C. The Decline of the Venetian Nobility as a Ruling Class. Baltimore, 1961.

Demus Otto. The Church of S. Marco in Venice: History, Architecture, Sculpture. Dumbarton Oaks Studies, 6. Washington, D. C., 1960.

Diehl Charles. Venise: une République Patricienne. Paris, 1915.

Filiasi G. Memorie storiche dei Venetl. Venice, 1796.

Filiasi G. Ricerche Storico-critiche sull' Opportunità della Laguna Veneta, nel Commercio, sull' Arti e sulla Marina. Venice, 1803.

Fondazione Giorgio Cini, Storia delta Civilta Veneziana. Florence, 1955–1966.

Fuller J. F. C. The Decisive Battles of the Western World and Their Influence upon History. London, 1954.

Gachard M. Relations des Ambassadeurs Vinetiens sur Charles-Quint et Philippe II. Brussels, 1855.

Galliccioli G. B. Delle Memorie Venete antiche profane ed ecclesiastiche... libri tre. 7 vols. Venice, 1795.

Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West. Oxford, 1966.

Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Cambridge, 1961.

Gfrörer A. F. Byzantinische Geschichten / ed. J. B. Weiss. Graz, 1871–1877.

Hazlitt W. C. History of the Origin and Rise of the Venetian Republic. x vols. London, 1900.

Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879.

Hill, Sir G. History of Cyprus. Cambridge, 1948.

Hodgkin Thomas. Italy and Her Invaders. Oxford, 1880.

Hodgson F. C. The Early History of Venice. London, 1901.

Hodgson F. C. Venice in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. London, 1914.

Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die Neuere Zeit. Leipzig, 1867–1868.

Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Gotha, 1905–1910; Stuttgart, 1934.

Lamansky V. Secrets d'Etat de Venise. St Petersburg, 1884.

Lane F. C. Recent Studies on the Economic History of Venice // Journal of Economic History. XXIII. 1963.

Lane F. C. Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore, 1934.

Lane F. C. Venice and History. Baltimore, 1966.

Lane F. C. Venice, a Maritime Republic. Baltimore, 1973.

Lauritzen P. L. The Palaces of Venice. London, 1978.

Lauritzen P. L. Venice. London, 1978.

Longworth P. The Rise and Fall of Venice. London, 1974.

Lopez R. S., Raymond I. W. Medieval Trade in the Mediterranean World. New York and London, 1955.

Luzzato G. Storia Economica di Venecia dall' XI al XVI Secolo. Venice, 1961.

Macchi M. Storia del Consiglio dei Died. Turin, 1848.

Malagola C. Le Lido de Venise à travers l'Histoire. Venice, 1909.

Malamani V. Il Settecento a Venezia. I vols. Turin and Rome, 1891.

Marantni G. La Costituzione di Venezia. i vols. (Venice, 1917–1931).

Marin C. A. Storia Civile e Politica del Commercio de' Veneziani. 8 vols. Venice, 1798–1808.

Marzemin G. Le Origini romane di Venezia. Venice, 1938.

McClellan G. B. Venice and Bonaparte. Princeton, 1931.

McNeill W. H. Venice, the Hinge of Europe, 1081–1797. Chicago, 1974.

Miller W. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1911.

Miller W. The Latins in the Levant. London, 1908.

Molmenti P. G. I Banditi della Repubblica Veneta. Florence, 1898.
Molmenti P. La Storia di Venezia nella Vita Privata. Bergamo, 1913.
Morris J. The Venetian Empire. London, 1980.
Muir D. A History of Milan under the Visconti. London, 1914.
Musatti E. Storia di Venecia. Milan, 1936.
Mutinelli F. Annali Urbani di Venecia. 810–1797. Venice, 1841.
Newett Margaret. The Sumptuary Laws of Venice in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Historical Essays by Members of Owens College Manchester / ed. T. H. Tout and J. Tait. London, 1902.
Nystazapoulou-Pelekidis Marie. Venise et la Mer Noire du XI au XV Siecles // Thesaurismata: bolletino dell' Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-Bizantini. 1970.
Okey Thomas. Venice and its Story. London, 1930.
Oliphant Mrs. The Makers of Venice. London, 1893.
Perocco G., Salvadori A. Civiltadi Venecia. Venice, 1973–1976.
Pirri P. L'Interdito di Venecia del 1606 e i Gesuiti. Rome, 1959.
Pullan B. A History of Early Renaissance Italy. London, 1973.
Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice. London, 1971.
Quadri A. Abrégé de l'Histoire de la République de Venise. Venice, 1847.
Ragg L. M. Crises in Venetian History. London, 1918.
Renaissance Venice / ed. Hale J. R. London, 1973.
Romanin S. Gli Inquisitori di Stato. Venice, 1858.
Romanin S. Storia Documentata di Venecia. Venice, 1912.
Roth C. History of the Jews in Venice. Philadelphia, 1930.
Roredan M. The Fall of Venice. London, 1970.
Rubin de Cervin G. B. Bateaux et Batellerie de Venise. Paris, 1978.
Runciman S. A History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954.
Runciman S. The Fall of Constantinople. Cambridge, 1965.
Ruskin J. St Mark's Rest. London, 1877.
Ruskin J. The Stones of Venice. London, 1851–1853.
Sella D. Commerci e Industrie a Venecia nel Secolo XVII. Venice, Rome, 1961.
Seneca F. Il Doge Leonardo Donà. Padua, 1959.
Simonsfeld H. Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. Munich, 1876.
Sismondi J. C. L. History of the Italian Republics in the Middle Ages. London, 1906.
Sottas J. Les Messageries maritimes de Venise aux XIV et XV siecles. Paris, 1938.

Tamaro A. La Vénétie Julienne et la Dalmatie. Rome, 1918–1919.

Tassini G. Curiosità Veneziane. Venice, 1970.

Tenenti A. Piracy and the Decline of Venice, 1580–1615 / tr. J. and B. Pullan. London, 1967.

Thaylor W. R. A Short History of Venice. New York, 1505.

Thiriet F. Histoire de Venise. Paris, 1951.

Thiriet F. La Romanie Vénitienne au Moyen Âge. Le Développement et l'Exploitation du Domaine Colonial Vénitien' (XII–XV siècles) // Écoles françaises d'Athènes et de Rome, 193. Paris, 1959.

Thiriet F. Régestes des déliberations du Senat de Venise concernant la Roumanie, 1329–1463. Paris, 1959–1961.

Tiepolo C. D. Discorsi sulla Storia Veneta. Udine, 1828.

Wiel A. Venice. London, 1894.

Yriarte C. La Vie d'un Patricien de Venise au Seizième Siècle. Paris, 1874.

III. Путеводители и другие книги о достопримечательностях Венеции

Grundy M. Venice, an Anthology Guide. London, 1976. (Выдержки из произведений писателей прошлого. Сборник отлично составлен).

Honour H. The Companion Guide to Venice. London, 1965. (Чрезвычайно полезный общий обзор памятников Венеции для информированных путешественников.)

Links J. G. Venice for Pleasure. London, 1966. (Четыре длительных прогулки по городу, описанные знатоком, который знает и любит каждый камень на этом пути. Помимо прочего книга ценна еще и тем, что содержит великолепный библиографический список, гораздо более полный чем это принято в путеводителях по Венеции.)

Lorenzetti G. Venice and its Lagoon. Rome, 1961. (На английский книгу перевел Джон Гутри. В ней содержатся поистине энциклопедические сведения. И знаток Венеции, и обычный турист откроют с ее помощью немало поразительного и будут счастливы иметь подобного компаньона в своем путешествии.)

McCarthy M. Venice Observed. London, 1956. (Блестяще написанная книга, которую приятно почитать за чашечкой кофе. Тонкая и содержательная, но она отнюдь не является путеводителем.)

Morris J. Venice. London, 1960. (Это одно из лучших полновесных эссе, когда-либо написанных о Венеции. И это не столько пу-

теводитель, сколько великолепный и выразительный портрет города.)

Pignatti T. Venice / tr. J. Landry. London, 1971. (Прекрасно изданный и проиллюстрированный путеводитель одного из лучших знатоков истории Венеции.)

Shaw-Kennedy R. Art and Architecture in Venice. The Venice in Peril Guide. London, 1972. (Книга особенно полезна тем, кто интересуется архитектурой Венеции, в ней также есть перечень с указанием места хранения работ венецианских художников, скульпторов и архитекторов.)

Venice // Blue Guide. London, Chicago, New York, San Francisco, 1980. (Наиболее содержательный английский путеводитель, с тщательно подобранной и выверенной информацией, выпущенный в лучших традициях этого издания.)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7
Вступление 16

Часть первая
ОТ ВАРВАРСКИХ ВТОРЖЕНИЙ ДО ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Глава 1. Начало (до 727 года) 23
Глава 2. Возникновение (727–811) 38
Глава 3. Рост города (811–900) 51
Глава 4. Авантюрист и святой (900–991) 67
Глава 5. Непреклонная династия (991–1032) 79
Глава 6. Норманнская угроза (1032–1095) 99
Глава 7. По следам крестового похода (1095–1130) 112
Глава 8. Между двумя империями (1130–1172) 132
Глава 9. Примирение (1172–1187) 152
Глава 10. Постыдная слава (1187–1205) 169

Часть вторая
ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Глава 11. Латинская империя (1205–1268) 199
Глава 12. Расплата за гордыню (1268–1299) 221
Глава 13. Триумф олигархии (1297–1310) 243
Глава 14. Заговор и создание Совета десяти (1310) 255

Глава 15. Владения на материке (1311–1342) 268
Глава 16. Андреа Дандоло и Марино Фальеро (1342–1355) 285
Глава 17. Колонии, потерянные и сохраненные (1355–1376) 304
Глава 18. Война с Генуей (1372–1381) 320
Глава 19. Образование империи (1381–1405) 337

Часть третья
ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Глава 20. Империя растет (1405–1413) 363
Глава 21. Дож-пророк (1413–1423) 380
Глава 22. Карманьола (1423–1432) 390
Глава 23. Переворот (1432–1455) 406
Глава 24. Падение Константинополя (1453) 422
Глава 25. Двое Фоскари (1453–1457) 434
Глава 26. Османская угроза (1457–1481) 444
Глава 27. Феррарская война и королева Кипра (1481–1488) ... 467
Глава 28. Франция наступает (1489–1500) 480
Глава 29. Двойное несчастье (1499–1503) 498
Глава 30. Камбрейская лига (1503–1509) 507
Глава 31. Капитуляция и отпущение грехов (1509–1510) 523
Глава 32. Непостоянные союзы (1510–1513) 537
Глава 33. Новая Венеция (1513–1516) 555
Глава 34. Триумф императора (1516–1530) 565

Часть четвертая
ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ

Глава 35. Мир (1530–1564) 585
Глава 36. Потеря Кипра (1564–1570) 607
Глава 37. Лепанто (1570–1571) 631
Глава 38. Сумерки века (1571–1595) 642

Глава 39. Последнее отлучение (1595–1607) 667
Глава 40. Измена и заговор (1607–1622) 685
Глава 41. Дасно против Совета десяти (1623–1631) 702
Глава 42. Война за Крит (1631–1670) 718
Глава 43. Морозини и Морея (1670–1700) 744
Глава 44. Пожаревац и мир (1700–1718) 764
Глава 45. Восемнадцатый век (1718–1789) 776
Глава 46. Сумерки (1789–1797) 806
Эпилог 840

Дожи Венецианской республики 849
Библиография 852

1. Одна из самых ранних сохранившихся карт Венеции. Из рукописи XII в., находящейся в библиотеке Марчиана



2. Лев святого Марка с колонны на Пьяццетте. Происхождение его, предположительно, персидское (IV в. н. э.) или китайское, а крылья появились позже





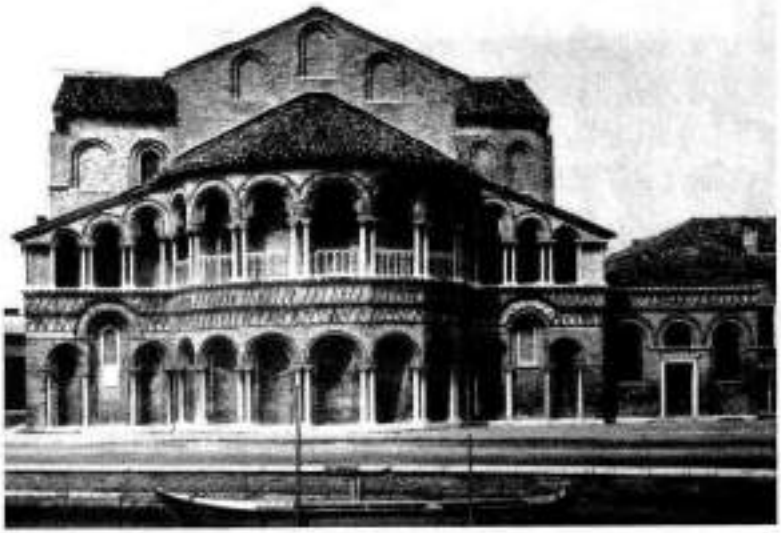
3. Апсида собора Санта Мария Асунта, Торчелло. Мозаичные изображения апостолов датируются 1100 г., изображение Девы — столетием позже



4. Торчелло. Панель византийской скрижали, начало XI в.

5. Фрагмент бронзовых врат базилики Сан Марко





6. Церковь Санти Марии э Донато. Мурано, конец XI в.

7. Монастырь Санта Апполония, XII–XIII в.
Единственный в Венеции монастырь в романском стиле

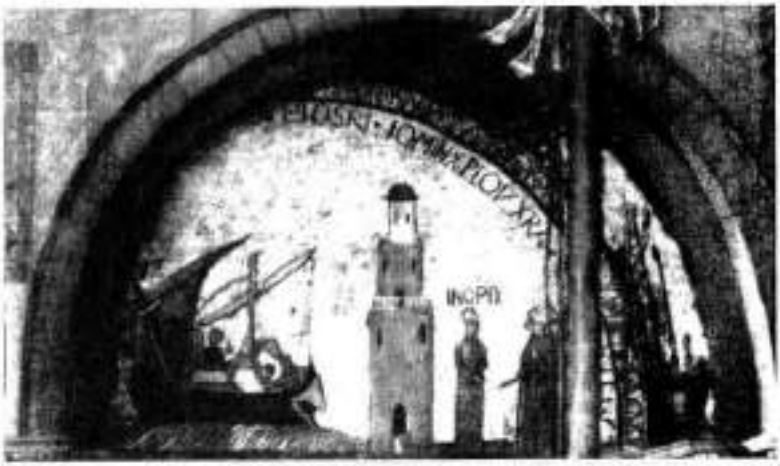




8. Мраморный медальон с изображением византийского императора, X в. (?) на площади Ангаран



9. Арка в доме Марко Поло



10. Венецианский корабль времен Марко Поло на внутреннем правом люнете фасада собора Сан Марко. Оригинальное изображение заменили в XVII в., теперь о нем известно только благодаря картине Джентиле Беллини «Процессия на площади Сан-Марко», хранящейся в Академии

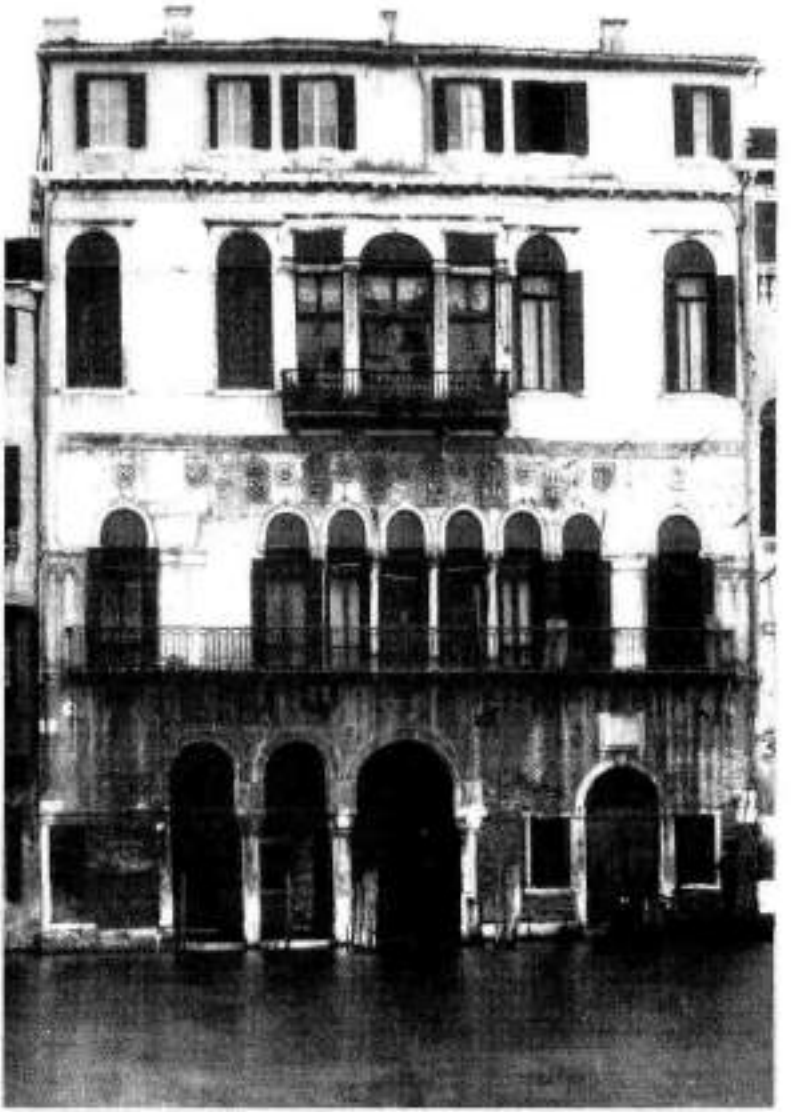
11. Левантийский купец XIII в. Скульптура на площади деи Мори







12. Первый золотой дукат 1284 года с именем Джованни Дандоло. Дож изображен, стоящим на коленях перед святым Марком



13. Ка' да Моста. XII–XIII в. Два верхних этажа достроены позже. В XVI–XVIII вв. это была одна из известнейших в Венеции гостиниц — «Белый лев»



14. Венеция провожает старших Поло.
Иллюстрация из манускрипта 1400 г.

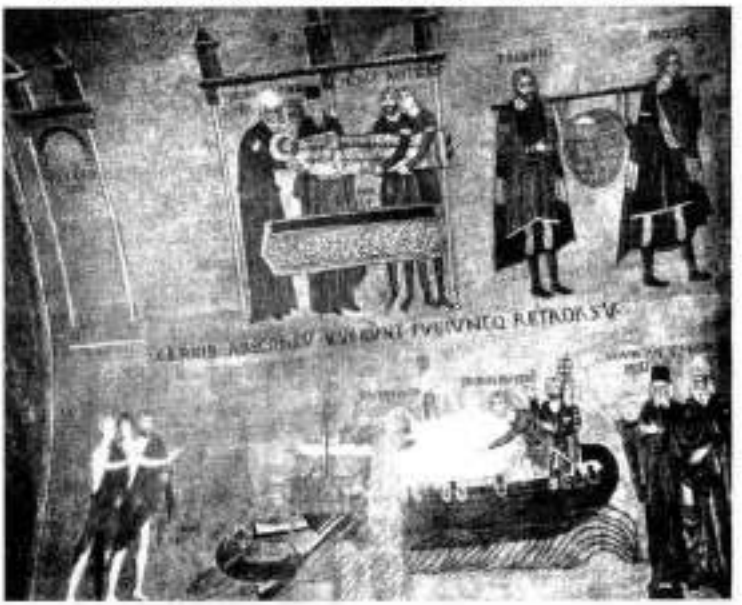


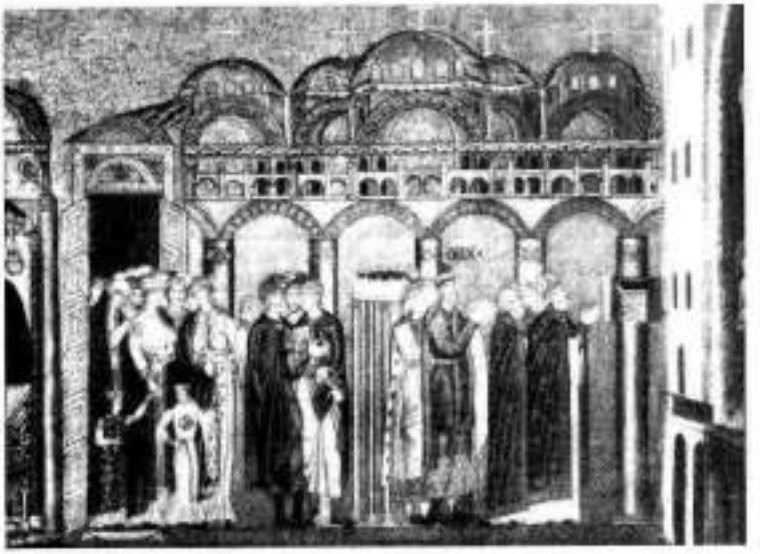
15. Базилика Сан Марко, за ней Дворец дожей, вдали — купола Сан Джорджо Маджоре



16. Мощи святого Марка вносят в базилику. Эта мозаика XIII в. — старейшее из известных изображений базилики. Видно, что бронзовые кони уже установлены

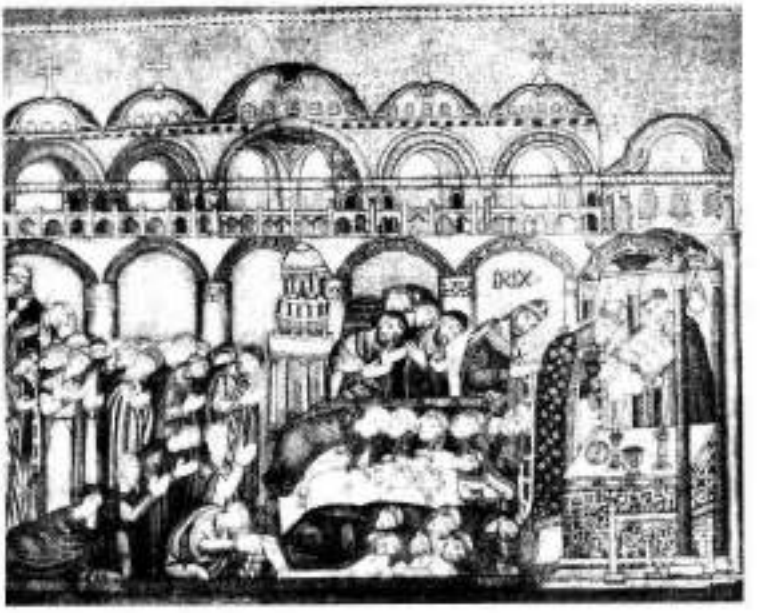
17. Похищение мощей святого Марка. Мозаика в базилике, XIII в.





18. Дож, патриарх, духовенство и народ молятся об обретении мощей евангелиста Марка. Южный трансепт базилики

19. В ответ на их молитвы явлено знамение. Мозаика конца XIII в.



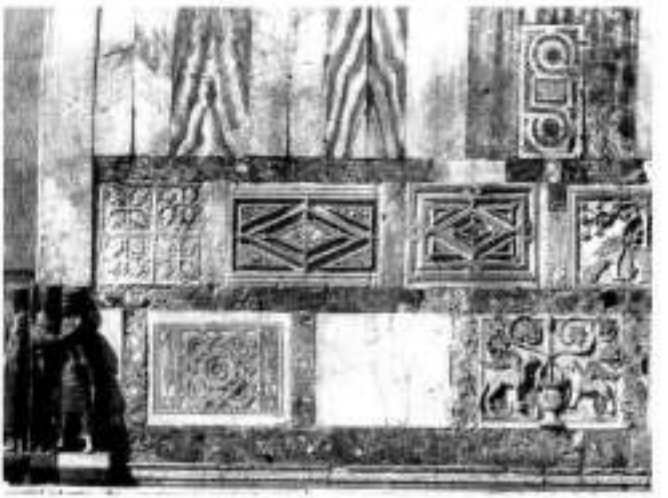


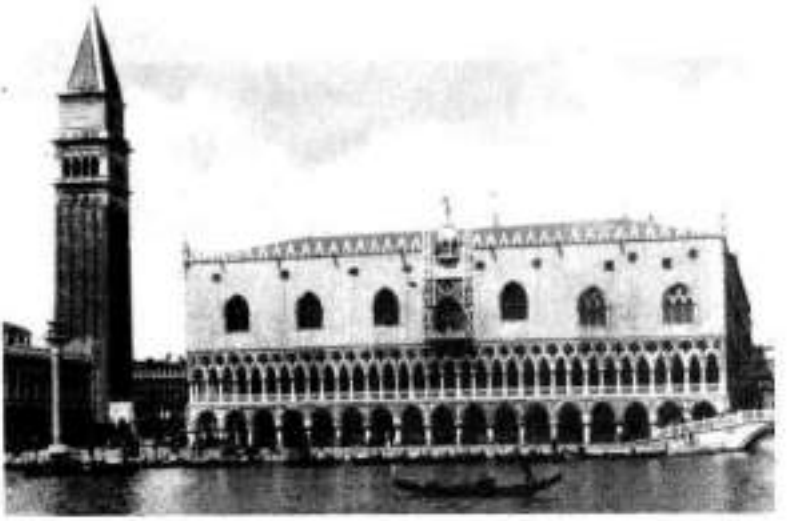
20. Резьба XIII в. на портале базилики

21. Баптистерий базилики. На мозаике XIV в. изображена Саломея в венецианском костюме того времени



22. Южная стена базилики. «Фасад базилики Святого Марка превратился, скорее, в сплошную усыпальницу, где каждая плита стремится перещеголять красотой остальные, нежели производит впечатление целостного архитектурного произведения или вызывает религиозные чувства». (Дж. Рескин)





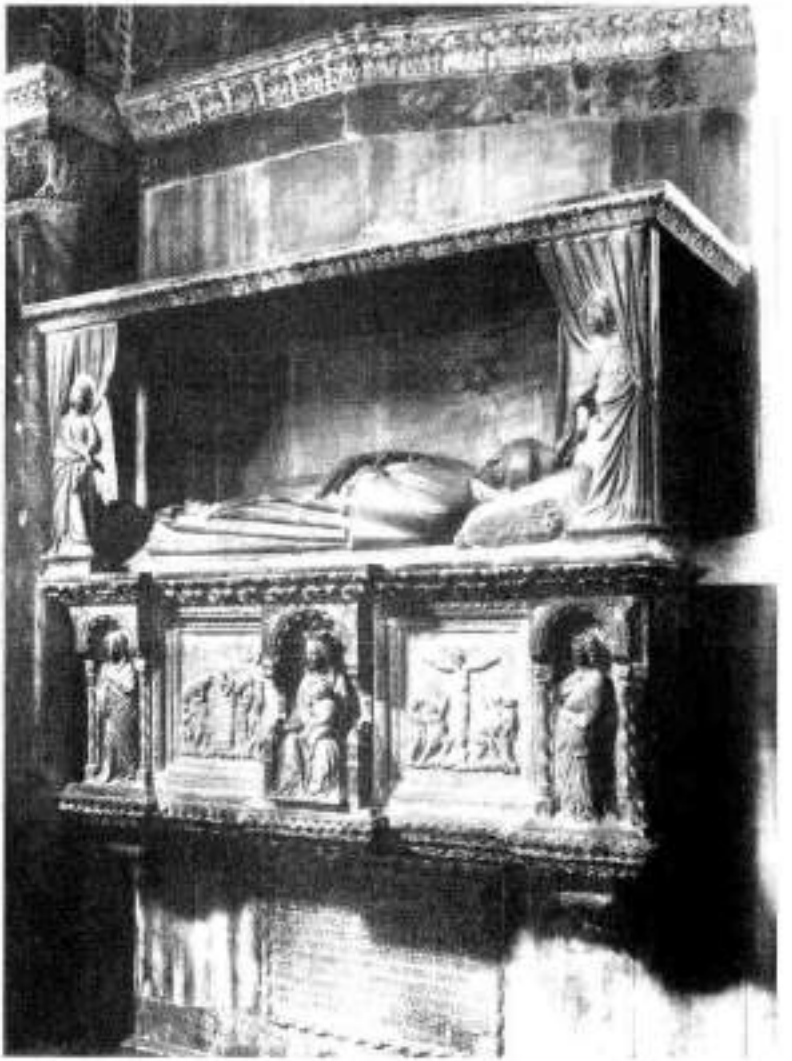
23. Южный фасад Дворца дожей, XIV в.

25. Дож Антонио Веньер (1382–1400).
Якобелло далле Маселье, Музей Коррер



24. Витторе Пизани — часть монумента в соборе Санти Джованни э Паоло





26. Гробница дожа Андреа Дандоло в баптистерии базилики Сан Марко. «Лучший из сохранившихся образцов монументальной скульптуры Венеции» (Дж. Рескин)



27. Гробница дожа Микеле Морозини в соборе Санти Джованни э Паоло



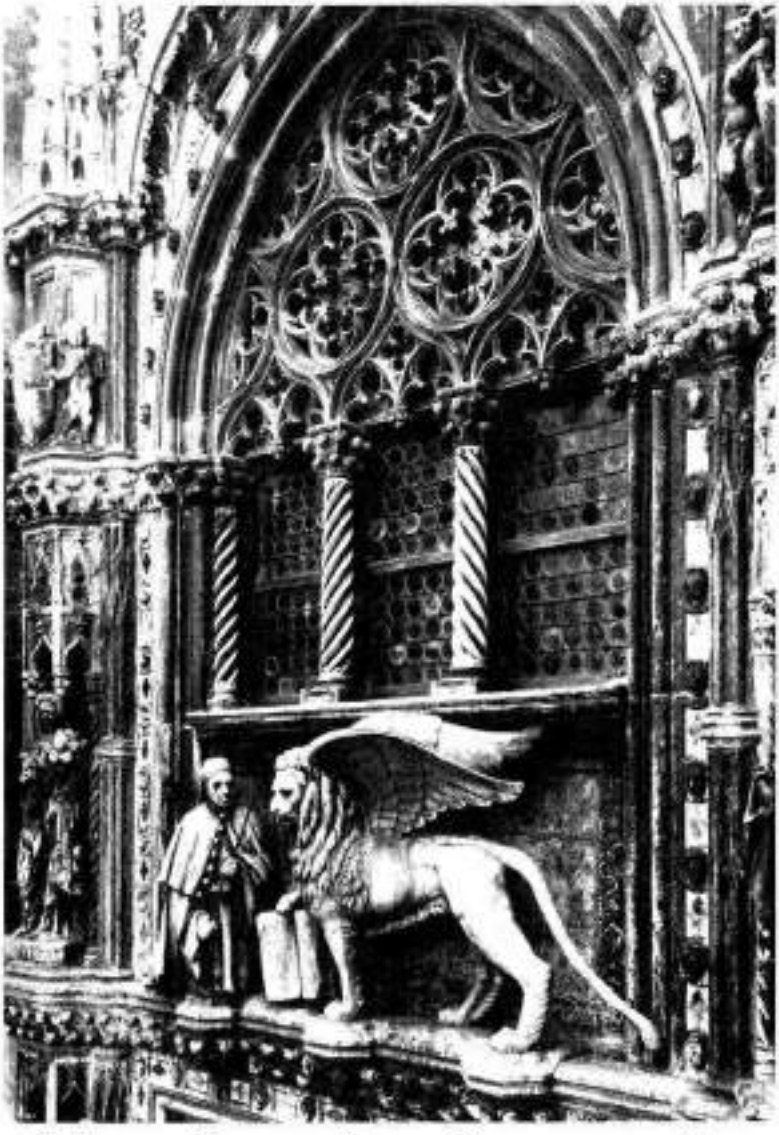
28. Четвертый крестовый поход. С рукописи Жоффруа де Виллардуэна



29. Дож Андреа Контарини (1368–1382). Из хроники Карезини



30. Дож Андреа Дандоло (1343–1354). Из хроники Карезини



31. Порта делла Карта — дож Франческо Фоскари и лев святого Марка



32. Коллеони.
А. Верроккьо



33. Гаттамелата.
Донателло

34. Франческо Сфорца.
Джан Кристофоро Романо



35. Мехмет II.
Джентиле Беллини





36. Пий II прибывает в Анкону для участия в крестовом походе. Пинтуриккьо



37. Риальто в 1500 г.
Карпаччо





38. Дож Леонардо Лоредано.
Джованни Беллини



39. Екатерина Корнаро
и ее дамы.
Джентиле Беллини



40. Битва при Лепанто. Неизвестный художник

41. Король Франции Генрих III прибывает в Венецию, 1574 г.





42. Дож Альвизе Моченого I.
Тинторетто



43. Сулейман Великолепный

44. Папа Юлий II.
Рафаэль



45. Папа Лев X.
Рафаэль





46. Сър Хенри Уотън





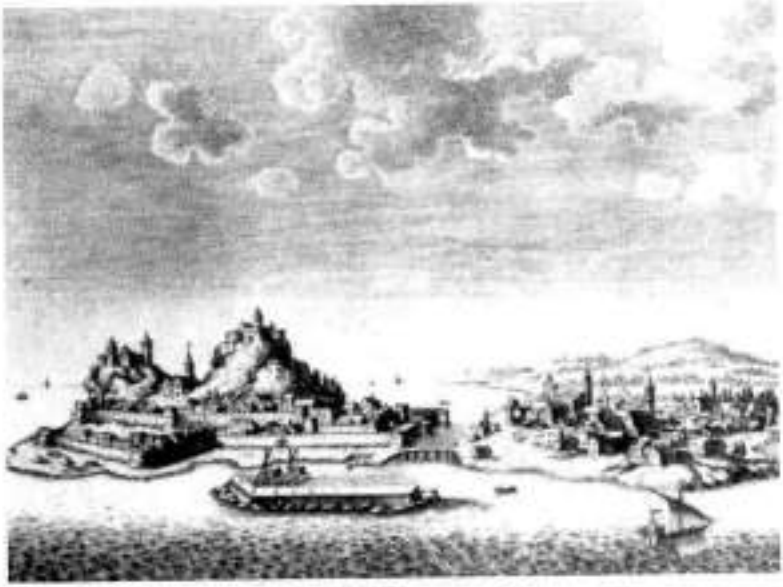
47. Паоло Сарпи



48. Внутренний двор Дворца дожей в XVII в.

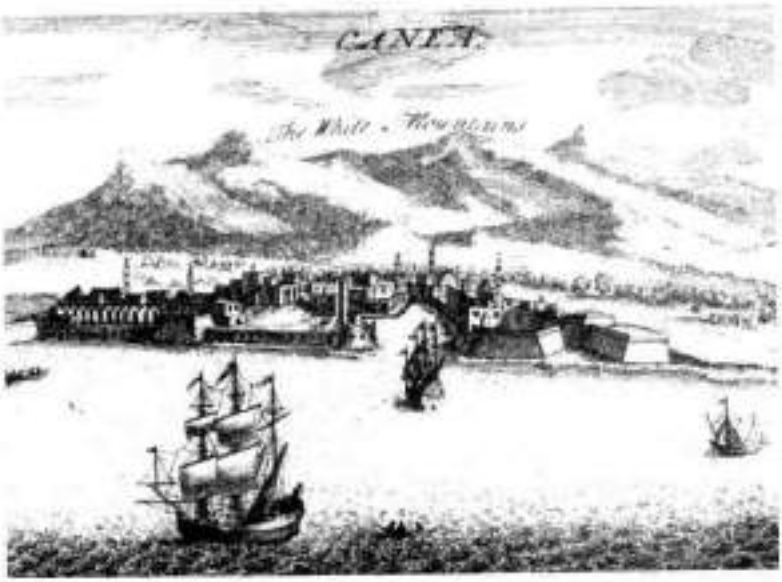
49. Арсенал в XVII в.

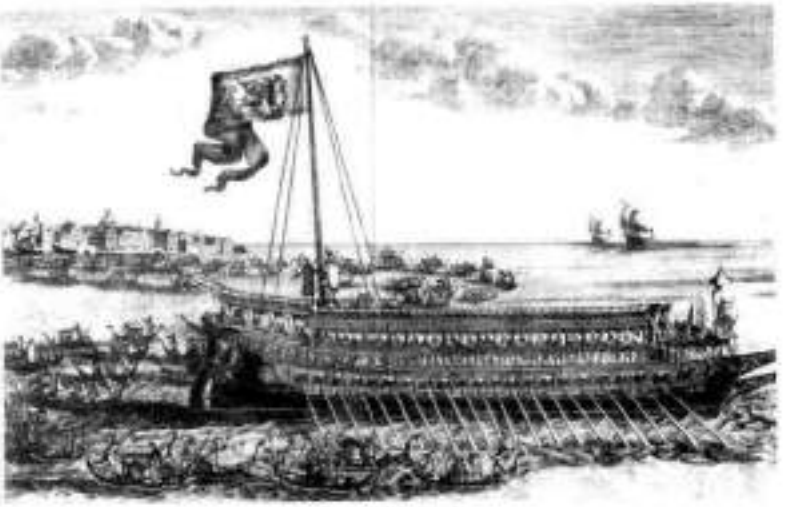




50. Корфу

51. Канея





52. «Бучинторо»

53. Морское сражение с турками, 1661 г.





54. Ридотто.
Пьетро Лонги



55. Зал коллегии во Дворце дожей. Маломбр

56. Пьяцетта. Каналетто





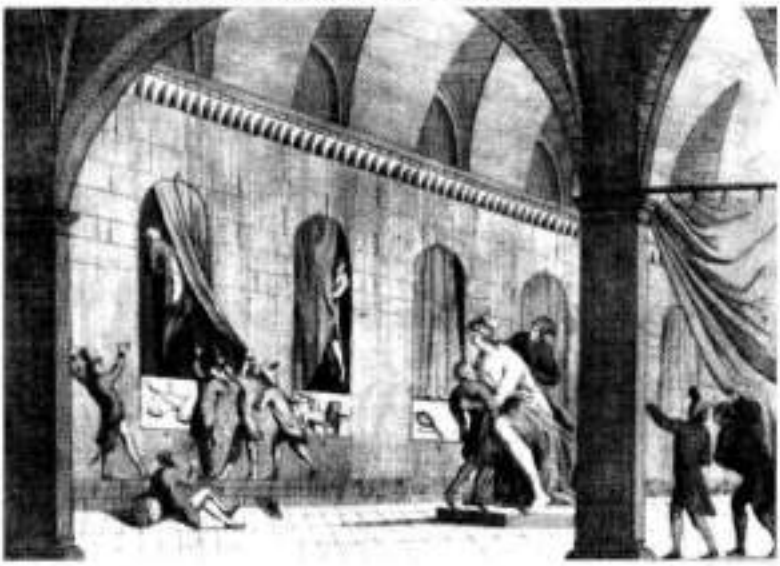
57. Гавань Сан-Марко. Канале́тто

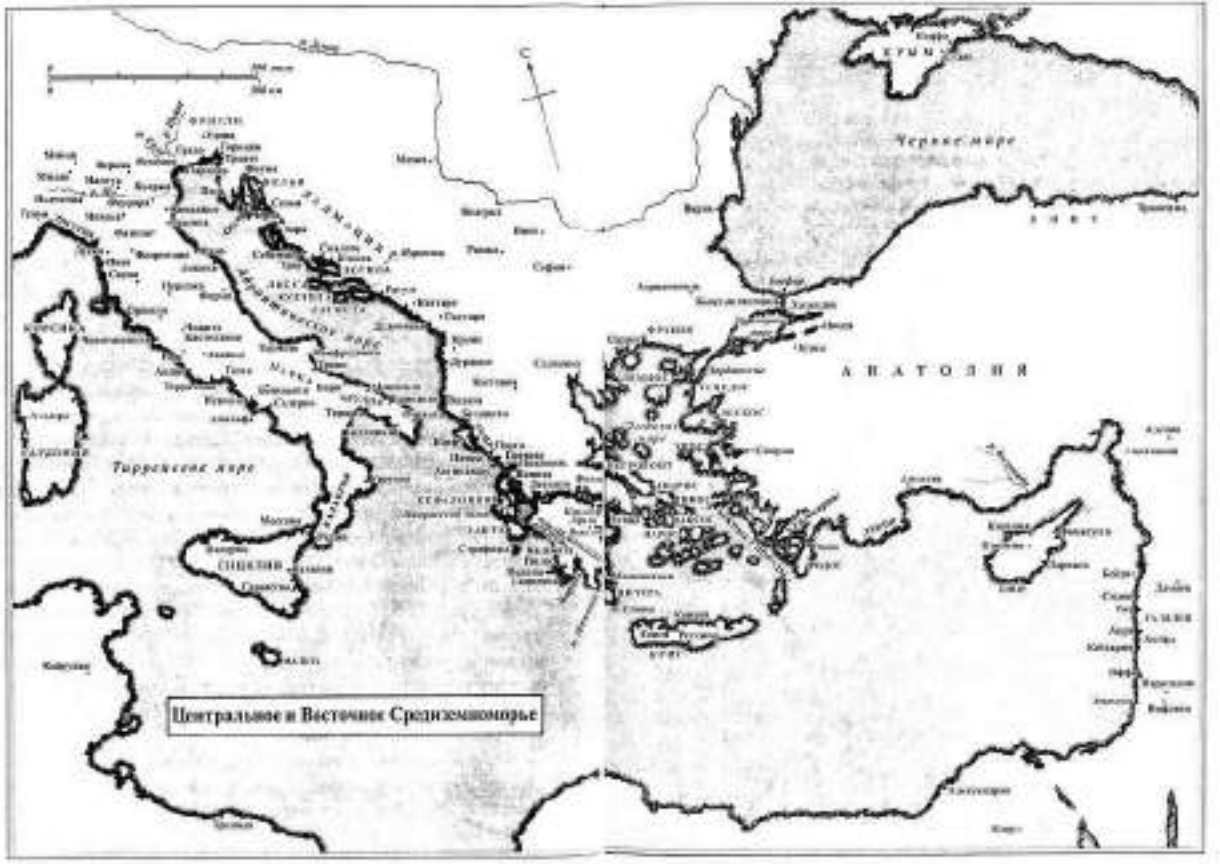




58. Французы увозят коней с базилики Сан Марко, 1797 г.

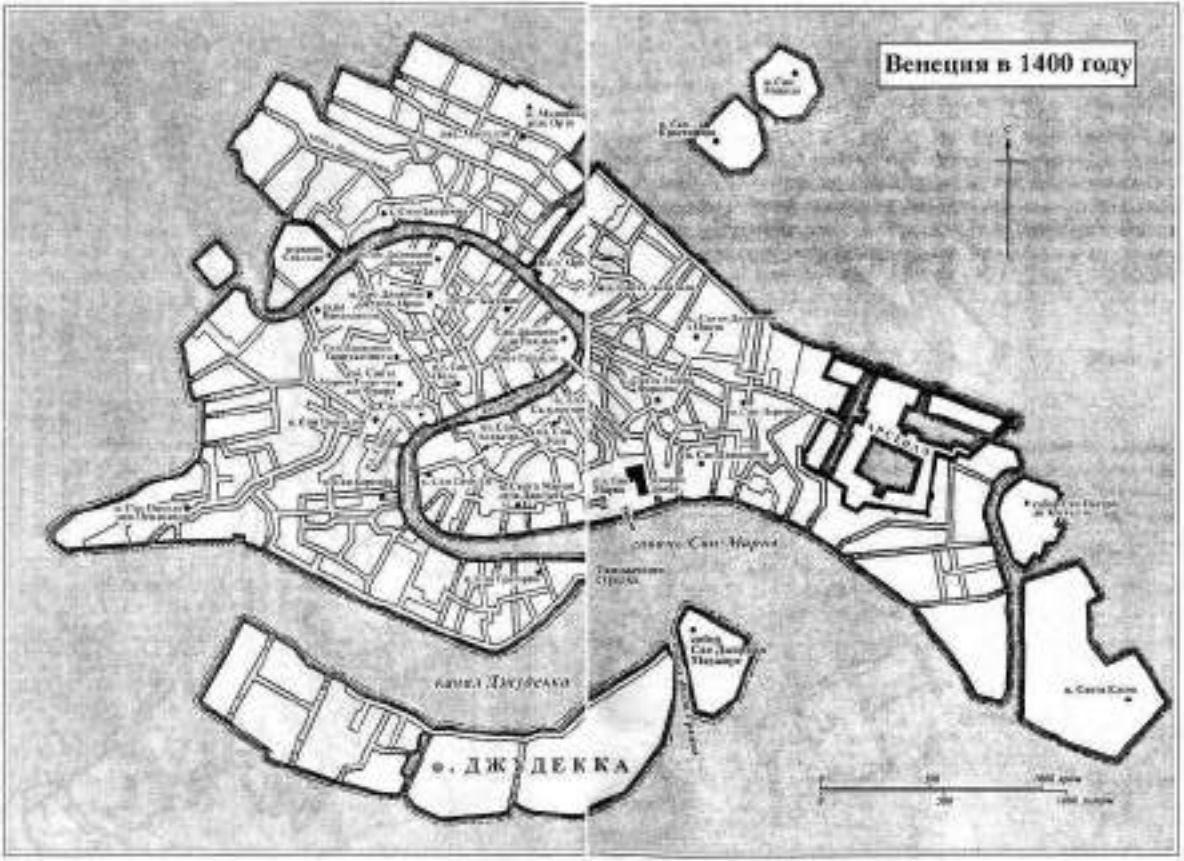
59. Камера пыток в Венеции, как ее представляли французы

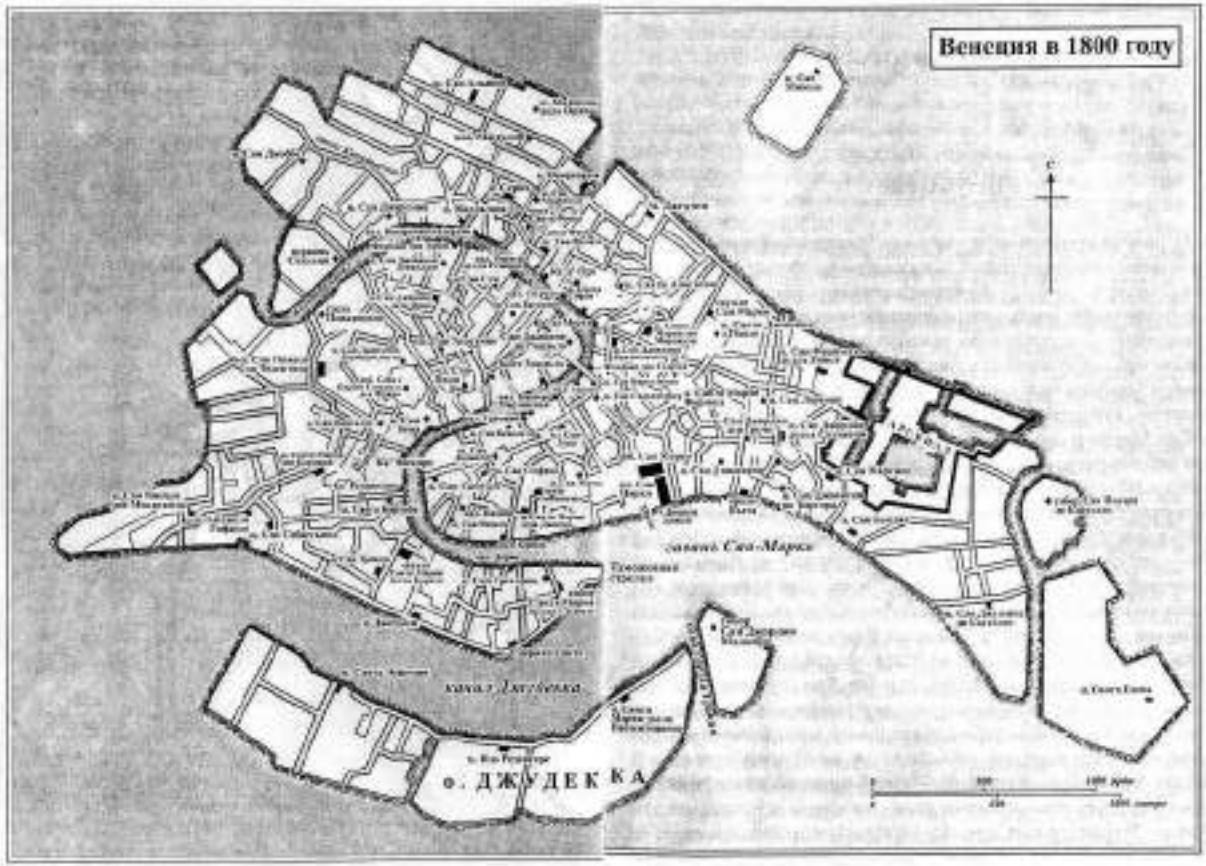



Черное море
АНАТОЛИЯ
Тирренское море
Центральное и Восточное Средиземноморье


Северная Италия
Адриатическое
море
КАДОРЕ
ФРИУЛЬ
Турин
Милан
Верона
Венеция
Болонья
Парма
Модена
Флоренция
Пиза
Рим
Урбино
Равенна
Римини
Анкона
Перуджа
Сиена
Ливорно
Генуя
Сан-Даниэле
Удине
Горица
Триест
Фельтре
Беллуно
Тренто
Тревизо
Падуя
Виченца
Феррара
Мантуя
Кремона
Пьяченца
Асти
Кунео
Сальуццо
Ломбардия


0 5 10 миль
0 5 10 км
С
р. Брента
Маргера
Местре
Фузина
Сан-Микеле
о-ва
Риальто
Мурано
Торчелло
Бурано
Сан-Лазаро-дельи-Армени
Маламокко
Альберони
Сан-Николо
ЛИДО
р. Силе
р. Пьяве
Эраклея
Езоло
Кьоджа
Пеллестрина
Адриатическое море
р. Брента
Оттонарина
Венецианская лагуна


Венеция в 1400 году
Канал Джудекка
о. ДЖУДЕККА


Венеция в 1800 году
С
о. ДЖУДЕККА